

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ
ДЛЯ ОПИСАНІЯ
МѢСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕНЪ КАВКАЗА.

Изданіе Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа.

ВЫПУСКЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТИФЛИСЪ.

Типографіи: Канцеляріи Главноначальствующаго гражд. частію на Кавказѣ и
К. Козловскаго.

1904.

Оглавленіе.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе, съ указателемъ предметовъ и имень. <i>Л. Г. Лопатинскаго</i>	I—XXXV.

Отдѣль первый.

Описаніе рукописей бібліотеки Общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія. <i>Е. С. Такай- швили</i>	1—144.
---	--------

Отдѣль второй.

Станица Екатериноградская, Терской обла- сти, Моздокскаго отдѣла. <i>С. М. Урусова</i>	1—34
Хуторская жизнь въ Терской области. <i>Г. П. Губанова</i>	35—101
Станица Наурская, Терской области. <i>П. А. Вострикова</i>	102—309.

Отдѣль третій.

Памятники народнаго творчества Кутаис- ской губерніи. Мингрельская сказка. 1. Яблочный велikanъ. Имеретинскія сказки. 2. Погоня за счастьемъ. 3. Бойкій солдатъ. <i>М. Г. Машурка</i>	1—14
Имеретинскія сказки. 1. Бѣднякъ и три „деви“. 2. Хвти- саваръ. 3. Райская роза. 4. Царевичъ и волкъ. 5. Царе- вичъ-вѣщунъ. 6. Амиракъ. 7. Дѣвушка-красавица и царе- вичъ. 8. Роза. 9. Проказы лисы. <i>М. В. Глушкова</i>	14—65
Сказки, записанныя въ Науру, Терской области. 1. Царь и его трое сыновей. 2. Сколько веревку ни вить, а все концу быть. 3. На кунолъ минарета гиря не держится. <i>П. А. Вострикова</i>	

Отдѣль четвертый.

Грамматика удинскаго языка съ предисловіемъ (I—XI), оглавленіемъ, поправками и дополненіями. <i>А. М. Дирра</i>	1— 83
Удинскіе тексты: 1. Царь и настухъ. 2. Шахзада и Шахзадаъ	84—101.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

I отдѣлъ XXXIII выпуска Сборника матеріаловъ включаетъ въ себѣ только одну статью—*Е. С. Такайшеми*, составляющую продолженіе труда, начатаго въ XXXI выпускѣ Сборника. Статья эта открывается описаніемъ мангрельской рукописи Картлисъ-Цховреба, съ подробнымъ перечисленіемъ записей на поляхъ и варіантовъ, сравнительно съ изданіемъ Броссе. Съ № 75—87 уважаемый авторъ обозрѣваетъ другія рукописи, въ числѣ которыхъ онъ подробно останавливается на десяти спискахъ повѣсти Бараміани. Къ послѣднему списку приложено содержаніе прозаическаго Бараміани, отличающагося совершенно отъ стихотворнаго не только по формѣ, но и по фабулѣ. Повѣсть эта представляетъ только подражаніе извѣстной поэмѣ Руставели „Барсовая кожа“.

*
**

Въ отдѣлѣ II помѣщаются три статьи описательнаго характера.

Статья „Станица Екатериноградская, Терской области, Моздокскаго отдѣла“ *С. М. Урусова*, кромѣ описанія станицы, бывшей до 1790 г. городомъ, заключаетъ въ себѣ и этнографическій матеріалъ—краткое описаніе свадьбы, съ поющими на ней пѣснями.

Статья „Хуторская жизнь въ Терской области“ *Г. П. Губанова* даетъ нѣсколько очерковъ жизни русскихъ хуторянъ, расселившихся небольшими поселками въ сѣверу отъ Терека, въ безотрадной степи, среди песчаныхъ бурюновъ, покрытыхъ тощей травой и бурьяномъ.

Статья „Станица Наурская, Терской области“ П. А. Вострикова, автора помещенныхъ въ III отдѣлѣ сказокъ, примыкаетъ по своему содержанію къ предыдущей, но даетъ, сравнительно съ ней, болѣе разнообразный матеріалъ. Въ ней описывается не только станица съ прилегающими къ ней хуторами, но и внѣшній и внутренній бытъ русскаго населенія этого уголка Терской области. Не лишены также интереса и историческія данныя, приводимыя въ статьѣ, въ особенности нѣкоторыя черты изъ прошлаго казачьей вольницы, осѣвшей цѣлымъ рядомъ богатыхъ станицъ по берегамъ Терека, на стражѣ противъ воинственной Чечни. Статья эта заслуживаетъ также вниманія со стороны языка: въ ней отмѣчены авторомъ своеобразныя выраженія, свойственныя говору русскаго населенія этой мѣстности. Статья не бѣдна также чисто этнографическимъ матеріаломъ. Вообще она можетъ послужить образцомъ для подобныхъ описаній другихъ частей нашего края.

*
* *

Въ III отдѣлѣ помещены мингрельскія и имеретинскія сказки закавказскихъ народовъ и три русскія съ Сѣвернаго Кавказа. Сказки эти записаны М. Г. Машуркомъ, М. В. Глушаковымъ и П. А. Востриковымъ.

Мингрельская сказка „Яблочный великанъ“ имѣетъ довольно сложный сказочный составъ. Завязкой служитъ разыскиваніе девяти братьями пропавшей сестры. Сестра должна была братьямъ отнести пищу на поле, но она не знала туда дороги. Для того чтобы указать ей дорогу, братья разбрасываютъ *оловки чесноку*, но старуха-мдеви подобрала ихъ и разбросала по дорогѣ, ведущей въ ея логовище. Такимъ образомъ, дѣвушка попала въ руки

старухи. Братья, отправившись на выручку сестры, вступают въ бой съ однимъ изъ сыновей старой вѣдьмы, но терпятъ пораженіе: ихъ запираютъ въ хлѣвъ и припасаютъ для завтрака.—Съ нашей сказкой, въ особенности въ первой ея половинѣ, удивительно схожа малорусская сказка „Покотигорошекъ“ ¹⁾ и бѣлорусскій ея вариантъ ²⁾, съ различіемъ въ слѣдующихъ подробностяхъ: въ первомъ вариантѣ братья, для того чтобы сестрѣ указать дорогу въ поле, разбрасываютъ *стружки*, а во второмъ — *союминки*; въ обоихъ этихъ вариантахъ ихъ подбираетъ змѣя.

Осиротѣлая мать убивается. Желая узнать причину горя матери, Богъ дважды посылаетъ ворону, но она, обманувъ несчастную, не только выплевываетъ у нея оба глаза, но и сообщаетъ Творцу ложную причину. Тогда Богъ посылаетъ голубя и, узнавъ отъ него истину, передаетъ черезъ него старухѣ яблоко и платочекъ, чтобы вытереть имъ глазами впадины. Платочекъ возвращаетъ старухѣ зрѣніе, а яблоко, съѣденное ею, является причиной беременности.—Ворона, которая часто является въ сказкахъ благодарнымъ животнымъ ³⁾, дающимъ совѣты герою ⁴⁾, въ нашей сказкѣ представляется птицей *коварной*. Голубь въ нашей сказкѣ служитъ посредникомъ между Богомъ и человекомъ и исполнителемъ Его велѣній. Въ малорусской сказкѣ „Никита Кожемяка“ ⁵⁾ его роль другая: княжна чрезъ него посылаетъ „грамотку“ князю. Въ другихъ сказкахъ роль голубя болѣе самостоятельная: въ татарской сказкѣ „О Кушѣ и Агилѣ“ ⁶⁾ онъ даетъ благодѣтельные на-

¹⁾ Аванасевъ, Народныя русскія сказки, изд. III. № 74 а, в.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Аванасевъ, 93 а, 112 в, 128 в.

⁴⁾ Ае., 165 (Прим.).

⁵⁾ Ае., 85 (Прим.).

⁶⁾ Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. XXVI, отд. II, стр. 26.

ставленія, а въ другой татарской сказкѣ „Царевичъ Газанфаръ“¹⁾ и въ армянской „Соловей“²⁾ подслушанный разговоръ двухъ голубей указываетъ средство, какъ *возвратить* потерянное зрѣніе. Весьма распространенный мотивъ о *чудесномъ зачатіи* чрезъ яблоко разработанъ подробно въ Предисловіяхъ къ вып. XXI (стр. XXXV) и XXVI (стр. V) Сборника матеріаловъ, гдѣ и указаны параллели. Но не всегда яблоко является причиной зачатія. Въ грузинской сказкѣ „Судьба“³⁾ причиной является только часть его — *кожица яблока*, въ имеретинской „Кажанди“⁴⁾ — *лобій*, а въ сравниваемой русской сказкѣ — *юрошинка*⁵⁾. Н. Θ. Сумцовъ⁶⁾ приводитъ изъ сказокъ другихъ народовъ еще другіе предметы, производящіе чудесное зачатіе: градинку, яйцо съ неба, орѣхъ, искру и т. д.

Съѣвши яблоко, старуха зачала и родила богатыря, будущаго побѣдителя сыновей мдеви. Еще мальчикомъ онъ во время игры съ дѣтьми слышитъ отъ нихъ упрекъ, что до сихъ поръ еще не освободилъ братьевъ и сестры. Мальчикъ спрашиваетъ мать объ участи, постигшей братьевъ и сестру, и узнаетъ всю истину. — Параллели къ мотиву о *допрашиваніи* матери съ пристрастіемъ или безъ него указаны въ Предисловіи къ XXI вып. (стр. XXII). Къ помѣщеннымъ тамъ параллелямъ я еще прибавлю слѣдующія: карачевскую сказку „Ачимезъ“⁷⁾, кабардинскую „Ашимезъ“⁸⁾,

¹⁾ Сб. мат., XXIV, II, стр. 120.

²⁾ Сб. мат., XXIV, II, 221.

³⁾ Сб. мат., X, III, 57.

⁴⁾ Сб. мат., XVIII, III, 393.

⁵⁾ Къ ней еще можно прибавить передаваемую М. А. Максимовичемъ малорусскую сказку о Катигорошкѣ (Русская Бесѣда, 1856 г., III, стр. 100. Ае., 74. Прим.).

⁶⁾ Малорусскія сказки по сборникамъ Кольберга и Машинской, стр. 119 (Кв. XXII „Этнографическаго обозрѣнія“).

⁷⁾ Сб. мат., III, II, 140.

⁸⁾ Сб. мат., XII, тексты 140.

чеченскую „Младшій изъ шестидесяти сыновей“¹⁾ и имеретинскую „Кажанди“²⁾).

Яблочный богатырь вступаетъ въ борьбу съ сыновьями вѣдъмы-мдеви и убиваетъ ихъ одного за другимъ вмѣстѣ со старухой, послѣ чего освобождаетъ братьевъ и сестру. Но братья рѣшаются извести освободившаго ихъ брата. Они заманиваютъ его въ вырытую ими яму, и онъ проваливается въ подземное царство. — Спускъ въ *подземное царство* составляетъ излюбленный мотивъ сказокъ всѣхъ народовъ. Параллели къ этому мотиву изложены въ Предисловіи къ XXVIII выпуску Сборника (стр. V).

Спустившись въ подземелье, герой у колодца нашелъ обливавшуюся горючими слезами красавицу; это была царская дочь, обреченная на жертву дракону, залегавшему у этого источника. Нашъ герой рѣшается ее спасти, но, засыпая отъ усталости, проситъ царевну разбудить его, когда прилетитъ драконъ. Несмотря на близость дракона, герой продолжаетъ спать; красавица, наклонившись надъ нимъ, льетъ слезы: одна слеза попадаетъ на щеку герою, и онъ мгновенно просыпается. Въ борьбѣ съ дракономъ онъ остается побѣдителемъ и освобождаетъ царевну. Царь, въ благодарность за освобожденіе дочери, предлагаетъ ему царскій престолъ и руку своей дочери. Герой отказывается отъ того и другого и проситъ доставить его на поверхность земли. Царь соглашается; на поверхность земли долженъ его поднять орелъ, для котораго онъ заготавливаетъ запасъ мяса. Птица взвилась и была уже близко цѣли, но мясо вышло; герою приходится удовлетворить орла кускомъ собственнаго мяса. Очутившись наверху, орелъ залѣчиваетъ рану героя, послѣ чего онъ возвращается домой. — Къ описанію событій въ подземномъ царствѣ имѣется въ Сборни-

¹⁾ Сб. мат., XXIX, IV, 12.

²⁾ Сб. мат., XVIII, III, 394.

въ много параллельныхъ мѣстъ; они приведены въ концѣ сказки „Кажанди“ ¹⁾. Но по нѣкоторымъ деталямъ наша сказка ближе всего подходитъ къ аварской „Медвѣжье ухо“ ²⁾. *Слеза* красавицы, скатывающаяся на лицо героя, имѣетъ силу пробуждать героя, въ виду приближающейся опасности; этотъ мотивъ встрѣчается также въ помѣщенной въ настоящемъ выпускѣ Сборника грузинской сказкѣ „Амирапъ“ (стр. 55), въ ея вариантѣ „Амирапъ, Бадри и Юсупъ“ ³⁾, а также въ вышеупомянутой сказкѣ „Кажанди“. „Орелъ“ это тотъ же „орби“ сказки „Кажанди“; но въ другихъ сказкахъ выручаютъ героя и *другія птицы* ⁴⁾. Въ русской сказкѣ „О трехъ братьяхъ крестьянахъ“ ⁵⁾ орелъ не поднимаетъ героя вверхъ, но спускаетъ его со скалы. Подробность о *мясѣ изъ собственной тѣла* встрѣчается въ сказкахъ многихъ народовъ. Другіе сказки находятъ это мясо „очень вкуснымъ“, между тѣмъ какъ въ нашей оно обзывается „соленнымъ“. Параллели приведены въ сказкѣ „Кажанди“ въ концѣ XVIII вып. Сборника. Уважу еще на одну деталь. Герой нашей сказки, какъ и удинской „Рустамъ“ ⁶⁾ *прощаетъ* своихъ вѣроломныхъ братьевъ, но въ татарской сказкѣ „Богатырь-Гасанъ“ ⁷⁾ и въ вышеприведенной аварской сказкѣ „Медвѣжье ухо“ герой мститъ товарищамъ за измѣну; въ армянской сказкѣ „Коровій сынъ“ ⁸⁾ онъ наказываетъ ихъ болѣе чувствительнымъ образомъ: беретъ себѣ всѣхъ освобожденныхъ имъ красавицъ.

Дальнѣйшія сказки—отъ № 2—№ 9 принадлежать имеретинамъ, западной вѣтви грузинскаго народа.

¹⁾ Сб. мат., XVIII, III, 400.

²⁾ Сб. мат., XIV, II, 128.

³⁾ Сб. мат., XXXII, II, 153.

⁴⁾ Сб. мат., XXI, Пред. стр. VI.

⁵⁾ Сб. мат., XV, II, 39.

⁶⁾ Сб. мат., VI, въ концѣ.

⁷⁾ Сб. мат., XXI, II, 1.

⁸⁾ Сб. мат., IX, II, 192.

Сказка „Погоня за счастьемъ“ въ первой своей половинѣ по нѣкоторымъ деталямъ сближается съ предыдущей; она представляетъ контаминацію двухъ сказочныхъ сюжетовъ, спаянныхъ довольно поверхностно. Демонъ похищаетъ царевну. Опеченный отецъ предлагаетъ руку своей дочери тому, кто ее освободитъ. Вызывается ее освободить юноша простого званія; онъ проситъ дать ему корабль, капитана и двѣнадцать матросовъ; срокомъ онъ себя назначаетъ три года.—Демонъ является похитителемъ царевны и въ татарской сказкѣ „Богатырь Гасанъ“¹⁾, въ сказкахъ же другихъ кавказскихъ народовъ—дивъ; это тотъ же змѣй-Горынычъ русскихъ сказокъ. Мотивъ освобожденія разработанъ почти такъ же, какъ и въ малорусской сказкѣ „Повоитигорошекъ“²⁾. Параллели на этотъ мотивъ указаны въ Предисл. въ XXI вып. (стр. III).

Корабль пристаетъ къ необитаемому острову. Тамъ находятъ избушку о двухъ половинахъ: входъ въ одну открытъ, а въ другую закрытъ; входятъ въ открытую половину. На другой день герой оставляетъ въ избушкѣ одного матроса, чтобы сварилъ супъ, а самъ съ другими спутниками отправляется на охоту. Въ ихъ отсутствіе является карликъ, обросшій волосами, который поѣдаетъ супъ и убиваетъ повара. На слѣдующій день уже никто изъ матросовъ не захотѣлъ остаться въ избушкѣ, и потому остается самъ герой. Является карликъ, но въ завязавшейся между ними борьбѣ нашъ герой остается побѣдителемъ. Въ карманахъ убитаго карлика онъ находитъ ключъ отъ запертой половины и отпираетъ ее; тамъ онъ находитъ похищенную царевну и получаетъ отъ нея кольцо.—Изъ помѣщенного выше описанія одинокой *избушки* въ лѣсу видно,

¹⁾ Сб. мат., XXI, II, 1.

²⁾ Ае., 74 и Н. О. Сумцовъ, Малорусскія сказки по сборн. Кольб. и Маш., стр. 128.

что ея аксесуары другіе, чѣмъ въ русскихъ сказкахъ ¹⁾: тамъ она вертится на курьихъ ножкахъ; стоитъ она обыкновенно къ лѣсу передомъ, а къ приближающемуся задомъ; когда къ ней обращаются: „избушка, избушка! обратись ко мнѣ передомъ, а къ лѣсу задомъ: я войду въ тебя“, то она послушно исполняетъ приказаніе. *Карлика* нашей сказки папоминаетъ „старичокъ, ростомъ въ полъ аршина, съ бородою въ аршинъ“ татарской сказки „Богатырь-Гасанъ“ ²⁾, „заячій всадникъ“ аварской — „Медвѣжье ухо“ ³⁾, „мужичокъ-съ-погогокъ, борода-съ-локотокъ“ русскихъ сказокъ ⁴⁾ и „Подземный человекъ“ нѣмецкихъ ⁵⁾. Въ удинской сказкѣ „Ростомъ“ ⁶⁾, вмѣсто карлика, является чудовище, а въ татарской „Коровій сынъ“ ⁷⁾ — людоедъ. Другія параллели указаны въ Предисл. къ XXI вып. Сборника (стр. IV). Во всѣхъ этихъ сказкахъ одинъ товарищъ варить пищу, а другіе идутъ на охоту; оставшійся погибаетъ, но исходъ борьбы во всѣхъ сказкахъ одинаковъ.

До сихъ поръ наша сказка развивалась почти такъ же, какъ и сравниваемая сказки, но дальше онѣ расходятся. Отплывши въ обратный путь, нашъ герой вспоминаетъ, что забылъ кольцо въ избушкѣ, и отправляется за нимъ. Однако, капитанъ не дожидается его возвращенія и съ царевной удаляется на кораблѣ. Догоняя корабль, герой чуть не погибъ въ волнахъ и возвращается на островъ, гдѣ находитъ другого демона, который за вѣрную службу обязался его

¹⁾ Ае., 28 в. 53. 55. 58 а. 64. 65. 74 (Ш. им.). 76. 77. 81 а. 95 (Прим.). 104 в. 122 а, с, d. 123. 125 а, f. 128 а. 129. 150 а, с (и Прим.). 160 (Прим.). 175.

²⁾ Сб. мат., XXI, II, 1.

³⁾ Сб. мат., XIV, II, 128.

⁴⁾ Ае., 121.

⁵⁾ *Kinder-und Hausmärchen* братьевъ Гриммовъ.

⁶⁾ Сб. мат., VI, въ концѣ.

⁷⁾ Сб. мат., IX, II, 192.

доставить домой двумя днями раньше капитана и наградил имѣющими чудесную силу предметами: саблей, пальто и вихрь-конемъ. Вихрь-конь доставляетъ его на родину. Прибывъ въ столицу, онъ останавливается въ гостиницѣ и устраиваетъ пиръ, на который приглашаетъ царя. Черезъ два дня прибылъ капитанъ. Царь устраиваетъ его свадьбу съ царевной. Но во время пиршества царевна узнаетъ по кольцу настоящаго избавителя, объявляетъ его своимъ женихомъ, а самозванца постигаетъ заслуженная кара. — *Возвращеніе* настоящаго избавителя *на родину* и *разоблаченіе* самозванной роли похитителя царевны — это шаблонный мотивъ тѣхъ сказокъ, въ которыхъ передается возвращеніе героя изъ подземнаго царства; всѣ эти сказки цитованы мною выше ¹⁾. Сказки съ подобнымъ содержаніемъ находятъ обыкновенно свою развязку въ свадьбѣ героя со спасенной имъ царевной.

Наша сказка представляется оригинальной тѣмъ, что къ ней пристегнуть другой сюжетъ — измѣна жены, борьба изъ-за нея съ ея оболъстителемъ и, наконецъ, наказаніе ея за измѣну. При помощи дивной сабли и чудеснаго пальто нашъ герой дважды побѣждаетъ своего соперника, но затѣмъ жена выманиваетъ эти предметы у своего мужа и передаетъ любовнику. Послѣ этого герой терпитъ поражение; своей гибели онъ избѣгаетъ только при помощи вѣрнаго коня, который его доставляетъ на островъ къ доброму демону. По его совѣту, герой послѣ цѣлаго ряда *превращеній* овладѣваетъ снова престоломъ, наказываетъ смертью певѣрную жену съ ея любовникомъ, и женится на служанкѣ, помогавшей ему въ его затруднительномъ положеніи.

Сказка „*Войкій солдатъ*“ даетъ намъ примѣръ изощренія ума въ остроумныхъ отвѣтахъ, что, подобно хитро-

¹⁾ На мотивъ о *присваиваніи* себя *подвиговъ* героя: Аэ., 67 а, в. 68. 92 (Прим.). 104 а, f. 118 с. 145.

му препиранию загадками, составляет любимый эпический прием не только сказок русского народа ¹⁾, но и народов Северного Кавказа и Закавказья ²⁾. По многим деталям наша сказка напоминает имеретинскую же „Царь и крестьянин“ ³⁾ и русскую „Мудрые ответы“ ⁴⁾. С последней наша сказка имеет много общего, но отличается одной мелкой подробностью: в русской сказке солдат ищет вознаграждения съ „купцов-молодцов“, между тем какъ въ нашей—съ придворныхъ вельможъ. Другія параллели отмѣчены самимъ собирателемъ.

Сказка „Бѣднякъ и три деви“ имеетъ весьма несложный сказочный составъ. Бѣднякъ, сидя на деревѣ, подслушиваетъ разговоръ трехъ дивовъ, обсуждающихъ судьбу больного царевича, и узнаетъ такимъ образомъ средство, какъ его излѣчить. Богато награжденный царемъ за искусное лѣчение онъ оказался неблагодарнымъ по отношенію къ дивамъ, за что былъ и съѣденъ ими.—Мотивъ о *подслушиваніи разговора* весьма распространенъ въ сказкахъ другихъ народовъ. Въ мингрельской сказкѣ „Появленіе мессебовъ“ ⁵⁾ герой подслушиваетъ разговоръ трехъ ангеловъ, а въ татарской „Соловей“ ⁶⁾—трехъ голубей. Въ последней голуби указываютъ на средство излѣчить слѣпоту, какъ и въ нашей.

Сказка „Хвѣтисаваръ“ болѣе сложна по своему составу, чѣмъ первыя двѣ. Она настолько интересна по своей фабулѣ, что заслуживаетъ того, чтобы на ней остановиться подробнѣе.

¹⁾ Ае., 185, 186, 187, 188, 189, 190 и 191 Прик. Н. Ф. Сумцова. Малорусс. ск. стр. 120.

²⁾ Сб. мат., XII, 102.

³⁾ Сб. мат., XIX, II, 73.

⁴⁾ Ае., 187.

⁵⁾ Сб. мат., XXIV, II, 8.

⁶⁾ Сб. мат., XXIV, II, 222.

Царь помѣстилъ свою единственную красавицу дочь вмѣстѣ съ няней на пустынномъ островѣ изъ боязни, чтобы ее кто-нибудь не похитилъ. Однажды няня поймала на берегу моря пригнанное волнами яблоко и принесла его царевнѣ. По кусочку яблока съѣли царевна и няня, и обѣ забеременѣли. Беременныхъ царевну и ея няню уводятъ въ чащу лѣса и тамъ бросаютъ на произволъ судьбы. По истеченіи положеннаго времени царевна рождаетъ сына-богатыря, по имени Хвтисаваръ, а няня восемь щенковъ.— Мотивъ о чудесномъ зачатіи посредствомъ яблока освѣщенъ уже выше, но я здѣсь хочу указать только на *совмѣстное зачатіе* царевны и ея няни, какъ и въ мингрельской сказкѣ „Появленіе месебовъ“¹⁾; въ послѣдней кусочекъ яблока поѣдаетъ также собака, которое тоже понесла. Яблоко *принимано водою*; эта подробность встрѣчается также въ имеретинской сказкѣ „Кажанди“²⁾, въ которой вдова поймала зерно любія, плившее по водѣ. Такъ же, какъ и въ нашей сказкѣ, бросаютъ въ лѣсу забеременѣвшую отъ яблока царевну въ мингрельской сказкѣ „Девъ и царская дочь“³⁾, гдѣ она и родила сына-силача. Но мы къ этой сказкѣ, удивительно похожей на нашу по основнымъ мотивамъ, еще вернемся.

Будучи еще мальчиномъ, Хвтисаваръ обнаруживаетъ наклонность къ охотѣ. Однажды онъ, цѣлясь въ птицу, пустилъ стрѣлу, которая упала далеко—во дворѣ жилища дивовъ. Отправившись въ поиски за стрѣлой, онъ нашелъ ее тамъ и хотѣлъ уже поднять, когда мать дивовъ его остановила; старуху онъ убиваетъ. Являются дивы, но не вмѣстѣ, а поодиночкѣ: Хвтисаваръ убиваетъ одного за другимъ, вромѣ десятаго, съ которымъ онъ вступаетъ въ борь-

¹⁾ Сб. мат., XXIV, II, 8. См. Предисловіе къ нему (стр. II).

²⁾ Сб. мат., XVIII, III, 398.

³⁾ Сб. мат., XVIII, III, 18.

бу. И его онъ одолѣлъ, хотя и не успѣлъ убить окончательно: въ тѣлѣ поверженнаго дива таилась жизнь. Въ домѣ дивовъ поселяется Хвтисаваръ съ матерью и няней. Но съ дивомъ, вернувшимся къ жизни и переодѣвшимся нищимъ, вступаетъ въ связь мать Хвтисавара. По наущенію своего сожителя она старается извести своего сына. Притворившись больной, она задаетъ ему три задачи—одну труднѣе другой. Прежде всего онъ долженъ ей доставить кусокъ рога чудовищнаго оленя. Олень самъ предлагаетъ Хвтисавару кусокъ своего рога, при чемъ открываетъ ему злой умыселъ матери и, въ защиту отъ ея козней, даетъ кусокъ своей шерсти. Вторая задача состояла въ томъ, чтобы доставить матери щетину свирѣпаго кабана. Кабанъ самъ предлагаетъ Хвтисавару свою щетину и обѣщаетъ въ бѣдѣ помощь. За третьимъ разомъ Хвтисаваръ долженъ доставить матери птенца птицы-великана. Ему удалось защитить ея птенцовъ отъ ястреба. Благодарная птица даетъ ему одного изъ своихъ птенцовъ и вмѣстѣ съ перьями изъ своего хвоста обѣщаніе явиться на помощь въ бѣдѣ. Когда нашъ герой предсталъ предъ матерью съ птенцомъ, то она ему заявляетъ о томъ, что птенецъ ей уже теперь не нуженъ: она совершенно выздоровѣла. Тогда Хвтисаваръ отпускаетъ птенца на волю и опять предается любимому своему занятію—охотѣ.—Въ сравниваемой сказкѣ „Девъ и царская дочь“ сынъ-силачъ перебиваетъ по одиночкѣ *восемь* великановъ, между тѣмъ какъ девятый *скрывается*. Такимъ образомъ, въ обѣихъ сказкахъ не совпадаетъ число дивовъ-великановъ; кромѣ того, судьба спасагося великана въ сравниваемой сказкѣ другая. И дальше обѣ сказки расходятся въ нѣкоторыхъ подробностяхъ: въ сравниваемой сказкѣ сынъ долженъ для матери, притворившейся больной, достать желчь, сперва царицы зубовъ, затѣмъ царицы свиней и, наконецъ—царицы буйво-

ловъ; но онъ, зная о притворной болѣзни матери, каждый разъ приноситъ желчь простыхъ животныхъ, заручившись предварительно обѣщаніемъ ихъ царицѣ помочь ему въ бѣдѣ. Точно также въ татарской сказкѣ „Царь Асланъ и дивъ“¹⁾ мать героя сходится съ дивомъ; желая погубить сына, она притворяется больною и посылаетъ сына за разными снадобьями, добываніе которыхъ сопряжено съ опасностью для жизни.—Мотивъ о *предательствѣ родной матери* извѣстенъ и сказкамъ другихъ народовъ. Кромѣ сравниваемой сказки, онъ разрабатывается также въ мингрельской сказкѣ „Музарбій“²⁾, великорусской „Незнайко“³⁾ и малорусской „Побѣдитель змѣевъ“⁴⁾.

Козни матери этимъ не исчерпались. Мать предлагаетъ сыну выкупаться въ котлѣ, и лишь только онъ вошелъ въ него, какъ выскочилъ великанъ и захлопнулъ крышку. Заколоченный наглухо котелъ выбрасываютъ въ море. Собаки, видѣвшіе это съ берега моря, начинаютъ выть; тогда Хвтисаваръ вспоминаетъ о животныхъ, и тѣ немедленно, согласно обѣщанію, являются къ нему на помощь. Спасенный ими отъ вѣрной смерти, Хвтисаваръ мѣняется со свинопасомъ одеждой и, явившись на пиршество, устроенное матерью и великаномъ, мститъ жестоко обоимъ.—По этимъ деталямъ наша сказка совершенно совпадаетъ со сравниваемой мингрельской „Девъ и царская дочь“. Пиръ нашей сказки въ мингрельской оказывается свадьбой, на которую сынъ-силачъ приглашается въ качествѣ единственного свадебнаго гостя. Какъ въ нашей сказкѣ, такъ и въ этой герой *передоьвается*, чтобы быть неузнаннымъ матерью и ея любовникомъ.

¹⁾ Сб. мат., XXI, II, 12.

²⁾ Сб. мат., XI, II, 265.

³⁾ Сб. мат., VII, I, 141.

⁴⁾ Н. О. Сумцовъ, Малорусс. сказки, стр. 104. Тамъ же указана литература предмета.

Мингрельская сказка заканчивается местию героя, между тѣмъ какъ въ нашей сказкѣ судьба его продолжаетъ развертываться на канвѣ разсказа о его дальнѣйшихъ подвигахъ. Хвтисаваръ встрѣчается съ незнакомымъ юношей, съ которымъ онъ вступаетъ въ борьбу. Помирившись съ нимъ, онъ находитъ себѣ въ немъ товарища—названнаго брата. Съ нимъ вмѣстѣ онъ отправляется на поиски подруги жизни. На *перекрестѣ* они расходятся: Хвтисаваръ идетъ направо, а братъ—налѣво. Взявъ съ собою по четыре собаки, они предъ прощаніемъ условливаются помочь другъ другу въ несчастіѣ; *признакомъ грядущей бѣды* должна служить вода, превращающаяся во время умыванія лица въ *кровь*. Хвтисаваръ подходитъ къ рѣкѣ, чрезъ которую онъ долженъ перепрыгнуть, чтобы сдѣлаться обладателемъ красавицы-царевны. Это условіе онъ исполняетъ, и царевна дѣлается его женою. Но во время охоты его постигаетъ несчастіе: прожорливая старуха-вѣдьма, которую онъ накормилъ дичью, превращаетъ его въ камень, а затѣмъ проглатываетъ вмѣстѣ съ собаками. По признаку, о которомъ выше упомянуто, братъ узнаетъ о его несчастіѣ. Сейчасъ онъ отправляется на его выручку. Въ лѣсу онъ встрѣчаетъ ту же старушку, которая хотѣла и съ нимъ сдѣлать то же самое, но онъ не поддается обману. Пригрозивши ей смертью, онъ по ея указанію вынимаетъ изъ ея чрева Хвтисавара и его собакъ, а затѣмъ полученнымъ отъ нея *полотенцемъ оживляетъ* ихъ. Хвтисаваръ съ братомъ возвращаются домой, послѣ чего и послѣдній находитъ себѣ подругу жизни.—Вторая половина нашей сказки похожа на основной сюжетъ русской сказки „Два Ивана-солдатскихъ сына“¹⁾. И въ сравниваемой сказкѣ братья на *распутъ* разъѣзжаются въ разныя стороны и даютъ другъ-другу по *платочку*: *признакомъ бѣды* должна

¹⁾ Ае., 92.

служить показавшаяся на немъ *кровь*. Одинъ изъ братьевъ дѣлается обладателемъ Настасьи Прекрасной. Бѣда приключается съ нимъ при другой обстановкѣ: его проглатываетъ красная дѣвица, сдѣлавшаяся страшною львицею. Братъ выручаетъ его изъ бѣды и возвращаетъ въ жизни посредствомъ воды цѣлющей и живущей. Впрочемъ, конецъ сравниваемой сказки другой.—Къ мотиву о *перекресткѣ* мы вернемся потомъ. *Выступленіе* на какомъ-нибудь предметѣ, въ знакъ бѣды, *крови*—общее эпическое мѣсто, встречающееся въ сказкахъ и былинахъ разныхъ народовъ. Но въ горско-татарской сказкѣ „Всадникъ въ шкурѣ жеребенка“¹⁾ признакомъ несчастья служить *платъ*, кончивъ которой, въ знакъ несчастья, долженъ оторваться.

Довольно сложная по своему составу сказка „Райская роза“ имѣетъ такую же завязку, какъ и русская сказка „Перышко Финиста-ясна сокола“²⁾. Крестьянинъ, отправляясь въ городъ, покупаетъ каждой изъ своихъ трехъ дочерей по гостинцу: старшей рѣдкостное платье, средней волшебное зеркальце, а младшей райскую розу. Въ указанной выше русской сказкѣ обѣ старшія сестры просятъ по платью, а младшая въ одномъ изъ вариантовъ выпрашиваетъ себѣ чудесное перышко, а въ другомъ—аленькій цвѣточекъ. Перышко или цвѣточекъ русскихъ сказокъ достались отцу легко, но розу нашей сказки пришлось ему добывать у дива, вараулившаго розовый кустъ.

Отецъ, сорвавъ цвѣтокъ, бросается бѣжать домой. Погнавшійся за нимъ въ догонку дивъ останавливается у дверей и требуетъ, взаменъ за цвѣтокъ, выдачи дочери. Эту деталью сравниваемой сказки отступаютъ отъ нашей: въ первомъ вариантѣ перышко превращается въ царевича, а во второмъ—старичокъ, предлагающій аленькій цвѣт-

¹⁾ Сб. мат., XXIII, III, 6.

²⁾ Ае., 129 а, в.

чекъ, сватаетъ дочь за своего сына Финниста-ясна сокола. Въ послѣдней сказкѣ дѣвушка уже раньше знала жениха и потому *охотно* идетъ за него, между тѣмъ какъ въ нашей она, идя вмѣстѣ съ дивомъ въ его жилище, руководствуется только желаніемъ спасти отъ него свою семью. Этою подробностью наша сказка подходитъ ближе къ мингрельской „Мохнатый жеребенокъ“¹⁾, въ которой царевна по тому же самому побужденію выходитъ замужъ за дива.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи наша сказка, удаляясь отъ русской, идетъ уже параллельно съ только-что приведенной мингрельской сказкой, съ нѣкоторыми, впрочемъ, отступленіями въ отдѣльныхъ деталяхъ. Такъ, въ нашей сказкѣ дѣвушка-„Райская роза“ дѣйствуетъ самостоятельно—безъ помощи кого бы то ни было и захватываетъ у дива *волшебные предметы*, между тѣмъ какъ въ мингрельской сказкѣ эти предметы даетъ ей жеребенокъ. Волшебные предметы, которые она *бросаетъ* позади себя, въ видѣ препятствія при преслѣдованіи: зеркало, дѣлающееся стекляннымъ лѣсомъ; гребешокъ, превращающійся въ лѣсъ изъ гребешковъ, и ножницы,—въ лѣсъ изъ ножницъ. Въ сравниваемой мингрельской сказкѣ предметы эти нѣсколько другіе: гребешокъ становится непроходимымъ лѣсомъ, клокъ изъ шерсти жеребенка—высокими горами, а пучокъ его волосъ—громаднымъ моремъ. Вообще мотивъ о *бросаніи* чудесныхъ предметовъ, чтобы задержать погоню, весьма распространенъ въ сказкахъ всѣхъ народовъ²⁾. Въ русскихъ сказкахъ такими преградами на пути преслѣдователей является чаще всего гребешокъ, но также и щетка, платокъ или полотенце (хусточка, убрусъ, утиральникъ), шитая ширинка, мыло или камень.

¹⁾ Сб. мат., XVIII, III, 40.

²⁾ Ае., 50. 58 b. 65. 104 a. 117. 125 f, g; въ прим. къ 125 указаны параллели.

Въ нашей сказкѣ дивъ съ большимъ трудомъ одолѣваетъ препятствія, но въ мингрельской—онъ не можетъ переправиться черезъ море. Дальше уже обѣ сказки расходятся: наша сказка срачивается съ другимъ сказочнымъ сюжетомъ, довольно оригинальнымъ, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ деталей, которыя, какъ сказано будетъ ниже, встрѣчаются также въ сказкахъ другихъ закавказскихъ народовъ.

„Райская роза“, уйдя отъ преслѣдованія, очутилась въ домикѣ, въ которомъ лежалъ въ гробу царевичъ; мертвымъ онъ лежалъ только днемъ, но оживалъ ночью. Пришла ночь, и царевичъ ожилъ. Лишь только онъ увидѣлъ дѣвушку, то полюбилъ ее. Между ними послѣдовало сближеніе. Когда „Райской розѣ“ уже пришлось рожать, то царевичъ отправляетъ ее къ царю-отцу. Сначала царь принимаетъ роженицу, какъ чужую, но когда узналъ, что новорожденный—сынъ царевича, то обставилъ ее по-царски. Родители рѣшаются задержать царевича при ночномъ его посѣщеніи „Райской розы“, чтобы его вылѣчить отъ болѣзни, но никакія средства не помогаютъ. Тогда царица отправляется на небо въ сестрѣ, которая была замужемъ за солнцемъ, чтобы просить у нея совѣта.—Описаніе *пути на небо* обставлено почти такими же эпизодами, какъ и въ имеретинской сказкѣ „О трехъ братьяхъ и сестрѣ-дурочкѣ“¹⁾, армянской „Бюрапатикъ“²⁾ и татарской „О богатѣ-Азизѣ и его рабѣ Мирзѣ“³⁾.

Царица получаетъ отъ солнца средство, исцѣляющее ея сына отъ болѣзни. Свадьбой съ „Райской розой“ заканчивается наша сказка.

Сказка „Царевичъ и волкъ“ имѣетъ ту же самую завязку, что и русская сказка „О трехъ братьяхъ-царевичахъ“.

¹⁾ Сб. мат., XIX, II, 57.

²⁾ Сб. мат., XIII, II, 85.

³⁾ Сб. мат., XIII, II, 297.

часть¹⁾, но дальше объ сказки расходятся: въ русской сказкѣ птицей, похищавшей яблоки въ царскомъ саду, оказывается сестра царевича, между тѣмъ какъ въ нашей сказкѣ воръ—это ястребъ, который живетъ въ уединенномъ дворцѣ, оберегаемомъ караульными. Въ средней своей части наша сказка совершенно схожа съ малорусской „Золотая птица и морская царевна“²⁾, но только послѣдняя обѣднѣ деталями. Напоминаютъ также нашу сказку и двѣ другихъ малорусскихъ сказки: „Три братья: два разумныхъ, а третій—дурной“³⁾ и „Три братья“⁴⁾ (въ двухъ вариантахъ): объ послѣднія сказки имѣютъ съ нашей общими начало и конецъ.

Роль *вѣщало волка* въ нашей сказкѣ и въ вышеприведенной малорусской „Золотая птица и морская царевна“ одна и та же. Такъ же подаетъ волкъ совѣты герою и въ кюринской сказкѣ „Меликъ-Мамедъ“⁵⁾ и въ великорусской „Золотыя яблочки“⁶⁾; послѣдняя имѣетъ съ нашей еще одну общую деталь: „сѣрый“ волкъ приводитъ въ жизнь убитаго братьями героя „живущей и цѣлющей“ водой. Этотъ мотивъ встрѣчается также въ татарской сказкѣ „Меликъ-Мамедъ“⁷⁾. Мотивъ о *живой водѣ* шаблонный и встрѣчается въ сказкахъ разныхъ народовъ⁸⁾.

Сказка „Царевичъ-вѣщунъ“ представляетъ, подобно нѣкоторымъ раньше рассмотрѣннымъ, соединеніе двухъ сказочныхъ сюжетовъ, связанныхъ между собою только внѣшнимъ образомъ. Въ началѣ наша сказка нѣсколько напо-

¹⁾ Сб. мат., XV, II, 8.

²⁾ Н. О. Сумцовъ, Малор. сказки, стр. 106.

³⁾ Рудченко, Народныя южно-русскія сказки, I, стр. 153.

⁴⁾ Ibid., стр. 158 и 159.

⁵⁾ Сб. мат., XIV, II, 206.

⁶⁾ Сб. мат., XV, II, 28.

⁷⁾ Сб. мат., XIII, II, 316.

⁸⁾ Литература предмета разработана Н. О. Сумцовымъ въ „Малорусск.“, стр. 103.

минаетъ чеченскую „Младшій изъ шестидесяти сыновей“¹⁾. Какъ въ чеченской сказкѣ „шестидесять“ сыновей „бѣднаго“ человѣка, такъ и въ нашей „сорокъ“ отправляются искать своей доли: царства и невѣсть. Руководителемъ въ обѣихъ сказкахъ служить младшій братъ; въ нашей сказкѣ онъ названъ „вѣщимъ“.

Отправились братья искать счастья-доли. По дорогѣ имъ попадаются на глаза три жилища дивовъ: въ первомъ жилъ шестиголовый дивъ, во второмъ—семиголовый, а въ третьемъ—огнедышщій. *Уединенное зданіе-башня* является жилищемъ дивовъ, великановъ или богатырей и сказкахъ другихъ кавказскихъ народовъ²⁾.

Съ двумя первыми дивами младшій братъ легко справляется въ то время, когда старшіе спали; въ жилищѣ второго дива онъ освобождаетъ сорокъ молоденькихъ „солнцемъ невиданныхъ красавицъ“³⁾, будущихъ невѣсть братьевъ. Но въ жилищѣ третьяго „огнедышащаго“ дива онъ заснулъ. Когда же прилетѣлъ дивъ, то некому было вступить съ нимъ въ борьбу, и потому всѣ очутились въ его власти. Тогда младшій братъ рѣшается спасти себя и братьевъ: онъ даетъ обѣщаніе диву исполнить его „сердечное желаніе“. Дивъ, при этомъ условіи, отпускаетъ братьевъ, которые возвращаются домой съ сорока невѣстами, оставшимися въ жилищѣ семиголового дива, и съ богатствами, найденными въ обоихъ жилищахъ. Въ числѣ этихъ невѣсть была и невѣста нашего героя. Нашъ герой отправляется на новые подвиги и, прощаясь съ братьями, назначаетъ срокомъ для своего возвращенія три года и три дня.

Вторая половина сказки наполнена подвигами вѣщаго

¹⁾ Сб. мат., XXIX, IV, 12.

²⁾ Сб. мат., XXVI, II, 61 и др.

³⁾ Этотъ эпизодъ встрѣчается въ имеретинской сказкѣ „Амиранъ, Бадри и Юсуфъ“ (Сб. мат., XXXII, II, 152).

царевича, совершенными имъ въ поискахъ за предметомъ „сердечныхъ желаній“ дива. Черезъ моря—Черное и Красное онъ переправляется при помощи слуги „огнедышащаго“ дива. Въ дальнѣйшемъ своемъ путешествіи онъ уже пользуется *чудесными предметами*: ковромъ-самолетомъ, шапкой-невидимкой и скатертью-хлѣбосолкой. Изъ-за дѣла этихъ предметовъ *спорятъ три* человека. Пусть *три стрѣлы*, онъ заставляетъ ихъ разбѣжаться въ разныя стороны и тѣмъ временемъ овладѣваетъ дивовинками.—Пущенныя стрѣлы также служатъ средствомъ, чтобы овладѣть чудесными предметами и въ русской сказкѣ „Чудесная курица“ ¹⁾. Спорящими обыкновенно являются черти, лѣшіе или великаны ²⁾. *Чудесные предметы* съ замѣной въ нѣкоторыхъ сказкахъ одного предмета другимъ—это весьма распространенный сказочный мотивъ ³⁾. Литература объ этомъ мотивѣ указана въ Предисловіи къ XXIII вып. Сборника матеріаловъ, стр. XII.

Съ помощью ковра-самолета царевичъ очутился въ царствѣ женщинъ, царица которыхъ была предметомъ любви дива. Предварительно онъ останавливается у старушки, гдѣ и наводитъ всѣ необходимыя справки.—*Остановка* героя у какой-нибудь *старушки* часто повторяется въ сказкахъ; ближе всего этотъ эпизодъ подходит къ нашему въ чеченской сказкѣ „Отцовское наслѣдство“ ⁴⁾. *Волшебная пажма* нашей сказки, служащая средствомъ оборотничества, соотвѣтствуетъ вполнѣ волшебной *плети* другихъ сказокъ ⁵⁾.

На волшебномъ коврѣ-самолетѣ царевичъ переноситъ царицу къ „огнедышащему“ диву; увидѣвъ ее, дивъ отъ

¹⁾ Ае., 115.

²⁾ Ае., 118.

³⁾ Сборн. мат., XXIII, III, 34; XXIV, II, 179, 268; XXVI, II, 103; XXVIII, II, 87.

⁴⁾ Сб. мат., XXIX, IV, 12.

⁵⁾ Сб. мат., XXXII, II, 5 и въ другихъ мѣстахъ.

радости засмѣялся и сгорѣлъ отъ вырвавшагося изо рта пламени. Тогда царевичъ доставилъ царицу обратно въ ея царство и къ сроку вернулся домой.

Сказка „Амиранъ“ принадлежитъ къ циклу кавказскихъ сказаній объ Амиранѣ. У Амираана, какъ и въ другихъ сказаніяхъ съ тѣмъ же содержаніемъ, два брата — Юсупъ и Бадри¹⁾. Въ борьбу онъ вступаетъ съ тремя драконами: бѣлымъ, краснымъ и чернымъ. По этой подробности наша сказка совпадаетъ съ грузинскимъ его вариантомъ, выше цитованнымъ²⁾, и пшавскимъ³⁾; въ имеретинскомъ вариантѣ „Амиранъ, Бадри и Юсупъ“ Амиранъ борется съ чудовищнымъ витомъ⁴⁾. Какъ въ нашей сказкѣ, такъ и въ сравниваемыхъ съ ней вариантахъ черный драконъ (дивъ, вить) успѣлъ проглотить Амираана. Но братья отсѣкаютъ у чудовища хвостъ, такъ что драконъ не можетъ облизать его, а потому и переварить проглоченнаго. Амиранъ выходитъ оттуда, но съ *потерей волосъ*. Эта подробность имѣется и въ выше цитованномъ грузинскомъ вариантѣ⁵⁾, а также и въ пшавскомъ⁶⁾.

Затѣмъ Амиранъ вступаетъ въ борьбу съ великаномъ. Въ этой борьбѣ Амиранъ наноситъ своему противнику такой сильный ударъ, что *вогналъ* его въ землю; это составляетъ весьма извѣстный эпическій мотивъ⁷⁾. Борьба Амираана съ великаномъ можетъ быть сближена съ нѣкоторыми деталями его боя съ Бакбакомъ, знакомымъ намъ по другимъ кавказскимъ сказкамъ⁸⁾. Отъ великана Амиранъ узнаетъ

¹⁾ Сб. мат., XXXII, II, 152, 158. А. С. Хахановъ, Очерки по исторіи грузинской литературы, в. I. Народный эпосъ и апокрифы, стр. 20.

²⁾ Сб. мат., XXXII, II, 160.

³⁾ Хахановъ, Очерки, по ист. груз. лит., I, стр. 22.

⁴⁾ Сб. мат., XXXII, II, 153.

⁵⁾ Сб. мат., XXXII, II, 181.

⁶⁾ Хахановъ, Очерки по ист. груз. лит., I, стр. 23.

⁷⁾ Сб. мат., XXXII, II, 24.

⁸⁾ Потанинъ, Восточные мотивы, стр. 388.

о мѣстопребываніи за моремъ „солнцемъ невиданной“ красавицы, „солнцеобразной“ грузинскаго варианта¹⁾; въ послѣдней она названа, какъ и въ пшавской — „Камарой“. Въ грузинской сказкѣ Амиранъ переносится чрезъ море къ дочери морскаго царя на летающей лошади, но въ нашей онъ бросается вплавь. Детали бѣгства Амирана съ красавицей почти тѣ же, что и въ сравниваемой грузинской сказкѣ. Въ нашей сказкѣ *разбитая тарелка*, а въ грузинской — *чашка* даетъ знать отцу красавицы о бѣгствѣ влюбленныхъ. Отецъ гонится за ними. Обстоятельства *бѣгства героя съ похищенной имъ красавицей* весьма напоминаютъ намъ другія сказки съ подобнымъ же содержаніемъ. Въ особенности *спрашиваніе* героя, не слышится ли погоня, составляетъ весьма обыкновенный эпическій приемъ²⁾.

Прибѣжавъ домой, Амиранъ *засыпаетъ* на *колыняхъ* красавицы, но отъ *слезы*, упавшей на щеку его, онъ просыпается и вступаетъ въ борьбу съ ея отцомъ и его войскомъ, окружившими его жилище. Братья Амирана погибаютъ, но самъ онъ истребляетъ все войско; онъ не можетъ одолѣть только самаго царя: голову его прикрывалъ чудовищный камень; въ сравниваемой грузинской сказкѣ³⁾ черепъ царя былъ изъ слоновой кости. По совѣту красавицы Амиранъ наноситъ царю ударъ по единственной его уязвимой части — по поясницѣ (по мягкимъ частямъ въ грузинскомъ вариантѣ). По побѣдоноснаго Амирана убиваетъ чортъ, бросившій въ него стальной ножъ. Въ *имеретинскомъ* вариантѣ⁴⁾ убиваетъ Амирана ребенокъ, вышедшій изъ крови убитаго царя, а въ грузинскомъ⁵⁾ Амиранъ убиваетъ самаго себя. Въ возвращеніи къ жизни героя играетъ роль мыше-

¹⁾ Сб. мат., XXXII, II, 161.

²⁾ Ас., 125, Прим.

³⁾ Сб. мат., XXXII, 156.

⁴⁾ Ibid., 156.

⁵⁾ Ibid., 163.

нось, указывающей средство *оживленія*, какъ и въ сравниваемыхъ вариантахъ ¹⁾. Тѣмъ же самымъ средствомъ Амيرانъ оживляетъ своихъ братьевъ, царя и все его войско. О значеніи Амيرانа въ сказаніяхъ кавказскихъ сказано мною въ Пред. къ XXI вып. Сборника (стр. XXV).

Въ сказкѣ „Дѣвушка-красавица и царевичъ“ завязка та же, что и въ чеченской сказкѣ „Завѣщаніе отца“ ²⁾. Но по формулировкѣ отцовскаго завѣта наша сказка подходитъ ближе къ двумъ армянскимъ сказкамъ: „Невѣста-всадникъ“ ³⁾ и „Гайраманъ-Блуть“ ⁴⁾ или къ татарской „Невѣста-богатырь“ ⁵⁾. Нарушивъ завѣщаніе отца, царевичъ проникаетъ въ таинственную башню, съ *надписью* надъ входомъ. Надпись или на воротахъ зданія, или на столбѣ у перекрестка, по своему эпическому значенію объяснена выше ⁶⁾.

Въ башнѣ была *нѣмая* царевна, которую нашъ герой долженъ былъ *заставить говорить*, при посредствѣ *шкатулки*, завѣщанной ему отцомъ; въ ней заключено было яблоко, которое должно было рассказывать его голосомъ сказки. Въ имеретинской же сказкѣ „О сынѣ царскаго служителя“ ⁷⁾ въ этой роли является завѣщанная отцомъ *табакерка*, съ мячикомъ и двумя подсвѣчниками; въ передачѣ сказки принимаютъ участіе всѣ эти три предмета. Въ татарской сказкѣ „Рыба разноцвѣтная“ ⁸⁾ шкатулкѣ соответствуетъ *дверь*, но на ея долю выпадаетъ роль страдательная: царевичъ рассказываетъ сказки самъ, а къ ней обращается только съ вопросами.

¹⁾ Ibid, 151, 163.

²⁾ Сб. мат., XXVIII, III, 16.

³⁾ Сб. мат., VII, II, 79.

⁴⁾ Сб. мат., XXIV, II, 189.

⁵⁾ Сб. мат., XXVI, II, 84.

⁶⁾ Ср. сказку „Золотныя яблоки“ Сб. мат., XV, II, 20.

⁷⁾ Сб. мат., XIX, II, 121.

⁸⁾ Сб. мат., IX, II, 78.

Дальше наша сказка и вышеупомянутая имеретинская развиваются параллельно. Въ обѣихъ сказкахъ, въ видѣ эпизодовъ, вставлены три разсказа, которые должны были такъ заинтересовать царевну, что она, слушая ихъ, не могла не нарушить молчанія. Основные мотивы этихъ эпизодическихъ разсказовъ почти одни и тѣ же въ сравниваемыхъ сказкахъ, но по нѣкоторымъ деталямъ они не совпадаютъ.

Въ первомъ разсказѣ, помѣщенномъ въ нашей сказкѣ, два брата, изъ которыхъ одинъ былъ женатый, погибаютъ при тѣхъ же почти условіяхъ, что и въ имеретинской сказкѣ „О сынѣ царскаго служителя“, но разница заключается въ томъ, что въ нашей сказкѣ средство къ *оживленію* обихъ братьевъ указываетъ *мышь*, а въ вариантѣ—они сами оживаютъ. При оживленіи ихъ второпяхъ *перепутываютъ* отрубленные головы: голова одного прирастаетъ къ туловищу другого. Кого изъ нихъ отдать женѣ? Красавица въ нашей сказкѣ присуждаетъ женѣ того, у котораго оказалась *голова* мужа, между тѣмъ какъ въ сравниваемой сказкѣ—она отдаетъ предпочтеніе *туловищу*. И во второмъ разсказѣ обѣ сравниваемыя сказки расходятся въ одной подробности: въ нашей сказкѣ царевна присуждаетъ женщину *священнику*, вселившему своей молитвою душу въ деревянный чурбанъ, между тѣмъ какъ въ сравниваемой сказкѣ выходитъ разногласіе: первый подсвѣчникъ отдаетъ предпочтеніе священнику, второй—портному, одѣвшему деревянную кувлу, а царица—плотнику, смастерившему ее. Въ третьемъ разсказѣ одинъ изъ трехъ братьевъ умѣетъ предсказывать будущее, другой—лѣчить чудесно, а третій—ходить необыкновенно быстро. Въ обладаніи этими дарами съ нашей сказкой расходятся имеретинскій ея вариантъ: въ немъ первый братъ обладаетъ волшебнымъ зеркаломъ, второй—ковромъ-самолетомъ, а третій—чудеснымъ лѣкарствомъ. И въ

присужденіи спасенной дѣвухи замѣчается противорѣчіе. Въ нашей сказкѣ царевна присуждаетъ ее среднему брату, между тѣмъ какъ въ вариантѣ первый подсвѣчникъ—обладателю лѣкарства, второй—ковра-самолета, а царица тому, кто увидѣлъ заболѣвшую въ зеркалѣ. Татарская сказка „Рыба разноцвѣтная“¹⁾, схожая по этимъ мотивамъ съ нашей и ея имеретинскимъ вариантомъ, богаче вообще второстепенными деталями.—Средство, которымъ нашъ герой заставилъ говорить *нѣмую* царевну—обычный сказочный мотивъ. Къ этому средству прибѣгаетъ герой и въ армянскихъ сказкахъ „Месропъ и его мудрый слуга“²⁾ и „О дѣвухѣ-красавицѣ, царскомъ сынѣ и бояринѣ“³⁾ и въ мингрельской „Доброе дѣло никогда не пропадаетъ“⁴⁾. Другія параллели, съ подробнымъ разборомъ отдѣльныхъ мотивовъ, указаны мною въ Предисловіи къ XXI вып. Сборника (стр. XVI).

Въ небольшой сказкѣ „Роза“ царь Соломонъ посредствомъ хитрости узнаетъ о происхожденіи своей жены.

Сказка „Проказы лисы“ разрабатываетъ ту же самую тему, что и чеченская „Хитрая лисица“⁵⁾, великорусская „Лисичка-сестричка и волкъ“⁶⁾ и малорусская сказка „Лисичка-сестричка“⁷⁾; но въ послѣдней нѣсколько другой конецъ, чѣмъ въ нашей. Сказочный мотивъ о *мьнѣ* съ *повышеніемъ* или съ *пониженіемъ* цѣнности предметовъ распространенъ у разныхъ народовъ⁸⁾.

Теперь приступлю къ тремъ русскимъ сказкамъ, запи-

¹⁾ Сб. мат., IX, II, 75.

²⁾ Сб. мат., IX, II, 199.

³⁾ Сб. мат., XXIV, II, 265.

⁴⁾ Сб. мат., XXIV, II, 45.

⁵⁾ Сб. мат., XXIX, IV, 23.

⁶⁾ Ае., I. f.

⁷⁾ Рудченко. „Нар. южнорус. сказки“ I, стр. 13.

⁸⁾ Лит. предмета у Н. Ф. Сумцова въ Разборѣ этногр. трудовъ Романова, стр. 61.

саннымъ въ Наурѣ, Терской области. Онѣ отличаются сложнымъ сказочнымъ составомъ и разнообразіемъ деталей.

Сказка „Царь и его трое сыновей“ имѣетъ ту же самую завязку, что и мингр. сказка „Слѣпой царь“¹⁾ и каб. „Нарунъ-Незнайко“²⁾. Царь ослѣпъ и посылаетъ трехъ своихъ сыновей одного вслѣдъ за другимъ за средствомъ отъ слѣпоты — *чудесной землей*, которую можно только достать въ той странѣ, гдѣ „онъ былъ“. Въ первой изъ сравниваемыхъ сказокъ — въ мингрельской отправляются три сына не одинъ вслѣдъ за другимъ, но вмѣстѣ за *оленимъ молокомъ*, а въ кабардинской за тѣмъ же средствомъ три ханскихъ зятя.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи всѣ эти сказки расходятся.

Старшіе братья вернулись ни съ чѣмъ. Тогда младшій братъ, отправляясь въ поиски за лѣкарствомъ, выбираетъ себѣ въ царской конюшнѣ худого, *замореннаго мерины*. Когда онъ его толкнулъ ногою, то онъ заговорилъ *человѣческимъ голосомъ*. Этотъ конь оказался *вѣщимъ* и руководитъ дѣйствіями героя. Такая же лошадь фигурируетъ въ мингрельской сказкѣ „Кобылій сынъ“³⁾ и въ русской „О трехъ братьяхъ-царевичахъ“⁴⁾. Эпическое значеніе „вѣщихъ коней — Раши“ рассмотрѣно въ Предисловіяхъ въ XXI (стр. XXXII) и XXV (стр. IV) выпускахъ Сборника.

На обратномъ пути царевичъ поднимаетъ *золотое перо*, которое должно было ему принести *несчастье*, такъ какъ отъ него потомъ требуютъ достать птицу съ такими же перьями. Тотъ же мотивъ находится въ армянской сказкѣ „О семи братьяхъ“⁵⁾ и въ сказкахъ другихъ народовъ⁶⁾.

¹⁾ Сб. мат., XVIII, III, 44.

²⁾ Сб. мат., XXI, III, 196.

³⁾ Сб. мат., XVIII, III, 388.

⁴⁾ Сб. мат., XV, II, 5.

⁵⁾ Сб. мат., XIII, III, 324.

⁶⁾ Сумцовъ, Разб. этн. тр. Романова, стр. 88.

Царевичъ, не соглашаясь разстаться съ перомъ, долженъ совершить три подвига. Прежде всего онъ долженъ достать морскую красавицу. Чтобы добраться къ дворцу царевны на морскомъ днѣ онъ долженъ *задобрить* многочисленныя двери, ведущія во дворецъ, а также волка и барана, сторожившихъ красавицу. Задобривъ ихъ, царевичъ не встрѣчаетъ уже никакихъ препятствій и овладѣваетъ красавицей. Приемъ задобриванія тотъ же самый, что и въ русской сказкѣ „Баба-яга“¹⁾: масломъ онъ задобриваетъ двери, мясомъ волка, а сѣномъ барана.

Затѣмъ предлагаютъ царевичу достать птицу съ золотыми перьями. Добываніе чудесной птицы сближаетъ нашу сказку съ грузинской „Похожденія царевича Георгія“²⁾, армянской „Отцовское завѣщаніе“³⁾ и съ русскими „Объ Иванѣ-царевичѣ, жарь-птицѣ и о сѣромъ волкѣ“ и „Жарь-птица и Василисса-царевна“⁴⁾. Параллели къ этому мотиву приведены Аванасьевымъ въ примѣчаніяхъ къ послѣдней сказкѣ.

За третьимъ разомъ предлагаютъ нашему герою достать молоко отъ козы, принадлежащей морскому царю. Конь, который и на этотъ разъ помогаетъ царевичу, спускается на дно моря. Но предварительно царевичъ *обматываетъ* коня верблюжьими кожами для защиты отъ ударовъ морской козы. Коза захвачена. Также *обшиваетъ* Иванъ-царевичъ⁵⁾ лошадиными шкурами своего вѣщаго коня, чтобы сдѣлать его неуязвимымъ противъ ударовъ золотогривой, золотохвостой кобылицы о двѣнадцати жеребятахъ.

Еще разъ оказываетъ конь царевичу услугу во время купанья въ молоко морской козы. Этимъ заканчиваются

¹⁾ Ае., 58. b.

²⁾ Сб. мат., XIII, II, 57.

³⁾ Сб. мат., XIII, II, 116.

⁴⁾ Ае., 102, 103 а, b.

⁵⁾ Сб. мат., XV, II, 15.

испытанія царевича. Послѣ онъ возвращается съ цѣлительной землей къ отцу.

Сказка „Сколько веревку ни вить, а все концу быть“ по многимъ деталямъ совпадаетъ съ горско-татарской сказкой „Женщина съ сѣрыми глазами“¹⁾ и кабардинской „Три дочки старика“²⁾; она имѣетъ также весьма близкое литературное родство со сванской сказкой „Касарь“³⁾, мингрельской „Золотыя дѣти царя Кучи“⁴⁾ и грузинской „Три сестры“⁵⁾. Отдѣльныя подробности варьируютъ весьма незамѣтно. Въ нашей сказкѣ и кабардинской старикъ отдѣлывается отъ своихъ трехъ дочерей, съ согласія своей старухи, подъ вліяніемъ гнетущей бѣдности, а въ горско-татарской и сванской это дѣлаетъ отецъ по наущенію мачехи. Кромѣ того, приемы, посредствомъ которыхъ отецъ отдѣлывается отъ своихъ дочерей, въ сравниваемыхъ сказкахъ другіе: въ нашей сказкѣ отецъ оставляетъ дочерей въ лѣсу, при чемъ прибѣгаетъ къ обману, а въ горско-татарской брасаетъ ихъ въ яму, прикрытую соломой, куда ихъ заманиваетъ сладкими яблоками.

Брошенные въ лѣсу сестры доходятъ до берега моря. Ихъ встрѣчаетъ царь съ дружиной. Сестры даютъ *обѣщаніе родить* дѣтей, обладающихъ какими-нибудь особенными качествами. Младшая обѣщаетъ родить трехъ сыновей — „по локоть въ золотѣ, по колѣна въ серебрѣ, на лбу мѣсяцъ, по тѣлу звѣздочки“. Такое же обѣщаніе родить даютъ и сестры въ вышеприведенныхъ горско-татарской, мингрельской и грузинской сказкахъ, а также и аварской „Красавица Езензулхарь“⁶⁾.

¹⁾ Сб. мат., XXIII, III, 28.

²⁾ Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, VI, II, 108.

³⁾ Сб. мат., X, II, 163.

⁴⁾ Сб. мат., X, III, 25.

⁵⁾ Сб. мат., X, III, 62.

⁶⁾ Сборникъ свѣд. о кавк. горц., II, V, 39.

Объщаніе младшей сестры пришлось по сердцу царю, и онъ женился на ней. Молодая царица рождаетъ такихъ дѣтей, какъ общала, но баба-яга, желавшая женить царя на своей дочери, подмѣниваетъ ихъ щенками. *Подмѣна дѣтей*—излюбленный сказками мотивъ¹⁾. Дальше сравниваемъ сказки расходятся, за исключеніемъ грузинской „Три сестры“²⁾, съ которой наша сказка и въ дальнѣйшемъ ходѣ разсказа имѣетъ много общаго.

Когда царицѣ пришлось рожать въ третій разъ, то баба-яга успѣла подмѣнить только одного сына щенкомъ; но спасшійся сынъ былъ безъ описанныхъ выше примѣтъ, и потому царь, въ наказаніе, велѣлъ свою жену заключить въ бочку вмѣстѣ съ сыномъ и щенкомъ и бросить въ море. Царица спаслась на какомъ-то островѣ. Вѣсть о ней приносятъ царю нищіе—„старцы-бывальцы“, которые разсказываютъ ему о чудесномъ островѣ и о чудесахъ на немъ. Любопытство царя возгорается все больше и больше, съ каждымъ посѣщеніемъ старцевъ, и наконецъ онъ рѣшается посѣтить островъ; тамъ онъ находитъ прежнюю жену и своихъ сыновей и восстанавливаетъ ее въ ея правахъ. Заслуженная кара постигаетъ бабу-ягу и ея дочь.—*Оправданію оклеветанной матери* содѣйствуютъ въ русской сказкѣ „По колѣна ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ“³⁾ „нищіе-старцы“, а „кушцы-торговцы“⁴⁾ въ ея вариантѣ.

Сказка „На куполѣ минарета гиря не держится“ не имѣетъ параллелей въ сказкахъ, помѣщенныхъ въ нашемъ Сборникѣ. Начало нашей сказки оригинальное. Крестьянинъ, котораго обуяла жадность, хочетъ зарѣзать свою

¹⁾ Литература предмета въ соч. Г. Н. Потанина „Восточные мотивы“ (стр. 9).

²⁾ Сб. мат., X, III, 63.

³⁾ Ае., 159 а b, 160 Прим.

⁴⁾ Ае., 159 d.

единственную дочь и зарыть на полѣ, чтобы уродилась пшеница. Но дочь избѣгаетъ своей участи и скрывается на берегу большой рѣки въ вѣтвяхъ тѣнистаго дерева. Подъ этимъ деревомъ останавливается со своими слугами царь и, увидѣвши красавицу, рѣшается на ней жениться. — Красавица, *скрывающаяся въ вѣтвяхъ дерева*, составляетъ весьма обычный сказочный мотивъ. Онъ извѣстенъ не только западно-европейскимъ народамъ ¹⁾, но и русскимъ сказкамъ ²⁾. Обыкновенно въ лѣсу, въ дуплѣ, скрывается „косоручка“, „das Mädchen ohne Hände“ нѣмецкихъ сказокъ ³⁾.

Царь отлучается на время въ городъ. Воспользовавшись его отсутствіемъ, дѣвушка-арапка сталкиваетъ красавицу съ дерева въ воду, а сама выходитъ замужъ за царя. Красавица превратилась въ русалку съ рыбьимъ хвостомъ. Русалку поймали, но арапка, предугадывая въ ней свою соперницу, приказываетъ ее сварить въ котлѣ. Изъ костей несчастной вырастаетъ большое дерево. Арапка догадываясь, въ чемъ дѣло, велѣла срубить дерево, но среди щепокъ одна старушка находитъ веретено, которое и беретъ къ себѣ; веретено превращается въ красавицу. Царь былъ однажды въ гостяхъ у старушки и узнаетъ отъ птвицы, умѣвшей говорить, всю правду. Заслуженной карой арапки-царицы заванчивается сказка. — Мотивъ о *чудесныхъ перерожденіяхъ* красавицы, страдающей отъ преслѣдованій соперницы, встрѣчается и въ сказкахъ другихъ народовъ ⁴⁾. Ложная Берта-Альгиста во французскомъ романѣ „О большеногой Бертѣ“ соотвѣтствуетъ вполне арапкѣ нашей сказки. Въ монголо-тибетской сказкѣ объ Эрдени-Харалигѣ перерожденіямъ подвергается сынъ царевны, гонимый слу-

¹⁾ Ср. нѣмецкую сказку „Das Märchen von den sieben Raben“.

²⁾ Ае., 158 в.

³⁾ Сказки бр. Гриммовъ, I, 31. Параллели у Ае., 158 Прим.

⁴⁾ Г. Н. Потанинъ, Восточные мотивы, стр. 9.

жапками, сдѣлавшимися царскими женами, пова онъ не обличилъ слугановъ ¹⁾.

*
* *

Въ отдѣлѣ IV помѣщена **Грамматика удинскаго языка А. М. Дирра**. Этимъ капитальнымъ лингвистическимъ трудомъ начинается серія подобныхъ же трудовъ уважаемаго автора надъ изученіемъ языковъ и нарѣчій Восточнаго Закавказья и Дагестана, не изслѣдованныхъ раньше барономъ Усларомъ и другими изслѣдователями кавказскихъ языковъ. Къ грамматикѣ приложены два удинскихъ текста, которые заслуживаютъ быть вкратцѣ рассмотрѣнными по своему содержанію.

Въ сказкѣ „**Царь и пастухъ**“ развивается мотивъ о неотвратимости рока. Сказка эта составляетъ простой вариантъ армянской сказки „Судьба“ ²⁾. Только редакція предсказанія мудреца (въ арм. сказкѣ—кудесника) въ обѣихъ сказкахъ нѣсколько другая: въ нашей сказкѣ предсказаніе состоитъ въ томъ, что пастушокъ долженъ овладѣть царствомъ, а въ сравниваемой—что ему суждено жениться на дочери царя. Но суть предсказанія отъ этого не измѣняется.

Сказка „**Шахзада и Шахваладъ**“ по своему сюжету подходитъ близко къ выше помѣщенной русской сказкѣ „Сколько веревку ни вить, а все концу быть“. Обѣ сказки отличаются только нѣкоторыми деталями; кромѣ того, въ нашей сказкѣ пристегнуть еще другой сказочный сюжетъ.—И въ нашей сказкѣ происходитъ *подмѣна* дѣтей. Дѣтей *подмѣниваетъ* повивальная бабка, по наущенію старшихъ сестеръ царицы, щенками. Но дѣти—мальчикъ и дѣвочка

¹⁾ Ibid., стр. 8.

²⁾ Сб. мат., XXIV, II, 104.

спасени. Повивальная бабка разыскивает дѣтей въ нѣхъ убѣжищѣхъ и заставляетъ мальчика идти въ поиски за деревомъ салбы. Когда юноша добылъ это дерево, то она посылаетъ его за красавицей Шахсанамъ. И этотъ подвигъ совершаетъ Шахзаде благополучно. Послѣ этого обличаются подвохи старшихъ сестеръ, царь возвращаетъ гонимой женѣ свою любовь, а на повивальную бабку и старшихъ сестеръ обрушивается такая же кара, какъ и въ вышеназванной сказкѣ. О Шахсанамъ, царницѣ красавицѣ, упоминается также въ татарской сказкѣ „Пастухъ Ибрагимъ“¹⁾, но при совершенно другой обстановкѣ.

Д. Ломатинскій.

11 февраля 1904 г.
Тифлисъ.

¹⁾ Сб. нар., XXVI, II, 76.

Указатель предметовъ (мотивовъ сказокъ).

- Б.** *Баба-яга* см. повитуха. *Баиша* брошенная, изъ которой никто не выходитъ 58. *Баиша* см. зданіе. *Борьба* съ великаномъ 52. *Бросаніе* головокъ чесноку, чтобы указать путь 1. *Бросаютъ* въ лѣсу бѣдные родители трехъ дочерей, которыхъ не могли воспитать 75;—чудесныхъ предметовъ, чтобы задержать погоню 29.
- В.** *Влюбляется* царевна въ великана, переодѣтаго нищимъ 20. *Вода*, въ которой умывалось солнце, оживляетъ 34. *Волкъ* вѣщій 26. *Волшебныя* предметы см. диковинки. *Волшебная* палка 48. *Волшебница* подъ видомъ лани 48. *Ворона*—посредница между Богомъ и людьми—коварная птица 2. *Всаживание* противника въ землю 52. *Выкалываютъ* глаза въ награду за услугу 2. *Вынимаютъ* изъ живота проглоченнаго старухой героя 26. *Вытзаютъ* волосы на головѣ, усы и борода послѣ того, какъ герой побывалъ въ животѣ дракона 51. *Выручаютъ* братья сестру 1. *Выстрѣлъ* по направленію къ солнцу умерщвляетъ героя въ продолженіе дня, а ночью онъ оживаетъ 29.
- Г.** *Голубь*—посредникъ между Богомъ и людьми—правдивая птица 2. *Гребешокъ* 28. *Громъ* слышится—это ржаніе коней преслѣдователей 55.
- Д.** *Демонъ* похищаетъ царевну 6. *Демоны* добрый и злой 6, 9. *Диви—диво* огнедышай 45; дивовъ *три*: двухголовый, трехголовый и пятиголовый 14; шестиголовый 41, семиголовый 42. *Дерево*, съ одной стороны котораго течетъ чистая вода, а съ другой—молоко 66;—въ вѣтвяхъ котораго скрывается красавица 82. *Диковинки*: чудесная сабля, чудесное пальто и вихрь-конь 8; зеркальце, въ которомъ виденъ весь міръ 27; платье, какого нѣтъ ни у кого 27; зеркало, гребешокъ и ножницы, бросаемыя чрезъ плечо 28; коверъ-самолетъ, шапка-невидимка и скатерть-хлѣбосолка 47. *Допрашивание* матери 3. *Дочки* три 27. *Дракона* три: черный, красный и бѣлый 50. *Длележъ* диковинокъ 47.
- Ж.** *Жадный* мужикъ 64, 65, 81. *Женское* царство 46. *Жетится* на служанкѣ обманутый царь 10. *Жертва* дракону (змію) 5. *Живая* вода 39.
- З.** *Застыніе* умирающаго отца не ходитъ на западъ 58. *Заговоръ* старшихъ братьевъ противъ освободившаго ихъ брата-силача 4. *Задабриваніе* дверей, волка и барана 76. *Залегаеть* у источника драконъ 5. *Зданіе* двухъэтажное, обнесенное заборомъ—жилище дивовъ 41, 42, 44. *Земля* чудесная, излѣчивающая слѣпоту 66;—покрытая золотомъ и серебромъ 66. *Зеркало* волшебное 25. *Зола* посыпанная останавливаетъ произрастаніе новыхъ головъ у дива 3. *Зрѣніе* возвращается чудесной землей 66, платкомъ, посланнымъ Богомъ 2.
- И.** *Игра* на чонгурѣ (груз. струнный INSTR.) усыпляетъ 49;—сопровождаетъ пѣсни про подвиги 53. *Избушка* о двухъ половинкахъ: одна запертая, другая отворенная 6.

- Б.** *Камешекъ* брошенный превращаетъ героя въ камень 25. *Карликъ* поѣда етъ припасы 7. *Колодець*, у котораго сидитъ красавица 4. *Кольцо* данное усмиряетъ собакъ 30. *Конь* Ивана-царя 37. *Конь-заморышъ* оказывается чудо-конемъ и вѣщнымъ 68;— перелетаетъ черезъ море 46. Изъ *костей* сваренной русалки вырастаетъ дерево 83. *Красавица*, невиданная солнцемъ 43, 52;—ночуетъ на вѣткахъ дерева 81. *Кровь* зайца выращиваетъ вылѣзшіе волоса 52. *Купанье* въ молокъ морской козы 74;—въ котлѣ 23.
- Г.** *Лиса-проказница* 63. *Льзуть* волосы см. вылѣзаютъ.
- М.** *Мать-предательница* 20. *Молоко* козы—средство отъ болѣзни 72.—*Морская красавица* 69. *Мышка* отрываетъ усы у убитаго героя 56. *Мѣна* 63.
- Н.** *Не сдерживаетъ* герой слова, даннаго дивамъ 17. *Ножницы* волшебныя 28. *Нѣмая* царевна, которую заставляютъ говорить 61.
- О.** *Обмѣнъ* предъ оживленіемъ отрубленными головами 60. *Обычаніе* трехъ сестеръ родитъ царю дѣтей особенныхъ качествъ 75, 96. *Оживленіе* трилистникомъ 57;—травой 60;—полотенцемъ 25;—живой водой 39. *Олень*—золотые рога, въ небо упертые 79. *Орелъ* поднимаетъ изъ подземнаго царства на поверхность земли 5. *Ослѣпъ* царь 66. *Островъ* демоновъ 6. *Отѣты* остроумные солдата 11.
- П.** *Палка* волшебная (= плеть) 46. *Парь* бѣлый—приближающаяся погоня 56. *Перекрестокъ* (съ надписью на столбѣ) двухъ дорогъ 24;—трехъ дорогъ 36. *Передѣвается* царевичъ нищимъ 39. *Перепрыгнешь* черезъ рѣку—спасешь царевну, нѣтъ—погибнешь 25. *Перо* золотое невидомой птицы 69. *Перья* отъ хвоста птицы—средство избавленія 22. *Письмо* съ порученіемъ убить 86. *Плаваеъ* по морю бочка съ царницей, ея сыномъ и щенкомъ 77. *Пламя* изо рта огнедышащаго дива сожигаетъ его же 49. *Платокъ* при натираніи глазныхъ впадинъ возвращаетъ зрѣніе 2. *Повитуха* баба-яга подкладываетъ вмѣсто трехъ сыновей щенятъ 76. *Подземное царство* 4. *Подмѣнъ* чудесныхъ предметовъ 9;—дѣтей щенками 76, 97. *Подслушваніе* бесѣды трехъ дивовъ открываетъ средство отъ болѣзни 14. *Полотенце* при натираніи возвращаетъ къ жизни 26. *Похищеніе* царевны демономъ 6. *Превращеніе* (оборотничество) человѣка въ коня 9;—воды во время умыванья въ кровь 24;—розы въ красавицу 62;—веретена въ красавицу 84—красавицы въ русалку съ рыбьимъ хвостомъ 83;—вырваннаго зуба въ яблоню 10;—волка въ царевну 38;—волка въ коня 38;—коня въ ястреба 38;—щенокъ въ утокъ 10. *Предательство* матери 21. *Препятствія* на пути преслѣдователей 29. *Проклятываеъ* старуха героя, превращеннаго въ камень 25. *Прожорливая* старуха 25. *Птенецъ* птицы-великана 22. *Птица* (ястребъ) срываетъ яблоко въ царскомъ саду 36;—чудесная, съ золотыми перьями 71;—благодарная 22;—освобождаетъ героя 5. *Путь* на небо (къ солнцу) 33.
- Р.** *Разбрасываютъ* головки-чесноку, чтобы найти дорогу 1. *Размѣнитъ* долженъ герой: иначе ему угрожаетъ смерть 59. *Райская роза*, оберегаемая дивомъ 27. *Распутье* см. перекрестокъ. *Рогъ* чудовищнаго оленя—средство отъ болѣзни 20. *Роза-красавица* 63.

- С.** *Свинка*—золотая щетинка 79. *Слеза* уроненная будитъ спящаго героя 5, 55. *Смодъ* указывается бросаніемъ чеснока 1. *Созданіе* человѣка: столяръ вытесываетъ чурбанъ, портной одѣваетъ его, а по молитвѣ священника вселяется въ него душа 61. *Соколы*, поющіе стишки царскіе-государскіе 78. *Солдатъ*, желающій видѣть царя 11;—научаетъ отвѣчать царедворцевъ 12. *Солнца* жена 33. *Спасеніе* пленцовъ отъ хищной птицы 22. *Спасителя*-героя бросаютъ и увозятъ спасенную царевну 7. *Споръ* изъ-за диковинокъ 47;—изъ-за того, кому должна принадлежать спасенная красавица 60, 61, 62. *Стальной* ножъ попадаетъ въ сердце и убиваетъ 56. *Старуха*-мдеви=баба-яга. *Страданія* родильницы, столцаго въ горячей пекарнѣ человѣка и упершагося рогами въ небо оленя 33. *Стрѣла* пущенная попадаетъ въ незнакомый дворъ 18. *Стрѣлы* три пускаетъ герой въ разныя стороны, чтобы рѣшить споръ 47. *Сына* три царевича 66.
- Т.** *Тарелки* при движеніи дають знать о побѣгѣ 54. *Тримистникъ*, указанный крысой, оживляетъ 57.
- У.** *Убиваютъ* братья возвратившагося царевича 39. *Ударъ* по поясницѣ убиваетъ неуязвимаго 56. *Узнаютъ* оборотня 9. *Упрекаютъ* силача, что онъ не выручилъ своихъ близкихъ изъ бѣды 3.
- Х.** *Хвостъ* дракона, прозенный стрѣлою 51. Къ *хвостамъ* дикихъ лошадей привязываютъ нелюбимую жену 80, 86.
- Ц.** *Царевичъ*-вѣщунъ 40. *Царевна* спасается 7.
- Ч.** *Число* эпическое: (цифра 3 выше) 7 дней кормить царевичъ коня-замо-рыша 68; 8 соколовъ 78; 9 братьевъ 1; 9 замковъ въ комнатахъ 34; 9 замковъ, за которыми сидитъ мать драконовъ 51; 10 братьевъ-дивовъ 18; 12 воиновъ въ брошенной башнѣ 59; 12 матросовъ 6; 12 воиновъ 25; 24 заколотыхъ быка 5; 25 лѣтъ пути 11; 40 сыновей у царя 40; 50 лѣтъ пути; 90 пудовъ масла, дверей, лѣтъ 70; 100 бурдюковъ вина 71; 200 пудовъ крупы и ваты 71. *Чудесные* предметы см. диковинки. *Чурбанъ*, привязанный къ дереву, издаетъ стукъ 75.
- Ш.** *Шапка*-камень, величиною въ три деревни 56. *Шерсти* оленьей клокъ—средство избавленія 21;—волка—чудодейственное и усыпляющее средство 33; если держать клокъ волчьей шерсти, при троекратномъ произнесеніи имени волкъ, то онъ является 38. *Шкатулка*—средство отъ бѣды 58.
- Щ.** *Щетина* свирѣпаго кабана—средство отъ болѣзни 21.
- Ъ.** *Яблоко*—средство зачатія 2, 18;—голосомъ царя рассказываетъ сказки, чтобы размѣшить 59. *Яблона* въ царскомъ саду 35. *Ястребъ* сидитъ въ золотой клѣткѣ съ золотыми бубенчиками 37.

Указатель именъ.

Амиранъ 50. Вадри 50. Дзудзу-кокоба 23. Кабачка-птица 85. Салбъ-де-рево 98. Соломонъ 62. Хвтисаваръ 16. Шахсанамъ 99. Шахзаде 99. Шах-валадъ 99. Юсупъ 50.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

(Кромѣ IV отдѣла).

Отдѣль II.

<i>Страница:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
17	18	— Натасьюшка	Настасьюшка
48	13	— гостепріимныя	гостепріимные
„	—	10 мятелями	метелями.

Отдѣль III.

12	—	14 сдѣлалъ	сдѣлалъ бы
73	—	12 неминующая	непнущая
82	16	— своего	его.

ОТДѢЛЪ I.

Описание рукописей библиотеки „Общества распространения грамотности среди грузинскаго населения“.

(Продолженіе¹⁾).

74 (=354). КАРТЛІСЬ-ЦХОВРЕВА Мингрельской библиотеки, рукопись въ 34×16 сантиметра, писана на хорошей бумагѣ круглымъ, красивымъ письмомъ мхедрули и черными чернилами; оглавленія, первое слово каждой новой строки и нѣкоторыя собственные имена писаны киноварью. Текстъ писанъ въ одинъ столбецъ; на каждой страницѣ помѣщается по 27 строкъ. Рука отъ начала до конца одна и та же. Пагинація показана по тетрадамъ сначала (до 17-ой тетради) арабскими цифрами и буквами мхедрули, а потомъ исключительно буквами мхедрули на поляхъ снизу листовъ. Въ первыхъ семи тетрадахъ по 6 листовъ, а въ остальныхъ по 8. Всѣхъ тетрадей сохранилось 40, страницъ 602. Въ концѣ недостаетъ одной тетради. Брѣвкій досчатый переплетъ обтянутъ черною кожей съ тисненіями. Застежки ободраны. Рукопись нѣкогда принадлежала извѣстному грузинскому повту Александру Чавчавадзе, какъ это видно изъ его собственноручной записи на 436-ой страницѣ: *აღებულა ესე წიგნი* — „принадлежу Александру Чавчавадзе.“ На

¹⁾ См. XXXII выд. „Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“.

сестрѣ Александра Чавчавадзе былъ женатъ послѣдній владѣтель Мингрелин Давидъ Дадіани, извѣстный библіофилъ и собиратель рукописей, которому шуринъ, вѣроятно, и уступилъ эту рукопись. Разбираемый Мингрельскій списокъ такъ же, какъ и описанный нами подъ № 25 Баратовскій, принадлежитъ къ разряду полной Вахтанговской редакціи Карлисѣ-Цховреба. Подъ полными списками Вахтанговской редакціи мы разумѣемъ рукописи, которыя содержатъ въ себѣ, кромѣ предисловія Вахтанга VI и текста лѣтописи отъ начала до царствованія Георгія Блистательнаго, еще два добавленія или двѣ краткія хроники, изъ которыхъ одна заключаетъ въ себѣ краткую исторію Грузіи послѣ Георгія Блистательнаго до царствованія Димитрія III или до 1453 г., а другая краткую же исторію отъ 1454 до 1605 г. Оба эти добавленія имѣются въ описываемомъ Мингрельскомъ спискѣ, но послѣднее изъ нихъ представлено дефектно, такъ какъ въ концѣ рукописи, какъ сказано было выше, недостаетъ одной тетради. Текстъ теперь обрывается словами: ამიერივან არღარა მნებაეს მონება ყიზილბაშთა, და აღმირჩევიეს მარჩილგბაჲ ხვანტჳრისა უფროს ყიზილბაშთა: და აჲ უკეთუ თქვენცა გნებაეს შეუროგლეთ, და.. (см. Б. Ц. т. II, стр. 298).

Ни переписчикъ ни время переписки не указавы въ разбираемой рукописи по дефектности, но разъ налицо имѣется предисловіе Вахтанга VI, она, конечно, не можетъ быть древнѣе XVIII вѣка. Съ другой стороны разбираемая рукопись ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть XIX вѣка ни по черку ни по матеріалу письма; слѣдовательно манускриптъ безусловно XVIII вѣка. Но и въ первой половинѣ XVIII вѣка наша рукопись не могла появиться, судя по нѣкоторымъ признакамъ ореографическаго характера. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые слова текста писаны съ полугласною буквою, похожею на русскую *з*. Знакъ этотъ введенъ былъ впервые Антоніемъ I католикосомъ въ свою грамматику грузинскаго языка, ко-

торая появилась во второй половинѣ XVIII вѣка, и предназначался для облегченія произношенія словъ, въ которыхъ бывають стеченія нѣсколькихъ согласныхъ. Это и искусственное нововведеніе, конечно, не привилось въ грузинскому правописанію, но нѣкоторые грамотѣи второй половины XVIII вѣка, слѣдующаго авторитету Антонія I, иногда употребляютъ этотъ знакъ. Укажемъ нѣсколько словъ, писанныхъ съ этимъ знакомъ въ нашей рукописи: წარმკვდებ (стр. 499), თურქეთა (503; ზეზუკობისა (506), წარმკვდებობ (507), სიქარბოვდობისა (527). Последними признаками для приблизительнаго опредѣленія времени появленія нашей рукописи могутъ служить филигранные бумажки. Бумага рукописи не одинакова по своимъ водянымъ знакамъ: въ первой части рукописи филигранными бумажками служатъ: въ одной половинѣ листа большой орнаментированный щитъ, въ другой половинѣ буквы Я. М. С. Я. Во второй части рукописи филигранными бумажками являются: въ одной половинѣ листа въ картушѣ В. Ф., въ другой половинѣ въ картушѣ же С. Т. Знаки эти обыкновенно встрѣчаются въ бумагахъ послѣдней четверти XVIII вѣка, скорѣе въ концѣ ея, чѣмъ въ началѣ. По всѣмъ перечисленнымъ признакамъ разбираемый Мингрельскій списокъ Картлисъ-Цховреба долженъ быть переписанъ въ послѣдней четверти XVIII вѣка. Мнѣніе, что наша рукопись переписана Давидомъ-Ректоромъ Месхишвили (Ө. Жорданія. Хроники I, стр. 290, примѣчаніе), ни на чемъ не основано. Почеркъ не похожъ на почеркъ Давида-Ректора. Кроме того, Давидъ-Ректоръ по своему обыкновенію не оставилъ бы безъ своихъ примѣчаній текста этого сборника лѣтописей и во всякомъ случаѣ на поляхъ не разъ упомянулъ бы о себѣ. Лучшимъ примѣромъ для подтвержденія этого мнѣнія можетъ служить переписанный Давидомъ-Ректоромъ экземпляръ Исторіи Грузіи царевича Вахушта, уже описанный мною на грузинскомъ языкѣ (см. Археологическія путешествія и замѣтки) и весь испещренный его

примѣчаціями. Въ нашей рукописи очень часты примѣчанія переписчика на поляхъ, касающіеся разночтеній, неясностей оригинала и толкованія словъ, но ни подъ однимъ изъ нихъ не подписано имя Давида-Рентора. Къ примѣчаніямъ такого рода относятся слѣдующія замѣтки на поляхъ:

- 1) მე ესე ვერ დავწერე, ადგილი დეტუთუე (стр. 236). „Я это слово не могъ написать, мѣсто оставилъ“. Мѣсто оставлено въ видѣ круга. Пропущено слово დეტოთი — „Богъ“, которое переписчикъ не разобралъ въ оригиналѣ. Давидъ-Ренторъ, конечно, догадался бы, въ чемъ дѣло.
- 2) სავსავე ამის წიგნში ასე იყო (318) „Во всякъ трехъ спискахъ этой книги это такъ было“, т. е. написано было „ვთამ“.
- 3) „ახლად“ — ორს ამის წიგნში ასე ეწერა (319). Въ двухъ спискахъ этой книги было такъ написано: „ახლად“. Въ текстѣ переписчикъ поставилъ „ახლად“.
- 4) ორს დედანში ასე ვნახე. (358). „Въ двухъ спискахъ такъ я нашелъ“, т. е. было написано „ამიერ სპასალარობა“ вмѣсто „ამირ-სპასალარობა“.
- 5) „შესტლა“ — შეხელა მგონია (424). Я полагаю, слѣдуетъ читать „შეხელა“, вмѣсто „შესტლა“ оригинала.
- 6) სეანნი — „სუანნი“. Дана другая орфографія слова „სეანნი“ (419).
- 7) „მატანი“ — „მატანი“ მგონია (592) Я полагаю, слѣдуетъ читать „მატანი“ вмѣсто „მატანი“.
- 8) „ულობანად“ — „ჯილობანად“ მგონია. Я полагаю, слѣдуетъ читать „ჯილობანად“ вмѣсто ულობანად (600).
- 9) „ისთხოვა“ — „სთხოვედა“. Такъ исправлено на полѣ 572 стр.
- 10) ნესტანჯან ეწერა (576). „Написано было Нестанджанъ“.
- 11) „კენი“ — на полѣ вынесна „კენი“ (стр. 285).
- 12) „კვლად“ — на полѣ вынесна „დაკვლადი“ (800).

13) „ქაჩდელი“ — на поля выносок „სიჩხელი“ (143).
 Всё эти примѣчания указываютъ, во-первыхъ, на весьма
 внимательное и аккуратное отношеніе переписчика къ сво-
 ему дѣлу, а, во-вторыхъ, на то, что переписчикъ имѣлъ
 подъ руками три списка Картли-Цховреба. Другая замѣ-
 чка переписчика на 497 страницѣ, тамъ гдѣ кончается
 старый текстъ Картли-Цховреба, или исторія царствованія
 Георгія Блистательнаго, еще янѣ сообщаетъ, что у пере-
 писчика дѣйствительно были подъ руками три списка. Здѣсь
 мы читаемъ:

სამი დღიანი ვნახე, ასე აკლდა, მცხეთისა, მეფისა, და
 ერისთვისა: და პპოებთ შუ ვინმე და მასურევებთ ღირს არს მიხლი
 შშრომელისა: დოღად მზადლობელ გეკმნებო.. (დაღე одна стро-
 чка выскоблена, читается только: მე ეს ურიალ მიკვირს, кажет-
 ся дальше слѣдуетъ რათ აკლია აქ ამხავი.) „Я видѣлъ три
 списка, Мицхетинъ, Царскій и Фристовскій, такъ же не до-
 ставало. Если кто найдетъ (другой полный) и доставить, за-
 служить награду за трудъ, и я буду очень благодаренъ“.
 Смыслъ выскобленной строчки, вѣроятно былъ такой: „Я очень
 удивляюсь, почему тутъ недостаетъ разсказа“. Дѣйствитель-
 но царствованіе Георгія Блистательнаго во вѣсхъ спискахъ
 Картли-Цховреба представлено дефектно.

Второй видъ замѣтокъ на поляхъ, писанныхъ рукою
 текста, хронологическаго характера:

14) აღმა აქეთ ათას შვიდას ოთხმეოცდა და ათერთამეტ
 წელს უკან იყო ნებროთ (стр. 1).

„Небротъ былъ, спустя 1798 лѣтъ послѣ Адама“.

15) აღმას უკან ორი ათას ოთხას ორმოცდა სამს წელს
 უკან მოსემ ზღვა განელო (9).

„Моисей перешелъ черезъ море, спустя 2443 года послѣ
 Адама“.

16) აღმას აქეთ სამი ათას სამას სამოცს წელს უკან იყო
 წახუქოდანობორ (10).

„Науходоносоръ былъ, спустя 3360 лѣтъ послѣ Адама“.

17) ადამს აქეთ სამი ათას ოთხას ორმოცდაშვიდ წელს უკან განხლიერდა მეფობა სპარსთა (11).

„Царство персидское усилилось, спустя 3447 лѣтъ послѣ Адама“.

18) ადამს აქეთ სამი ათას ექვსას სამოცდა ორს წელს უკან იყო ალექსანდრე მაკედონელი (11).

„Александръ Македонскій былъ, спустя 3662 года послѣ Адама“.

19) ადამს აქეთ სამი ათას ორას ოცდაათსამეტს წელიწადს უკან აღაშენეს ჰრომის ქალაქი.

„Городъ Римъ построили, спустя 3233 года послѣ Адама“.

20) ოდეს ქართლი მოაქცია წმიდამან ნინა ქრისტეს ამალ-ლებილამ გარდასრულ იყვნეს წელნი სამას ოცდა ათვრამეტნი (45).

Когда св. Нина обратила Грузію *въ христіанство*, отъ Вознесенія Христа прошло 318 лѣтъ“.

21) მირიანილამ გარდაკლა წელნი (იოანე ზედაზადნენლის და მისთა მოწაფეთა მოსელოამლის) ორასნი და მეფენი: იბ: (143).

„Отъ Миріана до прихода въ Грузію Іоанна Зедазнійскаго и его учениковъ прошло 200 лѣтъ, царей преставилось 12“.

22) მეფობითგან მირიან მეფისათა ვიდრე მეორის ფარსმანისა გარდაკდეს წელნი: ს: და მეფენი გარდაიცვალნეს: იდ: და ვახტანგისითგან კათალიკოზნი გარდაიცვალნეს ექვსნი (150).

„Отъ царствованія царя Миріана до Фарсмана II прошло 200 лѣтъ, царей преставилось 14, а отъ Вахтанга Горгаслана католикосовъ преставилось шесть“.

23) ალექსანდრესითგან მოჰმედის გამოჩინებადმდე გარდასრულ იყვნეს წელნი: შ: კზ (159).

„Отъ Александра (Македонскаго) до появленія Магомета прошло 927 лѣтъ“.

24) ხოლო აქა ემამდის (ბაგრატ კურატპალატამდის, ძისა აშოტისა) გარდასრულ იყვნეს წელნი მოჰმედის გამოჩინე-

ბითგან, რომელმან სჯული სარკინოზთა დაუღვა: სით: (175).

„До сего времени (т. е. до Баграта-куропалата, сына Ашота) отъ появления Магомета, который далъ религію сарацинамъ, прошло 219 лѣтъ“.

25) ქვეს აქეთ: ჩხნე. ამას ქამსა მოვიდა მთაწმიდით გიორგი, ვერემ, თეოფილე (443).

„Въ 1256 г. отъ Р. Х. прибыли съ Святой Горы (Авона) Георгій, Ефремъ и Теофила (Теофилъ)“.

Третій видъ замѣтокъ, писанныхъ на поляхъ рукою текста, хорографическаго характера:

26) მიღია თავრეზი არს—„Мидія — Тавризь“ (ст 2).

27) მოვაკანი არს მცირის ალაზნის შესაყარს ქვეით ვიღრე ზღვადმდე. მცირე ალაზანი ოორია (2).

„Моваканъ—страна отъ впаденія Малой Алазани (въ Большую) до моря. Малая Алазань—Юра“.

28) სერეთი არს მცირით ალაზნით ვიღრე გულგულამდე ცვეს აქეთ და ვიღრე აზანბურადმდე და მტკვრადმდე (3)

„Эрети—страна отъ Малой Алазани до Гулгулы, по сію сторону Циви, до Азанбура и Курь“.

29) აღარბადაგანი აღრიბეყანია, რომელ არს თავრეზის მიწა (3).

„Адарбадаганъ—Адирбейжанъ, т. е. страна Тавриза“.

Запись эта повторяется и на стр. 10.

30) გარდაბანი ჭაპალას ქვეით ნაკიდურსა და ტაგნაგეთს ქვეით ვიღრე მტკვრამდე ეწოდების (5).

„Гардабаномъ называется страна ниже Чапалы, ниже Нахидури и Тагнагета до Курь“.

31) კახეთი არს თურღოს კვეს ზეით თიანეთი ვიღრე კვესურეთამდე (5).

„Кახетія—страна выше Турдось-Хевы, Тіанети, до Хевсуретія“.

32) კუხეთი არს ნინო-წმიდას ზეით სამგორი და ამის ზეით ერწოს მთამდის და არაგვამდის (5).

„Бухети—страна выше Нино-Цминда, Самгори и выше этого до горы Эрдо и Арагвы“.

33) შიდა ქართლი არს ტაისის კარს ქვეითი. ზემო ქართლი არს ტაისის კარს ზემო სამცხე და კლარჯეთი (6)

შიდა-ქართლი (Внутренняя Грузія)—страна выше Тасись-Бари (выхода Боржомскаго ущелья). Земо-ქართლი (Верхняя Грузія)—страна выше Тасись-Бари, Самцхе и Кларджети. Запись повторяется и на стр. 17.

34) ხაზარეთი რუსეთია — „Хазарети—Россия“ (7)

35) ეგრისა—სვანეთია—„Эгриси—Сванетія“ (18)

36) კამბეჯოანი — ქისიყო — „Камбечованъ есть Бизиги“ (28).

Четвертый видъ записей на поляхъ указываетъ на содержание текста Бартлис-Цховреба соответствующихъ записей мѣсть:

37) აქა დაივიწყეს ღმერთი — „Здѣсь забыли Бога“ (стр. 7).

38) ქეკაპოს მეფე სპარსთა — Бекапосъ, царь персовъ“ (9).

39) მოსემ ზღვა განელო — Моисей перешелъ черезъ море“ (9).

40) ფარშოროტ — Фаршоротъ“ (9).

41) კახოსროტე შიოშისა — „Кайхоеро, сынъ Шіоша“ (9).

42) სპანდიატ [რვალი] — „Спандіатъ [Рвали]“ (11).

43) ვაშტაშაბ — გოსტაშაბ — „Вашташабъ-Госташабъ“ (11).

44) ბაამან — „Бааманъ“ (11).

45) ალექსანდრე მაკედონელი — „Александръ Македонскій“ (11)

46) აქა მწიგნობრობა დაიწყო ქართული — „Здѣсь начало грузинской письменности“ (18).

47) მეორე ბარტომ — „Второй Бартомъ“ (27).

48) მეორე ფარსმან — „Второй Фарсманъ“ (31).

49) მესამე ფარსმან — „Третій Фарсманъ“ (34).

50) მეორე ამზასპ — „Второй Амзаспъ (34).

51) შვლებს რომ დაჰკლვიდენ მსხვერპლად აქამოიკვეთა (30).

„Принесеніе въ жертву сыновей здѣсь прекратилось“.

- 52) მეორე მირდატ—, „Второй Мирдагъ“ (86).
- 53) ბ კათალიკოზი სამოელ—, „Второй католикосъ Са-
мосель“ (141).
- 54) ბ მაკურ—, „Второй Вавуръ“ (142).
- 55) ე ფარსმან—, „Пятый Фарсманъ“ (ibid.).
- 56) გ კათალიკოზი—, „Третій католикосъ“ (ibid.).
- 57) დ კათალიკოზი—, „Четвертый католикосъ“ (ibid.).
- 58) ვ ფარსმან—, „Шестой Фарсманъ“ (ibid.).
- 59) ე კათალიკოზი—, „Пятый католикосъ“ (ibid.).
- 60) ვ კათალიკოზი—, „Шестой католикосъ“ (ibid.).
- 61) აქა წის შუშანიკის ცხოვრება უნდა (151).
„Здѣсь свидѣеть *помыслити* житіе св. Шушаники“.
- 62) ც კზი სვმონ—, „Восьмой католикосъ Свимионъ“ (151).
- 63) დაწყება ეკლესიისა ჯწის პატრონისა—, „Основаніе
церкви Честнаго Креста“ (155).
- 64) საფუძველი ტფილისის სიონისა—, „Основаніе Тифлис-
скаго Сіона“ (153).
- 65) ი კზი—, „Десятый католикосъ“ (155).
- 66) ია კზი—, „Одиннадцатый католикосъ“ (155).
- 67) აღშენება ჯწის პატრონისა—, „Постройка церкви Чест-
наго Креста“ (156).
- 68) იბ კზი—, „Двѣнадцатый католикосъ“ (157).
- 69) იგ კზი—, „Тринадцатый католикосъ“ (157).
- 70) განსრულება ჯეფორისა პატრონისა და ტფილისის სი-
ონისა (158).
- „Описаніе церкви Честнаго Креста и Тифлискаго Сіона“.
- 71) წამება წისა გობრონისი—, „Мученичество св. Гоб-
рона“ (180).
- 72) შეშოსა წის გორგის აღავერდისა—, „Украшеніе
иконы Св. Георгія Алавердскаго“ (181).
- 73) აღშენება კუონდილს ეკლესიისა—, „Постройка Чон-
дидской церкви“ (181).
- 74) აღშენება ლოწობნის ცობისა—, „Постройка Лоцобан-

სკოი კრѣпости“ (181).

75) აღშენება მოქვის ეკლესიისა—„Постройка Моквской церкви“ (183).

76) აღშენება ხახულოს ეკლესიისა—„Постройка Хыхульской церкви“ (187).

77) წმიდა ეფთჳში ქართველი მთარგმნელი—„Св. Евѣимій грузинь, переводчикъ“ (192).

78) აღშენება ბედის ეკლესიისა—„Постройка Бедійской церкви“ (192).

79) კუროხევა ჭუთაისის ეკლესიისა—„Освященіе Кутаисской церкви“ (192).

80) კონსტანტინე კეისარი შა ბასილისი—Бесарь Константинъ, братъ Василія“ (197).

81) ააკო ციხე თავისა ზელა ტბეთისასა—„Построилъ крѣпость надъ Тбети“ (198).

82) გიორგი მთაწმინდელი—„Георгій Мтацминдовій (Святогорець 199).

83) ახალქალაქისა ზღუდეთა შენება—„Постройка Ахалкалахской ограды“ (201).

84) კ“ზი ქართლისა გაბრიელ საფარელი—„Католикосъ Грузіа Гавріилъ Сафарскій“ (211). Обь этомъ католикосѣ въ текстѣ не упоминается въ разбираемомъ спискѣ Бартлисъ-Цховреба.

85) ნოველისიმოსისა, ნოველისიმოსე, ნოველისიმოსი, ნოველისი—туть приводится разная транскрипція титула Ваграта IV nobilissimus. Въ текстѣ обь этомъ титулѣ не упоминается (211).

86) მეფე ბერძენთა მიხაილ, დისწული გ“ მეფისა . „Царь греческій Михаилъ, сынъ вестры грузинскаго царя Георгія“ (212).

87) მორბევა ქართლისა მეორედ—„Второе опустошеніе Грузіа“ (212).

88) მეორე ვახტანგ ქეს აქეთა ჩ სოკ: (467).

„Второй Вахтангъ въ 1273 г. по Р. Х.“

89) ბრანჯნი ფრანგნი არიან — „Бранджи суть франки„ (46)

Изъ замѣтокъ, писанныхъ не рукою текста, отмѣтимъ объясненія словъ какого-то Петра, вѣроятно, Петра Дадіани:

90) Слово არბაგანისაებრ (стр. 302) на полѣ имѣеть замѣтку: შესაბამი პატრივი. პეტრე.

91) ხრიზმოსთა — წინასწარ-მოსწავება (стр. 305)

92) ფაკელსა — თაფსახვევსა, რომელ არს სარუხი. პეტრე (546).

Къ позднимъ записямъ относятся также два четверостишія на оборотѣ переплета:

ქ. გაზაფხულს ედრებ, შემყაროს, ტკბილად მაჩვენოს იანი,
ციენოსო სულად სურნელი ყვავილთ უაღრეს სვიანი,
გონება არ დამიწყლოლოს, დღე არ დამისოვს მზიანი,
და ლხინ-ყოფა მონიჭებული კარნი არ დახმას ღიანი.

ქ. ცოდვით შეპყრობილს გონებას უმეტეს განსწმენდს
მარხვანი,
ძმთ მოყვარება, სიმშვიდე, მუხლთ მოყრა, პირჯერის სახვანი,
ქველის საქმენი გლახაკზე, ხშირათ სნეულთა ნახვანი,
და განკრძალულ იყოს, არა ქნას მთვრალობა კაცთა ზრახვანი.

Мингрельскій списокъ лѣтописи даетъ не меньше вариантовъ сравнительно съ изданіемъ Броссе, чѣмъ Баратовскій. Для критики текста Картлис-Цховреба эти варианты имѣють немаловажное значеніе, поэтому мы и приведемъ ихъ. Цифры до запятой указываютъ на страницы изданія Броссе, послѣ запятой — на строки сверху. Голыя цифры въ графѣ вариантовъ обозначаютъ, что тексты примѣчаній изданія Броссе подъ указанными номерами повторяются и въ Мингрельскомъ спискѣ¹⁾.

¹⁾ Трудъ сличенія изданія Броссе съ Мингрельскимъ спискомъ дѣлалъ со мною бывший мой сослуживецъ Н. В. Мгвареловъ, при чемъ одинъ изъ насъ читалъ рукопись, а другой отмѣчалъ равночтенія въ особой тетради.

- 15, 9. სსეაცა
- , 10. ალაწვინეს
- 16, 1. განწყენეს
- , —. წარვიდა
- , 5. ქეწყანა იგი
- , 13. უმეტესი
- , 14. წყლის რღენის
- , —. არც
- , 17. უმჯობესი
- , 18. განუყენა
- , 19-20. ბერდუჯისა
- , 20-21. ბერდუჯის მდინარის თავს
და მთა რომელი მიჰყვების
- , 22. კლარჯეთსა
- , 23. ლაღო-მთა

- , 29. კაგასია ელბუზია
- 17, 1. მტკვარს
- , 2. და ეშენა მუნ
- , 5. ჩრდილო
- , 6. ტყე-ტბამდე
- , 8. წერეთი
- , —. მის
- , 13. კაგასიათა
- , —. კაგასიითგან
- , 15. კაგასი
- , —. დარუბანდისათა
- , 17. კაგასისა
- , 18. თარგამოსისათა
- , 20. გმირთა
- , 21. გამგებელ
- , —. ჰაოს
- , 2.
- , 26. წერეთი არს მცირისა აღაზ.
ნით ამოღმართ ვიდრე გულ-
გულამდე. ცივს აქეთ და
ვიდრე აზანბურამდე და

- სსეანიცა
- ალწვინეს
- განყენეს
- წარმოვიდა
- ხოლო ქეყანა იგი
- უმეტეს
- წყლით რღენასა
- და არცა
- უმჯობესი
- განუყენა
- ბერდუჯისი
- abs.
- კლარჯეთს
- ლაღო-მთა რომელი გამოვლის შტოდ
კაგასისაგან და მოჰკიდებუ წვერი
დასასრულსა ლაღოსა
- abs.
- მტკვარსა.
- და დაეშენა მუნ
- ჩრდილოთ
- ტყე-ტბამდე
- წერეთს ერეთი
- მის
- კაგასიათა
- კაგასიითგან
- კაგას
- დარუბანდისათ
- კაგასიისა
- თარგამოსისთა
- მმათა
- განმგებელ
- abs
- 2.
- წერეთი არს მცირით აღაზნით ვიდ-
რე გულგულამდე ცივს აქეთ,
და ვიდრე აზანბურამდე და მტკვ
რამდე

მტკვრამდე.

- 17, 6.
- , 7.
- 18, 2. ჰრქეა
- , 4. დამბადებულისა
- , 8. ნათესავსა თარგამოსისა
- , 10. წარავლინა გმირნი სამეოცნი
- , 12. გმირნი
- , 13-14. დაუდგა
- , 18. მოსწყდეს ორგნითვე
- , 26. აკდა
- , 28. მივეანლოთ
- , 2.
- 19, 3. მისი, და
- , 7. მისდა
- , 10-11. ზედა
- , 11. კერპი არმაზისი
- , 13. მტკვრის
- , 20. ქვესუნად
- , 21. და უჩინა
- , —. დასავლით
- , 5.
- , 6.
- 20, 1. სკვირეთისა
- , 3. ხოლო
- , 6. ჩელოთი
- , 7. ჩელოთისასა
- , 7-8. რამეთუ დედა ცინე კახოსის
ხვედრი იყო და მის-
ცა კახოს შუწვენისათვის და
შუწვეთა შენებათა ჩელოთთა
- , 16. მცხეთოსისათა
- , 20. ფანაურიდგან
- , 23. არაგვიდგან
- , —. ფანაურამდე
- , 24. ქვესუნასა ზენასა

- 6.
- 7.
- ჰქეა
- დამბადებულისა
- ყოველსავე ნათესავსა თარგამოსიანსა,
და წარმოავლინა გმირნი მისნი სამე-
ოცნი
- გმირნი შმანი
- და დაუდგა
- მოსწყდა ორთაგანვე
- აკდა
- მივეანლო
- 2.
- მისი: და განთავისუფლდეს ნათესავნი
თარგამოსისნი და მაშინ
- მისსა
- ახს.
- კერპისა მის არმაზისა
- მტკვრის
- ქვესუნად
- ახს.
- და უჩინა დასავლით
- 5.
- 6.
- სკვირეთის
- და
- ჩელოთი
- ჩელოთისასა
- ახს.
- მცხეთოსისასა
- ფანაურიდგან
- არაგვიდგან და ტფილისითგან
- ფანაურამდე
- ქვესუნასა ზენასა

- , 2.
- , 4.
- 21, 2. ნებროთიანთა
- , 3. მაგრებასა
- , 6. მცხეთოსისსა
- , 8. რომელ უამსამე
- , 10. აღდგიან
- , —. შეეწოდიან.
- , 11. შვიშაღნიან
- , 13. 15. იყვის, იყვის
- , 7.
- , 20. და დაუწყეს
- , 21-22. კაკასიოსთა
- 21, 3.
- , 4.
- 22, 2. კაკასიოსთა.
- , 4. მოსტუქსნეს
- , 10. მტკვრის
- , 12. დარიალა
- , 13. გამოსლგა
- , —. ყოველნი
- , 16. მისსა
- , —. კაკასის
- , 17. ლომეკის მდინარისა
- , 18. ოსენი
- , —. ოსეთი
- , —. და დურძუკ
- , 5.
- 23, 1. აღმოსავლით
- , —. ლომეკისა, და მისცა ტუვე
რანისა და მოვაკისა, დაე-
შენა იგი მუნ
- , 2. ლეკანისი: ხოზანის
- , 4. ხოზანხეთი
- , 6. მიერიტგან
- , 7. გამოჭნდა
- , 7. აფრიდონ
- , 8. ბევრასუ

- 2.
- 4,
- ნებროთიანთაგან
- განმაგრებასა
- მცხეთოსისათა
- რომელსამე უამსამდე
- აღდგიან
- შეეწოდეს
- კვალად შვიშაღნიან
- იყვს
- 7.
- დაუწყეს
- კაკასიანთა
- 3.
- 4.
- კაკასიოსათა
- მოტუქვენეს
- მტკვრის
- დარიელა
- გამოსვლა
- ესე ყოველნი
- თუსსა
- კაკასისა
- ლომეკისა მდინარის
- ოსენი
- ოსეთი
- ხოლო დურძუკ
- 5.
- აღმოსავლით

ახს.

- ლეკანისა: ხოლო ხოზონის
- ხოზანხეთი
- ხოლო მიერიტგან
- გამოჭნდა
- რომლისა სახელი აფრიდონ
- ახს.

—, 10. ეყო	ჰყო
—, 12. ქართლად	ქართლს
—, 15-16 ქვითკარითა, ქვითკარი	ქვიტკირითა, ქვიტკირი
—, 17. წარმოზღუდა	და წარმოზღუდა
—, 18. წელთა	წელთა
—, —. ყოველი ქეჭყანა	ახს.
24. 2. და კნისობად	დაკნისობად
—, 3. განთავისუფლეს	განთავისუფლდეს
—, 6. ზანიხიზსი	ზანიხიზსი
—, 8. ამან ქეკაპოს მეფე	ამან
—, 9. კვალად	შემდგომად
—, —. განავლო	განვლო
, 10-11. ისრაელითა	ისრაილითა
—, 15. რაოდენზე	რაოდენთამე
—, 17. ესე	abs.
—, 21. წარემართა	წარმოემართა
25. 2. ყენა	ყენა
—, 5. მათისასა	მათისათა
—, —. იპოეს	იპოვეს
—, 7. აღმოყვეს	აღმოჰყვეს
—, 8. აღუთქევეს	აღუთქევეს
—, 9. შეწევა	შეწევა
—, —. მცხეთელმან	მცხეთისამან
—, —. ქართუტლთა	ქართუველთა
—, 10. აქენდა	აქენდა
—, 11-12. დაიმეგობრნეს	დაემეგობრნეს
—, 13. ჰოეს	ჰოვეს
—, 14. მოითხოეს	მოითხოვეს
—, —. მცხეთელ	მცხეთელ
—, 16. მოსლვასა	მოსვლასა
—, 18. ასურეთით	ასურით
—, —. გინა	ოტებული, გინა
—, 19. გამოვიდეს	გამოყდეს
—, 20. იერუსალიმი	იერუსალიმი
—, 21. ქართლს	ქართლსა
—, —. მცხეთელ	მცხეთელთა
—, 21-22. ხოლო მცხეთელმან მამასახლისმან	abs.

- , 22. რომე ქვან ზანავი რომელსა ჰქვიან ზნავი
- , 23. ქვან ხერკ ჰქვიან კერკ
- , 24. ენა სომხური ენა მხოდლო ქართული
- , 25. 26 დაუტევებს ენა სომხური განრყუნეს ენა თვსი და ამით
და ამით ყოველთა ნათესაფო ყოველთა ნათესაგუთაგან შეიქმნა ენა
თაგან შეიქმნა ენა ქართული ნართაუფლი
- , 26. დაიპყრეს იპყრეს
- , 27. ცოლქმრობისთვის ცოლქმრობისათვის
- 26, 1. გოლიათი გოლიათი იგი
- , 2. მოელოდნენ მოელოდნეს
- , 3. მოვიდა რა მოვიდა
- , 3. ამავე, ვითარმედ შევიდეს ამავე სპარსთა რამეთუ მოკლეს მა-
თურქნი სპარსეთად და მოკ- მის მამა მისი თურქთა: შემოვი-
ლეს მამის მამაჲ მისი დეს თურქნი სპარსეთად:
- , 4. თურქთ თურქთა
- , 5. სისხლისა მამის მამისა მი- მამისა მათისასა
სისა
- , 6-7. სპადიატ რვალისა, რო- სპანდიატ რვალისა რომელი
მელსა ერქვა სახელიად ბაამან არს სახელით ბაამან
- , 11. ებრეული ებრეული
- , —. ბერძნული ბერძნული
- , 13. შემოსულა ალექსანდრე მაკე- თავი. შემოსულა ალექსანდრესი
დონელოსა
- , 14. ქეჭყანასა ქეყანასა
- , —. ქეჭყანასა მას ქეყანასა
- , —. ჰქვიან ჰქვიან
- , 14-15. მაკედონია მაკედონ
- , 15. ქე ფილიპესი ქე
- , —. კაცობისა კაცობისი
- , 17. გარდამოვლო გარდამოვლნო
- , 19. ურნდათ ურნდა
- , —. სულსა სულიერსა
- , 19-21. იხილა რაჲ ესე ნათე- ანგ.
სავნი, სასტიკნი წარმართნი,
რომელთა იგი ჩვენ ბუნთურ-
ქად და ყივჩაყად უწოდთ,
მსხდომარენი მდინარესა ზე-
და მტკერისასა მიხვევით

26, 22. ამას.	მას
—, 23. ძლიერნი	ესე ძლიერნი
—, —. სურთკისი	სურთკისი
—, 24. თუნარისი	თუნარის
—, 25. მისნი, სარკინე	მისნი, სარკინე და
—, —. 3	3.
27, 4. და ამიერ	მიერ
—, 7. თთქ	თქე
—, —. სარკინელთა	სარკინელთა მუნ
—, —. ბუნთურქთაგანთა	თურქთაგანთა
—, 8. განუწყურა	განუწყურა
—, —. რქვა	ქქვა
—, 9. ნაწილი	ნაცვალი
—, 10. სადით	სადეთ
—, 11. თთქ	თთქე
—, —. კაჟა	კაჟვა
—, —. განკურიტეს	განკურიტეს
—, 12. საკურეტელი	საკურეტელი
—, —. ხერულსა	კურულსა
—, 12-13. კაკასად	კაკასიად
—, 13. ცალიერადი	ცალიერად
—, —. დაიპურნა	დაიპურა
—, 14. და უცხონი იგი ნათესავნი ალრეულნი, ქართლს მყოფნი	ახვ. დაატყვევნა ათნეთმეტიცა აზონ აზონ მისთანა მოარღვინა ქალაქსა 2.
—, —. დატყვევნა	დაატყვევნა
—, 15. თნეთმეტის	ათნეთმეტიცა
27, 16. სანელით აზონ	აზონ
—, 19. აზონ პატრიკსა	აზონ
—, 19-20. ამისთანა	მისთანა
—, 26. მოარღვივნა	მოარღვინა
—, —. ქალაქისა	ქალაქსა
—, 2.	2.
28, 3. ბერდუჯის	და ბერდუჯის
—, —. დაიპურნა	და დაიპურნა
—, 4. ეგვიპტედ და ვითარ	ეგვიპტედ
—, —. თორმეტ	ათორმეტ
—, 5. თორმეტს	ათორმეტსა

—, 6. შეთორმეტესა	მეთოთხმეტესა
—, —. წველსა შინა	წველსა
—, 10. ანტიოქოზ	ანტიოხოზ
—, 12. თრიმიკოსი	თრიმიკოსი
—, —. ბიზინტოსს მისცა	ბიზინტოს
—, 14. ბიზინტოსს	ბიზინტოსს
—, 17. ბიზინტოსს	ბიზინტოსს
—, 18. ქნელი	ქნელი და ფიცხელი
—, 19. დააწერა	დააწესა
—, 20. მოკალთ	მოკვალთ
28—29. სპარსი, ასპანელი	ასპანელი სპარსი
28, 1, 3, 4	1. 3. 4.
29, 1. სამარასი.	სამარასი
—, —. მოსვლასა	მოსვლასა
—, 3. ფარნავაზისსა	ფარნავაზისსა
—, 5. შემმართებელი	შემმართებელი
29, 6-7. აზონისსა	აზონისა
—, 8. უაქვ	უაქვე
—, 9. და იყო ძრწოლა მათ ზედა	და იყო შიში და ძრწოლა მას ზედა
—, —. ჰრქვა	ჰქვა
—, 13. დიდისა	დიდისა
—, 14. გამოვიდა სარკემელსა	შემოვიდა სარკემელსა
—, 15. განიზიდნა	და განიზიდნა
—, 16. ქვემდებარედ	ქვემდებარედ
—, —. მოკოცა	მოკოცა
—, 22. მწუხრი	იყო მწუხრი
—, 23. დილეულამცა	დილეულამცა
—, 24. აღმოქმნილ	აღმოქნილ იყო
—, —. დარღვევა	დარღვევა
—, 26. რათამცა	რათა
30. 2. ეგრეთ	ესრეთ
—, 7. ერის-თვისა	ერისთავსა
—, —. სეჭმან	სევემან
—, 8. ჩვენ	ჩვენ
—, 9. ხეასტაგებითა	ხეასტაგითა
—, 11. გამოეჩნდეთ	გამოეჩნდეთ
—, 11. აწყვეთ დღითა	აღწყვედილთა
—, —. მიწყუდებულთა	მიწყუდებულთა

—, 15. ჩუქნი	ჩემი
—, 16. მოგუცეს	მოგვეცეს
—, 18. მოყუქს	გამოჰყუქს
30, 22. რამეთუ	რამეთუ ყოველთა ზედა
—, 27. მსახურებაჲ	მსახურება
—, 28. ძღუენი	ძღუენი
—, 1.	1.
31, 2. არტანისსა	არტანისსა
—, 6. ანძანძორისა	ანძანძორისა
—, 10. დაჲ თუსი	და მისი
—, 10-11. და მეორე დაჲ თუსი მისცა ქუეჯის ცოლად	ახს.
—, 11. ეგრისის წყალსა	ეგრის წყალს
—, 12. მუნ	მან
—, 13. თუსთაგან	მისთაგან
—, 16. მარგვს	მარგვის
—, 17. ალუშენა	ალაშენა
—, 20. ხუნანისა	ხუნანის
—, 21. გაჩიანამდის	გაჩიანთამდის
—, 22. გაგზაუნეს	გაგზაუნა
—, —. სკურეთისა	სკურეთის
—, 23. კოლაჲ და არტანი	და კოლა და არტანი
—, 26. ვიდრე	ახს.
—, 27. ერისთავი	ერისთავი ეგრისისა
—, 29-30. მთავრობდის	მთავრობით
32, 1. განაჩინა	განაჩინიან
—, —. სპასალარი	სპასალარი
—, 1-2. მათ ყოველთაგან მოვიდა ხარკი სამეფო და საერისთავო	ამა ყოველთაგან მოვიდოდა ხარკი სამეფო და საერისთავო
32, 6. ამანვე	მანვე
—, 7. ამართა	აღმართა
—, 8. რომელსა	და
—, 10. წელს	წელსა
—, 11. რაჲ	რა
—, —. დაუენა	დაუენა
—, 12. გაზაფხულისანი და სთულისა	გაზაფხულისა და სთულისა
—, —. სამეფოსა	სამეფოსა ქალაქსა
—, 13. თვენი	თვენი

—, 15.	რომნი იგი	რომნი
—, 17.	აზონისა	აზონისსა
—, —.	სახელად	ახს.
—, 18.	სჭამდეს	ჭამდეს
—, 20.	და იტყოდეს	და იტყოდეს ამას
—, —.	მოგვტყა	მოგვცა
—, 21.	აღგვეჩნადა	აღგვეჩნადა
—, 25.	ამანვე	და ამან
—, 26.	იგი	ახს.
38, 1.	ვიყუთ	ვიყუენუთ
—, 2.	გამოჩნდეს	გამოჩნდეს
—, 3.	განზრახვა ესე	განზრახვა
—, —.	მოკლეთ	მოკლეთ
—, 2.	საურმაგ	საურმაგ და
—, —.	წარიტანა	და წარიტანა
—, —.	თჳსი	მისი
—, 5.	მისთა	მისთანა
—, 7.	ერთგულობასა	ერთგულებასა
—, —.	ოცთა	ოსთა
—, 8.	თჳსსა	მისსა
—, —.	მისსა	მისა
—, 10.	თჳსნი	მისნი
—, 11.	და განამრავლნა	ხოლო განმრავლებულ ყუნა
—, —.	კაკეასისნი	კაკეასიისანი
—, 12.	რომელნიცა	ხოლო
—, 14.	ნახევარნი	ნახევარი
—, 14-15.	რომელნიმე	რომელნი
—, 15.	დასხნა მთიულეთს	ახს.
—, 16.	მისანდობელად	მისანდობლად
—, —.	დასჯდა	დაჯდა
—, 17.	სიმაგრეთა	სიმაგრეთა მისთა
—, 19.	ერისთვისა	ერისთვისა
—, 20.	ნათესაუვისაგან	ნათესაუითგან
—, 21.	შვილად	შვილად
—, 23.	თჳსი	მისი
—, —.	საერისთო	საერისთო
—, 25.	შვილობილი	შვილებული

—, 29, მყოფნი	დურპეეთს მყოფნი
—, 2.	2.
34. 2. სპანი	სპარსნი
—, 3. მეფისაგან	მეფისა
—, 5, ქვლ ვითთა თანა	ქვევითთათანა
—, 8. კვლ თდა	ჰვეთდა
—, —. სიჰსა	სიჰსა და
—, 10. უკანასკნელ იძლიენეს	ხოლო იძლიენეს
—, 12-13. ნებირად	ნებირად და
—, 17. არ შაკისსა	არ შაკისასა
—, 21. ზადენი	ზადენ, და ამართა ზადენს
—, 26. მოციქული	მოციქულნი
—, —. ჰრქესს	ჰქვეს
34-35. შემოილო სჯული მამული	და შემოილეს სჯული მამული
—, 1.	1.
—, 2.	2.
—, 3.	3.
35, 6. ჰრქვა	ჰქვა
—, —. უბიწოათა	უბიწოთა
—, 10. მიიყუანნა	მიიყუანნა
—, 15. მოსრნეს	მოსრნეს
—, —. ყრმაჲ	ახს.
—, 16. სპარსეთს	ახს.
—, 3.	ჱ.
36, 3. სისხლისა	სისხლისა
—, 6. რომელი	რომელნი
—, 9. ზლუდე	ზლუდეთა
—, —. სიმაგრეთა	სიმაგრესა
—, 10. ფარნაჯომისსა	ფარნაჯომისასა
—, 17. მოკლვენ	მოჰკლვენ
—, 23. წინაშე	ახს.
—, 26. მირვან	ახს.
—, 27. თთქსა	თთქესა
—, —. ყოველსა დღესა	ყოველთა დღეთა
37. 1. ამათ	მათს
—, 2. ცამეტი	ათსამეტი
—, 5. მიეგება	მოეგება
—, 9. დის	დისა

—, 10. საურმაგის	საურმაგისა
—, —. ქართამისდა ეგრისით მიე- ცა ასული ცოლად	ქართამის და ეგრისი მიეცა და ასუ- ლი ცოლად
—, 12. ნათესავისა	ნათესავისათჳს
—, 11. ვითარცა	ხოლო ვითარცა
—, —. ბარტამ	ბარტამ მეფე
—, 18. ალთქუმა	ალთქუმა
—, 19. რომელი შვილი	რომელნი შვილნი
—, 20. ჭ მერვე მეფე მირვან	ახს.
—, 8.	8.
—, 12.	12.
38, 1. მეორე	ახს.
—, —. მირვანისი	მირვან მეფისა
—, 2. ესე	ხოლო ესე
—, 1. ამან	ამან არშაკ
—, 6. შორის	მათ
—, 7. ამას	მას
—, 8. არშაკს	არშაკსა
—, 11. სთხოვა	ითხოვა
—, 17. ოროღგები აღმოიღეს	ოროღგები აღიმაღლეს
—, 18. ჯეგლუგი	ჩეგლუგები
—, 19. სძლეს	სძლიეს
—, 20. ამიერ და იმიერ	იმიერ და ამიერ
—, 22-23. განვლო	განვიდა
—, 26. დადგრეს	დაადგრეს
—, 27. მალღითა	დიღითა
—, 8.	8.
39, 2. გამოსჩნდი	შენ გამოსჩნდი
—, 3. ყოველგან ნათესავთა ფარნავაზისათა	ყოველთაგან ნათესავთა ფარნავაზისათა
—, —. რამთგან	რადგან
—, 5. დასცვიეს	დაცვიეს
—, 9. ქართლისა და	ქართლი
—, 18. მოვიდა	იეროსალიმს, მოვიდა
—, —. იელუსალიმი	იერუსალიმი
—, 17. ვითარცა	ვითარმედ
—, 17-18. მოციქული ანნა მღჳდ- ლისა	მოციქული

- , 18. იელუსალიმით იეროსალიმით
- , —. ვითარმედ abs
- , 19. ძღუჭნი abs.
- , 20. და სზვასა რასმე ანალსა სჯელსა გვიქადაგებს abs.
- , 20. და აწ წარმოგვივლენია აწ წარგვივლენიან
- , 28-25. რათა სჯული მამათა და წარვიდეს ელიოზ მცხეთელი და ჩვენთა შეუცვალეხელ გუთთ ლონგინოზ კარსნელი და დავაძტვიცოთ და მცნე- და მუნ დახვდეს ჯვარცმასა ბაა მოსესი აღვასრულოთ, უფლისასა, და მუნით მოიღეს კვარ- რათა ანლითა მით სჯუ- თი უფლისა ლითა, რომელ რასმე გვქა- ელიოზ მღვდელმან, ვითარცა დაგებს, არა შეაცთუნეს უმარ- წერილარს ესე განცხადებულად მოქ- ტივესნი ვინმე სჯულისა ცეკვასა ქართლისასა ჩეჭნისანი, ხოლო სიკვდი- ლითაცა მისითა შერი ვიძი- თ:
- , 3. 3.
- , 6. 6.
- 40, 1. ОТЬ СЛОВЪ МАШИН უკვე ДО СЛО- ვА სანარებისა ВКЛЮЧИТЕЛЬ- НО (страница. 41, стр. 28.) abs.
- 42, 2. მოვიდა მოვიდეს
- , 3. მოციქულთაგანი ანდრია მოციქულთაგანნი ანდრია
- , —. ВМѢСТО ТЕКСТА ОТЬ СЛОВА სვმონ კანანელი თურთ აფხაზეთს და „ქალაქად“ ДО СЛОВА „პასე- ეგრისს და მუნ ქისა“ (сраница. 46, стро- აღსრულდა წმიდა სვმონ- ка 4.) კანანელი ქალაქსა ნიკოფისასა საზ- ღვარსა ბერძენთასა: ხოლო ან- დრია მოაქციუნა მეგრულნი და წარვიდა გზასა კლარჯეთისასა
- 42, 2. 2.
- 46, 5. ქართველთა abs.
- , 6. იბულებით abs.
- , —. ქართველნი abs.
- , 7. შერისხნა ადერკი შერისხნა მეფე ადერკ
- , 8. ОТЬ СЛОВЪ ხოლო ვითარცა ДО СЛОВА სკჯთედ ВКЛЮЧИТ. (стра-

ნიცა 47, სტრ. 3.)

- 47, 6. შეკრბეს უოველნი
- , 7. ბრქენი
- , 17. უესპანიანოს
- , 4.
- , 5.
- 48, 2. არშაკუნიანი
- , 6. მიულა
- , 18. ლეკთა
- , 21. წარმოსტყუენეს
- 49, 3. რომელი
- , 5. უოველი
- , 10. ბაზოკ
- , 12. აღსდდა
- , —. თვისსა
- , 15. მოსწყადნა
- , 16. ჰსთქება
- , 18. ჩრდილოთა
- , 19. მოკლეს
- , 22. მაშინ იქმნა
- , 25. ჩრდილოსა
- , 28. შემოიხტუნეს
- 50, 1. რომელი ჰპოვა
- , 4. ლადოსასა
- , —. ლაშქარი
- , 7. თჳსნი
- , 9. აღერივნეს
- , 11. ზედა არმაზელისასა
- , 14. სომხითისასა
- , 15. ვერ-ვინ
- , 16. მგედარიცა
- , 17. გაემართოდინ
- , 18. თჳსითა უოველითა
- , 21. ბუნერაზთა
- , 22. ძიებად
- , 28. ისმინა
- , 25. ხოლო
- , 27-28. რამეთუ სპანი სომეხ. თანი უოველნი და ორნი ქენი

- ახს
- შეკრბეს
- ბერქენი
- ოსპანიანოს
- 4.
- 5.
- არშაკუნიანი
- მიულა
- ლეკთა
- წარმოსტყუენეს
- რომელი
- ახს.
- ბაზოკ
- აღსდდა
- მისსა
- მოსწყადნა
- თქება
- მათ
- მოკლეს
- იქმნა
- ჩრდილოასა
- შემოიხტუნეს
- რომელი ჰპოვნა
- ლადოსასა
- ლაშქარი
- მათნი
- აღერივნეს
- არმაზელისასა
- სომხითისათა
- ვერ-ვინ
- მგედარიცა
- გაემართოდინ
- მისითა უოველითა
- ბუნერაზთა
- ძიებად
- მაშინ ისმინა
- ახს.
- ხოლო სპანი უოველნი
- ოყენეს ბრძოლად ორნი

მეფისანი სუმბატითურთ იყუ- ქენი მეფისანი სპარსთა ზედა
ნეს ბრძოლად სპარსთა

—, 29.	ბრძოლა და	ახს.
—, 30.	მისცა	მისცნა
—, 1.		1.
51, 1.	სძლიეს	სძლიეს
—, 1.	იგი	ზარენ
—, 2.	იგი ტბისა	ტბისა
—, 3.	ჰნებუვდა	ჰნებუიდა
—, —.	მისი	ზარენისი
—, —.	წილ	თჯს
—, 7.	შევეტოლნა	შევეტოლა
—, 8.	მთიულელთა	მთიულეთთა
—, 10.	მტერი	მტერნი
—, —.	გზბრძოდეს	გვზბრძოდეს
—, 12.	მიღმართ	მოღმართ
—, 21.	ხოლო	და
—, 1.		1.
—, 2.		2.
—, 3.		3.
—, 5.		5.
52, 3.	აქამომდე	ხოლო აქამომდე
—, —.	ორ-ორნი	ორნი
—, —.	ერთგან	და ერთგან
—, 4-5.	ამან მირდატ ქართველმან მოიყუანა ცოლი სპარსი ნა- თესავი	abs.
—, 5.	წვევითა	წვევითა
—, 6.	განიზრანეს	განიზრანა
—, —.	მიხდა	მიუხდა
—, 7.	განცხრომად	განმცხრომად მჯდომარე: იყო
—, 8.	ხოლო ფარსმანს	და ფარსმანს
—, 9.	ესე	და ესე
—, 13.	თჯს	abs.
—, 14.	გამოყმართნეს	გამოყრთნეს
—, 15.	მირდატ სპარსეთად	abs.
—, 20.	მიმართა ფარსმანს	ფარსმანის მიმართ
—, 21.	შიეგება	მიეგება

—, —. რკინის	რკინისა
—, 25. ათჴეიდმეტნი	ათჴეიდმეტნი
—, —. სპარსთანი	სპარსნი
58, 1. მეფესა ფარსმანს	მეფესა
—, 2. ორნივე	ორთავე
—, 3. კრმლითა	კლმითა
—, —. და ზაჴმი	და უამი
—, 4. მოიქცა	და მოიქცა
—, 9. ჰეუნეს	ყვეს
—, 10. ჯაჴეს	ჯაჴეს
—, 17. შესლგად	შესლგად
—, 18. უჴეს	ჴევეს
—, 19. ჴსთჴეს	ჴრჴვეს
—, 25. სსგმან	სვემან
—, 1.	1.
—, 2.	2.
54, 3. ხოლო	მაშინ
—, 4. წარემართა	წარმოემართა
—, 13. დადანა	ლადანა
—, 15. მეფე იქმნა	მეფობდა
—, 17. იწ. მეფე და მეორე ამზასჴ	მეთურამეტე მეფე ამზასჴ
—, 18. მსგავს	მსგავსი
—, 19. მოსლგა მათი	მოსვლა ოვსთა
55, 7. განვიდა	და განვიდა
—, —. და იწყო	და იყო
—, 8. ფიცხლითა	ფიცხელითა
—, 9. შეეტუჴობოდა	შეეტუჴობოდა
—, 16. სანელით ხგანგა, რომელი გამორჩეულ იყო	რომელსა სანელი ერჴვა ხუანხუა: იგი გამორჩეულ იყო
—, 17. ურთიერთს	ურთიერთას
—, —. მისლგასა	მისვლასა
—, 19. ორნი სხგანიცა	სხგანიცა
—, —. ჴესთინი	ჴვევითინი
—, 22. მოსრა	მოვლა
—, 24-25. გამარჯვებული	განმარჯვებული
—, 25. შეეჴმნა	შეჴმნა
—, 27. განუდგნენ	განდგეს
—, 28. სომეხთა	ესე სომეხთა

56, 2. რომელინი	ხოლო ოგსნი
—, —. რამეთუ	ხოლო
—, 12. ით. მეფე, რეკ, ძე სომეხთა მეფისა არშაკუნიანი	მეათცხრამეტე მეფე რეკ არშაკუნიანი
—, 13. ღოღოთეთისა	ღოღოთეთისა
—, 16. რამე	რამე
—, 17. და მეფობასა	და ამან მეფობასა
—, 17. კლტა	კვლა
—, 18. შესწირვიდეს	შესწირვედეს
—, 19. კლვიდა	ჭკვილიდა
—, —. ხოლო ცხურისა და ზროხი- სა შეწირვა	არამედ ცხურისა და ზროხის შეწირვა
—, 21. 5.	მეოცე
—, 2.	2.
57, 1. კა	მეოცდა ერთე
—, 2. მისი	ბაკურისი
—, 3. კბ.	მეოცდა ორე
—, 5. კტ.	მეოცდა სამე
—, 8. ასფაგურ	ასფაგორ
—, 11. კოსაროს	კოსოროს
—, —. უწყო	დაუწყო
—, 14. შესღვასა	შესვლასა
—, 19. ნათესავი	ნათესავთა
—, 20. შესღვა	შესღვა
58, 3. აღწყენდილ არიან	აწყვედილ არიან
—, 8. ვოქუ	ვოქუ
—, —. შენ წინაშე	შენსა წინაშე
—, 7-9. გულისა განზრახვა ჩემი	გულისა ჩემისა განზრახვა.
—, 9. ხოლო	მაშინ
—, 10. თქვა	ჰრქვა
—, —. ცხონდი	ცხონდინ
—, 13. დავდვა	დავსდვა
—, 18. ყოველითა სახლეუელითა	ყოველთა სახლეულთა მისთა
—, 22. გაჭყვეს	განჭყვეს
—, 23. სტეოდესა	სტეოდეს
—, 24. პოეს	ჰპოვეს
—, 25. და რომელითამე	რომელითამე
—, —. ფონსა ზედა	ფონსა

—, 27. მამა-მუქეთა მათთა	მამა-მუქეთა მათ
39, 5. აღესრულა	მოკვდა
—, 7. მაიჟან	მაიჟან
—, 7-8. საესეთა	ახს.
—, 8. მიგველოს	მიგველოს
—, 11. დამცავსცენით	დამცავსცენით
—, 12. მეფობასა	მეფობისა
—, 13. დამცავსცენით	დამცავსცენით
—, 16. ჩენისა	ახს.
—, 18. მიუგებოთ წინა	მიუგებოთ წინაჲ
—, —. მორჩილებაჲ	და დავემორჩილნეთ და ვითხოვოთ მისგან წყალობა და და ვითხოვოთ არა
—, 22. და არა	მაეჟან
—, 27. მაიჟან	მაეჟან
60, 2-8. სპარსთა მეფესა	მეფესა სპარსთასა
—, 8. და თუცა	რამეთუ
—, 5. გამოარჩია	გამოარჩია
—, —. ჰბოლოდეს	ბრძოდის
—, 7. მაიჟან	მაიჟან
—, 11. თვისისასა	მისისასა
—, 12. ნინოს	ნინას
—, 16. ქასრე	ახს.
—, 17. მისცა	და მისცა
—, 18. ჰერეთი	ჴერეთი
—, 19. იგი, ვითარცა	დედა მირიანისი, ვითარცა
—, 21. რჩეული	რჩეულ
—, 22. ფიცებულ	ფიცებულ
—, 24. ყოვლად	ყოვლადვე
61, 2. იუვენეს	იუვენეს
—, 7. დაისწავდა	და დაისწავლა
—, 15. დადგრეს	დაადგრეს
—, 19. პონტოჲთ	პონტოთ
—, 20. გადგიან	გაადგიან
—, 12. არამედ ყოვლადვე	და ყოვლადვე
—, —. ესრე	ესრეთ
—, —. ბრძოლა	წყობა
—, 25. მუნითმცა	მუნითცა
62, 1. მას	ზედა

—, 3.	ურთიერთსა	ურთიერთას
—, 6.	ყოველნი	ახს.
—, 9.	სქმლ	ახს.
—, 10.	ინდოთ	ჭინდოთა
—, 13.	ბარტამისგან	ბარტამისაგან
—, —.	ადარბადაგანი	ადარაბადაგანი
—, 14.	ქართლსა, სომხითსა, რანსა	ქართლს, სომხითს რანს
—, 16.	გარდავიდა	გარდვიდა
—, 21.	ვერ ძალ-იდუა კეისარსა ბრძოლიაჲ	ვერ ძალ-ედუა ბრძოლა კეისარსა
—, —.	ძე კოსაროს	კოსაროსი ძე
—, 23.	გამოარჩიეს	გამოარჩიევს
—, 24.	კეისრის	კეისრისა
—, 1.		1.
—, 3.		3.
63, 5.	და ქვეყანა	და მისცა ქვეყანა
—, 7.	მომართის	მოჰმართის
—, 8.	წინა დადგომად	წინა-აღდგომად
—, 23.	მათ	მათი
—, 29.	აწუყულ დილ იყუნეს	აწუყუდილ იყუნეს
—, 30.	მოციქულები	მოციქუელი
64, 3.	დაამოყურნა	დაამოყურნა
—, —.	ამზალნა	ამზანა
—, 5.	მდინარენი	მდინარენი
—, 12.	უამსა შინა	უამსა
—, —.	ნინო, და დაუყო	ნინა: და დაჰყო
—, 13, 14.	სდულისა	ჰსდულისა
—, 16.	ათერთმეტნი	ათურამეტნი
—, 20.	ნინო	ნინა
—, 24.	ზაბილონ	ზაბულონ
—, 25.	და მათვე	მათვე
—, 2.		2.
65, 2.	იოხანელი	იოხანელი
—, —.	სოსანა	სახელი სოსანა
—, 3.	იერუსალიმად	იეროსალიმად
—, 5.	ნიაფორსა	ნიაფორსა
—, 6.	ზაბულონ	ზაბილონ
—, 10.	იგინი	იგი

—, 12. ტაძარსა	ტაძარსა შინა
—, 16. ქვლ ^ს შე	ქვე
—, 17. ტაძარსა	ტაძარსა შინა
—, —. ქრისტესისა	ქრისტესსა
—, 22. რომელ	რომელი
—, 23. ვა, ვაჲ	ვაჲ
—, 25. მერმლე	მემლე
—, 27. წარიპურეს	წარეპურეს
—, 28. ქმნული	ქმნილი
—, 29. სამკედროდ	სამკედროდ
66, 2. წარუტ ^ს	წარჰუტეს
—, 4. რომლითამე	რითამე
—, —. წარუიდა	წარუიდეს
—, 7. ზამარაჲ	ზამარა
—, 11. ერი ყოველი	ერნი ყოველნი
—, 17. ქმნულ	ქმნილ
—, 25. დაიწერა	დაიწერა პატრიოსანი
—, —. მისისა	თჳსისა
—, 27. პირსა მისსა და ჰრქვა	პირისა მისისათა, და თქვა
—, —. შენ	მე
—, 1.	1.
—, 5.	5.
67, 2. გეშინიან	გეშინინ
—, 4. მან ეგრეთვე	ეგრეთვე
—, —. სთხოვო	სთხოო
—, 8. ყოვლად	ყოვლადვე
—, 9. სამოსლისა	სამოსელისა
—, —. მიწყებით	მიწყებითა
—, 10. იერუსალიმსა	იეროსალიმსა
—, 10-11. ძველსა და ახალსა	ძველისა და ახლისა
—, 12 ძალსა ღომისა ბუისასა	ძალსა შენსა, ვითარცა ძალსა ღო- მისა ბუისასა
—, —. იზახებნ	იზახებენ
—, 14. მარგალიტისა	მარგარიტისა
—, 18. აღდგინებად	აღდგომად
—, 19. წარავლინეს	წარავლინეს
—, 20. მოსლტად	მოსვლად
—, 21. მოიწივნეს	მაშინ მოიწივნეს
—, —. მრავალ რიცხვნი	ურციხვნი

—, 22. სჯელსა	სჯელისა
—, 23. ჯვარს აცვეს	ჯვარს აცვეს
—, 26-27. მანარებლისათა	მანარებლისათა
—, 1.	1.
68, 1. აღნჳმადო	აღნჳმადო
—, 4-5 ჩრდილოსა იგი ქეჭყანა	ჩრდილომსა იგი ქეჭყანაჲ
—, 17. დასხნა	დასხნა
—, 18. სიღრმიით	სიღრმიითა
•68, 19. ჰსთქვა	თქვა
—, 22. თანა-მოგზაურ	მოგზაურ
—, 26. ეფესოთ	ეფესოდ
—, 3.	3.
69, 5. ნათელ-იყო	ნათელ ილო
—, —. დედა მჳეჳემან	დედა-მჳეჳემან მისმან
—, 8. ქმნულ	ქმნილ
—, —. შუენიერისა	შუენიერისა
—, 10. განიცადნეს	განიცადეს
—, 11. იხილვა	ეხილვა
—, 17. მტრისა	მტერისა
—, 23. მოასხენეს	მოისხენეს
—, 24. მარტოეზითი	მარტოებით
—, 26. გამოხატვათ	გამოხატვით
—, —. მისცნეს	მისცეს
—, 27. დაუცადებელითა	დაუცადებელითა და
	მხურვალითა
—, 28. ათცამეტმან	ათსამეტმან
—, 29. მოიწინენეს	მოიწინენეს
—, 29-30. ახალ-ქალაქი	ქალაქი
—, 1.	1.
70, 1. კელით საქმისა	სელით-საქმრისა
—, 7. თრდატ	თრდატს
—, 12. შერაცხებენ	შეირაცხებენ
—, 14. შეჳქმნულად	შეჳქმნილად
—, 17. მოვსწყუდეწით	მოვსწყუვიდეწით
—, 18. ხილჳ ნათესავისა მათისაგა- ნისა, ქალისა	ნათესავისა მათისაგანისა ქალისა ხილვა
—, 19. გულმან	გულმან მისმან
—, 20. საბუღელად	საბუღელად

—, 22. ხოლო რომელი იგი	რამეთუ რომელი
—, 28. დაამტკიცა	დაამტკიცება
—, 30. მისდა	მისი
—, —. თარდატს	თრდატს
—, 3.	3.
71, 2. წამებისა მათისასა	წამებასა მათისასა და გვეუწყებინ სასწაულნი იგი, რომელნი იქ- მნეს უამსა წამებისა მათისასა
—, 5. გამოღებულ	გამოღებულ
—, 7. დიაკონისათა	დიაკონისათა
—, 7-8. სასაკმეველისა	სასაკმეველისა
—, 9. განეყოფდეს	განეყოფოდეს
—, 11. რომელ	რომელი
—, 12. დამიტეობ	დამიტეობ
—, 14. ფურცელი	ფურცელ
—, 20. ფარანა	ფარანა
—, 22. შესძრწუნდა	შესძრწუნდა
—, 23. ორ	ორი
—, 25. იგინი	იგი
—, 26. მშვიდობით	მშვიდობით
—, 27. რომელ	რომელი
—, 27-28. ნიაფორისაგან	ნიამფორისაგან
—, 28. ჰკითხა მას და ჰრქვა	ჰკითხა და ჰრქვა
—, 30. ელარბინით	ელარბინით
—, 2.	2.
72, 2. მიუგო და ჰრქვა	ახს
—, 5. და დაიდგა	დაიდგა
—, 10. მეტყველ	მეტყველად
—, 17. სახელითა	მათ სახელითა
—, 22. მომავლინებელი	მომავლინებელი
—, 25. ნუ გეშინინ	ნუ გეშინინ
—, —. მოსწყვიდნენ	მოსწყვიდნენ
—, 1.	2.
—, 2.	2.
—, 3.	3.
—, 5.	5.
—, 7.	7.
—, 8.	8.

73, 1. მაგდანელსა	მაგდალიონელსა
—, 6. წარმოემართა	წარემართა
—, —. მდინარესა მას	მდინარისა მის
—, 7. დასაუღლით	დასაუღლით
—, 10. მოგზაურნი	მოგზაურნი
—, 17. წარჰყუა მათ წმიდაჲ გე ნინო	წარჰყუა წმიდა ნინა მათთანაჲ
—, 20-21. ოზრისა და საყურისა და ზარი საშინელი	ოზრისა, და ზარი საყურისა საშინელი
—, 25. შეამკენეს	შეამკეს
—, —. გზანი იგი	გზანი
—, 26. და თჳალ-შეუღგამითა	შეუღგამითა
—, 28. ღმერთთა	ღმერთთა მათთა
—, 29. აღსლღუად	აღსლღუად
—, 30. არმაზისა	არმაზისა
74, 4. ზარისა აღსანდელო	ზარის სანდელო
—, 7. სრმალი	კმალი
—, 10. დასამეგაულოდი	და სამეგაულოდი
—, —. არმაზისსა	არმაზისასა
—, 11. შესამეცცეთ	შესამეცცეთ
—, —. ებრაელთა	ებრაელთა
—, —. მოგუთა	მოგუთა
—, —. იყო	გიყუგ
—, 13. დამცეს	და მცეს
—, 15. ძრწოლით	ძრწოლითა
—, 18. ერთა მათ	ერთა
—, 19. ცთომილთა	ცთომათა
—, 23. ცემდენ	ცემდენ
—, 24. იოზანალო პატრიარქმან ღირსმან	იოზანალო პატრიარქმან ღეთისმან
—, 27. მცდომელთა	მცდომელთა
—, 28. მტერნი	შენ მტერნი
—, 29. ყოველთა	ყოველსა
75, 3. შთანდენ	შთაჲდენ
—, 3. ქვეყანისა	ქვეყანისათა
—, 9. დასაუღლით	დასაუღლით
—, 9-10. ზარისა აღსანდელისა	ზარის სანდელითა
—, 10. დასაუღლისამან	დასაუღლისამან
—, —. სული	სუნი

75, 11. იხილა რამ	იხილა
—, 14. მომსრველსა	მომსრველსა
—, —. 18. იგინი	იგი
—, 17. შემოსრვიით	შემოსრვიდ
—, —. დაარღვივნა	დაარღვივნა
—, 21. იგი	abs.
—, 25. თარდატ	თარდატ
—, 28. ძალითა	ძალითავე
—, 1.	1.
—, 2.	2.
76, 1. მიფუნამ	მიფუნად
—, 5. მას	abs.
—, —. კლდის	კლდისა
—, 13. ვთქუ	ვსთქუ
—, 14. მუნ	მან
—, 15. განკვრდა	განკვირდა
—, 21. საკათალიკოსო	საკათალიკოსო
—, 23, მას	abs.
—, —. ცოლი	მცველი
—, —. 27 ანასტასია	ანასტოს
—, 5.	5.
77, 3. სურნელთა	სუნნელთა
—, 5, ზენეს	შენეს
—, 9. ეკლესიისა	ეკლესიასა
—, 10. სამთავარ ეპისკოპოზოძმასა	სამთავარ ეპისკოპოსოსა
—, 11. განათევენ	განათენნ
—, —. ღამესა	ღამეთა
—, 14. მეფისანი	მეფისანი
—, 16. იერუსალიმს	იეროსალიმს
—, 17. მათ	abs.
—, 18. მღუდელი	მღუდელი
—, 23. ნინოსათა	ნინასითა
—, 24. განუკურნებულთა სენთაგან	განუკურნებულთაგან სენთა
—, 28. წინამძღვრობითა	წინამძღვრებითა
78, 1. მღუდლისა	მღუდლისა
—, 3. ოღეს	ოღეს
—, 5. შინა	abs.
—, 10. რომელი	რომელნი

78, —. იტყოდეს	იტყოდის
—, 11. მოაკედინა	მოაკედინეს
—, —. შეუპაპვეს ცუთით	შეუპაპვეცუთით
—, 18. თუსსა	მისსა
—, —. სულიად	სრულიად
—, 25. რომლითა	რომელთა
—, 26. გონიერ- მყოფდა მე	გონიერ მყოფდა
79, 2. დიდებით	დიდებითა
—, 5. ვიქმნეთ	ვიქმენით
—, 6. ჭეშმარიტსა	ახს.
—, 7. სარწმუნოება	სარწმუნო
—, 8-9. ვინილენ	ვინილენე
—, 10. მღუდლისაა	მღუდელისა
—, 12. თხრობასა	ახს.
—, 13. დედისა ჩემისაგან	დედისაგან ჩემისა
—, 14-15. იელუსალიმს	იეროსალიმს
—, —. ელუსალიმი	იეროსალიმი
—, 18. იელუსალიმელთა	იეროსალიმელთა
—, 19. იელუსალიმის	იეროსალიმის
—, 20. აქენდა	აქენდათ
—, 21. სურნელი	სუნელი
—, 24. მოვიდეს	მოვიდეს, თაყვანისცეს მას
—, 25. ჰამბაკისათა	ამბისათა
—, 1.	1.
—, 2.	2.
80, 1. მოწერა	მოსწერა
—, 3. მოწევნულარს იგი	მოწევნილ არს
—, 6. მღუდლისა	მღუდელისა
—, 8. შეერთვინ	შეერთვინ
—, 9. პირველითგან	პირველთაგან
—, 11. უფლისა ქრისტესა	უფლისასა
—, 15. მკვლელ	მკვლელ
—, 16. ვაჰ	ვაჰ
—, 27-28. კვლთვე	კვლთვე
—, 28. სამოსლისა	სამოსელისა
—, 29. ღმერთმან	ღმერთმან მსოლომან
—, —. რომელ	რომელი
81, 12. თუსი	მისი

81, 13.	წიალ	წიალ კერძ
—, 14.	ნინო	ნინა სამგზის და ოთხგზისცა
—, 17.	განსპეკტაკნიან	და განსპეკტაკნიან
—, —.	ბაბილოვანსა	ბაბილოსა
—, 18.	იხუმეველიან	იხუმეველიან
—, 19.	რეცა	რეცა თუ
—, 25.	იქმან	იქმანა
—, 2.		2.
—, 4.		4.
82, 1.	დედაკაცი-ივი	დედაკაცი ესე
—, 4.	სალმერთოთა	სალმერთოთა
—, —.	უკუნისამდე	შპვე
—, 6.	მოსლგადმდე	მოსლგასა
—, —.	განცხადა	განეცხადა
—, —.	წმიდისა ნინოს მიერ ქადა- გებაჲ	წმიდასა ნინას ქადაგება
—, 13.	უშიშრად და	უშიშად
—, —.	და ფრიად	რომელი
—, 18.	ასმოღეს	ასმოღეს
—, 21.	უმეტეს	უმეტეს და
—, 28.	სენისაჲ	სენითა შეჰყრობილი
—, 1.		1.
83, 1.	არარაჲ	არა
—, 5.	ჩვენმან	ჩვენმან ქმნას
—, 7.	დადებად	დადება
—, 8.	უბრძანა მან	უბრძანა წმიდამან ნინა
—, 17.	დედოფლისანი	მხს.
—, 25.	თაესა	თაესა, ფერკთა
—, 2.		2.
84, 1.	ასწავებს	ასწავებს
—, 3.	ყოველსა მას	ყოველსავე
—, 8.	აქუნდა	ჭქონდა
—, 10.	მიქელ	მინაილი
—, 12.	ერსა	ერსა შს
—, 13.	დაუტეობდენ	დაუტევებენ
—, 15.	შეექმნა	შექმნა
—, 18.	ერთისა	ერთსა
—, 22.	სახელით	სახლით

—, 23. მოანღებულ	მიანღებულ
—, 25. ნინოს	ნინასა
—, —. იქ	იქმ
—, —. ანუ	ან
—, 26. აც შათ	აქს მას
—, 28. იუაჳ	იუო
—, 2.	2.
—, 3.	3.
85, 1. პატივ-ცემული	პატივცემ
—, 3. აღმომყუანებულნი	აღმომაცენებულნი
—, 5. იგინი	იგი
—, 7. უძრავ	უძრავი
—, 8. შემოდგინა	შემოდინა
—, 9. და მან	და იმან
—, 18. დაბადებულისამან, დიდისა, დიდებულისა და აურაცხე- ლისა მისისა	დაბადებულისა, და დიდისა და დი- დებულისა მისისა და აურაცხე- ლისა
—, 14. მისისასა	მისისა
—, 17. ქუნან	ქუნ
—, —. იპერინ	იპრეინ
—, 18. ეგზეზინ	ეგზეზის ცეცხლი
—, —. შეიძრას	შეიძრის
—, 19. იუაჳ	იუაჳ
—, 28. ინილე რამეთუ	ინილა
—, 26. ყოფად და	ყოფად და მრავალნი
—, —. კებლაჲ	კებლა
—, 28. ჰუოვს	ჰუო
—, 1.	1.
—, 2	2.
—, 3.	3.
—, 4.	4.
—, 5.	5.
86, 1. განაბრწყინვოს	განაბრწყინოს
—, —. მიიანლოს	მიიანლოს
—, 3. აჳერობად სცა	აღმრყოზად ჰსცა
—, 4. თვისითა	დიდითა
—, 7. მამასა	ღმერთსა მამასა
—, 12. მისთა. თჳს:	მისთათჳს. თავი მეჴვიდე მამაო.

- 86, 14. მუხნარიო
- , 20. მოსრნეს
- , 21. ჩემსა
- 87, 2. იგიცა
- , 3. ანებუიდა
- , 4. მუხნარისა
- , 6. დაუბნელდა
- , —. არენი
- , 7. განიბნივენს ურთოურთარს
- , 10. ღზინებაა
- , 14. ნინოსაო
- , 18. წარმოსთქვა
- , — გამოუბრწყინება
- , —. გარდამოვიდა
- , 24. იდიდებოდეს
- , —. იხსენებოდეს
- , 27. არს
- , 30. წარწყმენდა
- , —. მოსლოტა
- 88, 1-2. მისისა
- , 4. მაყლოვანსა
- , 7. ასწავებდა და აწვევდა
- , 8. ღვთისა
- , —. გერგვინვა
- , 11. მეფისა
- , 13. შინა
- , 15. ეკკლესიათა:
- , 17. მოსლოტადმდე
- , 19. ესე რაა
- , 20. სიმაღლესა
- , 21. სურნელებასა
- , 22. ფრთითა
- 89, 4. ადგილითცა
- , 4-5. მოეზუნეს
- , 11. ჩამოირღვეეს
- , —. წყაღნი
- , 12. შუიქმნეს

- გვაკურთხენ
- მუხრანიო
 - მოსრენ
 - ჩემსაცა
 - იგიცა და
 - ჭნებუიდა
 - მუხრანისა
 - დაბნელდა
 - ჰერენი
 - განიბნივენს ურთიერთარს
 - ღზს.
 - ნინასო
 - წართქვა
 - გამოუბრწყინდა
 - გარდამოვიდა
 - იდიდებოდის
 - იხსენებოდის
 - არს უოველთა
 - წარწყმედა
 - მოსვლა
 - მისსა
 - მაყლოვანსა შინა
 - ასწავლიდა და ასწავებდა
 - ძისა ღვთისა
 - გერგვინვა
 - მეფისა
 - ზედა
 - ეკკლესიათა: მამაო გვაკურთხენ
 - მოსვლადმდე
 - ესრე
 - სიმაღლეათა
 - სუნნელებასა
 - ფრთეთა
 - ადგილითაცა
 - მოიხუნეს
 - ჩამოირღვეეს
 - წყაღი
 - შუიქმნეს

—, 15. რომელი	რათა
89, 16. დაირღვეს	დაირღვეს
—, 17. დაეუვნეს	დაეუვნეს
—, 18. იგინი	იგი
—, —. თუსსა	თუსთა
—, 21. ილოცვიდა	ილოცვიდა
—, 24. ზრზინვა	ზრინვა
—, 26. დადნებოდნეს	დასდნებოდეს
—, 29. ცნობასა	ცნობასა და
—, 30. გარემოს	იგი გარემოს
90, 5. მომსარჯლსა	მომსურელსა
—, —. სპარსთანი	სპარსნი
—, 5-6. ხუარა და ხუარან-ხუას რამ	ხუარან და ხუარან ხვასრა
—, 9. იქმნეს	იქმნეს
—, 14. და ჭაბუკმან	ხოლო ჭაბუკმან
—, —. სულტსა მას	ახს.
—, 15. ვარქუ	ვარქუ
—, 19. აღშორებულად	აღშორებულად
—, 20. ჩამოიცვალეობდა	ჩამოიცვალეობდა
—, 21. მისვე	ახს.
—, 25. ჩამოვიდოდა	ჩამოვიდა
—, 26. დაემყარა	და დაემყარა
91, 1. სარწმუნოებით	სარწმუნოებით
—, 2. ნამდვლვე	ნამდვილვე
—, 3. ღმერთთა	ღმერთთა იგი
—, 4. გვიქადაგებ	გვიქადაგებ
—, 5. ქრისტე	ახს.
—, 6. მოსრული	მოსრული
—, 11. მიიწივნეს	მიიწინნეს
—, 16-17. ებისკოპოსი	ეპისკოპოსი
—, 17. მიუწერა	მიუწერა
—, 23. მოიწივნეს	მოიწინნეს
—, 27. მოგუთისასა	მოგუთისასა
—, 28. ერთი-ერთისა	ერთ ერთსა
—, 30. ეუბნებოდენ	ეუბნებოდეს
—, 1.	1.
—, 2.	2.
—, 3.	3.

92, 2. ჰოვოს	ჰოოს
92, 5. უამსა-ოდენმე	უამრაოდენმე
—, 6. არავე	არა
—, 7. დაბაა	დიდება
—, 9. ნათელს ილეს	ნათელ ილო
—, 11. ერთი	ერი
—, 14. ერთა	ერსა
—, 15. ქვით-სურომსა	ქვითა სუროსა
—, 16. მიიწინეს	მიიწინეს
—, —. კონსტანტინე	კონსტანტინესა
—, 19. რამეთუ	ხოლო
—, 22. საზღვართა	საზღვართა
—, 23. ერუშეთი	ერუშეთი და
—, 24. და მოვიდა	მოვიდა
—, 26. ეკკლესიასა	ეკკლესიასა
—, 28. მივიდოდინ	მივიდოდინ
—, —. დასთესვიდიან სახელსა	და ჰსთესვიდიან სახელსა
93, 5. იერუსალიმით	იეროსალიმით
—, 89. სამთავარ-ეპისკოპოსოდ	საეპისკოპოსოდ
—, 9. უფლისა	უა
—, 10. წმინდათათა-გან	წა ცათაგან
—, 16. მოვალს	მომაველ არს
—, 17-18. უენისამდე. ამინ:	უ:
—, 20. თანა	ახს.
—, 22. სუღნელად	სუღნელად
—, —. რომელი	რომელი
—, 26. პირველით განვე	პირველთაგანვე
—, 1.	1.
94, 2. წარვიდა	წარვიდეს
—, 3. და სიმრავლე	სიმრავლე
—, 6. სულამო	სუნამო
—, 7. ბერვიდა	შერავიდა
—, 10. დაადგრა	და დაადგრა
—, —. ჩვიდმეტსა	შვიდმეტსა
—, 11. ვითარცა დგა	ვითარცა დგა ფურცელნი იგი
—, 14. თანა	ახს.
—, 16. ჩამოვიდის	ჩამოვიდეს
—, 17. გვრგვინთა	გვრგვინით

—, —. დაადგრის	დაადგრეს
94, 18. რიურაუ	რიურასოდენ
—, 20. მაცხოვარება	მაცხოვრება
—, 21. აღმოცენა	აღმოცენეს
5. ხოლო დღე	და დღე
—, 4.	4.
95, 5. კახეთით	კახეთისათ
—, 6. ბოდისასა	ბუდისსა
—, 7. გამზილა	გამზილათ თხოთს
—, 8. მიეცეს	მიეცა
—, 15. სასწაულნი	სასწაულნი მისნი
—, 25. ზატისა	ზადისა
96, 2. კემოდა	კემოდა
—, 6-7. ანგელოზნი	ანგელოზნი
—, 10. და უოველი	უოველი
—, 23. მიელა	მიილა
96, 28. ჯეარისა. სხვანი	ჯეარსა: ხოლო სხვანი
—, 1.	1.
—, 2.	2.
97, 3. მიერ	ახს.
—, 8. მოვლენ	მივალენ
—, 10. მსწრაფელ	მოსწრაფელ
—, 11. უღმერთონი ჭირსა რა	უღონონი ჭირსა
—, —. რა-ჟამსა	და რაჟამს
—, 9. განერიან ჭირისაგან	განერიან
—, 12. მყის	და მყის
—, —. დღეინდელად	დღეინდელად
—, 13. რომლისა არს დიდება	ახს.
—, 14. პატრიარქმან	პატრიარქმა
—, 15,-16. ნინოს, ნინოსა	ნინასა, ნინას მომართ
—, —. მეფესა	მეფისა
—, 16-17. უოველსა ერსა ქართლი- სასა	უოველთა ერთა ქართლისათა
—, 20. იერუსალიმით და კოსტან ტინეპოლით	იერუსალიმით და კოსტანტინოპო- ლით
—, 22. მაყლოვანისა	მაყლოვანისა
—, 25. რათა	რათა ესრეთ
—, 26. ღვთისა	ღვთისასა

—, 28. და	არამედ
98, 3. მთიულთა	მთიულთა
—, 4. მათ	ახს.
—, 10. შესცდეს	შესცთეს
—, 12. წმიდამან	წმიდა
—, 13. დაყენა	დაყენა
—, 17. ურჩდა: ხოლო	ურჩდა: მაშინ
—, 18. შეყრბა	შეყრბეს
—, 19. ანგელოზისსა	ანგელოსსა
—, 22. კელოზანისა	კელოზანისა
—, 23. ჰეროუ	ჴეროუ
—, 24. ამას	ახს.
—, 27. სამოცდა ათორმეტნი	სამეოცდა ათნი და
—, 1.	1.
99, 1. სიტყუა	სიტყუად
—, 3. მკეგლისა	მკეგლისათა
—, 6. სარწმუნოებაჲ	სარწმუნოებჲა
—, 8. ჰეროუ	ჴეროუ
—, 10. ეპისკოპოზ	ეპისკოპოს
—, 12. მოსლუთგან	მოსვლითგან
—, —. მეთოთხმეტესა	მე იდ
—, 13. სამას ოცდა თურამეტსა	ტლუ
—, 13-14 ხუთ ათას რვა ას ოც- და ათრეამეტსა	ჴშულჴ
—, 15. ჰერეთისა	ერთსა
—, 18. მისისა	მისისათვის
—, 21. არსებისა	არსებისასა
—, 22. ყოვლისასა	ყთასა
—, —. განამტკიცეს	განამტკიცნეს
—, 25. მეფისა	ახს.
100, 6. მომცემელსა	მოცემულსა
—, 9. თჯსა	თჯსა და
—, —. აკლდა მასვე	აკლდამასავე
—, 14. ჩვენი	ჩემი
—, —. სამარხასა	სამარხოსა
—, 18. სიკვდილი	სიკვდილი
—, 19. ცისა	დამბადებელმან ცისა
—, 20. სარწმუნოებასა	სარწმუნოებასა

100, — და	abs.
—, 21. გიჩნდენ	გიჩნდინ
—, —. წარუვალი	წარუვალი
—, 22. და კერპნი	კერპნი
—, 23. შეასე	შეასე
—, —. შვლთა	შვილთაცა
—, 2.	2.
—, 4.	4.
101, 1. მისლჳა	მისვლა
—, 3. მოაყუანებია	მოასვენებინა
—, 4. მას	მას ზედა
—, 11. ხოლო	და
—, 13. მეფესა	მეფობასა
—, 17. ხვასროთაგან	ხვასროთგან
—, 19. სალომესი	სალომეს
—, 20. მაშინ	მაშინლა
—, 24. წილკანისა	წილკანისა
—, 1.	1.
102, 1. მეხამე	abs.
—, 5. ხოლო	მაშინ
—, 10. და ამან	მაშინ ამან
—, 12. ქვით-კირითა	ქვ-ტკირითა
—, —. ოდენად	ოდხად
—, 14. სარწმუნოებასა	სარწმუნოებასა
—, 18. Отъ слова иуо до слова თჳსსა влѣучительно (стр. 103, строка. 30)	abs.
103, 30. ანგელოზისა	ანგელოსისა
—, —. მიენიჭა	მიენიჭა
104, 4. მურვანოსს არა რას იურეუბო- და	მურვანოსს არა რა იურეუბოდა
—, 9. სიწმინდით	სიწმიდით
—, 6. თინის	თინისა
—, —. თჳსთა ზედა	მისთა
—, 8. კურნებისანი	კურნებანი
—, 9. უძილოდ	უძილოდ
—, 10. თჳსსა	მისსა
—, —. ზეთი	ზეთისა

104, 11. რამეთუ	და აუკედრა
—, 12. კვრიაკემდე	კვრიაკით კვრიაკემდე
—, —. კანდელოთა	კანდელსა
—, 13. ხოლო	რამეთუ
—, —. კანდელოი	კანდელოი იგი
—, 16. თევდოსი და	თეოდოსი
—, —. არამედ	ხოლო
—, 18. სვეტით გამო	სვეტისა გამო
—, 26. სადა	რღ
—, 27-28. მიიწინეს	მიიწინეს
—, 33. ცხოვრება	დიდება
105, 1. ხოლო	და
—, —. პატრიაქისა	პატრიაქისა
—, —. მღუდლოდ	მღუდლოდ
—, 2. იორდანისასა	იორდანესასა
—, 3. ეგვპტისა	ეგვპტისანი
—, 5. შურშელნი	შურშელი
—, 6. მოამისა	მოამისა
—, 8-9. სიმრავლესა თანა ანგე- ლოზთასა	სიმრავლითა ანგელოსთათა
—, 10. უწყმრობასა	უწყმრობასა
—, 11. მეთევზეთა	მეთევზეთა
—, 13. განვიდოდეს	განვიდეს
—, 15. მამამან	მამამან
—, —. ათანასე	ათანასი
—, 17. მოსვლად მისსა	მოსვლა მისი
—, 18, წმიდა	წმიდაჲ
—, 19. შევიდა	და შევიდა
—, 20. თუსი	მართალთა
—, 22. უპირობა	უპირება
—, 23. რომელი	რომლისა
—, 24. აღუწერა გრიგოლ დიო- ლოლოსსა	აღუწერია გრიგორი დიოლოლოსა
—, —. რომისა	ჰრომისასა
—, 27. ფარმან	ფარსმან
—, 28. ვახსენე	ვახსენე
—, —. თარდატ	თრდატ
—, 30. სიძულილისა	სიძულილსა

105, —. მოციქულ	მოქცეულ
—, —. და	ახს.
—, 31. ვარზა ბაქარ	ვარზაბაქარ
—, 32. სეფულისასა	სეფულისა მათისასა
—, 33. ყოვლითვე	ყოვლითავე
106, 2. მოციქული ვარაზ. ბაქარისსა	ვარზ ბაქარისსა მოციქული
—, 3. შეკერბენ	შეკერბეს
—, 5. თვსთა	მისთა
—, 8. შემოვიდეს	და შემოვიდეს
—, 11. სპარსეთისა	სპარსეთისაგანი
—, —. შვილნი	შვილნი
—, 13. ნუასროგანთა	ნუასროანთა
—, 13-14. ველარა პასუხ უგო	ველარა პასუხი მიუგო
—, 16. ვარაზ-ბაქარს	ვარაზბაქარს
—, —. მიერთებეს	მიერთნეს
—, 16—17. და დაიპყრეს ბერძენთა	ახს.
—, 22. თარდატ	თარდატ
—, 24. რევისა, ძისწული	რევის ძმის-წული
—, 26. ზრდილა	ზრდილა
—, 26. სახელი	სახელიად
—, 1.	1.
107, 1. მეფეთა	მეფესა
—, 4. და მეოთხე	ახს.
—, 5. და	ახს.
—, 6. სვიმონ	სიმონ
—, 6-7. ფარსმან	ნუარსმან
—, 11. და მეოთხე	ახს.
—, 15. არლა	არცაღა
—, 17. კლარეფოს	კლარეფოსა
—, 18. მირდატს	მირდატის
—, 20. და	ახს.
—, 21. ქართლს	ქართლს და
—, —. სპარსთა	ახს.
—, —. ქართლისა	ახს.
—, 22. სჯმონ	სიმონ
—, 4.	4.
108, 11. მეოცდაათერმეტე	მეოცდაათერთმეტე
—, 25. ყოველთაჲ	ყოველისა

- , 1.
- 109, 4. მოუწოდა
- , —. და აღიზარდა ესე მირდატ
- , 5. იყო მორწმუნე
- , 7. ჰინდთა
- , 11. ბარზაბოდ
- , 14. ქნული
- , 15. სიშენიერეა
- , 15. სიშენიერისა
- , 16. თვექნსა
- , 19. შურიდა
- , 26. მისი
- , 28. ზითვითა
- , 29. მისცა
- , 2.
- 110, 6. გრიგოლი და ბასილი
- , 7. ბასილისა შემდგომად
- , 17. მეზუთე
- , 27. განცხრობაჲ
- , 27-28. ვახტანგისსა
- 111, 1. მოითხოა
- , 6. შეძრწუნდა
- , 7. მამამან
- , 7-8. მოიწივნეს
- , 8. განრევენეს
- , 17. ექმნეს
- , 20. დაგატეობებ
- , 26. ბინქარ
- , 27. მის-წილ
- 112, 7. ვერა-რაჲ
- , 8. მიქელ
- , 8-9. ებისკოპოპოზად
- , 10. ბინქარს
- , 14. მტკვრისით
- , 15. შემუსრნეს
- , —. ყვნეს
- , 16. მიჰრანდუნტ
- , 27. ერისა ცოდუათაგან: აწ

- I.
- უწოდა
- abs.
- და იყო მორწმუნე
- ინდოთა
- ბარზაბოდ
- ქმნილ
- სიშენიერებაჲ
- შენებისა
- თქვენსა
- შური
- ახს
- მზითვითა
- მისცე
- 2.
- გრიგორი და ვასილი
- abs.
- abs.
- განცხრომა
- ვახტანგისათჳს
- მოითხოვა
- შეძრწუნდა
- მამამან ჩემმან
- მოიწინეს
- განრევენას
- ექმნას
- დაგატეობინებ
- ბინაქარ
- მის-წული
- ვერარას
- მიქელ
- მიქელ ეპისკოსი ეპისკოპოსად
- ბინაქარს
- მტკვრისად
- შემუსრნეს
- ყვეს
- მირანდუნტ
- ჩვენ ერისა ცოდვისაგან: აწ უკვე

—, 29. წინა მძღვრობითა	წინამძღვრებითა
113, 3. ტყეებისა	ტყეულობისა
—, 4. მინჰმისაგან	მინმისაგან
—, 5. თხუთმეტისა	თხუთმეტისა
—, 9. ერი	ერნი
—, 13. მცნებათა	მცნებასა
—, 14. ეს	ესე რა
—, 16. გვემეს	გვემეს
—, 19. ტირილითა	ახს.
—, —. ზრანვად	ზრანვა
—, 21. ავლა	აჲლა
—, 24. სწორუთ მოწვეუნულ	სწორად მოწვეუნოლ
—, 25. მოწვეუნულ	მოწვეუნოლ
114, 4. ჯვანშერ	ჯუანშერ
—, 7. მადლობაჲ	მადლობა წინაჲ
—, 10. Отъ слова ამისთვის до сло- ва ქართლისათა включ. (стран. 114, строка. 11)	abs.
—, 21. მკედრობისა	ხოლო მკედრობისა
—, 22. გამოარჩინე	გამოარჩივე
—, 25. ვიძლივნეთ	ვიძლივნეთ
—, 26. ავლა	აჲლა
—, 27. ჯვანშერ	ჯუანშერ
—, 1.	1.
—, 2.	2.
115, 2. ჯვანშერ	ჯუანშერ
—, 3. განსაცდელი	განსაცდელნი
—, 6. წინამძღვრობითა ჯუარისათა	წინამძღვრებითა პატრიოსნისა მის ჯვა- რისათა
—, 8. ცხონდინ	ცხოუნდი
—, 10. დასცენ	დასცენე
—, 14. ითხოა	ითხოვა
—, 18. თორმეტი	ათორმეტი
—, 24. მიჰრან	მირიან
—, —. ეუოდა	ეუოდა
—, 3.	3
—, 4.	4.
116, 2. მიჰრან	მირიან

116, 4. მკედარი წარვიდა	მკედარი
—, 5. შეკრბეს	შეკრიბნეს
—, —. ზედა	მას ზედა
—, 7. დარიილასა	დარიილასა
—, 9. და ამიერ	ახს.
—, 10. განეკრძალნეს	განაკრძალნეს
—, 12. რომელ	ხოლო რომელ
—, 17. მრავალი	მრავალ გზის
—, 23. ქვს	ქვე
—, 1.	1.
—, 2.	2.
117, 8. ძალისად ჩემისა	ძალისა ჩემისად
—, 12-13. აქა ვანტანგისი და თარ- კანის ომი, და მოკლუა თარ- კანისა ვანტანგისაგან	პირველი აქა ვანტანგისა და თარხანისა ომი და მოკვლა თარხანი- სა ვანტანგისაგან
—, 15. ყმარწვილთა	ყრმაწვილთა
118, 1. აქა ვანტანგისი და ბაყათარ ოვისის ომი	მეორედ აქა ვანტანგისა და ბაყათარ ოვისისა ომი
—, 4. რაღოგან	რადგან
—, 5. მბრძოლი	მებრძოლი
—, —. რამეთუ	ხოლო
—, 23. უნლდნების	დაუნლდნებოდის
—, 28. მიუკდა	მიზვდა
119, 2. უზე შთაეს	უზესთაეს
—, 5. ცხენ-თორნოსანნი	ცხენ-ოროსანნი
—, 9. მისთა	თჳსთა
—, —. ცხენ-თორნოსანთა	ცხენ-ოროსანთა
—, 11. მისთა	მათთა
—, 14. ბუბუს-მტე, ძე	ბუბუსმტე
—, 18. ვითარ უკვს	ახს.
—, 21. ОТЬ СЛОВА ხოლო ДО СЛОВА მეფისა ВКЛЮЧИТЕЛЬНО (стр. 119, строка 24)	ახს.
—, 25. ჯიქეთი	ჯიგეთი
—, 29. კავკასისათა	კავკასიათა
120, 2. ჰქესსა	ექესსა
—, 4. თვრამეტი	ათერთმეტი
—, 6. თვალვით	თვალვაგით

120, 9-10. დარიალისასა	დარიელიისსა
—, 10. გზასა აფხაზეთისასა	გზათა აფხაზეთისათა
—, 10-11. სულ-გრძელად და უში- შად იწყო ბრძოლად ციხე- თა აფხაზეთისათა	abs.
—, 18. დაჭურიდეს	დააურიდეს
—, 20. ბუნქარ	ბუნაქარ
—, 23. ზითვად	მზითვათ
—, 24. ჭურმიზდისაგან	ჭურომის დისაგან
—, —. მეფისა	მეფის
121, 2. СТЬ СЛОВА РАМЕТОУ ДО СЛО- ВА ЧЬЕУАНАСА ВРАЮЧИТЕЛЬНО (СТРАН. 121, СТР. 3.)	abs.
—, 8. ქვეითი	ქვეითი
—, 8-4. დაიმჭირის	დაიმჭირის
—, 7. ძისა:	ძისა ბაქარისა
—, 11. რგანი	რგა
—, —. ებისკოპოსნი	ეპისკოპოსნი
—, 12. გარდაცვალებულნი რგანი	იყუნეს რგანი გარდაცვალებულნი
—, 17. ციხე-ქალაქსა	ციხე ქალაქთა
121, 19-20. მკედრიითა თორმეტათას თორმეტ-ათასითა	მკედრიითა თორმეტი ათასითა
—, 1.	1.
122, 3. მიიღეს	მიერიდგან მიიღეს
—, 4. აწ	abs.
—, 5. გრიგოლისი	გრიგორისი
—, 9. მეფისა	abs.
—, —. ზეცისაგან	ზეცისამან
—, 20. რომელინი ნათესაუნო	abs
—, 22. ჩვენ	ესე ჩვენ
—, 24. ქვეითი	ქვეითი
—, 30. აჰმართა	აღმართა
—, 1.	1.
123, 1. ხოლო	რამეთუ
—, 5. შესვლბეს	შესვლბეს
—, 8. მიქელ	მიქაილ
—, 12. სულნელი	სუნნელი
—, 20. სინდეს	სინდეს

123, 25. არა	არა ნინას
—, 25-26. მოუძღურდით	მოუძღურდენ
—, 27. პირველი	ახს.
—, 28. ქართველმან	ქართველთა
—, 30. რადგან	რადგან
124, 5. წარვიდენ	წარვიდეს
—, 6. ქვაბებით	ქვაბებთა
—, 10. განტეობისათჳს	განტევებისათჳს
—, 12-13. რამეთუ ყოველნი უძღურნი ქალაქით გამოს- რულ იყვნეს: უძღურთა	ახს.
—, 21. კორცთანი	ახს.
—, 22. ვერცა	ახს.
—, 32. იქმნ	იქმან
125, 3-4. იებიმიანოსისა	იებიმიანოსა
—, 4. ОТЪ СЛОВА და ДО СЛОВА იებიმიანოსისასა ВЪЛЮЧ. (СТР. 125, СТРОКА 5)	ახს.
126, -1. მიუდგეს	მიუდგის
—, 4. ჭირვეულისა	ჭურვილისა
—, 18. ესფადენ	ესფადენ
—, 21. და რქვა	და ჰრქვა
—, 26. მოიხილა	მიიხილა
—, 29. ჳ	ჳი
—, 33. მენგან	შენდა
127, 1. აღეშენენ	აღაშენენ
—, 8. შინა	ახს.
—, 4-5. მე გვრგუნისა მისგან-მომ- ცა ებისკოპოსთ-მთაურობა და მე რომელი მივე	ახს.
—, 8. უკვემოცცეს	უკვემოცცეს
—, 23. ჯაზირეთად	ჯაზირეთად
127, 24. და	და სპარსთა
—, 25. კლისარმან	კლისარმან
—, 28. გინა	გარნა
128, 5. დიასპანი	დესპანი
—, 6. კონსტანტინეპოლეს	კონსტანტინოპოლის
—, 8. შინა	ახს.

128, —. შევიდეს	მოვიდეს
—, —. ქვეყანასა	abs.
—, 14. ლიტსა	ლიტრა
—, 15. სავაჭროსათჳს	სავაჭროს თჳსსა
—, 22. დრომონი	დარომონი
—, 28. მოსლგამდე	მოსვლამდე
—, 1.	1.
129, 5. სპარსნი	სპარსნი
—, 7-9. ОТЪ СЛОВА შუგიდობით
ДО СЛОВА ჩენნი ВКЛЮЧИ-
ТЕЛЬНО (стр. 129, стр. 9)	abs.
—, 17. სიკვდილსა	სიკვდილად
—, —. მიიწინეს	მიიწინეს
—, 18. გახსრულ	გარდასრულ
—, 20-21. მიძლეებად	მიძლეობად
—, 23. ჳ	ჳი
—, 25. და გნებაჳს შუყენება ჩენნი
კელსა ბერძენთასა	abs.
—, 1.	1.
130, 2. პალეკარტოს	ილეკარპოს
—, 23. სარწმუნოებად	სარწმუნოეებად
—, 23-24. და ცხოველნი შენი,
შენ ცხოველისაგან ძლიერ
არიან	და ცხოველნი შენი ცხოველ არიან
უძლიერეს ცხოველთასა
—, 2.	2.
—, 3.	3.
131, 1-2. აქა ვანტანგ გორგასლი-
სა და პალეკარტოს ბერძენთ
სპასჳეტის ომი, და მოკვლა
პალეკარტოსისი ვანტანგის-
გან	აქა ვანტანგ გურგასლანისა და პალე-
კარტოს ბერძენთ სპასჳეტისა ომი
და მოკვლა პალეკარტოსისი ვან-
ტანგისაგან
—, 6. აღმართებული	აღმართებულად
—, 9. რომელთა	რომლითა
—, 12. დაგდვა	დაგსდეგ
—, 14. კმაჲ ქუხილისა	ქუხილისა მსგავსი
—, 16. ტყავისა	ტყავი
—, —. ფარსა ვითარცა მწყურთა
ერთი, რომელი იყო სიმ-	

- სხო.ა ლახერისა
- 131, 18. კრმლითა
 —, 19. გამდგომისა
 —, 21. ალიჭურნეს
 —, 24. ვითარცა
 —, 28. ოთხმოცი ათასი
 —, 29. ადარნესისითა
- 132, 3-4. მონადირნა
 —, 16. თუნარისისა
 —, 17. ღადოთა
 —, 21. ჩვენსა
 —, —. კლისურასა
 —, 25. კლდე შუა კლარჯეთისა
 —, 28. ჰქმნეს
 —, 30. ხოლო
 —, 31. შენდობისა
- 133, 10. ჰკმაზევდა მკედართა
 —, 11. ბინქარ
 —, 21. გაზირნა
 —, 21-22. ბინქარიანი
 —, 23. დაესუ
 —, —. ბინქარ
 —, 26. შიშმატისასა
- 134, 7. ოდესმე
 —, 14-15. გორგოსალ
 —, 15. განძლიერდა
 —, 17. და მოუწერა ვანტანგს, ვი-
 თარმედ შევექმც წყობასა
 ხაყანისასა და მომივლენია
 შენდა ოთხმოცი ათასი მკე-
 დარი
 —, 2.
- 135, 11. სკარამანგი
 —, 11-12. ცხენი ბარგისა ხუთასი,
 ფორი სამასი, ზროზა ოთხა-
 სი, ცხვარი ათი ათასი
 —, 13. ანთიპატრიკი
 —, 18-19. ხოსრო

ახს.

- კრმლითა
 განდგომილისა
 ალიჭურნეს
 ახს.
 ოთხმოცდა ათასი
 ადარნესისითა
 მონადირა
 თუნარისა
 დიდოთა
 ჩემსა
 ელისურასა
 კლდეს შუა კლარჯეთს
 ქმნას
 რამეთუ
 შინდობისა
 ჰკმაზევდა მკედრობათა
 ბინაქარ
 გმირნი
 ბინაქარიანი
 დასკა
 ბინაქარ
 შიშმატისასა

ახს.

- მცნეთისასა და რომელსამე დღესა
 გორგასლან
 განგრძელდა

ახს.

2.
 საკრამანგი

ახს.

- ანთიპატრიკი
 ხვასრო

135, 19. ყვიან	ჭქვიან
—, —. სიგვარული	სიყვარული
—, 1.	1.
136, 1. შაუნტცეო	შაუნტცეო
—, 6. ვოჭე	ოჭეა
—, 8. აღზრზუნაჲ	აღზრანხეაი
—, 9. ბერძენაჲ	მეფეთა
—, 15. და ვქმნე	მე ვქმნე
—, 17. ბარზაბანისდა	ბარზაბანდისა
—, —. მისლვაჲ	მისვლა
—, 18. თქვენთა	ჩვენთა
137, 7. ესე განაზრანა ლეონ ანთი- პატმან	ესე განზრანვაჲ ლეონ ანთიპატმან
—, 16. მარგუისა	პრქვა
—, —. თაკვერისა	ბარგუისა
—, 17-18. რამეთუ	თაკვერისა
138, 3. მოციქულთა	ხოლო
—, 9. წარსლვა	მოციქულთა მიერ
139, 3. მუნ	ახს.
—, 26. თხარა	მიერთ
140, 10. ვანტანგ	უხარა
—, 23. სარგებელი	ახს.
141, 16. ვოჭე	სარებელი
—, 23. სურვიელ	ვოჭე
—, 4. იყო	საკვირველ
142, 4. ძალითა ქრისტესითა და სიმ. კნითა სჰათა ჩემთათა, არამედ უცალო იყუნეს	იყუნენ
—, 14. ურწამს	ახს.
—, 16. საწუთროსაცა	პრწამს
143, 23. სინდაჲ, თოფორი, კირმა	საწუთოსა
—, 24. გორგასლისაგან შესლვა აბაშეთს	სინდთა, თოფორი, კირმა
—, 26. მუნით	გურგასლანსაგან აბაშეთს
—, 27. ლერწამოანი	მისვლა
—, 1.	მუნით აბაშეთს
144, 2. ლერწამოანი	ლელწამოანი
—, 8. ხოლო	1.
	ლელწამოანი
	რამეთუ

144, 10. წა	და
—, 13. წარმოყვანებად	abs.
—, 14. წარმოვიდა	წარვიდა
—, 14-15. და ყოველნი სჰასალარნი და მათიანა ეპისკოპოსნი	და მათიანა სჰასალარნი ყოველნი და ეგრეთვე ეპისკოპოსნი
—, 16. მოყვანებად	abs.
—, 22. იქვა	თქვა
—, —. და მივიდა მეფე	abs.
—, 26. იტყვის	იტყვის წმიდა
—, 27. გაზნდვიგარე	მდვიგარე
—, 1.	1.
—, 2.	2.
—, 3.	3.
—, 4.	4.
145, 1. და	ხოლო
—, 8. კრმალი აბის	კრმალ აბს
—, 18. თხოილნი	თხოვილნი
—, 25. საკათალიკოზოდ დიდი ესე კათოლიკე	abs.
—, 27. დასვეს	დასვეს პირველად
—, 1.	1.
—, 4.	4.
146, 3. ერუშეთს	მეორე ერუშეთს
—, 24. ჩვენ	მე
—, 25-26. თქვენთაგანი	შენთაგანი
—, 26. მეფისდა	მეფისა და
—, 28. განეწონოს	განეწონეს
—, 1.	1.
—, 2.	2.
147, 3. და ქალაქები	abs.
—, 14. Отъ слова ხოლო до слова იორსა ზედა влѣчительно (стран.147, строка 15)	abs.
—, 18. გინილვან	გინილვანა
—, 25. მოძულეებელთა	მაძულეებელთა
—, 26. მოკვედეთ	არა მოკვედეთ
148. 9. იყო	abs.

148, 13. მეფისასა	მეფისა, შევიდა კარავსა შინა მეფისასა;
149, 5. დიდებითა	abs.
—, 19. Отъ словъ да ზედა до слова არს вклучительно (страница 149, строка 21)	abs.
150, 8. კლისურასა	კლისურსა
—, 11. ედავანეთისა	ედავანეთს
—, 11-12. იმეფა	და იყო მორჩილ და იმეფა
—, 12. თორმეტ	ათორმეტ
—, 13. მეორე	abs.
—, 14. ბაჟურ მეფე	abs,
—, 15. მეწუთე	abs.
—, 17. და	abs.
—, 18. მესამე კათალიკოზი	abs.
—, 18-19. მეოთხე კათალიკოზად	abs.
—, 1.	1.
—, 3.	3.
151, 7. მეექვსე	abs.
—, 10. მეშვიშე	მეშვიშან
—, —. მეწუთე კათალიკოზი	abs.
—, 13. მეექვსე კათალიკოზი	abs.
—, 15. მაშენებელი	მაშენებელი
—, —. ჰქმნა	ქმნა
—, —. ნიშები	ნიშები
—, 17. დაისხნეს	და დაისხნეს
—, 21. და აწ ვიწყეთ შემოკლებით. ცხოვრება მათი	abs.
—, 6.	6.
152, 1. ა.	ხოლო
—, 9. იყვნეს	იყო
—, 1.	1.
—, 11. უდაბნოდ	უდაბნოს
—, 14. გემლიელი	გემონი
—, 18. უამისა	უამეულისა
—, 19. ხოლო სხვა	სხვა
—, 20. იოანემ	abs.
—, 21. მისგან	abs.

152, —. იგი	abs.
—, 22. ხოლო	abs.
—, 1.	1.
153, 9. მისვე	abs.
—, 10. გაწყურნა: ხოლო	განკურნა
—, 11. მისი ფრიადნი და დაემო- წაფუნეს	და ფრიად მრავალნი ერნი დაემოწაფუნეს
—, 14. სხვანი	abs.
—, 17. წმიდასა	abs.
—, 18. ერთი	ერთი იგი
—, 20. მის	abs.
—, 21. იერუსალიმსა	იეროსალიმს
154, 1. დამტკეპელი სოფლისა	abs.
—, 6. მტკეპარსა	მტკეპართასა
—, 8. და სიცივისა	სიცივისა
—, ნუ გეშინის-იცა მას შინა	ნუგეშინისცა
—, 18. თვისსა	abs.
—, 15. ევაგრემ ბერსა მას	abs.
—, 18. წყალი	წყალი იგი
—, 20. აჰან	იჰან
—, 1.	1.
155, 3. მათი და	abs.
—, 4. და იქმნენ მონოზონ	მონაზონებად
—, 5. კარაულები	კარაულნი
—, 5. მგელსა	მგელთა
—, 5-6. დადგა მგელი მწყემსად- კარაულთა: ვითა	და მწყემსად იდგნენ მგელნი ვირთა
—, 7. ვისმე	abs.
—, —. კანონისა	კანონის
—, 4.	4.
—, 5.	5.
—, 6.	6.
156, 4. ადგილსა	აღაგი
—, 6. მუნნარისასა	მუნრანისა
—, 18. მამსა	abs.
157, 1. ენება	ენება
—, 5. წვილის	შვილის

—, 9.	მემსგავსებული	შემსგავსებული
—, 12.	დღეთა და	abs.
—, 14.	უტყუელი	უტყუელი
—, 18.	ჭეშმარიტით	ჭეშმარიტებით
—, 2.		2.
158,	3. შინაგან	შიგან
—, —.	ანზღვიდა	ანზღვიდა
—, 4.	ვითარ	abs.
—, 5.	გვამისა	გვამისა
—, 9.	თქვა	თქვა
—, 12.	კვალსა	კვალსა
—, 18, 15, 16, 19, 21.	ჭრქვა	ჭრქვა
—, 22.	სამეული	სამეული
—, 24.	თხსთა	მისთა
—, —.	აღსასრულადმდე	აღსასრულამდე
—, 25.	წმიდა იგი წმიდათა შინა მიიტყალა	და წა იგი შინა წმიდათასა მიი- ცგალა
159,	1. იყო	abs.
—, 3.	Отъ слова უამსა до слова მოვიდეთ включительно (стр. 159, строка 24)	abs.
160,	20. ცორტავს	ცორხავს
—, 22.	გონებასა	გონებასა თხსსა
—, 27.	მერვე კათალიკოზი	abs.
—, 27-28.	კათალიკოზად	abs.
—, 1.		1.
161,	1. ამბარეზ	ამბარიეზ
—, 2.	შვილად	შვილადმდე
—, 3.	წაბირნა	წაბირნა
—, 3-4.	ამბარეზს	ამბარიეზს
—, 15.	მეფედ	მეფემან
—, 17.	ლთ. ოცდამეცხრამეტე	მეოცდაათცხრამეტე
—, 18-19.	პაგრატონი	ბაგრატონი
—, 19.	ბაგრატონიანი	ბაგრატონანი
—, 24.	მალელაულ	მალელაულ
162,	1. სემ	სეიმ
—, 15.	იერუბემ	იერობ
—, 4.		4.

- 163, 1. ვარზაგარდ ვარზაგარად
- , 2. გორგასლისათა გურგასლანისათა
- , 3. ვიდრე ამათამდე, არამედ დაესრულა უფლება ქარ-
თლისა აზნაურთა abs.
- , 10-11. ბაჰარ ჩუბინისსა abs.
- , 11. დასხდებოდეს დასხდეს
- 164, 24. საერისთოთა საერისთოთა
- 165, 6. კურატპალატისა კურატპალატისა ბაგრატიანის
- , 9. მეთურთმეტე კათალიკოზი ახს.
- , 13-14. იწყო ძეხნად სისხლთა იწყო სისხლთა ძეხნა სიმამრისა და
ცოლის ძმათა და სიმამრი- ცოლისა ძმათა მისთა შესვლად
სა მისისათა შესვლად და და ტუვეგნვად
ტუვენვად
- , 15. ფოკა ფოკას
- , 18. ბნელსა ბნელსა
- , 20-21... ზე მცხეთას მოაკლდებო-
და და კალა აღშენდებოდა. ტფილისი განძლიერდებო-
და და არმაზი აღთხელდე-
ბოდა abs.
- , 21. სტეფანოზისი, სახელით abs.
- 166, 2. განშორებად განშორებულად
- , 6. ცხოვრებისასა ცხოვრებისა
- , 7. ზემო-ქართლს ქართლს
- , 7. ОТЪ СЛОВА სამცხეს დო СЛОВА
საეპისკოპოსოდ ВКЛЮЧИ-
ТЕЛЬНО (стр. 166, строка
11-12) abs.
- , 19. კისერ კისერი
- , 19-20. ერეკლე მეფესა კეისარსა
განრისხნა მისთჳს და
- , 1. 1.
- 167, 13-14. რომელი თქვა სადრდე-
ბელი მეფისა ერაკლესი. ხოლო კადრებისა მისთჳს
მეფისა უყო ესე უოველი abs.
- , 14. ტყავი განკადა და მეფესა და შემდგომა მისსა ტყავი გაჭნადა

- მისწია გარდაბანს, კარაზ და კეისარს უკან მისწია
გაგელისსა გარდაბანს კადრებისათჳს უყო
ესე უოველი მას
- 167, 3. 3.
—, 10. 10.
—, 11. 11.
168, 1. კვალად abs.
—, 6. ВЪІСТО ТЕКСТА ОТЪ СЛОВА და
წარგზაუნეს ДО СЛОВА დაუპ-
ყრნეს ВКЛЮЧ. (СТРАН. 168, და' შემდგომად რაოდენისა უამისა
СТРОКА 25)
—, 26. კათალიკოზად abs.
—, 28. მოღისტოს ბოღისტროს
169, 5. აღერინნეს აღერივნნეს
—, 7. ერაყლე მეფე სამეფოდვე
თჳსად abs.
—, 15. მ. ორმოცდაბეორე მეორმოცდაორი
—, —, მეორე abs.
—, 16. ხოსროიანი: ხოსროიანი: ბ. სტეფანოზ
—, 19. მან მენ
170, 3. რომელი წამებულ იყო abs.
—, 6. ОТЪ СЛОВА „სტეფანოზ“
ДО СЛОВА „აგარიანთა“
(СТР. 170, СТРОКА 9) abs.
—, 25. ОТЪ СЛОВА „ხოლო“ ДО
СЛОВА მჴუდი (СТР. 170,
СТРОКА 26) abs.
171, 5. მოიძივნენ მოიძინ
—, 6. ОТЪ СЛОВА „მოყტა“ ДО
СЛОВА „ლევისაო“ (СТР.
172, СТРОКА 13) abs.
—, 24. შიშისათჳს ამირ აგარიანისა
რამეთუ მოიწია ქართლად abs.
173, 1. მგ. ორმოცდა მესამე მეორმოცდასამი
—, 5-6. შემდგომად სიკვდილისა
მომედისა დაეტყუებინა მთავ-
რობა თჳსი abs.
—, 6. მიითვლიდა მიითვალავდა

- 173, 6. **ОТЪ СЛОВА** ხოლო до
 слова მაშინ (стр.
 173, 10 строка) abs.
- , 10. ყოველნი და ყოველნი
- , 11. წარჩინებულნი ქართველთანი და წარჩინებულთანი
- , 11-12. ღრეთა არეთა
- , 13. ყოველნი ყოველნი ქალაქნი
- , —. **ОТЪ СЛОВЪ** „და მოვიდა“
 до слова თავს-იდეა“
 (стр. 174, строка 10) abs.
- , 3. 3.
- 174, 12. **ОТЪ СЛОВЪ** და უმოიქცა
 до слова აფხაზეთადმდე
 (стр. 174, строка 14) abs.
- , 15. ციხენი abs.
- , 15-16. და ალაოკრა და უკაცურ
 ყო ქვეყანა ეგრისისა და მე-
 გრელთა და აფხაზთა ეგრისის ქვეყანისანი
- 17. კლისურისა ეკლესურისა
- , —. თაბორ თაბორვე
- , 18. **ОТЪ СЛОВА** „ ვითარცა“ до
 слова „ანაკოფისასა“
 (стр. 174, строка 19) abs.
- , 23. **ОТЪ СЛОВА** „მუნ“ до сло-
 ва ეგრისსა შინა (стр.
 174, строка 24) abs.
- 174-175. სობლისასა სობლისასა
- 174, 3. 3.
- , 4. 4.
- 175, 1. იყო იყუნეს
- , 11. ვდევით დაესდევით
- , 14. ჩემსა ჩვენსა
- , 29. **ОТЪ СЛОВА** რისხვა
 до словъ „ელვანი და“ (стр.
 176, строка 2) abs.
- , 3. 3.
- 176, 3. ხარშაკი ხორშაკი
- , —. წყმანი მრავალნი და სსს.

ტიენი	abs.
176, —. გვეზანი	გვეზანი
—, 3-4. განალო პირი ქვეყანამან და აღმოაცენა სიმრავლენი უიყოლთანი და ზღვა იქმნა ქვეყანა კმელი: ხოლო	abs.
—, 5. მას ღამესა ერვენა	და ერვენა ღამესა მას
—, 24. ОТЪ СЛОВА და ვითარცა ДО СЛОВА „ცხუმი,“ (стр. 177, строка 1.)	abs.
—, 3.	3.
—, 6.	6.
177, 4. ОТЪ СЛОВЪ „და ჩაიარა“ ДО СЛОВА „ოვსად,“ (стр. 177, строка 12)	abs.
—, 25-26. და თანა დადგრომა ხოლო აწ მესამე მსახურება და რგება	abs.
—, 26. ჩვენთანა	abs.
—, 6.	6.
178. 15. დამდალ	დამდალ
—, 24. მომიცემთა	მომიცემთა
—, 4.	4.
179, 8. მდ. მეორმოცდამეოთხე	მეორმოცდამეოთხე.
—, 9. ხოსროიანი:	ხოსროიანი: ბ. არჩილ.
—, 19. გამონაყოფი	abs.
—, 9	9.
180, 3. ზუნება	ზუნება
—, 7. ეკლისურიდგან	ეკლისურთაგან
—, 13. განაგნა	abs.
—, 24. საქმორსა	საქმორას
—, —. ცოლი	abs.
—, 25. რომელი	ცოლად, რომელი
—, 26. ლაქვასტისასა	ლაქვასტისასა
—, 4.	4.
181, 13-14. აბუნოსროსაგან	აბუნვასროსაგან
—, 5.	5.
182, 10-11. შეიყვარდა სისრულე	შეურყვევლად საყეთე

182, 27. წინართა	წინართა
—, 1.	1.
—, 4.	4.
—, 5.	5.
183, 27. ესე	უამისა ესე
184, 13. მე. მეორმეოცდამეხუთე	მეორმეოცდახუთე
—, 17. დაშეთს	დარჩნეს
—, 19. და ითხოვა ცოლად	და სთხოვა დაა. თჳსი ცოლად
—, 23. ჩვენი:	ჩვენი წარმართთა მიერ
—, 24. ბღუჩან	ბღუჩან
—, 4.	4.
185, 5. მოწოა	მოაწოა
—, 6-7. წარმოვიდა ხაკანისა ბლუ- ჩან, მოჭგვარა	და წარვიდა ბღუჩან, და მიჭგვარა
—, 11. დაჰყო	იყო
—, —. განუტევა	მეშვიდესა წელსა წარმოგზავნა ხა- კანმან
—, 11-12. და წარმოგზავნა	abs.
—, 12. ხაკანმან	abs.
—, 14. მთავართა	abs.
—, 19. Отъ слова да до слова лѣтითъ вклуч. (стран. , 185, строка 21)	abs.
—, 2.	2.
—, 8.	8.
—, 9.	9.
186, 17. მე. ორმეოცდამეექვსე	მეორმეოცდა ექვსე
—, 1.	1.
187, 4. ქსანსა ზედა	ქსანს შინა
—, 7. მოვიდა	abs.
—, 9. თანა	abs.
—, 3.	3.
188, 3. კელმწიფობა	კელმწიფუება
—, 21. მუნ	abs.
—, 21-22. რამელი მასშინა	abs.
—, 2.	2.
—, 4.	4.
189, 1. მეგრელთაგან	abs,

- 189, —. სტლდ გოლ
 —, 2. ქორნიკონსა abs.
 —, —. ОТЬ СЛОВА „და“ ДО СЛОВА „დაეგადა“ (СТР. 189, СТРОКА 4) abs.
 —, 6. სოლო კვლადცა და ეუ- ფუნესსარკინოზნი ქართლსა abs.
 —, 8. იზრდენ იზრდებოდენ
 —, 11. რამეთუ სოლო
 —, 17. და წარმართა ღმერთმან გელმწიფობა მათი abs.
 —, 18. ძე ძე მისი
 —, 1. 1.
 190, 6. ОТЬ СЛОВА „სოლო“ ДО СЛОВА „ათცრაამეტნი“ (СТР. 190, СТРОКА 8) abs.
 —, 18. ალიევანეს მოფულოვან მკველი კაცა სამასი abs.
 —, 7. 7.
 191, 7. მან abs.
 —, 16-17. განუენა განუეო
 —, 22. გიორგი აღწუველი abs.
 192, 7. ОТЬ СЛОВА „თეოდოსი“ ДО СЛОВА „წელი“ (СТР. 192, СТРОКА 9) abs.
 —, 10. მწ. მეორმოცდამერვე მეორმოცდა რვა
 —, 10-11. ძე ბაგრატ კურატპალა- ბაგრატოანი ძე ბაგრატისა ტისა, ბაგრატოანი
 —, 16. სოლო და
 —, 19. ნასარ ნასარ
 —, 19-20. ძე ბაგრატისა, მამის მისწული მისი abs.
 —, 20. დაუტევა და დაუტევა
 —, 21. სოლო abs.
 193, 10. კურატპალატისა კურატპალატისა, მძა. აშოტ. კუნისა
 —, 11. მძა აშოტ კუნისა abs.
 —, 20. ერისთავისა ერისთავისა, და ძე ბაგრატ მამფალ არტანუჯელისა

193, —. რმგ	რმგ
—, 21. რპშ	ქეს რპშ
194, 1. მეორმეოცდა მეცხრე	მეორმეოცდაცხრა
—, 2. ბაგრატონი	ბაგრატონი; ბ: ადარნასე
—, 19. გუარამ	გუარამ
—, 21. ჯერეთ	ახს.
195, 1. გურგენ	გურგენ კურატპალატი
—, 1-2. წულეს და შეიპყრეს, და მოკრდა წულუღებისა მისგან გურგენ კურატპალატი	ახს.
—, 8. კერკითა	ფერკითა
—, 15. ალისი	ქელისი
—, 21. ალიღეს	და დაიჭირეს
196, 24. ადარნასე	ადარნასე ერისთავთ
—, 2.	2.
197, 1. მეფემან	ახს.
—, 13. დის-წული	დის წულისწული
—, 18. ადარნასეს მეფისა	ახს.
—, 22. მაგისტერი	ახს.
—, 2.	2.
198, 1. Огь слова „моматება“ до слова „აფხაზეთი“ (стр. 200, строка 34)	ახს.
201, 5. ესე ადარნასე კურატპალატი	ახს.
—, 7. ქორონიკონს	ახს.
202, 4. რათამცა შევიდეს ციხესავე. ვერღარა დაიმოჩიღეს ტიონი	ახს.
—, 18. აცნობეს	ცნეს
—, 24. კერკითა	ფერკითა
—, 8.	8.
203, 17. თუსი	მისი
—, 24. მისისა	თუსისა
—, 35. და ამან	ამან
—, 26. მექმნა	შეიქმნა
—, 27. ქორებისკობოზსა	ახს.
—, 30. მუნხნარი	მუნხრანი

204, 10-11. ძამის	ძმის
—, 12. ძმისასა	ძმისასა
—, 17. ძისა სუმბატ მეფე-კურტპალა. ტისა	abs.
205, 6. მისისათა	თჳსისათა
—, 10. მაშინ	abs.
206, 1. ОТЪ СЛОВА „რამეთუ“ ДО СЛОВА „მოიმადლა“ (стр. 206, строка 28)	abs.
—, 29. დავით კურტპალატი	abs.
—, 31. ფიგოსანთ	ფიგოსანთ
—, 1.	1.
207, 3. მეფე	ბეფეთ მეფე
—, 5. შვილი	შჳლი
—, 8. ნა. ორმეოცდამეათორმეტე	მეორმეოცდამათურმეტე
—, 9. ბაგრატოანი	ბაგრატოანი: ბ. ბაგრატ
—, 13. კანეთად	კანეთით
—, 21. იგი	abs.
208, 8. იყო განგებად	იყო განგებად
—, 10. ქცევსა	ქცევსა
—, 18. შინა	ზედა
—, —. ქუთარ	ქუთარ
—, 20. მოვიდეს	მოვიდეს
—, 21. მოვიდა უფლის-ცინეს	მოვიდე სუფულის ცინესა
—, 25. და ამას შინა	და შემდგომად ამისსა
—, —. მას უამთა	abs.
—, 27. კეთილად ბაგრატ მეფესა:	ბაგრატს
—, 28. უცნურად	abs.
—, 2.	2.
—, 3.	3.
209, 6. კურტპალატიცა წინაშე	კურტპალატან
—, 8. დიდითა	თჳსითა
—, 10. წუფთისასა	წუფთისასა
—, 14. არა	abs.
—, 17. ვითარცა	ვითაც
210, 12. ეძიებ	ძიება
—, —. მკლავი	მკლავ
—, 29. შინა	abs.

210, —. ფადლონ	ფლაღონ
211, 3. აწვია	წინაზე
—, 23. ქართულ ლთან	ქართველთან
212, 8-9 ესე ბეგრატ, აფნაზთა და ქართველთა მეფე წარემატა	რა წარემატა
—, 14. ძალი	ენა
—, 20. ОТЬ СЛОВА „მოკედა“ ДО СЛОВА „ნუთი“ (СТР. 218, СТРОКА 8)	abs.
213, 13. ძმისა	ძისასა
—, 15. ძმისა	ხოლო ესრეთ იყო ძმისა
—, 16. იყო	abs.
—, 26-27. მკცითა შვენიერთა შემკული	abs.
—, 27-28. და მეფობდა ოცდაათექმემეტ წელ, და იყო დღეთა მიცვალებისა მისისათა ტაოს	abs.
—, 29. შემდგომად მისსა	abs.
—, 30. გიორგი	გიორგი, იზ წლისა
—, —. იგიცა საესე ყოვლითა სიკეთითა	abs.
—, 1.	1.
—, 2.	2.
—, 3.	3.
214, 1. ნგ. ორმეოცდამეათსამეტე	მეორმეოცდაათორმეტე
—, 6. იგი	გიორგი
—, 10. მიმართეს	მივიდეს
—, 11. და მუნით მოვიდა კოლასა და	abs.
—, 12. ბასილი	abs.
—, —. მამდევარნი გიორგისნი	მავალნი გზისანი
—, 13. ლაშქარნი	ლაშქრისანი
—, 14. შირიმთა	ბირმთა
—, 14-15. და დიდებულნი	abs.
—, 15-16. და გვიანად ეწვია კმა გიორგი მეფესა, ვითარმედ ომ არს უკანაბავალთა ზედა	abs.
—, 17. ОТЬ СЛОВЬ „და მაშინ“ ДО	

სიბრა „ მისისა“ (სტრ. 214
სტროკა 18-19)

214, 19. მოვიდეს	abs.
—, 19-20. ყოველითა	განვიდეს და მოვიდეს
—, 20. შეკრბეს	abs.
—, 22. და განგრძელდა მათ შორის	და შეკრბეს
—, 3.	abs.
—, 9.	3.
215, 1. ვათარ	9.
—, 2. წარმოუდგეს	abs.
—, 2. ბერძენნი	წარმოუდგა
—, 2-3. და დაკოცნეს ურიცხვნი პირითა მასლჯისათა. მოუწია ლაშქარმან	abs.
—, 3. და მოაოკრეს არტანი	და მოვიდა
—, 4. ყვეს	abs.
—, 5. დასწყვიდეს ქვეყანა ჯაგანეთისა	ყო
—, 5-6. და რაუაშს წარვიდა გიორგი მეფე გარდავიდა თრი-ალეთად	ჯაგანეთით კერძო და მუნით განვიდა, და გარდავიდა გიორგი მეფე თრიალეთად
—, 6. უკანა	abs.
—, —. კვალადცა	abs.
—, 7. იახლეს	მიეახლნეს
—, —. მოერთო ძალი	abs.
—, 7-8. კანეთისა და ჰერეთისა	abs.
—, 8. გარნა დაუშალეს მას უგმა მეორედ	abs.
—, 10. შურის-გებიით	abs.
—, —. ქვეყანანი იგი	abs.
—, 10-11. წარვიდა	და წარვიდა
—, 12. ორთავე ამა მეფეთანი	abs.
—, —. ერთმანერთსა წინაშე, მშჯღობისა	abs.
—, 16-17. და დიდად შეძრწუნდა ბასილი ამისთვის: გარნა	abs.
—, 18. წარვიზი ქსიფე	ქსიფენ
—, 18-19. და გადგეს რომელი მირ-	

- თულ იუზენეს
 215, —. 19. ქსიფეს abs.
 —, 20. ყოველნი ერნი მისად მომ-
 დგომელნი, შეიცვეს ცინე-
 სა შინა წარგიზს
 —, 19. წარგიზისა abs.
 —, 20. დალასანოსთა ქსიფენისა
 —, 21. და წარმოგზავენს წინაშე დალასანოსთა
 —, 22. მიმდგომთა abs.
 —, 1. 1.
 —, 2. 2.
 —, 7. 7.
 216, 1. იგი გიორგი მეფისაგან abs.
 —, 3. დალაშქრითა დიდითა, უწი-
 ნარეს თჯსსა abs.
 —, 4-5. დაილაშქრა ზვიადმანცა
 ამიერ კიდესა ბასიანისსა,
 რეცა ზამთრის სანედ სოლო abs.
 —, 5. თჯთ და თჯთ
 —, 6. განვიდა ზეუად, ღლაშქრითა
 დიდითა და ძლიერითა abs.
 —, 8. ბრძოლადა ომისა
 —, 8-9. გარნა ორკერძოვე მზაკეარ-
 ნი იგი აზნაურნი არა მიე-
 შვენეს გიორგის ყოფად ზავი
 სა abs.
 —, 10. და მივიდეს ბასილი მეფე-
 სა ზედა დაბანაკებულსა რო-
 მელსა უწოდებან სვინდაქსად abs.
 —, 11 მას abs.
 —, 12. მოვლოდა მოვლოდა
 —, 17. განუწყურა ბასილი მეფე, უბრ-
 ძანა მოყვანებად ძელი ცხოვ-
 რებისა abs.
 —, 19-20. ვიყო თაყუანისმცემელ
 თქვენდა, მე უკუნისამდე, და
 არღარა abs.
 —, 21-22. და ვითარცა განგრძედე-

- ბულ იყო მათ შინა ბრძოლა,
სიტყუასა ზედა abs.
- 216, 22. კვალადცა abs.
- , 22-23. და ლაშქარნი საქართვე-
ლოსანი abs.
- , 23. ОТЬ СЛОВА „და“ ДО СЛО-
ВА „ყოველნი“ (стр. 216,
строка 27) abs.
- , 27. რომელნიმე და რომელიმე
- 216-217. რომელნიმე მეორე რომელთაცა მშვიდობის ყოფა არა
ენებათ. რამეთუ თუ მეფე გიორგი
და უძლიერესი ლაშქარი მისი არღა-
რა მისრულიყვნეს ჯერეთ ყოვლად-
ვე და იგინიცა მოისრნეს მას
დღესა შინა
- 217, 3. ვითარცა abs.
- , 4. საბერძნეთით abs.
- , 5. ჩრვილი abs.
- , 8. კოლა-არტანიით abs.
- , —. შავშეთს და შავშეთს
- , 12. ქალაქით კონსტანტიპოლით abs.
- , 13. ტაოს, შემოვიდა abs.
- , —. თჯსა ბანას abs.
- , 18. საკელმწიფოსა შინა abs.
- , 19. გარევე abs.
- , 21. ბაგრატს abs.
- , 21. ОТЬ СЛОВА „განა“ ДО
СЛОВА „მას:“ (стр. 217,
строка 22) abs.
- , 27. შემყრობელთა და მტერთა abs.
- , 1. 1.
- , 4. 4.
- 218, 4-5. ქალაქსა მათსა, და ესრეთ abs.
შეკრბეს მშვიდობით, და მის-
ცეს დიდება და მადლობა
ღმერთსა abs.
- , 9. ОТЬ СЛОВА ამისა ДО СЛОВА
„ცხოველსა“ (стр. 218,

- строка 18)
- 218, 19. ბეგრატის მოსლეთგან
—, 1. abs.
abs.
- 219, 3. წელიწადისა
წელიწადისა
- , 4. ნდ. მეორმეოცდამეთათხუ
მეოცდა ათსამეოცე
- , 8. ОТЬ СЛОВА „რომელნიმე“ ДО
СЛОВА „იუო“ (219 СТРАМ.,
СТРОКА 9) abs.
- , 10. და წელსა მესამესა abs.
ლაშქრითა
- , 11. თჳსი,
—, 11-12. განძითა და მიუწდომე-
ლითა ლაშქრითა აჳსითა
ყოფილად უძლიერესად ბასი-
ლი მეფისასა abs.
- , 12. ქვეყანა-იგი იგივე ქვეყანანი
- , 13. პირველ ბასილი მეფესა
- , 18-14. ქვეყანანი ბასილი მეფე-
სა. და ააოკრნა, და უმე-
ტესცა. რამეთუ მიიწია და
მოვიდა ესე abs.
- , კართასა კართა
- , 17. ОТЬ СЛОВА სადა ДО СЛОВА
„წეფთისა“ (СТРАН. 219,
СТРОКА 19) abs.
- , 19. გარყულობისა გარყულობისა
- , 20. ჳოლოლის ჳოლოლის
- , —. წეფთისა წეფთისა
- , 22. მანლობელად abs.
- , 22-28. და ეკლესიისა სიმაგრე.
და სანელ სდგა მას სვეტი abs.
- , 3. 3.
- , 8. 8.
- 220, 6. ეზრა ეზრასა
- , 10-11. ხოლო ესე ვითარად რაჲ
ღელვად აღტენილად იგვე-
მებოდა აღმოსავლეთი,
მსწრაფლ ეწია რისხვა უწია

- 220, 12. უმსჯავროსი მას მეფესა
- , 19. **Отъ слова „მსჯავსადჳ“**
до слова „მოსწრაფედ“
(220 стран., 13 строка)
- , 13-14. პროედროსსა
- , 14-15. რათა მსწრაფელ შეიქცეს
იგი ლაშქრითურთ და მივი-
დეს კონსტანტინეპოლედ
- , 15. და წარვიდა
- , —. ესმა რა ესე
- , —. მოვიდოდა
- , 17. მიმდგომელი თჳსი
- , 18. **Вместо текста отъ слова**
„წარვიდა“ до слова „ჩაჲ“
(стран. 221, строка 10)

კონსტანტინე მეფესა

abs.

სწეროდროსსა

abs.

abs.

abs.

მივიდოდა

კვისარი

შემდგომად წელსა მესამესა წარვი-
და დედოფალი მარიამ, დედ^ა
ზაგრატ აფხაზთა და ქართველთ
მეფისა, საბერძნეთად: ძიებად მშვი-
დობისა და ერთობისა და კვა-
ლად ძიებად პატრიკისა კურატ-
პალატობისა ძისა თჳსისათჳს, ვი-
თარცა არს ჩვეულება და წესი
სახლისა მთისა და მოყვანეზი-
სათჳს ძის ცოლისა. ამას უაშუა
იყო გიორგი შთაწმინდული მთარ-
გმნელი; თან ანლდა დედოფალ-
სა მარიამს ქუეს აქუთ ჩაჲ

- 221, 24. **Отъ слова შემდგომად до**
слова განახლნა включ.
(стран. 222, строка 22)

abs.

- , 1.
- , 2.
- 223, 1. ახაზა
- , 8. მეფე
- , 9. მოკლა
- , 10. ფიდარზის
- , 12. ტფილელთა
- , 13. დრაშით იყიდდეს
- , —. დაუდგმიდეს შიმშილითა
- , 20. ხანუღა
- , 25. ბტორის
- , 1.

1.

2.

ახაზარის

abs.

მოკლა

ფიდარზის

ტფილელნი

დრაშად იყიდეს

დაუდგმიდეს შიმშილითა

ხანუღა

ბტორის

1.

- , 4. 224, 14. ქვაბულელ 4. ქვაბლაენ
- , 16. და ლომისიანნი მოიყუნა და ლომისიანნი მოიყუნან სოფათის სოფათის
- , 21. შეიყვნეს abs.
- , 24. კოშენი კოჭენი
- , 1. 1.
- 225, 2-3. და ივანე ერისთავი, ივანე დადიანი, და გვარამ გოდერძის ძე ბეჭის ცინის პატრონი abs.
- , 16. ბაშს შაბს
- , 17. შიდათ ბიდათ
- , 19. და სხვანიცა სხვანიცა
- 226, 1. გრიგოლი, ძე გრიგოლიძეს
- , 2. ქადაგებითა ქადაგებითა
- , 6. ბაჰრამ-ლამიანი ბალარამ ლამიანი
- , 24-25. კოსტანტინე მონომახი მიხაილ მონამოხი
- , 27. ОТЪ СЛОВА МАШИН ДО СЛОВА მოვიდეთ ВКЛЮЧ. (227, СТРАН. 13 СТРОКА) abs.
- 226, 1. 1.
- 227, 23. დულლუბეგ დულიუბეგ
- , 2. 2.
- 228 23. სულტანი სურტანი
- 229 9. და არა მოსცა სომეხთა მეფე- მან. მიგზავნა ბაგრატ. abs.
- , 21. ОТЪ СЛОВА „მას“ ДО СЛОВА „მისა“ (СТРАН. 230, СТРО- КА 16) abs.
- 230, 16-17. ხოლო მითხოვებასა ხოლო დიდმან ბაგრატ მეფემან გაათ- მართასა ბერძენთა მეფესა, სოვა ასული თჳსი მართა და ამისა შემდგომად გაათხოვა შერთო ბერძენთა მეფესა. ხოლო შემდ- დის-წულუ თჳსი და შერთო გომად ამისა გაათხოვა დისწული თჳსი და შერთო სპარსთა მეფესა სულტანსა სპარსთა მეფესა სულტანსა
- , 29. მარბიელი მარბეველი
- 231, 8. გარდაეხვეწა გარდაეხვეწა ზამთარს
- , 19. იყო abs.

- 232, 21. სიდიდე სიმიდიდრე
—, 24. სადამე სადამე, სადამე
—, 2. გორთა თანა გორთან
—, 4. სრამსა ტრამსა
—, 5. შობოს მობოს
—, 9. და დაკოცეს abs.
—, 14. რათა abs.
—, 28. თუსად: თუსად ტუფილისი
233, 2. თუსად თაუისად
—, —. ქაუზნი გაუზანი
—, 10-11. და განსცა ციხისთა-
მან აგარანი: და მსწრაფლ
აღმოვიდა მეფე და მივიდა
და მოადგა აგარათა abs.
—, 15. თუს თაუს
—, 22. გიზეზითა მიზეზითა
—, 24. ОТЪ СЛОВА „გარდაიცვა-
ლა“ ДО СЛОВА „საფარე-
ლი“ ВЪЛЮЧ. (стр. 233,
СТРОКА 25) abs.
—, 28. იგიცა abs.
234, 2. და ყოველნი დიდებულნი
მისნი: სოლო გიორგი
გურატპალატი abs.
—, 14. მეფედ: მეფედ ბ. გიორგი
—, 15. ნე. ორმეოცდამეთნეთმეტე მეორმეოცდა ათოთნმეტე
—, 16. ბაგრატონი: ბაგრატონი: ქჷს სჷგ
—, 17. სოლო იყო ბერძენთა მეფე
მინაილ დის-წული გიორ-
გისი abs.
—, 17-18. მეფობაზე მეფობისაზე
—, 5. ნ. ნ.
235, 10. ლოწობანი ლულობანი
—, 13. გადგა გაადგა
—, 4. 4.
236, 8. წაუზენა ბერძენთა ანაგოფია
თაუადი ციხეთა აუზაზეთი-
სათა, და მრავალნი ციხენი. abs.

236, 10. კარნიფორ-ასიანი	კარნიფორისანი
—, 11-12. და შემდგომად მცირე- დისა ხანისა შეკრება სარან- გი ყოველითა ლაშქრითა მისითა და კერძისა	abs.
—, 14. სამოცდამეთერთმეტე	სამოცდამეთერთმეტე
—, 16. ორმეოცდამეთექვსმეტე	მეორმოცდა ათერთმეტე
—, 19. ჩამოვიდა	ჩამოდგა
—, 21. მეფე გიორგი	abs.
237, 12. იასი	პასიასი
—, 17. ასის-ფორნი	კახის კარნიფორნი
238, 4. შეწირვასავე	შესაწირავსავე
—, 5. აღრინეს	აღვიდეს
—, —. მიცემულ იქმნეს	მიცენეს
—, 15. რაჲ	abs.
—, 17. აღმოსავლეთს	აღმოსავლეთად
—, 25. მოწყალებანი	abs.
239. 3. რომელინი	ყოველნი
—, 6. უამთა	უამთა შინა
—, 25. საგონებულ	ჯერ
—, 28. დაზღვეს	დაზღვეს
—, 1.	1.
240, 8. დავითისმან	დავითისმან დავით ქუს აქეთ ჩად
—, 9. დავით	abs.
—, 26. ამას	abs.
—, 30. და ყოველსა	დგა ყოველთა
241, 15. მეფესა	abs.
—, 26. გარდაიკვალა კათალიკო- ზი გაბრიელ საფარელი დაჯდა კათალიკოზად იოანე	abs.
242, 4. გამოაცხადა	გამოაჩინა
—, 6. უქუჭ	უავე
—, 25. ტყეთათ	ტყვეთათ
243, 26. ოდენ	abs.
244, 3. სხვა	abs.
—, 8. მოთმინებისა	abs.
—, 9. ყოველი	abs.
—, 15. იმერითს	იმერეთს

245, 27. ტყვითა	ტყვითა და ალაფითა
—, 5. თურთ	abs.
—, —. ღამე ყოველ	ღამე-ყოველ
—, 20. ჭორონის	ჭურონის
—, 21. უგრძნეულად	და უგრძნეულად
—, 27. სფეროსა	სჭერასა
—, 1.	1.
246, 2. ქალაპორი	ქალაპორი
—, 4. ღანუკით	იანუხით
—, 11. კომნინოს	კომნინს
—, 13. მიერ	მიმართ
—, 16. თჳს	თჳსთა
—, 27. დასამჭირველობა	დასამჭირველობა
247, 1. შვილი	abs.
—, 1-2. ათრაქა შარალანის	ათრაქაშ არალანის
—, 12. მთისათანი	მათი სათანი
248, 21. თოთხმეტსა	ათხთმეტსა
249, 6. სულტანს	სუნანს
—, 19. დაჭმანი	დაჭმეტნი
—, 25. წინა	abs.
250, 4. სასწაულსა	სწაულასა
—, 6. ველნი, მთანი	ხევენი მთანი
—, 11. არაბთა	არაბთა
—, 14. არისტოტელის	და არისტოტელს
—, 15. აქილეველთამან	აქიველთამან
—, 16. აქიველი	უაქიველი
—, 18. ვესპასიანე ტიტოსმიფონს	ნეტიტოს მიფონი
—, 23. უამამდი	უამად
—, 31. წინაშე	abs.
—, —. შენ	უშენ
—, 1.	1.
251, 8. ხანდაკებითა	კანდაკებითა
—, 14. მამაგული	abs.
—, 19. ამათენს	abs.
—, 22-23. ხოლო სთველთა გარდავიდა გეგუთს, ინადირა, განისვენა, განაგო მანდაური ყოველი, და მარტსა	

- გარდავიდა ქართლად
 251, 27. კოლა კარნიფოლა
 —, 28. ბუიათა-ყური და
 252, 18. გიორგი
 —, 15-16. სადგური
 —, 18. მას
 —, 25. იზოვის
 —, 30. ახჳმათა
 253, 6. ხოლო
 —, 18. მოიგო
 254, 2. ფრიადცა
 —, 1. კეთილი
 —, 11. სელობდა
 —, 13. ამას
 —, 23. ისტროდა
 —, 31. მოეწიენეს
 255, 12. უსასწრაფოესად
 256, 8. ღმერთი ჰრედიდა
 257, 1-2. სამწუნროდ
 —, 3. და ეგრევე
 —, 11. მდინარეთა
 —, 13. და (bis)
 —, 16-17. დაჭირვებულნი
 —, 29. ყოველთა
 —, 32. კაცთათა
 —, 33. სიტყვა
 258, 3. სათნოებანი უწყოდნის
 —, 8. ექმნა
 259, 9. საღამე
 —, —. ვითარცა
 —, 12. და ლიტონთა
 —, 24. მიმოსვლისა-თჳს
 —, 26. ესე ვითართა
 —, 30. სივლტოლითა
 —, 1.
 260, 3. ნიჭითა
 —, 8. დასავლისანი ეგროპი,

- ახს.
 კოლა კარნი ფოლა
 ბუიათა-ყური
 ახს.
 ადგილი
 ახს.
 ახს.
 აღსმათა
 რამეთუ
 მოიგო ესე შიში უფლისაჲ
 ახს.
 ახს.
 მელობად
 ახს.
 ისტროდა
 წარმოეწიენეს
 უსწრაფესად
 მართალი ჰრედიდა
 სარწმუნოდ
 ეგრევე
 მდინარეთა ზედა
 ახს.
 დაჭირვებულნი და მიმლაგრებულნი
 ახს.
 ახს.
 ახს.
 სათნოებანი უცხოდ და კეთილად
 უწყოდის
 ექმნა მრავალთა
 ახს.
 ახს.
 ლიტონთა
 მიმოსვლისა დაჭირვებისათჳს
 ვითარცა (გა)
 ახს.
 1.
 ნიჭითა მიცემითა

იტალია, რომი და აურიკვე-
თი და მათითა წარტანებითა
დაიპყრა

260, —. კარქედონით

—, 24. ერია

—, 25-26. ზ

—, 27. ხუთთა

261, 5. ფრანგეთისანი

—, 14. შეწყობილ

—, 27. უამთა და

262, 2. მის

—, 3. რამ

—, 5. მიერ

—, 22. სჯად

—, 30. სოლომონი

—, 2.

—, 3.

263, 3. რაბამ

—, 15. რამ

—, —. და

—, 28. ქელაპორი

—, 1.

264, 7. რუსუდან:

—, 8. დაგით:

—, 9. ნწ. ორმოცდამერვე

—, 12. ტოე

—, 15. ორმოცდამეცხრე

265, 4. მამამან

—, 30. თუსითა

—, 1

—, 2.

266, 6. იყო

—, 21. ფათაზაშთა სპარსეთისათა
თანა

— 24. ცნა

—, 1.

—, 2.

ახს.

ქალკედონით

ეჰა

ჰი

ახს.

საფრანგეთისანი

განწყობილ

უამთად

ახს.

რაითამე

მიმართ

ახს.

ახს.

2-

8.

რაბამ ძლიერად

ახს.

ახს.

ქელაპორი

1.

რუსუდან: და შემდგომად

დაგით: ქვეს აქეთ¹ ჩრნა

მეორმეოცდა რვა

ტოე.

მეორმეოცდა ცხრა

მამამან ამისმან

თუსითა და ახოვანდ წინა მსრბოლო-
ბითა

1.

2.

ახს.

ფათაფაშთა სპარსეთისათა

ცნა რა

1.

2.

267, 5. ამან	ამან ბეკრის
—, 8. აღინიღვიდა	აღნიღვიოთა
—, 10. ხოლო	abs
—, —. არა	abs.
268, 8. აღესიღნი	აღესებულნი
—, 16. მონათამდის	მონათამან
—, 19. ჰქონდა	აქენდა
—, 20. დედოფალთასა	abs.
—, 1.	1.
269, 22. ანისსა	abs.
—, 23-24. და მარბეველმან	abs.
270, 2. უსწრო	უძლო
—, 11. გიკმიოთ	უკმიოთ
—, 23. ვნება	abs.
—, 23. გრძნობილისა	გრძნობითისა
—, 27. ბასილის	ვასილის
—, 27-28. მეტყველებისათჳს	მეტყველებისათჳს ექვსთა
—, 1.	დღეთასა შინა
271, 6. რადენმე	1.
—, 7. ნადირობად	რადენმე
—, 9. იქმნეს	განსვენებად
—, 10. სამეფოსანი	იქმნებოდეს
—, 13. ბანისა	სოფლისანი
—, 22-23. ანუ გამოთქმად და უკეთეს გელ ჰქოს თჯთოეულად აღწერად	ბანისისა
—, 26-27. რამეთუ მოვიდა ოდეს-მე წინაჲ ანისსა	abs.
—, 1.	abs.
272, 18. მისით	1.
—, 15. ვანტანგ	თჯით
—, 1.	abs.
273, 15. სრულითა	1.
—, 22-23. თანა-შემწედ	abs.
—, 1.	შემწედ
274, 15. ყოველთა	1.
—, 24 ვიდრე.	ყოველთა მხედისათა
	abs.

- 276, 14. კვლად
—, 15. სატურფოსა
—, 22. მიდნი
—, 26. თანა
—, 27. ქემან
—, 29-30. სათნოთა
—, 30. უამისა
276, 1. მასვე მსგევსსა ქრისტეს
ენებისასა
—, 2. ტუდ:
—, 16. ჩურჩურანი
277, 15-16. სამეოცდა მესამე
—, 17. შორის
278, 6. დალოცეს
—, 7. და ამანელის ძეგა
—, 8. და დიდებად
—, 11. დაიპურა
—, 18. ღვთისამან
—, 19. განწმდილ ყვან
279, 1. მიწისამან, უგნებულად
280, 25. წინაუკმო
—, 26. უფლისაგას
—, 2.
281, 17. უფროსლა
—, 1.
282, 7. ქართლისა
—, 7-8. სამძივართა
—, 14. წყალ
—, 15. იუორგოდა
—, 24. და ითაყვანა
283, 1. მარცხნით
—, —. მესჭურჭლეოთა
—, 2-3. ჩურჩურანობა
—, 7. კანაბერიძე
—, —. დოთალოს
—, 8. იმერით
284, 1. უგნებულად
- ხოლო
სატრფიალოსა
ახს.
ახს.
სიტყუამან
სათნომან
უამისა
ახს.
ტუდ: მოკვდა მეფე გიორგი, მჭეტევს-
სა ქრისტეს ენებისასა:
ჩურჩურანი
მეორემეოცდაათე
შინა
და ილოცეს
ახს.
ახს.
დაიპურეს.
ღვთისამან
განწმიდნა
ბიწისამან, უგნებულმან
წინაუკმო რამაჲ
უამისაგან
2.
უფროსლთა
1.
ქართლისა ერისთავთ
სამძღვართა
წყალი
იუორგოდა
დაეთაყვანა
მარცხნით
მესჭურჭლეოთა
ჩურჩურანობა
კანაბერიძე
აფნაზთა ერისთავი დოთალოდ
ამერით
უგნებულობით

284, 5. შეპასურობანი	შეპასურობანი
—, 18. ბანუმისა	ბანუშისა
—, 19-20. პერსეფონისთვის	ფერსეფონისთვის
—, 21. ასანათესთვის	ასინეთისთვის
285, 7. უფრო მოიყვანებდე	უფროს მოიყვანებდე
—, 18. სიდრაკუტ	სიდრაკუე
—, 20. ემსგავსებოდე	ემსგავსებოდა
—, 28-29. ოქროთა ჭედილთა და
უჭედელთანი, სიმდიდრეთა
და ღაბრთა კერულთა და
უპერველთანი	
—, 29. ძღვსნობანი	ახს.
ძღნობანი
286, 13. კარნიფოლასისა	კარნიფოლასისა
—, 30. სურამნელნი	სურამელნი
287, 27. უბედურისა	უბედურისა რუსისა
289, 10. ყიზარსლანის	ყიზარსლანის
—, 25. სალდუნ-ეზდინი	სალდუნ-ეზდინი
—, 28-29. სელითა	სელითა
—, 31. განწყობლობასა	განწყობილებასა
290, 5. და რანისა	ახს.
ქმნასა
—, 7. უკვდავ-ქმნასა	
—, 8-9. უფეროსა რასმე შესატ-
ყვისობისა თვისისა ზესთა
აღემაღლა გონება და
ფრთოვან ქმნილი	
—, 11. ზოფა	ახს.
ზოფა
—, 14. ქორნილი	ქორწილი
—, 22. იყოდა	ყო და
291, 11. და მოჭაფე	ახს.
—, 12. ებრ	ახს.
—, 16. შვილის	შვილის
—, 20. შინა	ახს.
—, 22. შინა	ახს.
—, 25. ესე	ახს.
—, 26. ყრმა იგი	ახს.
—, 2.	2.
292, 2. თვისსა	მისსა
—, 6. შემმართებელი	ახს.

229, 8.	ყოველთა	ახს.
—, 9.	მოჭაფე	მოაფე
—, 15.	დარბაისელოთა	დარბაზის ერთა
—, 22.	დიდუბისასა	დიდუბისასა
—, 24.	ბაგრატუნინთა	ბაგრატონითა
—, —.	აწყობდა	იწყებდა
—, 25.	სძლობითა	სძლობისა
—, 3.		3.
298, 1.	ტანტსა ბედნიერსა	ტანტ ბედნიერნი
—, 5.	და მოასპარეზესა	მოასპარეზესა
—, —.	ტელითა	ხელით
—, 14.	გლოხის	გნოლის
—, —.	ეკლექსიათა და	ეკლექსიათა
—, 27.	დიდებულ-აზნაურით	დიდებული აზნაურითურთ
—, 30.	კაენისა	კაცნისა
—, 32.	თაყვერო	თაგვერი
—, —.	ჯაშმაგთამან აფიცნეს	ჯაშმაგთამან იფიცეს
294, 11.	და მივიდეს	და მიმართეს და მივიდეს
—, 14.	და მსმენელი	ახს.
—, 17.	სამცხით	ახს.
—, 26.	და. წათები. და წარმო- მართნეს	ახს.
—, 27.	მათით	ოჯთ
—, 3.		3.
295, 1.	საქმისა	ახს.
—, 13.	შეერთნენ	მოესხნეს
—, 22.	ნიალისსა	ნალისასა
—, 26.	დარჩეს სიქველითა მათი- თა, და რომელნიმე	ახს.
—, 29.	თავისუფალ და	თავისუფალ
—, —.	შეპინებისა	შეპინებისა
—, 31.	ღვთისა	ახს.
296, 2.	სარგის ვარდანის ძისათა	ახს.
—, —.	მის წინაჲ	ახს.
—, 4.	დავით	და თჯთ
—, 12.	ალაგსებს	ახს.
—, 19-20.	და ეგრეთვე მოვიდეს	ახს.
—, 21.	მონადირე და მოხარულნი	ახს.

296, 22.	მწყალობელი ერთგულთა და საკუთართა თჳსთა	ახს.
—, 25.	კაენი	კაცნი
—, 26.	ქალოქითა, ცინითა	ქალოქთა ცინითა
—, 8.		3.
—, 4.		4.
—, 5.		5.
297, 11.	და ლაშქრობდა	ხოლო ლაშქრობდა
—, 18.	წირქვალელნი	წირქვარეღნი
—, 25.	და შავშეთისა	ახს.
—, 25.	წინ ფანასკერტელი	წინა ფანასკერტელი
—, 26.	კალმახელნი ყმანი	ყრმანი
—, 1.		1.
298, 8.	დაორსულთა	დაორსულდა
—, 12.	აღმოგვეცენა	აღმოგვეცენა, ქჳს უბ(ოიზ?)
—, 24.	რუსუდან	რუსუდან ქე თამარისი
—, 28.	ამოსწყვიტეს	ამოსწყვიტეს
—, 29.	არანი	რანი
—, —.	ბარდოსის	ბარტოსის
—, 30.	ბერი	ბერი
299. 2.		2.
300, 6.	გელაქენისა	გულქენისა
—, 10.	გარდავიდნეს	გარდავიდნეს
—, 15.	ყოფად	ხედვად და ყოფად
—, 27.	ბოქმწარი	ბაკვერი
301, 4.	მოწამეთა	ახს.
—, 5-6.	თუღლთაგან	ახს.
—, 18.	ბუბაქარს	ბუბაქარ
302, 8.	პატივიცეს	პატივ სცეს
—, 15.	ასფოდელტონ	ასფოდონ
—, —.	იელიოს	იელიოს
—, 29.	მოიყვანეს	მოიკითხეს
—, —.	და ზართა მოიკითხეს და	ახს.
—, —.	დასვეს პატივითა	პატივითა
303, 8.	შესატყვისითა	შესატყვისითა
—, 10.	განაღამცა	განაღამცა
—, 11.	მსგვესი	მსგვესი
—, 14.	არიან	ახს.

303, 21. დამსკენელნი	დამსკენელნი
—, 22. ნანჭენილაღმა	მანჭენილაღმა
—, 23. ერთი ოდენლა	ერთილა
—, 24. არს სიკვდილითაცა	სიკვდილითაღა
—, 1.	1.
304, 12. პრანება	პრანება
—, 13. ვითარცა	ახს.
—, —. მოჭურინდა	მორინდა
305, 18. ექმნათ	ექმნათ
—, 16. ჭარმანნი	ჭარგანანი
—, 19. ურთიერთს	ურთიერთარს
—, 4.	4.
306, 20. ზაქარიას	ზაქარიას გარამის
307, 6. ღვთისა	ღვთისა უნილაგი
—, 16. სათმან	სათმან
—, 20. მიწენილმან	მიწენულმან
—, 25. თუთ	ახს.
—, 28. მადრასათა-წილ	ბადრასათა-წილ
308, 17. ღმერთსა	ღვთისა
—, 18. ლაშქარნი	ლაშქარნი მუნ
—, 19. ყოვლად	ახს.
—, 20. ალექსანდროს დარიოზს	ალექსანდრეს და არიოზს
ზედა	ზედა
309, 17. ჰაპისა მათისა	ჰაპათა მისთა
—, 18. ყიას ძეს	ყიასის ძისა
—, 22. და კვალადი	კვალადი
—, 23. ღმერთმან	ღვთისმან
—, 24. ღუთაუბითა	ღუთაუბითა
—, 25. მიწით პირველსა (გვუბე)	მიწით პირმოსა პირველისა
პირმოსა კაცთასა	კაცისა
310, 3. მიერივე	მიერვე
—, 7. თანავე	თანადვე
—, 10. მოირთხნა	მოირთხნა
—, 12. ჩენნი მკედარნი, მოსაენი	ახს.
შენნი სძალო	ერთისა ამის
—, 14. ერთსა ამას	ვინათგან
—, 16. და ვინათგან	ვინათგან
311, 4. უპირატესი	უპირატესი და უმეტესი

- 311, 6. პირისა ახს.
- , 9. და ღამე ღამე
- , 11. სანილაგად სანილველად
- , 14. შესწორებული შეუსწორებულად
- , 15-16. არმანგისაებრ არმანგისაებრ
- , 21. ვინმე მუნ ვინმე
- , 22. ვერ ვითარ
- 312, 10. გუზან გუზ
- , 16. სარგის ახს.
- 313, 9. იტყოდა ფსალმუნსა მას იტყოდეს ფსალმუნსა მას
- , 10-11. ვითარ შევიდეს შევიდა რა
- , 17. ჰყო იყო
- , 27. სანლით სანელით
- 314. 7. არს ახს.
- , 9. კვალად და კვალად
- , 19. ეგრეთ ერთ
- , —. ურწმუნო არს ახს.
- , 23. კათალიკოზმან მაშინ კათალიკოზმან
- , 25. განათიოთ განუათიოთ
- 315, 5. კათალიკოზი და კათალიკოზი
- , 27. უკეთუ უკუ
- 316, 10. იგი ახს.
- , 24. ჰრქვა ახს.
- , 25. ბოროტისა და შეუხებელი ბოროტისა
- 317, 26. ზეშთა ზესთა
- , 31. შემოსავალნი შესამოსელნი
- 319, 5-6. რვა ათასი ოთხასი ათასი
- , 28-29. განგწვართო განგწვართო
- , 29. აღებად აღებად კადრებად
- 320, 10. ცრემლთა ცრემლთა სიმრავლითა
- , 31-32. შენი: შენი: სამართალი მისი და ნუ
- 321, 16. ხოლო შენი
- , 25. ყოველთაგან და ყოველთაგან
- , 33. აფხაზნი აფხაზნი და მჟერნი
- , —. ზერ-კარნი ზერ-კარნი
- 322, 19. გაკვეულ გაქცეულ
- 322, 19. მისწუთებოდა მისწუდებოდა
- , 22. ლაშქართა გამარჯვებო

სათჯს	abs.
322, 1.	1.
—, 2.	2.
323, 1. Отъ слова „მაშინ“ до слова „იგი“ (стр. 323, строка 2)	abs.
—, 13. კაცდეს	ყოველთა კაცდეს
—, 30. კაცი	abs.
324, 3. არამედ	აწ
—, 23. სდეულისა	ძველისა
—, 26. თავისთა	თივისათა
—, 30. აზადად	ანაზდად
325, 5. დაჭირებულნი	abs.
—, 18. სიდიდე	სიდიადეჲ
—, 22. კერსუნდი	კერსენდი
—, —. ამასტია	ამასტრია
326, 8. დადგიან	დადგიან დგინს
—, 22. მოახსენებდეს	მოახსენეს
—, —. მოიხვენეს	გამოიხვენეს
—, 27. აიხვნა	ალიხვნა
—, 28. წელიწადსა	წელსა
—, —. გემცნებიან	გემცნებიან
—, 31. დაუით,	დაუით, კაცი
327, 2. იტირეს	იტირეს და იტყებეს
—, 4. იყო	იყენეს
—, 6. უყოფილობა	უმყოფელობა
—, 7. უგრძნობელად	უბრძნობელად
—, 24. ღვთისა	ღვთისასა
—, 30. მარხვა	მარხვაჲ მათი
—, 30-31. მოგანსენოთ	მოგანსენოთ
—, 31. სთნდა	სთნდეს
—, 33. ზედა	თანა
328, 3. ისპიანი	ისპიანი
—, 4. სუდაფრინის	სუდაფრინის
—, 19. აღიკსო ყოველი	აღიკსნეს ყოველნი
—, 21. მარდიფელმან	მმადლობელმან
—, 22. იზანებდეს	ინარებდეს
—, —. იყოფებოდეს	იყოფებოდეს

228, 22.	მოუდიოდა	მოერთმეოდა
329, 4.	მეფობისათა	სამეფოსათა
330, 28.	მცირესა სოფელ-ქალაქსა მუსულმანთასა	მცირესა სოფელსა მუსულმანსა
—, 29.	მიიწივნეს	მივიდეს
331, 4.	საკმარ არს	abs.
—, —.	გურგნისა	გურგანისად
333, 1.	თამარ	თამარ ზამთარ
334, 6.	გამოაკრებელი	რა მომაოკრებელი
—, 14.	ბრძანებათა გამომეძიებლობა	ბუნებათა გამომეძიებლობა
—, 18.	ზედა	abs.
335, 11.	ებრ	abs.
—, 16.	მიუთვალნა	მიუთვალნა ქოველთა მცველ-მფარველსა
—, 22.	იზ	იზ. ქვს უია
336, 5.	საქებულობასა	საქებულობათა
—, 6-7.	ერაყს მეოფნი მეეზნენი გინა მეზანგენი თამარის შესწამათა მუსიკობდიან	abs.
—, 17.	სახიერება	სახარება
—, 19.	წამებს ამას	წამებასა ამას
—, 23.	ქაშაგთა	ქაბაქთა
337, 4.	და საკერავი	გინა საკერავი
—, 5.	ესრეთ	ესრეთ ვითარითა
—, 12.	ჩვეულებრივი	ჩვეულებრივი
—, —.	მირიდა	მიჰრიდა, არცა სიმაღლესა განწყენა
—, 30.	საბელი	სიბილი
338, 4.	სახარულ	საზარულ
339, 1.	ა. სამოცდაპირველი	მესამოცე
—, 3.	ბაგრატონი:	ბაგრატონი: დ. გიორგი თჳსი
—, 9-10.	რომელი	რამეთუ
—, 15.	მოვიდოდიან	მოვიდიან
340, 6.	მოვიდიან	გამოვიდიან
—, 28.	ქმნილისათჳს	ქმნისათჳს
341, 3.	და მოწყალე	მოწყალე
—, 7.	და სასნადა	დასნადა
—, 8.	მღერასა და სილოდასა	მღერისა და სილოდისა
—, 10.	ესეოდენ	ესეოდენ უწყსეობად და

341, 28. მიუეიდოდის	მიუეიდოდის
342, 1. დეინს	დეინს
—, 4. კათალიკოზნი	კანნი(?)
—, 9. ესე	იესე
—, 19. შინა	ახს.
—, 22. ყოლა	ყოლა
—, 27. ადგილსა	ადგილსა მას
—, —. და უცხო	უცხოთა
343, 3. გრემან	გარეგან
—, 3. იყვიან	იყვენს
—, 9. უფროს	უფროსად
—, 12. სიტყვა	მეტყველება
—, 16. ცემა	ცემისა
—, 23. ზონი	ზომანი
—, 24. რომლითა	რომლითავე
—, 25. ათცამეტული	ახს.
—, 2.	2.
344, 11. თათრად,	თათრად
—, 12. რომელთა გგონებ ერთ სოფლებად	ახს.
—, 16. უმთავრესისა	უმთავრესისაგან
—, 23. უკმობენ	გინა ყანობით უკმობდენ
—, —. მოკლება	მოკვლაჲ
345, 6. ყონლარდთ	ლონლარდთა
—, 7, 8, 9. გორზანსა, გორზან- საცა გორზან გორზანისნი	გორზანსა, გორზანსაცა, გორზან, გორზანისნი
—, 11. უღურთა	უღურთა
—, —. რომელთა	რომელთა გვარისა
—, 21. თუ	უკეთუ
346, 3. მეორე ჩაღათა, მესამე	მეორესა ჯაღათა მესამესა
—, 4. მეოთხე	მეოთხესა
—, 27. მისთა	თჳსთა
—, 20. შეგლტოლა	სიგლტოლაჲ
—, 31. მმისწული	მმისწული მისი
—, 1.	1.
347, 2. სიგმად	სიგმად
—, 15. თქმითა	თქმითა და
348, 23. ის,	ის: ქორონიკონსა უმზ

- 348, 24. გულითა
- 349, 1. მესამეოცდა მეორე
- , 8. ბირველად
- , 22. ვისმე
- , 26. სვარაზმელნი
- 350, 5. ამბერდეს. და დაეხანაჲ
- 351, 15. ამირსპასალარობა
- 352, 10. მე
- , 12. კარსა
- 353, 17. კართავე
- , 19. მემნას
- , 20. სპათა
- , —, ტფილელთა
- , 21. კარი ტფილელთა
- , 26. მოთხრობად
- , 29. დაითხის
- , —. ბერ-ბერნი
- , 30. დაითრგუნებოდეს
- , 31. შორეული
- 354, 1. იზილებოდის. არა
- , 3. განიზოდეს
- , 9. პატროსანნი
- , 13. ქრისტეს ჯგარის მცემელთა
- , 14. ქმნულთა
- , 25. მოკლეულთა მიერ
- , 29-30. სიონისა გუმბათისა
შემესრვად, და
- , 32. რომელი
- 355, 7. კეღად
- , 11. ხუთი
- , 16. ვაჲ მათდა
- , 20. ღმერთი,

- ახს.
- მესამეოცდა ერთე
- გინა
- გიეთმე
- ესე სვარაზმელნი
- ამბერდეს
- ამიერ სპასალარობა
- ახს.
- ვაზირი კარსა
- კართავენ
- ახს.
- ახს.
- და ტფილელთა
- კარნი სპათა ტფილელთა
- მოთხრობად ტკივილითა გულისათა
- და ცრემლთა მიერ აღესებითა,
- გითარ ესრედ შესლბეს და დამ-
- რუმდეს თვალნი ჩემნი ცრემლი-
- თა თუ
- დაეთხიის
- ბერნი
- დაითრგუნოდეს
- გაშორებული
- იზილებოდეს. არა
- განიშებოდეს
- და პატროსანნი
- ჯგარის მცემელთა ქრისტესთა
- ქმნულთა მიერ
- მკლეულთა მათ უწყალოთაგან მოწყე-
- დიდნი, მოკლედნი
- ღვთივ განდიდებულისა
- სიონწმინდისა კკელესისა გუმბათისა
- შემესრვად და მას
- რომელი დიდსა მას წმიდასა
- კეღად
- ხუთსა წყლისა
- მათდა გითარმედ
- ღმერთი, და

355, 27. განსიებული	განსიებული
356, 8. ყიასდინს თანა	ყასიდინსთანა
—, 13. მედველებრივი მეფისა რუსუდანისი, რომელსა	მეველებისა მისისა მეფობისა რუსუ- დანისი, რომელ
—, 23. ხოლო	ხოლო აწ
—, 31. ყაყყისა	ყაყყისა
357, 4. მისნი	თვისნი
—, 5. გამოვლო	გამოვლო
—, 11. გამართა	გამართა
—, 15. ვერ	ვერ წინა
—, 38. ზედა	ზედა, და არა დაივიწყა უსჯულოება ჩვენი
358, 4. ამას	ხოლო ამას
—, 8. უნმოპენ	უთნროპენ
—, 10. ყოვლიად	ვითარმედ
—, 14. შარმაღანი, ჩაღატა, იოსური, და ბიჩოი	
359, 16. და	ახს.
—, 18. ზედა	ხოლო
—, 20. ვინათგან	შინა
360, 17. მეუდართა	ვინათგან თვით მღვდელთა მიერ ინილუებოდა არა წმიდებამ ვინათგან მეუდართა
361, 6-7. განაპმედიდი	განარპმედილი
—, 7. მინდობილი	მინდობილი მათა
—, 18. უაეთუმცა	უაეთუ მანცა
362, 22. ოთხასი ათასი	ოთხმოცი ათასი
—, 25. ვეცნლითა	ვეცნლითა, სანმურიითა, და სამწა- რაულოთა, ოქროსა და ვეცნლი- სათა, უცნოთა ღობრითა
—, 1.	1.
—, 4.	4.
364, 16. ევარყვარე	ახს.
365, 2. ძემან ქუქისაჰან	ახს.
—, 28. ყაენმან	პატრონმა ყაენმა
366, 5. ყაენი	იგი ყაენი
—, 6. დიდო	დიდო და მაღალო
—, 81. აზრისათჳს	პირისათჳს
367, 7. გარდასრულთა	გარდარეულთა

- 367, 11. დედოფლისა
- , 15. ჰსეფელი
- 368, 21. მან
- 369, 6. ედვა
- , 11. გესლიანთა
- , 12. სანელით
- , 14. პირ
- , 16. სოსნას
- 370, 18. მეფეო
- , 15. შენ
- , 24. ვითარ
- 371, 4. ტაბილისა
- , 20. მკედელნი
- 372, 16. მთავარნი
- , 24. ლახვარი
- , 29. ხოლო
- 373, 1. მულიდთა
- , —. ფრიადი
- , 3. შინა
- , 4. მალლად
- , 8. თქუ
- , 17. მინდობილისანი
- 374, 6. კაცი
- , 12. უპირატეს
- , 29. ორხან
- , 32. იქცეს
- 375, 1. ორხანის
- , 6. ხოლო
- , 7. ხანას, აენის
- , 27. დაიპყრნეს
- 877, 3. შეკარბეს დიდებულნი ამის
- , 5. და რიტორი
- , 8. პურობილი
- 378, 9. კუპრი
- , 16. ბათოს
- , 26. მანგუ-ყაენს

- ახს.
- ჰსეფელი ქრისტესი
- ახს.
- დაედვა
- გესლიანთა მათ
- სანელით როვთისა მის
- ახს.
- სუსნას
- მეფეო
- ახს.
- ვითარცა
- ახს.
- მკედელნი
- თავადნი
- მანგილი
- ხოლო მან
- მულიდთა თავადთა
- ფრიადი და
- შიგა
- მალლად ზახილი
- თქუა
- მინდობილისა
- კაცი ჰყავთ
- უპირატეს მათ
- ორხან
- იქცეოდეს
- ორხანის
- რამეთუ
- ხანსაჲნი
- დაიპყრნეს ბედითა ძლიერებისა
- მათისათა
- შეკარბეს თვითოველნი დიდებულნი
- თავად ამის
- ახს.
- პურობილი ეფერეთ
- კუპრაი
- ახს.
- მანგუ-ყაენსა თანა

379, 2. ბაზილოვნისა	დასაგლეთვისა
—, 4. ორთავე	ორთავე მათ
—, 19-20. და მიეგებნეს თავრებს, და წარჩინებულნიცა საქარ- თველოსანი	abs.
—, 22. ულდაჩად	ელდაჩად
—, 25. ნათესავი	ნათესავი სხვა
380, 2. თამჩთა	abs.
—, 10-11. ბოლღა, რათა	ბოლღართა
—, 22. იერილაყი	იერილაყი
381, 1. მამაკაცისამან	მეფისა მამაკაცისამან
—, 16. განეჩინეს	გაუჩინა
—, 28. ორნივე:	ორნივე: ქრისტეს აქეთ ჩსმ
382, 1. მესამეოცდა მესამე	მესამეოცდაორე
—, —. აგ	abs.
—, 2. აგ	abs.
—, 6. შტაქვედ მეფედ	მეფედ
—, 23. თჳსთა	ურჩთა თჳსთა
—, 25. სპარსთა	სპათა
383, 12. არს	abs.
384, 21. განზრახვითა	განზრახვისა მიერ
—, 29. და ფიცი იგი დიდი	იგი ფიცისა დიდისა
385, 25. ჭირნი	განცდათა ჭირნი მწარენი
—, 26. ეს-ოდენ	ესრეთ
—, 31. ჩინეთით	ჩინით
386, 2. უნაგირი ცხენ ჯგორისა ყოველი შეურაცხი სამსა- სურეპელი	უნაგირნი და ყოველნი შეურაცხნი რააცა სამსასურეპელნი
—, 7. გამოიყვანეს ხალიფა	abs.
—, 14. მხიარული ქმნილი იტყოდა.	მხიარულითა ეტყოდა პირითა, და
—, 15. განმიტეოს	განმიტეობსა
—, 16. შენსა შჯლსა	შენთა შჯლთა
—, 18. გენებოს	გენებოს თუ
388, 3. ყვილი	ყვილი
—, 26. შიიყვანა	მიიყვანა
389, 8. შესმენილ	შესმენილ
—, 24. ას სათერსა	ასსა თეთრსა
390, 6. ქვეყანისანი	ქვეყანანი

390, 11.	ქვეყანათა	ცინე ქალაქთა
—, 18.	მცირე	მცირეთა
—, 16.	შინა	ახს.
—, 18.	და მულანობით	ახს.
—, —.	უგმობენ,	და მულანობითც სახელს დებენ
—, 21.	მოვიდენ	მივიდენ
391, 2.	სამდინაროსა მას ზედა	სასმად ორსა მას ზედა
—, 30.	იქმნეს	იყვნეს
292, 15.	განგაზრახეს	განგამწარებ
398, 7.	ხრამლისა	ხრამლისა
—, 8.	საღმამსური	საღიმიასური
—, 11.	საქართველო, და შალა	საქართველო სამეფო: დაიშალა
—, 30.	უღოა	უღოა
394, 8.	მწუქ	მწუქ
—, 17.	თქვენსა	შენსა
—, 18.	ყაინმან	ესე უკვე ყაინმან
395, 6.	უკეოუ	და უკეოუ
—, —.	არ მოვა	იგი არ მოვა
—, —.	დალათუ	დალატათუ
—, 22.	მეფე	და მეფე
—, 27.	სადგური	ადგილი
396, 5.	არა	მაგრა იგი არა
—, 4,9.	სარგის	სარგის
—, 15.	რათა	ახს.
—, 19.	დავსთმენ	დავსთმეთ
397, 6.	დამწყობელმან	დამწყობელთა მათ
—, 12.	მაგრად	მაგრიად
—, 20-21.	სარგის, შუეტია შვდთა-
მათ კაცთა	ახს.
—, 29.	მეფობისა	მეფობისა მაგის
—, —.	დაიფერა	დაირწმუნა
398, 5.	ქვე-გამხედვარად	ქვე-გამხედვარებით
—, 10.	მცირე	მცირედი
—, 19.	მოიტანნა	მოიყვანნა
—, 21.	მეფეს	მეფისა
—, 28.	სთელითგან	და სთელითგან
—, 30.	ტუთარ, ყული	ტუთარყული
399, 2.	აღბათემურ	აღბამეთურ

- 399, 5. და შეეხნეს
—, 7. მოერიცა
—, 11. წარმოიყვანა
—, —. და მოასხნა
—, 26. ამათთანანი
—, 29. განდიდნა
400, 5. მან
—, 6. ვითარ
—, —. საქოდ
—, 25. ზურაბულაობა
—, 25-26. ტუთარეს
—, 30. და კანეთი
—, —. იორის
401, 30. რომელი
402, 4. სოფელნი
—, 5. სხვანიცა
—, 25. ზენთაგან
—, 33. ყოფად
408, 4, 11. ბარახას
—, 5. დიდი
—, —. ბარახა-ყაინი
—, 18. უამსა
404, 29. მოსვლად
—, 31. დადგეს
405, 4. ფოლოაქი
—, 24. ხოლო
406, 2. ჰემანსა
—, 29. მოიყვანა
—, —. მეფესა
407, 20-21. ხოლო აბალა ორ ფდე
მათ სდევნიდა
—, 22. აბალა
408, 1. თორელისა
—, 7. თულაქ-დემურ
—, 8. აღვიდა ქედსა
—, 10. უკანაჲ
—, 12. მკედართ მთავარითა თართა მკედართ მთავართა
- abs.
მოერიცა
და მოიყვანა
abs.
ამათთანანი თათარნი
განდიდელი
abs.
abs.
რა საქოდ
ურიცხვითა
ხუთარეს
კანეთი
იერის
რომელი თვით
შესაგაღნი
სხვანი
ზენთაგან
ყოფად მისცა
ბარახას
და დიდი
ბარახა-ყაინი
უამსა უაუდგეს თეგუთარ, რომელსა
უამსა
მისლვად
და დადგეს
სეგზი ფოლოაქი
რამეთუ
ჰემანსა
მოუწოდა მეფესა
abs.
abs.
აბალა
გორელისა
თოლაქ-დემურ
აღვიდა კვეისა ქედსა ზედა
უკანით
მკედართ მთავართა

408, 27. პირის-პირ. იქმნა ბრძოლა
ძლიერი, და სპა მეფისა
წინა-მბრძოლობდა: და ვი-
თარ აღერივნეს ურთიერ-
თარს

409, 5. იყოფოდა

—, 12. ღვთისა

—, 14. დაბლად

—, 18. თქმულ

410, 23. წინაშე და უურვეს

411, 1. ად. მესამეოცდამეოთხე

—, 1. მეორე დიმიტრი

—, 2. ბაგრატიონი

—, 3. მთაკარსა

—, 7. ყიასდინ

—, 10. ფარვანს

—, 17. ვლო

—, 20, 21, 22. ფარვანა

412, 26. ასული

413, 11, 12. კომნიანოსისა

—, 25. ქორწინებად

—, 29. მოიწყო

414, 12. ექსორიობად

—, 13. ნათესავი მისი

—, 27. უნობაჲ

—, 30. ეგრეთვე სადუნმან მოი-
ყვანნა სამნი ცოლნი

—, —. შენებად

415, 6. სამართალი

—, 13. და სარგის

—, 23. დაუზღოეს

—, 24. და წყალი

—, 1.

416, 2. ვითარ

—, 20 ჩემოჲს

—, 25. ყოველი

—, 30. სასტიკი

—, 1.

ახს.

იყოფებოდა

ქრისტესა

მდაბლესად

ხოლო თქმულ

წინაშე ურდოს და დაუურვეს

მესამეოცდასამე

დიმიტრი

ბაგრატიონი ბ, დიმიტრი

მთაერისად

ყიასდინ

ფარვანს

გამოვლო

ფარვანა

და ასული

კომნიანოსისა

ქორწინებაჲ, რათა მისცეს

მოიწყო

ექსორიობასა

სანსენებელი მისი

უნებაჲ

ახს.

შენების

სამართლად

ხოლო სარგის

დაუზღოეს

და შავი წყალი

1.

ვითარმედ

ახს.

ყოველივე

ახს.

1.

417, 2.	2.
—, 9. და ძლიერი	ახს.
—, 18. მხილველთა	მხილველთა ამისთა
—, 18-19. და უმრავლესნი მეგვიპტელნი მოისრნეს და მეფეტა ცხენ-მოკლული ძლიერად იბრძოდა	ახს.
—, 28. მაშინ	მაშინ ყოველთავე მათ
—, 24. იკმეის	იკმეის
—, 30. ქურქურბაა	ქურქუბაი
—, 31. ბურილადი	ბურლლადი
—, 31-32. ბურლობდეს	ბურრეიდეს
418, 3. ყაინად	ყაინთა
—, 4. არარაა	არარაასა
—, —. საკელმწიფოთა	სანგელმწიფოთასა
—, 19. იყოფოდა	იყოფებოდა
—, 23-24. დიმიტრი	ახს.
—, 27. განუხრწნელიისა	განუხრწნელიისა (тоже стр. 457)
419, 1. რათა	რომელ
—, 12. წმიდა	წმიდასა
—, 16. ლეკთა	კაცთა
—, 26. ქალასად	ქალსად
—, 27. ქალასაა	ქალაქი
—, 29. აელო	მიელო
—, 32. მთჰმედის	მანმედის
420, 1. შემოსლვად	შესვლად
—, 20. სიფდივანს	სი ფდივანს
—, 22. მშვიდობით	ახს.
421, 4. რამეთუ	რომელსა
—, 10. ბეგაშვილი	შეგა-შვილი
—, 23. დაჯდა	დაჯდა თვთ
—, 26. დაეშთი	ჩემმან დაეშთი
—, 28. მოგვენიჭა	მოგვენიჭა ჩვენ
422, 9. ესმათ	ესმათ ესე
—, 10. სული	სული თვისი
—, 15. თქვა	ესრედ თქვა.
—, 21. უფლისა	უფალი
—, 31. იქმნეს	იქმნას

422, 33. სიუქოლ	სიოქულ
423, 4. მზრანავი	მზრანი
—, 17. თქვეს	ახს.
—, 18. განერე	განერეთ
—, 26. ცალკეა	ცალკე ცალკედ
—, 30. ჩინქიშან ბუღასსა	ჩინგიშა-ბუღასა
—, 31. ტონლა	ტონლა
424, 14. ვნეპასა	ვნეპასა ზედა
—, 18. არალავე	არავე
—, 19. ტაჩარს	ტაჩარას
—, 27. ბასილი	ვასილი
—, 29. გვაში	ლამით გვაში
—, 30. გამოჩნდეს	გამოჩნდეს კაცნი
425, 21. აე. მესამოცდა მეხუთე	მესამეოცდაოთხე
—, 22. ბაგრატიონი:	ბაგრატიონი: მეორე ვანტანგ
—, 24. დეკანოზნი	ქუს აქეთ: ჩსოგ:
426, 4, 18. ტაჩარ	ახს.
—, 25-26. დაუითისკენ	ტაქარ
—, 2.	დაუითის კერძო
—, 3.	2.
427, 11. პლეოლოლოლის	3.
—, 23. ტუნლუზალო	პლეოლოლის
—, 25. ქალაქი და	ზუნლუზალო
428, 5-6. მოიწია დაუითის	ქალაქი და შიგან
—, 15. ა ვ. მესამეოცდამეექვსე	მოიწია ყაინი შინა მოეწოდა დაუითის
—, 16. ბაგრატიონი:	მესამეოცდახუთე
429, 1-2. მერმე უზურა-ბეგ მოუგდა, ჰკრა მასცა მხარსა დაჰგვიან- სა, გაუყვეთა მკარი, და ჩამოაგდო	ბაგრატიონი: დ დაუით
—, 4. ბაგენი	ახს.
—, 15. ბიდოსსა	ყოველნი ბაგენი
430, 1. მოეგება	ბიდოსსა
—, 2. შმისა მისისა	მიეგება
—, 13. მარალა	ახს.
—, 19. კაცი	მარალა
—, 28. ნაგროზ	კაცი ერთი და ნაგროზ

- 430, 30-31. უწინარეს
- 431, 12. ჴერეთს
- , 20. შეიწყნარა
- , 23. მისანდობელ
- 432, 2. ოთანას
- , —. ყაზან
- , 5-6. შეიპურეს ოთანე ბურსელი და მოკლეს. კათალიკოზი და ყადი განუტევეს უგნებლად
- , 10. კუმატი
- , 15. ოთანას
- , 23. ოთანას
- 433, 3. კომონიანოს
- , —. კირ
- , 8. ესე ტუილისს
- , 10. მესამეოცდა მეშვიდე
- , 11. ბაგრატიონი:
- , 21. გარდავიდეს გეგსა
- , 22, წმიდა
- , 2.
- 434, 2. რამეთუ
- , 5. ქართველნი
- , 6. ციკარეს
- , —. ლაშქარი, და
- , 11. მოკლეს
- , 12. დარჩეს. მოჰკვარეს
- , 15. ცხენოსანი
- , 16. შევიდოდა
- 434, 7. ვინმე
- , 7-8. წარვიდა
- , 8. უაინს
- , 12. დაშოომილ
- 435, 1. ოდენ
- 436, 1. ავ. მესამეოცდამეექვსე
- , 2. ბაგრატიონი
- 437, 12. მცემელ
- , 1.

- უწინარესთა
- ახს.
- შეიწყნარა (ТОЖЕ СТР. 475)
- მისანდობლად
- ოთანასა
- ყაზან-ყიანმა
- ახს.
- კუმატი
- ოთანასა
- ოთნოს
- კომონიანოს
- კირიე
- ახს.
- მესამეოცდა მექვსე
- ბაგრატიონი: დ გიორგი
- განვიდეს გეგსა გარდვიდეს ხადას
- წმიდასა
- 2.
- რომელ
- ახს.
- ციკარეთს
- ლაშქარი
- დანოცნეს
- მოჰკვარნეს
- ცხენითა
- შევიდოდეს
- ვინმელა
- წარვიდეს
- ახს.
- დარჩომილ
- ოდესცა
- მესამეოცდაექვსე
- ბაგრატიონი: გ ვანტანტ
- მღებელ
- 1.

438, 6.	მისისა	ოჯისა
—, 15.	უეჭველად	და უეჭველად
439, 1.	ბაბერდს	შაბერდს
—, 13.	ცალამ	ცალამ ცალამ
440, 9.	გარე	ზედა
—, 15.	აონრა	ალაონრა
—, 17.	გარე-დგომა	გარე-მოდგომა
—, 23.	უძლეველითა	უამრავითა
—, 30.	ხენითა	ახს.
441, 1.	ათ-სამე	ათ-სამეტი
—, 2.	ნასარ	ნასიარ
—, 10.	და იგი მრავალ სულ მო-
ისრა ქრისტეანე	და მუნ მრავალნი სულნი
ქრისტეანენი მოისრნეს
—, 12.	მოსცეს	მოსცეს მათ
—, 17.	მიუიდეს	მიუიდეს, რა
—, —.	აილეს	ალილეს
—, 18.	ლაზამდე	ლაზამდე
—, 22.	განასხმიდა	განასხემდა
—, 23.	შეკრიბა მთიულთი	შეკრიბნა ყოველნი მთიულთნი
—, 24.	ქვეითი	ქვევითი
—, 30.	ათასი	ასი
—, 31.	მაშინ მოიწია	მოიწია მას უამსა
442, 1.	ოტებული	მაშინ ოტებული
—, 4.	ჩაგარდნილი	შთაგარდნილი
—, 6.	რამისა. ცნა ესე	ხოლო ცნა რა ესე
—, 15.	შული	ახს.
—, 19.	განთენა	განთენა რა
—, 23.	განწყრა	განწყრა და
—, 28.	ვძლო	ვითარ ვძლო
—, 29.	თუ იყო ესეცა	დალათუ ესე იყო
443, 7.	ერიქაბაზნ	ერიქაზნ
—, 20.	ლაშე ყოველ	ყოველ ლაშე
—, 21.	ცნეს	ცნეს ესე
—, 24.	ჰევეს	შეჰევეს
—, 25.	ტაძარსა და განვიდეს	ახს.
—, —.	შეიქმნა	იქმნა
—, 28.	ვითარ	ვითარცა
444, 2.	ბრიჯნი	ბრიჯი

444, 3.	გაიარდა	გაივლიდა
—, 6.	იბრძოდა	იბრძოდა (тоже стр. 492)
—, 8.	ხარბდან	ხარბდას
—, —.	სულდუსი	სულდური
—, 12.	ხარბდანს	ხარბდანს
—, 15.	ეკლესიათა.	ეკლესიათა. და
—, 24.	უტუველისა	უტუველითა
445. 7.	თავნი	აჰა თავნი
—, 8.	წარუპურა	და წარუპურადა
—, —.	ესმა	ესმა ესე
—, —.	ესე	abs.
—, 11.	ბარტამ	ბასტამ
—, 16.	წარმოემართა	წარმოვიდა
—, 23.	აზ. მესამეოცდა მეშუდე	მეფე აზ
—, —.	Отъ слова „გიორგი до слова „ბრწყინვალისა“ (стран. 445, строка 25.)	abs.
—, 28.	დაუითს	abs.
446, 6.	მონაზონთა	და მონაზონთა
—, 8.	და მოიყვანის	abs.
—, 13.	სამცხისა	სამცხისათა
—, 23.	დღეთა	დღეთა მათ
—, 30.	ოღებათ	უღებათი
—, 1.		1.
447, 1.	ფარსმანის	ფარსმანის
—, —.	ჩოფან და	ჩოფან
—, 5.	გიორგისდა	გიორგის
—, 11.	რომელი	რომელმან ¹⁾

75 (=1738). И сторія Грузиі Николая Дадіани, ქართველთ ცხოვრება ნიკოლოზ დადიანისა, рукопись въ 21,5×17,5 سانت., написана большею частью на синей бумагѣ; въ концѣ бумага сѣрая. Письмо кругловатое мхедрули. Чернила черныя. Досчатый переплетъ обтянутъ черною кожею. Имѣ-

¹⁾ Остальная часть текста Мингрельскаго списка издана мною въ приложеніи Картлис-Цховреба списка царицы Маріи.

ются и застежки въ видѣ ремней. Пагинаціи нѣтъ. Всѣхъ листовъ 208; писецъ не указанъ, дата отсутствуетъ, но рукопись, какъ видно, начала второй четверти XIX вѣка и во всякомъ случаѣ не позже 1834 года, ибо въ концѣ имѣется запись указаннаго года по-русски и по-грузински, изъ которой видно, что рукопись принадлежала абхазскому архимандриту Антонію Дадіани:

„Сія книга принадлежитъ абхазскому архимандриту Антону Дадіанову 1834-го года, 1-го генваря. Абхазское селеніе Соуксу“.

ესე წიგნი ეკუთვნის (აი) აფხაზეთის არხიმანდრიტს ანტონ დადიანოვს. პირველს. ჩუღდ წელსა, იანვრისა ა დღესა აფხაზეთსა შინა სოფელსა სოუქსუს.

Въ числѣ знаковъ филиграни бумаги первой части рукописи показанъ 1828 г.

Текстъ этого списка Исторіи Николая Дадіани ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ описанной нами рукописи подъ № 9.

76 (=3189). Сборникъ разныхъ произведеній, рукопись въ 22,5×17 сант., написана на бумагѣ строчнымъ мхедрули. Текстъ писанъ червыми чернилами, нѣкоторыя оглавленія писаны синими чернилами, оглавленія стиховъ и первыя слова четверостишія красными. Досчатый переплетъ перекрытъ черною кожею. Всѣхъ листовъ 208. Переписчикъ Лука Асатіани. Время переписки 1857—1858 г. Сборникъ содержитъ въ себѣ:

1) „Книгу мудрости и лжи Саввы-Сулхана Орбелиани, въ которой 104 листа. Начало: თქვა სედრაქ ევზირმან არაკი. იყო ერთი მეფე ხორასანსა, დიდებული, კეთილ-გონიერი, უბვი და მოწყალე. დღესა ერთსა გახსნა სამნი სალარონი... Конецъ: წავიდა კაცი იგი, ერთს მონის ხელითა თმის ბეწვი გაუგზავნა, მოუტანა მან კაცმან და უთხრა ყსაბს: ეს ნიშნათ გამოგზავნაო და ხორცი გთხოვავო ყსაბმან უთხრა: ვაჟო,

თვითან აქ იყო წვერითა და უღვაშითა და ერთი გამოსაცოხნი არ ვაქამევი და ახლა ერთის ბალნით ბევრი რათ გაუგზავნოვო!

18 $\frac{11}{27}$ 57. ლუკა ასათიანოვისა არის. ასწერა ხალისითა თვისითა.

27

2) *Повѣсть Миріани*, которая заключаетъ въ себѣ 48 листовъ. Въ началѣ недостаетъ. Начало: ერთი გვრიტი იყო, გამოიყვანეს და გაუშვეს, გვრიტმან მიწას აკოცა და გაფრინდა. Конецъ: მისი კვლმწიფე, როცა მოეწყინებოდა, ანდლიობთან წავიღოდა და იქ რომ მოეწყინებოდათ, ჩინეთს მოვიღოდა. ამ შექცევაში იყვნენ. Далѣе записъ: ეს ზღაპარი არის თათრული-დამ გადმოთარგმული. თუ ნაკლებლობა აქვს, მოეტიება. დავსწერე ეს და დასრულდა 18 $\frac{12}{22}$ 57 წელსა. ლუკა ასათიანომა.

Записъ сообщаетъ, что сказба сія переведена съ турецкаго языка.

3) *Сатиру „Батисъ-оми“*, т. е. „Война kota съ мышами“ въ стихахъ, содержитъ всего 6 листовъ (49-54). Сатира эта, приписываемая Захарію Габаеву, и направленная по обще-принятому мнѣнію противъ католикоса Антонія I, издана Д. Чубиновымъ въ его Христоматіи (ч. 2, стр. 22-27. изд. 1863 г.)

4) *Госебъ-Дзидлиханіани* въ стихахъ царя Теймураза I, содержитъ 36 листовъ. Начало: კარი პირველი სპარსული საგან ქართულად ნათარგმანები დიდის მეფის თეიმურაზისაგან და ლექსად მისგანვე თქმული. Эта часть рукописи переписана въ 18 $\frac{12}{10}$ 58 г.

5) „*Книгу о пѣвнѣ членовъ*“, ასო სამღვრელი წიგნი, содержитъ въ себѣ три листа

6) *Снотолкователь*, содержитъ въ себѣ 6 листовъ.

7) *Лунникъ*, заключаетъ въ себѣ пять листовъ.

77 (=3529). *Жемчугъ*, წიგნი მარგალიტი, рукопись въ 21,5×17 сант., писана на бумагѣ скорописью мхედრული съ

обычными красными оглавленіями, заключаетъ въ себѣ 252 страницы. Переписана во второй половинѣ XIX вѣка. Приписка сверху *ჩუად-სა წელსა იანვრის ივ-სა*, вѣроятно, и есть дата переписки, стало быть, рукопись переписана въ 1864 г. Эта рукопись содержитъ въ себѣ:

1) Вопросы и отвѣты духовно-религіознаго содержанія (стр. 1—17), *კითხვა-მიგება*.

2) Слова святыхъ отцовъ, *სიტყვანი წმიდათა მამათანი* (18—33). Тутъ приведены притчи и объясненія ихъ.

3) Вопросы и отвѣты святыхъ отцовъ, *კითხვა მიგება წთა მამათა* (34—56).

4) Слова, выбранныя св. отцами изъ евангелія и ихъ объясненія, *სიტყვანი გამოკრებილნი წთა მამათა მიერ სახარებათანი* (50—53)

5) Какъ подобаетъ священнику стоять передъ алтаремъ, *ვითარ ჯერ-აჩს მღვდელი რა დგეს წინაშე წინა მის საკურთხეველისა* (84—94).

6) О второмъ пришествіи, которое называется хронографъ (?). *ამ წიგნს ეწოდების ხონობროფი. სიტყვა მეორედ მოსელისათვის პატრიოლესნი* (95—214).

7) Диспутъ монаха Евѳимія Грдзели съ армянскимъ пастыремъ Состеномъ, *სიტყვა-მიგება ბერისა ეფთვიმი გრძელი-სა სოსთენი სომეხთა მოძღვრისა* (215—231).

8) Свѣдѣнія о Петросѣ Кацарскомъ и Аладжорѣ. *უწყება პეტროს მკაწარვლისათვის და ალაჯორისათვის და ალაჯორთა მარხვისათვის* (232—242). Тутъ же рассказъ объ Сувь-Саркисѣ. *უწყება სუბალის ძის სუფსარქისასათვის*. Все это составляетъ извѣстный апокрифъ относительно происхожденія армянской церкви и ея обрядовъ.

9) Толкованіе армянской ереси и способы ея проклинанія, *თარგმანებაჲ სომეხთა წვალემათათს, და თუ რლთა პირითა შეიჩვენებია* (242—247).

10) Затѣмъ приведены: семь таинствъ, десять заповѣдей,

семь смертныхъ грѣховъ, молитвы и толкованія ихъ (248—252).

78 (=1613). Повѣсть Бараміани въ стихахъ, рукопись въ 30,5×20,5 сант., написана на бумагѣ круглымъ красивымъ мхедрули. Оглавленія, первое слово каждаго четверостишія, союзъ и многія отдѣльныя буквы и знаки писаны киноварью, остальной текстъ черными чернилами. Досчатый переплетъ, обтянутый черною кожею, теперь ободранъ. Пагинаціи нѣтъ. Рукопись дефектна, недостаетъ и въ началѣ и въ серединѣ. Въ началѣ недостаетъ 11 четверостишіей первой главы; далѣе послѣ 10 страницы 8 четверостишіей второй главы; III и IV главы совершенно отсутствуютъ; отъ V сохранилась половина, отъ V то же самое; дефекты замѣчаются также въ XII и XIII главахъ послѣ 38 страницы. Въ слѣдующей рукописи недостающія мѣста нашего списка можно прочесть на страницахъ: 1—3; 15—33; 43;—48 и 72—77. Всѣхъ страницъ теперь 174. Текстъ Бараміани (стр. 1—172) сопровождается въ рукописи другими стихами автора, заключающими въ себѣ большею частью „анбантъ-кеба“, по два стиха въ началѣ и концѣ каждой страницы. Такой порядокъ продолжается до середины рукописи. Далѣе сопровождающихъ текстъ стиховъ уже нѣтъ до послѣсловія, которое тянется на нѣсколькихъ листахъ. Изъ послѣсловія видно, что Бараміани переложилъ на стихи по порученію царя Вахтанга VI Мдивани Онана изъ Кахетіи. Работа выполнена въ Астрахани въ 1726 году; начата въ концѣ февраля, кончена въ концѣ апрѣля. Онано занималъ должность царскаго мдивана, т. е. секретаря. Авторъ, по его словамъ, писалъ въ день по одной тетради. Произведеніе заключаетъ въ себѣ 812 четверостишіей. Наша рукопись представляетъ, повидимому, автографъ. Съ 85 страницы текстъ сопровождается стихами:

აღმითქვამ სიტყვა ლექსითურთ, გული დავაპყარ კვლია,
აპყრობად მკლავთა ცად მიმართ ვიკმარე ენა სველია,

აშტრახანს ცუდად დებთა დავჰყავ მცირედი წელია,
აღესწერე, ლექსით შევაწყევ, მსმენელთა გამახელია.

(ბარამი)ანი სახელად მთქმელთა ამ წიგნთა უწოდეს,
(ბრძენ)თა და ფილასოფოსთა ენა ვერ გამოუწოდეს;
ბევრნი შეინთქენენ, სინჯვიდენ, ცეცხლითა გული უწოდეს,
ბოლოდ შეამკეს, ტიროდეს, ცრემლითა გაიწუწოდეს.

გულიჯან კმელთა მნათობი საყვარლად ჰყვანდა, შეენოდა;
გონება ჰკლევდა მას მისი, თვალთა სინათლედ სჩენოდა;
გემო სოფლისა საქმისა მითქვამს, მათ რაცა ლხენოდა;
გუგა თვალისა მრავალ ჯერ მტირალი მორესწყენოდა.

დიდის ჩინელთა მეფისა არ ძეა, განა სულია,
დღეს მათი ყოვლი სიკეთე სულ თემზე განასულია;
ღუმლით ჰქონდენ სურვილნი, მუნითვე განასულია,
ღოვლათი სვიანობითა სვე ცამდი განასულია.

ესე ვჰპოვე, გავალექსე უგბილმან და სიტყვა მცირმა,
ერთხელ მესმა, გული ჩემი აღმიდულა მათმა ჰირმა;
ენა შეეძარ სასიტყველად ღარიბმა და მარტო მწირმა,
ესოდენი ლექსი სრულ-ვჰყავ მე ამისმა შენამხირმა.

ვის არ გასმიათ ამბავნი ტკბილნი და გემრიალები,
ვით მითქვამს, ყური მიეცით, ნახეთ სიტყვსა წყალები,
ვაქებ კბილ მარგალიტებსა, ვის გარ უსხენან ლალები;
ვინ ხელისათვის ხელობდა, იგ ორნივე შესაწყალები.

ზემთისა წყარო შეფრქვევით ვარდსა რწყავს გიშრის გუბითა,
ზედ ძოწსა ლალნი უშენის მარგალიტითა ტყუბითა.

Текстъ въ нашей рукописи теперь начинается стихами
анбантъ-кеба:

გზადის გუნდთა მწყობრთა დასნი, უხრწნელი ხარ მესა-
თნოედ,
გარდამოკდა, გაძრიელდა, მიქელ კმა ჰყო, შენთან მოვედ.

Начало дефектной повѣсти:

ეპურა ურიცხვი ქვეყანა, იგი უფლებდა ჩინელთა,
მისგან დამეტდა მეფობა მათ კელმწიფეთა წინელთა;
სიბრძნისა იყო საუნჯე, მფლობელობს ვით ათინელთა,
და ყოველთა ზედან სიუხვით წყლისაებრ წარსადინელთა.

Конецъ:

რალას ეაგრძელებ, ყოველნი მაშინ კმუნვითა არიან,
ჟამდამდე შავით მოსილთა აროდეს გაიხარიან,
მერმე ძე მათი კელმწიფედ ტახტზედან დაამყარიან,
და მისებრ განწესდეს მეფობა, ურჩნი კვლად შეაზარიან.

დასრულდა მიჯნურთ ამბავნი, პირველ ბრძენთაგან თქმუ-
ლები,

მათ კელმწიფეთა საქმენი, თავით ბოლომდი სრულები;
ჭირნი, შეება და განცხრომა, სიბერე აღსასრულები;
და ისმინეთ ტკბილნი სიტყვანი, აწ ჩემგან გალექსულები.

ვინ პირველ ამბად დაწერა ბრძენმა კეთილად ქუბელმა;
ეპპოვეთ ჩვენ მათთა სიბრძნეთა წარმოთქმით იმედებულმა;
გავლექსე, გავაშაირე, არ პირველ გულსა დებულმა;
და მე კახჰან ვინმე მწერელმან, მდიენობით სახელ-დებულმა.

Послѣсловіе:

დასრულდა წიგნი ესე ბარამიანი და იქმნა ამა მიჯნურთა
ამბავთა ლექსი რვას თორმეტი, რომელმან გავლექსე თვესა
სამსა და დავსწერე დღეში რვეული ერთი და მისთვის ვერ არი
კაი კელი. ამბათ ქებასა ცალკე უნდა წაიკითხვიდეთ, ამაში ნუ
შეურთავთ.

ჟა, სწავლის მოყვარენო და მოთხრობისა მოსაწადენო,
სიბრძნისა მეძიებელნო და მეცნიერებისა საუნჯენო, რომელიმე
ხალთ ჭეშმარიტებისა მცნებათა და უპირველესთა მათ ბრძენთა სი-

ტყვიერ-ყოფასა, ყურად იღებთ წერილთა მათთა, შეიძინებთ მი-
მოდამფენელთა თქვენთაგან, გემოვან იქმნებით ბუნებისა სიმ-
კურვალითა და რჯულიერ ყოფად კაც-ყოფილებისა ჩვენსათ-
ვის, რომელიმე ხადით მიბაძვითა უწინარეს გამომეტყველთა
სამღთოთა სამიჯნუროთასა, ნეტარ ხართ და კეთილი გეყოს
თქვენ, და რომელნიმეცალა იურვით მსოფლიოსა ამის საშეგ-
ბელად ნასიტყესა კეკლუცთა ზედან ყმა-ქალთა მაჯნურობასა,
იგი არა სარგებელ გეყოსთ სახსრად სულთათვის!

ვინადგან ყოფილან ზოგადნი ბრძენნი სოფლისა ამის ნიეთ-
თა მღალადებლნი, რომელთამე უთქვამსთ საქმენი საეროთა ვაჟ-
თა საკეთილონი, პირ-მზეთათანა სიყვარულნი დაუტკბიათ ლე-
ქსითა გემოვანითა და ამბითაცა შეენიერითა. ესთქენეთ ესეცა მათ-
თანა, ვითარცა იაგუნდთა შორის კენჭნი, ანუ მთოვარეთა შო-
რის ვარსკლავნი, ნათელსა შორის ბნელი და ვარდთა თანა
ასკილნი, ესრეთ შორს არიან საერონი სამღთოთა წერილთა
მიერ, ვითარცა ესე ესრეთ.

გარნა ესეცა ესთქენეთ, ვითარცა სამთეთებამან, სამგვა-
მოვანმან სამებამან სრულმან დიდებითა, ძეუფებითა და სამარ-
დისოებითა არა განყოფილმან, ერთმან ღმერთმან, ერთ-
არსებამან და ერთ-მეუფებამან შექმნა ანგელოზნი მისნი
სულად და მსახურნი მისნი ალად ცეცხლისად; ბრძანა და
დაებადა ქვეყანა ესე წყალთა ზედან და მიაელინა ძენი ალა-
მისანი ნიეთთა ოთხკეტთა ქანდაკებულად, შეილნი ერთი მეორის-
სა თანა; მისცა ძალი თვისი ძლიერებით სხეულებისაებრ თვისისა,
და მისცა საშეგბელნი ნიეთიერთაგან გემოვან მქნელნი მიმო-
დასმენითა, ანუ გულისკმის-ყოფითა უფლება კეთილთა და ბო-
როტთა ზედან. ხოლო რომელთა თმენით დაუთმეს, კეთილარს
იგი ბოროტთა ზედან. და რომელთა არა დაუთმეს, ბოროტარს
იგი კეთილთა შორის.

ესთქვათ ჩვენ ყოველთა, თუმცა ესეცა ითქმოდა კაცად-
კაცადისა მზგავსად მგზავსადობა და საწუთროსა ამის შე-
რაცხვა. უთქვამსთ და არიან წიგნებნი საერონი კაცთა შესა-
ტკობებლნი, ბრძენთა და ფილასოფოსთაგან თქმულნი სამღე-

რელად და სალალობელად მსმენელთა მისთათვის, ვინადგან ნივთიერნი და მსოფლიონი კაცნი საწუთროსა შიგან რასამე შერებოდნან. მაშარ დასწერდენ იგი ფოლასოფოსნი, რომე ზოგადთა ჭაბუკთა პირ-მზეთა ქალთათვის რაოდენნი ძლიერნი და საკაცობრანი ღვაწლნი დაღვიან, ანუ მიჯნურთა რა პატივნი ნახიან და მნათობნი მკლავით გამოიყვანიან. აბა, მათსა ეზღენსა კეთილსა თუ ბოროტს საქმესა არა ცუდად რასამე დაჰკარგვიდენ, და იტყოდენ ვაჟთა ჭაბუკობისა სასწავლებელად და თვისისა სიპრანისაცა გამოსაცხადებელად, და მერმე მათ სამღვდელთა წერილთა ყოველთა კაცთა ბუნება ვერასადა მისწვდებოდა და მისთვის მოიგონეს, რომე ერის კაცნი უსწავლელნი და ცოდნა დაკლებულნი არ დარჩნენ და ამაზედ იხალისებდენ, და საჭაბუკოსა საქმესა ყურსა მიუპყრობდენ. ზოგმან სხვა თქვა და ზოგმან სხვა. და ერთიეს მე მითქვამს.

აწე ესე დიდისა ჩინელთა კელმწიფის ჯონშერისა ამბავნი იწყებოდა და მუნ მყოფთა კეკლუცთა ქალთათვის უსწაროთა ჭაბუკთა მიჯნურობა ითქმოდა ბარამ ჭაბუკისა და გულიჯან ჩინელთა მეფისა ასულისა, მათნი სურვილი დაუცხრომელი და საკვირველი. ესე ბარამ იყო სახლეულთაგან ტომი და ნერგად ყვავილ-ფურცლოვან ქმნილი მის დიდისა ჩინელთა მეფისა და მისგანეც ძედ ნაზარდი და შეილალ ნაკობი უნაყოფობისათვის მის კელმწიფისა; და იგი პირ-მზე და კმელთა ზედა მნათობელი გულიჯან ასული იყო მის კელმწიფისა, და მათ დაუცხრომელი ერთმანერთოსა სურვილისა ცეცხლისა სიმკურვალითა დაღებული იყვნენ უმიჯნურესად ყოველთა სოფლის შემსჭვალულთა ძეთა კაცისათა. და მიწვენილ იყო ყოველსა ქვეყანასა საქმენი მათნი. და ოდეს სცნეს სპარსთა ფილასოფოსთა, და მიიწივა ამბავნი მათნი სპარსეთად, ბრძენთა გულნი მიუძღნეს და მეცნიერთა ცნობანი განუხვნეს, შეიწვიეს და შეინაწევრეს და დაწერეს ამბად სპარსთა ენათა ზედან. მან ბრძენმან და მეცნიერმან კაცმან კეთილმან, არა თუმცა უსწავლელმან და უგბილმან ჩუბინ ბრძენმან, რომელი იყო თემისაგან ქრმანელთასა, თქვა მათ მიჯნურთა საქმენი. და იცით

ყოველთავე, რომელსაცა ქვეყანასა შიგან ლომთა ჭაბუკთაგან პირ-მთვარეთა ქალთა ზედან მიჯნურობანი იქმნებიან და ანუ შვენიერთა, ქალთაგან კაცთა შორის ნაზნი და ზარიფნი სიყვარულნი განეცხადებიან, იგი სპარსნი მეცნიერნი ტკბილისა და გემოვანისა სიტყვითა დასწერენ და გააუბნებენ მათ მოყვარეთა და მათგან სხვანი მეცნიერნი ქართულად გარდმოიღებენ. და ესეცა იყო მეცნიერთაგან სპარსთა ენათაგან გადმოთარგმნული.

აწე მენება და სურვიელ ვიყავ, ვეძიებდი მრავალ გზის, ვითარცა კელთ-მეგლო. ოდეს ვპოვე მე ყოველთა უსიტყველთა უნაკ-ლულესმან და კეთილთა მეტყველთა აჩრდილთაცა მიბადვად არა ღირს მჩენელმან ძემან კახეთის მდიენისამან და თვით მდი-ვანმან ონანამ, გავაღექსე მათ მიჯნურთა სატრფიალოანი ამბად ნათქვამნი, რომელი არს ამბაენი მათნი კაცთა ერობისა მახა-ლისებელი, ჯომარდობისა ეტლთა ზედან მაგალითად შემასრუ-ლებელი, ყმათა ვეჯობისა, სიმენე გოლიათობისა მასწავლებელი, პურადობისა საბოძვარსა ზედან ბუნებისა გამხსნელი, მოისარ-ასპარეზთა ზედან ოროლისა მღერითა და ბურთისა გარდათურ-გენითა მაწინავებელობისა მამგონებელი, რომელი ახალისებს ჭაბუკობასა ზედან კაცყოფილებასა ჩვენსა, და მტყა მისთვის კე-ლი ვჰყავ.

აწე ისმინეთ და გულის-კმა ჰყავთ, მცირესა ამას ნაშრომ-სა ზედან სარწმუნო იქმენით: რომელიმე ამა ამბისა წიგნსა შიგან წერებულ იყო და მიეხვდით, დაუკლებელად ვეცა-დენით და მთლად შესრულებად გამოვიძიეთ და იმ რიგად გავ-ლექსეთ იგი ტკბილნი და გემოვანნი ამბაენი, მაგრამ ბევრი რა-მე დამიშთა, აჰად რომე ჩვენად დასახედავად ბევრნი ვინმე თავა-დნი, დიდებული, თუ მცირებულნი მობრძანდიან და საუბართა შეექცეოდნიან; ზოგნი ლაღობდიან და იცინოდნიან; ზოგნი ნარ-დსა და ჭადრაკსა ზედან იმღეროდნიან, და მათმან ტკბილმან საუ-ბარმან გულნი მიმილის და წერაში ლექსი ველარ გაესჩაღხი, და მე, რომელიც მენება, იმ რიგად ვერ დავაგვარაინი, და რომელ-საც არ მაიწონებთ, ამრიგად აკლია სიკეთე. და მერმე არც კე-ლის სიკეთეს გაუფრთხილდი, აჰად რომე კალმად ბატის ფრთე

მკანდა და ქალაღდა და მელანს თქვენც დახედეთ, რა ცუღ-
ნი და არას კელისანი არიან და მისთვის კარგი კელი არ მო-
ვიდა და მერმე, რომელიც ტრიქონი მოფხეკილი და მეორედ
გაკეთებული არის, ისიც სხვის საუბრის გონების გართივთ
სხვა სიტყვა დაესწერი, და გვეედრები ყოველთა მეცნიერთა, რო-
მე არა უგულვებელს ჰყოთ ღვაწლი მონისა თქვენისა, რომე
ახალი ნათქვამი წიგნი იყო და ეს მრავალგზის მოფხეკილი
ტრიქონი ამისთვის მოვიდა, რომე მასუკან გავაკეთე. ზოგი
რამ გაუჩაღხავი ლექსი დამრჩომოდა; ცალკე საღგომი ვერ
დავინებე და ვერცა თავი კელთ მოვიეც; ყოველთა დღეთა
მსხლომარეთა მათ შორის მიმოთქმითა გული ძლიე ვიპოვნი და
კეთილნი სიტყვანი მიმელის. ვაშურებლი შესრულებასა, დიდ-
მარხვის დღესა ვსწერდი და რა საეკლესიოს განწესებულ-
ლოცვისაგან ერნი შემოგებრუნდით, დღეში ერთი რვეული
დაესწერი, ოთხმოცდა თექვსმეტი ლექსი, რომე მრავალთა ნახიან
სწრფადობა კალამთა ჩემთა, მაგრამ კელის სიავეს არ დამაჯე-
რა, ბუზმა წამიხდინა ასო მრავალგზის და შექამა და შეკერაშიგ
ერთმანერთს ფურცელი მიეკრა და მელანი გაცეზო და ამთვენი
მაწებელი და არა კელის შემწე რას კარგს წიგნს მოიყვანდა.

ვიწყევ ამ წიგნის გაღეკვა თებერვლის დამღვეს და დას-
რულდა გასულს აპრილსა, და დაწერით შესრულდა იე მაისს,
ქკსა უნდ. ქრისტეს აქეთ ათას შეიდას ოცდა ექვსსა. დასაბამი-
ღგან ვიდრე აქამომღე შეიდი ათას ორას ოცდა თოთხმეტსა.

Въ этомъ длинномъ послѣсловіи въ началѣ авторъ вы-
сказывается относительно превосходства духовной литерату-
ры надъ свѣтскою, считаетъ счастливыми и блаженными
тѣхъ философовъ, книжниковъ, ученыхъ и поетовъ, кото-
рые пишутъ на духовныя темы. Произведенія свѣтскаго
характера, по мнѣнію автора, такъ же далеки отъ произве-
деній духовнаго, какъ камешки отъ яхонта, какъ звѣзды
отъ луны, тьма отъ свѣта и шиповникъ отъ розы; но такъ
какъ не всякій человѣкъ въ состояніи усвоить духовную лите-
ратуру, то выдумали свѣтскую, чтобы свѣтскіе люди не оста-

лись совершенно несвѣдущими въ наукахъ и могли развлечься произведеніями героическаго характера. Далѣе авторъ сообщаетъ, что темою настоящаго сочиненія служить нѣжная любовь витязя Барама къ Гулиджанѣ. Барамъ былъ отпрыскъ китайскаго царскаго дома, усыновленный и воспитанный бездѣтнымъ китайскимъ царемъ Джоншеромъ, а прекрасная и славная Гулиджана была дочь того же китайскаго царя, который усыновилъ и воспиталъ Барама. Вѣсть объ ихъ нѣжной любви дошла до персидскихъ мудрецовъ и ученыхъ и одинъ изъ нихъ, мудрецъ Чубинъ, который былъ изъ Бирманской страны, воспѣлъ ихъ любовь. А извѣстно всѣмъ, продолжаетъ авторъ, что персидскіе мудрецы и поэты никогда не оставляютъ безъ похвалы и всегда воспѣваютъ въ сладкозвучныхъ стихахъ любовь витязей-львовъ къ лунолицымъ красавицамъ и признаніе въ любви нѣжныхъ и хорошевоспитанныхъ красавицъ къ витязамъ, а грузинскіе ученые переводятъ ихъ на грузинскій языкъ. Также случилось и съ этимъ произведеніемъ, которое было переведено съ персидскаго языка на грузинскій ученымъ грузиномъ. Я всячески искалъ и жаждалъ найти эту повѣсть, продолжаетъ далѣе авторъ, и когда нашелъ прозаическій переводъ, приступилъ и переложилъ его на стихи. Авторъ признается, что, несмотря на его стараніе, нѣкоторые стихи остались безъ отдѣлки, такъ какъ его посѣщали во время работъ много знатныхъ и незнатныхъ грузинъ, которые отвлекали отъ дѣла и мѣшали работать. Поэтому въ его автографѣ много соскобленныхъ и потомъ вписанныхъ строкъ. Писчій матеріалъ у него былъ тоже неважный: писалъ онъ гусинимъ перомъ, бумага и чернила были плохи, и потому письмо вышло некрасивое. Отдѣльнаго помѣщенія у него не было, времени было мало, онъ спѣшилъ кончить, писалъ въ Великомъ посту, по одной тетради въ день или 96 стиховъ; мухи испортили много буквъ; кромѣ того, листы тетрадки прилипали другъ къ другу, и письмо портилось.

Работу авторъ началъ въ первыхъ числахъ февраля, кончилъ въ концѣ апрѣля, а переписалъ 15-го мая, въ воскресенье 414, въ годъ отъ Р. Х. 1726, отъ сотворенія міра 7234.

Послѣсловіе сверху и снизу сопровождаются стихами:

იესეს ძირთა მეფენი ტომობენ დასაბამითა,
არიან ფილასოფოსნი, რიტორებ დასაბამითა;
მამაბან თოკი სიბრძნისა მე მასთან დასაბამითა;
და ფქადრი ვარდისებრ სიტყვანი, ძმას უძღონი დას აბა მითა.

მწიგნობარს მართებს მეფეთ წინ დაჩოქილითა წერანი,
აღარსად მამბულა ტყვე-ქმნილსა, რა ვირგო მე აწე რანი?
მოეშორდი საგზრდილოსა, სახლი მაქეს ოკერ-ვერანი;
და აწ მართებს მისა მგონესა ძაძა და ამო წერანი.

ვიწყევ ამ წიგნის გალექსეა, ვიქმენ აშტარხანს რებული:
შეემაკვე ტკბილად სიტყვანი, რაც მქონდა გულსა დებული;
კახეთით კიდევან ვქმნილვარ, კვლავ კიდემ იმედებული;
და ონანად მიკმეთ, იქ ვიყავ მდივნობით სახელდებული.

ღარიბსა მომიგონია მე წამლად ცუდის დებისა;
არა მაქეს ნიქა კეთილი სამწერლოს იმედებისა;
კალამს მიზიდაეს ფრანგელი, ოდეს ფრთა დავარდებისა;
და ცუდი მელანი ქალაღდასა უმაღ შიგ გავარდებისა.

მელანი მქრქალი, უსამყე ცუდმან ქალაღდმა გაისეა,
ფთის კალამს მოსდის ბეწვი და უმაღ წვერზედან გაისეა;
დაღონებულა მწერალი, ადგეს, იძახოს გაისეა;
და ამაღ არს დაქმუნებული, გულსა ლახვარი გაისეა.

კელი ვერ გამოვიჩინე, ქალაღდმა მიყო ზიანი,
მელანმა იკლო ფერთა, მან შემქნა მიზეზიანი;
ასო ვერ დავსხი გაწყობით, ვერც ჭე ლამაზიანი;
და მაშინცა ვსწერდი ყოველ დღე, რა დილა ენახი მზიანი.

ნეტამც მწერელსა სამწერლო ვითა სწადს, ესრეთ უნება,
მელანი, სპარსთა ქალღი, კალამიც კელად უნება,
გამართვით სწერდეს, მისგამო ბევრგან არ ვაეთხუნება,
და სიწყნარით ასო გააწყოს, არც კელი დაეწუნება.

ღვარძლი დავსთესე ასოთა, მოიძვის პურის ალოდა,
დავჰყარნე სწრაფად მარცვალნი, კვალთა სიმრუდეს ალოდა,
მომკალსა მისცეს ნაყოფი, იმედად გამოსალოდა,
და აეს მიწას ცული ქვა ყრილი მუშაკმან ძებნა, ალოდა.

ჩინელთ მეფისა აშბავსა აწ ვიტყვი გალექსულებით,
გარეგან ანბანთ ქებასა დაუწერ თან შექსულებით,
სხვა და სხვას კმასა ანბანთა თავით ბოლომდი სრულებით,
და თუ დამიწუნებთ მსმენელნი, შევიქნა გაბასრულებით.

2) ТАМАРИАНИ, თამარ მეფის შესხმა ჩაბრუნადისა. Въ концѣ нашей рукописи оставалось еще много бѣлыхъ листовъ, на которыхъ потомъ помѣстили текстъ *Тамариани*, или восхваления париды Тамары поэта Чахрухадзе. Эта часть рукописи тоже писана въ XVIII вѣкѣ мелкимъ, но очень красивымъ письмомъ круглаго мхедрули и заключаетъ въ себѣ 10 листовъ (стр. 155-173). Произведение Чахрухадзе цѣликомъ приведено въ нашей рукописи, но оно предлежитъ въ обычной для этого произведенія редакціи. Въ этомъ видѣ Тамариани былъ изданъ впервые Пл. Юсселиани, Тифлисъ 1838; затѣмъ Д. Чубиновымъ, Грузинская христоматія, 1863, II, стр. 59-72; потомъ З. Чичинадзе, Тифлисъ 1882. Критическое изданіе текста вмѣстѣ съ ученымъ изслѣдованіемъ принадлежитъ профессору Н. Я. Марру. „Тексты и разысканія по армяно-грузинской филологіи, кн. IV. СПБ. 1902. Древнегрузинскіе одописцы“. Н. Марръ такъ формулируетъ положенія своего интереснаго изслѣдованія:

1) Памятникъ, извѣстный подъ названіемъ Тамариани

и дошедшій до насъ съ именемъ Чахрухадзе, есть сборникъ мелкихъ стихотвореній съ болѣе или менѣе значительными вставками и повтореніями въ различныхъ частяхъ, а не одно цѣльное произведеніе.

2) Стихотворенія эти представляютъ одиннадцать одъ Тамарѣ, одну элегію о влюбленномъ витязѣ-поэтѣ, повидимому, также заключающую косвенную похвалу грузинской царицы, и одно подложное стихотвореніе, отвѣтъ на элегію.

3) Оды Тамарѣ написаны въ разное время, каждая изъ нихъ по особому случаю, приблизительно въ трехлѣтній промежутокъ между изгнаніемъ перваго мужа (1192 г.) и рожденіемъ Русуданы (1195 г.).

4) Авторъ одъ, вѣроятно, Шота Руставели. Чахрухадзе, если упоминаніе его основано на вѣрномъ преданіи, есть фамилія Шоты Руставели.

5) Но кому бы оды ни принадлежали, онѣ представляютъ замѣчательный памятникъ во всей литературѣ по самобытности и яркому отраженію въ нихъ культурно-политическаго облика Грузіи конца XII-го вѣка и въ этомъ отношеніи стоять неизмѣримо выше Барсовой кожи.

79 (=170). БАРАМИАНИ въ стихахъ, рукопись въ 33,5×23 сантиметра, писана на синеватой бумагѣ круглымъ красивымъ мхедрули съ обычными киноварными оглавленіями. Хорошій картонный переплетъ обтянутъ черною кожей съ тисненіями и застежками изъ шнурковъ. Пагинація означена на каждой страницѣ буйвами мхедрули. Всѣхъ исписанныхъ страницъ 216. Въ концѣ и началѣ много бѣлыхъ листовъ. Рукопись переписана извѣстнымъ Давидомъ-Ректоромъ Месхишвили. Въ концѣ оглавленія, имъ составленнаго, имѣется его запись вязью: *დავით რექტორი*, „Давидъ Ректоръ;“ другая запись Давида-Ректора приведена на 201 страницѣ. Изъ этой записи видно, что рукопись переписана въ 1821 г. въ декабрѣ

დია სტატსკაგო სოვჭნიკა ბნ. გეორგია იგნატყევიჩა ტუმანოვა:

აღესწერე ესე ბარამ-გულიჯანიანი მის ბრწყინვალეების სტატსკის სოვეტნიკის და კავალერის თავადის გიორგი ეგნატის ძის თუძმანოვისათვის მე კეთილშობილმან ალექსოვმან ალექსის ძემან და კახეთის სამეფოს თელავ ქალაქის სემინარიის რეკტორ-მან და სიბრძნის მოყვარემან დავითმან და საქიებელიცა მევე გაუკეთე; თთვესა დეკემბერსა: იე წელსა: ჩყა: ქკს: ფთ: დავით რეკტორი (послѣднія два слова взяю). Въ концѣ помѣщено то же послѣсловіе, которое нами приведено при описаніи предидущей рукописи, только стихи не сопровождаютъ текста послѣсловія сверху и снизу, а выдѣлены въ особое послѣсловіе. Но многочисленныхъ стиховъ „анбантъ-кеба“, которые сопровождаютъ текстъ Бараміани въ предыдущей рукописи, въ описываемой совѣмъ нѣтъ. Предисловіе и начало произведе-нія изъ этой полной рукописи тутъ же воспроизводимъ:

კ ა რ ი პ ი რ უ ლ ი .

დასაწყისი ჟონშერ ჩიქელთა მეფის ჰამბაგანი, რომელსა ზედა იწყების მიჯნურობა გულიჯანისა და ბარამ-ქაბუკისა. ისმუნდანი მეფეთ მეფეთ, ცხონდი უკუნისამდე. ესრეთ უხმობენ წიგნსა ამას ბარამიანად, ისმინეთ და გულის-კმა ჰყავით წარმეთსველნი!

არსებით ვჰხადი ერთ უფლად სამ-სახელ გვამოენებასა, მამისა მიერ ძესა და ეგრეთ სულისა თნებასა, გუამებით შეურევენელსა, კორცთ-წესხმით ბრწყინვალეებასა, ვმადლობდეთ მარგედ სულისა, მიწანი ვასხამთ ქებასა.

თვთ შექმნა ცათა შემქცელმან ქვეყანა წყალთა გულეებსა, შემზადა არსად უნიეთო, ოთხ ნიეთად განიგულებსა, ბჰენი განუხტნა მალალმან, მიწათა განკარგულებსა, შთაჰბერა სული ცხოველი მის სახელად განკარგულებსა.

იგი არს ღმერთი ყოველთა, უსაზღვრო დაუფარავი,

ნათელ-მამა და ნათელ-ძე, სულიცა ნათლად მუარავი,
დაიდგა მისგან შექმნილი მან სიწმიდისა კარავი,
დავითის ცხებით აღმოხდა წყარო უკუდავთა არავი.

მას ეჭხადი მიწა კაც-ქმნილი, ვინ ცუარსა ზეცით მასრეველა,
სიბრძნემან შექმნა საუნჯე სამყოუად ჩუქნდა მას რეველა,
დავით ჰქმნა პირუტლ იესე, წინწილ ორლანოდ მასრეველა,
საულ შემუსრა განგებით, არ ბრძანებასა მას რეველა.

ჰვამს კაცმან სიბრძნე ზეგარდმო მუნით მოირგოს გულებით,
ლტაწლით საუნჯეთ კეთილსა ჰპოებდეს იგი სრულებით,
მუშაკად მკიდეს სერობად მათ შორის დანერგულებით,
კტალსა შეუდგეს წმიდათა წერილთა მიერ თქმულებით.

მას ეჭნატრი, ვინცა საღმრთოსა წერილსა გაერთოდესა,
სული, გული და გონება მისად ძიებად ჰრბოდესა,
მაგრამ წმიდათა კრებულთა ჰსრულ-ჰქმნეს იგიტ¹⁾ როდესა,
უწინარესად განზრახუა დაგვიტევიან ოდესა.

რადგან ვართ მიწა კაც-ქმნილი მისგან ჰშთაბერვთ სულისა,
იგ მოგტეცემს წამის ყოფითა მოწყალებასა სულისა,
მაგრამ გვაქტს გული სოფლისა, ნიეთთაგან გამოასულისა,
საწუთრო ლახერად დაგვესმის, სიმუხთლით გალესულისა.

ბერი დაჰწუთა საწუთომან სოფელს მყოფი გარდალებით,
შეუბნელა საცნობელნი მისგან შავად გარდალებით,
მათსა სენსა ჩემთვს ჰირად ამად იქმნა გარდალებით,
გული მიაქტს შეთვ'ებით სულთა ჩემთა გარდალებით.

ამად ეიუბნა სოფელმან, რადგან გამირთო წყეულმან,
კაცთა მტერობით მოსრულმან, სიმუხთლით აქ მოწეულმან,
ტრუმან წუთმან და წამერთმან და ესე ვითა რეულმან,

¹⁾ B₂ № 3705 იგივე.

ესე შეითხზაეს ყოველთა, კაცმან რამე ჰქმნას რჩეულმან.

ისმენდინ, ვიწყებ ამბაესა, პირველ სპარსთაგან თქმულებსა,
ჭილოსოფიოსთა სიბრძნესა, რიტორთა კელით ქმნულებსა,
მიჯნურთა ერთობ პირ-მზეთა დასაწყის დასასრულებსა,
მათსა ნახულსა, ნასმენსა და მერმე აქ მოსულებსა.

იყო კელმწიფე ჩინელთა ჯონშერ ლეთით განდიდებული,
უხვი, სიმდაბლით მაღალი, საქურჭლით გამდიდრებული,
თვთ მოსამართლე წყალობით, ძალ-გულით იმედებული,
მპყრობელსა ჰქონდა სამეფო, სხეცა ზედ შემოდებული.

ეპურა ურიცხვ ქტყანა, იგი უფლებდა ჩინელთა,
მისგან დამეტდა მეფობა მათ კელმწიფეთა წინელთა,
სიბრძნისა იყო საუნჯე, მფლობელობს ვით ათინელთა,
ყოველი ა ზედან სიუხვით წყლისაებრ წარსადინელთა.

წესი ეს ჰქონდის და რიგი: დღენი რა წაელის ყოველი,
მოწყალებისა ცუბართა ვითა ზეგარდმომთოველი,
ორგულთა მისთა მრისხანე, ერთგულთ დიდებით მპოველი,
ურჩი, უარის მყოფელი არ დარჩის შეუპოველი.

მისი სახელი გაითქვა ოთხსავე ცისა კიდესა,
მუნ მომართიან, სძლობდიან, მუნ მისსა განაკიდესა,
მორჩილობდიან საამონოდ სიუხვის გამომკიდესა,
მისნი პირ-მტკიცედ მუშაკნი კეთილსა მოიმიკიდესა.

ჰყუბანდის თორმეტნი ვეზირნი ყოველთა ზედან ჰრჩეული,
ჰკადრიან თანა-მზრახველთა თათბირნი გამოჰრჩეული,
სიუხვე სამართალზედან იგიმცა იყვს რჩეველი,
შენატრიდიან ყოველნი მკვრდნი და ვინ არს ეული,

შემოკრბეს ხასნი მეფისა, სისრულე ვნახე ჯარისა,

ნადირობდის და იშვებდის მტერთა მომცემი ზარისა,
მაბოძეარი და ნადიმი, პურობა მისგან არისა,
მგოსანნი ჰსხლიან, ისმიან კმა ტკბილი მოუბარისა.

რამცალა გკადრო, სიმაღლე დიდებით ჰქონდა ზენითა,
მის კელმწიფისა მძლავრობა არ ითქმის კაცთა ენათა,
ასული ჰყუანდა მნათობი შუქთა მზისაებრ ფენითა,
უფსკრულსა შოგან მთეარისებრ ელუარედ გამოჩენითა.

ასული ჰყუა კელმწიფესა, მისგან კიდე ძე არ ესეა,
საწუთოსა სიმუხთლითა ბედისაგან სჭირდა ეს ეა,
ვერ მოირგო ნაყოფთაგან განმრავლება განეთესეა,
ამად იყო დაღრფული მისგან სენი ლახვრდ ესეა.

პირად მზე და ბაგე-ვარდი ერთი უზის განა სული,
შეიდ ნათელთა შუქთა სხიენი მისგან არის განასული,
თუთ აშვენებს ცისა კომთა, მუნით იქმნა განასული,
ბნდებოდიან მისნი მჭურეტნი, ქვე-მხედველნი განასული.

მისი სახელი გულიჯან, კეკლუცად ჰქონდა ჰშვენება,
მთეარესა მისი სინათლე, თუ მისცემოდა, ენება,
ნატრიდის სხიეთა ეთერი, მზემან დაუწყის ქენება,
ვარსკულათა მხვეალ მონობით მათ მისგან უნდა ჰკსენება.

ლაწუთა ელფერი ვარდისა უწითლე ჰქონდის ამასო,
უტადეებისა წყარონი, მჭურეტელთა ჰსთქვიან ამასო,
გიშრისა მშვლდის მოზევით წამთა ისარი ამასო,
ნატრიან ლომნი, იტყვიან, ნეტარძი მასთან დამასო.

გიშრის თმა, შავნი სუმბულნი მთეარეს აჩრდილობს უბანდა,
ფეხლის ბურთს კაკვი გიშრისა ზილფად სუნნელით უბანდა,
მარგალიტს მოსცაეს ძოწი და მოსაყნოსელი უბანდა,
ნარგისთა წყარო, თუ ვარდსა ჰრწყვიდა, ფურცელს უბანდა.

ქება არ ითქმის სახეთა მისთა ტურფათა ასოთა,
მოსაყნოსელი შეიღ-წილად, ვინცა განწმედათ ასოთა,
მელნის მორეეთა მანანა წყაროდ მუნ მდომთა ასოთა,
მჭერეტელთა მისი შეენება გულზედან ლახტრად ასოთა.

მისნი ღიმილნი ვამჰსგავსოთ უკუდავებისა წყაროსა,
უხეად საუბრით საღაფმან ჰგავს მარგალიტი ყაროსა,
წაელა-წამოელა ზარიფად მჭერეტელთა გამახაროსა,
ქტყენად ვერ ჰნათობს მის თანად, არცა თუ ცის სამყაროსა.

მთვარის შტენება გამოკრთა სამყაროს გამკვირვალისა,
ნათელი ოთხსა კიდესა მიფცეს არ დამცხრალისა,
ვგრეთ გაისმა სიტურფე მის მზისა ჯაფარ-წყალისა,
გასინჯეთ მაზედ სპარსთაგან იგაეი, სიბრძნე ძალისა.

ესმა მის მზისა სიტურფე, ვინ ჩუბინ ქირმანელია,
მისთჳს ბარამის სურვილი ვგრევე გაჭრილ ხელია,
მას დაეწერა შეწყობით, ვინ ვისთჳს სასურველია,
სამისოდ სიტყუა ტრფიალად, არ ოდეს გამოელია.

იმა პირ-მზეთა ჰამბაენი ჩინეთით იქ მოწეული,
ბრძენთა მიუძღუნეს გულები, მეცნიერთათჳს წეული,
მათგან იმღება ვარდები, კოკობი და ძოწეული,
მათთა სიტყუათა ყუაეილნი მჰსმენელთა გვეძო წეული.

იფიქრა ესე ჰამბაეი კულაჲ ძნიაღ საძიებელი,
ამისთჳს როძე არიან ყოელთა მიჯნურთა მქებელი,
იგიცა იქმნა მათ ზედა სურვილთა შემამკრებელი,
ისმენდიო, არის ბოლოდვე ნაყოფის გამომღებელი.

ჰამბაენი სპარსთა ენითა არიან სუტყუა ხასები,
ვით იაგუნდი ვაჭართა, ვგრე ბრძენთ საბაასები,
მჰსმენელთა ცნობის მიმცემი, რომ იყოს ბევრ ათასები,

მათსავე სიბრძნე უფსკრულსა ვერვინ დაადვას თასები.

არშიყ-მარშიყთა სურვილსა სპარსნი იტყვან ბრძენები,
შემკობად მათთა ჰამბავთა ტკბილად იხმარონ ენები,
მჰმენელთათჳსცა საამო, მირიღოს მოსაწყენები,
უგბილთა ცნობის მიმცემი ამაღ შეიქმნას მქენები.

შეხამდეს მათნი ნათქვამნი, ვით ბაღია ყუაგილიანი,
სიტყუანი ვარდი უფრჩინელი, გარ-შემოზღუდვით იანი,
ჰშეენის, ვითამცა სავარდე მისლოდეს დილა შზიანი,
შიგ მწყუანე მოლთა ბიბინი ზურმუხტად ლაყვარდიანი.

მიჯნურთა სიყუარულობა მათ შეუმკია ტკბილადო,
ნარგისნი თუალთა სადაროდ, მეღნის ტბა ასახილადო,
ლალ-იაგუნდად ბაგენი, შიგ მარგალიტი კბილადო,
ლაწუნი, ბროლ-ვარდი, ქამანდი გიშრადვე გარდახრილადო.

გაითქუა მათი სიბძნე და რიტორად მეტყუტლებანი,
ოდესმე ჰსთქვიან მიჯნურთა და პირ მთუარეთა ქებანი,
გარდმოილიან ქართულად, რომელთა ჰქონდის მცნებანი,
ჰქნიან ენათა გარდაცუთა, სიტყუათა გამოძებანი.

ჰამბავნი, სიტყუა შეთხზულნი, სპარსთა კელითა ქმნულები,
ბრძენთაგან ნათარგმანები, ქართულად გარდმოთქმულები,
ფილოსოფოსთა დატკობით და სასმენელად სრულები,
მიჯნურთა შემკობილობა, თავ-ბოლო დასასრულები.

ეს ჰამბავი, დასაწყისი ნათქვამია პირველ თავად,
უწინარეს ვერ ეპოვნათ, ამაღ იყო ულექსავად,
მოშირეთ ერიტორათ, არ უნდოდათ სამართავად,
კუთლა ამისი არ დაეგდოთ სიტყუა ზედან გაურთავად.

ამა ჰამბისა ქართულად მთარგმნელმან, კაცმან ქებულმან,

ესე დაგვიღო, ჩვენ ვპოეთ, აქა და იქი რებულმან,
წერილთა მათთა სიტკბოთა შესმენით იმედებულმან,
არ სხუათა მთქმელთა მჰსგაესებით მოლექსედ სახელდებულმა.

ვიწყებ, თუ ძალ-მიძს, შეწყობით ამა ამბისა თქმევასა,
მაგრამ ვით კელ-ვჰყო უგბილმან, ბოლოდ ვიძახებ მე ვასა,
თუ სიტყუას ვპოევებ, მუნ ვით ვიქ დღევებრ ლამეთა თევასა,
შემოვჰკრებ მათთა სიბრძნესა, სხვას უზამ არ გარევასა.

ვჰსცან ზოგთა კაცთა ბრძენთაგან შეწყობით მიჯნურთ ქებანი,
სიტყუანი ტკბილნი ტურფანი, არ ცუდად მიდ-მოღებანი,
მათთა აჩრდილსა იოტსა მივბაძე, დაერთე ნებანი,
ამბაენი ლექსად შევჰსცუალე, არა მაქვს დაღუმებანი.

ესე მიკვრს, ბრძენი ვინმე აპირებენ ამა პირსა:
ვინცა მჰიყუთა საწუთროსა ერთმანერთის დანაპირსა,
რად იტყვან, რად აქებენ მე უგბილსა ეს მიკვრსა,
ამ სოფლისა შემჰტუალული ჩავარდების კაცი ჰირსა.

ზოგნი რიტორნი არიან სოფლის მიჯნურთა მქებელად,
შემაკვეს მათნი სიტურფე, იქმნიან მალიდებელად,
არ სარგებელად სულთათჰს, არც მადლის შემომჰკრებელად,
მაგრამ მოწყენილთ საამოდ სევლისა მაქარებელად.

ჯერ არს, ვინც საღმრთოდ ინებოს წინასწარ მონაღუაწებით,
მთქმელთავე მისთა ვჰბაძვიდეთ, თაენი მის თანა ვაწებით,
სიბრძნემან მათმან დაგვიპყრას და ბორკილებით აწებით,
მან განგვიმარტოს სოფლისა საქმე ჰირს ამონაწებით.

მაგრამ ასეა საწუთო, კაცსა შეითხზავს სრულებით,
ვის ძალუძს, საღმრთოს ლალადებს, ვინ საეროს იქს თქმულებით,
აწ მივჰყევ სოფლის საქმესა, შეგვიტკობს თვალ-დარულებით,
ცრუ არს უხანო, არ შეგვწევს დღე მოვა აღსასრულებით.

ვისცა მცირესობაში შესდგამს, აღმოიტყვს მიჰსცემს¹⁾ გულსა,
მოიგონებს წამთა მისთა, მეცნიერთა დანერგულსა,
მეც აჩრდილთა მათთა ვიბადე, სიტყუა მქვერთა ცნობა სრულსა,
ამად რომე სოფელს მიეჰყევ, არ საუნჯეს დაფარულსა.

Содержаніе этого стихотворнаго предисловія то же самое, что и прозаическаго послѣсловія, которое нами было приведено при описаніи предыдущей рукописи. Повѣсть собственно начинается со второй главы:

კ ა რ ი მ ე კ რ ე კ .

ახლად აწეების ჰამბაგნა მიჯნურთანა ბარამ ჰაბუგისა და გუდიჯანისა.

ახლად იქმენით ცნობილად სმენით და გულის კნშიერად,
რადგან ეიქმენით მნათობთა მქებელნი ჩუენ მის მიერად,
ყურნი აწვივნეთ ყოველთა, მექმენით თანა ზიერად,
იაშეთ სიტყუა ბრძნობილნი, მისგან არ დარჩეთ მშიერად.

ჯერა მიჩნს შესხმა მალლისა, ეინ ჩვენთჳს ერთმან ისამა,
კორცთ-შესხმა, ჯუარს ცმა, აღდგომა ნებისით ინება ისა მან,
მისგან დაგეფარნა ნათელმან ჩუენ მისი მონა მზისამან,
წელთა თორმეტთა კიბეთა მომცემმან ღამე ღლისამან.

ჴ, შენ დაუსაბამო, ღმერთო ყოველისა მპყრობელო,
ქალწულებითა უხარწნელო, მისო უბიწოდ მშობელო,
ცოდებათა ჩემთა უფსკრულთა შერისხეით დამამზობელო,
ამად ნუ მრისხავ ცოდვლსა, განგებით გამომცნობელო.

იგ უჯობდა სულსა ჩემსა, საღრმთო ნიჭი მომეწადა,
მას ვერ კელ-ვჳყავ სიტყუა მცდარმან, კეთილი რამ დამექადა,
არ შევამკე ბრძენთა თქმული, მოწვენილი სადით სადა,
ზღაპარი და უსარგებლო, მიკვირს, გულმან რადმე ხადა.

¹⁾ Вх № 3705 იცემს.

უმაღლო მყოფსა ნუ მრისხავ ცოდვთა შებლაღებულსა,
უბაღოს თავის მგმობელსა და ცნობა გამოკლებულსა,
უსასყიდლოთა სიტყვთა ბრძენთაგან დაეაღებულსა,
უხანოას სოფლის მიმდოსა, განწირულად მიახლებულსა.

ჯერეთ გაქებდე მაღალსა, მოციქულთ მიმოძღვრებასა,
კვარცხლ-ბუქსა შენსა საღმრთოსა, მას უნიეთოსა კრებასა,
მერმე ვიტყოდე სოფლისა ზღაპართა გამოკრებასა,
გესაე, ამისთვის ნუ მიმცემ ჩემზედა ქუა-დაკრებასა.

მწაღიან, თუმცა შეეაწყო სიტყუანი გულად ნაღები,
სამიჯნურონი ჰამბაენი, სპარსთაგან გარდმონაღები,
ვის ვისთვის სისხლის ცრემლითა ლაწუნი შექქმნიან ნაღები,
ვაჟმე, ვერ ვჰსთქუამ საფერად, პირი დამრჩების ნაღები.

პირულ გმირთა პირ-მზეთათვს ვინცა შექმნეს თავნი ხელად,
განველტოდეს მკეცთა თანა, იმოყესიან მუნ ვით ველად,
ზოგთა მიხვდათ საწადელი, თვით იქმნიან კარგ-სახელად,
ერთი ესე სამიჯნურო დანარჩომი ვჰპოვე ძველად.

აწ ვიტყვ ბარამ ჰაბუქსა მენე, მოყმე, ტანად საროსა,
წყალ-ჯაფარითა შემკულსა, ცხენ ფიცხად მოისაროსა,
ჯონშერ მეფისა გასდილსა, მასთანა საუბაროსა,
სხუა მისი მჰსგავსი შეენებით ყმა გამოსულა აროსა.

აწ ვითხრა ბარამ პირად მზე, ჰაბუქად სახელ-დებული,
მოასპარეზედ, მეომრად უკეთესობით ქებული,
სხუათა მებრძოლთა მომსერელი, თვთ არავისგან ვნებული,
ჩინელთა მეფის ტომობით ვით სარო ეღემს ხებული.

80 (=3705). БАРАМИАНИ ВЪ СТИХАХЪ ЧУБИНОВСКОЙ
библиотеки, рукопись въ 34×21,5 сант., писана на бумагѣ
строчнымъ мхедрули съ обычными красными оглавленіями;
заключаетъ въ себѣ 76 листовъ въ простомъ картонномъ

переплетѣ. Такое же предисловіе и послѣсловіе сопровождаютъ текстъ, какъ въ предыдущихъ рукописяхъ. Рукопись не можетъ быть переписана ранѣ середины второй четверти XIX вѣка, ибо въ числѣ знаковъ филигранн показанъ 1836 г. Переписчикъ въ концѣ не сообщаетъ ничего о своей личности, а только замѣчаетъ, что лучше не могъ писать, такъ какъ мѣшала дѣвочка, и что по этой причинѣ въ концѣ порядокъ во многихъ мѣстахъ перепутанъ: ხოლო მე რომ წიგნისა ამის დაწერას კვლევყავ, მეწადათ პირველად, რომ კარგა დავსწერო, მაგრამ საქმეების წაყენილსა და პატარა ქალის ძახილებით გამომიმო-თრეულსა დრო და ნება უკეთესად წერისა არა მქონდა და ამისთვის უფრო გლახა ხელი და რიცხვთ აღრევა ბევრი აქ დასასრულში არის. Такого же рода замѣтки встрѣчаются и въ началѣ отдѣльных главъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ (листъ 21) переписчикъ замѣчаетъ, что повѣсть Бараміани длинная: 8, რადენ მოგრძე არს მოთხრობა ბარამისა! Въ другомъ мѣстѣ (листъ 57) онъ упрекаетъ автора за обманъ, ибо въ повѣсти не 812 четверостишій, какъ утверждаетъ авторъ въ послѣсловіи, а больше на 201. შემატუტე მე, წყეულო მწერალო, რამეთუ ორას ერთასა ლექსით მეტობს ბარამიანი, რომელთა იტყვ შენ რეაას თორმეტ ლექსობაზედ. Лишнія, противъ предыдущихъ рукописей, стихотворенія, кажется, не имѣются въ нашей рукописи, но порядокъ стиховъ, дѣйствительно, перепутанъ. Такъ, напримѣръ, шестое четверостишіе предпоследней главы помѣщено въ концѣ предвдущей (см. листъ 72). Многочисленныхъ стиховъ анбант-кеба, которые сопровождаютъ текстъ Бараміани въ разобранной нами подъ № 78 рукописи, въ нашемъ спискѣ не имѣется.

81 (=1428). БАРАМИАНИ въ прозѣ, рукопись въ видѣ простой тетради, въ 21×17 сант., написана на бумагѣ строчнымъ мхедрули. Заглавія писаны красными, но поблекшими чернилами. Всѣхъ исписанныхъ листовъ 41. Начало:

ქ. კარი პირველი ბარამისა და გულანდამისა. სპარსული-საგან ქართულათ გადმოთარგმნილი ბრძანებითა ქართველ მეფე-სა ვახტანგისაგან.

„Глава первая. О Барамъ и Гуландамъ (въ другихъ спискахъ Гулиджахъ). Переведенъ съ персидскаго на грузинскій языкъ по приказанію грузинскаго царя Вахтанга“.

Начало текста: იყო ქვეყანასა ურუმეთისასა ხემწიფე ქიშვარ სახელოვანი, უკლებელი, მორკმული და სიმიდრისაგან გალაღებული. Текстъ нашей рукописи не отличается исправностью, допускаетъ ошибки, пропуски и вульгарную орфографію. Конецъ: და რა ქარწილობა გარდაწყდა, ქიშვარ ხემწიფემან ბარამს ხელი მოჰკიდა და სახემწიფო ტახტსა დასვა და თავის გვირგვინი დაჰშურა, და თვით მეფე და დედოფალი ღმერთს მადლოსა შემწირველნი შეიქნენ, და ბარამ ხემწიფობდა და სამართლობდა, ყოველსათვის თავსა სხვა და სხვა ძღვენსა გზავნიდა ფასფორისა და სიფორისა წინაშედ. ეგრეთვე მათგან მოსდიოდა. სოფელსა შინა იყვნენ, ამას იქმოდნენ, და როდესაც საწუთრო გარდაუბრუნდათ და ამის სოფლისა ბეგარა გარდაიხადეს, ეს მათი ანბავი ღარჩა მასთანა მასაგონებლად. Далѣ запись переписчика, изъ которой видно, что рукопись переписана Андреемъ Давидовичемъ Хечатуровымъ въ 1862 г., 15 августа: ეს წიგნი დაწერა ანდრია დავითის ხელატუროვმა. წამკითხველო, სანამ ცოცხალი იყვეს მშვიდობა უბრძანეთ და სიკვდილის დროს შენდობა. 1862 წელსა, მარიაპოლისთვის 15 დღესა.

82 (=239) Рукопись въ видѣ тетради, на сѣрой грубой бумагѣ, въ 22,5×18 сант., заключаетъ въ себѣ два произведенія:

1) „Вардъ-Булбуліани“, или Бесѣду розы съ сольвешъ царя Теймураза I и

2) Бараміани въ прозѣ. Первое произведение писано круглымъ мхедрули, второе строчнымъ. Въ началѣ недостаетъ двухъ листовъ въ первомъ произведеніи. Кромѣ того, начиная

сь 4-ой страницы, первые слова четверостишій не написаны; ихъ должны были написать по обыкновенію красными чернилами. Вардъ-Булбуліани заключаетъ въ себѣ 9 листовъ, Бараміани 26. Текстъ этого списка Бараміани гораздо исправнѣе предыдущаго, но, въ сожалѣнію, въ концѣ дефектенъ. Начало:

იყო ქვეყანასა ურუმეთისასა კელმწიფე ქიშვარ გაძრიელებული, უკლებელი, მორკმული, მოვლინელი და სიმდიდრისაგან გალაღებული, ღეთის მოწყალებსაგან არა ნიეთი არა აკლდა რა კიდე. რა ორმოცისა წლისა გასრულდა კელმწიფე ქიშვარ, შეიწყნარა ღმერთმან თავის უხვის მოწყალებითა და უბოძა ყრმა მშენიერი. რა დედოფალი დაწვა და ძე მეფისა იშვა, კელმწიფე სანადიროთა ბძანდებოდა და ნადირობასა და გულობასა შინა მყოფსა მოუვიდა მახარობელი და რაც მართებდა, უდიდესათ გაიხარა, და მახარობელი იგი საბოძვართთ აავსო და მუნყოფთა ურიცხვი უბოძა. Ручопись безъ всякого сомнѣнія XIX вѣка.

83 (=3064). Сборникъ разныхъ произведеній, рукопись безъ переплета, въ 21×16 сант., писана въ началѣ на синеватой, а въ концѣ на сѣрой бумагѣ красивымъ строчнымъ мхедрули и черными чернилами. Оглавленія и первые слова нѣкоторыхъ четверостишій писаны киноварью. Всѣхъ страницъ 321, но изъ нихъ 282—307 страницы пустуютъ. Филигранями синеватой бумаги служатъ: въ одной половинѣ листа орнаментированный цвѣтами гербовый щитъ, украшенный короною; въ щитѣ медвѣдь на заднихъ лапахъ, держитъ топоръ, въ другой половинѣ листа буквы С. М. Л. и 1809 г, а на нѣкоторыхъ 1812. Филигранями сѣрой бумаги являются: знакъ pro patria и 1816 г. Первые 188 страницъ имѣютъ пагинацію буквами мхедрули снизу листовъ. Первая часть рукописи переписана въ 1813 г. Мосесомъ Коргановымъ. Вторая часть, на сѣрой бумагѣ (стр. 281-321), написана, вѣроятно, въ концѣ первой четверти XIX вѣка. Содержаніе:

1) *Бараміани* въ прозѣ. წიგნი ბარამ ფალავნისა, ურუმ-

მეთის კელმწიფის ძისა, ამოდ საკითხავი და სასამოვნოდ სასმენელი (стр. 1—188). **Конецъ:** სანამ ბარამ და გულიჯან ამ სოფელსა შინა იყენენ, ამა წესითა იქცეოდნენ და როცა საწუთრო გაუცუდდათ და ამ სოფლისა ბევარა გარდაიხადეს და ამა სოფლით მიიცვალნენ, ესე მათი ამბავი დარჩა ქვეყანასა ზედან მათად მოსაგონებლად და უკეთ შესაქცევრად, ამინ.

Далѣе приведено послѣсловіе переписчика Мосеса Бахутовича Корганова, изъ котораго видно, что онъ переписалъ эту рукопись 30-го мая 1813 года для друга своего Стефана Мамулова.

კურთხეულ იყოს, ვინცა ამისთანა და ანუ თუ სხვა რიგი ამბვის წიგნები ნახოს და ის გარდაწეროს და იმაზე იპირნახულოს, ამაღ რომ ქვეყანაზედ პირველი ამბევები არა ამოვარდეს და მათ ფალავენთა ამბავნი გაახლოს, შესაქცევრადც დიახ კარგია და თუმცა მწიგნობარს ჩაუვარდეს ვისმე. თვით კითხვით შექცევა და სხვათაც შეაქცევს. აგრეთვე ყმაწვილმან რომ კითხვით ამგვარი წიგნები გატეხოს, მრავალსა შეიმატებს და კაი მსწავლეულიცა შეიქნება, მრავალს ადგილს გამოიყენებს საღმთოთ თუ საეროთ, კელმწიფეებთან თუ ამხანაგებთან ჟამი მოხედება, რომ მრავლის წიგნის კითხვა დიდათ გამოადგეს.

აღიწერა ესე წიგნი ბარამიანი ჟამსა რუსეთის დიდებული კელმწიფის ალექსანდრ პავლოვიჩისასა. მას ეპყრა თავისი სამრძანებელი სრული რუსეთი და მას მსახურებდნენ საქართველო, ქართლი სრული, ყაზახი, ბორჩალო, განჯა, შუში და ყარაბაღი და სხვაც მრავალი. შესრულდა წიგნი ესე ბარამიანი წერიითა კელითა პატრონისა მისივე ყორღანოვი ბახუტის ძის მოსესისათა და ახლად პატრონისათა ბატონი სტეფან მამულოვიჩისათვის. უფალმან მრავალ ჟამიერ ცუოს და მოახმაროს შექცევასა და სიხარულსა შინა და ჩვენდა საგონებლად, ამინ. დასრულდა ესე ბარამიანი თვესა მაისის გასულსა. ლ-სა, წელსა. ჩვიგ. ქკს. თა. 1813-го года мая 30-го дня, аминь.¹⁾

¹⁾ Эта русская фраза принадлежит оригиналу.

რომელმანც ესე წიგნი პატრონისაგან ითხოვით და კითხვით შეექცეთ და ანუ ისე ჩაგვარდესთ, აგრეთვე პატრონსავე უბოძეთ, და რომელმანც მიცემა აღარა ინებოთ, თუ ქართველი იყოს, მასამც რისხვას ძე და სული წმინდა. თუ სომეხი იყოს, მასამც გაუწყრეს წმინდა ლახვარი და თუ თათარი იყოს, ღმერთი გაუწყრეს. და რომელმანცა მიცემა ინებოთ და არა დაუმალოთ, წყევლა ლოცვათ შეეცვალოსთ.

Затѣмъ послѣсловіе въ стихахъ сообщаетъ, что книга Бараміани была переведена съ персидскаго языка по приказанію царя Вахтанга и что Ёргановъ нашелъ и переписалъ эту книгу ваѣ для себя, такъ и для своего любимаго друга Стефана Мамулова.

ესე წიგნი აღრე არის საკითხავი სპარსელთაგან, თარგმანული ქართველთავე მეფისა ვახტანგისაგან, ჩამიუარდა გარდაეწერე, მეცა ვიშოვე სხვისაგან, და რომ მიამა შევასრულე, თვარ ძალა მეღვა ვისაგან.

ესე წიგნი ჩემგან ნახა, მყვანდა კარგი მეგობარი, ჩვენ გვიყვარდა ერთმანერთი, ძმაზე უკეთ შენაყვარი. გესურდა ერთად მუდამ ყოფნა, არაოდეს განაყარი, და მითხრა, მეცა გარმიწერე, შენგნით მქონდეს გაუმცარი.

არ დამზარდა, დაუწერე ბატონ სტეფან მამულოვსა, ჩვენ მიეაჩნდით უკეთესად, სიყვარული ჰქონდა გულსა, და ოდეს კელთა აიღებდე, მახსენებდე ყორღანოვსა.

მე ცოდვილი ვითხოვე თქვენგან, რომელმანცა წაიკითხოთ, და ვისაც გნებდესთ სახსენებლათ, შენდობით არ დამივიწყოთ.

2) *Басня. Большой левъ, лисица и медведь* (стр. 188 b). Басня взята изъ Сборника притчъ Вардана, именуемаго Лисьей книгою. Грузинскій переводъ Лисьей книги изданъ мною. მელის წიგნი, ანუ იგავ-არაკების კრებული ვარდანისი, ტფილისი 1899. Наша басня соотвѣтствуетъ 74 баснѣ

მოგო изданія, но она представляет особую редакцію.

3) *Вардъ-Булбулиანი*, или Басѣда розы съ 'соловьемъ' царя Теймураза I. ლექსი მუნასიბი, თქმული მეფისა თეიმურაზისაგან. განპქობა ვარდისა და ბულობულისა (188b—207). Въ концѣ имѣется двустиише переписчика Мосеса Корганова: ესე ლექსი ერთგან ენახე ბულობულსა და ვარდზედ თქმული, მეც მოსესამ გარდაესწერე, რადგანც იყო პირველ თქმული.

4) На стр. 208 приведено нѣсколько отдѣльныхъ стиховъ преимущественно изъ Барсовой кожи на различные темы.

5) *Споръ между человекомъ и временною жизнью* въ стихахъ, კაცისა და საწუთროსაგან ცილობა და ბქობა და ერთმანერთის ძვირის ხსენება (209—220). Начало:

ჰაი ჰაი ეს საწუთრო რას სტყუის და რას უპირობს
და თავს რა უყოს ამა კაცსა, ნახეთ ბოლოს რას უპირობს.

Въ концѣ двустиише, кажется, переписчика:

რამე თუ გცოდე, უფალო, ვითხოუ შემინდეო,
შენი ვარ მონა წყალობა შენვე დამმართეო.

6) *Лейла-Миджнуриани*, или поэма *Лейла и Меджунъ* въ стихахъ, царя Теймураза I. კარი პირველი ლეილ-მიჯნურისა. პირველად სპარსულად ნათქვამი ლექსად პატრონის თეიმურაზისაგან (221—281). Начало:

ღმერთო, რომელი თვით სიბრძნე ხარ სიბრძნის მომცემლო-
[ბით.

არსისა არა არსისა სიტყვით დამბადე მქნელობით,
მომეც გონება მე ვიყო მადლობის შემომწირველობით
და კელ ვყავ წიგნებსა სპარსთისა ქართულად მე მთარგმნელო-
[ბით.

Бонецъ:

უწყის ღმერთმან ყველა ვთარგმნე, რაც სპარსთაგან მამსმენია,
ვაქე ძოწი ვარდ-გიშერი, გაურივე ბროლსა შინა,
ვინ მოკირცხა სარო ნორჩი, ედემს ალეა გამირნიენა,
და მეზინიან უგუნურმან, ვაითუ სიბრძნე წამიხდინა.

7) *Иосебъ-Дзмилханіани*, или повѣсть объ Іосифѣ и Зулей-

ტ **ვ** **ს** **ტ** **ი** **ა** **ხ**. ამბავი უსუფ ზილიხანისა ლექსად (308-321).

Переводъ съ персидскаго языка царя Теймураза I. Начало:

მიჯნურთ ანბავი შემოკრბა წიგნსა ჩემგან თქმულებსა,
უსუფ-ზილიხან ვახსენოთ, ნურცა მათ ვატყენ გულეებსა,
შეუთხზნა ლექსთა ყვაილი, ვერ ნახავ დანასულებსა,
და ქართულად ვიტყვი ყოველსა ანბავსა მე სპარსულებსა.

Конецъ:

იამანი თამოგესულვარ, მოველ შენთა ფეხთა მტვერად,
სვე, ბედი და ჩახთა ბრუნვა მე შემექნა ყველა მტერად,
მშობელნი მეყეს მეტად კარგნი, ძე არა ჰყავთ არცა გერად,
და დამეხოცნენ, მარტო დავრჩი, გლახ ლახეართა დასაძგერად.

Сочинение это представлено дефектно.

8) *Два Басни* изъ Сборника притчъ Вардана: „Сварливая жена и злой духъ“ и „Глупецъ и арбузь“. Басни эти взяты тоже изъ „Лисьей книги“, значить, изъ армянскаго Сборника притчъ Вардана и соотвѣтствуютъ: первая 122 баснѣ моего изданія, а вторая 70-ой (см. стр. 102 и 58), но изложение этихъ басенъ нѣсколько иное. Во всякомъ случаѣ онѣ не могли быть взяты изъ рукописи, которая послужила оригиналомъ моего изданія. Сборникъ притчъ Вардана на армянскомъ языкѣ подробно обследованъ профессоромъ Н. Марромъ въ трудѣ, озаглавленномъ: „Сборникъ притчъ Вардана. Матеріалы для исторіи средневѣковой армянской литературы. Спб. 1899“. Въ концѣ басенъ въ нашей рукописи четверостишіе:

გამდელმან უთხრა, არ ვიცი მე, ყრმაო, ცუდი ფერობა,
კარხედ მოგადგა, გააგდე ბედი და ბედნიერობა,
რად არ მოკრიფე სურნელი, ყვაილთა მრავალ-ფერობა,
და ვეკვ დანანო შენ ჩემთა სიტყვათა დაუშჯერობა.

82 (=1548). **Б** **А** **Р** **А** **М** **І** **А** **Н** **И** **В** **П** **Р** **О** **З** **Ѣ**, **р** **у** **к** **о** **п** **и** **с** **ь** **б** **е** **з** **ь** **п** **е** **р** **е** **п** **л** **е** **т** **а**, **в** **ь** **в** **и** **д** **ѣ** **т** **е** **т** **р** **а** **д** **и**, **в** **ь** **22** **×** **17,5** **с** **а** **н** **т**., **п** **и** **с** **а** **н** **а**

простой бумагѣ, строчнымъ, крупнымъ мхедрули и черными чернилами. Пагинація означена сверху на каждой страницѣ буквами мхедрули. Всѣхъ страницъ теперь 204, но рукопись въ концѣ дефектна. Конецъ: ბარამს სიფორის სიყვარულმან გული შეუპყრა და ველარ გასძლო მოშორება მისი და ორმოცი ათასი კაცით სიფორს მოეწიენა გზასავე შიგან და ქაჯეთის საზღვრამდინ ერთად იარეს, შექცევითა, უკუყრითა... Далѣе четыре строчки не цѣльно представлены. Писецъ не указанъ, дата отсутствуетъ, бумага безъ филиграни. Рукопись, безъ сомнѣнiя, первой половины XIX вѣка. Она принесена изъ Гурiи и составляетъ даръ Григорiя Шарашидзе, изъ селенiя Бахви.

83 (=2392). БАРАМИАНИ въ прозѣ, рукопись въ 23×18 сант., написана на сѣрой толстой бумагѣ некрасивою скорописью мхедрули и черными чернилами. Имѣются и красныя строки. Рукопись въ простомъ картонномъ переплетѣ. Начало: აქ იწყების ბარამიანი. Текстъ Барамiани заключаетъ въ себѣ 226 страницъ, въ концѣ недостаетъ. Последнiя слова: და იყო დიდს მოწყალებასა შინა. ნამსახურთა და მოხუცებულთა კაცთა ანუ დედაკაცთა დიდათ პატიეს ჰყოფდა. ესრეთ აღიშენა.... Рукопись, вѣроятно, начала XIX вѣка.

Вмѣстѣ съ текстомъ Барамiани переплетенъ печатный дефектный текстъ *Дидь-Моуравiани*, или Жизнь Великаго Моурава, изданiе П. Иосселиани. Тифлисъ 1851 г. Недостающiя мѣста въ началѣ и концѣ пополнены рукописнымъ текстомъ.

84 (=3693). СВОРНИКЪ РАЗНЫХЪ произведенiй, рукопись въ 21,5×17,5 сант., писана на бумагѣ строчнымъ мхедрули и черными чернилами; оглавленiя и первыя слова каждаго четверостишия писаны киноварью. Картонный переплетъ рукописи перекрытъ коричневою кожей и имѣетъ красивую вайму, наведенную золотомъ. Всѣхъ страницъ 157 (98+59). Старая пагинація означена по тетрадямъ арабскими цифрами

и буквами асомтаврული на поляхъ снизу, въ каждой тетради по 8 листовъ. Филигрань бумаги: въ одной половинѣ листа подь красивою короною солнечный дискъ и въ немъ два четырехконечныхъ креста, кругомъ знака расположены буквы: сверху Е. С. Г., снизу Н. П. Ш. и годъ 1796. Въ другой половинѣ листа буквы: Ю. Ф. С. Т. и годъ 1796. Такой же знакъ зарисованъ Н. Лихачевымъ подь № 3589 (см. Палеографич. знач. водяныхъ знаковъ, ч. III Т. Д.; ч. I, стр. 418) и объясняется имъ такъ: „бумага Его Сіятельства Графа Николая Петровича Шереметева Юхотской Фабрики С. Т. (села Т. или имя фабриканта!)“. Вся разница состоитъ въ томъ, что у Лихачева годъ выдѣлки бумаги показанъ 1798. Писецъ не указанъ, дата отсутствуетъ, но рукопись, судя по филиграни и палеографическимъ признакамъ, должна быть переписана въ концѣ XVIII вѣка. Переплетъ сдѣланъ, вѣроятно, послѣ 1814 г., ибо вмѣстѣ съ переплетомъ въ началѣ добавлено нѣсколько листовъ синей бумаги, филигранью которой служатъ знакъ pro patria и 1814 г. По содержанію рукопись представляетъ три отдѣльныхъ произведенія:

1) *Повѣсть Досифъ-Дзимиханиани* въ стихахъ, переводъ съ персидскаго царя Теймураза I (стр. 1—49). კარი პირველი იოსების და ზილიხანის გამიჯნურებისა. სპარსულისაგან ქართულად გადმოთარგმნილი ბატონის მეფის თეიმურაზისაგან. Первое четверостишіе:

არსებით ვიტყვი ცნობილსა სამებით შეერთებულად,
ბუნებით განუყოფელად, სამებით ერთ უფლებებულად,
განესწავლი, გმონებ ერთ-უფულად ღვთაებას შეერთებულად,
და იგი გვზრდის, გვუკავს ყოველთა, მის მიერ ქმნილთა კრებულად.

Конецъ:

დასაბამ შენ ხარ, უფალო, დასასრულ არსთა დგომამდი,
ჟამთ უკან ქალწულისაგან ჩვენთვის ხორც შესხმად მოლამდი,
წყევლამც არს ნაჯაბ ქალ-ბაღა მამადინა მოლამდი,

და გადიდო ერთ-ღეთად სამებით სულისა ამოქროლამდი.

2) *Анбантъ-кеба* царя Теймураза I. აშხანთ (sic) ქება საღმთო თქმული ბატონის მეფის თეიმურაზისაგან (5—55).
Содержаніе этого стихотворенія религіозное. Начало:

აღახვენ ჩემნი ბაგენი, ღმერთო, სამებით ქებულო,
აერთა ზედან საყდაზთა დიდებით დამკვიდრებულო,
არსებით ერთო ბუნებით პირობით სამრიცხვებულო
და აღამიანთა ხსნისათვის განგებით მოვლინებულო.

Конецъ:

მდეს ცანი წარაგრავენ, მაშინ იქცეს წიგნი ტყავად,
ჭკრო ქრთამად არ გავიდეს, ვისცა ჰქონდეს მოსარწყავად,
ჭრიგინ და ნისტორ-პეტროზ არიოზთან იღგენ შავად,
და ზიმე თუ მეცა მკითხონ ცოდვა ჩემგან დამწაშავად.

3) *Лейлъ-Миджнურიани* въ стихахъ, переводъ съ персидскаго царя Теймураза I (56—98). ბრძანებითა ღეთისათა, კარი პირველი. ლეილ-მაჯნურის (sic) აშხავი, სპარსულიადამ ნათქვამი და ქართულად გადმოთარგმნილი ბატონის მეფის თეიმურაზისაგან. Начало такое, какъ въ предыдущей рукописи. Въ концѣ лишнее четверостишіе, которое принадлежитъ, вѣроятно, переписчику; онъ объявляетъ, что его зовутъ Давриши.

მე ვწერ ამ წიგნსა, სახელად რომელსა მქვიან დავრიში,
მაჯნუნ იყო ლეილისთვის ველად გაჭრილი დავრიში,
ბასრელმან მეფემ ინება მის შარბათისა ზარყარში,
და შიგან შთავარდა თითონეც, სხვასთვის ჰა თხარა ჰარკიში.

4) *Бараміани* въ прозѣ (1—54). კარი პირველი ბარამისა და გულანდამის სპარსულიაგან ქართულად გადმოთარგმნილი ბრძანებითა ქართველ მეფის ვახტანგისათა. „Глава первая о Барамѣ и Гуландамѣ. Переведенъ съ персидскаго на грузинскій языкъ по приказанію царя Вахтанга“. Начало и конецъ, какъ въ другихъ, описанныхъ рукописяхъ. Подъ конецъ рукою текста приведено четверостишіе, въ которомъ авторъ не совѣтуетъ читать Вспраміани и которое мы отмѣ-

ტილი при описаніи рукописи *Калилы* и *Димвы* подъ № 36 (стр. 293).

85 (=1551) *Барамиანი* въ прозѣ, рукопись безъ переплета въ видѣ тетради, въ 23×18,5 сантиметра, написана на простой бумагѣ негласивою скорописью мхедрули и черными чернилами. Содержитъ въ себѣ 39 исписанныхъ листовъ. Въ концѣ недостаетъ и текстъ обрывается теперь словами: რა ქორწილება გარდასწყდა, ქიშვარ ხემწიფემან ბარამ(ს) ხელი მოჰკიდა; სახემწიფოსა ტახტსა დასვა და თავისი გვირგვინი დაბურა თვით მეფე და დედოფალი ღვთის მადლისა... Начало такое, какъ въ предыдущей рукописи. Даты нѣтъ, писецъ не указанъ. Бумага безъ филиграня. Судя по почерку и матеріалу письма, рукопись, вѣроятно, первой четверти XIX вѣка.

86 (=552). Сборникъ, содержащій въ себѣ два произведенія: повѣсти *Барамиани* въ прозѣ и *Миріани*, рукопись въ простомъ переплетѣ, въ 21,5×17,5 сантиметра, написана на обыкновенной бумагѣ скорописью мхедрули и черными чернилами, весь сборникъ заключаетъ въ себѣ 97 листовъ, изъ которыхъ 40 листовъ занимаетъ *Барамиани*, а остальные—*Миріани*. Рукопись переписана въ 1868 году, и дата эта указана на первомъ заглавномъ листѣ: სხვა და სხვა ამბები. კარი პირველი. ბარამიანი, სპარსულისაგან ქართულად (ნათარგმნი) ბრძანებითა საქართველოს განმგებელისათა ბატონიშვილის ვახტანგისაგან ნეტარისანი. ჩუგ წელსა. Оглавление повѣсти *Миріани* въ прозѣ: მირიანი. ამბავი დასაწყისი ჩინეთის კემწიფოსა და ძისა მისისა მირისა. Начало текста: იყო კემწიფე ხოსრო ჩინეთისა და მისირისა. იმისთანა ძლიერი კემწიფე არსად არ იმყოფებოდა. უშვილობასა ესრეთ შეეწუხებინა, რომელ ყოველი თავისი სახემწიფო და დიდება ჩალოდ მიაჩნდა. Конецъ: ხემწიფენიც გარდაიკვალონ და ის იმოდენი დიდებაც სხვათ დარ-

ჩათ. ჩვენ ვიცოდეთ ეს ამბავი და ნულარავინ მივენდობით მუხ-
თალს წუთი-სოფელსა. დასრულდა ესე ამბავი სასიამოვნო
ოკტომბრის კზ დღესა, ათას ზეას სამოცდა ზეაში.

Изъ этого видно, что переписка Миріани кончена 28 октября 1868 года.

87 (=1746). Бараміани въ прозѣ, рукопись въ про-
стомъ картонномъ переплетѣ, въ 21×17,5 сантиметра, напи-
сана на синеватой бумагѣ строчнымъ мелкимъ мхедрули и
черными чернилами. Нѣкоторыя оглавленія писаны красными
чернилами. Всѣхъ листовъ въ рукописи 35. Начало и конецъ
текста такіе же, какъ въ другихъ, описанныхъ рукописяхъ.
Въ концѣ рукою текста приведены два четверостишія, ничѣмъ
не замѣчательныхъ. Филигрань бумаги: въ одной половинѣ
листа орнаментированный цвѣтами гербовый щитъ, украшен-
ный короною, въ щитѣ медвѣдь на заднихъ лапахъ, держитъ
топоръ; въ другой половинѣ буквы С. М. Р. и 1808 г.
Рукопись, безъ сомнѣнія, первой четверти XIX вѣка. Въ кон-
цѣ рукописи запись криптографомъ.

Подводя итогъ къ обзору рукописей Бараміани, мы
прежде всего должны отмѣтить, что Бараміани въ прозѣ и
Бараміани въ стихахъ совершенно различныя произведенія
по фабулѣ и содержанію, и напрасно смѣшиваютъ ихъ
между собою, полагая, что разница между ними только
въ формѣ. Содержаніе прозаическаго Бараміани въ общихъ
чертахъ такое:

„Въ странѣ Урумети былъ царемъ Кишваръ, исполнен-
ный всѣхъ добродѣтелей, славы и богатства. Ему недостава-
ло только наслѣдника, и Богъ удостоилъ его и этого блага,
даровавъ сына на 40-омъ году жизни. Наслѣдникъ былъ на-
званъ Барамомъ. Съ шести лѣтъ къ нему были приставлены
философы въ качествѣ воспитателей. До 14-лѣтняго возраста
мальчикъ усвоилъ всѣ науки, черезъ годъ онъ зналъ все

военное искусство, а въ 16 лѣтъ сдѣлался настоящимъ героемъ. Видя совершенство своего сына, отецъ устроилъ большой пиръ, пригласилъ вельможъ, войско и народъ и поручилъ ихъ Бараму, предварительно давъ ему наставленіе и указаніе, каковъ долженъ быть истинный правитель народа. Послѣ пира Барамъ съ войскомъ отправляется на охоту и здѣсь впервые выказываетъ свою ловкость и геройство, убивъ чудовищнаго льва, который навелъ ужасъ и обратилъ въ бѣгство цѣлое войско. На другой день Барамъ, преслѣдуя лань, увлекся и отдѣлился отъ войска, къ вечеру онъ ранилъ ее, но наступившая ночь помѣшала преслѣдить добычу; напрасны были поиски и послѣдующихъ дней. Черезъ недѣлю онъ присталъ къ подошвѣ горы, по своей природѣ напоминающей рай. Здѣсь надъ истокомъ рѣчки возвышалась высокая башня, построенная изъ мрамора. Въ башнѣ Барамъ нашелъ богато одѣланный тронъ; на одной сторонѣ трона была нарисована женщина необыкновенной красоты. Бараму она показалась живою и онъ почувствовалъ къ ней пламенную любовь. Подойдя близко и пощупавъ тронъ, Барамъ удостовѣрился, что дѣло имѣетъ съ рисункомъ. У подножія трона онъ увидѣлъ 80-лѣтнаго старика, который сообщилъ ему всѣ подробности относительно этой обстановки. Оказалось, что рисунокъ представлялъ портретъ китайской царевны Гуламдамы, которая имѣетъ тысячи поклонниковъ и которая живетъ въ высокой башнѣ надъ площадью столицы Китая, и въ мѣсяць разъ показывается людямъ съ крыльца своей башни. Старикъ извѣдиль весь міръ, наконецъ прибылъ въ Китай, увидѣлъ Гуламдаму, влюбился и остался тамъ три года. Затѣмъ, видя, что для него нѣтъ утѣшенія въ любви и что онъ никогда не удостоится руки Гуламдамы, взялъ ея портретъ, написанный китайскими художниками, прибылъ къ подошвѣ этой горы, построилъ башню и живетъ въ ней, довольствуясь тѣмъ, что имѣетъ возможность лицезрѣть хоть портретъ этой небывалой

красавицы. Онъ оставилъ себѣ только двухъ верблюдовъ и двухъ рабовъ, которые доставляютъ ему пищу. Разказавъ старику, въ свою очередь, и о себѣ, Барамъ отправляется въ Китай, твердо рѣшивъ: или добиться руки Гуламдами и исполнить влеченіе своего сердца, или умереть. Черезъ мѣсяцъ онъ былъ уже въ странѣ каджовъ (бѣсовъ) и отдыхалъ въ великолѣпномъ саду царя Сифора. Сестра Сифора, Сарра, прислала ему черезъ служанку различныя яства на блюдѣ и просила поскорѣе уѣхать, чтобы Сифоръ съ братьями, вернувшись съ охоты, не застали его и не причинили вреда. Скоро однако показались Сифоръ и пять его братьевъ: Шамса, Кхамса, Тамса, Шамилъ и Кхамилъ. Увидѣвъ Барама, Сифоръ отдалъ приказъ братьямъ схватить его. Барамъ всѣхъ братьевъ одного за другимъ привязываетъ къ деревьямъ. Затѣмъ въ единоборствѣ побѣждаетъ самого Сифора и хочетъ отрѣзать ему голову, но вспомнивъ наставленіе отца, что побѣжденныхъ нужно миловать, а также внявъ мольбамъ Сарры, онъ шадитъ царя каджовъ. Потомъ всѣ побѣжденные дѣлаются его друзьями и слугами. Послѣ пировъ и увеселеній, длившихся нѣсколько дней, Барамъ высказываетъ желаніе ѣхать дальше въ Китай. Его предупреждаютъ, что на границѣ Китая и владѣнія каджовъ живетъ въ пропасти Апра-дэвъ, отъ котораго много терпятъ какъ каджи, такъ и китайцы. Барамъ проситъ указать ему мѣсто этого дѣва. Сифоръ съ братьями и сестрою проводятъ Барама до мѣстожительства дѣва. Барамъ одинъ спускается въ пропасть, убиваетъ Апра-дэва и освобождаетъ плѣнницу-красавицу Равазу, дочь Хати-хутскаго царя каджовъ. Богатство дѣва Барамъ даритъ Сифору, каджовъ отпускаетъ домой и самъ ѣдетъ въ Китай. При прощаніи Шамса, братъ Сифора, даетъ ему волосы отъ своей головы, указавъ, что когда Барамъ сожжетъ волосы, онъ немедленно предстанетъ предъ нимъ и, когда нужно будетъ, приведетъ все войско каджовъ. Часть пути Ба-

рамъ совершаетъ моремъ, съвъ на корабль вмѣстѣ съ купцами, на морѣ онъ убиваетъ кита, который чуть было не проглотилъ и опрокинулъ ихъ судно. Затѣмъ онъ прибылъ къ столицѣ Китая, которая въ то время была осаждаема болгарскимъ царевичемъ Безадомъ. Отъ содержателя гостиницы Барамъ узналъ, что китайскій царь Папхоръ не выдалъ свою дочь Гуламдаму за болгарскаго царевича, и послѣдній явился теперь съ 200-тысячнымъ войскомъ и силою хочетъ добиться своего. Барамъ сжигаетъ волосъ Шамсы. Шамса немедленно является и вскорѣ по приказанію Барама приводить всѣхъ своихъ братьевъ и войска каджовъ. Каджи побѣждаютъ и разсѣиваютъ болгаровъ, Барамъ лично убиваетъ царевича Безада, голову его сажаетъ на копьѣ и вмѣстѣ съ письмомъ, что онъ, Барамъ, убійца Безада и что желающіе съ него должны искать кровь, ставитъ копьѣ передъ воротами дворца китайскаго царя. За ночь Барамъ съ добычею отпускаетъ каджовъ, самъ онъ въ одеждѣ и шапкѣ изъ бурки по веревкѣ поднимается къ боковому крыльцу башни Гуламдамы и удостоивается лицезрѣть ее черезъ окно. Китайцы издали смотрѣли на битву двухъ незнакомыхъ войскъ и недоумѣвали. Ихъ удивленіе еще болѣе усилилось, когда на другое утро никого не видѣли кругомъ города, кромѣ поля, усѣяннаго трупами болгаровъ. Прочитавъ письмо Барама и не находя нигдѣ автора, при дворѣ царя рѣшили, что Барамъ былъ небесный поклонникъ Гуламдамы, который, вѣроятно, возмущившись поведеніемъ болгарскаго царевича, свнзшелъ съ неба и, поразивъ болгаровъ, снова вознесся туда же.

Между тѣмъ Барамъ завязываетъ сношеніе съ Гуламдамою при помощи служанки Давлаты. Начинается между ними любовная переписка, въ которой Барамъ ничего не говоритъ о своей личности и своемъ происхожденіи, а только выставляетъ себя безумно влюбленнымъ и проситъ сжалиться и не губить его. Гуламдама, хотя уже питаетъ симпатію къ

Бараму, но отвѣчаетъ холодно и сдержанно и совѣтуетъ ему поскорѣе кончить эту несбыточную затѣю и не губить себя. Послѣ пятаго письма Гуламдама признается въ любви, но совѣтуетъ имѣть терпѣніе, хранить въ тайнѣ свою любовь и довольствоваться счастливымъ положеніемъ влюбленнаго, которому возлюбленная отвѣчала взаимностью.

Войска, оставленные Барамомъ на охотѣ въ Уремети, въ продолженіе десяти дней тщетно искали его. Вернувшись, они доложили царю Кишвару о случившемся. Опечаленный царь отправилъ гонцовъ во все стороны и обѣщалъ большую награду тому, кто принесетъ вѣсть о Барамѣ. Скороходу Шабрангу удалось найти банію старика, откуда Барамъ отправился въ Китай. Приведенный къ Кишвару старикъ лично доложилъ царю обо всемъ и съ подарками вернулся домой. Обрадованный Кишваръ снарядилъ и отправилъ большое посольство къ китайскому царю. Во главѣ посольства были поставлены визирь Достаръ и скороходъ Шабрангъ. Ихъ сопровождало сорокатысячное войско. Въ письмѣ, адресованномъ на имя царя Папхора, Кишваръ просилъ отыскать его сына Барама и вернуть ему. Устроивъ торжественный пріемъ посольству и войску урумовъ, китайскій царь отвѣтилъ визирю Достару, что о Барамѣ, сынѣ Кишвара, онъ ничего не знаетъ, а знаетъ только о небесномъ Барамѣ, который поразилъ болгарскаго царевича Безада и который оставилъ имъ письмо и копьѣ. Визирь Достаръ узналъ копьѣ Барама и въ письмѣ призналъ почеркъ своего царевича. Начались поиски. Скоро нашли Барама, одѣли его въ царскую одежду и представили Папхору. Войско урумовъ ликовало. Барамъ на торжество пригласилъ царя кадзовъ съ его войскомъ, братьями и сестрою. Начались пышныя праднества, угощенья и пирь, длившіеся въ 20 дней. Посреди этихъ торжествъ царю Папхору доложили, что царь болгаровъ Намшадъ явился съ 200-тысячнымъ войскомъ, чтобы отомстить

за кровь своего сына Безада. Барамъ съ каджами выступаютъ въ бой, китайцевъ къ дѣлу не хотять привлечь. Пронесодить цѣлый рядъ единоборствъ. Сифоръ, царь каджовъ, съ братьями побѣждаютъ всѣхъ богатырей булгаровъ. На другой день происходитъ битва между Навшадомъ и Барамемъ. Барамъ, конечно, побѣждаетъ и убиваетъ Навшада. Непрiатели всѣ истреблены. Гуламдама съ своей башни слѣдить за подвигами своего возлюбленнаго. Побѣды достойно отпразднованы царемъ Папхоромъ. Послѣ цѣлаго ряда празднествъ, Барамъ черезъ своихъ визирей просить у Папхору руку Гуламдамы. Папхоръ лично радъ, тѣмъ не менѣе выборъ всецѣло предоставляетъ Гуламдамѣ. Сарра, сестра царя каджовъ, и Раваза, которую Барамъ освободилъ отъ Апрадава, отправляются отъ Барама къ Гуламдамѣ. Гуламдама въ восторгѣ, но прежде чѣмъ самой выйти замужъ, женить своего отца на Саррѣ. Раваза выходитъ замужъ за царя каджовъ. Затѣмъ происходитъ бракъ Барама съ Гуламдамою. Празднества и пиры длятся 40 дней. Барамъ съ Гуламдамою ѣдутъ домой. Царь Кишваръ задаетъ пиры; 40 дней пируютъ всѣ подданные. На три года народъ освобожденъ отъ всякихъ податей. Кишваръ уступаетъ тронъ Бараму. Жизнь влюбленныхъ супруговъ до самой смерти проходитъ счастливо; а когда они отдали дань природѣ, сказано въ концѣ повѣсти, память объ нихъ сохранилась въ семь разсказѣ“.

Списки прозаическаго Бараміани могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: краткій и пространнiй. Къ пространному принадлежатъ №№ 1548, 2392 и 3064, остальные — представляютъ краткую редакцію. Краткая редакція издана въ Тифлисѣ въ 1880 г. Иваномъ Калатововымъ и Павломъ Перадзе. ძველი მწერლობა. ბარამიანი. ამბავი ბარამისა და გულამდამისა სპარსულიდან გადმოთარგმნილი ბრძანებითა მეფის ვახტანგისა. გამოცემული იქანე კალატოზოვისა და პავლე ფერაძისაგან. ტფილისი 1880. Книжка издана въ высшей сте-

пени безграмотно, безъ соблюденія знаковь препинанія и пониманія рукописнаго текста. Приведенное въ концѣ стихотвореніе едва ли принадлежитъ автору Бараміани. Оно не встрѣчается ни въ одной изъ разобранныхъ рукописей и по формѣ своей не можетъ быть древнимъ. Въ предисловіи указанного изданія З. Чичинадзе говоритъ, что Бараміани переведенъ по приказанію царя Вахтанга и что Оана Мдивани переложилъ его на стихи въ Астрахани послѣ смерти Вахтанга. Это заявленіе невѣрно: Бараміани переложенъ на стихи, какъ мы видѣли, въ 1726 году, стало быть, при жизни царя Вахтанга: послѣдній умеръ въ 1737 г. Кромѣ того, не существующій и изданный прозаическій переводъ переложенъ на стихи Мдиваномъ Оаною, а другой, намъ пока неизвѣстный. Въ другомъ мѣстѣ (Грузинская литература XIII—XIV в. на груз. яз. Тифлисъ 1885, стр. 10) З. Чичинадзе говоритъ, впрочемъ безъ указанія источниковъ, что Бараміани переводился на грузинскій языкъ три раза: первый разъ XIII в., потомъ въ концѣ XVII в. и въ третій разъ въ стихахъ въ началѣ XVIII вѣка Оаною Мдиваномъ. О древнемъ переводѣ Бараміани мы не имѣемъ никакихъ указаній въ старинныхъ памятникахъ. Существующій прозаическій переводъ не можетъ быть особенно древнимъ уже по одному тому, что въ немъ упоминается огнестрѣльное оружіе и телескопъ. Имя царя Вахтанга, по нашему мнѣнію, напрасно приплетено къ прозаической редакціи. По приказанію Вахтанга Оана переложилъ на стихи другой Бараміани, прозаическій текстъ котораго, судя по смыслу послѣсловія Оаны, существовалъ уже давно. Имя инициатора появленія стихотворнаго Бараміани, нужно полагать, было перенесено и къ другому прозаическому разсказу подъ тѣмъ же названіемъ. Мы уже говорили, что стихотворный Бараміани это особое произведеніе, не похожее по своей фабулѣ на прозаическій. Въ этомъ можно убѣдиться указаніемъ содержанія стихотвор-

ной редакціи, которое вкратцѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

„У китайскаго царя Джоншера, который былъ извѣстенъ своимъ могуществомъ, богатствомъ и мудростью, была единственная дочь Гулиджана, краса и гордость вселенной. Этотъ же царь Джоншеръ воспиталъ, какъ собственного сына, отпрыска китайскаго царскаго дома, Барама, отличавшагося при вѣншней красотѣ всѣми достоинствами героя-рыцаря. Царь назначилъ своего любимца и воспитанника спасателемъ (главнокомандующимъ) китайскихъ войскъ. Однажды, когда въ началѣ лѣта царскій дворъ переѣзжалъ въ лѣтнюю резиденцію въ горахъ, вѣтеръ отбросилъ завѣсы паланкина, въ которомъ везли Гулиджану. Барамъ и Гулиджанъ увидѣли другъ друга и влюбились. При посредствѣ служанки между ними завязалась переписка, а потомъ произошло тайное свиданіе, на которомъ Барамъ и Гулиджана объяснились въ любви другъ другу и поклялись въ вѣрности. Любовь и разлука скоро такъ подѣйствовали на Барама, что онъ слегъ въ постель. Напрасны были старанія докторовъ и астрологовъ разпознать болѣзнь и помочь горю царя. Между астрологами нашелся однако мудрецъ, который угадалъ дѣйствительную причину болѣзни, но не объявилъ объ этомъ царю, а только посоветовалъ издать приказъ, чтобы всѣ состоящіе при дворѣ, не исключая и слугъ, посѣтили больного. Приказъ изданъ и исполненъ. Въ числѣ посѣтителей была и Гулиджана, при видѣ которой Барамъ какъ будто ожилъ. Астрологъ понялъ, въ чемъ было дѣло, и для вида далъ лѣкарство. Барамъ выздоровѣлъ. Обрадованный царь Джоншеръ устроилъ пиръ, на которомъ Гулиджана сидѣла напротивъ своего возлюбленнаго. Ихъ взаимная пламенная любовь стала уже замѣтна для всѣхъ. Царь былъ крайне опечаленъ этимъ обстоятельствомъ. Барама онъ считалъ своимъ сыномъ и не хотѣлъ допустить, чтобы Гулиджана сдѣлалась его же-

ною. На государственномъ совѣтѣ, которому царь довѣрилъ свое горе, было рѣшено арестовать Барама. Гулиджана подвергается тѣлесному наказанію. Предупрежденный вѣрнымъ слугою Барамъ покидаетъ предѣлы Битая. Гулиджана убивается отъ горя. Въ отвѣтъ на утѣшенія матери она сравниваетъ себя съ Нестанъ-Дареджаню, влюбленной въ Тарісля, причеиъ передаетъ все содержаніе Барсовой кожи, затѣиъ приводитъ въ примѣръ любовь Іосифа и Зулейты, Лейлы и Каиси, Виса и Рамини. Оказалась, что Гулиджана прекрасно была знакоима кормилицею съ содержаніями любовныхъ романовъ, герои которыхъ носятъ указанныя имена.

Между тѣиъ Барамъ цѣлыи годъ блуждаетъ по пустынямъ и подобно герою Барсовой кожи обращается съ патетическою рѣчью о помощи къ каждому изъ семи планетъ особо: солнцу, покровителю царей; лунѣ, покровительницѣ странниковъ; Зарѣ (Венерѣ), утѣшительницѣ немощныхъ; Отариду, покровителю ученыхъ; Марсу, покровителю воиновъ; Муштару, покровителю визирей (совѣтниковъ); Зоалу, покровителю всѣхъ работъ. Черезъ годъ Барама мы застаемъ въ роскошномъ саду Зардахчани, гдѣ онъ ведетъ длинныя бесѣды съ цвѣтами. Цвѣты хорошо принимаютъ и угощаютъ витезя Барама. Онъ слушаетъ бесѣду розы съ влюбленнымъ соловьемъ, напоминающую содержаніе Вардъ-Булбуліани. Соловей обращается потомъ съ рѣчью къ Бараму; онъ ревнуетъ къ нему розу, но Барамъ успокаиваетъ его, сообщивъ, что у него есть своя возлюбленная. Роза дѣлаетъ замѣчаніе соловью, что онъ надѣдаетъ гостю своими приставаніями. Когда роза увяла, Барамъ оставилъ садъ цвѣтовъ Зардахчани и прибылъ къ морскому берегу. Здѣсь онъ нашелъ индійскихъ купцовъ-магометанъ, которые не рѣшались ѣхать дальше изъ боязни пиратовъ, которые только что ограбили другихъ купцовъ. Барамъ ѣдетъ съ ними и истребляетъ всѣхъ пиратовъ. Седракъ, глава купцовъ, воздаетъ похвалу

герою и предлагает подарки. Барамъ отказывается отъ нихъ и ѣдетъ дальше. Въ странѣ Балхети онъ встрѣчается съ Миладомъ, военачальникомъ балхетскаго царя Наримана, вышедшимъ на охоту съ войскомъ. Миладъ подружился съ Барамомъ и затѣмъ представилъ его царю Нариману. Нариманъ пришелъ въ восторгъ отъ красоты и благородства Барамы и возлюбилъ его, какъ брата. Желая помочь горю друга, Нариманъ съ войскомъ выступаетъ и направляется въ Китай. Съ нимъ ѣдетъ, конечно, и Барамъ. На дорогѣ они встрѣтили китайскаго вельможу Барзамъ. Отъ него они узнали, что царь Джоншеръ умеръ, и Гулиджана отказалась отъ престола, пока не будетъ отысканъ ея возлюбленный Барамъ, и вотъ Барзамъ выѣхалъ, чтобы исхвать Барамъ. Барамъ открывается Барзаму и черезъ него доставляетъ вѣсти о себѣ Гулиджанѣ и китайскимъ вельможамъ. Барамъ и Наримапа китайцы принимаютъ съ необыкновенными почестями. Барамъ женится на Гулиджанѣ и дѣлается китайскимъ царемъ. Нариманъ, послѣ трогательныхъ и сентиментальныхъ прощаній, возвращается домой. Барамъ, по словамъ повѣсти, правилъ царствомъ мудростью Соломона, онъ былъ сильнѣе Джимшеда. Супруги жили и царствовали 150 лѣтъ. У нихъ было три сына (Заваръ, Зиракъ и Гармасиладъ) и четыре дочери. Послѣ столь счастливой жизни отъ старости умираетъ Гулиджана, и за ней слѣдуетъ и Барамъ. На престолъ китайскій вступаетъ ихъ старшій сынъ“.

Подражаніе безсмертной поэмѣ Руставели составляетъ отличительную черту эпохи возрожденія литературы въ Грузіи. Пѣвцу Тамары подражаютъ почти всѣ стихотворцы XVII и XVIII вѣковъ, но нигдѣ подражаніе не доходитъ до такихъ мелочей, какъ у Онаны Мдивана. Онъ подражаетъ Руставели не только въ отношеніи описанія вѣшной красоты и характеровъ героевъ, но даже въ эпизодахъ развитія фабулы. Эти сходства заставили нѣкоторыхъ признать въ Бара-

миани прототипъ Барсовой кожи, но здѣсь, очевидно, дѣло да-
лѣе подраженія не идетъ. Онана подражаетъ не только Руста-
вели, но и царю Теймуразу I, вводя эпизодъ бесѣды розы съ
соловьѣмъ. Нѣтъ сомнѣнйя, что подобныя вещи Онана внесъ
въ повѣсть не изъ прозаическаго оригинала, а отъ себя.
Стихи Онаны, большею частью, гладки, но лишены поѣтиче-
скаго огня. Тексты разныхъ списковъ стихотворнаго Бараміа-
ни не представляютъ особыхъ отличій другъ отъ друга, толь-
ко рукопись Давида-Ректора вездѣ пропускаетъ союзъ *და*
передъ четвертымъ стихомъ. Давиду-Ректору принадлежитъ
и дѣленіе текста на главы. Другой экземпляръ Бараміани,
перенесанный тѣмъ же Давидомъ-Ректоромъ въ 1788 г.,
хранится въ Парижской Національной библіотекѣ (Brosset
Nouv. Journ. asiat. t. XIV, p. 234—240). По этой рукописи
приводитъ содержаніе стихотворнаго Бараміани А. Хахановъ
(Очерки по ист. груз. словесн., вып. 3, стр. 125-127), но онъ
не даетъ содержанія прозаическаго Бараміани и ничего не
говоритъ объ его различіи отъ стихотворнаго. Сообщение А.
Хаханова, что „любовь между Гулиджанъ и Барамомъ Бир-
манскимъ составляетъ содержаніе Бараміани“, неточно. Бир-
манскимъ названъ не герой повѣсти Барамъ, а Чубинъ,
авторъ персидскаго оригинала. Слова: „писалъ перомъ, а бума-
гу и чернила сами видите, потому и почеркъ нехорошій“,
принадлежать автору Онанѣ Мдивани, а не Давиду-Ректору.
Слова: „прозаическій рассказъ слѣдуетъ читать особо“ ну-
жно замѣнить словами: „анбантъ-кеба слѣдуетъ читать осо-
бо“, ибо въ текстѣ сказано: აბბათ (вмѣсто აბბანთ) ჯებასა
ცალკე უნდა წაიკითხვიდეთ, ამაში ნუ შეგურთავთ. Въ авто-
графѣ текстъ Бараміани сопровождается стихами анбантъ-
кеба, списки же не повторяютъ этихъ стиховъ, а записъ,
что ихъ надо читать особо, сохраняютъ.

Е. Такайшвили.

ОТДѢЛЪ II.

Станица Екатериноградская.

(Терской области, Моздокскаго отдѣла).

I.

Мѣстоположеніе.

Станица Екатериноградская находится подь $43^{\circ}45'30''$ сѣверной широты и $61^{\circ}54'$ восточной долготы; надь уровнемъ Чернаго моря—на 651 футъ.

Расположена станица на лѣвомъ берегу рѣки Малги, немного выше слиянія ея съ Терекомъ.

Основаніе станицѣ положили генералъ Якоби еще при Императрицѣ Екатеринѣ II-й Великой, въ 1777 году. Онъ называлъ ее Елатерининской станицей. Въ 1781 году изъ города Астрахани въ нее была перенесена Потемкинымъ резиденція главнокомандующаго на Кавказѣ, и станица Елатерининская была переименована въ городъ Екатериноградъ. Городомъ станица называлась только до 1790 года, т. е. до того времени, когда изъ нея резиденція была перенесена въ Георгіевскъ. Такимъ образомъ станица Елатериниградская около десяти лѣтъ была главнымъ городомъ края. Въ ней находился дворецъ главнокомандующаго на Кавказѣ. Это было великолѣпное двухъэтажное зданіе, устроенное съ необыкновенною для Кавказа роскошью. Тогда станица состояла изъ трехъ частей: собственно станицы, населенной казаками; слободы, населенной иногородными (отставными солдатами); и крѣпости. Дворецъ находился въ крѣпости. Остатки дворца и теперь еще есть—это большія каменные триумфальныя ворота.

Направляется станица съ запада на востокъ. Во всю длину ее прорѣзываютъ семь главныхъ улицъ, изъ нихъ три длинныя, а другія покороче. Нѣсколько улицъ прорѣзываютъ станицу и поперекъ: однѣ во всю ширину, другія—извѣстную только часть. Станица тянется версты 2 въ длину и 1½ въ ширину. Она раздѣляется на двѣ части: большую, собственно станицу, и меньшую,—слободку. Слободка находится въ юго-западной части станицы. Часть слободки отдѣлена отъ станицы улицей, а часть ровомъ древней крѣпости.

Число дворовъ въ станицѣ болѣе 600. Устройство ихъ хотя незатѣливое, но довольно хорошее. Многіе дома покрыты жестию, черепицей, другіе камышомъ и очень немногіе—соломой. Нѣкоторые жители камышовыя и соломенные крыши усыпаютъ землею, или обмазываютъ ихъ глиной. Дома частью кирпичныя, частью же деревянныя изъ брусъевъ, плетеные изъ хвороста и рѣдко саманные. Главная и большая улица станицы называется Воронцовской. На этой улицѣ находятся лучшія зданія станицы: лавки, аптека, почтовая контора и т. п.

II.

Достопримѣчательности.

Въ достопримѣчательностямъ станицы относятся:

1). Соборъ во имя святого Евѣмїя находится почти въ центрѣ станицы. Вокругъ него простирается довольно большая площадь, около 18000 кв. сажень. Она со всѣхъ сторонъ окружена зданіями: съ сѣверной стороны находятся лавки; съ восточной—почтовая контора и домъ овященника; съ южной—станичная школа и частныя постройки; съ западной—станичныя постройки. Соборъ обнесенъ низкой камѣнной стѣной съ деревянною рѣшеткой. Въ оградѣ, усаженной деревьями, находится нѣсколько могилъ, въ одной изъ кото-

рых похонты прахъ генераль-майора Брюковскаго. Надъ его могилой воздвигнутъ большой чугунный съ вызолоченной главой и крестомъ памятникъ.

2) Памятникъ Брюковскому обнесенъ желѣзною рѣшеткою. Съ западной стороны на памятникъ мѣдными вызолоченными буквами написано слѣдующее:

«Наказному Атаману Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска Генераль-Маіору Брюковскому, убитому въ дѣлѣ съ горцами 18 Генваря 1852 года, отъ признательныхъ его друзей».

Для постройки Екатериноградскаго собора Императрицею Екатериною было отпущено 40,000 рублей. Соборъ былъ заложенъ въ 1786 году 24-го ноября, но къ постройкѣ его не приступили. Старожилы это объясняютъ такъ: 40,000 рублей, пожертвованные Екатериной, поступили въ Астраханскую доховную консисторію. Тамъ они долго лежали, и почти всѣ забыли про нихъ. При закладкѣ собора Императрица Екатерина II подарила серебряную позолоченную доску, около 5 вершковъ ширины и 7—длины, со слѣдующею на одной сторонѣ надписью:

«Во имя святыя Екатерины угодницы Божіей заложена ноября 24-го дня, въ лѣто отъ сотворенія міра 7294, отъ Рождества Христова—1786. Въ двадцать пятое лѣто благополучнаго царствованія Благочестивѣйшія Самодержавнѣйшія Великія Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны Самодержицы Всероссійскія и при наследникѣ Ея Благовѣрномъ князѣ Павлѣ Петровичѣ и при супругѣ Его Благовѣрной Государынѣ Великой княгинѣ Маріи Феодоровнѣ и при благовѣрныхъ Государяхъ Великихъ князьяхъ Александрѣ Павловичѣ и Константинѣ Павловичѣ и при благовѣрныхъ Государыняхъ Великихъ княжнахъ Александрѣ Павловнѣ и Еленѣ Павловнѣ. Основася храмъ сей въ новоучреждаемой Кавказской губерніи, въ Екатериноградѣ, посреди по-

коренныхъ горскихъ народовъ въ четвертое лѣто послѣ присоединенія Крыма, Кубани и Кавказа Всероссійскому Императорскому престолу».

Въ 1837 году въ станицу Екатериноградскую прїѣзжалъ Императоръ Николай I. Онъ удивился, когда увидѣлъ въ станицѣ вмѣсто великолѣпнаго собора небольшую деревянную церковь. Послѣ перваго же вопроса Императора: «А гдѣ же 40,000 руб., пожертвованные моею бабушкой на соборъ?» деньги разыскали. Въ 1845 году приступили къ постройкѣ собора во имя святого Евфимія (это главный алтарь), съ сѣверномъ предѣломъ во имя святой Екатерины и южнымъ — во имя св. Николая. На постройку собора Императоръ Николай I пожертвовалъ бывший дворецъ главнокомандующаго и казарменные зданія въ бывшей крѣпости. Въ 1850 году соборъ былъ оконченъ и освященъ 1-го юля.

На другой сторонѣ серебряной доски было написано:

«Предположеніе въ Божѣ почивающей Великія Государыни Императрицы Екатерины о поставленіи въ Екатериноградѣ Храма во имя св. Великомученицы Екатерины по обстоятельствамъ не приведено въ исполненіе; въ благополучное же царствованіе Императора Николая I Самодержца Всероссийскаго, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію въ память посѣщенія Его Величествомъ въ 1837 году Кавказа построенъ въ Екатериноградской станицѣ Горскаго казачьяго полка, Кавказскаго линейнаго казачьяго войска каменный Храмъ во имя преподобнаго Евфимія празднуемаго въ 15-й день октября съ предѣлами св. Великомученицы Екатерины и святителя Николая и освященъ въ лѣто отъ Сотворенія Мира 7358, отъ воплощенія же Слова Божія 1850 года юля въ 1-й день».

Соборъ имѣетъ форму креста. Стѣны его выѣлены пзвостью. Храмъ имѣетъ пять куполовъ: одинъ главный, большой, а четыре поменьше. Построенъ соборъ изъ жженнаго

жирпича. Крыша куполовъ, колокольни и паперти изъ листового желѣза. Главы на куполахъ и колокольнѣ позолочены. Колокольня находится не около самаго собора, а отдѣляется отъ него папертью. Она довольно высока, футовъ въ сто, и имѣетъ видъ четырехгранной призмы. На ней висятъ восемь колоколовъ; изъ нихъ самый большой вѣситъ сто десять пудовъ и десять фунтовъ.

Снаружи соборъ не имѣетъ никакихъ украшеній.

Входныхъ дверей въ самый соборъ три: сѣверныя, южныя и западныя, изъ притвора; на паперти также три: сѣверныя, южныя и западныя.

При входѣ въ соборъ западными дверьми, вы проходите черезъ колокольню. Здѣсь вы встрѣтите четыре небольшихъ двери: двѣ направо и двѣ налѣво. Трое дверей ведутъ въ разныя кладовыя, а четвертая лѣвая—на колокольню. Туда ведетъ большая винтовая лѣстница. Слѣдуя дальше, вы проходите паперть и притворъ. Въ послѣднемъ направо и налѣво находятся по двѣ двери, ведущія въ кладовыя съ книгами и свѣчами. Притворъ отдѣленъ отъ паперти большими, крѣпкими дверьми, а отъ храма—стеклянными. Изъ притвора вы входите въ самый храмъ. Вамъ представляется четырехугольная площадь съ выступомъ для солен и алтарныхъ частей. Посрединѣ площади возвышаются четыре пилястра, на которыхъ утверждены куполы. Полъ во храмѣ, алтаряхъ, притворѣ и на паперти изъ досокъ. Стѣны и пилястры, аршина на три отъ пола, выкрашены въ пепельный цвѣтъ, а выше—выбѣлены известью. Въ юго-западномъ углу находится ктиторскій шкафъ, гдѣ продаютъ свѣчъ, а въ сѣверо-западномъ—стоятъ два шкафа съ ризами и другими алтарными принадлежностями. Почти вездѣ на стѣнахъ и пилястрахъ висятъ иконы разной величины. Къ лѣвой западной колоннѣ прикрѣплено въ чехлѣ «знамя».

3) Знамя это дано за подвиги въ войнахъ съ кавказ-

цами казаковъ Горскаго казачьяго полка въ 1828 году. Знамя сдѣлано изъ голубой шелковой матеріи.

Между восточными колоннами находится главный алтарь, а по бокамъ—придѣльные, которыхъ насчитывается два. Средній алтарь, какъ сказано выше, построенъ во имя преподобнаго Евѳимія, южный—во имя святителя и чудотворца Николая, а сѣверный—во имя святой Великомученицы Екатерины. Главный иконостасъ сдѣланъ изъ сосноваго дерева въ четыре яруса, а придѣльные—въ одинъ. Всѣ они съ позолоченными карнизами, вырѣзанными изъ дерева, и окрашены подъ мраморъ. Передъ придѣльными алтарями стоятъ по парѣ бархатныхъ хоругвей, а передъ главнымъ—пара бархатныхъ и пара металлическихъ. Въ главномъ алтарѣ надъ горнимъ мѣстомъ находится большая икона «Снятіе со креста Спасителя».

Она имѣетъ три аршина ширины и пять—вышины. Первый разъ смотрящему издали на эту икону кажется, что изображенныя на ней лица живыя. Передъ каждымъ алтаремъ на цѣпи виситъ вызолоченная люстра; передъ главнымъ большая, а передъ придѣльными поменьше. Можно сказать, что Екатериноградскій Евѳиміевскій соборъ довольно богатъ, роскошенъ и великолѣпенъ.

На той же площади, къ югу отъ собора, гдѣ была старая церковь, находится могила генераль-майора Ушакова. Надъ нею воздвигнуть чугунный съ вызолоченной главой и крестомъ памятникъ.

4) Памятникъ Ушакову обнесень чугунною рѣшеткой и имѣетъ форму четырехгранной пирамиды. На всѣхъ сторонахъ памятника находятся надписи, написанныя мѣдными вызолоченными буквами.

Съ восточной стороны написано:

«Генераль-майоръ Иванъ Федотовичъ Ушаковъ, первый Шефъ Вологодскаго Мушкетерскаго полка. Скончался 8-го

августа 1808 года въ лагерѣ при Екатеринноградѣ, на 48 году жизни. Сынъ его Александръ; скончался въ 1807 году на 8 году жизни».

Съ южной:

«Миръ праху Вашему и сердечная молитва за упокой душъ Вашихъ».

Съ западной:

«Памятникъ сооруженъ вдовою генераль-маіоршею Марією Даниловною Ушаковою, возобновленъ въ 1854 году сыновьями Генераль-лейтенантомъ Николаемъ и полковникомъ Иваномъ Ушаковыми и дочерью по мужу Генераль-маіоршею Марією Скворцовой».

И, наконецъ, съ сѣверной стороны:

«Очаковъ, Измаилъ, Прага».

На площади, около станичной школы, на деревянномъ лафетѣ и съ деревянною осью, вдѣланною въ чугунныя колеса, стоитъ пушка.

5) Пушка эта заряжается съ дульной стороны. На ней находится слѣдующая надпись:

«Каменный заводъ, 1812 годъ: С. А. 92 п. 23 ф. № 636-й».

Въ станицѣ находится большой полузасыпанный ровъ, ограждавшій когда-то бывшую крѣпость. Пространство, окруженное ровомъ, частью заселено, часть же остается пона пустымъ. На этой пустой части находится станичная житница, въ которую каждый житель обязанъ всыпать въ опредѣленный періодъ известное количество хлѣба «про черный день». Здѣсь же находятся большія, почти заброшенныя, каменные триумфальныя ворота.

6) Ворота эти имѣютъ форму двухъ четырехугольных башенъ, соединенныхъ вверху сводами. Башни эти пусты въ серединѣ и имѣютъ по одной входной двери. Навѣрно, въ этихъ башняхъ находились часовые. Съ фасадной стороны, обращенной къ сѣверо-востоку, башни имѣютъ вверху

навѣсы, изъ которыхъ каждый поддерживается двумя толстыми, круглыми кирпичными колоннами. На воротахъ впереди, надъ сводами, прибиты три чугунныя доски: одна (средняя) большая, а другія—поменьше. На доскахъ находятся слѣдующія надписи; на средней:

«Построены въ царствованіе Императрицы Екаторины II»; на лѣвой:

«Построены попеченіемъ генералъ губернатора Потемкина»; на правой:

«Возобновлены главнокомандующимъ Кавказскимъ вивоземъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ въ 1847 году».

На западномъ концѣ станицы находится

7) «Дисциплинарный баталіонъ». На этомъ мѣстѣ прежде находился военный госпиталь. Зданія отъ того госпиталя служатъ казармами для заключенныхъ въ баталіонъ. Тамъ есть небольшая домовая церковь во имя святого благовѣрнаго князя Александра Невского.

За дисциплинарнымъ баталіономъ, саженихъ во ста отъ него, находится

8) «Царскій курганъ». Царскимъ онъ названъ потому, что когда въ старину станицу посѣщалъ кто-нибудь изъ Августѣйшаго семейства, то на этомъ курганѣ его встрѣчали. Для встрѣчъ тамъ была построена роскошная бесѣдка (теперь ея ужъ нѣтъ). Да и когда бывали военныя маневры, во время проѣзда Государя, то съ этого кургана Государь слѣдилъ за движеніемъ войскъ.

III.

Населеніе и семейная жизнь.

Число душъ въ станицѣ около три тысячъ казачьихъ (2985) и около двухсотъ иногородныхъ; число женщинъ преобладаетъ надъ числомъ мужчинъ. Казани живутъ, исключая

немногихъ, въ станицѣ, а иногородные—въ слободкѣ. Казаки, населяющіе станицу, великорусы, лишь немногіе изъ нихъ малорусы, да и тѣ теперь почти всё говорятъ по-великорусски.

Каждый казакъ имѣетъ движимое и недвижимое имущество. Первое состоитъ изъ крупнаго и мелкаго рогатаго скота, лошадей и т. д.; второе—изъ дома, огорода (часто нѣсколькихъ), рощи и поля. Иногородные же имѣютъ только движимое имущество и домъ, а огороды, рощи и поля берутъ у казачковъ въ аренду, но не долѣе, какъ на три года. Среди жителей станицы есть люди довольно зажиточные, но есть и бѣдные.

На казака возложено много обязанностей уже съ 17-ти лѣтъ, когда онъ получаетъ пай; подъ паемъ разумѣется ежегодный надѣлъ земли и лѣса для одной души на опредѣленное число лѣтъ; тотъ пай часто мѣняется, такъ что въ одномъ имѣетъ его нарѣзываютъ, а въ другомъ отбираютъ. Съ 27-лѣтняго возраста казакъ долженъ исполнять разные станичныя повинности, или, какъ говорятъ въ станицѣ, «отбывать» таковыя. Отбываніе состоитъ въ томъ, что черезъ каждыя 3—4 недѣли казакъ долженъ по одной недѣлѣ находиться при управленіи, какъ разсылный. По достиженіи 20-лѣтняго возраста казакъ долженъ пріобрѣсти строевую лошадь, и его уже начинаютъ обучать въ станицѣ военному строю. Когда ему исполнится 21 годъ, онъ отбываетъ въ области одинъ лагерный сборъ, а потомъ идетъ на дѣйствительную службу, конечно, на лошади, на 4 года въ такъ называемый «первый полкъ». По окончаніи дѣйствительной службы, казакъ зачисляется во второй полкъ, или, какъ говорятъ, выходитъ во «вторую очередь». Числясь во второмъ (запасномъ) полку, казакъ бываетъ дома и не имѣетъ права продавать ни лошади ни амуниціи. Ежегодно онъ долженъ являться съ лошадью въ лагерный сборъ, въ области. На 31-мъ году онъ зачисляется въ третій полкъ. Тогда толь-

ко онъ имѣть право продать лошадь, но амуниціи нельзя ему продавать. Въ случаѣ войны ему дадутъ казенную лошадь. Числясь въ третьемъ полку, онъ ежегодно долженъ являться въ лагерный сборъ съ амуниціей, но безъ лошади. На 34-мъ году казакъ зачисляется въ четвертый (льготный) полкъ. Въ это время онъ уже можетъ продать и амуницію. Въ лагери послѣ этого онъ не ходитъ, а несетъ только станичныя повинности. Когда казаку исполнится 39 лѣтъ, то его вычеркиваютъ изъ военныхъ списковъ, и въ случаѣ войны его уже не потребуютъ въ армию, но онъ все же отбываетъ станичныя повинности; только по истеченіи 45 лѣтъ казакъ освобождается отъ всего, хотя пай и продолжаетъ получать.

Станица представляетъ собою какъ бы маленькую республику, президентомъ которой состоитъ атаманъ станицы. Онъ выбирается сорока выборными лицами («гласными») по большинству голосовъ на три года. Съ этими лицами атаманъ раздѣляетъ свою власть и безъ нихъ ничего не можетъ сдѣлать. Объ избраніи атамана составляется приговоръ и отсылается начальнику области на утвержденіе.

Тяжебныя дѣла рѣшаетъ станичный судъ. Онъ состоитъ изъ семи выборныхъ судей и предѣдателя. Если же истецъ останется недоволенъ опредѣленіемъ станичнаго суда, то подаетъ на апелляцію въ третейскій судъ. Третейскому суду подчиняются двѣ станицы. Судъ этотъ состоитъ изъ 6, по 3 изъ станицы, почетныхъ и заслуженныхъ казаковъ. Если и этотъ судъ не удовлетворитъ истца, то онъ подаетъ въ областное правленіе.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ третейскаго суда не было, а былъ только станичный. Да и гласныхъ не было, а станичныя дѣла (выборъ атамана, помощника, судей, доверенныхъ и др.) рѣшались всеародно. Наканунѣ схода, обыкновенно подѣ праздникъ, когда должно рѣшаться какое-либо дѣло, нѣсколько отбывочныхъ ходятъ по улицамъ и кри-

чать: «Хозяега! завтра на сходку!» На сходкѣ можетъ присутствовать каждый казакъ и подавать свой голосъ. Теперь же все это не такъ: дѣла рѣшаются 40 выборными лицами, но эти послѣдніе все-таки избираются всѣми.

Семейная жизнь казаковъ не имѣетъ ничего особеннаго: у нихъ тѣ же отношенія и та же связь между членами семьи, какъ вообще у великорусовъ. Съ самаго рожденія до 7 лѣтъ дитя находится на попеченіи матери; потомъ, если это мальчикъ, онъ переходитъ къ отцу. Родители стараются внушить своимъ дѣтямъ религіозныя чувства, уваженіе и повиновеніе старшимъ, словомъ—стараятся привить имъ хорошіе взгляды и привычки и дать имъ хотя маленькое образование; это относится не только къ мальчикамъ, но и къ дѣвочкамъ. Въ свободное отъ занятій время сынъ почти всегда находится при отцѣ, а дочь—при матери. Послѣ 13—14 лѣтъ сынъ уже не ходитъ въ школу, а помогаетъ отцу по хозяйству.

Казакъ очень религіозенъ. Религіозность ихъ выражается въ частомъ и аккуратномъ посѣщеніи богослуженія. Еще ребенокъ не умѣетъ хорошо говорить, но его уже начинаютъ учить креститься и читать молитвы. Казакъ никакого дѣла не начинаетъ безъ молитвы. Религіозность казаковъ, къ сожалѣнію, связана съ суевѣріемъ. Они вѣрують въ колдуновъ, знахарей, вѣдемъ, заговоры, порчу и т. п. Лицо, на которое падаетъ подозрѣніе, что оно—колдунъ или знахарь, пользуется уваженіемъ и почти всегда приглашается на свадьбу, чтобы никто не могъ сглазить новобрачныхъ; къ вѣдьмамъ же относятся съ презрѣніемъ. Казакъ вѣрують и въ водяныхъ и домовыхъ.

Если казакъ покупаетъ домъ, то онъ хорошо убрываетъ его, ставитъ въ одной изъ комнатъ покрытый бѣлой скатертью столъ, а на него—хлѣбъ съ солью; все это онъ оставляетъ на первую ночь. Если, говоритъ казакъ, хлѣбъ

исчезнетъ, то это очень и очень хорошій признакъ, показывающій особенное расположеніе къ новымъ жильцамъ домового, для котораго ставились хлѣбъ и соль. Если у лошади бываетъ запутана грива, то казакъ думаетъ, что эта лошадь пользуется любовью домового, который заплетаетъ ей гриву и подкладываетъ кормъ, отбирая его у нелюбимой лошади.

IV.

Свадьба.

Казакъ имѣетъ наклонность къ семейной жизни. Какъ только парень перестаетъ ходить въ школу, то онъ уже помышляетъ о женитбѣ, а когда ему исполнится 18 лѣтъ, онъ уже женится. Да и родители его этому много способствуютъ: когда сынъ уйдетъ на службу, то его жена является помощницей въ домѣ. Но въ этомъ предположеніи они часто ошибаются. Сынъ, какъ только женится, старается выйти изъ подъ зависимости отца и быть самостоятельнымъ хозяиномъ; поэтому онъ уходитъ отъ отца и живетъ въ отдѣльномъ домѣ самостоятельно.

Выборъ жениха и невѣсты почти совершенно свободный: очень часто дѣвушка сама, безъ разрѣшенія родителей, выбираетъ себѣ жениха, но еще чаще женихъ пользуется правомъ свободного выбора. Впрочемъ, иногда родители сами выбираютъ невѣсту, еще въ дѣтствѣ; тогда ихъ называютъ «промолвленными».

Свадьбу казаки празднуютъ очень шумно, весело и въ продолженіе нѣсколькихъ дней пируютъ, поютъ, танцуютъ и истрачиваютъ на это довольно много денегъ. Свадьбы обыкновенно играютъ осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, и зимой.

Какъ только родители вздумаютъ женить сына, они спрашиваютъ у него мнѣнія о той или другой дѣвушкѣ. Когда вы-

боръ останоится на той или другой дѣвушкѣ, то родители жениха приглашаютъ двухъ постороннихъ лицъ, часто родственниковъ, мужчину и женщину, обыкновенно пожилыхъ или даже старыхъ, и сообщаютъ имъ о своемъ намѣреніи. Сваты отправляются къ родителямъ выбранной дѣвушки. Войдя въ домъ послѣднихъ и помолвившись Богу, свать и сваха заскоро привѣтствуютъ хозяевъ; тѣ радушно отвѣчаютъ имъ и просятъ садиться. Какъ только гости сядутъ, хозяйка спрашиваютъ ихъ, зачѣмъ они пришли. Сваха отвѣчаетъ: «Да, вотъ, не было свѣгу, не было и слѣду — выпалъ свѣгъ, показався къ вамъ и слѣдъ. Мы догадываемся, что у васъ есть продажный «товаръ». Если родители дѣвушки не желаютъ отдать дочь, то съ первыхъ же словъ отказываютъ; если же намѣрены выдать, то начинаютъ заводить посторонніе разговоры, вовсе сюда не относящіяся, и замедляютъ ходъ дѣла. Когда свать и сваха собираются уходить, то они спрашиваютъ у родителей дѣвушки окончательнаго рѣшенія. Тѣ по какой-нибудь, часто выдуманной, причинѣ откладываютъ рѣшеніе до слѣдующаго дня. Свать и сваха приходятъ на слѣдующій день и уже не съ пустыми руками, а съ закуской и выпивкой. Опять заводятъ они разговоры. Родители невесты опять откладываютъ дѣло на нѣсколько дней, чтобы за это время посоветоваться съ родственниками; иногда они ждутъ, не найдется ли женихъ получше. Такое откладываніе повторяется нѣсколько разъ. Свату и свахѣ не говорятъ о своемъ согласіи выдать дочь, но когда рѣшаются на это, то говорятъ имъ, чтобы пришли родители жениха въ назначенный день. Тѣ приходятъ съ хлѣбомъ, солью и выпивкой. Все это, конечно, спрятано незамѣтно (въ карманѣ, подъ полой и т. п.). Родители невесты радушно принимаютъ приходившихъ. Помолвившись Богу, гости садятся. Хозяйка спрашиваютъ ихъ, зачѣмъ пришли, какъ будто сами не знаютъ. Тѣ говорятъ: «Намъ, сказывали, что у васъ продажный «товаръ» есть, такъ нельзя ли съ вами

породниться?» Родители сперва какъ будто отказываются, говоря, что ихъ дочь еще молода, не справлена, т. е. что не готово еще приданое вѣщамъ, и что они вообще не въ состояніи выдать ее замужъ. Пришедшіе отрицаютъ все это и высказываютъ готовность помочь. Тогда родители невѣсты все какъ бы нерѣшительно говорятъ: «Можеть-быть, сойдемся!» Послѣ этого гости предлагаютъ хозяевамъ встать, помолиться Богу и начать дѣло. Помолвившись, всѣ садятся за столъ. Родители жениха ставятъ принесенное на столъ. Предварительно немного выпивъ и закусивъ, обѣ стороны начинаютъ заключать условія. Каждая сторона хвалитъ свой «товарь». Родители невѣсты никогда приданого не даютъ, а, наоборотъ, женихъ уплачиваетъ имъ условленную сумму денегъ, отъ 10 до 200 рублей, смотря по состоянію. Иногда, вмѣсто денегъ (или вмѣстѣ съ ними), женихъ даетъ одну или нѣсколько лошадей, быковъ, коровъ, барановъ или извѣстную мѣру пшеницы, муки, проса, а иногда отдаетъ рощу, садъ и т. п.

По заключеніи условій, родители невѣсты изъявляютъ желаніе видѣть «товарь» (жениха). Но раньше этого въ комнату приводятъ на показъ свой «товарь» (невѣсту) и, спросивъ у нея согласія, тотчасъ отпускаютъ ее, похваливая, что «товарь» очень хорошъ. Приходитъ женихъ. Ему говорятъ условія, на которыхъ согласились обѣ стороны, и спрашиваютъ у него согласія. Потомъ родители невѣсты начинаютъ надъ нимъ шутить, попивая вино и водку: поворачиваютъ его то въ ту, то въ другую сторону, бругомъ осматриваютъ и всячески стараются найти какой-нибудь порокъ или изъянъ, чтобы посмѣяться. Послѣ этого родители невѣсты назначаютъ день «сговора», т. е., когда можно свести жениха съ невѣстой.

... Сводъ этотъ совершается такъ.

Въ назначенный день, часовъ въ 5-ть вечера или раньше, у жениха собираются приглашенные родственники и товарищи; одинъ изъ послѣднихъ бываетъ шаферомъ. Пожплые и

старикн заходятъ въ комнату, а молодые въ другую, или остаются на дворѣ. Въ комнатѣ всѣ (и женихъ съ шаферомъ) садятся за столъ, предварительно немного выпиваютъ (глядятъ дорожку) и закусываютъ; потомъ встаютъ, молятся Богу и ведутъ жениха къ невѣстѣ. Всѣ идутъ въ нѣсколько рядовъ. Впередн идетъ дружка; за нимъ женихъ съ шаферомъ, взявшись руками за одинъ платочекъ, и безъ шапокъ. Во второмъ ряду идутъ товарищи жениха и поютъ пѣсню:

Случно, матушка, жить одной;

Растопишь того,

Что *) нейдетъ ко мнѣ милой,

Не проведуетъ меня.

Онъ не спроситъ про здорювице мое

И не скажетъ про несчастьяце твое.

Выйду за ворота, выйду за новья,

Стану, гляну вдоль по улицѣ въ конецъ.

Черезъ улицу черна тропа лежитъ,

По тропинушкѣ добрый молодець идетъ,

За собою коня-вороя ведетъ

За поводища шелковые,

За удилица серебряныя.

Въ третьемъ ряду идутъ молодыя бабы и, когда ребята перестаютъ пѣть, поютъ:

Изъ поля, поля чистаго,

Изъ того раздольица широкаго

Выступало войско великое ко тому двору:

Ой, батюшка мой, отпусти войско!

— У меня невѣстушка не убранная;

Шитыя ширинушки **), не катанныя,

Во новый ларець не покладенныя,

Турецкимъ замочкомъ не замкнутыя.

*) Еще того тошнѣе, что....

**) Ширинка—полотнище, колотенце; здѣсь—платокъ. (Даль, Толковый словарь).

Въ слѣдующихъ рядахъ идутъ люди пожилые; а за ними старики да старухи. Во время этого шествія одинъ стрѣляетъ изъ пистолета или револьвера у каждаго угла. Доходятъ до двора невѣсты. Ворота во дворъ бываютъ растворены. Всѣ входятъ во дворъ. Друга, женихъ, шаферъ, родственники жениха, свать и сваха входятъ въ переднюю (сѣнцы). Двери въ комнату, бываютъ затворены. Сваха подходитъ къ нимъ и начинаетъ громко и протяжно трижды читать молитву: «Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!» Изъ комнаты послѣ каждаго раза отвѣчаютъ: «Аминь!» Послѣ третьяго раза сваха говоритъ: «Хозяйка! пустите странниковъ погрѣться въ вашей теплой хатѣ!» Изъ комнаты отвѣчаютъ: «Заходите, милые, заходите—только не съ пустыми руками, а съ виномъ, водкой да съ пирогами!» и, получивъ отвѣтъ: «Все, все для вашей милости!», впускаютъ въ комнату. Тѣ, помолвившись Богу, садятся, кромѣ жениха и шафера. Товарищи жениха или заходятъ въ другую комнату, или остаются на дворѣ и поютъ пѣсни. Въ комнатѣ начинается угощеніе. Родственники невѣсты опять начинаютъ шутить надъ женихомъ: осматриваютъ его со всѣхъ сторонъ, заставляя поворачиваться то въ ту, то въ другую сторону, то надѣво, то направо, то кругомъ. Одинъ говоритъ: «У него рукъ нѣтъ!» женихъ взмахиваетъ руками; другой: «Да у него ногъ нѣтъ!» женихъ становится на скамейку, нарочно приготовленную для этого, и прыгаетъ съ нея; третій кричитъ: «Да у него языка нѣтъ!» женихъ называетъ сказавшаго по имени и отчеству и говоритъ, что у него есть языкъ, и т. д.

Когда все это кончится и всѣ натѣшатся, сваха встаетъ, обращается къ родителямъ невѣсты и говоритъ: «Теперь, сваточки, покажите свой товаръ!» — «Сейчасъ, сваточки дорогие, сейчасъ», отвѣчаютъ тѣ. Отворяются двери. Дѣвушки стоятъ въ передней и поютъ пѣсню:

Ты, утица, ты, сѣрая, выплывай;
Настасьюшка, своего дружка угадай;
Настасьюшка, угадай, который твой женишокъ?
— Что бѣленькій, румявенькій, тотъ и мой;
Иванушка, да онъ сударь вѣковой!

Въ это время молодая дѣвушка вводитъ невѣсту въ комнату и ставитъ ее рядомъ съ женихомъ по лѣвую сторону. Сваха наливаетъ двѣ рюмки: одну водкой, другую виномъ, становитъ ихъ на подносъ и передаетъ невѣстѣ. Невѣста подноситъ жениху, называя его по имени и отчеству и прося отвѣдать. Женихъ отвѣдываетъ и того и другого. Невѣста подаетъ ему платочекъ, а женихъ вручаетъ ей за это деньги. Утершись подареннымъ платкомъ, онъ цѣлуетъ невѣсту, беретъ у нея подносъ съ рюмками и, называя ее по имени и отчеству, подноситъ ей вино и водку. Та тоже выпиваетъ того и другого и цѣлуетъ жениха. Во все это время дѣвушки поютъ:

И какъ тебѣ, Натасьюшка, не стыдно
Чужого-то дѣтинушку цѣловать!
И какъ тебѣ, (отчество невѣсты), не стыдно
Чужого-то дѣтинушку обнимать!

Потомъ невѣста беретъ у жениха подносъ, устанавливаетъ его рюмками, наполняетъ ихъ виномъ и водкой и обноситъ гостей: сперва подноситъ своимъ родителямъ, потомъ родителямъ жениха, затѣмъ своей роднѣ, и наконецъ, жениховой. Каждый, взявъ рюмку, выпиваетъ содержимое и цѣлуетъ невѣсту. Когда невѣста подноситъ своему отцу, дѣвушки поютъ:

Выпей, мой батюшка,
Выпей, мой родимый,
Вина или водки—
Чего ты захочешь!

Когда же отецъ цѣлуетъ невѣсту, дѣвушки поютъ:

Не ломайся, мой батюшка,
Не ломайся надо мной,
Надъ дѣвичьей красотой.

Въ то время когда невѣста обноситъ гостей и цѣлуетъ ихъ, дѣвушки поютъ:

Пьяница, пропойница
Настасьинъ батюшка:
Пропилъ Настасьюшку
За медъ, за горѣлку,
За винную чарку,
За медову сляжку!

Обнеся всѣхъ присутствующихъ и поцѣловавшись со всѣми, невѣста передаетъ подносъ съ рюмками свахѣ, а сама становится рядомъ съ женихомъ. Гостей начинаетъ обносить сваха. Тѣ пьютъ и только покрикиваютъ: «Горько!» При каждомъ возгласѣ женихъ и невѣста цѣлуются. Въ это время дѣвушки обыгрываютъ гостей. Желающій быть обыграннымъ садится на стулъ. Дѣвушки окружаютъ его и поютъ:

По лугамъ, лугамъ зеленымъ
Стелется трава, вьется.
Иванушка Настасьюшку
Цѣлуетъ, мигуетъ,
Ружой обнимаетъ,
Самъ ей приказуетъ:
Роди ты мнѣ сына,
Какъ бѣлаго сыра;
Роди ты мнѣ дочку
Бѣлу какъ бѣлочку.

Во время пѣнія обыгрываемый цѣлуетъ дѣвушекъ и одаряетъ ихъ деньгами.

Выпивъ рюмки по три, родственники жениха и невѣсты начинаютъ «клясть руку». Это состоитъ въ слѣдующемъ.

Всѣ родственники невѣсты обертываютъ во что-нибудь

правыя руки: кто въ платокъ, кто въ фартукъ, кто въ полу, и кладутъ ихъ на хлѣбъ, заранѣе приготовленный на столъ отцомъ жениха. Потомъ кладутъ руки родственники жениха. Всѣ положенныя руки прикрываетъ своею рукою отецъ жениха. Онъ ее кладетъ сверху и говоритъ:

«Ну, сваточки дорогіе и всѣ здѣсь находящіяся, чтобы не было никакихъ отступленій отъ заключенныхъ условій безъ согласія съ обѣихъ сторонъ!», и съ нарушителями назначаетъ извѣстную сумму денегъ. Если нарушителями явится невѣстина сторона, то съ нея назначаютъ отъ 50 до 150 рублей; если же женихова—отъ 100 до 300 рублей.

Потомъ, выпивъ еще по три рюмки, всѣ встаютъ, молятся Богу и идутъ къ жениху. Женихъ съ товарищами провожаетъ ихъ, а потомъ возвращается къ невѣстѣ, гдѣ комната бываетъ наполнена ея подругами. Дѣвушки не сразу ихъ впускаютъ въ комнату. Онѣ ихъ начинаютъ обыгрывать: сперва жениха, потомъ ребятъ (его товарищей). При обыгрываніи жениха дѣвушки поютъ:

Во горенкѣ во новой

Стоитъ столикъ дубовой.

На столикѣ дубовомъ

Стоитъ вино налито:

А кто у насъ съ гостями?

Да кто у насъ съ большими?

Иванъ-сударь съ гостями,

(Отчество жениха) съ большими.

Онъ Настюшкѣ говорилъ:

—Ты, Настюшка-другъ моя,

Роди сына во меня,

А дочерю *) во себя;

Учи сына грамотѣ,

*) Народная форма вин. п. дочерю вм. дочь. Ред.

А дочерю шелкомъ шить. —
Я думала писарекъ,
А онъ тоже пахарекъ;
Я думала шелкомъ шить,
Она тоже серпомъ жаты!

Во время пѣнн женихъ цѣлуетъ всѣхъ дѣвушекъ. Потомъ подходитъ къ нему невѣста и вводитъ въ комнату. За обыгрываніе женихъ одаряетъ дѣвушекъ деньгами. Потомъ дѣвушки начинаютъ обыгрывать ребятъ по одному. Они тоже одаряютъ дѣвушекъ деньгами. Та дѣвушка, которую обыгрываемый цѣлуетъ послѣ всѣхъ, вводитъ его въ комнату. При обыгрываніи ребятъ дѣвушки играютъ не ту пѣсню, которую поютъ жениху, а другую:

У насъ во садочкѣ кудрявая мята
Да вся притоптата *), за садъ побросата,
За садъ, за калину, за бѣлу березу.
Да кто у насъ холость, да кто неженатый?
(Имя обыгрыв.) холость, (отчество обыгрыв.)—не-
женатый,

Онъ по двору ходить,
Ковня въ рукахъ водить;
Онъ на конь садится,
А конь веселится,
Онъ плеточкой машеть,
А конь подъ нимъ пляшетъ;
Къ двору подъѣзжаетъ,
Его мать встрѣчаетъ:
Здорово сыночекъ,
Ясный соколочекъ,
Сколь далече прибылъ?
Куда отъѣзжаешь?

*) Прич. прош. вр. стр. в. образовано при посредствѣ суфф. т.,
вм. приотптана. Ред.

Когда всё ребята зайдутъ въ комнату, начинаются танцы, пѣсни, игры. Это продолжается далеко за полночь. Потомъ женихъ съ шаферомъ и нѣсколькими товарищами уходитъ къ себѣ домой, чтобы оттуда проводить отца и мать невѣсты домой. Для жениха, подругъ и приглашенныхъ ребятъ невѣста приготовляетъ ужинъ. Послѣ ужина ложатся спать: женихъ съ невѣстой, а ребята съ дѣвушками (но сны эти невинны).

На другой день утромъ сваха съ загуской и выпивкой идетъ въ домъ невѣсты, чтобы опохмелить ее родителей и собравшихся родственниковъ. Выпиваютъ принесенное вино и водку. Сваха всѣхъ приглашаетъ на обѣдъ къ жениху. У жениха гости проводятъ время часовъ до 4-хъ вечера и идутъ на ужинъ къ невѣстѣ. Ужинъ продолжается часа 2—3. Здѣсь и ѣдятъ и выпиваютъ. Послѣ ужина идутъ опять къ жениху («сводить концы»), дѣлаютъ складчину, на собранныя деньги покупаютъ вина и водки и начинаютъ пировать. Складчина повторяется нѣсколько разъ. Попировавъ хорошенько, гости расходятся по домамъ. Родителей невѣсты провожаетъ женихъ.

На слѣдующій день родители жениха съ виномъ и водкой идутъ въ домъ невѣсты опохмелять ее родителей. Здѣсь и назначаютъ день свадьбы (вѣвчанія), обыкновенно черезъ 3—4 недѣли. Почти каждый вечеръ у невѣсты собираются дѣвушки и помогаютъ ей шить и вышивать. Здѣсь онѣ и работаютъ, и поютъ, и танцуютъ, конечно попеременно. Такиѣ вечера называются «посидѣлками».

Иногда у невѣсты бываютъ «вечеринки»: собираются дѣвушки, ребята, приходитъ женихъ; всѣ поютъ, танцуютъ и устраиваютъ разныя игры. На вечеринкахъ можетъ присутствовать всякій, кто желаетъ; остаются же ужинать и почевать только приглашенные женихомъ ребята и невѣстою—дѣвушки.

Накануяъ свадьбы, утромъ, дѣвушки собираются къ невѣстѣ. Здѣсь онѣ топятъ баню, готовятъ обѣдъ и пекутъ

коровай *). Коровай сажаютъ въ печь двое: мужчина и женщина (мужъ и жена), обыкновенно не старые, а молодые. Притомъ, сажаютъ его не въ одинъ пріемъ, а въ три: сперва поднесутъ къ печкѣ, потомъ поставятъ у свода и, наконецъ, въ самую печь. Послѣ каждаго пріема сажающіе цѣлуются. Это означаетъ, что мужъ и жена все должны раздѣлять между собой: и радость, и горе, и труды, и лишенія.

Когда коровайный хлѣбъ сажаютъ въ печь, въ него втыкаютъ двѣ восковыхъ свѣчи одинаковой величины; одна изъ этихъ свѣчей изображаетъ собою жениха, другая—не-вѣсту. Чья свѣча въ печи скорѣе отъ жару растаетъ и наклонится, тотъ раньше умретъ.

Когда все это окончится, дѣвушки берутъ приготовлен-ные невѣстою подарки для жениха и его родни и идутъ къ жениху, не прямо, а обойдя нѣсколько улицъ. Это назы-вается «ношеніемъ кисета» **). Во время дороги дѣвушки тан-цуютъ и поютъ пѣсню:

Какъ по садугу, садуку,
По зелену виноградику:
Ой ли, ой люли, люли, люли,
По зелену виноградику,
Закатилися два яблочка,
Два садовенькихъ медовенькихъ...
Ой ли, ой люли...

Придя къ жениху, заходятъ въ комнату, гдѣ для нихъ уже приготовлено угощеніе. Послѣ запуски дѣвушки раздаютъ принесенные подарки, кому что назначено невѣстою:

*) Коровай—это обыкновенный хлѣбъ, украшенный разными изоб-раженіями и розетками изъ тѣста. Въ этотъ хлѣбъ сверху втыкается вѣтвистая верхушка дерева, обгѣпленная тѣстомъ, конечно, испечен-нымъ, и обвѣшанная конфетами, яблоками, пряниками и т. п.

**) Кисеть—вышитый мѣшочекъ изъ шелка или какой-нибудь дру-гой матеріи, въ которомъ курачіе носятъ табакъ.

жениху и его родственникамъ мужскаго пола—кисеты, женскаго—платки.

Все это бываетъ хорошо вышито. Дѣвушекъ женихъ одаряетъ мыломъ. Часть угощенія, бутылку вина и кусокъ мыла онъ посылаетъ невѣстѣ. Потомъ дѣвушки съ пѣснями и танцами возвращаются къ невѣстѣ, передаютъ ей присланное женихомъ и черезъ нѣсколько времени идутъ вмѣстѣ съ нею въ баню. Вымывшись въ банѣ, дѣвушки берутъ невѣсту подъ руки, ведутъ въ комнату и начинаютъ расчесывать ей косу.

Во время расчесыванія онѣ поютъ протяжную и грустную пѣсню:

Не труба-то трубила
По ранней зарѣ,
Настасьюшка плакала
По русой косѣ:
Не свѣтлая косынька,
Коса моя русая;
Не свѣтлая ленточка,
Лента моя алая.
Вечеръ мою косыньку
Дѣвушки плели,
И самп играли;
По утру ранехонько
Матушка плела,
Плела косу русую,—
Сама плакала.

Въ это время невѣста годосить, произнося:

Прошли мои денечки
Частые, учитанные.
Почти мою головушку
Бѣлый свѣгъ поврылъ;
Почти мою русу косу

Лють морозъ побилъ,
А алюю мою ленту
Молніей сожгло:
Сестра моя милая,
Сестра дорогая,
Доноси ты ленточку,
Доноси ты алюю,
Доноси ее до ниточки.
Поживи, моя сестрица,
У родного батюшки,
Поживи, родная,
Да ты покохайся *);
А я жила—отжила,
Жила—откохалася.
Поди, моя воля,
Во чистое поле,
Изъ чистаго поля
Въ темные лѣса.
Гуляй, моя воля,
Гуляй не загуливайся
И меня въ чужихъ людяхъ
Ты чаще провѣдывай;
Въ чужихъ людяхъ
Стоить воля по конецъ стола:
Коль умолишь да упросишь,—
На улицу выйдешь;
Не умолишь, не упросишь,
Такъ и дома просидишь.

Послѣ расчесыванія мать заплетаєтъ косу и плачетъ.
Въ этотъ же день вечеромъ родители и родственники же-
ниха идутъ къ невѣстѣ, гдѣ уже бываетъ вся ея родня, и

*) Покохаться—магорусс. выраженіе=влюбиться.

несутъ съ собой выговоренныя деньги и вещи. Послѣ нѣкотораго угощенія они возвращаются. Женихъ ихъ провожаетъ. Потомъ онъ съ товарищами идетъ къ невѣстѣ. Здѣсь начинаются танцы. Этотъ вечеръ называется «дѣвичникомъ». На дѣвичникѣ бываетъ все то, что и на вечерникахъ, но женихъ послѣ ужина уходитъ домой, а не остается ночевать. Дѣвушки съ невѣстой провожаютъ его и поютъ пѣсню:

А кто у насъ во садикѣ бывалъ?

И кто у насъ красныхъ дѣвокъ цѣловалъ?

И ой люли, и ой люли цѣловалъ.

Иванъ-сударь во садикѣ бывалъ;

И ой люли...

И онъ у насъ красныхъ дѣвокъ цѣловалъ;

И ой люли...

Цѣловалъ, миловалъ, взялъ за ручку да повелъ;

И ой люли, и ой люли взялъ за ручку да повелъ.

Въ это время женихъ цѣлуетъ невѣсту и дѣвушекъ. Проводивъ жениха, дѣвушки возвращаются къ невѣстѣ и проводятъ у нея все время до утра.

На другой день къ жениху собираются его родственники и товарищи, а у невѣсты ея родня и подруги.

Всѣ находящіеся у жениха родственники закусываютъ, выпиваютъ, а ребята на дворѣ поютъ пѣсни. Потомъ и они заходятъ въ комнату. Всѣ разсаживаются, потомъ встаютъ и молятся Богу. Отецъ благословляетъ жениха. Тотъ съ шаферомъ выходитъ на дворъ; за ними выходятъ ребята, потомъ остальные. Всѣ идутъ къ невѣстѣ. Это шествіе называется собою то, которое совершается въ то время, когда ведутъ жениха на сговоръ; разница только въ томъ, что поются не тѣ пѣсни. Ребята поютъ:

Распосѣю я млада, младенька

Цвѣтиковъ аленькихъ.

Я на цвѣткизираю,

Сердцемъ обмираю.
Обмирай, мое сердечко,
По миломъ дружечкѣ.
— Слышу, вижу,
Я самъ догадался,
Что любишь другого.
Люби, люби, моя черноброва,
Люби кого хочешь;
Я тобою, другъ, доволенъ,
Гулять съ тобой полно,
Полно, полно, не хочу,
Съ кѣмъ гуляю не скажу.
У младой дѣвицы,
Въ новой свѣтлицѣ
Пташки распѣвали;
Онѣ цѣли, распѣвали
Разными голосами.
Одна пташка-канарейка
Голосомъ тоненька.
Спину ея голосочекъ
На бѣлый листочекъ;
Отоплю я тотъ листочекъ
Въ Питеръ-городочекъ.

А молодыя женщины поютъ:

Ой отъ лѣсу да до лѣсу,
Рано, рано!
Ой отъ лѣсу да до лѣсу,
Душа моя!
Бѣгутъ кони вороные, рано... душа...
Одинъ конекъ напередъ,
Онъ спѣшитъ, сѣшитъ къ Настюшкѣ, рано...душа...
Ты, Настюша моя, чего зажурилась?
— Не сама я зажурилась, рано... душа...

Зажурили меня сваточки,
Рано, рано!
Зажурили меня ихъ дочки,
Душа моя!

Приходить къ невѣсть. Всѣ ея родственники бываютъ въ комнатѣ, исключая немногихъ, которые стоятъ во дворѣ у затворенныхъ воротъ и ожидаютъ шествіе. Пришедшихъ не впускаютъ во дворъ до тѣхъ поръ, пока они не поднесутъ стоящимъ у воротъ по двѣ-три рюмки. Заходятъ во дворъ. Дѣвушки въ комнатѣ поютъ:

Нежданные гости,
Зачѣмъ пріѣхали?
Кабы мы васъ ждали,
Ковры разостлали!

Всѣ пришедшіе нѣкоторое время стоятъ на дворѣ. Здѣсь молодыя женщины поютъ:

Ахъ вы, сѣни, мои сѣни,
Сѣни новыя мои!
Выходила молода
За новыя ворота,
За новыя кленовыя,
За рѣшетчатыя;
Выпускала сокола
Изъ праваго рукава:
Ты лети, лети, соколъ,
Высоко и далеко—
Не высоко, не далеко,
На родиму сторону,
На родимой на сторонѣ
Родной батюшка живеть.

Потомъ заходятъ въ переднюю. Здѣсь стоятъ два-три человѣка изъ невѣстиной родни. Имъ подносятъ вина или водки. Тогда они впускаютъ друга, жениха съ шаферомъ

и родственниками въ комнату. Тамъ всё родственники нѣвѣсты сидятъ за столомъ. Невѣста, благословленная раньше родителями, сидитъ въ переднемъ углу. Около нея сидятъ ея братья и сестры подростки: первые по правую сторону, а вторые—по лѣвую, и держатъ въ рукахъ: кто рубель, *) кто скалку, а кто палку.

Начинается выкупъ мѣстъ.

Первой выкупаютъ сваха. Она налиываетъ два стакана виномъ и подноситъ одинъ сестрѣ невѣсты, а другой беретъ себѣ. Потомъ онѣ мѣняются стаканами, выпиваютъ содержимое и цѣлуются. Сваха одѣляетъ сестеръ невѣсты деньгами и садится около нихъ. Потомъ выкупаютъ мѣста (себѣ и жениху) дружка. Онъ начинаетъ торговаться съ братьями невѣсты. Тѣ нескоро ему уступаютъ. Дружка грозитъ имъ плетью, а они рублемъ, скалкой, палкой. Наконецъ сходятся. Дружка даетъ имъ денегъ. Они пропускаютъ жениха къ невѣстѣ, а дружку сажаютъ около себя. Послѣ этого всё садятся за столъ. Братья и сестры невѣсты выходятъ. Дѣвушки въ это время поютъ:

Погнулись сѣвн,
 Какъ бояре сѣли;
 Не такъ онѣ погнутся,
 Какъ меду напьются,
 Какъ меду напьются,
 Хмелю наберутся.

По окончаніи пѣсни дѣвушки начинаютъ обыгрывать сперва жениха съ невѣстой, а потомъ женпхову родню; за первыхъ расплачивается дружка, а остальные—каждый за себя. Потомъ дѣвушки выходятъ на дворъ и поютъ пѣсню:

Силенокъ **), меленокъ ***)

*) Валокъ для катки бѣлья (Даль, Толк. сл. живого великор. яз.).

***) Сильный.

***) Мелкій.

На улицѣ дождикъ
Ведромъ поливаетъ;
А братецъ сестрицу
По головкѣ гладить:
Расти ты, сестрица,
Расти, дорогая,
Вырастешь большая;
Отдамъ тебя замужъ
Въ пную деревню,
Въ согласную семью;
Куда ни поѣду,
Къ сестрицѣ заѣду:
Здорова, сестрица,
Здравствуй, дорогая!
— Спала, ночевала,
Весело вставала;
Я сама здорова;
Головка болѣла;
Шелковая плетка
На гвоздѣ висѣла,
Вею ночь просвистѣла;
Мое тѣло бѣло
Вею ночь проболѣло.

Въ комнатѣ начинается обѣдъ. Ложки жениха и невесты лежатъ противъ нихъ связанныя и ручками въ разныя стороны; поэтому женихъ и невеста не обѣдаютъ, а только сидятъ за столомъ. Послѣ обѣда всѣ встаютъ, молятся Богу и благодарятъ хозяевъ. Невѣста прощается съ родителями. Потомъ всѣ, кромѣ родителей невесты, идутъ въ церковь. Дорогой ребята уже не поютъ, а только дѣвушки:

Свѣтъ, ваша гоголушка, *)

Бѣла лебедушка,

*) Гоголушка.

Съ нами пила, Ёла,—
Отъ насъ отлетѣла.

Когда молодыхъ уведутъ въ церковь, къ родителямъ невѣсты пріѣзжаютъ двѣ-три молодыя женщины отъ жениха за постелью. Онѣ выкупаютъ ее водкой или виномъ и, когда ѣдутъ съ постелью въ домъ жениха, поютъ пѣсню:

Перины, подушки
Несите, подружки,
Мягкія пуховыя,
Изголовья высокія;
Кому на нихъ спать?
И кому ихъ стлать?
Иванушкѣ спать,
А Настюшкѣ стлать.

Дѣвушки, не дойдя до церкви, возвращаются къ невѣстичной матери и дорогой поютъ:

Оглянися, мати,
Что у тебя въ хатѣ:
Чашки, ложки подъ лавкой
Заросли муравкой.

Пообѣдавъ въ домѣ невѣсты, дѣвушки расходятся по домамъ.

Когда молодыхъ ведутъ отъ вѣнца, то молодыя женщины поютъ:

Темная осенняя ноченька;
Зажурилась Иванова матушка:
Что долго, что не скоро его нѣтъ?
Али его красны дѣвки любили?
Али его во высокъ теремъ водили?
Али его за дубовый столъ сажали,
Сытицею *) поили, калачами кормили?
Али его красной дѣвкой дарили?

*) Сыта—сыченая медомъ вода, медовый вваръ (Даль, Толк. слов.).

Какъ только новобрачныхъ подводятъ ко двору жениха, тамъ начинаютъ пѣть ту пѣсню, которую поютъ при обыгрываніи жениха.

Молодыхъ вводятъ во дворъ. Здѣсь у дверей передней стоятъ отецъ и мать жениха. Они держатъ въ рукахъ хлѣбъ и соль. Молодые подходятъ къ нимъ. Родители благословляютъ ихъ. Новобрачные цѣлуютъ хлѣбъ и подъ нимъ проходятъ въ переднюю. Въ то время когда головы молодыхъ находятся подъ хлѣбомъ, ихъ посыпаютъ хмелемъ, деньгами, орѣхами, конфетами. Затѣмъ молодые входятъ въ комнату. Мальчики на дворѣ гурьбой бросаются собирать деньги, конфеты, орѣхи.

Интересно видѣть эту картину: одинъ другого толкаетъ; одинъ на другого падаетъ; всѣ кричатъ, шумятъ; иной плачетъ. Нерѣдко дѣло доходитъ и до драки. Если на дворѣ сухо или снѣгъ, то еще ничего; а если грязь—всѣ вымажутся, вывалятся; другой и не радъ деньгамъ, тамъ кинъ за это дома его побьютъ.

Въ комнатѣ начинаютъ раздаваться: „Горько!“ „Сладко!“ сперва рѣдко, а потомъ все чаще и чаще. Молодые не успѣваютъ цѣловаться. Черезъ нѣкоторое время сваха ведетъ ихъ спать, а остальные пируютъ.

Новобрачныхъ рѣдко кладутъ спать въ жиломъ покоѣ, чаще—въ пустомъ и нетопленномъ, какъ бы холодно въ немъ ни было. Черезъ часъ къ новобрачнымъ входятъ сваха *).

Потомъ въ комнату застѣвчиво входятъ молодые... Начинается ужинъ. Молодые садятся въ передній уголъ около отца и матери жениха. Ложки ихъ опять бываютъ связаны въ знакъ того, что они сами связаны узами брака.

Послѣ ужина дружка начинаетъ раздавать коровай. Онъ беретъ ножикъ, отрѣзываетъ по куску и раздаетъ: сперва

*) Здѣсь слѣдуетъ описаніе известной и по другимъ источникамъ проверки свадебными гостями *testimonii castitatis*. Ред.

родителямъ жениха, потомъ—невѣсты, затѣмъ родственникамъ жениха и, наконецъ, родственникамъ невѣсты. Во время раздачи всё окружаютъ дружку, и каждый старается получить лучший кусочекъ. Дружка шутить надъ ними: какъ будто подносить одному, а даетъ другому. Всё присутствующіе поютъ пѣсню:

Коровой дружка кроить,
Серебряный ножикъ точить,
Въ золотой тарелочкѣ носить:
Дружечка, любочка,
Дай ты мнѣ
Хоть единую коровайную шишечку!

Получившій коровой подходитъ къ новобрачнымъ и даритъ имъ что-нибудь: кто корову, кто лошадь, кто барана, кто свинью, кто какой-нибудь матеріи, кто денегъ и т. п. Изъ животныхъ дарятъ обыкновенно женскаго пола, для завода. Выпивъ еще по „единой“, всё расходится по домамъ. Молодые идутъ въ покои, только не въ тѣ, въ которыхъ были раньше, а въ теплую комнату.

На другой день, рано утромъ дружка влѣзаетъ на домъ жениха, ставитъ около трубы табуретку, а на нее—бутылку водки и закуску. Около табуретки ставитъ стулъ. Здѣсь же онъ ставитъ длинный шестъ, на верхнемъ концѣ котораго привязанъ красный платокъ. Въ этотъ платокъ онъ начинаетъ стрѣлять, попивая и закусывая.

Какъ только выпивка изсякнетъ, онъ слѣзаетъ съ крыши и идетъ приглашать родителей невѣсты. Начинается гулябище, которое продолжается иногда цѣлую недѣлю.

Празднованіе свадьбы заканчивается „тушеніемъ огня“.

Въ послѣдній день свадьбы гости собираются къ невѣстѣ. Здѣсь они выпиваютъ; потомъ раскладываютъ изъ соломы костеръ и начинаютъ черезъ него прыгать до тѣхъ поръ, пока

сторить вся содома. Послѣ этого всѣ идутъ къ жениху и дѣлаютъ то же. Этимъ и заканчивается празднованіе свадьбы.

Какъ видно, въ продолженіе свадьбы въ домѣ жениха и невесты водки и вина употребляется больше, нежели воды.

Не менѣе этого „снадобья“ употребляется на заговѣнье подѣ посты, особенно на послѣдній день масляницы, и въ три дня святой „Троицы“.

Первый изъ послѣднихъ трехъ дней посвящается „развиванію вѣнковъ“, второй—„развиванію“, третій—тому и другому. Въ эти дни не только большіе, но и мальчишки и дѣвочки собираются по нѣсколькѣ человѣкъ, складываются по двѣ-три копѣйки, покупаютъ браги, вина или лимонаду и пьютъ, нерѣдко напиваясь допьяна. Эти три дня въ году въ станицѣ проводятъ самымъ безтолковымъ образомъ.

У.

Занятія жителей.

Жители станицы занимаются главнымъ образомъ хлѣбопашествомъ и огородничествомъ, потомъ скотоводствомъ, садоводствомъ, торговлей и извозомъ. Изъ хлѣбовъ воздѣлываютъ пшеницу, ячмень, рожь, овесъ и, большею частію, просо; изъ техническихъ растений—ленъ, но не для волокна, а для сѣмянъ. Ленъ и просо сѣютъ для продажи, а пшеницу, ячмень, овесъ и рожь только для собственнаго употребленія, конечно, не безъ исключеній. Пшеницы и ржи по случаю плохихъ урожаевъ сѣютъ очень мало, такъ что и на пользу года не хватаетъ. На остальное время они или покупаютъ хлѣбъ въ Ставропольской губерніи или обмѣниваютъ его на огородные продукты или на лѣсъ.

На огородахъ воздѣлываютъ главнымъ образомъ капусту, помидоры, картофель и огурцы; воздѣлываютъ и другія ово-

щи, но въ меньшемъ количествѣ. Капусты и огурцовъ иные сѣютъ до двухъ и болѣе десятинъ; много сѣютъ и картофеля и помидоръ. Лѣтомъ все это въ станицѣ бываетъ очень дешево; напримѣръ, большое ведро помидоръ иногда можно купить за двѣ копейки; сотню капустъ за 80—90 копеекъ; тысячу огурцовъ за 50—50 копеекъ; мѣру картофеля за 15—20 копеекъ.

Главными пунктами сбыта огородныхъ овощей служатъ слѣдующія мѣста: станица Прохладная, городъ Моздокъ, села Ставропольской губерніи и отчасти своя станица, гдѣ покупаютъ для дисциплинарнаго баталіона и для пѣхоты.

Раньше, года три тому назадъ, огородничествомъ занимались еще охотнѣе; но теперъ, въ эти три послѣдніе года, рѣка Малка стала сильно разливаться и затоплять большую часть земли, годной для огородовъ, такъ что воздѣлывать ее становится дѣломъ невозможнымъ; къ тому же вода сильно обмываетъ берега, такъ какъ земля подъ огородами хорошо воздѣлана—рыхлая.

Благодаря частымъ дождямъ, лѣтомъ вся степь бываетъ покрыта цвѣтами, что много способствуетъ успѣшному разведенію пчель, чѣмъ занимаются многіе жители станицы.

С. М. Урусовъ.

Г. Нуха,
Елисавет. губ.

Хуторская жизнь въ Терской области.

I

Иратная исторія хуторовъ. Пionеры хуторской жизни въ Терской области.

Какъ пзвѣстно, теперешніе Терскіе казаки поселились на р. Терекѣ не особенно давно—приблизительно со второй половины восемнадцатаго столѣтія, въ царствованіе Екатерины Великой. Однако нужно здѣсь замѣтить, что еще раньше, не говоря уже о казачьей вольницѣ во времена болѣе отдаленныя, въ царствованіе Петра Великаго, по нижнему теченію Терека было образовано нѣсколько казачьихъ поселковъ (станницъ), которыя охраняли наши южныя предѣлы отъ разбойничьихъ набѣговъ горцевъ Дагестана. Образование этихъ поселковъ нужно отнести ко времени Персидской войны при Петрѣ Великомъ, когда одновременно съ этой войной дѣлались попытки со стороны Русскаго правительства подчинить своей власти непокорныхъ сыновъ Дагестана и обезпечить, такимъ образомъ, жителей далекой окраины отъ ихъ постоянныхъ разбоевъ. Попытки эти, какъ извѣстно, не увѣнчались успѣхомъ; тѣмъ не менѣе Россія уже съ того отдаленнаго времени замѣтно стала подчинять своему вліянію племена Дагестана; опорой этому вліянію служилъ вновь заложенный тогда городъ Петровскъ-Дагестанскій. Впослѣдствіи изъ упомянутыхъ выше казачьихъ поселковъ былъ образованъ Гребенской полкъ Терскаго Казачьяго войска, существующій и до настоящаго времени. Всѣ же остальные

казаки Терской области получили такое же наименованіе только со времени Екатерины Великой, когда нѣсколько семействъ ихъ были выселены съ Дона и Волги для кордонной службы на пограничномъ Терекѣ.

Всѣмъ памятна наша долготѣнная борьба съ полудикими племенами Кавказа, которыя, благодаря естественнымъ условіямъ страны, долго имѣли возможность отстаивать свою независимость.

Много пришлось Россіи потратить денежныхъ средствъ, а еще больше принести человѣческихъ жертвъ, чтобы смирить непокорныхъ и привести край въ такое состояніе, въ которомъ видимъ его въ настоящее время.

Но ни въ комъ эта борьба не могла оставить такой неизгладимой памяти, какъ въ кавказскомъ казачествѣ вообще и въ частности въ казакахъ Терской области. Не преувеличивая, можно сказать, что этимъ послѣднимъ выпала на долю чуть ли не самая трудная задача во всей Кавказской войнѣ—задача, которую только и могли выполнить закаленные въ боихъ терцы. Въ самомъ дѣлѣ, имъ приходилось выдерживать постоянные натиски самыхъ злѣйшихъ враговъ русской державы: чеченцевъ, ингушей, лезгинъ и др. во главѣ съ ихъ предводителемъ Шамилемъ.

Многочисленные шайки горцевъ то и дѣло прорывались черезъ кордонъ за Терекъ, производили страшныя опустошенія и держали казаковъ, такимъ образомъ, въ постоянномъ страхѣ. Не проходило и одного дня безъ тревоги; поэтому у каждаго казака постоянно стояла осѣдланная лошадь, и онъ самъ готовъ былъ въ каждую минуту, съ первымъ ударомъ набата, пуститься въ преслѣдованіе врага.

До настоящаго времени свѣжо въ памяти казаковъ, среди которыхъ и теперь еще можно много встрѣтить очевидцевъ и участниковъ геройской борьбы съ горцами, какъ эти послѣдніе большими полчищами облевали станицы и дер-

жали жителей въ осадномъ положеніи; рыскали по полямъ, гдѣ производилась уборка хлѣба, и захватывали безоружныхъ и беззащитныхъ женщинъ съ дѣтьми, а иногда вмѣстѣ съ мужьями въ плѣвъ или безпощадно ихъ истребляли; среди бѣлаго дня угоняли цѣлыя табуны скота; безпощадно выжигали созрѣвшій на поляхъ хлѣбъ, а если и не выжигали, то все же онъ часто оставался на поляхъ безъ обработки, потому что не было никакой возможности выѣхать изъ станицы, не рискуя жизнью. Если иногда смѣльчаки и отваживались выѣзжать въ поле на работу, то къ вечеру всѣ они собирались обыкновенно вмѣстѣ на какомъ-нибудь возвышенномъ мѣстѣ, устраивали изъ телѣгъ родъ укрѣпленія, вокругъ котораго цѣлую ночь стояла цѣпь часовыхъ; это повторялось изъ дня въ день.

Въ это тревожное время положеніе хуторянъ сдѣлалось невыносимымъ. Связаніе ихъ съ станицами было совершенно прервано—по всѣмъ дорогамъ рыскали хищники и среди дня нападали на пробѣжныхъ и захватывали ихъ въ неволю.

Оторванные совершенно отъ остальнаго міра, хуторяне постоянно подвергались нападенію неистовыхъ чеченцевъ, которые безнаказанно оскорбляли женщинъ и уводили ихъ въ плѣвъ. Особенно неистовствовала по хуторамъ шайка чеченцевъ подъ предводительствомъ казака станицы Наурской, Якова Алпатова, который по своей жестокости соперничалъ съ самими чеченцами; перейдя на ихъ сторону, онъ принялъ жагметанство и сталъ жестоко преслѣдовать своихъ соплеменниковъ—казаковъ, пока, наконецъ, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, не былъ пойманъ и разстрѣлянъ. Имя Алпатова до настоящаго времени пользуется большою популярностью среди казаковъ; до настоящаго времени одинъ курганъ близъ станицы Наурской, гдѣ былъ разстрѣлянъ Алпатовъ, носить его имя.

Въ такой постоянной тревогѣ жили казаки съ первыхъ дней своего водворенія на Терекъ до окончательнаго поко-

ренія Кавказа. Появленіе ихъ на Терекъ для горцевъ было по меньшей мѣрѣ непріятно: свободные въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ до того времени, они должны были до нѣкоторой степени сократить свой воинственный пылъ и ограничить свои хищническія „прогулки“ за Терекъ. Трудность кордонной службы казаковъ удваивалась еще тѣмъ, что вновь zaloженные казачьи станицы находились другъ отъ друга на большомъ разстояніи, что, конечно, представляло большія затрудненія для правильнаго надзора за „линіей“. Съ теченіемъ времени, когда казаки постепенно свыклись съ новыми для нихъ условіями жизни и утвердились на новыхъ земляхъ, горцы перестали быть для нихъ такимъ опасными, какъ раньше, перестали такъ часто тревожить ихъ своими набѣгами, что дало казакамъ возможность удѣлать часть времени на мирныя занятія, о которыхъ и рѣчи быть не могло при прежнихъ условіяхъ жизни. Чѣмъ же инымъ можно было заняться казакамъ, какъ не земледѣліемъ и скотоводствомъ? Во-первыхъ, необозримыя степи, которыя тянутся по всему лѣвому берегу Терека, представляютъ прекрасныя условія для этой цѣли; во-вторыхъ, русскій чело-вѣкъ ужъ по природѣ своей земледѣлецъ. Отсюда ясно, почему казаки выбрали для своего занятія земледѣліе и скотоводство, а не какую-либо другую отрасль сельскаго хозяйства. Когда земледѣліе и скотоводство находились у казаковъ въ зачаткѣ, они довольствовались землями около станицъ; населеніе первоначально было довольно рѣдкое: для всѣхъ былъ полный просторъ; но по мѣрѣ увеличенія населенія и развитія сельскаго хозяйства жизнь въ станицѣ показала стѣснительною, стала ощущаться потребность въ большемъ просторѣ, и вотъ отсюда появилась необходимость въ хуторахъ, гдѣ больше свободы и гдѣ въ большихъ размѣрахъ можно заниматься земледѣліемъ и скотоводствомъ.

Съ тѣхъ поръ крупныя хозяйства, главнымъ образомъ

скотовладѣльцы, стали уходить со своими стадами на сѣверъ отъ Терека, вглубь степей и устраивать тамъ такъ называемые „кутаны“, которые и дали начало хуторамъ, существующимъ теперь въ степяхъ Терской области. Селились они въ одиночку, подалеже другъ отъ друга, чтобы не стѣснять себя и представить побольше простора для своего скота. Вслѣдъ за этими крупными скотовладѣльцами стали переселяться изъ станицъ и другіе болѣе бѣдные казаки, съ цѣлью поскорѣе „разбогатѣть“. Съ того времени, благодаря убѣжденію среди казаковъ, что только тамъ и можно „разбогатѣть“, число хуторовъ стало быстро возрастать.

Въ настоящее время стремленіе къ хуторской жизни среди казаковъ, повидному, еще болѣе возросло, и неудивительно поэтому, что хуторъ, имѣвшій десять лѣтъ назадъ три-четыре двора, возросъ теперь до двадцати-тридцати дворовъ.

Всѣ хутора носятъ обыкновенно имена ихъ основателей.

II.

Дорога отъ Терека до хуторовъ. Мѣстоположеніе хуторовъ. Хуторскія постройки.

Чтобы добраться до хуторовъ, нужно проѣхать верстъ пятнадцать проселочной дорогой, которая въ дождливое время года становится совершенно невозможной для проѣзда, особенно когда подъѣзжаешь къ Тереку; въ лѣтнее же время, во время засухъ, столбомъ подымается пыль и застилаетъ все вокругъ дороги.

Съ первыхъ же шаговъ передъ вами открывается широкая однообразная степь. Нѣтъ нигдѣ ни деревца, ни даже кустика, на чемъ бы могъ остановиться утомленный однообразіемъ глазъ. Только изрѣдка, нарушая томительное однообразіе степи, встаетъ предъ вашимъ взоромъ какой-нибудь курганъ и однимъ ужъ своимъ видомъ свидѣтельствуетъ,

что онъ не есть явленіе естественное, а созданіе рукъ чело-
вѣческихъ, и вы невольно мысленно переноситесь въ тѣ
давно прошедшія времена, когда всѣ эти степи были заняты
дикими скинскими племенами, которыя и создали эти гран-
діозныя сооруженія надъ могилами своихъ собратій и вождей;
доказательствомъ чему служатъ, между прочимъ, найденныя
при раскопкахъ нѣкоторыхъ изъ этихъ кургановъ древности,
которыя, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, могли принад-
лежать только скивамъ. Оставили по себѣ здѣсь слѣдъ и
полчища Чингисъ-хана: до настоящаго времени въ пескахъ
часто попадаются острые треугольные наконечники отъ стрѣлъ,
которыя можно принять за необходимую принадлежность
оружія монголовъ.

Верстахъ въ двухъ-трехъ отъ Терека, по дорогѣ на
хутора, встрѣчается полузасыпанная канава— „Неволька“,
черезъ которую переброшены деревянные мостики; но въ нѣ-
которыхъ мѣстахъ „Неволька“ засыпана землею настолько,
что черезъ нее можно переѣзжать и безъ всякихъ мостиковъ.
Канавы эта тянется верстъ на сто, отъ станицы Прохладной,
гдѣ она питается водою изъ р. Малки, до станицы Микен-
ской, гдѣ она обратно впадаетъ въ Терекъ. Прорыта „Не-
волька“ по проекту князя Эристова, бывшаго командира
Горско-Моздокскаго казачьяго полка, а потому иначе еще
называется канавой князя Эристова. Цѣль ея прорытія была—
орошеніе безводной степи и, главнымъ образомъ, снабже-
ніе водою близъ лежащихъ хуторовъ. Къ сожалѣнію,
въ настоящее время канава не вполне оправдываетъ свое
назначеніе: благодаря неисправному содержанію, какъ уже я
замѣтилъ, она наполовину засыпана землею, и вотъ уже
прошло съ тѣхъ поръ лѣтъ пятнадцать, какъ нижнія станицы
и въ глаза не видали воды. Въ верхнемъ своемъ теченіи,
правда, Неволька содержится исправно; ее каждый годъ про-
чищаютъ и она снабжаетъ водою въ большомъ количествѣ

расположенные по ней осветныя хутора, благодаря чему осветныя развели по ей берегамъ роскошныя сады и огороды. Для нижнихъ станицъ Неволька не могла, конечно, служить, источникомъ орошенія полей, потому что этому будутъ мѣшать неровности почвы, но для скота она приносила и могла бы приносить и теперь громадную пользу.

За Неволькой видъ мѣстности остается такимъ же однообразнымъ, хотя здѣсь уже по бокамъ дороги начинаютъ разстилаться нивы, засѣяныя всевозможными яровыми и озимыми хлѣбами; пустынная степь имѣетъ болѣе привѣтливый видъ; изъ высокой зелени аяковъ то и дѣло выбѣгаютъ на дорогу землеройки, хомяки и суслики, изрѣдка нарушая тишину воздуха своимъ свистомъ; коршуны всевозможныхъ видовъ, повиснувъ въ воздухѣ, высматриваютъ зазѣвавшася грызуна; по бокамъ все чаще и чаще встрѣчаются гумна, скирды сѣна и старой соломы.

Послѣ двухчасовой томительной ѣзды по степи подъѣзжаешь къ такъ называемымъ „бурунамъ“.

Передъ вами сразу измѣняется характеръ мѣстности: ровныя до этого времени окрестности, покрытыя если не роскошнымъ, то, по крайней мѣрѣ, посредственнымъ травянистымъ покровомъ, смѣняются неправильными, изрѣзывающими степь по всемъ направленіямъ, возвышеніями песчаного свойства; нѣкоторыя изъ нихъ еще покрыты рѣдкими кустами тонкой травы и всевозможнаго бурьяну, слезы которыхъ проглядываютъ бѣлыя пятна песку, готоваго каждую минуту отъ перваго дуновенія вѣтра развестись въ разныя стороны. Другія же представляютъ волнообразныя массы голаго сплошнаго сыпучаго песку, который во время вѣтра цѣлыми тучами вздымается вверхъ, и черезъ какіе-нибудь три-четыре часа на вашихъ глазахъ являютя новыя сооруженія, измѣняя совершенно фізіономію только что видѣнной мѣстности. Можно себѣ представить, что здѣсь творится въ

эти минуты: огромныя тучи раскаленнаго солнцемъ песку застилаютъ окрестности, такъ что въ десяти шагахъ нельзя различить предмета; воздухъ становится горячимъ; дыханіе затрудняется; люди въ это время закутываютъ чѣмъ-нибудь голову, въ противномъ случаѣ песокъ набивается въ уши, въ ротъ, въ носъ. Однимъ словомъ, передъ вами полная картина сахарскаго самума.

Но вотъ съ возвышенія стали замѣтны разбросанныя въ безпорядкѣ усадьбы, окруженныя пристройками съ сараями, покрытыми соломой, такъ что съ перваго взгляда ихъ можно принять скорѣе за гумна, которыя такъ часто можно видѣть по бокамъ дороги, а не за жилия помѣщенія. Читатели, вѣроятно, уже догадываются, что это и есть хутора Терскихъ казаковъ. Изъ этихъ немногихъ словъ уже ясно видно, какъ жестоко ошибаются тѣ, которые представляютъ себѣ эти хутора утопающими въ зелени черешень и спреевъ, какими мы привыкли представлять себѣ изъ описанія Гоголя малороссійскіе хутора. Здѣсь нѣтъ ничего подобнаго; нѣтъ тѣхъ садковъ, тѣхъ стройныхъ тополей и неуклюжихъ столбѣтныхъ вербъ, изъ-подъ густой сѣни которыхъ выглядываетъ опрятная бѣлая хата малоруса. Подѣхавъ ближе, вы увидите обыкновенныя мазанки, иногда выбѣленные, а болѣе всего сѣрыя, разбросанныя неподалеку другъ отъ друга безъ всякаго порядка и окруженныя въ большинствѣ случаевъ песками. Это послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что песокъ образуется скорѣе всего близъ жилыхъ мѣстъ: около хуторовъ, близъ намыщенныхъ хатонъ, на мѣстѣ постоянныхъ стоянокъ скота. Въ этихъ мѣстахъ трава бываетъ выбита, и ничѣмъ незащищенная песчаная почва разносится по волѣ вѣтра во все стороны и даетъ, такимъ образомъ, начало небольшой площади песку. Послѣ этого уже не трудно пескамъ при

содѣйствіи вѣтра разноситься все дальше и дальше и поко-
рять себѣ все большія и большія пространства.

Среди всѣхъ построекъ на хуторахъ сразу бросается
въ глаза выбѣленная бѣлой глиной хата хозяйна, которая
всегда почти занимаетъ центральное положеніе среди дру-
гихъ построекъ и содержится гораздо опрятнѣе ихъ, по
крайней мѣрѣ, съ вѣшной стороны.

Всѣ постройки на хуторахъ плетевыя и, въ рѣдкихъ
случаяхъ, бревенчатыя. Жилыя помещенія внутри и сна-
ружи вымазаны глиной, сверху покрыты соломой или ка-
мышномъ и также смазаны глиной. Полъ въ хатѣ въ
большинствѣ случаевъ земляной, съ глиняной штукатуркой,
при чемъ примѣшиваются экскременты скота, отчего при
входѣ въ хату вѣсь обдаетъ непріятный запахъ, особенно
если войти тотчасъ же послѣ штукатурки, которая произво-
дится чуть ли не каждую недѣлю.

Въ одномъ изъ угловъ хаты, при входѣ, стоитъ боль-
шая русская печь; тутъ же, противъ печи, въ другомъ
углу—поставецъ для храненія посуды, съѣстныхъ припасовъ
и т. п. Противъ двери, въ переднемъ углу хаты—божница,
установленная образами и картинами святыхъ, передъ кото-
рыми въ праздничные дни теплится лампадка. На ряду съ
лампадкама часто можно увидѣть висящія на ниточкахъ раз-
ноцвѣтныя скорлупы яицъ; украшенія изъ высохшихъ цвѣ-
товъ; вѣточки вербы, которыя напоминаютъ набожному хози-
ну давно прошедшій праздникъ.

По бокамъ хаты для сна и сидѣнья устроены изъ
досокъ нары, которыя обыкновенно ничѣмъ не прикрываются,
и только кровать застилается полостью (войлокомъ). Нѣкото-
рыя хаты, впрочемъ, бывають внутри оклеены обоями, а
по большей части выбѣлены бѣлой глиной. Иногда для боль-
шей пестроты по бѣлымъ стѣнкамъ разрисовываются при-

чудливыя украшенія, такъ что получается что-то въ родѣ искусственныхъ обоевъ.

Бъ каждой хатѣ пристраивается прихожая, которая по мѣстному называется «чуланомъ».

Здѣсь же, недалеко отъ хаты, стоитъ амбаръ для сыпки хлѣба. Подобные амбары, а также и закрома въ нихъ, по большей части, плетневые, обмазаны внутри и снаружи глиной, а сверху покрыты камышомъ или соломой. Въ послѣднее время, правда, плетневымъ амбарами стали предпочитать бревенчатые, съ досчатымъ поломъ и закромамъ, которые несравненно практичнѣе плетневыхъ и въ смыслѣ прочности и въ смыслѣ предохраненія хлѣба отъ сырости и уничтоженія крысами и мышами.

Постройки для скота исключительно плетневыя, съ сараями, покрытыми соломой или бурьяномъ (сорная трава), который ежегодно въ большомъ количествѣ собирается въ полѣ для подновленія крыши сараевъ, конюшенъ и другихъ всевозможныхъ „катуховъ“.

Плетневыя стѣны сараевъ съ внутренней стороны обмазываются экскрементами скота, что является необходимостью при здѣшнихъ суровыхъ зимахъ, съ частыми снѣжными метелями (шурганамы), которыя сплошь да рядомъ заносятъ сарай, такъ что нѣтъ никакой возможности выбраться оттуда. Вообще нужно сказать, что экскременты скота у казаковъ имѣютъ большое примѣненіе: ихъ, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить раньше, примѣшиваютъ при обмазываніи хатъ и другихъ жилыхъ строеній въ глину; ими же исключительно обмазываются стѣны сараевъ и, кромѣ всего этого, они доставляютъ драгоцѣнный для хуторянъ кизякъ, не будь котораго, хуторянамъ нечѣмъ было бы топить; а потому экскременты тщательно собираются не только вокругъ двора, но даже вокругъ колодезь, которыя находятся обыкновенно на значительномъ разстояніи отъ дворовъ; затѣмъ они свозятся въ хлѣвъ,

гдѣ скоть перетаптываетъ и перемѣшиваетъ ихъ съ соломой, послѣ чего образуется въ четверть аршина и даже толще слой кизяка, который весною вырубается желѣзнымъ заступомъ, проеунивается и складывается въ скирды. Поэтому на любомъ хуторѣ, около каждаго двора, вы увидите скирдъ, а иногда и нѣсколько скирдъ кизяка, которые нерѣдко замѣняютъ собою плетевыя стѣны хлѣбовъ. Весь трудъ по обработкѣ кизяка возлагается обыкновенно на калмычекъ, которыя однѣ только не брезгаютъ этой работой и являются настоящими специалистами этого дѣла.

Для овецъ лѣтомъ устраивается хлѣвъ или „базъ“, какъ вообще называютъ казаки всѣ постройки для скота, изъ нѣсколькихъ подвижныхъ плетней, имѣющихся для этой цѣли у каждаго овцевода, съ тѣмъ расчетомъ чтобы во время грязи можно было перенести хлѣвъ на болѣе сухое мѣсто. Особая необходимость въ такихъ переносныхъ „баззахъ“ является раннею весною и позднею осенью, когда здѣсь по цѣлымъ недѣлямъ мороситъ мелкій дождикъ.

Кромѣ сараевъ для скота, у каждаго хуторянина можно увидѣть сарай, предназначенный для телѣгъ, саней, плуговъ, боронъ и другихъ сельскохозяйственныхъ орудій. Такой сарай носитъ общее названіе „телѣжнаго“ сарая.

Около каждаго двора на хуторахъ, или немного поодаль отъ нихъ, находится гумно (сѣнникъ), обнесенное глубокимъ ровомъ и огороженное валомъ изъ соломы или изъ бурьяна, куда шѣ зиму перевозится сѣно и гдѣ производится молотьба хлѣба.

Вокругъ дворовъ на хуторахъ нѣтъ никакихъ древесныхъ насажденій; рѣдко увидишь гдѣ-нибудь одинокую акацію, да и та, навѣрное, посажена хуторяниномъ какъ-нибудь случайно—ѣхалъ, спажемъ, онъ изъ стаяпцы весною, а тамъ какой-нибудь знакомый и преподнесъ ему ее: „на, молъ, посади! можетъ-быть, на твое счастье и вырастетъ! Вообще у каза-

ковъ нѣтъ никакого, повидному, желанія обсадить свою хату хотя бы той же акаціей, тѣмъ болѣе что она хорошо принимается и растетъ на песчаной почвѣ. Въ послѣднее время, правда, стали засаживаться хворостомъ пески близъ хуторовъ, но все это дѣлается казаками не по собственному ихъ желанію, а по принужденію Правительства. Сначала казаки весьма скептически относились къ этой новой „затѣ“, и можно было наблюдать, съ какой неохотой и небрежностью производили они эти посадки, не сознавая, что все это дѣлается для ихъ же собственной пользы. При посадкѣ прутья хвороста прямо втыкаются въ рыхлый песокъ, что не представляетъ никакого труда, но для казаковъ и это показалось трудно, и они тайкомъ отъ надзирателя за работами зарывали въ одну яму цѣлые пучки хвороста. Такая уловка со стороны казаковъ, конечно, не могла остаться навсегда тайной: подулъ вѣтеръ и тотчасъ же обнаружилъ плоды ихъ отношенія къ общественной работѣ; искать виновнаго то же, что ловить вѣтра въ полѣ.

Теперь, когда значительная площадь песковъ уже облѣсена, казаки воочію убѣдились въ той пользѣ, которую приносятъ и въ будущемъ можетъ приносить еще въ болѣе-шей степени пустая на ихъ взглядъ „затѣя“ Правительства, и потому нѣкоторые изъ нихъ въ настоящее время изъявили желаніе засадить въ свою пользу нѣкоторые близъ лежащіе пески.

Нужно пожелать только, чтобы такихъ примѣровъ среди казаковъ было побольше, и тогда можно надѣяться, что облѣсеніе песковъ при содѣйствіи частной инициативы пойдетъ гораздо успешнѣе.

Все степное пространство, какъ я уже говорилъ раньше, совершенно безводно, и хуторяне пользуются водою изъ колодезъ, а потому первая ихъ забота — обезпечить водою себя и свой скотъ вырытіемъ достаточнаго числа колодезъ. Колодцы вырываются или однимъ лицомъ, или цѣлыми арте-

лямп, смотря по достатку, потому что вырыть колодезь въ безлѣсной степи и при теперешней дороговизнѣ строительнаго матеріала не подѣ силу какому-нибудь бѣднягу—на это требуются большія денежные средства. На одномъ хуторѣ бываетъ обыкновенно по нѣскольку частныхъ и артельныхъ колодезевъ, и нельзя поэтому сказать, чтобы хуторяне терпѣли недостатокъ въ водѣ даже въ сухое лѣтнее время.

III.

Занятія хуторянъ. Весна—начало полевыхъ работъ для хлѣбопашца. Приготовленія къ яровымъ посѣвамъ. Стремленіе хуторянъ и станичниковъ все углубляться въ степь—захватывать все больше и больше земли.

Главное занятіе хуторянъ, какъ я говорилъ уже выше, —земледѣліе и скотоводство, что и послужило главной побудительной причиной выселенія ихъ изъ станицъ на хутора. Я не буду повторять о физическихъ условіяхъ, въ зависимости отъ которыхъ находятся вышеупомянутыя отрасли сельскаго хозяйства. Свѣдѣнія по этому предмету читатели могутъ найти въ статьѣ, подѣ заглавіемъ: „Очеркъ жизни калмыковъ на Терекѣ“, помѣщенной въ XXIX выпускѣ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“; повторю только, что ровныя пространства, гдѣ разбросаны хутора, съ твердой почвой, называются „подомъ“, а пространства холмистыя, съ песчаной почвой и голыми сыпучими песками—„бурунами“.

Для удобства рассмотримъ теченіе хуторской жизни по временамъ года, такъ какъ всѣ времена года существенно разнятся другъ отъ друга характеромъ дѣятельности хуторянъ, предъявляя къ ихъ жизни свои требованія.

Подходитъ конецъ зимы; сонная природа готовится къ пробужденію; однообразная зимнюю жизнь хуторянина скоро

должна войти въ новый фазисъ кипучей дѣятельности, которая на нѣкоторое время была прервана зимою.

Съ наступленіемъ марта мѣсяца природа начинаетъ пробуждаться отъ трехмѣсячнаго сна. Нигдѣ это пробужденіе нельзя наблюдать съ такою ясностью, какъ въ степи; здѣсь же всего лучше замѣтенъ и контрастъ задумчиво спящей подъ бѣлымъ саваномъ равнины съ тою степью, которая весною поражаетъ зрителя разнообразіемъ красокъ своего праздничнаго наряда и улаждаетъ его слухъ пріятнымъ пѣніемъ своихъ многочисленныхъ пернатыхъ гостей, которые, какъ ни мило имъ на далекомъ благодатномъ югѣ, однако съ первымъ проблескомъ весны наперерывъ спѣшатъ въ наши гостепріимныя края. Съ первыхъ чиселъ марта снѣжный покровъ зимы начинаетъ исчезать подъ согрѣвающими лучами вешняго солнца, но не даетъ здѣсь тѣхъ потоковъ, которые появляются обыкновенно весною вслѣдствіе быстрого таянія снѣговъ, потому что вся влага жадно впитывается въ песчаную почву. Скотъ, который до этого времени находился взаперти, выходитъ на свободную пастьбу, выражая каждый по своему свою радость по случаю наступленія весны, особенно благодатнаго для него времени года. Слѣдуемое засимъ лѣто чуть ли не постоянно сопровождается продолжительными засухами, во время которыхъ скоту сплошь да рядомъ приходится голодать. Продолжительная зима, часто съ мятелями и голодовками, положила на немъ свою печать: исхудалый, съ понуренными головами и, еле передвигая ногами, онъ спѣшитъ на подножный кормъ, спѣшитъ утолить свой продолжительный голодъ.

Нужно сказать, что особеннымъ попеченіемъ со стороны хозяина зимою пользуются рабочіе быки: съ наступленіемъ весны на нихъ нужно пахать, а потому онъ старается, чтобы они не исхудали за зиму; онъ кормитъ ихъ лучшимъ сѣномъ отдѣльно отъ остальнаго, такъ называемаго „гуля-

чаго скота“, который перебивается зимою кое-какъ на ржаной соломѣ; хозяинъ кормить его лишь настолько, чтобы дать ему возможность съ грѣхомъ пополамъ просуществовать до весны, до наступленія подножнаго корма. Послѣ этого становится еще понятнѣе радость скота, которая овладеваетъ всѣмъ его существомъ съ первыми признаками весны. По всему хутору разносится вечеромъ радостный разногласный ревъ возвращающагося съ тучныхъ пастбищъ скота.

Обыкновенно еще съ зимы, главнымъ образомъ, съ Нового года къ скоту нанимаются пастухи, по большей части изъ калмыковъ; на ихъ рукахъ лежитъ, кромѣ присмотра за скотомъ въ степи, обязанность поить его у колодезь, для чего пастухъ контрактомъ обязуется, особенно въ лѣтнее время, не отлучаться отъ колодца и держать корыта постоянно наполненными водою.

Недѣли за двѣ до наступленія весны хлѣбопашецъ уже начинаетъ приготовляться къ пашиѣ: очищаетъ сѣмена для посѣва, приводитъ въ порядокъ плугъ, оттачивая „жельзо“; нанимаетъ „погонычей“, преимущественно изъ калмыковъ; запасааетъ кормъ для быковъ, потому что ранняя пашия не обходится безъ сѣна, по крайней мѣрѣ, первыя двѣ недѣли, а затѣмъ пахутъ уже на подножномъ корму. Сначала можетъ показаться страннымъ и даже невѣроятнымъ, чтобы въ такой короткій промежутокъ времени могла уже вырасти трава; но на самомъ дѣлѣ такъ и есть, и вы поразитесь, увидѣвъ черезъ какую-нибудь недѣлю послѣ таянія снѣга степь, покрытую зеленымъ ковромъ травы, которая на песчаной почвѣ вырастаетъ съ замѣчательной быстротой.

Все пространство вокругъ cadaго хутора, годное для обработки подъ посѣвъ хлѣба (большія пространства вокругъ cadaго хутора заняты песками, которые, какъ извѣстно, совершенно непригодны для обработки подъ посѣвы), дѣлится обыкновенно на нѣсколько участковъ; одинъ изъ нихъ, съ

общаго согласія хуторянъ, распахивается подъ посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ, а всѣ остальные участки остаются свободными и предназначаются для пастбы скота. Нужно замѣтить, что хуторяне и вообще всѣ казаки придерживаются двухъ системъ земледѣлія: многопольной и плодоперемѣнной, которыя, какъ увидимъ ниже, стали въ послѣднее время все болѣе и болѣе нарушаться. Предназначенный для даннаго года къ распахкѣ участокъ земли дѣлится между хуторянами, во избѣжаніе недоразумѣній, по жребію, пропорціонально количеству членовъ семьи каждаго. Кто въ состояніи распахать земли больше, чѣмъ сколько ему досталось при дѣленіи участка, тотъ безпріятственно можетъ ѣхать и пахать, сколько его душѣ угодно, но только не на тѣхъ участкахъ, которые съ общаго согласія предназначены для пастбы скота, а гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, дальше отъ хуторовъ, вглубь степей, или, какъ говорятъ хуторяне, „вдаль“. Тамъ больше простора, да и живутъ тамъ калмыки, со стороны которыхъ казаки, конечно, не могутъ ожидать пренятствій, и потому считаетъ себя въ правѣ опаздывать кибитку беззащитнаго калмыка со всѣхъ сторонъ, что и случается теперь къ его несчастью, такъ что ему некуда выпустить свой скотъ и поневолѣ приходится переночевывать на другое мѣсто. Пользуясь этимъ, казаки еще съ осени стараются захватить здѣсь себѣ побольше и лучше участки земли, проводятъ борозды (зачинки) и послѣ этого считаютъ захваченный участокъ своимъ собственнымъ.

Но, нужно сказать, что хуторскія постановленія относительно неприкосновенности свободныхъ участковъ всегда почти, а особенно за послѣднее время, нарушаются если не самими хуторянами, то „станичниками“. Эти послѣдніе въ настоящее время предпочитаютъ пахать въ «бурунахъ», близъ хуторовъ, по той причинѣ, что земля въ «бурунахъ» не такъ еще пока истощена, какъ близъ

«станицъ, на «моду» и, слѣдовательно, лучше вознаграждаетъ труды по ея обработкѣ. Конечно, въ данномъ случаѣ «станичники» отстаиваютъ собственные интересы, что въ высшей степени неблагоприятно отзывается на интересахъ хуторянъ, которые въ подобныхъ случаяхъ ставятся въ самое безвыходное положеніе, совершенно лишающее ихъ свободныхъ мѣстъ для пастбы скота. Такая безвыходность положенія хуторянъ годъ отъ году проявляется все въ большей и большей степени. Протеста со стороны хуторянъ по этому поводу на законномъ основаніи быть, конечно, не можетъ, потому что «станичники» считаютъ, и вполнѣ справедливо, себя такими же хозяевами этихъ земель, какъ и хуторяне. Такое положеніе дѣлъ весьма неблагоприятно отзывается на скотоводствѣ хуторянъ.

IV.

Воздѣлываніе льна, конопли, проса и овса.

Дѣлжка земли начпнается съ первымъ проблескомъ весны, а какъ только стаялъ снѣгъ, хуторяне всё уже въ полѣ. Первая забота каждаго изъ нихъ—посѣять пораньше ленъ—растеніе, которое болѣе остальныхъ вознаграждаетъ за трудъ.

Воздѣлываніе льна среди казаковъ началось сравнительно недавно, особенно среди казаковъ теперешняго Моздокскаго отдѣла. Занимались посѣвомъ льна, правда, и раньше, но въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ. Лѣтъ десять тому назадъ ленъ почему-то обратилъ на себя вниманіе казаковъ, и они съ особеннымъ, даже имъ несвойственнымъ увлеченіемъ принялись за его воздѣлываніе. Цѣны на ленъ были высокія, что еще болѣе возбуждало интересъ къ его обработкѣ, и надежды на ленъ въ будущемъ представляли заманчивую перспективу быстрого обогащенія. Скоро однако

казаки обманулись въ своихъ надеждахъ на ленъ: этотъ, повидному, неизсякаемый источникъ благосостоянія казаковъ началъ годъ отъ году истощаться, и въ настоящее время, проѣзжая засѣянными полями казаковъ, можно увидѣть просо, овесъ, коноплю, горохъ, чечевицу и т. п. яровыя растенія, и только изрѣдка попадается десятина-двѣ льна и то, собственно, не льна, а какой то смѣси всевозможнаго бурьяна, сквозь который сиротливо проглядываютъ одинокіе стебельки льна.

Совсѣмъ не то было раньше: лѣтъ десять назадъ ленъ давалъ дѣйствительно баснословные урожан: каждая десятина (200×20) въ среднемъ давала отъ 80 до 100 пудовъ чистаго сѣмени; поля, засѣяныя льномъ, во время цвѣтенія послѣдняго, представляли дивную картину: необозримый коверъ голубыхъ цвѣтсвъ, подобно морю, разстился у вашихъ ногъ. Тогда нельзя было сомнѣваться, какъ можетъ это случиться теперь, при видѣ засѣяннаго участка, ленъ ли это или бурьянъ.

Это явленіе можно объяснить ни чѣмъ другимъ, какъ только истощеніемъ почвы. Благодаря усиленной запашкѣ, производительныя силы почвы съ каждымъ годомъ уменьшаются; столь слабая производительностью почва не въ состояніи, конечно, возрастить льна, требующаго исключительно сильной, мало подвергавшейся перепахиванію почвы. Обстоятельство это и послужило главною причиною охлажденія хуторянъ къ посѣву льна. Поэтому теперь если кто изъ нихъ и сѣетъ ленъ, то исключительно для домашняго потребленія — для масла. Въ настоящее время льномъ не окупаются тѣ расходы, которые приходится вести хуторянамъ по очисткѣ его отъ разныхъ сорныхъ травъ. Землю льномъ приходится засѣвать много, а сборъ его при теперешнихъ урожанхъ крайне ничтожный; несравненно, конечно, выгоднѣе для хуторянъ засѣять тотъ же участокъ земли чѣмъ-либо другимъ,

хотя менѣ цѣннымъ, чѣмъ ленъ, но зато не требующимъ за собою такого ухода.

Кромѣ этой причины, есть еще другая, которая до нѣкоторой степени тоже тормозитъ дѣло обработки льна. Въ настоящее время появился особый червь, который уничтожаетъ листья и даже стебельки льна, когда онъ только что успѣваетъ подняться вершка на два отъ поверхности земли. Населеніе пока совершенно беспомощно въ борьбѣ съ нимъ, такъ какъ мѣръ истребленія этого насѣкомаго пока не придумано.

Говоря о льнѣ, нельзя не упомянуть о другомъ техническомъ растеніи, о коноплѣ, культура которой, наоборотъ, годъ отъ году все увеличивается, потому что конопля не такъ прихотлива на почву и прекрасно растетъ даже на «бурунахъ», чего ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать относительно льна. Но какъ ленъ, такъ и конопля у казаковъ менѣ всего оправдываютъ свое названіе «техническихъ» растеній. Казаки по неумѣнью не могутъ извлекать изъ нихъ пользу въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Волокна этихъ растеній, что и составляетъ главную цѣль ихъ культуры, у казаковъ пропадаютъ, что называется, даромъ: стебли конопля вмѣстѣ съ волокномъ идутъ, болѣею частью, на топливо; льняная солома—на крышу сараевъ, амбаровъ и другихъ построекъ, а чаще всего бросается въ полѣ, на томъ же мѣстѣ, гдѣ производилась молотьба льна. Тамъ калмыки прибираютъ ее себѣ для устройства зимовокъ.

Такая жалкая участь постигаетъ не только ленъ и коноплю, но и многіе другіе продукты добывающей промышленности казаковъ. Коренную причину этому нужно искать не въ лѣни и безпечности, въ чемъ очень часто обвиняютъ казаковъ, а скорѣе въ недостатокъ необходимыхъ для этого знаний и умѣній. Такой инертный народъ, какъ казаки, нуждается въ примѣрахъ, которые вызвали бы его къ подражанію и возбудили интересъ къ обрабатывающей промыш-

ленности. А гдѣ эти примѣры? Казаки даже и представить себѣ не могутъ, что изъ того льна и конопля, которые они брасаютъ или сжигаютъ, какъ ненужный бурьянъ, можно готовить полотна; для каждаго изъ нихъ это такъ же непонятно, какъ китайская грамота.

Нужно, однако, отдать справедливость нѣкоторымъ станциямъ вышшняго Пятигорскаго отдѣла: въ нихъ въ значительной степени производится обработка льнянаго волокна; но дѣлается это крайне грубо, такъ что о добротности приготовляемаго полотна и рѣчи быть не можетъ. Полотно это въ продажѣ не встрѣчается, а всецѣло идетъ на домашнее потребленіе: на мѣшки, паруса и на рабочія рубашки. Польза отъ льна и конопля, слѣдовательно, ограничивается сѣменемъ, которое идетъ частью въ продажу, частью для выжиманія масла.

Широкимъ распространеніемъ среди казаковъ вообще и хуторянъ въ особенности пользуется просо. Въ настоящее время оно все больше и больше вытѣсняетъ собою эти «псевдотехническія» ленъ и коноплю, но не такъ коноплю, какъ ленъ. Воздѣлываніе проса среди казаковъ началось чуть ли ни съ первыхъ же дней ихъ жизни на Терекѣ, чему очень способствовали почвенныя и климатическія условія мѣстности. Сѣется просо на Терекѣ повсемѣстно, но лучшимъ мѣстомъ для его произрастанія, какъ неоднократно показывали опыты, считается черноземный «подъ»; на «бурунахъ» просо во время посѣва подвергается выдуванію вѣтромъ, который уноситъ его вмѣстѣ съ песчаной почвой далеко за ниву; кромѣ того, на «бурунахъ» просо никогда почти не выходитъ въ ростъ, стелется по землѣ и вообще не отличается дорожствомъ, но бываетъ постоянно съ «захватомъ», т. е. не вполне налившимся вслѣдствіе сильныхъ жаровъ и засухъ.

Несмотря на то что просо, какъ хлѣбъ, не можетъ вполне замѣнить собою, напримѣръ, рожь, пшеницу и др.,

тѣмъ не менѣе оно является единственной поддержкой массы населенія во время недорода, который довольно часто посѣщаетъ описываемую мѣстность. Кромѣ того, какъ дешевый продуктъ, просо служитъ хорошимъ подспорьемъ болѣе цѣннымъ хлѣбамъ: имъ кормятъ домашнюю птицу, и въ видѣ муки просо идетъ въ кормъ лошади; изъ просяной муки готовится пойло для воровъ, собакъ и т. п. Для лошадей просо иногда даже и не мелется, а особеннымъ образомъ комлется; дѣлается это въ виду тѣхъ соображеній, что питательность проса въ такомъ видѣ увеличивается и не можетъ произойти, по мнѣнiю компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, тѣхъ печальныхъ послѣдствій, которыя бывають отъ объеданія скота.

Изъ проса выработывается въ довольно большомъ количествѣ просяная крупа или пшево. Пшево готовится главнымъ образомъ для домашняго употребленія и, въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, для продажи. Изъ пшеничной же муки пекутъ прославленное и чуть ли не національное русское кушанье—блины. Въ другихъ мѣстностяхъ Россiи блины готовятся, главнымъ образомъ, изъ гречневой муки, но у казаковъ они пекутся исключительно изъ пшеничной съ небольшою примѣсью ржаной или пшеничной.

Но этимъ еще не исчерпываются выгоды отъ проса: оно дорого для хуторянъ, какъ скотоводовъ; еще и тѣмъ, что даетъ солому, весьма цѣнный кормъ для крупнаго рогатаго скота, сплошь да рядомъ замѣняющей собою сѣно. Вотъ почему при недородѣ проса хуторяне нанимають калмыковъ на уборку его съ условіемъ отдать хозяину только солому, а зерно цѣликомъ идетъ въ пользу работавшимъ. Одинъ этотъ фактъ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что для хуторянъ солома дороже самого проса.

До послѣдняго времени среди хуторянъ и вообще среди всѣхъ казаковъ былъ распространенъ только одинъ видъ

проса, а именно обыкновенное желтое просо; но года три-четыре тому назад стало попадаться такъ называемое скороспѣлое красное просо.

Красное просо разнится отъ желтаго тѣмъ, что имѣеть темно-красный цвѣтъ; оно гораздо крупнѣе желтаго и еще, какъ само названіе показываетъ, созрѣваетъ значительно скорѣе. Ногайцы называютъ его «киргъ улюкъ тары», что значитъ сорокадневное просо. Преимущество краснаго проса передъ желтымъ, кромѣ ранняго созрѣванія, заключается еще въ томъ, что оно не подвергается дѣйствию сильныхъ жаровъ и лѣтнихъ засухъ, которыя сплошь да рядомъ выжигаютъ желтое просо; къ тому же послѣднее почти всегда вытряхивается восточнымъ горячимъ вѣтромъ, который немилосердно дуетъ здѣсь иногда по цѣлымъ недѣлямъ, тогда какъ красное просо навсегда застраховано отъ вытряхиванія вѣтромъ, благодаря особенному устройству своей кисти. Сказаннаго достаточно, чтобы признать за краснымъ просомъ значительное преимущество передъ желтымъ.

Но, съ другой стороны, и красное просо уступаетъ желтому: оно ростомъ ниже послѣдняго и потому даетъ очень мало соломы, чѣмъ до нѣкоторой степени умаляетъ свое значеніе въ глазахъ казаковъ. Только въ самые дождливые годы оно поднимается на полъ-аршина отъ земли; въ годы же съ рѣдкими дождями оно поднимается на четверть аршина отъ поверхности земли и уже созрѣло. Въ подобныхъ случаяхъ страшно затрудняется его уборка: нельзя ни жать ни косить, а приходится его дергать съ корнемъ или бросать въ полъ.

Оба упомянутые вида проса сѣются какъ на «бурунахъ», такъ и на «поду». Несмотря однако на то что на «поду» просо родится гораздо лучше, казаки рѣдко занимаютъ имъ «подъ»: они предназначаютъ его для посѣва болѣе цѣнныхъ

продуктовъ—льна и, главнымъ образомъ, пшеницы; просо же сѣютъ больше всего на «бурунахъ».

Посѣвъ проса бываетъ ранній и поздній. Раннее просо даетъ гораздо большій сборъ, чѣмъ позднее, по той причинѣ, что, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, раннее просо не застаютъ въ полѣ августовскія жары; если же жара успѣетъ прихватить его раньше обыкновеннаго, то оно уже настолько окрѣпнетъ и наберется жизненной силы, что становится епособнымъ противостоятъ дѣйствию жары. Позднее просо въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно погибаетъ и вообще надежды на него бываютъ сомнительныя: если не перепало вовремя дождя, что случается очень часто, просо пропало; листья скручиваются въ трубочки и начинаютъ сохнуть. Нужно однако замѣтить, что просо вообще обладаетъ удивительною жизненностью. Во время долгаго бездождія подчасъ кажется, что оно совершенно уже погибло, но стоитъ только пойти дождю, какъ черезъ какой-нибудь день оно опять оживаетъ: скрученные листья весело развертываются, и вы не вѣрите своими глазамъ; увидѣвъ его вновь возрожденнымъ; въ каждомъ листочкѣ, въ каждомъ стебелькѣ опять дѣлается замѣтнымъ веселое присутствіе жизни. Поэтому-то казаки и называютъ просо «бездушнымъ» растеніемъ.

Одновременно съ раннимъ просомъ сѣется овесъ. Раньше овесъ сѣяли только близъ станицъ, на «поду», и по мѣрѣ истощенія здѣсь почвы производство его годъ отъ году все болѣе и болѣе падало; но въ послѣднее время, когда не стали уже довольствоваться землями близъ станицъ, а ѣдутъ нахать дальше въглубь степей, гдѣ земля еще не такъ давно совершенно не подвергалась обработкѣ и, слѣдовательно, сохранила въ себѣ производительную силу, культура овса опять стала понемногу подниматься. Теперь почти всякій хозяинъ ставитъ себѣ въ обязанность посѣять хотя одну десятину овса, тѣмъ болѣе что овесъ болѣе другихъ хлѣбовъ находитъ

себѣ сбыть на сторону, да и въ хозяйствѣ оныя является ничѣмъ незамѣнимымъ кормомъ для лошадей. Солома овса наравнѣ съ соломою прѣса идетъ въ кормъ скоту, хотя въ кормовыхъ качествахъ и уступаетъ послѣднему.

У.

Воздѣлываніе арбузовъ. Арбузный медъ и его производство. Воздѣлываніе гороха, фасоли и чечевицы.

Большое вниманіе казаковъ вообще и, главнымъ образомъ, хуторянъ привлекаютъ арбузы и дыни. Насколько распространено среди хуторянъ разведеніе арбузовъ и дынь можно судить уже и по тому, что нѣтъ такого хозяина, который не имѣлъ бы двухъ-трехъ десятинъ земли, засѣянной арбузами и дынями.

Мѣста, занятыя арбузами, называются по-мѣстному «бахчами». Какъ только покажется первая завязь арбузовъ, на «бахчѣ» устраивается «вышка», на которой безотлучно живетъ караульщикъ, обыкновенно старикъ или мальчикъ, которые на полевыхъ работахъ не могутъ оказать особенной помощи. Но и они не остаются совершенно безъ дѣла: на ихъ попеченіе перевозится иногда изъ дому чуть ли не вся птица, потому что дома за работой смѣтрѣть за ней некому. Караульщикъ на «бахчѣ» является необходимымъ особенно на ближнихъ къ Тереку хуторахъ; съ наступленіемъ утренней зари на «бахчи» цѣлыми тучами устремяются изъ притеречныхъ лѣсовъ грачи, самые неумолимые враги арбузовъ, и если караульщикъ отлучился куда-нибудь, или долго съ утра проспалъ, то у всѣхъ арбузовъ обязательно будутъ проклеваны бока. Да, по правдѣ сказать, и сами казаки являются врагами «бахчи»; отъ этихъ «грачей» уже совсѣмъ трудно бахчи укараулить, въ особенности отличающіяся сладкими дынями; тѣ грачи опасны только днемъ, а эти послѣдніе въ несчастію и днемъ и ночью. Такія шалости у каза-

ковъ даже и не считаются преступленіемъ. Если спросишь у него, гдѣ взялъ, онъ отвѣтитъ обычной фразой: «взаймы у сосѣда взялъ»! или: «нунилъ за три огляда»!

При здѣшнихъ баснословныхъ урожаяхъ арбузовъ, повидному, вѣкуда было бы ихъ и дѣвать, тѣмъ болѣе что о продажѣ арбузовъ хуторяне совершенно не думаютъ: у каждаго ихъ вдоволь и никто не откажетъ въ арбузахъ даже безъ денегъ. Такое большое количество арбузовъ разводится, главнымъ образомъ, для меду, который среди казаковъ пользуется большимъ распространеніемъ.

Производство арбузнаго меда, насколько извѣстно, развито только среди казаковъ Терской области, да и то въ нѣкоторыхъ только станицахъ по среднему теченію Терека, какъ, на примѣръ: въ Ищерской, Наурской, Микенской и сосѣднихъ съ ними. Не имѣя возможности сбывать арбузы куда-нибудь на сторону, по причинѣ отсутствія удобныхъ путей сообщенія, казаки принуждены были искать другого способа извлеченія пользы изъ арбузовъ. Нельзя сказать, чтобы найденный новый способъ извлеченія барышей изъ арбузовъ не вознаграждалъ трудовъ по ихъ обработкѣ: арбузный медъ, кромѣ того что въ большомъ количествѣ расходуется среди самихъ казаковъ, имѣетъ хорошія сбыты и на сторону. Рынкомъ для сбыта арбузнаго меда нужно считать, главнымъ образомъ, села близъ Каспійскаго моря.

Здѣсь меду много распродается, а еще болѣе промѣнивается на рыбу. Съ наступленіемъ глубокой осени, когда полевая работа приходитъ къ концу, хуторяне собираются цѣлыми обозами, забираютъ медъ, вареные арбузные сѣмячки, пшено, горохъ, чечевицу, фасоль и т. п. мелочи и отправляются прямымъ путемъ—степью въ приморскія села за рыбой. Свой товаръ, какъ я уже говорилъ, они продаютъ или же промѣниваютъ на рыбу и, такимъ образомъ,

обеспечиваютъ себя ею на цѣлую зиму, а иногда съ большой прибылью еще и продаютъ въ своихъ же ставницахъ.

Считаю излишнимъ сказать нѣсколько словъ о способѣ приготовления арбузнаго меда.

Прежде всего нужно замѣтить, что среди хуторянъ разводятся два сорта арбузовъ. Одинъ сортъ предназначенъ исключительно для меда, а другой для ѣды. Сортъ арбузовъ, предназначенный для употребленія въ пищу, имѣетъ очень сладкое, ярко-краснаго цвѣта, мясо и, въ большинствѣ случаевъ, очень мелкія сѣмечки. Эти арбузы салятся какъ можно раньше, такъ что поспѣваютъ уже въ концѣ іюня. Арбузы, предназначенные для меда, имѣютъ не такое вкусное мясо, какъ первые, но зато у нихъ очень крупныя сѣмечки краснаго цвѣта, которыя въ вареномъ видѣ въ большомъ количествѣ идутъ въ продажу и удваиваютъ, такимъ образомъ, барышъ съ арбузовъ. Этотъ сортъ арбузовъ казаки салятъ какъ можно позже, обыкновенно послѣ Пасхи, съ тою цѣлью чтобы не дать ни съозрѣть раньше конца августа или начала сентября, когда начинаютъ уже варить медъ. Съ наступленіемъ сентября арбузы свозятся домой, если только, конечно, бахча недалеко отъ хутора; въ противномъ случаѣ находятъ удобнымъ варить медъ прямо на бахчѣ. Для этой цѣли имѣются огромныя чугунныя котлы, въ которые кладутъ мясо арбузовъ вмѣстѣ съ сѣмечками и начинаютъ кипятить. Дѣлается это съ цѣлью отдѣлать арбузный сокъ отъ мяса. Послѣ продолжавшагося нѣкоторое время кипяченія, всю эту массу процеживаютъ сквозь рѣшето и очищенный такимъ образомъ отъ мяса и сѣмечекъ арбузный сокъ подвергаютъ вторичному кипяченію до тѣхъ поръ, пока изъ него не получится дегтеобразная масса. Остается только прибавить къ этой массѣ немного пшеничной муки или, какъ говорятъ, «подбить» ее, и медъ готовъ. Послѣ всего этого даютъ меду остыть и потомъ сливаютъ въ боченки. Нуж-

но замѣтить, что арбузный медъ требуетъ отъ посуды идеальной чистоты; иначе онъ можетъ прокиснуть.

Вся работа по приготовленіи меда возлагается исключительно на женщинъ и большинство изъ нихъ, можно сказать, является специалистками этого дѣла. Помощь со стороны мужчинъ въ данномъ случаѣ заключается въ доставкѣ съ «бахчи» арбузовъ и заготовленіи матерьяла для топки; этимъ матерьяломъ служатъ льняная солома, или же бурьянъ, который собирается для этой цѣли въ степи.

Изъ яровыхъ посѣвовъ можно еще указать на горохъ, фасоль и чечевицу. Все это сѣется исключительно на «поду», въ особенности фасоль, которая, какъ извѣстно, только и можетъ расти на почвѣ, содержащей въ себѣ значительный процентъ извести, а такой почвой въ описываемой мѣстности является «подъ». Культура этихъ растений въ настоящее время самая незначительная, и сѣются они исключительно для домашнего употребленія. Горохъ поѣдается обыкновенно еще въ зеленомъ видѣ, и только часть оставляется для посѣва на слѣдующій годъ. Эти перечисленные растения и составляютъ яровой посѣвъ хуторянъ; всѣ же остальные знаки сѣются подъ зиму.

VI.

Земледѣльческія орудія, употребляемыя при воздѣлываніи почвы подъ яровой посѣвъ. Покосъ. Сборъ сѣна въ зависимости отъ направленія вѣтра. Картина степи въ дождливые и засушливые годы.

Главную роль въ обработкѣ земли подъ яровой посѣвъ у хуторянъ, какъ и слѣдовало ожидать, играетъ плугъ. Другія земледѣльческія орудія, исключая, пожалуй, «куста», почти совсѣмъ не входятъ въ употребленіе. «Кустъ» необходимъ для засыпки посѣянныхъ на вспаханной уже землѣ сѣмянъ; онъ представляетъ собою не что иное, какъ большой пучокъ (кусть) колючаго лохматого терновника, которымъ и

волочатъ по засеянному мѣсту съ цѣлью засыпать сѣмена. Нужно, однако, замѣтить, что «кусть» вполне оправдываетъ свое назначеніе только на «бурувахъ», на рыхлой почвѣ, а на «поду» въ помощь кусту необходима борова, которая размельчаетъ большія глыбы земли, и уже послѣ бороны необходимо еще поволочить «кустомъ».

Съ давнихъ поръ среди казаковъ былъ распространенъ деревянный плугъ, но за послѣднее время онъ все болѣе и болѣе сталъ вытѣсняться желѣзнымъ плугомъ; теперь уже деревянный плугъ встрѣчается, какъ отжившая рѣдкость. Хотя, по правдѣ сказать, сначала казаки довольно скептически относились къ новинкѣ, какъ это всегда и вездѣ бываетъ, и съ жаромъ отстаивали преимущества деревяннаго плуга, ссылаясь на то, что отцы и дѣды пахали деревяннымъ плугомъ и все-таки ѣли хлѣбъ, но потомъ они измѣнили свой взглядъ: практика показала, что деревянный плугъ уступаетъ мѣсто желѣзному, какъ болѣе удобному и болѣе удовлетворяющему современнымъ требованіямъ земледѣлія. Благодаря этимъ новымъ плугамъ, въ настоящее время ежегодно выпахивается такое громадное количество земли, что невольно является у казаковъ опасеніе за будущее, когда настанетъ время, что негдѣ будетъ пахать. Основательность этихъ опасеній оправдывается уже до нѣкоторой степени и теперь; теперь уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поля перепаживаются чуть ли не ежегодно, чего конечно не было и не могло быть раньше, когда пахали тяжелыми деревянными плугами. Тогда мелкіе хозяева, по необходимости, во время пашни соединялись по два или даже по три вмѣстѣ, такъ какъ каждый изъ нихъ не могъ пахать самостоятельно, по недостатку рабочихъ рукъ и скота: тяжелый деревянный плугъ требовалъ къ себѣ не менѣе четырехъ-пяти паръ быковъ, къ которымъ по меньшей мѣрѣ нужно три человѣка «погоничей», да къ самому плугу одного «плугатыря». Очевидно,

что эти условія совершенно невыполнимы для какого-нибудь бѣдняка, у котораго всего-на-всего три быка да одна лошаденка. Теперь же, совсѣмъ не то. Теперь, у кого пара лошадей или двѣ пары быковъ, онъ уже не кланяется другимъ, а пашеть себѣ цѣлую весну самостоятельно, и вмѣсто прежнихъ двухъ десятины, доставшихся ему при дѣлѣжѣ, теперь распахиваетъ ихъ до десятка.

Послѣ всего сказаннаго становится понятнымъ то опасеніе, которое переживаютъ на настоящее время хуторяне. Благодаря частой вспашкѣ одного и того же участка, производительность почвы съ каждымъ годомъ уменьшается; землѣ совершенно не дается отдыха для возобновленія силъ; многопольная система земледѣлія нарушена и отошла въ область преданій; урожаи хлѣбовъ доходятъ до минимума, такъ что теперешнія двѣ десятины даютъ сбора меньше, чѣмъ прежняя одна. Но не только хлѣбъ, даже трава перестала совершенно родиться; съ весны еще кое-что вырастаетъ, но не трава, а какой-то бурьянъ да колючій татарникъ, которые черезъ какія-нибудь двѣ-три недѣли высыхаютъ, и тогда отъ нихъ колючекъ нѣтъ возможности пройти по степи. Приближается, повидимому, время, когда и казакамъ придется взяться за совершенно новое для нихъ дѣло—за удобреніе почвы, о чемъ, безъ сомнѣнія, никто изъ нихъ мечтать не смѣлъ. Отъ частаго перепашиванія и безъ того рыхлая почва «буруновъ» не успѣваетъ окрѣпнуть; она во время сильныхъ лѣтнихъ засухъ разносится вѣтромъ во всѣ стороны и даетъ начало новымъ пескамъ, чѣмъ удваивается бѣдствіе. Былъ не одинъ примѣръ, когда распаханый на «бурунахъ» участокъ земли не зарасталъ больше травой и обращался въ настоящій сыпучій песокъ.

Такое положеніе вещей на хуторахъ весьма неблагопріятно отзывается на скотоводствѣ, которое въ настоящее время почти совершенно невозможно по недостатку свобод-

ныхъ мѣсть для пастьбы—все вокругъ каждаго хутора вспахано и засѣяно хлѣбомъ, такъ что несчастный скоть принужденъ чуть-ли не цѣлый годъ перебиваться на одномъ, давно уже вытоптанномъ, мѣствѣ. Если еще прибавить къ этому страшныя лѣтнія засухи, то получится полная картина голодовки скота.

Посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ заканчивается приблизительно въ половинѣ мая мѣсяца. Къ этому времени созрѣваетъ трава и наступаетъ для хуторянъ самая лучшая пора—пора покоса, когда ихъ дѣятельность развертывается во всю свою ширь. До сихъ поръ эта дѣятельность не настолько была замѣтна, потому что рабочихъ рукъ на пашнѣ не требуется много, особенно при современныхъ усовершенствованныхъ плугахъ: два, а много—три человѣка; остальные же пока сидятъ дома. Съ наступленіемъ времени покоса ужъ не увидишь на хуторахъ никого праздно сидящимъ дома, развѣ только встрѣтишь какого-либо калѣку, или глубокого старика со старухой; но и тѣ не остаются безъ дѣла. Это—такъ называемые «домосѣды», и на ихъ попеченіе оставляется все хозяйство; они ухаживаютъ за домашней птицей, загоняютъ вечеромъ домой и выгоняютъ утромъ скотину; смотрятъ за дѣтьми и исполняютъ другія несложныя работы.

Весенній сборъ сѣна (иногда бываетъ еще и лѣтній покосъ) въ степной полосѣ Терекской области, а слѣдовательно и по хуторамъ находится въ полной зависимости отъ количества выпадающихъ раннею весною атмосферныхъ осадковъ. Если весна богата осадками, то есть надежда на хорошій сборъ сѣна. Количество атмосферныхъ осадковъ, въ свою очередь, зависитъ отъ направленія вѣтровъ. Въ описываемой мѣстности господствуютъ два противоположныхъ направленія вѣтра: юго-западное и сѣверо-восточное. Первое изъ этихъ направленій особенно желательно для описываемой мѣстности. Растительный и животный міръ безводной степи обя-

зань своимъ существованіемъ исключительно юго-западному вѣтру, дующему съ Атлантическаго океана и Чернаго моря и, слѣдовательно, богатому влагою, которая, въ изобиліи осаждаясь, производитъ при содѣйствіи теплаго вѣшняго солнца роскошную зелень. Никогда степь не представляется взору такою привѣтливою, какъ въ дождливую весну; на каждомъ шагу чувствуется дѣятельное присутствіе жизни; въ густой зелени травы скрываются мириады всевозможныхъ насѣкомыхъ, несмолкаемому жужжанію которыхъ вторять съ вышины лазурнаго неба неизмѣнные посѣтители этихъ степей— жаворонки. Нельзя себѣ представить что-либо болѣе пріятное, чѣмъ эта безграничная, зеленая, подобно морю уходящая за горизонтъ степь. Такъ, кажись, стоялъ бы и любовался этой картиной вѣчно; но нужно замѣтить, что съ каждымъ днемъ, съ каждой новой комбинаціей свѣта, эта восхитительная картина мѣняется: новые виды, одинъ краше другого, представляются нашему взору и очаровываютъ его. Сама степь въ теченіе какой-нибудь недѣли успѣетъ вѣсколько разъ перемѣнить свой растительный нарядъ: всевозможные цвѣты, отживая свой короткій вѣкъ, уступаютъ мѣсто другимъ. Но вѣтъ ничего пріятнѣе ночи въ степи! Тогда видится и слышится что-то волшебное. Въ неподвижномъ свѣжемъ воздухѣ, наполненномъ благоуханіемъ, слышится каждый шорохъ, каждый трескъ кузнечика; и только изрѣдка ночная птица пролетитъ гдѣ-то высоко-высоко въ небѣ и взмахомъ своихъ крыльевъ нарушитъ таинственную тишину ночи, да филинъ, сидя у ближайшаго буруна, унылымъ крикомъ заявить о своемъ присутствіи. Тысячи глазъ съ вышины любуются на этотъ засыпающій міръ и своимъ чуднымъ блескомъ еще болѣе усугубляютъ его очаровательную прелесть.

Какую же рѣзкую противоположность этой картинѣ представляетъ степь въ ту «несчастную», какъ выражаются хуторяне, весну, когда изо дня въ день дуетъ сухой и горячій

сѣверо-восточный вѣтеръ! По цѣлымъ мѣсяцамъ на небѣ не увидишь ни единого облачка; въ воздухѣ стоитъ кабая-то мгла, скрадывая совершенно синеву неба; подѣ палящими лучами солнца выгораетъ и безъ того скудный покровъ стени; обнаженная песчаная почва столбомъ подымается вверхъ и разносится во всѣ стороны; вся степь представляетъ какую-то безжизненную пустыню, не оглашаемую уже ни трескомъ кузнечиковъ ни пѣніемъ жаворонковъ.

При такихъ обстоятельствахъ, конечно, и рѣчи быть не можетъ о покосѣ—степь выгораетъ настолько, что даже своту приходится голодать, и онъ, вечеромъ прибѣжавъ съ пастбы, бросается къ ржаной соломѣ, стаскивая ее съ крышъ сараевъ.

Послѣ этого ясно, какая благодать для хуторянъ дождь весною! Нигдѣ онъ не ожидается съ такою радостью, нигдѣ не производитъ такого обновленія въ природѣ, какъ здѣсь! Каждое облачко, появившееся на горизонтѣ, вызываетъ общую радость и ликованіе.

Въ настоящее время, какъ я уже говорилъ, настолько мало остается у хуторянъ свободной отъ посѣвовъ земли, что положительно нѣтъ возможности дѣлать ее подѣ покосъ, тѣмъ болѣе что вся эта свободная земля разбросана маленькими участками между засѣянными полями. Это послѣднее обстоятельство имѣетъ для хуторянъ нѣкоторую выгоду—эти огороженные со всѣхъ сторонъ вивами участки не могутъ уже подвергнуться вытаптыванію скотомъ и составляютъ единственную надежду на покосъ. Поэтому каждый хуторянинъ еще далеко до начала покоса намѣчаетъ себѣ какой-нибудь изъ этихъ участковъ и старается въ назначенный станичнымъ приговоромъ срокъ захватить подходящій участокъ раньше всѣхъ. Въ подобныхъ случаяхъ дѣло, конечно, не обходится безъ недоразумѣній и даже безъ дракъ: пріѣдутъ двое на одинъ и тотъ же участокъ и начинаютъ оканивать

другъ друга, и, само собой разумѣется, тотъ возьметъ верхъ, у кого больше косарей. Въ виду этого каждый торопится подыскать себѣ побольше косарей, которые, благодаря этой конкуренціи, первые три дня покоса берутъ съ хуторянъ такую цѣну, какую только имъ захочется. Главную рабочую силу у хоторянъ на покосѣ и вообще во всѣхъ полевыхъ работахъ составляютъ калмыки. Нужно сказать, что хуторяне эксплуатируютъ ихъ самымъ безбожнымъ образомъ. Зимой у несчастнаго калмыка нечего бываетъ ѣсть; хуторянинъ, зная объ этомъ, даетъ ему взаймы пудъ ржаной муки, или полдоски кирпичнаго чаю, цѣна которымъ—1 р. 20 коп., подъ условіемъ сжать ему десятину (200 с. \times 20) хлѣба или косить два дня. Калмыку остается или согласиться или сидѣть голоднымъ, но, конечно, онъ предпочитаетъ первое, и лѣтомъ, когда его товарищи зарабатываютъ въ день по рублю и даже больше, онъ цѣлую недѣлю со всѣмъ своимъ семействомъ отработываетъ этотъ ничтожный долгъ. Этотъ фактъ можетъ служить только слабой иллюстраціей тѣхъ притѣсненій и издѣвательствъ, какія приходится терпѣть калмыкамъ отъ хуторянъ. Въ экономическомъ отношеніи калмыки находятся отъ хуторянъ въ полной зависимости. Можно наблюдать, съ какою безчеловѣчностью поступаютъ съ калмыками сборщики арендной съ нихъ платы. Если калмыкъ по бѣдности не въ состояніи уплатить къ сроку положенной суммы, то сборщики приходятъ къ нему въ кибитку, безцеремонно забираютъ тамъ послѣдній хламъ, не брезгая даже «таганомъ» и котломъ, и лишаютъ его такимъ образомъ самаго необходимаго, тагъ какъ «таганъ» и котель—неотъемлемая принадлежность каждой кибитки. Такіе случаи настолько обыкновенны, что калмыки, повидимому, привыкли къ нимъ, сжились со своимъ безвыходнымъ положеніемъ и нисколько не протестуютъ противъ хуторянъ, а напротивъ—всѣми силами стараются сни-

скать ихъ расположеніе и всегда при случаѣ оказываютъ имъ помощь въ хозяйствѣ, выбиваясь изъ силъ, чтобы зарекомендовать себя, какъ хорошихъ работниковъ; въ настоящее время это необходимо для калмыковъ еще и потому, что, благодаря плохимъ урожаямъ травъ, хуторяне предпочитаютъ косить машинами и этимъ лишаютъ калмыковъ хорошаго заработка. Машинно-косилки или, какъ ихъ называютъ хуторяне «лобогрѣйки», представляющія послѣднее усовершенствованіе въ способахъ косьбы сѣна, появились среди хуторянъ лѣтъ пять тому назадъ. До того времени особенной нужды въ нихъ не ощущалось: травы родились хорошо, и слѣдовательно былъ расчетъ нанимать косарей-подевшиковъ; теперь же, когда истощенная степь начала зарастать бурьяномъ вмѣсто травы, нѣтъ никакой выгоды нанимать подевшиковъ, десять человекъ которыхъ не накосятъ въ день столько, сколько можетъ накосить одна машина. Въ помощи калмыковъ является необходимость лишь тогда, когда просохшее сѣно начинаютъ складывать въ конны и «метать» въ стога и скирды.

Въ большинствѣ случаевъ сѣно складывается въ степи, обыкновенно на пригоркѣ, а не въ «балкѣ», потому что были примѣры такихъ страшныхъ ливней, которые совершенно затопляли «балки» съ находящимся тамъ сѣномъ. Съ наступленіемъ глубокой осени, а чаще всего зимою по санному пути сѣно свозится домой.

Несмотря, однако, на всѣ усовершенствованія въ приемахъ косьбы, сборъ сѣна у хуторянъ въ настоящее время бываетъ такой ничтожный, что его никогда бы не хватало зимою на прокормленіе скота, если бы не было соломы; поэтому послѣдняя и служитъ главной поддержкой для крупнаго рогатаго скота во время продолжительной зимы; сѣномъ же кормятъ овецъ и лошадей: для остального скота она играетъ роль десерта въ праздничные дни, и вообще хуторя-

не расходуютъ сѣно съ величайшею осторожностью, прибе-
гая на всякій непредвидѣнный случай. Бываютъ, ко-
нечно, такія легкія зимы, что сѣна еще много и остается,
но такіе случаи, въ сожалѣнію, очень рѣдки.

VII.

Лѣто. Уборка озерныхъ хлѣбовъ: ржи, пшеницы и ячменя. Уборка
яровыхъ: льна, овса и проса. Молотьба.

Съ наступленіемъ лѣта наступаетъ и самый разгаръ
дѣятельности хуторянъ. Къ несчастью, этотъ разгаръ ихъ
дѣятельности какъ разъ совпадаетъ съ самымъ убійственнымъ
для всего живущаго въ степи временемъ года. Не даромъ
хуторяне называютъ лѣто «горячимъ» временемъ; еще не
успѣетъ окончиться одна работа, какъ на очередь выступаетъ
другая, не давая такимъ образомъ хуторянамъ ни одного дня
отдыха. Въ это время скорѣе, чѣмъ когда-либо представляется
ошибочнымъ взглядъ на казаковъ, какъ на народъ въ высшей
степени лѣнливый и безпечный, во что еще всѣ вѣрятъ какъ въ
непреложную и вѣками сложившуюся истину. Глядя на нихъ,
можно только удивляться, какъ эти люди могутъ изо дня
въ день работать при такихъ условіяхъ. Съ первыхъ чи-
селъ іюня и до самаго конца августа стоитъ такой невыно-
симый жаръ, что для непривычнаго человѣка отъ него нѣтъ
спасенія даже въ тѣни; казакъ въ это время съ ранней
зари и до поздняго вечера, въ одной рубахѣ и въ войлоч-
ной шляпѣ на головѣ, залитый потомъ, трудится на своей
нивѣ и дѣйствительно въ точности соблюдаетъ заветъ Бо-
га—въ потѣ лица своего добываетъ хлѣбъ. Когда темпера-
тура воздуха въ полдень подымается до $+40^{\circ}$ по Реомюру
и къ этому присоединяется еще вѣтеръ, который, откуда
быви подулъ, обдаетъ васъ со всѣхъ сторонъ какъ бы пламе-
немъ и отъ жгучаго объятія котораго начинаетъ кружить-

ся голова; когда все вокруг представляется пылающимъ въ огнѣ и отъ столбовъ поднявшагося раскаленнаго песку стоитъ какой-то полумракъ, сквозь который ясно вырисовывается красный дискъ солнца, казакъ не покидаетъ поля и, не давая себѣ отдыха и не разгибая спины, терпѣливо продолжаетъ жать свою кормилицу-рожь. Въ такое время жизнь въ степи начинается только послѣ заката солнца, когда вѣтеръ стихаетъ, небо прочищается отъ песку и въ воздухѣ начинается вѣять пріятной прохладой, а къ утру даже становится холодновато. Тогда міръ насѣкомыхъ пробуждается, выползаетъ изъ своихъ дневныхъ убѣжищъ на Божій свѣтъ, взбирается на полузасохшіе стебли бурьяна, подобно бисеру унизывая его съ верхушки до основанія, и начинаетъ обычный свой концертъ, отъ котораго до самаго утра въ воздухѣ стоитъ несмолкаемый шумъ. Но не успѣетъ солнце подняться съ горизонта, какъ все опять замираетъ; неумолимое пекло заставляетъ всѣхъ скрыться куда-нибудь подъ кустикъ; скотъ бѣжитъ съ полей къ колодцамъ и другъ передъ другомъ сиѣшитъ здѣсь утолить свою жажду, и только степные орлы, обратившись въ черныя точки, купаются въ верхнихъ прохладныхъ слояхъ атмосферы, да неутомонные люди, не смотря на нестерпимый зной и убійственный вѣтеръ, спѣшатъ отвоевать у него свою кормилицу-рожь, которая высохла уже настолько, что начинаетъ оссыпаться не только отъ вѣтра, но даже отъ легкаго прикосновенія серпа.

Въ виду такого свойства ржи хуторяне начинаютъ ее жать какъ можно раньше, иногда даже впрозелень, чтобы такимъ образомъ не дать ржи «перестояться» въ полѣ и подвергнуться вытряхиванію вѣтромъ. Поэтому, хотя уборка сѣна еще и не окончена, но если къ этому времени подоспѣетъ рожь, хозяинъ уводитъ рабочихъ съ покоса, вручаетъ вмѣсто косъ серпы, и начинается поспѣшная жатва. Уборка ржи у хуторянъ бываетъ «гуртовая» и «копѣнная»,

т. е. рабочіе нанимаются жать подесятинно, или же получаютъ плату отъ каждой копны. Такая система соблюдается и при уборкѣ пшеницы. Конечно, хуторяне всегда предпочитаютъ отдавать жать рожь «гуртомъ», особенно при хорошемъ урожаѣ, и такая уборка обходится несравненно дешевле той, когда приходится платить отъ копны; тогда работникъ не старается сжать рожь поскорѣе, а только и думаетъ, какъ бы этакъ надѣлать за день побольше копень, и поэтому жнетъ чуть ли не подъ корень, чтобы больше было соломы. Плата отъ копны (52 снопа) колеблется между 50 и 70 копейкамъ, смотря по урожаю: чѣмъ гуще рожь и чѣмъ, слѣдовательно, работникъ больше можетъ жать въ день, тѣмъ плата отъ копны бываетъ меньше, и наоборотъ. При «гуртовой» уборкѣ ржи плата за десятину (200 с. \times 20 = 4000 кв. с.) отъ пяти рублей при неурожаѣ доходить въ урожайные годы до 10 рублей, при чемъ на обязанности рабочихъ какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ первомъ лежить свести и сложить снопы въ копны.

Опасными конкурентами калмыковъ на жатвѣ являются ногайцы, которые къ этому времени приѣзжаютъ изъ своихъ ауловъ на хутора и почти всю работу забираютъ въ свои руки. Это—никѣмъ незамѣнимые работники на жатвѣ. Ногайцы нанимаются жать обыкновенно артелями, въ каждой изъ которыхъ есть свой башеваръ (базанши), который ничѣмъ другимъ не занимается, какъ только тѣмъ, что готовить раза три-четыре въ день кирпичный чай, за что и получаетъ такую же часть заработка, какъ и всѣ остальные.

Недѣли черезъ двѣ работы всѣ по уборкѣ ржи заканчиваются; снопы сложены въ копны, которыя правильными рядами изрѣзываютъ нивы по всѣмъ направленіямъ, торча золотистыми головами изъ высокой щетинистой жнивы. Къ этому времени на «поду» созрѣваетъ пшеница, которая хотя и не подвергается вытряхиванію вѣтромъ, тѣмъ не ме-

иѣе требуетъ неотложной уборки, такъ какъ «перестоявшаяся» пшеница теряетъ свой цвѣтъ: изъ ярко-красной обращается въ блѣдную, отчего и мука получается низшаго сорта. Кромѣ того, изъ пересохшей пшеничной соломы нельзя скручивать «свясла» для сноповъ, и, чтобы они не рвались, ихъ приходится постоянно, особенно въ полдень, смачивать водой. Однимъ словомъ, представляется много неудобствъ при уборкѣ «перестоявшейся» пшеницы.

Въ подобныхъ случаяхъ пшеницу предпочитаютъ косить, но не косою, а машиной, которая, по желанію хозяина, можетъ оставлять какую-угодно жнивую, отчего получается меньше соломы и устраняются, слѣдовательно, неудобства при молотбѣ.

Одновременно съ уборкой ржи производится уборка ячменя, но она проходитъ какъ-то незамѣтно, такъ какъ культура ячменя среди хуторянъ въ настоящее время самая незначительная вслѣдствіе ничтожныхъ урожаевъ: поля, засѣянные ячменемъ, зарастаютъ травой, среди которой торчатъ рѣдкіе стебельки его, а потому онъ въ большинствѣ случаевъ выкашивается на кормъ скоту.

Ноэтимъ еще не заканчивается уборка озимыхъ хлѣбовъ; дѣлу конецъ только тогда, когда снопы перевезены на гумно; но перевезти тотчасъ же по снятіи хлѣба снопы ржи и пшеницы на гумно не всегда удается, и имъ иногда долго приходится лежать копнами въ полѣ, пока не закончатся очередныя работы и не дойдетъ очередь до нихъ. Къ этому времени начинаютъ посѣвно, одинъ за другимъ, созрѣвать яровые посѣвы: ленъ, овесъ и раннее просо. Снопы перевозятся обыкновенно на хуторъ въ «сѣнники» и складываются въ большія конусообразныя стойки (адони), которыя сверху прикрываются отъ дождя соломой. Къ концу іюня много уже можно увидѣть по хуторамъ въ «сѣнникахъ» скирдъ свезеннаго хлѣба, но еще больше этихъ скирдъ

стоитъ въ степи, такъ какъ за дальностью разстоянія не всегда удобно перевозить снопы домой, особенно снопы пшеницы, которая съется хуторянами на «поду», верстъ на 15—20 отъ хутора. Въ подобныхъ случаяхъ предпочитаютъ складывать снопы въ «адони» прямо въ степи, выбравъ предварительно покрѣпче грунтъ, на «цѣлинѣ», гдѣ впоследствии расчищается «стокъ» и производится молотба. Однако складывать снопы прямо на полѣ представляетъ для хуторянъ много неудобствъ: во-первыхъ, снопы сплошь да рядомъ подвергаются поправкѣ, отчего происходятъ между хуторянами постоянныя кляузы; во-вторыхъ, не всегда, особенно въ настоящее время, удастся найти твердый грунтъ для устройства «тона», для укрѣпленія котораго проходитъ возить бочками воду за цѣлыя десятки верстъ, что, конечно, сопряжено съ большими затрудненіями, особенно въ лѣтнее время года, да еще въ безводной степи; безъ воды же «тонъ» бываетъ покрытъ большимъ слоемъ песку и становится совершенно невозможнымъ для молотбы хлѣба—въ пескѣ нельзя отыскать зерна.

Изъ яровыхъ посѣвовъ раньше всѣхъ созрѣваетъ ленъ, такъ какъ раньше другихъ онъ весной и съется. Съ уборкой его тоже нельзя медлить, потому что перезрѣвшія его головки отъ сильныхъ вѣтровъ начинаютъ отпадать, а деревянистые стебли затвердѣваютъ настолько, что страшно затрудняется его покосъ: и самая острая коса не срѣзаетъ льна, а только дергаетъ его съ корнемъ. Въ такихъ случаяхъ незамѣнимую услугу хуторянамъ оказываютъ «лобогрѣйки», страшные зубы которыхъ не останавливаются ни передъ какими препятствіями; нужно только поскорѣ гнать запряженныхъ лошадей или быковъ, да почаще падтачивать косы. Но зато достается на орѣхи тому, кто обреченъ сидѣть на «лобогрѣйкѣ» и сбрасывать влами съ ея платформы скошенное сѣно или что-либо другое: черезъ какихъ-нибудь полчаса она такъ

«нагрѣваетъ ему лобъ», что онъ приходитъ въ полное изне-
моженіе и сибнётся другимъ. Отсюда хуторяне и дали ей
названіе «лобогрѣйка». Трудность очистки платформы еще
удваивается, когда приходится косить густую зеленую траву;
тогда непривычный челоѡкъ не въ состояніи высидѣть на
«лобогрѣйкѣ» и десяти минутъ. Не легче этого приходится
и запряженному въ «лобогрѣйку» скоту: тяжелыя чугунныя
колеса ея глубоко врѣзаются въ рыхлый грунтъ и оста-
вляютъ по себѣ борозды, какъ отъ плуга. На «поду», гдѣ
земля гораздо крѣпче, этого, конечно, не бываетъ, и косить
здѣсь для скота несравненно легче.

Уборка проса и овса происходитъ такимъ же порядкомъ,
какъ и уборка озимыхъ хлѣбовъ; но при современныхъ
плохихъ урожаяхъ проса, въ особенности поздняго, не все-
гда удобно и даже возможно его жать, а въ большинствѣ
случаевъ приходится косить. Скошенное просо складывает-
ся на нивѣ въ «сѣнныя» копны, т. е. какъ сѣно.
При хорошемъ урожаѣ хуторяне отдають калмыкамъ жать
просо «покопенно» — три копны (52 сн. \times 3) на рубль; при
такой дешевизнѣ рабочихъ рукъ уборка его для хуторянъ,
конечно, почти ничего не стоитъ. Дешевизна эта объясняется
тѣмъ, что полевая работа къ этому времени подходитъ къ
концу и калмыки остаются безъ дѣла, но чтобы не сидѣть
дома праздно, они идутъ работать за самыя ничтожныя цѣны,
которыя, нужно однако замѣтить, не всегда бываютъ ничтожны,
а только при благопріятной погодѣ; стоитъ подуть восточному
вѣтру, этому настоящему бичу хлѣбовъ въ степной полосѣ
Терской области, какъ цѣны на уборку проса неизмовѣрно
поднимаются: каждый хозяинъ спѣшитъ нанять себѣ по-
больше работниковъ и тѣмъ не дать просу высыпаться оконча-
тельно. Въ виду этого просо начинаютъ жать еще совершенно
зеленымъ, но, чтобы оно не попрѣло, его не связываютъ тот-
часъ же въ снопы, а тонкимъ слоемъ разстилають на при-

готовленные «свясла» и связываютъ только по прошествіи двухъ-трехъ дней; еще послѣ этого снопы въксторое время разставляются по-одиночкѣ, вверхъ кистью, для просушки, затѣмъ уже складываются въ копны.

Къ половинѣ августа работы по уборкѣ яровыхъ по-сѣвовъ подходятъ къ концу. Зеленая незадолго до этого времени поля усѣяны безчисленными конями сноповъ сжатаго и скошеннаго проса, среди которыхъ по золотисто-желтому фону живы тянутся длинныя темнозеленыя ленты конопля, которая одна сиротливо остается къ этому времени на полѣ, среди угрюмыхъ окрестностей, напоминая былую ихъ прелесть подъ сплошнымъ покрываломъ зелени хлѣбовъ. Долго еще ей придется стоять одинокою среди поля; снопы проса давно уже перевезены домой; подходитъ конецъ сентября и съ нимъ начало осенней непогоды; только тогда начинается уборка конопля. Ее жнутъ серпами, связываютъ въ пучки, которыми даютъ въксторое время просохнуть и затѣмъ уже перевозятъ домой.

Августъ мѣсяць самый сухой изъ лѣтнихъ мѣсяцевъ въ степной полосѣ Терской области. Во все его продолженіе рѣдко увидишь на небѣ облачко; скудный растительный покровъ степи выгораетъ окончательно, и въ полѣ, что называется, хоть шаромъ покати; потому августъ въ то же самое время и «голодный» мѣсяць, въ особенности для скота. Это время признается наиболѣе удобнымъ для молотбы, такъ какъ можно быть увѣреннымъ, что дождь ужъ не помочитъ зерно на «тобу»; хотя иногда, при благопріятной погодѣ, молотба начинается гораздо раньше—въ срединѣ или даже въ началѣ іюля. Особенно торопятъ хуторявъ молотбсю лень, который, какъ извѣство, совершенно не выноситъ сырости, и стоитъ только дождю хоть разъ хорошенько намочить лень, какъ онъ становится набуда негоднымъ: солома червѣеть, а зерно съ первымъ пригрѣвомъ

солнца начинает прорастать. То же самое и пшеница требует неотложной молотбы, такъ какъ при наступленіи осеннихъ пасмурныхъ дней, благодаря особенному устройству ея колоса, молотба чрезвычайно затрудняется, а при томъ способъ, который употребляютъ хуторяне, становится и совершенно невозможной. Способъ этотъ никакъ нельзя назвать молотбою, а скорѣе — «топаніемъ», какъ и называютъ его сами хуторяне; на вопросъ: «зачѣмъ ѣдешь въ поле?» хуторянинъ никогда не скажетъ — молотить, а отвѣтитъ: ѣду «топать» рожь, или пшеницу, или что-либо другое, такъ какъ это названіе болѣе всего соотвѣтствуетъ тому дѣйствию, которое онъ производитъ. Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ: на чисто выметенный «токъ» настилаются развязанные снопы, слоемъ въ полъ-аршина толщиною, и начинается кругообразное движеніе по «току» на телѣгахъ, запряженныхъ волами, на которыя для этой цѣли нагружается извѣстная тяжесть. Время-отъ-времени солому переворачиваютъ (мѣшаютъ) и послѣ трехъ-четырехъ такихъ переворачиваній ее «сбиваютъ» съ «тока»; зерно вмѣстѣ съ мякиной сгребаютъ въ кучу на средину «тока» и начинаютъ вѣять, подбрасывая лопатами вверхъ. Такое перебрасываніе при слабомъ вѣтрѣ приходится дѣлать нѣсколько разъ и въ послѣдній разъ «подъ сѣтку», которая уже совершенно очищаетъ зерно отъ мякины. Такъ какъ этотъ способъ очистки зерна отъ мякины крайне неудобенъ, а при безвѣтріи и совѣтъ невозможенъ, то хуторяне въ послѣднее время стали приобрѣтать вѣялки, которыя, какъ извѣстно, могутъ очищать зерно во всякое время. Необходимость въ нихъ особенно чувствовалась при очисткѣ отъ мякины льна, и первоначально онѣ были приобрѣтаемы исключительно для этой цѣли; но теперь онѣ имѣютъ болѣе широкое примѣненіе — ими очищаютъ не только ленъ, но весь остальной хлѣбъ. Безъ вѣялки очистка льна отъ мякины чрезвычайно за-

труднялась: при мало-мальски сильномъ порывѣ вѣтра лень уносился вмѣстѣ съ мякиной далеко за «току».

Въ виду крайней медленности молотѣбы при вышенопменованномъ способѣ, хуторяне прибѣгаютъ къ нему только въ крайней необходимости, при молотѣбѣ, напрямѣръ, льна и пшеницы, которыя только еще возможно обмолотить этимъ способомъ; другіе же хлѣба: рожь, овесъ, ячмень и просо молотятъ уже по другому способу. Суть дѣла та же, что и въ первомъ случаѣ; разница состоитъ только въ томъ, что по «току» ѣздятъ не на телѣгахъ; а гоняютъ на арканѣ рядомъ нѣсколько лошадей вокругъ кола, вбитаго посрединѣ «тока». Арканъ все время или закручивается вокругъ кола, или раскручивается, что не даетъ возможности лошадямъ бѣгать въ одномъ направленіи и по одному мѣсту и, слѣдовательно, закружиться. При этомъ способѣ молотѣбы снопы уже не разстилаются по «току» пластомъ, а прислоняются наклонно другъ къ другу вверхъ колосьями: первые снопы вертикально прислоняются къ колу, а вокругъ нихъ приставляются другіе, уже наклонно, послѣ чего получается огромный кругъ плотно прислоненныхъ другъ къ другу сноповъ, торчащихъ вверхъ колосьями. На этотъ кругъ вводятъ лошадей и начинаютъ гонять, сначала, конечно, медленно, потому что имъ приходится на каждомъ шагѣ проваливаться въ отверстія между сноповъ; затѣмъ снопы начинаютъ постепенно раздвигаться; толщина слоя уменьшается и становится возможнымъ гонять лошадей быстро.

Нужно сказать, что сами хуторяне «топчутъ» въ большинствѣ случаевъ только лень и пшеницу, а на все остальное навимаютъ ногайцевъ или балмыковъ, которые берутъ за работу зерномъ—13-15 мѣръ, и по уговору—мѣру отъ каждаго «тока» (т. е. на сколько «токовъ» выйдетъ хлѣба). Кромѣ очистки зерна, на обязанности «топталщиковъ» лежить уборка въ скирды соломы.

Описанный способ въ смыслѣ скорости имѣеть большое преимущество передъ первымъ, и при немъ можно «отоптать» сноповъ въ день въ два раза больше. Кромѣ того, какъ неоднократно было замѣчено хуторянами, когда хлѣбъ «топтанъ» быками, солома принимаетъ запахъ ихъ экскрементовъ и становится совершенно негодною въ кормъ скоту; экскременты же лошадей, повидимому, не имѣють вліянія на добробачественность соломы, потому что рогатый скотъ ѣсть ее съ удовольствіемъ.

Молотьба заканчивается обыкновенно къ половинѣ сентября. Бываютъ, положимъ, иногда «неуправки» съ молотьбой проса; это отчасти происходитъ отъ того, что хуторяне не особенно торопятся съ нею, зная, что это можно сдѣлать во всякое время, даже зимою, въ морозные дни. Молотьба проса зимою чаще всего случается тогда, когда чувствуется недостатокъ въ соломѣ на кормъ скоту. Сырость въ данномъ случаѣ особеннаго вліянія на зерно не оказываетъ; тѣмъ не менѣе съ наступленіемъ весны бываетъ необходимо просушить просо на солнцѣ, что хуторяне всегда и дѣлають.

VIII.

Осень. Возрожденіе природы степи. Посѣвъ озимыхъ хлѣбовъ. Приготовленія къ зимѣ. Современное состояніе земледѣлія. Вредныя насекомыя и средства борьбы съ ними. Огородничество.

«Засентябрило» — говорятъ хуторяне; это значитъ — ясное лѣтнее небо все чаще завлакивается съ запада свинцовыми тучами, сквозь которыя изрѣдка проглядываетъ (зѣваетъ) стыдливое солнышко. Густыя тѣни ихъ, гонимыя порывистымъ вѣтромъ, одна за другой пробѣгаютъ мрачныя пустынные поля, уступая мѣсто другимъ, которыя непрогляднымъ слоемъ облегають горизонтъ. Начинаетъ моросить мелкій дождикъ, который продолжается иногда цѣлую недѣлю.

Наступленіе осени на хуторахъ напоминаетъ собою отчасти наступленіе весны — та же свѣжесть воздуха, особенно

замѣтная послѣ томительной лѣтней жары; та же зелень, покрывающая степь послѣ перваго дождика. Но нѣтъ ужъ того разнообразія въ этомъ зеленомъ коврѣ; нѣтъ тѣхъ пестрыхъ узоровъ, которыми такъ щедро украшаетъ степь благодатная весна. Нѣтъ уже оживленія и среди многочисленныхъ пернатыхъ обитателей степи; многіе изъ нихъ замогели навсегда, проживъ свой короткій вѣкъ; другіе большими стаями готовятся къ отлету на далекій югъ и не рѣзвятся ужъ потому, что подходитъ ихъ часъ разлуки съ этой привольной степью; всѣ они расстаются съ нею въ надеждѣ найти и впредь здѣсь такой же пріемъ. Ласточки еще съ половины августа перестали улаживать слухъ хуторянина своимъ ласковымъ щебетаньемъ, покинувъ на ихъ попеченіе свои затѣйливыя гнѣзда, чтобы съ новой весной опять начать ихъ хлопотливое подновленіе. Вслѣдъ за ними, длинными, уходящими за облака, вереницами потянулись журавли, которые, какъ бы не желая сразу расстаться съ этимъ привольемъ, нѣсколько разъ возвращаются по вечерамъ взглянуть на степь и сильнѣе запечатлѣть у себя ея чудный образъ. Огромныя тучи жаворонковъ съ несмолгаемымъ шумомъ носятся въ воздухѣ, и худо для хуторянина, если одна такая туча обляжетъ его засѣянную озимью ниву: черезъ часъ-два отъ зерна остаются одни воспоминанія.

Особенно часто страдаетъ отъ жаворонковъ пшеница, которую они выклевываютъ всю до зерна, если тотчасъ же послѣ посѣва не пройдетъ дождь и не прибѣдетъ земля. Тогда хуторянамъ нечего беспокоиться за посѣянную пшеницу, такъ какъ она начинаетъ прорастать, вслѣдствіе чего жаворонки не въ силахъ раскопать ногами прибитой дождемъ почвы. Къ концу сентября остаются въ степи только коршуны (луны), дрофы, стрепеты и куропатки; они покидаютъ степь совсѣмъ ужъ поздно, иногда съ появленіемъ перваго снѣга, а нѣкоторые, какъ, напри-

мѣръ, куропатки и дрофы, внезапно застигнутыя зимою, остаются здѣсь и навсегда, питаются по гумнамъ остатками зерна и мякны; у убитыхъ же зимою дрофъ находили въ желудкѣ даже сѣно. Неудивительно поэтому, что жирныя осенью дрофы въ концу зимы страшно худѣютъ, и тогда охота на нихъ совершенно прекращается.

Съ наступленіемъ осени на нивахъ шумъ работъ утихаетъ. Хуторяне «доваживаютъ» съ полей остатки сноповъ проса, очищаютъ отъ бурьяна землю подъ озимый посѣвъ, который начинается здѣсь съ первыхъ чиселъ сентября и заканчивается приблизительно въ половинѣ октября. Озимый хлѣбъ у хуторянъ и вообще у казаковъ на Терекѣ сѣется на той же землѣ, которая была подъ яровымъ посѣвомъ, при чемъ придерживаются известной системы относительно того, гдѣ и какую озимь посѣять. Подъ пшеницу, на примѣръ, которая, нужно сказать, сѣется раньше всѣхъ остальныхъ озимыхъ хлѣбовъ, предназначаются поля, исключительно бывшія подъ льномъ. Дѣлается это на основаніи многолѣтняго опыта, который показалъ, что пшеница, посѣянная на мѣстѣ льна, даетъ несравненно лучшіе урожаи. Ячмень тоже сѣется исключительно на «поду», но онъ уже не такъ капризенъ на почву, какъ пшеница, и потому ему отводятъ мѣсто, бывшее подъ какимъ-угодно яровымъ посѣвомъ, благодаря чему онъ, можетъ-быть, и пересталъ въ настоящее время родиться. Позже остальныхъ сѣется рожь. Мѣсто для ржи предназначается и на «поду» и на «бурунахъ», но послѣднимъ всегда отдается предпочтеніе, такъ какъ здѣсь рожь всѣмъ беретъ: и качествомъ муки, которая бываетъ несравненно бѣлѣе муки подовой ржи, и качествомъ соломы, которая получается мягче и, слѣдовательно, сѣдобнѣе, и, наконецъ, она беретъ ростомъ.

Землю подъ посѣвъ озими не перепахиваютъ вторично, а только взбораниваютъ или, какъ говорятъ казаки—«воло-

чать», и потому озимый посѣвъ у нихъ называется иначе «волочбой» (отъ словъ—волочить по полю бороной). Однако въ послѣднее время, когда земля стала зарастать густымъ бурьяномъ и корнистымъ пыреемъ, который совершенно исключаетъ возможность взборонить землю, приходится хуторянамъ прибѣгать къ помощи плуга, и такое вторичное перепашиваніе земли у нихъ называется «оборотомъ». Чаще всего приходится «оборачивать» поля на «поду», бывшія подъ овсомъ и просомъ, такъ какъ «волочбѣ» препятствуютъ здѣсь многочисленные корни отъ этихъ хлѣбовъ. Иногда осенью дѣлается оборотъ полей, бывшихъ подъ ячменемъ, когда на нихъ, вслѣдствіе сильнаго вѣтра или града, остается много сбитыхъ колосевъ. Эти запаханые колосья дружно прорастаютъ и на слѣдующій годъ даютъ прекрасные урожаи. Кромѣ того, благодаря громадной площади земли, вспахиваемой хуторянами каждую весну, очень часто не бываетъ возможности всю ее занять подъ яровой посѣвъ, и нѣсколько десятинъ приходится оставлять свободными (подъ паръ) до осени, для посѣва озими.

Въ настоящее время среди хуторянъ практикуется еще одинъ довольно оригинальный способъ «волочбы». Для этого не прибѣгаютъ уже къ помощи бороны: роль ея возлагается на табуны овецъ и лошадей, которыхъ гоняютъ по засѣянному полю до тѣхъ норъ, пока совершенно не затопчутъ зерна. Способъ этотъ, конечно, и легче и скорѣе перваго, но, къ сожалѣнію, не вездѣ примѣнимъ: на «поду» безъ участія бороны обойтись никакъ ужь нельзя.

Недѣли черезъ двѣ сѣрыя поля, засѣянные озимью, покрываются зеленью, по которой пасутся табуны скота и которая служитъ лучшею приманкой для дрофъ и стрепетовъ. Большія стаи ихъ ежедневно, съ утра до ночи, путешествуютъ по этому зеленому ковру и такъ увлекаются его прелестью, что совершенно забываютъ объ отлетѣ на югъ, а

туть нежданно-негаданно ударила зима и застала ихъ въ лѣтней остоновкѣ...

Посѣвомъ озимыхъ хлѣбовъ заканчиваются у хуторянъ полевья работы, послѣ чего дѣятельность ихъ сводится главнымъ образомъ къ приготовленію къ зимѣ: нужно перевести съ поля кормъ, такъ какъ въ зимнее время, при частыхъ метеляхъ и заносахъ, доставка его затрудняется или становится совершенно невозможной, хотя по санному пути это было бы гораздо удобнѣе; еще необходимо произвести ремонтъ хлѣбовъ и сараевъ, подновить у нихъ крыши, обмазать стѣны, которыя за лѣто приходятъ въ полное разореніе: крыша съ сараевъ сносится вѣтромъ, а сухой вязякъ или самъ отваливается отъ стѣнъ или же хуторяне возмѣщаютъ имъ недостатокъ въ топливѣ. Кромѣ того, и самимъ хуторянамъ нужно обезпечить себя во всемъ необходимымъ, такъ какъ зима совершенно изолируетъ ихъ отъ всего остального міра: дороги въ станицы становятся невозможными для проѣзда, а въ страшныя «шурганы» рѣдко кто отваживается подвергать себя опасности быть засыпаннымъ снѣгомъ.

Прежде всего, по окончаніи полевыхъ работъ, каждый снѣшитъ намолотъ себѣ на зиму муки. Своихъ мельницъ у хуторянъ нѣтъ, а водяныя мельницы на Терекѣ съ первымъ морозомъ прекращаютъ свою дѣятельность. Поэтому на этихъ мельницахъ осенью скопляется столько хуторянъ, что нѣкоторымъ изъ нихъ приходится ждать «очереди» по цѣлымъ недѣлямъ, что, конечно, представляетъ большія неудобства.

Для мельниковъ это время—сущій праздникъ: каждый несетъ бутылку водки, стараясь ихъ этимъ «подмаслить», чтобы смолоть не въ очередь, и поэтому они никогда почти не просыпаются отъ пьянства.

Въ заключеніе можно сказать, что, несмотря на всевозможныя усовершенствованія въ области земледѣлія, оно

находится у хуторянъ далеко не на той высотѣ, на которой слѣдовало бы ему быть, какъ главному источнику ихъ благосостоянія, и на которой оно находится во всѣхъ образцовыхъ земледѣльческихъ странахъ и даже у насъ въ Россіи, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Черноземной полосы. Не будемъ говорить о физическихъ условіяхъ, въ зависимости отъ которыхъ находится земледѣіе въ степной полосѣ Терской области, такъ какъ съ увѣренностью можно сказать, что восточная часть Черноземнаго пространства находится ничуть не въ лучшихъ условіяхъ, и разница будетъ состоять, можетъ-быть, только въ одной почвѣ. Причину же такого состоянія земледѣлія, въ которомъ оно сейчасъ находится у хуторянъ, нужно искать, главнымъ образомъ, въ небрежномъ отношеніи къ нему самого населенія и только отчасти въ физическихъ условіяхъ мѣстности. Что касается этихъ послѣднихъ, то они, правда, довольно-таки неблагоприятны для земледѣлія; чуть ли не каждое лѣто сопровождается продолжительными засухами, во время которыхъ всѣ хлѣбные посѣвы или погибаютъ окончательно, или же бываетъ недородъ. Подобные недороды въ настоящее время повторяются почти ежегодно, чему, между прочимъ, кромѣ засухъ, способствуетъ еще быстрое истощеніе почвы. При континентальности климата зима тоже не всегда благоприятствуетъ земледѣлію: часто озимь при малоснѣжной зимѣ страдаетъ отъ морозовъ, которые нерѣдко доходятъ до -20° Ц.

Усиливающееся годъ отъ году истощеніе почвы нельзя объяснить ничѣмъ другимъ, какъ только хищническимъ пользованіемъ землею, при которомъ не соблюдаются даже самыя элементарныя требованія разумнаго земледѣлія. Нужно сказать, что казаки избалованы землею и съ первыхъ же дней своего существованія на Терекѣ привыкли считать себя вполне обеспеченными ею; поэтому и до настоящаго времени, не сообразуясь съ ростомъ народонаселенія, они по

старой привычкѣ продолжаютъ пахать, гдѣ кому угодно и сколько угодно. Общіе интересы, благодаря этому, отодвигаются здѣсь на второй планъ; каждый преслѣдуетъ только свои собственныя цѣли и старается захватить себѣ участки побольше и получше, но такъ какъ онъ пользуется имъ только годъ-два, то ему нѣтъ особенной нужды радѣть объ этомъ участкѣ, вводитъ на немъ какія-либо улучшенія: на слѣдующій годъ онъ безпрятственно можетъ оставить его и перейти къ обработкѣ другого. Это господствующій взглядъ на дѣло у всѣхъ казаковъ: сегодня здѣсь, а завтра тамъ! Такое нерадѣніе по отношенію къ землѣ и такое хищническое пользованіе ею грозитъ въ недалекомъ будущемъ полнымъ бесплодіемъ почвы, которое уже и теперь даетъ себя чувствовать постоянными недородами; тогда казаки, привывшіе считать себя вполне обезпеченными землею, могутъ очутиться въ крайне критическомъ положеніи, и онѣмъ болѣе будетъ безвыходнымъ, что, кромѣ земледѣлія и скотоводства, у нихъ нѣтъ никакихъ другихъ источниковъ существованія. Замѣчательно, что казаки всѣ создаютъ зло, которое можетъ повлечь за собой такая ихъ беспорядочность пользованія землею, но, къ сожалѣнію, они не идутъ дальше этого сознанія, не стараются предупредить могущаго произойти общественнаго бѣдствія и, по свойству русскаго человѣка, больше всего надѣются на «авось» да на помощь Божью—«будущее все во власти Божьей»!

Успѣшному занятію земледѣліемъ на хуторахъ очень часто еще препятствуютъ всевозможныя вредныя насѣкомыя. Изъ нихъ грозою для хуторянъ, безъ сомнѣнія, является саранча, избавиться отъ которой и до сихъ поръ пока нѣтъ никакихъ средствъ. Практикуемыя въ настоящее время мѣры борьбы съ саранчою дѣйствительны только до нѣкоторой степени. Прославленная въ теоріи парижская зелень на практикѣ показала полную свою непригодность къ цѣлямъ истребленія

саранчи, что подтвердили многочисленныя опыты, когда саранчу не только вспрыскивали, но даже прямо клали въ растворъ этой зелени, и она выходила оттуда цѣлой и невредимой. Если, конечно, этотъ фактъ не считать чудомъ, то ясно, что дѣйствіе парижской зелени на саранчу сводится къ нулю. Гораздо большую услугу оказываютъ хуторянамъ въ борьбѣ съ саранчой ихъ собственныя «доморощенные» средства. Самымъ распространеннымъ изъ нихъ является засыпка саранчи землею, когда она бываетъ еще «пѣшая», т. е. неокрылившаяся, и нужно замѣтить, что этотъ періодъ ея развитія самый удобный для борьбы съ нею; когда же она окрылится, то всякая борьба становится совершенно невозможною. Указанный способъ вѣрнѣе всего ведетъ къ цѣли, но въ то же время онъ и самый затруднительный для хуторянъ. Дѣло состоитъ въ томъ, что приходится копать огромныя канавы на томъ мѣстѣ, гдѣ находится одинъ такой станъ саранчи (пѣшей), при чемъ стѣнки необходимо должны быть строго отвѣсными, въ противномъ случаѣ упавшая въ канаву саранча снова выползаетъ наружу. Къ канavamъ со всѣхъ сторонъ расчищаются лопатами или проводятся плугомъ дорожки, по которымъ гонимая съ визгомъ и шумомъ саранча быстрѣе спалзываетъ къ своей общей могилѣ на вѣчное успокоеніе. Для погребенія одного такого стана понадобится не одинъ десятокъ канавъ, а сколько же ихъ нужно, чтобы похоронить всю ея массу, разбросанную въ степи на огромномъ пространствѣ? Поэтому, несмотря на всѣ усилія со стороны хуторянъ, имъ никогда почти не удается уничтожить саранчу окончательно: большая часть ея успѣваетъ окрылиться, и тогда эта ничѣмъ неукротимая стихія уничтожаетъ все на своемъ пути, обращая степь въ голодную пустыню.

Практикуется у казаковъ еще и другой способъ борьбы съ саранчюю; на нее набрасывается солома и все пространство обливается керосиномъ и поджигается въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Здѣсь дѣло идетъ, конечно, успѣшнѣе, но неудобство заключается въ томъ, что затруднительно доставать такое громадное количество соломы и, притомъ, подобное массовое истребленіе не всегда можетъ сойти безопасно: въ сухую весну отъ этого можетъ произойти пожаръ всей стени, и тогда навѣрное достанется не одной саранчѣ...

Жертвою саранчи дѣлается, главнымъ образомъ, просо. Озимымъ хлѣбамъ она большого вреда приносить не можетъ, такъ какъ къ тому времени, когда саранча достигаетъ періода полного своего развитія и становится особенно прожорливой, озимь успѣваетъ если не окончательно созрѣть, то, по крайней мѣрѣ, затвердѣть настолько, что можетъ быть вполне застрахованной отъ уничтоженія саранчой. Чтобы спасти просо отъ саранчи, хуторяне прибѣгаютъ къ слѣдующей мѣрѣ: на поляхъ, засѣянныхъ просомъ, разводятъ костры, и дымъ отъ этихъ костровъ, по мнѣнію хуторянъ, оказываетъ дурное вліяніе на саранчу, не позволяя ей спускаться на нивы; но и это послѣднее ихъ усиліе не даетъ надлежащихъ результатовъ, особенно вечеромъ, когда никакой дымъ не можетъ остановить ея грознаго движенія; гдѣ саранча успѣетъ сѣсть на ночлегъ, на томъ мѣстѣ къ утру, вмѣсто густого зеленого проса, остается одинъ пометь саранчи, сплошнымъ слоемъ устилающій все поле.

Хорошо еще, если саранча, истребивъ въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ посѣвы, оставитъ опустошенныя поля и улетитъ куда-нибудь въ другое мѣсто; но это не всегда бываетъ: она носится обыкновенно по волѣ вѣтра, который дуетъ по неизвѣстнымъ еще законамъ, и потому очень часто случается, что саранча кладетъ яйца (бросаетъ икру) на одномъ и томъ же мѣстѣ нѣсколько лѣтъ сряду, и тогда, конечно, у хуторянъ пропадаетъ всякая надежда на урожай.

Кромѣ саранчи большое вліяніе на успѣхъ земледѣлія на хуторахъ оказываетъ хлѣбный жукъ (козява), который

уже причиняетъ вредъ исключительно озимымъ хлѣбамъ, главнымъ образомъ, ржи. Особенно опасенъ жукъ для ржи въ періодъ, слѣдующій за ея цвѣтеніемъ, когда колосья ржи начинаютъ наливать и вещество зерна бываетъ настолько жидкимъ, что легко высасывается (выпивается) хоботкомъ насекомага. Къ счастью для хуторянъ, хлѣбный жукъ довольно рѣдко посѣщаетъ ихъ поля, но зато если когда появится, то безпрепятственно «выпиваетъ» рожь, такъ какъ и до настоящаго времени хуторяне совершенно безоружны противъ него. Цѣлыя тучи его носятя надъ нивами, безвозвратно обреченными ему въ жертву; мириады этихъ жучковъ садятся на хлѣбныя растенія, унижая ихъ съ верхушекъ до основанія. Такъ какъ нѣтъ средствъ совершенно избавиться отъ жука, то въ то время, когда онъ сплошнымъ сѣрымъ слоемъ облегаетъ колосья ржи, хуторяне дѣлаютъ попытки согнать его съ нивы. Этой цѣли служить длинная веревка, которую берутъ два человѣка за оба конца и начинаютъ тащить вдоль по нивѣ такъ, чтобы она пригибала колосья и, слѣдовательно, спугивала сидящихъ на нихъ жуковъ. Средство это не даетъ положительно никакихъ результатовъ, такъ какъ жукъ только на нѣсколько минутъ поднимается съ нивы, а затѣмъ опять попрежнему садится на колосья, чтобы продолжать свою разрушительную работу; поэтому въ этой мѣрѣ хуторяне прибѣгаютъ довольно рѣдко, а больше оставляютъ хлѣбъ въ подобныхъ случаяхъ на произволъ судьбы.

Много еще у хуторянъ враговъ изъ міра насекомыхъ, но вредъ отъ нихъ не настолько великъ, чтобы о нихъ можно было много распространяться, а потому мы прямо перейдемъ къ птицамъ и скажемъ о нихъ нѣсколько словъ, такъ какъ нѣкоторые ихъ представители причиняютъ земледѣльцу довольно большіе убытки. Особенно даютъ себя чувствовать хуторянамъ, какъ уже было выше сказано, жаворонки, вредъ отъ которыхъ приходится претерпѣвать во время посѣва озимыхъ хлѣбовъ,

когда эти послѣдніе не успѣютъ еще взойти. Послѣ нихъ извѣстны по своимъ опустошеніямъ яровыхъ хлѣбовъ соловьи, которые точатъ просо и отчасти овесъ при ихъ созрѣваніи. Если хуторяне не изыскали радикальныхъ средствъ въ борьбѣ со вредными насѣкомыми, то тѣмъ болѣе они безсильны оградить свои посѣвы отъ нашествія птицъ, которыя въ своихъ опустошеніяхъ остаются по большей части безнаказанными.

Говоря о земледѣліи, нельзя упустить изъ виду хотя и не такой важной для хуторянъ его отрасли—огородничества, которое нужно понимать здѣсь въ самомъ узкомъ смыслѣ. Почти у каждаго двора на хуторахъ можно увидѣть маленькіе, въ нѣсколько квадратныхъ саженъ, огородики (садки), обнесенные валомъ изъ бурьяна и орошенные канавой, гдѣ на удобренныхъ навозомъ грядкахъ культивируются огородные продукты первой необходимости: лукъ, чеснокъ, петрушка, укропъ, лебеда, рѣдька, бураки и др., такъ какъ постоянная доставка этихъ продуктовъ изъ станицъ въ лѣтнее время крайне неудобна, а иногда и положительно невозможна, особенно въ рабочую пору, когда подолгу приходится ждать «оказіи». Къ несчастью, всѣ перечисленные овощи, несмотря на тщательное удобреніе почвы, довольно плохо растутъ въ «садкахъ»; кромѣ того, и лѣтній зной не щадитъ этихъ немногочисленныхъ представителей огородныхъ растений, вслѣдствіе чего они, за отсутствіемъ правильной поливки, бываютъ, въ большинствѣ случаевъ, чахлыми, или же скорѣе всего погибаютъ, а если что и успѣетъ уцѣлѣть, то ему не сдобровать отъ нападеній козъ, для которыхъ, какъ извѣстно, не страшна никакая изгородь; поэтому, несмотря на всю бдительность, хуторянамъ очень рѣдко удается защитить овощи въ «садкѣ» отъ козъ. Подобныя нашествія ихъ чаще всего случаются въ полдень, когда стадо приходитъ съ пастбы подъ сарай, въ «холодокъ», и когда по хуторамъ царитъ поголовный сонъ «домосѣдовъ».

IX.

Зима. Снѣжные метели. Охота.

Зима на хуторахъ довольно рано вступаетъ въ свои права. Со середины ноября по утрамъ начинаютъ уже заявлять о себѣ ея предвѣстники—заморозки; все чаще и чаще начинается потягивать вѣтеръ «съ Рассей» (съ сѣвера), и вотъ, въ концу ноября, вся степь одѣлась бѣлымъ покрываломъ снѣга, сквозь которое изрѣдка торчатъ сухіе сѣрые стебли молочая и «вѣника». Томительное однообразіе уснувшей на зиму природы проявляется въ степи въ гораздо большей степени, чѣмъ гдѣ бы то ни было: ослѣпительная бѣлизна снѣга совершенно ступшеываетъ и безъ того незначительныя неровности, и передъ вами бѣлой скатертью разстилается во всѣ стороны еще болѣе безгранично-необозримая степь.

Со скучно-однообразною зимою вполне гармонируетъ и жизнь хуторянина. Послѣ неустанной дѣятельности лѣтомъ для него наступаетъ время отдыха, когда, кромѣ ухода за скотомъ, нѣтъ почти никакихъ другихъ занятій и когда онъ по цѣлымъ днямъ сидитъ въ своей жарко натопленной хатѣ. Дѣятельность его въ это время ограничивается задачей корма скоту, чисткою хлѣвовъ и перевозкой изъ степи сѣна, такъ какъ осенью за «волочбой» не всегда это удается сдѣлать.

Несмотря на всѣ удобства перевозки корма изъ степи по самому пути, къ сожалѣнію, она не всегда бываетъ возможна, и очень часто, какъ выражаются хуторяне, «отъ корма случается быть безъ корма». Препятствіемъ этому служатъ снѣжные метели (шурганы), которыя свирѣпствуютъ здѣсь иногда по цѣлымъ недѣлямъ. Метель—самое страшное время въ степи не такъ для жителей, какъ для скота. Пронизывающій до костей сѣверо-восточный сибирскій вѣтеръ съ восемъ подымаетъ огромныя тучи снѣга, и всѣ окрестно-

сти въ подобныя минуты принимаютъ видъ волнующагося моря. Въ нѣсколько часовъ въ «затишьѣ» сооружаются грандіозныя сугробы самыхъ причудливыхъ формъ, которыя сплошь да рядомъ заносятся хлѣвы и саран настолько, что скоту нѣтъ положительно возможности выбраться оттуда безъ посторонней помощи. Послѣ одного такого «шургана» всѣ дороги въ степи, на всемъ своемъ протяженіи покрытыя сугробами, на долгое время теряютъ значеніе путей сообщенія, что крайне неблагоприятно отзывается на скотѣ, которому въ одно и то же время приходится терпѣть и холодъ и, что хуже всего, голодь, такъ какъ подвозъ корма совершенно прекращается. Но нужно сказать, что, несмотря на все это, скотъ у хуторянъ зимою находится въ сравнительно благоприятныхъ условіяхъ, и участь его несравненно лучше той, какая часто постигаетъ его зимою у калмыковъ; на хуторахъ для скота устроены теплыя саран, подъ которыми есть возможность хоть сколько-нибудь укрыться отъ непогоды, чего по безопасности своихъ хозяевъ лишень калмыцкій скотъ и благодаря чему онъ такъ часто дѣлается жертвою разыгравшейся стихіи. Часто приходится слышать печальныя извѣстія, что отъ «шургана» у калмыка въ одну ночь пало сразу нѣсколько десятковъ головъ овецъ или пропалъ безъ вѣсти цѣлый табунъ лошадей, угнанный метелью Богъ вѣсть куда. Не менѣе опасенъ «шурганъ» и для людей, и съ кѣмъ случится несчастье быть въ это время въ степи, то ему грозитъ неминуемая гибель подъ сугробами снѣга. Такіе случаи тѣмъ болѣе возможны, что метели въ степи случаются неожиданно-негаданно, благодаря чему нѣтъ никакой возможности предупредить несчастье.

Любимымъ и въ то же самое время единственнымъ развлеченіемъ въ долгую бездѣятельную зиму является для хуторянъ охота. Она доставляетъ удовольствіе всѣмъ, отъ стараго до малаго. Съ утра до поздняго вечера хуторянинъ не

разстается съ ружьемъ и не сдѣлаетъ безъ него и одного шагу: погонитъ ли онъ скоть на водопой къ колодцу, выйдетъ ли изъ хаты раздать ему корма, пойдетъ ли къ такому же празднему, какъ и онъ самъ, сосѣду поговорить о томъ-о семъ, за плечами у него ружье, его неразлучный спутникъ. Разстаться хоть на минуту съ ружьемъ, значить упустить случай убить «дудака» (дрофа), такъ какъ въ продолженіе всей зимы голодные стаи ихъ летаютъ по стени взадъ и впередъ въ поискахъ за пищей. Голодъ заставляетъ ихъ быть такими смѣлыми и равнодушными къ опасности, что они нерѣдко пролетаютъ чуть ли не надъ самыми крышами хуторовъ, гдѣ и происходитъ немилосердное ихъ истребленіе. Иногда выпадаютъ такіе счастливые дни для охотниковъ, когда они, сидя у себя дома, умудряются убить по 5—6 дрофъ каждый. Особенно удачна охота на дудаковъ бываетъ послѣ сильной гололедицы, когда обледенѣлые съ ногъ до головы дудаки почти не въ состояніи бѣжать съ мѣста. Впрочемъ хуторяне, какъ истые охотники, не всегда довольствуются тѣми дудаками, которые сами прилетаютъ къ нимъ въ руки, а очень часто отправляются охотиться въ степь. Завидя издали стаю сидящихъ дудаковъ, они «залегаютъ» подъ первые попавшіеся кусты бурьяна и посылаютъ человѣка, обыкновенно верхомъ, «запуживать». Посланный осторожно заѣзжаетъ съ противоположной охотникамъ стороны и неожиданно съ гикомъ мчится во весь опоръ на сидящую стаю. Оторопѣвшіе дудаки, спасаясь отъ такой опасности, какъ разъ налетаютъ на скрывшихся въ засадѣ охотниковъ, которые при ихъ приближеніи быстро выскакиваютъ изъ-за кустовъ, и тогда несчастные навѣрняка дѣлаются ихъ жертвою, тяжело падая на пушистый снѣгъ. Охота на дрофъ производится и лѣтомъ, но не въ такихъ размѣрахъ, какъ зимою: въ жаркое лѣтнее время дрофы страшно худѣютъ, и мясо ихъ,

не отличающееся вообще вкусомъ, утрачиваетъ его совершенно, вслѣдствіе чего охота на нихъ теряетъ всякій смыслъ.

Послѣ дрофъ изъ птицъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія хуторянъ, какъ предметъ охоты, являются куропатки. Охота на нихъ представляетъ гораздо больше интереса, чѣмъ охота на дрофъ, такъ какъ эти послѣднія не имѣютъ никакого сбыта и всецѣло идутъ на домашнее употребленіе, тогда какъ куропатки являются довольно цѣннымъ продуктомъ на мясномъ рынкѣ и, благодаря этому, доставляютъ охотникамъ хорошій заработокъ. Главнымъ при тономъ куропатокъ въ зимнюю пору, какъ было уже мною замѣчено, служатъ старыя гумна въ степи, гдѣ онѣ питаются остатками зерна послѣ молотбы, откапывая ихъ пзъ-подъ снѣга.

Нужно сказать, что куропатки отличаются замѣчательною осторожностью и ни за что не подпускаютъ къ себѣ цѣннаго охотника на ружейный выстрѣлъ. Въ виду этого хуторянамъ приходится прибѣгать ко всевозможнымъ хитростямъ: часто они подѣзжаютъ къ гумну, гдѣ предполагается встрѣтить куропатокъ, на санкахъ, запряженныхъ лошадьми. Удовка эта всегда почти вѣнчается успѣхомъ: куропатки не боятся приближающихся лошадей и спокойно сидятъ до тѣхъ поръ, пока не раздастся роковой для нихъ выстрѣлъ.

Нерѣдки случаи, когда куропатки, преслѣдуемая какимъ-нибудь хищникомъ, въ родѣ ястреба, сами прилетаютъ во дворъ хуторянина и ищутъ себѣ защиты подъ кровлею его сараевъ; если же ихъ настигаетъ неминуемая опасность, то очень часто они со всего размаху бросаются въ растворенныя двери «чулана». Расчетъ куропатокъ—найти защиту въ опасности у своего же неумолимаго врага—человѣка вполне оправдывается: хуторяне въ подобныхъ случаяхъ выказываютъ извѣстную долю великодушія, забывая на время

свои охотничьи интересы, и невредимо выпускают испуганных птиц на волю, въ надеждѣ, конечно, убить ихъ при первомъ удобномъ случаѣ.

Изъ дикихъ животныхъ предметомъ охоты служатъ лисицы и зайцы. Зима—самая удобная пора охоты на этихъ животныхъ, такъ какъ прибыль отъ нихъ въ это время удваивается, благодаря тому что мѣхъ, особенно мѣхъ лисицы, въ зимнее время призывается наилучшимъ и цѣнится отъ трехъ до пяти рублей. Поэтому охота на лисицъ вовсе не производится лѣтомъ, когда мѣхъ ихъ не имѣетъ никакой цѣны. Зайцамъ же несчастнымъ нѣтъ пощады ни зимой ни лѣтомъ въ виду того, что они, кромѣ шкурки, которая цѣнится очень дешево (10—15 коп.), доставляютъ довольно вкусное мясо, почитающееся у хуторянъ чуть ли не самымъ лакомымъ блюдомъ.

Въ охотѣ на зайцевъ и лисицъ незамѣнимую услугу хуторянамъ оказываютъ «легкія» (борзы) собаки, безъ помощи которыхъ нельзя было бы допустить и мысли поймать хитрую лису. Ея всевозможныя ухищренія и до невѣроятности удивительныя продѣлки подчасъ ставятъ въ тупикъ и самыхъ опытныхъ собакъ, и онѣ очень часто, погнавшись за лисой, возвращаются ни съ чѣмъ къ ожидающему ихъ гдѣ-нибудь на курганѣ удивленному хозяину. Часто лисицы спасаются отъ настагающихъ ихъ собакъ въ свои норы, но это нисколько не гарантируетъ ихъ безопасности отъ охотниковъ, которые, открывъ присутствіе лисицы въ норѣ, разводятъ у отверстія послѣдней огонь, и черезъ небольшой промежутокъ времени задушенная дымомъ лисица съ помощью желѣзнаго крючка вытаскивается изъ норы.

Самая удачная травля лисицъ и зайцевъ бываетъ, когда выпадетъ «пороша». Тогда стоитъ только охотнику съ собаками напасть на свѣжій слѣдъ, и можно быть увѣ-

реннымъ, что жертва не ускользнетъ изъ рукъ; хотя, правда, иногда заяцъ и особенно лисица такъ запутаютъ слѣдъ, что послѣ долгихъ безуспѣшныхъ поисковъ приходится возвращаться огорченному охотнику съ пустыми руками.

Вообще относительно охоты на хуторахъ можно сказать, что она не играла и теперь не играетъ роли доходной статьи наряду съ другими занятіями хуторянъ, а скорѣе вызвана необходимостью убить чѣмъ-нибудь время и до нѣкоторой степени уразнообразить монотонность жизни въ теченіе всей продолжительной зимы.

Х.

Скотоводство. Разведеніе крупнаго рогатаго скота. Коневодство. Овцеводство. Болѣзни скота и мѣры борьбы съ ними. Современное состояніе скотоводства у хуторянъ.

На ряду съ земледѣіемъ скотоводство занимаетъ видное мѣсто въ сельскохозяйственныхъ занятіяхъ хуторянъ и составляетъ одинъ изъ главныхъ источниковъ ихъ матеріальнаго благосостоянія. Раньше, въ первый періодъ хуторской жизни, скотоводству даже отдавалось предпочтеніе передъ земледѣіемъ, благодаря тому что оно не требовало отъ хуторянъ особенныхъ усилій для своего веденія; но съ теченіемъ времени условія, благопріятствующія успѣшному скотоводству, замѣтно стали ухудшаться, такъ что въ настоящее время, какъ увидимъ ниже, оно стало терять свое первенствующее значеніе; можно поэтому думать, что въ недалекомъ будущемъ оно снизойдетъ на степень второстепеннаго занятія хуторянъ.

Въ настоящее время представителями домашнихъ животныхъ на хуторахъ являются: крупный рогатый скотъ—быки и коровы, лошади, козы и овцы. Скажемъ о всѣхъ нихъ въ отдѣльности.

Брупный рогатый скотъ издавна пользовался, пользуется и теперь особеннымъ вниманіемъ хуторянъ, составляя основу ихъ скотоводства. Такое вниманіе хуторянъ къ крупному рогатому скоту вполне естественно, такъ какъ представители его—быки оказываютъ имъ незамѣнимую услугу въ полевыхъ работахъ и вообще въ ихъ домашнемъ быту. Коровы доставляютъ различные молочные продукты, которые являются необходимою принадлежностью незатѣйливаго стола каждаго хуторянина и, кромѣ того, въ незначительномъ размѣрѣ идутъ въ продажу.

Крупный рогатый скотъ у хуторянъ представляетъ помѣсь кадыцкаго скота съ ногайскимъ и отчасти черкасскимъ, который разводятъ арендующіе землю у казаковъ „тавричане“. Но въ настоящее время замѣчается довольно печальное явленіе постепеннаго вырожденія у хуторянъ крупнаго рогатаго скота. Причинъ этого вырожденія очень много, и одною изъ первыхъ нужно считать отсутствіе правильнаго за скотомъ ухода, особенно въ зимнее время, когда ему зачастую приходится дрожать голодному подъ открытымъ небомъ и по колѣна въ грязи. Особенно тяжелый отпечатокъ кладетъ зима на заморенныхъ телятъ, которыхъ жестокіе хозяева, въ погони за возможно большимъ количествомъ молока, всегда почти разлучаютъ съ матерями, при чемъ такъ „чисто“ выдаиваютъ у этихъ послѣднихъ молоко, что несчастному теленку во весь младенческой его возрастъ рѣдко удастся пососать мать вдоволь. Неудивительно поэтому, что скорчившіеся отъ худобы телята производятъ на зрителя страшно удручающее впечатлѣніе.

Другую не менѣе важную причину постепеннаго вырожденія у хуторянъ скота нужно искать въ недостаткѣ, а иногда и въ полномъ отсутствіи хорошихъ племенныхъ быковъ (бугаевъ). На хуторахъ на этотъ счетъ замѣчается довольно странное явленіе: вмѣсто того чтобы для поддер-

жанія хорошей породы скота оставлять на племя самыхъ лучшихъ изъ всего стада быковъ, хуторяне дѣлаютъ какъ разъ наоборотъ; лучшихъ быковъ оскомяютъ для работы, а нигуда непригодныхъ оставляютъ на «бугай». Благо бы еще было, если бы хоть эта мелочь имѣлась въ достаточномъ количествѣ, а то часто бываетъ одинъ «теленочъ-бугай» чуть ли ни на цѣлую сотню коровъ. Послѣ этого весьма естественно, что большинство коровъ по нѣскольку лѣтъ остаются, какъ выражаются хуторяне, «холостыми», а отъ другихъ приплодъ съ каждымъ годомъ бываетъ все мельче и мельче. Въ данномъ случаѣ хуторяне обыкновенно ссылаются другъ на друга и выжидаютъ, пока «не оставитъ бугая» тотъ, у кого побольше коровъ.

Недавно Правительство пришло казакамъ на помощь и предложило нѣкоторымъ станицамъ въ подарокъ нѣсколько племенныхъ быковъ съ условіемъ, чтобы эти станицы содержали ихъ на собственный счетъ и устраивали общіе случайные пункты безъ всякой платы. Но, къ сожалѣнію, предложенія эти не вездѣ были приняты, и казаки, не желая понять пользы отъ этого, продолжаютъ идти по старой своей дорогѣ, которая, безъ сомнѣнія, приведетъ ихъ къ тому печальному состоянію, когда у нихъ, вмѣсто крупной породы скота, будутъ телята въ полномъ смыслѣ этого слова, что къ великому прискорбію въ значительной степени можно наблюдать уже и теперь.

Нигдѣ бы такъ не должно быть развито коневодство, какъ у казаковъ, такъ какъ каждый изъ нихъ поставленъ въ необходимость нести государственную службу на собственной лошади; но, несмотря на это, коневодство не составляло и теперь не составляетъ у нихъ особенно важной отрасли скотоводства. Крупные коневоды, у которыхъ имѣлось бы по сотнѣ и даже полусотнѣ лошадей, встрѣчаются, какъ рѣдкость, и всѣ они у казаковъ напере-

четь. За неизмѣнимъ собственныхъ лошадей казакамъ приходится, въ большинствѣ случаевъ, покупать ихъ для службы со стороны. Поставщиками «строевыхъ» лошадей для нихъ являются чеченцы и главнымъ образомъ ногайцы, у которыхъ коневодство въ настоящее время находится пока еще на должной высотѣ; такъ что ихъ лошади издавна уже снискали себѣ славу во всемъ Терскомъ казачествѣ. Такъ какъ хорошая взрослая лошадь цѣнится ногайцами довольно дорого (отъ 80 до 130 руб.), то казаки предпочитаютъ покупать себѣ для «строя» у ногайцевъ и у чеченцевъ жеребятъ и самимъ ихъ воспитывать, что теперь обыкновенно и дѣлается. Сами же хуторяне если и держатъ по одной или по парѣ лошадей, то исключительно для домашнихъ цѣлей—для упряжи, а отъ упряжныхъ лошадей, конечно, странно было бы и ожидать хорошаго прихода.

Для подвѣтїя коневодства и улучшенїя породы лошадей Правительство оказало казакамъ свою помощь, выславъ въ нѣкоторыя станицы по нѣскольбу чистокровныхъ жеребцовъ и тоже съ условїемъ содержать ихъ на общественный счетъ и устраивать общїе бесплатные случные пункты. Казаки оказались много стоворчивѣе и согласились съ предложенїемъ Правительства, такъ какъ здѣсь затрагиваются близкіе сердцу каждаго интересы—имѣть для службы собственную лошадь или заплатить за нее ногайцу 100 или 120 рублей.

Теперь можно имѣть хоть маленькую надежду, что въ скоромъ времени казаки и въ томъ числѣ хуторяне будутъ имѣть если не табуны, то, по крайней мѣрѣ, доморощенныхъ строевыхъ лошадей и перестанутъ платить чеченцамъ и ногайцамъ такія громадныя деньги, какія они платятъ за лошадей теперь.

Разведение овецъ издавна составляло одну изъ важныхъ доходныхъ статей хуторянь, а потому и до настоящаго

времени ему отводится почетное мѣсто въ средѣ другихъ отраслей скотоводства. Въ настоящее время у большинства хуторянъ можно встрѣтить стадо (табуль) овецъ отъ 100 до 500 головъ, что представляетъ внушительную цифру по сравненію съ десяткомъ-двумя овецъ у «станичниковъ». Эта громадная разница въ цифрахъ вполнѣ естественна, такъ какъ, несмотря на годъ отъ году увеличивающееся стѣсненіе свободы хуторянъ, они пока еще пользуются ею сравнительно со «станичниками» въ гораздо большей степени, а это составляетъ первое условіе успѣшнаго овцеводства, тѣмъ болѣе что овцы весьма требовательны по отношенію къ свободной пастбѣ и малѣйшее стѣсненіе этой свободы влечетъ за собою дурныя послѣдствія, которыя выражаются постепеннымъ и неизбѣжнымъ упадкомъ овцеводства.

Овцы у хуторянъ—обыкновенной русской породы, почти всѣ безъ исключенія бѣлыя, безъ бурдюковъ, но часто съ длиннымъ до земли хвостомъ (волоцкія овцы); въ противоположность овцамъ сосѣднихъ калмыковъ, онѣ имѣютъ довольно длинныя, спиралеобразныя рога; безрогія (бѣмолыя) встрѣчаются, какъ рѣдкое исключеніе. Предпочтеніе предъ другими отдается «волоцкимъ» овцамъ, и благодаря этому производитель съ длиннымъ хвостомъ въ глазахъ хуторянъ имѣетъ большую цѣнность. Можно встрѣтить въ небольшомъ количествѣ и мериносовъ, но нужно сказать, что у хуторянъ они не пользуются тою извѣстностью, какую они снискали себѣ въ цѣломъ мірѣ, такъ какъ требующійся за ними тщательный уходъ вовсе не въ характерѣ небрежнаго хуторянина, въ каждомъ дѣйстви котораго проглядываетъ неизмѣнная его халатность. Простая русская овца въ двѣ стрижки не дастъ и половины того количества шерсти, которая получается съ мериноса. Если принять во вниманіе то обстоятельство, что меринось не такъ прихотлива на кормъ, а слѣдовательно и болѣе склонена къ ожиренію, чѣмъ русская.

овца, и цѣна его шерсти въ два раза превышаетъ цѣну таковой же русской овцы, то становятся вполне очевидными преимущества мериноса предъ русской овцой. Къ сожалѣнію, несмотря на всѣ эти преимущества, мериность и до настоящаго времени никакъ не можетъ добиться первенствующаго значенія, которое попрежнему остается за русской овцой.

Въ послѣднее время по хуторамъ стали распространяться «цигейки», представляющія собою помѣсь русскихъ овецъ съ мериносами. Хотя шерсть «цигеекъ» далеко не можетъ сравниться по своимъ качествамъ съ шерстью мериносовъ, но зато по количеству ежегодно приносимой шерсти «цигейка» смѣло можетъ поспорить съ мериносомъ.

Успѣху дѣла разведенія скота на хуторахъ очень часто препятствуютъ всевозможныя эпидеміи и неизбѣжное слѣдствіе ихъ—падежи. Жертвою эпидемическихъ болѣзней дѣлается, главнымъ образомъ, крупный рогатый скотъ, страшными бичами котораго являются чума и ящуръ; къ нимъ, пожалуй, еще можно прибавить «чихирь». Безъ сомнѣнія, самой ужасною изъ нихъ по своимъ опустошеніямъ является чума, но, къ счастью для хуторянъ, она у нихъ довольно рѣдкій гость. Несмотря, однако, на свои рѣдкія посѣщенія, чума на долго оставляетъ по себѣ память среди хуторянъ-скотоводовъ, а особенно жива въ памяти каждаго изъ нихъ послѣдняя эпидемія, бывшая десять лѣтъ тому назадъ, въ 1892 году, когда не одна тысяча крупнаго рогатаго скота сдѣлалась жертвою этого неумолимаго бича населенія. Страхъ, наводимый чумой на населеніе, удваивается еще тѣмъ, что, кромѣ изолированія больнаго скота при помощи карантинныхъ востовъ, другихъ мѣръ борьбы съ чумой практика пока еще не придумала, если не говорить о поголовномъ истребленіи скота самимъ ветеринарнымъ персоналомъ, который, благодаря этой своей мѣрѣ, не пользуется расположеніемъ населенія.

Неудивительно, что хозяинъ, не понимающій цѣлесообразности ветеринарныхъ мѣръ, смотритъ съ великимъ прискорбіемъ, какъ убиваютъ его здоровый, но бывшій въ соприкосновеніи съ больнымъ, скоть.

Менѣе опасною по своимъ послѣдствіямъ, но гораздо болѣе продолжительною, чѣмъ чума, болѣзнью является ящуръ. Болѣзнь эта поражаетъ у животнаго не только полость рта, которая покрывается язвами, но и копыта, такъ что больное животное на продолжительное время лишается возможности ходить и питаться сколько-нибудь твердымъ кормомъ, а принуждено существовать на одномъ жиденькомъ пойлѣ. Такое состояніе животнаго длится иногда цѣлый мѣсяцъ и даже больше и, конечно, за такой продолжительный промежутокъ времени оно страшно худѣетъ и приходитъ въ полное безсиліе. Случаи неблагоприятнаго исхода при ящурѣ довольно рѣдки. Болѣзнь эта безусловно инфекціоннаго характера и легко переходитъ съ больного скота на здоровый, напримѣръ, черезъ кормъ и, главнымъ образомъ, черезъ воду, а потому единственнымъ средствомъ борьбы съ дальнѣйшимъ распространеніемъ болѣзни является изоляція больного скота отъ здороваго. Радикальными же средствами для борьбы съ этой болѣзнью хуторяне пока не располагаютъ и предоставляютъ ее нормальному теченію.

Наконецъ, остается еще сказать о „чихирѣ“ (кровавая моча). Болѣзнь эта рѣдко поддается излѣченію; она поражаетъ скоть главнымъ образомъ среди лѣта, во время сильныхъ жаровъ. Главные признаки, характеризующіе ее—кровавая моча и запоръ. Противъ послѣдняго употребляютъ всевозможныя слабительныя средства, изъ которыхъ среди хуторянъ особеннымъ распространеніемъ пользуется глиейкій отваръ льна. Но нужно сказать, что какъ это, такъ и всѣ другія средства въ весьма рѣдкихъ случаяхъ ведутъ къ цѣли,

и потому большое животное всегда почти постигает печальный исходъ; если же бываютъ выздоровленія, то по большей части чисто случайныя.

Если принять во вниманіе все только что сказанное относительно скотоводства у хуторянъ, то становится очевиднымъ, что, подобно земледѣлію, оно находится у нихъ въ довольно плачевномъ состояніи, и въ этомъ большая доля вины падаетъ на самихъ хозяевъ. Хотя они и оправдываютъ себя находящейся въ ихъ распоряженіи слишкомъ тѣсной площадью для пастбы скота, но при этомъ совсѣмъ упускаютъ изъ виду, что, во-первыхъ, это положеніе создано, ими самими, благодаря хищническому пользованію землею и, во-вторыхъ, что не въ одной свободѣ пастбы заключается успѣхъ дѣла. Поставить скотоводство у хуторянъ на должный путь можетъ только правильное съ ихъ стороны пользованіе степями подь хлѣбныя посѣвы и самое главное—болѣе серіозное и внимательное отношеніе ихъ къ этой отрасли сельскаго хозяйства.

Г. Губановъ,
учитель Сухумской горской школы.

Станица Наурекая.

(Терской области).

I.

Историческія свѣдѣнія относительно проявленія казаковъ на рѣкѣ Терекѣ. Ушкуйники, рязанскіе казаки, раскольники, вольные люди съ Волги и поселенцы изъ среднихъ губерній Россіи. Разселеніе по линіи. Жизнь и занятія казановъ.

Когда въ Россіи водворилась гражданственность и положены были начала образованности, народы Сѣвернаго Кавказа черкесы, чеченцы, лезгинны и другіе горцы жили въ первобытномъ еще состояніи и грубомъ невѣжествѣ: грабежъ, насилія, набѣги было обычное препровожденіе времени у горцевъ, и это считалось у нихъ удалствомъ. Но мало-по-малу они стали пріобщаться къ культурѣ и достигли настоящаго своего положенія, подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, русскихъ, въ особенности со времени присоединенія Кавказа къ Россіи. Но горцы знали русскихъ еще ранѣе присоединенія этой страны къ Россіи. Въ болѣе тѣсномъ общеніи они находились съ казаками, населяющими съ давнихъ временъ линію по р. Тереку. По историческимъ даннымъ извѣстно, что посѣщенія казаками р. Терека начались еще въ XIV вѣкѣ. Первыми появились здѣсь новгородскіе ушкуйники, — вольныя дружины, которыя отправлялись въ походъ по рѣкамъ на лодгахъ (ушкуняхъ). Молодечество, увлекавшее „на сине-море Хвалынское“ этихъ казаковъ и царскихъ стрѣльцовъ, губило много отважныхъ плователей на утлыхъ стругахъ. Но, не-

смотря на это, ушкуйники, любя свободу, просторъ и не теряя воинственнаго духа, проникли къ устьямъ Терека, а затѣмъ поднялись и вверхъ, наводя на мѣстныхъ жителей страхъ и подчиняя себѣ ихъ маленькихъ князьковъ. Первоначальная колонизація сѣверной Руси развилась, благодаря этимъ смѣлымъ пионерамъ-разбойникамъ, проникавшимъ далеко на востокъ и на Кавказъ. По морю Хвалынскому, а также и по Тереку ушкуйники промышляли рыболовствомъ. Отъ времени до времени они вступали въ стычки съ горными обитателями Кавказа, при чемъ брали въ плѣнъ ихъ женщинъ, женились на нихъ и селились по берегамъ Терека сплоченными группами.

Послѣ ушкуйниковъ наѣзжали сюда и поселялись рязанскіе казаки, жившіе сначала по берегамъ Дона и Волги (Червленный Яръ). Послѣдніе бѣжали сюда отъ немилости московскихъ государей. Особенно много появилось казаковъ на Терекѣ при Іоаннѣ Грозномъ. Многие изъ нихъ спаслись отъ преслѣдованій Грознаго съ рѣки Волги, гдѣ они вели разгульную разбойничью жизнь; другіе бѣжали отъ казней царя изъ самой столицы и другихъ русскихъ городовъ.

Разбой ушкуйниковъ и рязанскихъ казаковъ по Каспійскому морю и р. Тереку служили для Московскаго государства источникомъ всякихъ ссоръ съ чеченскими узденями и дагестанскими шамхалами. При Іоаннѣ IV Грозномъ дагестанскіе правители просили покровительства московской державы, просили ея помощи и защиты отъ нападений вѣшнихъ враговъ; тогда же приходили къ царю съ повинной и атаманы русскихъ казаковъ съ р. Терека. Іоаннъ Грозный, какъ извѣстно по казачьимъ пѣснямъ, не только простилъ казакамъ ихъ разбой и побѣгъ съ Червленнаго Яра, но даже подарилъ ихъ вольною рѣкою Терекомъ-Горынычемъ, приказавъ беречь свою „кабардинскую вотчину“. Въ скоромъ времени эта горсть удалцовъ призвала еще большую станицу вольныхъ казаковъ

съ Волги и образовала нѣсколько небольшихъ поселковъ по нижнему и среднему теченію р. Терека. Скоро возникли и жалобы дагестанскихъ и чеченскихъ князьковъ, крымцевъ и турокъ по поводу разбойничьихъ прогулокъ казаковъ по Тереку; но Московское правительство категорически отвѣчало имъ, что эти воры, волжскіе казаки, государя не слушаютъ и намъ нѣтъ до нихъ никакого дѣла.

При Алексѣѣ Михайловичѣ, когда въ православной церкви произошелъ расколъ, многіе старовѣры подверглись тяжелымъ преслѣдованіямъ, подъ вліяніемъ которыхъ они разбѣжались и населили пустынные пространства Сѣвера, Поволжья, Дона и др. Многіе изъ нихъ, спасаясь отъ преслѣдованій, убѣгали къ донскимъ казакамъ, а оттуда подходили и къ Тереку, селясь въ безопасныхъ мѣстахъ.

Съ именемъ Петра Великаго связывается обширная его дѣятельность на Кавказѣ и завоеванія по берегамъ Каспійскаго моря до самаго Баку. При немъ по нижнему теченію Терека было уже много казачьихъ поселковъ, которые охраняли наши предѣлы отъ набѣговъ полудикихъ племенъ. Образование упомянутыхъ поселковъ въ этихъ мѣстахъ относится, какъ разъ, ко времени правительственныхъ мѣропріятій противъ господства Персіи на берегахъ Каспійскаго моря, при Петрѣ Великомъ. Одновременно съ Персидскою войною со стороны Русскаго правительства были попытки усилить торговлю съ Средней Азіей, открыть путь въ Индію, смирить и подчинить своей власти непокорныхъ сыновъ Кавказа. Попытки эти, по большей части, были малоуспѣшны, тѣмъ не менѣе Россія съ того времени стала быстро подчинять своему вліянію племена Дагестана. Тогда же были отвоеваны у Персіи г.г. Дербентъ, Баку и др. Такимъ образомъ, съ того времени Россія стала постепенно утверждаться на берегахъ Каспійскаго моря и, вообще, на Кавказѣ. Точкой опоры служилъ вновь заложный г. Петровскъ. Упо-

мянутые выше казачьи поселки по нижнему и среднему течению Терека все болѣе возрастали въ количествѣ, усиливались и укрѣплялись въ отношеніи безопасности отъ враговъ. Казаки, населяющіе эти поселки, стали называться гребенскими.

Съ именемъ Екатерины Великой также связывается обширная и неутомимая ея дѣятельность на Кавказѣ. Эта ея дѣятельность простиралась, главнымъ образомъ, на Сѣверный Кавказъ. На Сѣверномъ Кавказѣ при Екатеринѣ Великой началось уже официально устраиваться линіи крѣпостей, начинающія отъ Каспійскаго моря по рр. Тереку и Кубани до Чернаго моря. Этотъ рядъ крѣпостей назывался Кавказскою линіей; она служила для охраненія южныхъ границъ Россіи отъ дикихъ вторженій горцевъ въ предѣлы Россіи. Другая задача при проведеніи этой линіи была та, чтобы заселить предкавказскія степи. Съ этою-то цѣлью въ 1770 году въ царствованіе Екатерины Великой изъ казачьяго войска, бывшаго тогда на берегахъ Волги, было переселено около 600 казачьихъ семействъ и водворено нѣсколько станицъ по лѣвому теченію Терека. Главною между этими станицами была описываемая Наурская. Основаніе ея относится къ 1771 году. Немного ранѣе былъ построенъ дымшій гор. Моздокъ. Всѣ станицы по среднему теченію Терека вмѣстѣ съ г. Моздокомъ образовали впоследствии самостоятельный Горско-Моздокскій полкъ. Терекіе кавачи, жившіе при Іоаннѣ Грозномъ въ Терскомъ городкѣ и смѣшавшіеся потомъ съ такъ называемыми семейными казаками, тоже вошли въ составъ упомянутаго полка. Вновь образованный Горско-Моздокскій полкъ скоро былъ усиленъ 200-ми кибитками вращенныхъ калмыковъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи астраханскаго епископа; но этотъ кочевой элементъ приносилъ мало пользы казакамъ. Существенная помощь линейцамъ была оказана въ 1796 году. Въ это время изъ Саратова была переведена русская мили-

ція. Изъ нея образовалась нынѣшняя станица Стодеревская, находящаяся отъ ст. Наурской на разстояніи 40 верстъ.

Гребенскіе казаки, отдѣлившіеся въ XVI в. при Іоаннѣ Грозномъ отъ донскихъ и поселившіеся по низовьямъ Терека, въ 1863 году поселены были у впаденія р. Сунжи въ Терекъ; они составили Кизлярско-Гребенской полкъ (Кизляръ былъ основанъ при Аннѣ Іоанновнѣ). Главную станицю Гребенцовъ была Червленая. Послѣ образовались Волгскій и Сунже-Владикавказскій казачьи полки. Изъ Горско-Моздокскаго, Кизлярско-Гребенскаго, Волгскаго и Сунже-Владикавказскаго казачьихъ полковъ и образовалось Терское казачье войско. Въ настоящее время Терское казачье войско составляетъ основу русскаго населенія въ Терской области. Но возвращусь къ старому времени.

При Екатеринѣ Великой, какъ я сказалъ, граница Россіи на югѣ была опредѣлена рядомъ станицъ и крѣпостей. Изъ крѣпостей Кавказской линіи главными были: Кизляръ, Грозная, Екатериноградъ, Моздокъ и нѣсколько станицъ. Первоначально начальство надъ линіей было поручено Потемкину-Таврическому, который управлялъ новымъ краемъ черезъ посредство Павла Сергѣевича Потемкина, своего родственника. П. С. Потемкинъ жилъ то въ Астрахани, то въ Екатериноградѣ. Жизнь его текла въ непрерывныхъ трудахъ и заботахъ о правильномъ устройствѣ заложеной линіи и заселеніи предкавказскихъ равнинъ. Для заселенія этой мѣстности Потемкинъ вызывалъ поселенцевъ изъ средней Россіи, съ Волги и Дона. Такимъ образомъ, Терскіе линейные казаки обосновались на Терекѣ, главнымъ образомъ, со второй половины XVIII столѣтія—въ царствованіе Екатерины Великой. Кромѣ того, особенно быстро стали заселяться предкавказскія степи и лѣвый берегъ Терека со времени присоединенія Грузіи къ Россіи, при Императорѣ Александрѣ I—по манифесту 1801 г.: „Не для приращенія силъ, не для корысти, не для расши-

рения предѣловъ и такъ уже обширѣйшей въ свѣтъ Имперіи приедемъ Мы на себя бремя правленія царствомъ грузинскимъ, — единое достоинство, честь и человечество налагаютъ на насъ священный долгъ, внявъ моленію страждущихъ, въ отвращеніе ихъ скорбей, учредить въ Грузіи правленіе, которое могло бы утвердить правосудіе, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона“. Положенія этого манифеста распространились не только на Грузію, но также и на Сѣверный Кавказъ; и здѣсь обращено было вниманіе на учрежденіе правленія, которое могло бы „утвердить личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона“. Многія надтеречныя станицы остались неразоренными горцами, благодаря учрежденію этого „правленія“. Смѣлая дѣйствія А. П. Ермолова во время управленія Кавказскимъ краемъ послужила прекраснымъ урокомъ для горцевъ. Нѣкій молковникъ Швецовъ былъ захваченъ горцами и заточенъ въ подземелье. За него горцы просили выкупъ, состоящій изъ 10 аробъ золота. И вотъ въ то время, когда въ Россіи собирали пожертвованія, А. П. Ермоловъ, бывшій тогда на линіи, привалалъ къ себѣ 18 торскихъ правителей, заключилъ ихъ подъ стражу и обѣщалъ всѣхъ „повѣсить“, если только горцы не возвратятъ Швецова. Не прошло и недѣли, какъ Швецовъ былъ представленъ Ермолову. Здѣсь Алекошій Петровичъ выполнилъ на дѣлѣ свое выраженіе: „Снисходительность въ глазахъ азиатцевъ — знакъ слабости, и я прямо изъ человеколюбія бываю иногда строгъ неумолимо. Одна казнь можетъ спасти сотни русскихъ отъ гибели и тысячи мусульманъ отъ позѣны“. Между Тереконъ и Сунжею А. П. Ермоловъ отнялъ у чеченцевъ землю, построилъ на Сунжѣ рядъ крѣпостей и заселилъ ихъ казаками въ станицы Науруной, Ищерской и др. Сунжеюская линія укрѣплялась съ цѣлью стратегическою, для удобства борьбы съ Шамплею. Старые линейные герои

приходили на Сунжу со своими семействами, къ нимъ присоединялись выходцы изъ среднихъ губерній Россіи—вмѣстѣ они образовали рядъ станицъ по Сунжѣ. Переселялись на Сунжу многіе по охотѣ, другіе по общественному приговору, третьи по принужденію. Заселеніемъ Сунжи А. П. Ермоловъ отвратилъ нападенія горцевъ на линію, а также и на Военно-Грузинскую дорогу. Чеченцы послѣ стали сокращать свой воинственный пылъ. Въ 1818 году для защиты надтеречныхъ станицъ отъ набѣговъ горцевъ, по распоряженію Правительства, была заложена крѣпость Грозная, которая оказала впоследствіи мощную поддержку старымъ линейцамъ. Алексѣй Петровичъ, въ свою очередь, неутомимо заботился о заселеніи края: выпысывалъ поселенцевъ изъ Россіи, переселялъ линейныхъ казаковъ на Сунжу, строилъ крѣпости, просѣки и т. п.

Такимъ образомъ, какъ изъ историческихъ данныхъ видно, казаки, населяющіе Терекъ, составились изъ разныхъ элементовъ російскаго населенія давнихъ временъ: поселялись на Терекъ невгородскіе ушкуйники, рязанскіе казаки, раскольники, разные вольные люди изъ шаекъ волжскихъ разбойниковъ, преслѣдуемые властями бѣлые крестьяне и т. п. Вообще, сюда собирались люди, жаждущіе воинственныхъ подвиговъ, свободы и добычи. Послѣ уже Правительство воспользовалось ими и создало для себя незамѣнимую пограничную стражу, присвокуливъ къ нимъ служилыхъ людей изъ средней Россіи.

Начиная отъ г. Бизяра до станицы Прохладной, по теченію Терека, населеніе казачьихъ станицъ состоитъ, по большей части, изъ великорусовъ; отъ Прохладной и дальше по р. Кубани попадаетъ вперемежку малороссійское населеніе. Населена линія неравномѣрно: въ однихъ мѣстахъ населеніе плотное, въ другихъ рѣдкое. Главною причиною этого явленія служатъ природныя условія, въ зависимости отъ которыхъ находится плотность населенія той или другой мѣстности. Чѣмъ больше

мѣстность облегчаетъ пользованіе ея разнообразными сокровищами, чѣмъ больше обуславливаетъ всестороннее развитіе народной дѣятельности, вызывая усиленные международныя сношенія и живой обмѣнъ познаній и предметовъ народнаго богатства, тѣмъ больше она населена. Упомянутыми свойствами обладаютъ плодородныя долины Кубани; поэтому и неудивительно, что эти прикубанскія долины по густотѣ населенія превосходятъ всѣ другія мѣстности на Кавказской линіи, въ частности на р. Терекѣ. По Кубани физическія условія благоприятствуютъ жизни человѣка, доставляютъ ему все необходимое для существованія. Долины же Терека населены сравнительно рѣже. Почва, климатъ и другія мѣстныя условія здѣсь менѣе благоприятствуютъ человеческой жизни, особенно на разстояніи 8—10, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и 1—2-хъ верстѣ къ сѣверу отъ Терека; здѣсь поверхность земли покрыта толстымъ слоемъ голаго песку, мало пригоднаго для хлѣбопашества. Отсутствие лѣсовъ также вліяетъ на густоту населенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по лѣвому берегу Терека ихъ совсѣмъ нѣтъ, а мѣстами они растутъ небольшими площадями. Тѣмъ не менѣе, нельзя сказать, чтобы Терекъ былъ населенъ рѣдко; есть станицы, расположенныя всего на 5 верстѣ одна отъ другой; на разстояніи 90 верстѣ отъ Моздока до Грознаго расположились 8 казачьихъ станицъ. Такая густота населенія объясняется историческими причинами. Народъ, преслѣдуемый прежнимъ московскимъ правительствомъ, стремился къ Тереку-Горынычу, какъ къ отдаленному пункту, гдѣ и находилъ безопасность; другіе бѣжали сюда ради наживы. Плотности населенія въ такихъ городахъ, какъ Кизляръ и Петровскъ, вовсе не способствовали естественныя условія (не говоря о плодородіи почвы); напротивъ, климатъ этихъ городовъ, вслѣдствіе озеръ и болотъ, ихъ окружающихъ, крайне нездоровъ; здѣсь свирѣпствуютъ лихорадки и сопровождающія ихъ болѣзни; зато здѣсь плотности

населенія способствовали причины политическія и отчасти экономическія. Какъ только былъ заложенъ Петровскъ, колонизація по нижнему теченію Терека и прибрежьямъ Каспійскаго моря приняла громадныя размѣры. Для Петра Великаго заселеніе этой мѣстности имѣло большое значеніе: во-первыхъ, для приобрѣтенія политическаго вліянія въ Дагестанѣ, а, во-вторыхъ, для доставленія отечественному производству новыхъ путей сбыта. Преслѣдовались также и колонизаторскія цѣли. Казаки имѣли тогда полную свободу выбирать себѣ лучшія мѣста для жительства, поэтому наибольшая плотность казачьяго населенія по Тереку приходится на тѣ мѣста, гдѣ природныя условія болѣе богаты. Къ сѣверу отъ Кизляра населеніе рѣдѣетъ, потому что въ этомъ направленіи усиливается степной характеръ мѣстности, а еще болѣе оно рѣдѣетъ по направленію къ сѣверо-западу, величественіе суровости природы въ бурныхъ пещерахъ; вообще же, прикаспійскія песчаныя равнины населены слабо, прибрежья Терека—гуще, такъ какъ они были богаты всякаго рода естественными дарами природы.

Казакамъ, поселившимся на Терекѣ, на первое время пришлось вести трудную жизнь, выдерживать постоянную упорную борьбу съ хищными соседями—чеченцами, кабардинцами, кумыками и другими горскими племенами, совершавшими на ихъ поселенія частыя набѣги, сопровождаемые воровствомъ, грабежомъ, насиліемъ и убійствами. Въ первое время казаковъ было мало, и этой горсти удальцовъ угрожала постоянная опасность; ихъ жизнь была полна тревогъ и безпокойства, причиняемыхъ враждебными соседями. Чтобы хотя немного защититъ себя, казаки прибѣгали къ разнымъ хитростямъ: селились въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ не могъ найти непріятель; на открытыхъ мѣстахъ показывались не иначе, какъ вдали отъ жилищъ; чтобы обмануть зрѣніе горца, стали носить горскую одежду, которая такъ и осталась

за ними до настоящаго времени, въ видѣ черкески, архалука, панахи, шапки, кинжала и т. и.; переняли также ихъ военныя хитрости и уловки; усвоили нѣкоторые нравы и обычай горцевъ. Всякаго пришельца казаки принимали въ свою среду, лишь бы онъ былъ христіанинъ и отличался силою и смѣлостью. Кромѣ оружія и одежды, въ первое время у казаковъ все было общее и между собою всѣ считались равными. Главнымъ образомъ они упражнялись въ умѣніи владѣть оружіемъ и конемъ. Управлялись казаки выборными атаманами, которымъ повиновались безирекословно.

Сначала казаки жили подъ открытымъ небомъ или въ небольшихъ землянкахъ, которые устраивали въ безопасныхъ мѣстахъ, но вскорѣ появились по берегамъ Терека ихъ поселки—станции. Станции окружались земляными валами, по валу равставлялись пушки, около которыхъ постоянно стояли въ полномъ вооруженіи сторожевые казаки. Трудна была жизнь въ то время; только и приходилось думать о жизни и смерти. Трудность пограничной жизни усугублялась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что станции были распожены на большомъ разстояніи другъ отъ друга, а это представляло большія неудобства для скорѣйшаго соединенія ихъ противъ появлявшагося то тутъ то тамъ непріятеля. Жители поселковъ находились въ постоянной тревогѣ и непримиримой враждѣ со своими неспокойными соседями.

Зачастую, когда сами казаки находились въ удаленнхъ набѣгахъ или преслѣдовали непріятеля вдали отъ станицы, поселенія ихъ разорялись до основанія. Горцы, пользуясь отсутствіемъ казаковъ, грабили, разоряли станицу, уводили въ тяжелую неволю женщинъ и дѣтей, угоняли скотъ и наносили вообще станицамъ неисчислимый вредъ. Почти всѣ казачьи станицы по Тереку, начиная отъ Моздока до Бизляра, испытали на себѣ силу нашествія кавказскихъ горцевъ.

Казаки, въ свою очередь, не оставались предъ горцами въ долгу и платили имъ тою же монетою. Съ теченіемъ времени казаки стали привыкать къ новымъ условіямъ жизни и все болѣе утверждались на берегахъ Терека. При Екатеринѣ Великой, когда казаки были подрѣзаны новыми силами и образовали еще между станицами т. н. сторожевые посты и секреты, они сдѣлались уже сами опасными для горцевъ. Послѣдніе стали бояться казаковъ и перестали безпечно ихъ такъ часто своими безпрестанными вторженіями. Вообще, появленіе казаковъ на Терекѣ было для воинственныхъ горцевъ весьма неприятно: они должны были уже на много сократить свой воинственный пылъ и ограничить свои хищническія нападенія на пограничныя русскія селенія. Теперь совершать набѣги мѣшала имъ неусыпная бдительность казаковъ: послѣдніе всегда находились на сторожѣ. По линіи вездѣ были разставлены казачьи пикеты, которые проводили время въ разъѣздахъ и преслѣдованіи то и дѣло появившихся враговъ: чеченцевъ, ингушей, лезгинъ и др. Имѣя у себя подъ бокомъ такихъ сосѣдей и находясь съ ними въ частыхъ кровавыхъ стычкахъ, казаки развили въ себѣ природную воинственность и удалъ и привыкли переносить всякія лишенія. Женщины были закалены въ непрерывныхъ тревогахъ не хуже своихъ мужей, братьевъ и сыновей. Условія жизни, въ которыхъ находились съ давнихъ временъ казаки, способствовали развитію въ нихъ природнаго чувства глубокой дружбы и привязанности другъ къ другу; здѣсь же развилось у нихъ и патріотическое чувство—любовь къ родинѣ, отечеству и ко всему русскому. Они не подчинились жизненному гнету, не пали духомъ—да и этому ли своеобразному русскому элементу падать духомъ?!.. Свою православную вѣру казаки хранили и хранятъ, какъ зѣницу ока. Однимъ словомъ, линейцы твердо вынесли на своихъ плечахъ всю тяжесть кордонной службы на Терекѣ.

Первое время своей жизни на Терекъ казакамъ мало приходилось думать о сельско-хозяйственныхъ занятіяхъ. Будучи притѣсняемы со стороны горцевъ, они сами старались больше существовать на ихъ счетъ, уводя отъ послѣднихъ скоть и забирая ихъ жизненные припасы, которые собирали они со своихъ полей. Недочеты пополнялись рыболовствомъ и охотою, которыя приносили казакамъ не мало пользы. Позднѣе они стали заниматься и земледѣліемъ: сначала пользовались тѣмъ клочкомъ земли, который находился въ чертѣ станичнаго вала и вѣѣ его на разстояніи не болѣе версты-двухъ; по мѣрѣ же того, какъ водворялась безопасность и относительное спокойствіе, районъ засѣваемыхъ полей тоже увеличивался. Но и тогда на работу казаки выходили не иначе, какъ большими партіями, притомъ въ полномъ вооруженіи. Скоро вблизи станицъ стали устраиваться огороды, но какъ на поляхъ, такъ и на огородахъ работы производились подъ усиленной охраной часовыхъ; весь рабочій людъ спѣшилъ въ стѣны станицы рано, за нѣсколько часовъ до захода солнца. Нерѣдко на работавшихъ неожиданно нападала шайка чеченцевъ, и кровавая развязка рѣшала дѣло: пуля чеченца иногда наповаль убивала сторожевого казака, охраняющаго работающихъ женщинъ на огородѣ, и тогда послѣднія попадались въ плѣнъ, если плохо владѣли оружіемъ. Невольно здѣсь вспоминается стихотвореніе А. С. Пушкина „Черкесская пѣсня“, которое такъ ясно рисуетъ картину жизни казаковъ.

Когда же на Сѣверномъ Кавказѣ окончательно водворилось правосудіе и взаимные враги стали вести болѣе или менѣе спокойную жизнь, сельскохозяйственные занятія нашли себѣ на берегахъ Терека широкое примѣненіе. Тогда линейцы уже имѣли возможность свободно, въ одиночку, убирать свои поля и на 15—20 верстъ отъ станицы, чтб при прежнихъ условіяхъ жизни было невозможно. Вдали отъ станицъ казаки строили хутора, разводили скоть, и мирная, полная доволь-

ства, жизнь потекла свѣтлой струей. Пространства къ сѣверу отъ Терека представляютъ хорошія пастбища, и скотоводство вошло здѣсь въ свои права, не говоря уже о хлѣбопашествѣ. Берега Терека покрылись садами, огородами и виноградниками. Однимъ словомъ, полное довольство стало распространяться вплоть до нашихъ дней, исключая недавніе годы, въ продолженіе которыхъ случались хроническіе недороды, послужившіе причиной обѣдненія жителей этихъ станицъ: различнаго рода недоимки слишкомъ ясно говорятъ объ этомъ.

II.

Прошлое станицы Наурской. Происхожденіе названія. Событія, происходившія въ станицѣ. Тогдашніе нравы. Лица, вліявшія на судьбу станицы. Курганы.

Я уже имѣлъ случай замѣтить, что первоначально линейные казаки образовали всего нѣсколько станицъ по лѣвому берегу Терека. Пространство между станицами было большое, такъ что на промежуткахъ между станицами всегда стояли казачьи посты, секреты и пикеты, оберегавшіе станицу отъ внезапнаго вторженія непріятеля. Впослѣдствіи на мѣстахъ этихъ лагерей образовались станицы; такъ, напр., между Моздокомъ и станицею Наурскою образовались: Стодеревская, Галюгаевская; между Наурскою и Червленною—Николаевская, Калиновская и др. Самую большую изъ этого ряда станицъ считается описываемая Наурская, или, какъ ее называютъ казаки, Науръ. Происхожденіе такого названія достоверно неизвѣстно. Многіе старожилы утверждаютъ, что Науръ былъ прежде мѣстомъ частыхъ схватокъ и кровавыхъ развязокъ между горцами и казаками: здѣсь существовалъ удобный бродъ черезъ Терекъ. Шайки чеченцевъ постоянно появлялись въ этомъ мѣстѣ, а казаки, подкарауливъ непріятеля, стремительно бросались съ шашками въ рукахъ на отча-

ярный съ ними бой, т. е., по выраженію наурцевъ— „бросались на урь“ („на ура“). Выраженіе „бросимся на урь!“ было постоянно произносимо казаками при появленіи враждебной шайки; поэтому вновь основанный казачій станъ и чеченцами и казаками единодушно былъ названъ „Науромъ“: станица стала носить названіе той мѣстности, на которой расположена. Но больше вѣроятія заслуживаетъ предположеніе, что свое названіе станица получила отъ чеченскаго аула, который находился въ этомъ мѣстѣ до прихода казаковъ. Ауль же, въ свою очередь, получилъ названіе отъ слова татарскаго (ногайскаго) „Ноуръ“, что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ болото или озеро*). Около станицы, на правомъ берегу Терека, дѣйствительно, находится небольшое озеро (безъ названія), поросшее камышомъ, чаканомъ и осокой, которое походитъ на большое болото. Слѣдуетъ замѣтить, что ближайшіе сосѣди Наурцевъ—чеченцы могли легко позаимствовать ногайское слово „ноуръ“; въ ихъ языкѣ сплошь да рядомъ, попадаютъ ногайскія слова. Это объясняется тѣмъ, что чеченцы и ногайцы, какъ единовѣрные, съ давнихъ поръ поддерживали между собою разнаго рода сношенія. Когда же чеченцы со словомъ „ноуръ“ начали связывать понятіе „озеро“, то и неудивительно, что они назвали свой ауль этимъ же именемъ, которое перешло затѣмъ и на казачью станицу. Самы же наурцы при объясненіи названія станицы исходятъ, по большей части, изъ выраженія „бросимся на урь“.

Основана станица Наурская въ 1771 году, когда чеченцы и кабардинскіе князья напрягали всѣ свои усилія, чтобы возвратить лѣвый берегъ Терека себѣ. Въ книгѣ И. Попка „Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ“, а также въ книгѣ „Терцы“, составленной А. Ржевускимъ и посвященной

*) Въ Нухинскомъ уездѣ Елисаветпольской губ. есть озеро Ноуръ или Новуръ, называемое такъ мѣстными татарами (Сб. мат. в. VII, II, с. 71). Ред.

Августѣйшему Атаману всѣхъ казачьихъ войскъ, Великому Князю Николаю Александровичу, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, находятся подробныя свѣдѣнія о Терскомъ казачьемъ войскѣ, а также нѣсколько свѣдѣній объ основаніи и исторической роли описываемой станицы Науръ.

Какъ только основалась станица, ей пришлось переживать много несчастій. Земля вокругъ нея довольно обильно пропитана кровью хищниковъ-горцевъ, стремившихся жить чужимъ трудомъ, а также и казаковъ, охранявшихъ свой станъ до послѣдней капли крови: „казакъ бьлся не на животь, а на смерть“, говорятъ старики: „онъ долженъ былъ или умереть или побѣдить кунака“. Изъ рода въ родъ передаются казаками боевыя историческія воспоминанія о подвигахъ предковъ-линейцевъ. Соберетъ старикиъ вокругъ себя малолѣтковъ-казачковъ и ведетъ свои повѣствованія о дѣлахъ давно-минувшихъ дней, въ назиданіе молодому поколѣнію. Походъ съ Петромъ Великимъ на Дербентъ, съ княземъ Бекровичемъ Черкасскимъ въ Хиву, отдѣльныя битвы съ чеченскими и кабардинскими князьями и мелкія стычки съ шайками горцевъ не перестаютъ жить и до сихъ поръ въ устахъ терцевъ-линейцевъ. Но это было относительно давно. Болѣе же живой интересъ въ разсказахъ терскихъ казаковъ, а также и въ ихъ пѣсняхъ проявляется къ ближайшему къ намъ времени, освѣщенному болѣе подробно историческими изслѣдованіями. Здѣсь уже рѣчь идетъ о битвахъ съ Шамилемъ, о походахъ къ Урусъ-Мартану, Даутъ-Мартану, Ясанъ-Юрту и др. Сердце свидѣтеля этихъ событій или трепещетъ при разсказахъ о боевыхъ успѣхахъ, или сжимается отъ пережитого ужаса кровавыхъ развязокъ. Такое же точно психическое явленіе вызываетъ разсказчикъ и у слушателей.

Много пришлось перенести бѣдствій вновь основанному

казачьему стану „Науръ“. Терцы-линейцы поголовно отправляли двадцатипятилѣтнюю службу; неспособные къ строевой службѣ отбывали воинскую повинность у себя въ станицѣ вмѣстѣ съ малолѣтками и отставными стариками. На нихъ лежала обязанность защищать станицу отъ нападений горцевъ въ то время, когда строевые казаки находились въ походѣ. Въ ихъ распоряженіи была и полковая артиллерія, они же приготовляли съѣстные и военные припасы для проходившихъ войскъ. Въ борьбѣ за существованіе Науру приходилось тратить много силъ. Къ ежедневнымъ хищничествамъ горцевъ наурцы относились какъ къ злу неизбежному и въ свою очередь платили имъ тѣмъ же. Часто, не оставаясь въ долгу, наурцы совершали погромами враговъ и нерѣдко вмѣстѣ съ плѣвеніемъ людей приводили и свой собственный скотъ обратно въ станицу. Особенно памятное событіе въ исторіи Науры относится къ 1774 году.

Крымскій намѣстникъ, султанъ Шаббасъ-Гирей, съ полчищами татаръ и при участіи кабардинцевъ и ингушей, ворвался въ предѣлы линіи, разорилъ нѣсколько станицъ и подступилъ къ описываемой Наурской. Последняя была достаточно укрѣплена, и въ ней успѣли уже укрыться жители другихъ ближайшихъ станицъ. Строевые казаки-наурцы были тогда въ походѣ, а казачки, старики и подростки должны были защищать свою, не очень давно основанную, станицу до возвращенія казаковъ. Восемьтысячное скопище татаръ и кабардинцевъ имѣло явный расчетъ захватить врасплохъ беззащитныхъ жителей станицы, разграбить ихъ дома, ружейные склады, взорвать пороховые погреба и увести рогатый скотъ и лошадей. Не тутъ то было! Непрiятель не зналъ, съ кѣмъ будетъ имѣть дѣло: переодѣтыя въ мужское платье, съ шашками и ружьями въ рукахъ, казачки вмѣстѣ со своими сыновьями-подростками и стариками спокойно отражали яростныя атаки калги *), или калганцевъ, какъ наурцы

*) Калга—это названіе крымскаго намѣстника; его войско называли

называли осаждавших станицу горцевъ. Наурскіе казачки, привыкшіе къ воинственнымъ схваткамъ своихъ мужей съ чеченцами и находясь среди суровой обстановки порубежнаго быта, не испугались ни свиста вражескихъ пуль, ни стрѣлъ, ни дикаго рева и гика азіатовъ. Нынѣшнія наурскія женщины и теперь еще гордятся своими героинями-прабабками. Еще не очень давно можно было встрѣтить въ Наурѣ старыхъ героинь, украшенныхъ медалями за храбрость.

Долго истомленные продолжительной осадой казачки ожидали помощи, но ея не было. Вѣроятно, далеко ушли въ горы ихъ мужья. Сообщеніе со станицей Червленной было прервано, но все-таки упрямые казачки не теряли присутствія духа: поддерживали костры, разогрѣвали смолу и лили со стѣнъ на освирипѣвшихъ калганцевъ. Даже щи, варившіяся къ обѣду, шли у нихъ на дѣло защиты своего гвѣзда. Шесть дней непріятель наступалъ на станицу то съ той, то съ другой стороны, но безуспѣшно: бабы, проникнутыя воинственной гордостью своихъ мужей, ободренные успѣхомъ и частыми отступленіями враговъ, энергично и съ большимъ уровнемъ для непріятеля отражали нападенія. Наконецъ „калганцы“, прикрывшись деревянными щитами, со всею азіатскою рѣшимостью бросились на станицу. Страшная схватка произошла между женщинами и калганцами, но и тутъ казачки постояли за себя: онѣ блистательно отразили атаку. Потерпѣвъ послѣднюю неудачу, калганцы неожиданно для „бабьяго войска“ убѣжали за Кубань, предоставивъ Кабарду самой себѣ. Возвратившись изъ набѣга, казаки наурцы не могли варадоваться на своихъ, праздновавшихъ побѣду, женъ. И до настоящаго времени эту оборону Наура казаки называютъ „бабынымъ праздникомъ“. Благодаря этому блис-

русскіе калганцами. Въ настоящее время потомки Султанъ-Крымъ-Гиреевъ живутъ въ аулѣ, который, называется Канлы (въ 20 верстахъ отъ Пятигорска). Ред.

тательному отраженію калги наурскими казачками, Моздокъ былъ спасенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ спасены отъ разграбленія и другія низовыя станицы.

Разказы объ оборонѣ Наура „бабами“ очень популярны среди жителей станицы Наурской и по настоящее время. „Подойдите ко мнѣ, хлопцы“, говорятъ старикъ-казакъ, приглашая казачать: „расскажу вамъ, какъ пошла Кабарда и калга на Науръ воевать, да не управилась съ казачкиными бабами. Если вы, удалыя головушки, имѣете хоть столько храбрости, сколько имѣли тѣ бабы, то слава вамъ и отрада мнѣ старику“. И начиналъ казакъ, все болѣе и болѣе воодушевляясь, свои длинныя повѣствованія объ оборонѣ Наура, о взятіи Алханъ-Юрта и т. п. Въ числѣ героевъ обыкновенно былъ и самъ рассказчикъ; при рассказѣ о другихъ онъ не упускалъ изъ виду и себя и говорилъ и о своей роли. И много въ подобныхъ разказахъ интереса и назиданія для молодыхъ подростковъ. Геройская оборона Наура памятна также и среди чеченцевъ, ингушей и др. горцевъ. Долгое время даже и мирные горцы всячески старались не встрѣчаться съ наурскими казачками и казаками, потому что послѣдніе не пропускали случая позубоскалить по адресу злополучнаго джигита. „А что, куванъ, вкусныя щи въ Наурѣ!“—смѣется бывало веселый линеецъ надъ угрюмымъ чеченцемъ.

Многіе старожилы рассказываютъ, что спасеніемъ своимъ Науръ обязанъ старому казаку Перепорхову; другіе приписываютъ снятіе осады калганцами Божьему покровительству. Про казака Перепорхова говорятъ, что онъ во время ожесточенной осады калганцами ст. Наурской мѣткимъ выстрѣломъ, направленнымъ на ханскую ставку, убилъ любимаго племянника предводителя-калги. Смерть племянника султанъ счелъ за дурное предзнаменованіе, собралъ жалкіе остатки своего войска и удалился во-своихъ. Не очень давно (приблизительно въ 1840 году) казаки разрыли одинъ кур-

гань, на которомъ по разсказамъ была расположена ставка султана, и нашли въ немъ человѣческіе кости, серебряныя бубшны съ рѣзбою, поясныя золотыя украшенія и т. п.

Существуетъ между наурцами, а также и чеченцами аула Нижненаурскаго еще другое преданіе о спасеніи Наура, которое я считаю долгомъ здѣсь привести.

Въ день памяти свв. апостоловъ Варооломея и Варнавы, 11 іюня, выѣхали изъ станицы два человѣка въ бѣлыхъ одеждахъ, на бѣлыхъ коняхъ и прошли съ огнемъ и мечомъ вдоль вражьяго стана. Татары побросали арбы, скоть, оружіе и обратились въ бѣгство. Два человѣка, какъ говорили потомъ казакамъ кабардинцы и чеченцы, во время истребленія татаръ, называли себя: первый второго „братъ Варнава“, второй перваго — „братъ Варооломей“. (Многіе теперешніе наурцы смѣшиваютъ, говоря, что при обращеніи другъ къ другу они называли себя — „братъ Борисъ“ и „братъ Глѣбъ“). Казаки этому повѣрили и построили въ ознаменованіе этого событія среди станицы церковь во имя свв. Варооломея и Варнавы. День 11 іюня и нынѣ празднуется въ Горско-Моздокскомъ полку, особенно же въ станицѣ Наурской. Церковь во имя апостоловъ Варооломея и Варнавы существуетъ по настоящее время и въ ней совершается богослуженіе. Въ 1887 году она была обновлена, отремонтирована и расширена. Прежде въ ней хранились знамена, пожалованныя Горско-Моздокскому полку. По преданію они привезены были изъ Волгскаго войска при переселеніи въ 1770 г.

Были и другія событія въ исторіи станицы, о которыхъ по ихъ маловажности не слѣдуетъ и упоминать. Въ казацкихъ пѣсняхъ часто воспѣваются удалые походы въ горы, въ предѣлы владѣній Чечни; въ пѣсняхъ этихъ приводятся имена героев-начальниковъ, а также и отдѣльных выдающихся удалцовъ. И дѣйствительно, иногда казаки тайно отъ начальниковъ совершали удалые набѣги

на горскіе аулы. Такъ было при намѣстникѣ А. П. Ермоловѣ, въ бытность его на Сѣверномъ Кавказѣ. Около 500 казаковъ Гребенскаго и Моздокскаго полковъ скрытно собрались въ Наурѣ и сдѣлали оттуда опустошительный набѣгъ за Сунжу. Шашка казака въ этихъ случаяхъ была грознымъ бичомъ для горца; здѣсь казаки вымещали всю свою злобу на жителей ауловъ за убитыхъ въ бою товарищей.

Изъ исторіи Наура самое замѣчательное то, что казаки, тревожимые постоянно, особенно при имамѣ Шамилѣ, частыми разореніями со стороны горцевъ, сумѣли отстоять занятая ими мѣста. Вообще же, чѣмъ рѣшительнѣе былъ напоръ горцевъ, тѣмъ тверже они укрѣплялись въ своей станицѣ, не измѣняя вѣрѣ своихъ отцовъ и не потерявъ своей самобытности. Долгіе годы проливали наурцы свою и вражью кровь, пока у нихъ не водворилось спокойствіе и они не были призваны для несенія службы. Послѣ послѣдней Турецкой войны (въ 1877 г.), наурцы стали отбывать уже четырехлѣтнюю воинскую повинность и притомъ не у себя дома—въ станицѣ, какъ это было прежде, а въ Закавказьѣ, сначала на р. Арагсѣ, а потомъ на турецкой границѣ по р. Чорохъ-су (главное сосредоточіе линейцевъ въ Ольтахъ и Ардаганѣ). Станица не стала уже нуждаться въ военныхъ людяхъ, поэтому и полки, содержавшіеся къ ней, были упразднены. Не то было до этого. Помимо того что наурцы постоянно оборонялись отъ полудикихъ сосѣдей, имъ немало приходилось тревожиться и отъ своихъ: были и среди своихъ отщепенцы-измѣнники. Это были удалыя головушки, любители ночныхъ походовъ и чужой собственности. Они были еще опаснѣе чужихъ, потому что знали всѣ входы и выходы въ станицѣ. Бывали случаи, когда эти отщепенцы переходили на службу къ Шамилю. Объ этихъ людяхъ въ Наурѣ пѣлись пѣсни, гдѣ прославлялись ихъ подвиги, но въ нихъ же высказывалось и сожалѣніе, что они оставили казачество, от-

казавшись отъ него. Такихъ отщепенцевъ въ старое бурное время станицы было много. Они подаютъ мнѣ поводъ сдѣлать небольшое отступленіе и привести любопытныя черты тогдашнихъ казачьихъ нравовъ; поэтому, въ видѣ обрисовки ихъ общаго характера, я позволю себѣ рассмотреть трехъ казаковъ, жителей ст. Наурской: Алпатовъ, Пелепейка, Шущанова.

Сравнительно еще очень недавно, лѣтъ 60 тому назадъ, выдѣлился въ Наурѣ одинъ казакъ Яковъ Алпатовъ *). Это былъ извѣстный въ то тревожное время разбойникъ, славившійся своею силою и храбростью. Казаки, уважающіе храбрость, какъ высшее достоинство человѣка, очень сожалѣли о немъ, когда онъ ушелъ въ горы къ чеченцамъ и принялъ тамъ магометанскую религію. Какъ простолюдинъ, Алпатовъ своею извѣстностью нисколько не былъ обязанъ своимъ предкамъ. Съ юныхъ лѣтъ онъ отличался расторопностью, дерзкою отвагою и смѣлою предпримчивостью. Когда ему было 18 лѣтъ, отецъ женилъ его на красивой казачкѣ, но съ нею онъ жилъ недолго. Скоро, покинувъ ее, онъ удалился къ чеченцамъ, набралъ себѣ шайку, состоявшую изъ казаковъ и чеченцевъ, и дѣлалъ разные грабежи и нападенія на зажиточныхъ казаковъ и чеченцевъ, угоняя рогатый скотъ и лошадей. Человѣческая жизнь и кровь были ему нипочемъ; главная и даже единственная его цѣль, къ которой онъ стремился съ такою отчаянною отвагою, была слава, какъ ее понимали казаки. Вездѣ люди стремятся къ славѣ и поклоняются ей, но ложное о ней понятіе, большею частью, дѣлаетъ ихъ смѣшными рабами тщеславія. Алпатовъ былъ до крайности тщеславенъ, и потому легко себѣ представить, до такой степени льстилъ его самолюбію оказываемыя ему въ Чечнѣ почести и вниманіе. Сдѣлавшись разбойникомъ, Яковъ Алпатовъ нѣ-

*) Объ Алпатовѣ упоминается и въ предыдущей статьѣ „Хуторская жизнь въ Терской области, стр. 37“. Ред.

сколько разъ являлся тайно въ Науръ и подкарауливалъ свою жену, желая увести ее съ собою, но это ему не удавалось: казаки охраняли красавицу. Скоро имя Яшки Алпатовъ сдѣлалось грознымъ во всей странѣ: онъ держалъ въ постоянномъ страхѣ проѣзжихъ, которымъ приходилось держать путь по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ разбойникъ временно располагался со своею шайкою. По берегамъ Терека Алпатовъ содержалъ въ камышахъ большое количество ваюковъ, на которыхъ онъ переправлялся черезъ рѣку, чтобы совершать набѣги; послѣ удачныхъ набѣговъ и дерзкихъ грабежей, онъ опять скрывался въ лѣсахъ. Со своими сподвижниками, такими же какъ и онъ отчаянными головорѣзами и готовыми на все, знаменитый разбойникъ прокрадывался незамѣтно мимо казачьяго кордона и являлся далеко за Тереконъ, но-близости Астраханп, гдѣ нападалъ на большой дорогъ на астраханскую почту, которая иногда и дѣлалась его добычей. Однажды онъ своимъ удачнымъ грабежомъ, совершеннымъ на площади станицы, не только навелъ ужасъ на жителей, но и привелъ въ смущеніе начальствующихъ лицъ. Съ наступленіемъ ночи Яшка думалъ только о набѣгахъ. Обладалъ онъ замѣчательнымъ умѣньемъ владѣть оружіемъ и конемъ. Каждый разъ, несмотря на караулы и погоню со стороны кордонныхъ казаковъ, ему удавалось угонять награбленный скотъ и уводить плѣнныхъ людей. Когда чеченцы собирались совершить набѣгъ, они всегда посылали за Яшкой, который, по ихъ словамъ, жилъ въ аулѣ „Очкиники“, недалеко отъ Наура. Со своей шайкою Алпатовъ рѣшался на такія опасныя предпріятія, на какія не рѣшился бы цѣлый отрядъ въ 100 человекъ. На своихъ быстрыхъ скакунахъ онъ появлялся во многихъ подтеречныхъ станицахъ: грабилъ ст. Червленную, Мекенскую, держалъ въ страхѣ жителей ст. Щедринской, но чаще всего нападаль на родную ему ст. Наурскую. Награбленное имущество онъ дѣлилъ между разбойниками ппъ же

сбивалъ чеченскимъ князьямъ. Нападалъ Яшка и на многіе аулы горскихъ жителей, появлялся и на Сунажъ. Нерѣдко Алпатовъ уводилъ въ свой притонъ женщинъ и дѣтей, которыхъ воспитывалъ въ воровскомъ духѣ. Иногда онъ сражался съ постовыми казаками не съ цѣлью ихъ ограбить, уничтожить ихъ отрядъ, а просто — испытать свое мужество, исключительно ради славы. Но больше всего терпѣли отъ него жители Наура: онъ мстилъ имъ за то, что они не выдавали ему жены. Черезъ это страдали другія женщины и дѣвушки, которыхъ Яшка, подкарауливъ за станицею или на огородѣ среди бѣлаго дня, уводилъ „за рѣку“. И имуществу наурцевъ грозила постоянная опасность; спокойствіе ихъ всегда нарушалось появленіемъ Яшки. „Смутное время было“, говорятъ старые казакъ, вспоминая прошлое: „постоянно мы оборонялись отъ кунаковъ, отражали ихъ нападенія, но доводилось и со своими „кантелиться“. Вотъ однажды стоялъ нашъ сторожевой постъ недалеко отъ Рѣзницова (курганъ). Долгое время „орда“ не заявлялась къ намъ, ажно скучно стало; дюжа хочется казаку разгуляться слблей по головамъ басурмановъ; кровь кипить, а ихъ нѣтъ-какъ-нѣтъ. Вздумаютъ наши ребята сами къ нимъ въ гости забраться, переплыть на каюкахъ черезъ Терекъ, да начальство замѣчаетъ; смотреть казани въ горы и вздыхаютъ, словно будто „коханку“ (то же, что зазноба) ожидаютъ. Видно, что захотѣли удалые головы пролить кровь человѣческую. Въ то время случилось ѣхать казипъ за припасами въ станицу. Изъ нашего поста поѣхало нѣсколько человѣкъ дозорныхъ. Въ лѣсу они встрѣтились лицомъ къ лицу съ нѣсколькими разбойниками, между которыми узнали Якова Алпатова. Стали они кричать ему, чтобы онъ опомнился, раскаялся въ своихъ грѣхахъ и вернулся въ свою станицу, но Яшка далъ залпъ. Тогда наши постовые пустили лошадей прямо на разбойниковъ, изъ которыхъ одного ранили, а

другіе съ Яшкой почему-то скрылись. Въ раненомъ храбромъ разбойникѣ наши признали своего станичника, который и прежде былъ товарищемъ Яшки. Сдавъ его на руки казакамъ, находившимся въ станицѣ, постовые отправились на мѣсто службы. Но на дорогѣ они раскаялись, что отдали храбраго казака въ руки начальству; захотѣлось имъ самимъ извѣдать вольную жизнь: „но теперь поздно“, сказали они: „видно обойдемся безъ него“. Пошли и попали на богатаго казака, который доставлялъ военные припасы и провизію на постъ. Здѣсь произошла рѣзня и новые разбойники были схвачены. Угнали преступниковъ не вѣсть куда. Постовые казаки скрежетали зубами, что не отдали имъ пзѣнниковъ на растерзаніе. Пойманный разбойникъ истекалъ кровью и умеръ, а Алнатова такъ и не удалось поймать. Поймали его уже послѣ, такимъ образомъ: Однажды Яшка переплылъ съ шайкою по сю сторону Терека и началъ тревожить въ степяхъ хатыны ногайцевъ. Во время нѣсколькихъ стычекъ съ ногайцами подъ Ябовомъ убили скакуна: онъ досталъ себѣ другого коня изъ ногайскаго табуна. Скоро въ степяхъ его замѣтилъ небольшой отрядъ казаковъ и началъ преслѣдовать. Яшка, въ свою очередь, еще издали замѣтилъ недоброжелателей, командовалъ своей шайкѣ бѣгство и самъ пустилъ свою лошадь по направленію къ Тереку. Подскакавъ къ Тереку, шайка пустила лошадей вплавь, лошадь же самаго атамана не пошла въ воду (она была непривычна къ водѣ). Яшка и такъ и сякъ бился какъ рыба объ ледъ—не идетъ лошадь, хоть ее убей, а погоня была уже совсѣмъ близко. Товарищи его бросились было назадъ, чтобы спасти своего атамана, ваять на своихъ лошадяхъ, но Яшка махнулъ рукой, и они продолжали переправляться. Самъ же атаманъ, разъяренный, какъ звѣрь, убилъ свою лошадь и скрылся въ лѣсу. Недалеко отъ мѣста переправы разбойниковъ, на курганѣ Андреевскомъ (или Алпатовъ) сто-

ялъ нашъ постъ, а въ сторонѣ наши конюшни. Къ этимъ-то конюшнямъ и направилъ свои шаги Яшка, чтобы выбрать себѣ хорошую казачью лошадь. Въ конюшнѣ въ это время былъ казакъ-конюхъ, который насыпалъ лошадямъ въ торбы овса. Вдругъ въ конюшню влетаетъ во всемъ вооруженіи Алпатовъ. Казакъ-конюхъ находился въ это время за дверями въ темномъ углу конюшни, гдѣ стояли мѣшки съ овсомъ. Увидѣвъ и узнавъ Алпатова, онъ присѣлъ за мѣшокъ, а какъ только Яшка удалился вглубь конюшни выбирать лошадь, выбѣжалъ и захлопнулъ за собою дверь конюшни, заперевъ ее на толстый засовъ. На зовъ конюха мигомъ сбѣжались казаки и окружили Алпатова. Послѣдній метался по конюшнѣ, какъ звѣрь въ клеткѣ: все стрѣлялъ въ нихъ черезъ щель, но напрасно. Потребовали отъ разбойника выдачи оружія и тутъ же въ конюшнѣ его связали. Попытка его бѣжать, когда отворили дверь конюшни, не увѣчалась успѣхомъ. Присудили молодца къ разстрѣлянію. Такъ рассказываютъ казаки о поимкѣ Якова Алпатова. Видъ послѣдняго передъ казнью, по словамъ наурцевъ, далеко не свидѣтельствовалъ о приближеніи рокового конца. Онъ былъ веселъ, разговорчивъ и самодоволенъ. Принадлежалъ онъ къ тѣмъ извращеннымъ натурамъ, которыя разбойничью удаля считаютъ особымъ видомъ геройства; такія натуры могли существовать только при условіяхъ лихорадочной, кипучей и опасной кордонной жизни. Алпатовъ по своимъ жестокостямъ, хищническимъ похожденіямъ являлся въ то время такою личностію, которою овладѣваетъ народная фантазія, дѣлая его предметомъ рассказовъ и преданій. Рассказы о его разбойничьихъ подвигахъ популярны среди жителей всѣхъ казачьихъ станицъ, находящихся между Моздокомъ и Кизляромъ; памятны его дѣла и въ чеченскихъ аулахъ. Чеченцы и по настоящее время чтятъ имя Яшки Алпатова и при случаѣ упрекаютъ казаковъ его измѣной. Особенно

помять его наурцы, какъ своего станичника-отщепенца. И теперь еще живутъ въ станицѣ самые ближайшіе родственники Алпатова подъ той же фамиліей. Наурцы рассказываютъ, что передъ казнью Алпатовъ покаялся въ своихъ грѣхахъ, простился съ родными, женою и станичниками и, между прочимъ, объявилъ, что онъ умираетъ хорошею смертью: „Я думалъ“, сказалъ онъ: „что за мои грѣшныя дѣла меня повѣсятъ или привяжутъ къ колесницѣ и дикіе кони разнесутъ мои кости по лѣсамъ и горамъ; но я счастливъ тѣмъ, что умираю отъ пули, какъ и вѣрный казакъ“. Казнь Яшки происходила при всемъ народѣ за станицею на одномъ изъ кургановъ, гдѣ его привязали къ столбу и разстрѣляли. За нѣсколько часовъ до казни священникъ и всѣ наурцы умоляли его принять передъ смертью покаяніе и возвратиться къ православной вѣрѣ, но Алпатовъ былъ неумолимъ и потребовалъ къ себѣ муллу. Родственники, кажется, проклинали его.

Послѣ Алпатова на разбойничьей аренѣ появился съ своей шайкой Яшка Пелепейко. Настоящее его имя Яковъ Жирновъ, но почему-то въ народѣ его называютъ Пелепейко. Этотъ казакъ сначала содержалъ въ станицѣ домъ терпимости. Нужно замѣтить, что вслѣдствіе большого количества людей (въ станицѣ стоялъ казачій полкъ) нравы въ Наурѣ были распущенные. Развратъ все болѣе и болѣе разпространялся, а отсюда много и другихъ золъ, какъ, напр., пьянство. По упраздненіи полка, когда Пелепейко изъ разврата не могъ уже извлекать доходовъ, онъ сдѣлался атаманомъ разбойничьей шайки. Попытки начальства поймать его не увѣнчались успѣхомъ. Казаки, знавшіе его лично, рассказываютъ, что „онъ умеръ своею смертію“ гдѣ-то въ лѣсу.

Выдающимся разбойникомъ послѣ Пелепейка былъ Анавій Шушпановъ, житель той же станицы Наурской. Этотъ

казакъ за какое-то преступленіе былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь на каторжныя работы, но ему какимъ-то образомъ удалось оттуда убѣжать и набрать изъ разныхъ городовъ и голытьбы шайку. Съ этою шайкой онъ навелъ страхъ на окрестныхъ жителей, особенно же на наурцевъ. Маленькихъ дѣтей въ Наурѣ пугали именемъ Шушпанова. Онъ также, какъ и Алпатовъ, принялъ магометанскую вѣру; чеченцы дали ему имя—Андзоръ. Всѣ жители ст. Наурской помнятъ его подъ этимъ именемъ. Андзоръ разбойничалъ сравнительно недолго—всего около 6 лѣтъ. Въ 1887 году его поймали и привели въ станицу, гдѣ онъ оставался до составленія приговора. Изъ станицы его взяли, неизвестно куда; рассказываютъ, что онъ сосланъ снова въ Сибирь. У Андзорки остались въ станицѣ мать-старуха, братъ; кромѣ того, онъ оставилъ нѣсколько женъ въ Чечнѣ. Послѣ этого послѣдняго разбойника, станица освободилась отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, стала быстро расти и развиваться въ нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Довольство, жизнерадостность наполняло всѣ стороны быта наурца. Конечно, станица благоденствовала и до появленія этихъ „отщепенцевъ“, но все-таки эти мелкіе нарушители спокойствія вліяли на правильное теченіе жизни станицы и, болѣе или менѣе, были ей въ тягость. Оговориться же о нихъ было необходимо, такъ какъ эти личности даютъ интересныя данныя для опредѣленія характера тогдашнихъ нравовъ.

До послѣдней Турецкой войны въ станицѣ Наурской содержался казачій полкъ, имѣлась артиллерія, на стѣнахъ станицы были разставлены пушки. Въ одномъ изъ полковыхъ зданій (нынѣ станичное правленіе) хранились неприкосновенные запасы полка, а тутъ же въ погребахъ хранился порохъ. Недалеко была войсковая школа, которая прекратила свое существованіе съ переходомъ изъ станицы

полка. Зданіе бывшей школы не сохранилось: отъ нея остались одні развалины. Къ школѣ примыкали бани, а немного поодаль въ огромномъ кирпичномъ зданіи помѣщался генеральный штабъ и большая войсковая больница. Въ 1882 г. больница эта была подновлена, и теперь въ ней содержатся больные всѣхъ ближайшихъ станицъ и ауловъ. Изъ этого военнаго времени особенно памятна среди наурцевъ личность полковаго командира Султанова, послѣ котораго былъ Едлинскій, а потомъ генераль-майоръ князь Г. Р. Эрпстовъ отъ 1852—1854 г., бывший наказнымъ атаманомъ Кавказскаго Линейнаго войска. Упомянутыя личности оказывали въ то время большое вліяніе какъ на внѣшнее, такъ и на внутреннее развитіе станицы. Дѣятельность ихъ проявлялась, главнымъ образомъ, въ устройствѣ удобопрѣзжихъ и охраняемыхъ казаками дорогъ, въ насажденіи виноградниковъ и плодовыхъ деревьевъ, въ устройствѣ школъ, богадѣленъ и т. п. При ихъ же жизни были построены въ станицѣ полковая школа, больница, бани и т. п. При намѣстникѣ Ермоловѣ недалеко отъ Наура былъ учрежденъ т. п. рыночный постъ, гдѣ производилась торговля скотомъ, сельскохозяйственными продуктами и т. п. Не мало пользы приносили казакамъ виноградные сады и рощи, которые стали разводиться при Ермоловѣ. Когда русскія войска посредствомъ устраиваемыхъ просѣкъ все болѣе и болѣе подвигались къ хищническому гнѣзду Шамиля, изъ ст. Наурской и др. гребенскихъ станицъ съ стратегическою цѣлью было выселено нѣсколько сотъ семействъ и надѣлено плодородною черноземною землею по берегамъ Сунжи. Къ этому времени относятся образование станицъ: Слѣпцовской, Самашкинской, Алханъ-Юртовской, Карабулакской и др.

Изъ археологическихъ памятниковъ оволо Наура сохранилось нѣсколько кургановъ, какъ-то: Рѣзниковъ, Андреевскій (Алпатовъ), Островъ, Разрытый, Бочишный, Костяной,

Гусаровъ, Сомовъ, Атарщиковъ, Двойной курганъ и др. Относительно времени ихъ появленія наурцы ничего не знаютъ. Но есть основаніе утверждать, что ихъ можно отнести ко времени образованія по Тереку казачьихъ поселковъ, когда казаки впервые познакомились съ гордыми сынами Кавказа. Тѣла умершихъ и убитыхъ на полѣ брани воиновъ обыкновенно зарывались въ одну общую яму, а надъ послѣдней насыпался курганъ. Нѣкоторые курганы насыпались для сторожевыхъ постовъ; другіе служили хранилищемъ золота, серебра, оружія и т. п. Были и такіе курганы, въ которыхъ обыкновенно спасались казаки; поэтому они имѣли потайные ходы. Такіе курганы разрушились и почти сравнялись съ землей. Еще есть около самой станицы три небольшіе кургана; ихъ называютъ наурцы мишенями. Само названіе, конечно, свидѣтельствуетъ о роли этихъ насыпей; однако, слѣдуетъ замѣтить, что одинъ изъ этихъ кургановъ служилъ прежде не только мишенью, но также и мѣстомъ погребенія. Онъ почти весь раскопанъ; при раскопкахъ въ немъ находили человѣческія кости, черепа лошадей и оружіе: шапки, кинжалы, ножи, пистолеты и т. п. Многіе увѣряютъ, что въ этой мишени былъ найденъ вѣкогда кладъ, т. е. большой хабаръ (кувшинъ), наполненный серебромъ.

Особенно важнаго значенія въ исторіи Наура курганы не имѣли, потому и не оставилъ въ памяти казаковъ прочныхъ слѣдовъ въ видѣ преданій и легендъ, кромя кратенькихъ замѣчаній относительно каждаго. Такъ, относительно кургана Разрытаго говорятъ, что прежде онъ былъ съ потайными ходами, камерами, въ которыхъ скрывались разбойники. Разбойники эти всюду наносили вредъ: нападали на проезжихъ, на поселки казаковъ и т. п. Впослѣдствіи казаки открыли ихъ убѣжище и удушили всѣхъ дымомъ. Для этого они забили ходы соломой, вѣтвями деревьевъ и

все это подожгли, отчего обитатели пещеръ погибли въ страшныхъ мученіяхъ. При раскопкахъ въ Разрытомъ находили оружіе, поясныя украшенія, кувшины и разныя остатки отъ награбленнаго разбойниками имущества. Курганъ Бочишный служилъ погребомъ для храненія неприкосновенныхъ запасовъ. Въ немъ казаки скрывали отъ назойливыхъ враговъ бочки съ порохомъ и оружіе.

Курганъ Андреевскій (Алпатовъ) находится недалеко отъ станицы. На вершинѣ его и понынѣ лежитъ огромный камень; памятникомъ какого событія онъ служить, достоверно неизвѣстно, а наурцы о камнѣ умалчиваютъ; надписи на немъ тоже никакой нѣтъ. Нѣкоторые увѣряютъ, что во время популярной среди казаковъ обороны Наура крымскій наместникъ Шаббасъ Гирей (калга) остановился становъ на этомъ самомъ курганѣ. Другіе увѣряютъ, что юрта калги стояла на курганѣ Двойномъ. Курганъ этотъ, по словамъ наурцевъ, будто бы пзобилауетъ золотомъ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ казаки будто достали изъ него серебряный кувшинъ, наполненный золотомъ, но во время доставанія кувшина имъ показывались „страхи“. Много разъ казаки пытались еще достать что-нибудь изъ кургана, но попытки ихъ не увѣнчались успѣхомъ, потому что ночью на курганѣ показывались призраки: на вершинѣ вдругъ появлялись зажженные свѣчи или оттуда раздавался крикъ, плачь, стугъ, иногда же появлялись казацкіе начальники на бѣлыхъ коняхъ.

„Островъ“—большой конусовидный, съ острой вершиной курганъ; расположенъ онъ на равнинѣ и служилъ прежде мѣстомъ жительства сторожевыхъ казаковъ. „Рѣзниковъ“ тоже нѣкогда служилъ для этой же цѣли. Исходя изъ смысла названія, наурцы утверждаютъ, что на этомъ курганѣ былъ однажды перерѣзанъ большой сторожевой казачій постъ. Напившись допьяна, казаки заснули. Воспользовавшись удобной минутой, шайка чеченцевъ тихо подкралась

въ кургану, нашла на спящихъ казановъ и перерѣзала ихъ до одного.

Казачьи пикеты, какъ я уже замѣтилъ, располагались прежде на курганахъ, въ которыхъ они хранили и съѣстные припасы, и деньги, и оружіе, и порохъ. Поэтому при раскопкахъ въ курганахъ находили или старое оружіе, или деньги въ глиняныхъ и металлическихъ кувшинахъ, или остатки вапихъ-либо сельскохозяйственныхъ или для домашняго употребленія орудій. Раскопки кургановъ происходили лѣтъ 30—40 назадъ и производились не энергично, о чемъ можно заключить по виду кургановъ, въ которыхъ производили раскопки. Всѣ работы только начаты; рабочіе какъ будто пачивали копать и почему-то бросили работу; это видно по небольшимъ углубленіямъ въ бокахъ кургановъ. Многіе курганы совсѣмъ не раскапывались; послѣдніе стоятъ нетронутыми и до сихъ поръ. Есть курганы, вершины которыхъ имѣютъ котлообразныя углубленія; есть курганы, которые, совсѣмъ сравнявшись съ землей, давно исчезли, и „клады“, находясь въ нихъ, сдѣлались достояніемъ казановъ, чеченцевъ или организованной отъ начальства комиссіи. Куда отправляла комиссія находимыя въ курганахъ вещи, неизвестно. Что же касается тѣхъ орудій и вещей, которыя попадались казакамъ или чеченцамъ, людямъ не интересующимся археологіей, то ихъ и слѣда нѣтъ: одни изъ нихъ отъ новаго употребленія истерлись и пропали; другія были заброшены, какъ ненужныя и непонятныя по своему назначенію вещи; третьи пошли въ бузницу, и изъ нихъ сдѣлали шины для колесъ или подковы для лошадей и т. п. А сомнѣніи нѣтъ, что курганы изобилуютъ интересными для изученія археологіи Кавказа предметами, потому что происхожденіе многихъ изъ нихъ исторія относитъ ко временамъ сяговъ и татаръ. Старожилы говорятъ, что въ окрестностяхъ

станицы прежде находили орудія, относящіяся даже къ каменному вѣку.

Относительно названій кургановъ наурцы не знаютъ, откуда они произошли.—Почему называется этотъ курганъ „Бостынымъ“, а тотъ „Харланычевымъ?“ спросите казака.— „Не знаю“, отвѣтитъ онъ: „такъ наши отцы называли ихъ“. Правда, есть нѣсколько кургановъ, названіе которыхъ наурцы могутъ объяснить. Эти курганы сохраняютъ среди нихъ память о какомъ-либо начальникѣ, асаулѣ, храбрѣмъ казакѣ и т. п. Одинъ изъ кургановъ получилъ свое наименованіе по слѣдующему случаю. Какъ извѣстно, на масляницу въ станицѣ устраиваются джигитовки, скачки и др. виды общественныхъ увеселеній. Обыкновенно по станицѣ разъѣзжаютъ молодые казаки, наряженные въ изысканные костюмы, и дѣлаютъ различныя военныя упражненія на всеи скаку лошади. Въ большомъ числѣ они собираются на станичной площади и здѣсь практикуются въ схватываніи съ земли на всеи скаку различныхъ предметовъ: денегъ, табаку, серебряныхъ вещей и т. п. Иногда устраиваются скачки официальныя. Казаки, подготовляющіеся къ дѣйствительной службѣ, и тѣ, которые уже отслужили ее, выѣзжаютъ въ назначенный день за станицу. Сюда пріѣзжаютъ атаманы станицы, офицеры и собирается народъ. При огромномъ стеченіи публики здѣсь и производятся скачки по извѣстной программѣ. Болѣе ловкіе изъ казаковъ берутъ „призы“, т. е. награды. Послѣ джигитовки, обыкновенно, бываетъ присужденіе наградъ и попойка на одномъ изъ кургановъ. Тогда же казаки чествуютъ своего любимаго начальника и въ память его называютъ его именемъ курганъ. Вотъ на одной изъ такихъ джигитовокъ былъ названъ одинъ курганъ по имени главнаго распорядителя скачки сотника Шушпанова—„Шушпановъ“. На немъ происходило и чествованіе сотника Шушпанова наурцами. При

подобныхъ то торжественныхъ случаяхъ, должно полагать, получили свое названіе многіе мѣстные курганы.

IV.

Мѣстоположеніе станицы. Р. Терекъ и озеро.

Станица Наурская расположена на южной окраинѣ Прикаспійской низменности, на лѣвомъ берегу средняго теченія Терека. Мѣстность въ этомъ мѣстѣ достигаетъ до 247 футовъ высоты. Къ востоку и западу отъ станицы пролегають почтовый трактъ (грунтовая дорога). На разстояніи 5 верстъ къ востоку находится ст. Мекенская, а на разстояніи 45 верстъ въ этомъ же направленіи находится гор. Грозный. На западъ отъ станицы (15 верстъ) находится ст. Ищерская; въ этомъ же направленіи на разстояніи 50 верстъ лежитъ г. Моздокъ, а на разстояніи около 100 верстъ ст. Прохладная—станція Владикавказской желѣзной дороги. Отъ гор. Владикавказа Науръ находится на разстояніи 100 верстъ, а отъ ст. Самашкинской, станціи Владикавказской ж. д., 40 вер. Къ югу отъ станицы на правомъ берегу Терека раскинулся Нижненаурскій чеченскій аулъ, а къ сѣверу на разстояніи 12 верстъ и далѣе разсѣяны по „бурунамъ“ казачьи хутора.

Науръ лежитъ подъ 63° восточной долготы, считая отъ Ферро (15° по Пулковскому меридіану), и между 43—44° сѣверной широты. Равнина, на которой расположена станица, тянется, не прерываясь, на сѣверъ, западъ и востокъ, при чемъ на сѣверъ и западъ она постепенно повышается: на югъ же въ 5 верстахъ, по правую сторону Терека, она прерывается сначала рядомъ невысокихъ горъ, а потомъ и высокихъ. Съ этихъ горъ Терекъ обозначается блестящими пльменами и озерами, мелькающими между расположенными

по его берегамъ высокииъ лѣсомъ и садами. Прилегающая къ станицѣ рѣка Терекъ беретъ начало въ Кавказскихъ горахъ, съ южной стороны Казбека. Направляясь отъ Казбека на сѣверъ, Терекъ протекаетъ г. Владикавказъ и въ томъ же почти направленіи течетъ къ ст. Прохладной, принимая съ лѣвой стороны массу притоковъ; отъ ст. Прохладной Терекъ, соединившись съ Малкой, несетъ свои мутныя воды на востокъ; въ этомъ направленіи онъ минуетъ цѣлый рядъ казачьихъ станицъ, г. Моздокъ и въ среднемъ своемъ теченіи описываемую здѣсь ст. Наурскую; затѣмъ приближается постепенно къ Каспійскому морю. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ расположена станица, Терекъ имѣетъ довольно быстрое теченіе и порядочную глубину; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣдняя достигаетъ 4—5 сажень. Ширина Терека равняется 35—40 сажениамъ. Разливается Терекъ обыкновенно въ концѣ мая и въ началѣ іюня мѣсяца, а также и въ іюлѣ, когда въ горахъ происходитъ таяніе снѣговъ. При разлитіи Терекъ затопляетъ всѣ низменные пространства около своихъ береговъ: виноградныя сады, огороды, „косы“, покрытыя тальникомъ, и ближайшіе луга; жилыхъ помѣщеній вода не касается, потому что станица расположена на террасѣ, выше затопляемой мѣстности. Вода во время разлива и вообще все лѣто бываетъ мутная, потому что Терекъ 100 верстъ отъ ст. Прохладной имѣетъ песчаное русло и иловатыя или глинистыя берега, которые быстрымъ теченіемъ воды постоянно размываются. Цвѣтъ воды въ Терекѣ періодически мѣняется; вода принимаетъ по временамъ то мутный грязноватый цвѣтъ, то желтый, то черный, то красноватый. Когда же рѣчная вода отстаивается, то принимаетъ бѣлый матовый цвѣтъ. Вкусъ воды прѣсный, нѣсколько сладковатой. Для питья теречная вода очень здоровая. Мѣстные жители предпочитаютъ ее родниковой и везутъ въ бочкахъ домой въ большомъ количествѣ. Чай настаивается на этой водѣ лучше, чѣмъ на всякой

другой. Еще вода теречная употребляется для стирки бѣлья, и для этой цѣли нѣтъ ей водобной. Однимъ словомъ, вода здѣшняя приноситъ много пользы мѣстнымъ жителямъ, какъ въ отношеніи ея пригодности для питья, такъ и употребленія ея на другія работы, какъ, напримѣръ, приведеніе въ движеніе мельницъ и пр.

Каждый годъ замѣчается, что Терекъ измѣняетъ свое русло. Лѣтъ 40 тому назадъ Терекъ протекалъ возлѣ самой стапцы, такъ что чеченскій аулъ на правомъ берегу находился отъ русла на разстояніи версты. Однажды чеченцы обществомъ отвели часть воды къ себѣ въ аулъ по рву и тѣмъ облегчили для себя пользованіе водою. На зато они послѣ раскаялись: мало-по-малу каналъ, вырытый чеченцами, увеличился и наконецъ весь Терекъ перешелъ къ ихъ аулу. На мѣстѣ стараго русла остался одинъ только рукавъ, который въ своемъ теченіи смываетъ небольшое пространство земли (островъ) и впадаетъ въ главное русло. Но этого мало, что Терекъ измѣнилъ свое русло и сталъ протекать около аула: онъ еще незамѣтно подтачивалъ берегъ все больше и больше, вслѣдствіе чего большая половина такого огромнаго аула, какъ „Нижній Науръ“ (Нижненаурскій), выселилась на болѣе возвышенное мѣсто, на одну террасу выше, которая тоже, должно полагать, была прежде берегомъ Терека. Но сила теченія и напоръ воды на эти старые берега настолько велики, что они съ каждымъ годомъ рушатся все болѣе и болѣе; вмѣстѣ съ обвалившимися частями берега верѣдко падали и сакли, и сарай, и др. строенія чеченцевъ. Убытокъ аулу большой, а между тѣмъ до сихъ поръ противъ этого еще не принято никакихъ мѣръ. Впрочемъ, заурудить Терекъ въ этомъ мѣстѣ и заставить его отдалиться хотя немного отъ аула почти невозможно; для этого потребуются большія средства.

Около аула въ области стараго же русла расположено озеро, небольшой глубины, занимающее площадь въ 2 кв. версты. Озеро посредствомъ канала имѣетъ сообщеніе съ Тереконъ. Вода въ озерѣ не пригодна для питья; она свѣтлѣе теречной воды и отъ присутствія водяныхъ растений имѣетъ зеленоватый цвѣтъ и солоноватый вкусъ. Озеро изобилуетъ рыбою и водяными птицами, скрывающимися въ камышахъ и чаканѣ.

V.

Характеръ мѣстности, на которой расположена станица. Внѣшній видъ станицы. Постройки и ихъ назначеніе.

Станица Наурская расположена въ полукруглой котловинѣ, на приподнятой площадкѣ, которая на южной сторонѣ станицы спускается на одну террасу (старые берега Терека) ниже и образуетъ другую площадку, доходящую до новаго русла Терека. Съ сѣверной стороны мѣстность опять сразу поднимается на одну террасу, а дальше на сѣверъ преобладающій характеръ мѣстности равнинный. Такимъ образомъ, съ сѣверной стороны станицу огораживаетъ обрывъ, изъза котораго она совершенно не видна для подъѣзжающаго, кромѣ церкви. Церковь показывается приближающемуся въ Науру за 10 верстъ; затѣмъ показываются верхушки деревьевъ, насажденных по станицѣ, а за ними уже вблизи показывается и сама станица, мелькая между деревьями своими бѣлыми, какъ снѣгъ, домами. Съ кургановъ и другихъ возвышенныхъ мѣстъ общій видъ Наура представляетъ прекрасную картину; отсюда открывается пріятная панорама домовъ, садовъ и возвышающейся надъ станицею церкви. Предъ вами открываются ряды прямыхъ правильныхъ улицъ

и мелькающіе среди зелени, небольшіе, выбѣленные известью, дома казаковъ. Церковь со своими голубыми куполами и блестящими на солнцѣ крестами высоко вырастаетъ изъ среды ставицы и своимъ торжественнымъ видомъ дополняетъ общую картину. Надъ домами, утопающими въ зелени, на фонѣ неба, къ югу, группируются Кавказскія горы, и между ними подымается прячущій въ облакахъ свою вершину Казбекъ, а дальше къ западу Шатъ-гора (Эльбрусъ). Съ юга станица не видна для подъѣзжающаго, потому что вся закрыта садами, рощами и узкой полосой лѣса, который тянется на сотни верстъ къ западу и востоку отъ Наура по берегамъ Терека.

Вся станца имѣетъ форму четырехугольника, длина котораго $1\frac{1}{2}$ версты, а ширина $1\frac{1}{3}$ версты, такъ что станца занимаетъ площадь приблизительно въ 2 кв. версты. Вся окрестность станицы простирается до пяти съ лишнимъ верстъ. Привлекательному виду станицы съ вѣшной стороны не вполне соответствуетъ внутренній ея видъ. Правда, улицы, которыя за исключеніемъ нѣсколькихъ переулковъ подъ прямымъ угломъ пересѣкаютъ другъ друга, по большей части посыпаны пескомъ, но на многихъ толстымъ слоемъ лежитъ пыль, особенно лѣтомъ, что составляетъ весьма важный недостатокъ станицы. Во время вѣтра, пыль эта до такой степени наполняетъ воздухъ, что буквально затемняетъ лучи солнца. Въ дождливое время она превращается въ липкую грязь, и станца дѣлается тогда непроходимой. Дѣлится Науръ на двѣ части, изъ которыхъ одна носитъ названіе „Старый Науръ“, а другая, выросшая за послѣднее время, — „Хачен“. Части раздѣляются большою улицей. Улицъ въ Наурѣ 45; всѣ онѣ довольно правильны; болѣе другихъ выдѣляется правильностью Золотая улица. Названа послѣдняя такъ потому, что встрѣчи начальствующихъ лицъ, общественныя торжества происходятъ на упомянутой улицѣ. Сравнительно съ другими станицами, Наурская имѣетъ болѣе

привлекательный видъ: она и многолюднѣе и богаче другихъ станицъ; многіе ея дома покрыты черепицей и желѣзомъ, что въ другихъ станицахъ трудно встрѣтить.

Всѣхъ кварталовъ въ станицѣ около 200; на Старый Науръ приходится около 150 кварталовъ, а на „Хачки“ — 50. Каждый кварталъ имѣетъ форму прямоугольнаго четырехугольника и заключаетъ въ себѣ отъ 10 до 15 дворовъ. Въ станицѣ насчитывается до 2500 домовъ; изъ нихъ 15 общественныхъ, а остальные составляютъ собственность частныхъ жителей. Въ серединѣ Наура на большой площади стоитъ высокая деревянная церковь, окруженная кирпичною оградю. Внутри ограды, вокругъ церкви, находятся около 10 могилъ, на которыхъ лежатъ большія каменные плиты съ надписями.

Площадей въ станицѣ двѣ. На одной, какъ я уже сказалъ, стоитъ церковь, другая же большая площадь называется базарною, вѣсовою. На церковной площади находятся: станичное двухклассное училище, церковно-приходская школа (для дѣвочекъ) и разныя торговыя заведенія. Базарная площадь окружена тоже разными торговыми заведеніями, постоянными дворами, а также жилими домами казаковъ, ставячими правленіемъ и больницею.

Въ Наурѣ имѣется также старовѣрческій молитвенный домъ-часовня.

Дома въ Наурѣ поставлены близко другъ отъ другу, особенно въ той части, гдѣ находилась старая станица; расположены они рядами по сторонамъ длинныхъ и довольно широкихъ улицъ. Всѣ постройки такъ тѣсно прилегаютъ другъ къ другу, что зрителю не вѣрится, чтобы на такомъ сравнительно небольшомъ клочкѣ земли (2 кв. вер.) могло помѣститься до 2500 домовъ. Такая тѣсная группировка жилищъ объясняется прошлой судьбой станицы; было время, когда каждый часъ науры подвергался хищническимъ вторжені-

яиъ полудикихъ племень Кавказа. Находясь въ такихъ условіяхъ порубежнаго быта, казаки поневолю селились сколоченными группами и строили свои дома близко одинъ къ другому для того, чтобы удобнѣе и скорѣе обвести ихъ стѣною, вазомъ, укрѣпленіемъ. Дома наурскихъ казаковъ, по большей части, построены по образцу великорусскихъ избъ; они имѣютъ всегда три части: жилую избу (хату), чуланъ и курень. Изба служитъ постояннымъ обиталищемъ казачьей семьи; въ ней происходитъ вся домашняя жизнь семьи; здѣсь въ огромной печи варится пища, здѣсь вѣдятъ за столомъ и производятся домашніе работы, здѣсь отдыхаетъ и спитъ вся семья. Полъ въ избѣ въ большинствѣ случаевъ земляной съ глиняной штукатуркой. Внутреннее убранство избы отличается своею незатѣйливостью и однообразіемъ. Въ одномъ изъ угловъ поставлена большая русская печь (рѣдко каминъ), которая служитъ и для нагрѣванія комнаты и для стряпни. Немногіе имѣютъ отдѣльную кухню. Въ переднемъ углу хаты стоятъ на полкѣ (божница) образа, а подъ ними обѣденный столъ, покрытый скатертью. Предъ образами надъ столомъ виситъ лампада и на ниткахъ пасхальные яйца, напоминающія Свѣтлый праздникъ. Въ одной сторонѣ избы (сбоку печки) пристроена невысокая кровать (тахта), сколоченная изъ досокъ. Покрывается кровать войлокомъ (полестью) и одѣлами. На одномъ концѣ кровати помѣщается большой сундукъ, который служитъ семейству вмѣсто гардероба. Вдоль стѣны избы въ свободныхъ мѣстахъ стоятъ лавки, т. е. большія, наглухо прикрѣпленныя къ стѣнамъ, скамейки, или только приставленныя къ нимъ. Въ одномъ изъ угловъ избы (по большей части около печки у входной двери) прикрѣпленъ къ стѣнѣ поставъ, на которомъ хранится домашняя посуда и столовые приборы. Точно такую обстановку можно встрѣтить почти у всѣхъ.

Нѣсколько лучше убранъ у наурца курень, или передняя.

Такъ называется у казаковъ холодная горница, окна которой выходятъ на улицу. Курень и по внѣшнему виду больше избы и по внутреннему убранству опрятнѣе другихъ жилыхъ строеній казаковъ. Богатой обстановкой курень не блещетъ, но зато отличается обиліемъ свѣта, чистотою; всякая вещь въ куренѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что за нею ухаживаютъ, сметаютъ съ нея пыль и ее чистятъ.

Въ куренѣ прежде всего бросаются въ глаза — дорогіе образа, которые стоятъ въ тщательно убранной божицѣ. Подъ образами стоитъ столъ, покрытый чистою бѣлою снатурткою. На столѣ стоятъ разныя галантерейныя вещи и книги: святцы, псалтырь, часословъ, календарь и др. Въ другомъ углу поставъ, гдѣ сохраняется дорогая приличная посуда и запасные обѣденные приборы. Въ отличіе отъ хаты курень имѣетъ деревянный полъ, а обои на стѣнахъ его свѣтлѣе и приличнѣе, чѣмъ въ прочихъ комнатахъ. По стѣнамъ въ куренѣ развѣшаны оружіе казака, одежда и картины. Въ одномъ углу стоитъ тщательно убранная кровать съ пуховиками (перинами), высокими подушками и одеялами. Печки курень не имѣетъ и потому вовсе не отопливается; вмѣсто лавокъ въ немъ стоятъ вѣнскіе стулья. Вотъ и все, что можно замѣтить въ куренѣ. Курень служитъ для приема гостей; здѣсь же обыкновенно казакъ справляетъ именины, престивны и другіе семейные праздники; въ другое время курень пустуетъ.

Чуланъ находится между избой и куренемъ; если же курень построенъ отдѣльно отъ избы, то онъ имѣетъ свой чуланъ, а изба свой. Чуланъ — это своего рода прихожая; печки онъ не имѣетъ, оконъ тоже. На стѣнахъ чулана прирѣзаны вѣрочки изъ оленьихъ или козьихъ роговъ, на которыхъ висятъ разныя хламъ: будничная рабочая одежда, военная сбруя и пр. Съ „подловни“ (чердакъ) несетъ запахъ залежавшихся тамъ арбузовъ и тыква. Въ дѣтнее

время вся семья живетъ въ чуланѣ, какъ болѣе прохладной комнатѣ.

Многіе казаки имѣютъ особыя сакли, какъ и „курень“, тщательно убранныя, хотя безъ комфорта. Какъ и курень, сакля служитъ имъ для приема гостей и для дружеской бесѣды съ товарщицами. Печки сакля тоже не имѣетъ. Если же казакъ женитъ сына, то для молодыхъ отводится сакля или курень съ приготовленною заранѣе печью.

Къ жилымъ строеніямъ казака примыкаетъ дворъ. Последній раздѣляется на три части: чистый дворъ, скотный базъ и сѣнникъ.

Чистый дворъ опредѣляютъ строения: жилия сакли, курень, изба, сарай, въ которомъ складываются сельскохозяйственныя орудія, и другой сарай, въ которомъ ставятъ телеги, арбы; кромѣ того, въ одной сторонѣ этого двора строится обыкновенно, амбаръ для ссыпки зернового хлѣба; этотъ же амбаръ служитъ иногда и подваломъ, въ которомъ ставятся бочки съ виномъ, хабары съ масломъ, молокомъ и кадушки съ капустой.

На скотномъ („заднемъ“) базѣ живетъ и кормится зимою домашній скотъ. Здѣсь же въ одной сторонѣ построены цѣлый рядъ сараевъ, конюшенъ и „катуховъ“, назначеніе которыхъ—служить скоту защитой отъ непогоды. Въ „катухахъ“ же (закрытые темные сараи), какъ болѣе теплыхъ сараевъ, содержатъ зимою телятъ, жеребятъ и ягнятъ. Посреди скотнаго двора стоятъ ясли, въ которыя кладутъ рогатому скоту кормъ. Лошадей и овецъ держатъ въ особыхъ теплыхъ конюшняхъ, гдѣ отдѣльно для нихъ пристроены и ясли.

Сѣнникъ—третья часть во дворѣ казака. Само названіе объясняетъ его назначеніе: въ сѣнникѣ складываются зимою сѣно и солома, лѣтомъ же онъ иногда служитъ вмѣсто огорода. Многіе жители имѣютъ для огорода или фруктоваго сада особое четвертое отдѣленіе двора.

Всѣ дома въ станицѣ въ архитектурномъ отношеніи не представляютъ ничего особеннаго; почти всѣ они бревенчатые или плетневые съ покатыми камышевыми или черепичными, рѣдко желѣзными крышами. „Курень“ и въ рѣдкихъ случаяхъ изба, сакля и амбаръ строятся обыкновенно изъ бревенъ. Въ большинствѣ же случаевъ избы, сакли и амбары имѣютъ основу плетневую, которая затѣмъ изнутри и снаружки обмазывается желтой глиной и бѣлится известной. Крыша упомянутыхъ строеній тоже смазывается глиной или на нее набрасывается просто слой земли. Сарай всѣ плетневые; обмазываются они пометомъ скота, что является необходимою при здѣшнихъ суровыхъ зимахъ, сопровождающихся свѣжними метелями. Крыша сараевъ соломенная и въ рѣдкихъ случаяхъ камышевая.

Относительно размѣра жилыхъ строеній можно сказать слѣдующее: объемъ самой большой комнаты въ станицѣ 600 куб. аршинъ, объемъ небольшой избы бѣднаго казака 150 куб. аршинъ. Самые большія зданія въ станицѣ это общественныя; къ нимъ относятся: станичное правленіе, больница, житница (элеваторъ), церковь, школа и оставшіяся старыя подковыя зданія. Съ каждымъ годомъ Науръ обстраивается: все чаще и чаще стали попадаться большіе красивые дома съ желѣзными крышами. Вліяніе лицъ служилаго класса, а также переселившихся изъ городовъ торговцевъ и разнаго рода ремесленниковъ, находящихся въ станицѣ заработки, уже успѣло отразиться не только на развитіи круга понятій мѣстныхъ жителей, въ складѣ и качествѣ ихъ устной рѣчи, но и на матеріальной обстановкѣ. По примѣру пріѣзжихъ казаки стали строить себѣ большія удобныя постройки, стали болѣе заботиться объ опрятности жилищъ, даже внесли улучшение въ уходъ за домашнимъ скотомъ, въ систему паханія, въ уходъ за садомъ и т. п. Въ цѣломъ это вліяніе способствовало, на ряду съ другими условіями,

упроченію матеріального благосостоянія большинства жителей этой станицы.

V.

Величина юрта и характеръ угодій.

Площадь, занимаемая станицею со всѣми землями, усадьбами и угодьями, равняется 720 кв. верстамъ. Вся эта территория имѣетъ форму продолговатаго прямоугольнаго четырехугольника, длина котораго 60 верстъ, ширина 12. Южной границей земель, принадлежащихъ ст. Наурской, служитъ р. Терекъ; на восточной сторонѣ наурская земля примыкаетъ къ землѣ ст. Мелецкой и въ сѣверныхъ своихъ частяхъ къ землѣ ст. Калновской, а на западѣ граничитъ съ землею ст. Ищерской. Сѣверной своей частью она упирается въ участокъ, отведенный ст. Червленной. На сѣверѣ этого участка располагается такъ называемая войсковая земля, въ восточной части которой мочуютъ караногайцы, а въ западной идишкульцы. Главное поселеніе караногайцевъ есть ставка Терекли-Мектебъ, а идишкульцевъ — Ачикулакъ.

Съ сѣверо-западной части земли ст. Наурской находится такъ называемая „господская“ земля. Здѣсь расположены участки, перешедшіе въ собственное владѣніе наурскихъ „господъ“, т. е. дворянъ потомственныхъ и личныхъ. Южнѣе господской земли находится „церковная“ и „поповская“ земля.

Вся площадь, занимаемая землями ст. Наурской, имѣетъ не одинаковый характеръ. Она дѣлится на три части: „подъ“, „буруны“ и „даль“. „Подъ“ занимаетъ площадь приблизительно въ 210 кв. верстъ, „буруны“ въ 310 и „даль“ — въ 200 кв. верстъ. На 16 верстъ съ лишнимъ къ сѣверу отъ станицы характеръ мѣстности равнинный. Вся эта равнина съ разбросанными по ней кое-гдѣ курганами имѣетъ черноземную твердую почву и называется „подомъ“. Послед-

ний ежегодно распределяется между жителями подъ распашку; большая же его часть остается для покоса, для пастьбы скота и подъ распашку на слѣдующій годъ.

Далѣе на сѣверъ мѣстность сразу немного поднимается, и здѣсь начинается супесчаная почва—„буруны“. Ровныя до буруновъ окрестности, покрытыя травянистымъ покровомъ, смѣняются изрѣзывающими степь по всеѣмъ направлениямъ холмами песчаного свойства. Эти холмы занимаютъ обыкновенно площадь въ 2—3 кв. версты, но попадаются часто; они называются подвижными песками, потому что во время вѣтра они передвигаются съ мѣста на мѣсто и иногда засыпаютъ своей массой цѣлые хутора съ колодцами. Хутора же разбросаны по бурунамъ очень часто. Возлѣ каждого хутора обыкновенно ютятся и упомянутые подвижные пески. Нѣкоторые песчаные холмы покрыты рѣдкими кустами тощей травы или полыни; другіе представляютъ собою волнообразныя массы голаго песку, который отъ перваго дуновенія вѣтра готовъ ежеминутно подняться на воздухъ; когда же тучи песку носятя надъ землей, нельзя различить въ бурунахъ даже и близкихъ предметовъ. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ вѣтра буруны совершенно измѣняютъ свой характеръ, теряя свой обликъ: физиономія холмовъ преобразуется, и предъ глазами зрителя являються новыя сооруженія. Это явленіе можно наблюдать здѣсь лѣтомъ во время вѣтра. Воздухъ въ эти минуты становится горячимъ, растенія засыхають, дыханіе затрудняется; люди закутываютъ голову платками и башлыками, въ противномъ случаѣ губы и руки потрескаются, а въ уши, носъ и ротъ набьется масса мелкой пыли. Буруны тянутся на сѣверъ отъ подовой земли на 26 съ лишнимъ верстѣ. По всему этому пространству разбросаны хутора наурекскихъ казаковъ. Въ видѣ дополненія къ обрисовкѣ общаго характера буруновъ, позволю себѣ вкратцѣ разсмотрѣть хутора и калмыцкіе хатоны, разбросанные по нимъ.

Жители хуторовъ—наурскіе казаки. Переселились они сюда изъ станицы съ цѣлью наживы. Прежде, когда земледѣліе и скотоводство въ Наурѣ было не такъ развито, какъ теперь, жители довольствовались землею около станицы; по мѣрѣ развитія названныхъ отраслей сельскаго хозяйства казаки постепенно удалялись вглубь степей, строили тамъ хутора и занимались исключительно скотоводствомъ, потомъ и земледѣліемъ. Нужно замѣтить, что между влочками земли, занятыми сыпучимъ пескомъ, въ бурунахъ есть большія пространства покрытыя степною травой, слѣдовательно пригодныя какъ для пастбы скота, такъ и для пахоты. Земли пахотной въ бурунахъ много, такъ что наурцы пахутъ здѣсь, сколько кому угодно и гдѣ угодно; на „поду“, между тѣмъ, эта свобода ограничена. Такимъ образомъ, крупные скотовладѣльцы съ давнихъ временъ уходили съ своими стадами вглубь степей и устраивали тамъ хутора. Всѣ хутора имѣютъ названія, которыя они получили отъ первыхъ своихъ основателей. Въ настоящее время по бурунамъ насчитывается до 30 хуторовъ (конечно, только на землѣ ст. Наурской). Главные изъ нихъ слѣдующіе: Старые Ледневскіе (Ледневы), Новые Ледневскіе, Капустины, Найденовы, Золотаревы, Ближніе и Дальніе Бухаровы, Смирновы, Кириллины, Нырковы, Атарщиковы, Щерпытовскковы, Мельниковы, Хохлацкіе и др.

Кромѣ хуторовъ, по бурунамъ въ большомъ количествѣ разбросаны такъ называемые „кутаны“, или „отгоны“ (отгонныя мѣста). Сюда отдають наурцы свой „гулячій“ скотъ на прокормъ (прокормленіе) весною, лѣтомъ и осенью. Извѣстные кутаны слѣдующіе: Отгонный, Суравецкій, Касаковъ, Широковъ, Шаликовъ и др.

Около наждаго хутора и кутана находятся обыкновенно и колодцы; изъ нихъ хуторяне берутъ воду для себя и для скота. Но и жители станицы, пріѣхавшіе пахать въ

буруны, безпрепятственно наливаютъ бочки воды изъ этихъ же колодцевъ, потому что послѣдніе находятся въ общинномъ пользованіи у хуторянъ и станичниковъ. Здѣшніе колодцы имѣютъ до 20 аршинъ глубины и содержатъ въ себѣ чистую холодную воду, которая въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ есть настоящее богатство и отрада. Недалеко отъ Золотаревыхъ хуторовъ находится мѣстность, вода въ которой скопится сейчасъ же подъ почвою; достаточно копнуть заступомъ 3—4 раза, какъ можно уже добыть воду. Это есть единственное мѣсто въ бурунахъ, гдѣ мало-мальски практикуется огородничество; здѣсь же можно встрѣтить кое-какія древесныя насажденія, подъ тѣнью которыхъ спасаются во время лѣтней жары пастухъ и его стадо.

Около хуторскихъ колодцевъ стоятъ всегда огромныя корыта, въ которыхъ поятъ хуторяне свои табуны овецъ, лошадей и рогатаго скота. Кромѣ хуторовъ и кутановъ, по бурунскимъ пескамъ еще разбросаны отдѣльные колодцы. Послѣдніе находятся вдали отъ хуторовъ, среди песковъ. вмѣсто того чтобы гнать скотъ на водопой за нѣсколько верстъ къ хуторамъ, чабаны поятъ его на этихъ одинокихъ колодцахъ. Колодцы, какъ хутора и кутаны, носятъ имена своихъ основателей; изъ нихъ пользуются извѣстностью слѣдующіе: Бурмойровъ, Романычевъ, Баскаковъ, Тоумбегъ-Аджи, Кучуковъ, Галдаръ-кую (или Солдаты-кую), Кара-кую, Кизилъ-кую, Джимбекъ-кую и др. Около нѣкоторыхъ изъ этихъ колодцевъ встрѣчаются и постройки какого-либо жилищнаго казака или ногойца, большая же ихъ часть расположена въ дикой пустынной мѣстности, окруженной „буераками“ и песчаными холмами.

Вслѣдствіе большого количества земли всѣ жители хуторовъ и кутановъ земледѣльцы и скотоводы. Земли они пахутъ много, но еще болѣе разводятъ скота. Табуны овецъ, коровъ, лошадей имѣютъ многіе жилищные хуторяне. Мно-

го разводится также на хуторах и домашней птицы, которая не нуждается здесь в уходе: кормится сама кузнечиками и др. насекомыми; просо дают птицам только зимою.

Каждый хутор имеет от 10 до 30 дворов с 5-ю или 6 ю калмыцкими кибитками, в которых живут калмыки-пастухи.

Все постройки на хуторах плетневые, редко бревенчатые, а кирпичных совсем нет. „Передняя“ и „задняя“ комнаты хуторянина обыкновенно заплетаются хворостом, потом обмазываются глиной, затем снаружи белятся, а внутри обиваются обоями или тоже белятся. Обстановка комнат самая простая: в одном углу русская печь, в другом обитый стол, в третьем постав для посуды, а в четвертом большая тесовая кровать, на которой спит хуторянин со своей семьей.

К одной стороне от жилых помещений расположены сарай, скотный двор и катухи. Кроме постоянных дворов для скота, на хуторах есть еще „базы передвижные“. Они состоят из отдельных плетней, которые можно перевозить, куда угодно. Необходимость в этих базах является весной и осенью, когда постоянно моросит дождь и на скотном базу появляется грязь. Подвижные базы строятся обыкновенно для овец.

Лес в бурунах не растет; кроме изредка встречающихся около хуторов акаций, никаких деревьев в бурунах не попадается. В последнее время подвижные пески стали засаживаться хворостом-талником. Это делается не по собственному желанию хуторян или станичников, а по принуждению со стороны Правительства. У казаков, как будто нет никакого желания обратить эти пески в свою же пользу: беспечность губит их. С большим трудом удалось атаману выгнать жителей станицы и хуторов на общественную работу в буруны. Почти все

мѣста, занятыя сыпучимъ пескомъ, были засажены тальникомъ. Работа оказалась легкою. Проводилась по песку (въ пасмурную погоду) плугомъ борозда; въ нее клали прутья тальника. Образуя другую борозду, плугъ засыпалъ посаженные прутья въ первой бороздѣ; новая борозда, въ свою очередь, засаживалась прутьями и засыпалась при проведеніи слѣдующей борозды и т. д. Въ настоящее время тальникъ выше человѣческаго роста; пески, представляющіе до этого видъ пустыни безъ всякой растительности, теперь—цѣлая отрада для утомленнаго пустынными окрестностями глаза. Маленькіе лѣсочки то тамъ, то здѣсь появляются на бурунскихъ пескахъ.

Занятіе жителей хуторовъ, какъ я уже замѣтилъ, есть земледѣліе и скотоводство. Кромѣ этихъ занятій, хуторяне занимаются еще охотою и огородничествомъ, но послѣднее развито слабо. Ремеслъ и торговли совсѣмъ не существуетъ на хуторахъ. Все необходимое хуторяне закупаютъ въ станицѣ; свой скотъ и хлѣбъ они продаютъ на ярмаркѣ, которая ежегодно бываетъ въ Наурѣ отъ 8 по 20 сентября.

Хуторяне не живутъ исключительно на хуторахъ; почти каждый изъ нихъ имѣетъ собственный домъ и въ станицѣ. Многіе изъ нихъ пріѣзжаютъ на хутора только посмотреть за хозяйствомъ, провѣрить рабочихъ, пастуховъ, а затѣмъ снова возвращаются въ Науръ. Но есть и такіе, которые живутъ въ бурунахъ постоянно со всею семьей и хозяйствомъ. Всякій наурецъ имѣетъ право выселяться на хутора. Стремленіе ихъ къ хуторской жизни возрастаетъ все болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ. Это видно по увеличивающемуся числу дворовъ на каждомъ хуторѣ. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что многіе хутора исчезли.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о калмыцкихъ „хатонахъ“. Это есть небольшія поселенія калмыковъ, состоящія изъ 40—60 кибитокъ. Хатоны расположены тоже на

бурунской землѣ ст. Наурской, въ сѣверной ея части. Главныя изъ хатоновъ слѣдующіе: Джимбекъ, большой хатонъ Курмояроевскій, Баскаковъ хатонъ и др. Въ хатонахъ—средоточіе духовной власти калмыковъ, гилюны. Тамъ же находится и кибитка, служащая мѣстомъ молитвы—„хуруль“ или молитвенный домъ.*

Калмыцкіе хатоны расположились не на одной только наурской землѣ; много ихъ встрѣчается на надѣлахъ и другихъ станицъ. Всѣ они въ совокупности дѣлятся на два улуса. Хатоны, расположенные на землѣ Моздокской и станицъ: Галюгаевской, Ищерской и Наурской, составляютъ Верхній Улусъ; хатоны же станицъ Калиновской, Червленной и др. составляютъ Нижній Улусъ. Въ каждомъ улусѣ есть приставъ, который управляетъ хатонами и собираетъ съ калмыковъ подать. Приставъ Верхняго Улуса подчиняется, въ свою очередь, приставу Нижняго Улуса, т. е. послѣдній считается старшимъ.

Лѣтъ 12 тому назадъ къ числу земель ст. Наурской былъ прибавленъ участокъ, площадью приблизительно въ 180 кв. верстъ. Участокъ этотъ примыкаетъ къ бурунамъ въ сѣверной части и называется наурцами „далью“. „Даль“ тоже считается „подомъ“, такъ какъ имѣетъ твердую, а не песчаную почву. Къ западной сторонѣ этой земли примыкаетъ продолженіе участка „господской“ земли, а въ восточной части „дали“ огромная площадь земли занята буерагами „куркуръ“, которые имѣютъ свое продолженіе на землѣ ст. Калиновской и далѣе на востокъ. Пустыня „Куркуръ“ изрыта вдоль и поперекъ оврагами (буерагами) и покрыта по мѣстамъ песчаными холмами. Въ предѣлахъ земли ст. Наурской „Куркуръ“ занимаетъ площадь приблизительно въ 1000 десятинъ. Вся пустыня дѣлится на двѣ части; сѣверная ея половина называется казаками Дальнимъ Куркуромъ, а погайцами Переднимъ Куркуромъ; другая часть ея, мень-

шая южная, которая расположена на бурунской землѣ, называется казаками Ближнимъ Буркуромъ, а ногайцами Заднимъ Куркуромъ. Дорога по Буркуру совершенно не разработана; она идетъ по буеракамъ и оврагамъ, очень опасна и тяжела. Въ оврагахъ водится много волковъ, которые питаются на счетъ хуторскихъ скотоводовъ, а также зайцевъ и лисицъ. Кромѣ вѣчно зеленаго древовиднаго куста-вѣника, растений на Буркурѣ не встрѣчается; только голыя черныя глыбы твердой земли громоздятся передъ глазами проезжающаго. О водѣ въ Буркурѣ не можетъ быть и рѣчи: ея здѣсь нѣтъ.

Пустыня Буркуръ никѣмъ не населена, степныя же пространства „дали“ имѣютъ кое-гдѣ поселенія тавричанъ и ногайцевъ, которые занимаются здѣсь скотоводствомъ и отчасти земледѣліемъ. Большая часть „дали“ отдается ежегодно жителями Наура въ аренду упомянутымъ тавричанамъ и ногайцамъ. Остатокъ же ея частью распахивается подъ пшеницу („даль“—единственное мѣсто здѣсь, гдѣ хорошо родится пшеница), частью остается свободнымъ. За дальностью разстоянія (50 верстъ) здѣшніе обильные урожаи наурцевъ не привлекаютъ.

Изъ поселеній тавричанъ въ „дали“ особенно богаты хутора Мазаевы. На участкѣ Червленной ст., въ сѣверной части надѣла ст. Наурской, находятся только два хутора: Бабкинъ и Кругловъ. Ногайцы кочуютъ по степи до самой ставки Терекли и далѣе.

Водю „даль“ бѣдна. Воду достаютъ здѣсь изъ глубокихъ колодезевъ, да и тѣ встрѣчаются рѣдко; рѣкъ же и озеръ въ описываемой мѣстности совсѣмъ нѣтъ, какъ и въ бурунахъ. Изъ общеизвѣстныхъ мѣстныхъ колодезевъ замѣчательнъ своею водою Ле-кую. На Ле-кую пріютилось множество кутановъ и ногайскихъ поселеній.

VI.

Климатъ и орошеніе. Почва.

По общему отзыву климатъ ст. Наурской умѣренный. Господствующими вѣтрами въ станицѣ бываютъ восточный и за нимъ западный; второе мѣсто послѣ нихъ занимаютъ сѣверо-западный и юго-восточный. Сѣверный вѣтеръ наблюдается рѣдко, а южнаго совсѣмъ не бываетъ. Это объясняется орографическими условіями мѣстности: будучи открытой съ запада, востока и сѣвера и закрытой Кавказскимъ хребтомъ съ юга, станица естественно наиболѣе подвержена влиянію восточныхъ и западныхъ вѣтровъ. Вѣтры бываютъ здѣсь почти во всѣхъ мѣсяцахъ, но наиболѣе богаты ими іюль и августъ. Силу и продолжительность этихъ вѣтровъ за нимѣніемъ метеорологическихъ наблюдений нельзя опредѣлить съ должною точностью. Особенно продолжительно дуетъ здѣсь восточный вѣтеръ. Отличается онъ своею сухостью, вслѣдствіе чего онъ много вредитъ засѣваемымъ полямъ: листья проса и овса скручиваются въ трубку, и если въ скорости не бываетъ дождя, то „зеленя“ окончательно засыхаютъ. Дуетъ восточный вѣтеръ по большей части въ лѣтнее время, нерѣдко бываетъ и зимою. Влага онъ никогда не приноситъ и если разрѣшается атмосферными осадками, то не иначе, какъ градомъ; но это можно наблюдать въ описываемой мѣстности рѣдко. Восточный вѣтеръ буквально надѣдаетъ жителямъ свою назойливость и своимъ вреднымъ влияніемъ: горячій воздухъ во время этого вѣтра иссушаетъ почву и растенія, и изъ колосьевъ хлѣбныхъ злаковъ выбивается зерно.

Западный вѣтеръ тоже чаще всего дуетъ лѣтомъ—въ

августъ мѣсяцъ. Этотъ вѣтеръ приноситъ съ собою много влаги и почти всегда разрѣшается обильнымъ дождемъ. Западный вѣтеръ— отрада для землешца, къ сожалѣнiю только, дуетъ онъ рѣдко. Въ лѣтнее время, когда дождь болѣе всего нуженъ, его можно наблюдать не болѣе двухъ-трехъ разъ, да и то въ августъ, когда онъ служитъ только помѣхой уборкой хлѣба.

Градъ въ мѣстности бываетъ въ началѣ iюля мѣсяца. Величина града равняется крупному гороху. Обыкновенно проходитъ сильный ливень, который затѣмъ сопровождается градомъ. По временамъ градъ и потоки воды разрушаютъ всѣ надежды населенiя; иногда проходитъ такой сильный и продолжительный градъ, что поля совершенно уничтожаются, а виноградники остаются безъ листьевъ; кромѣ того, разбушевавшiйся Терекъ увоситъ мельницы, заливаешь огороды, вслѣдствiе чего положенiе жителей дѣлается тяжелымъ.

Что касается количества выпадающей влаги, то въ воздухъ она увеличивается съ сентября и продолжается до апрѣля; съ апрѣля же начинаетъ преобладать сухость. Самые дождливые мѣсяцы въ году октябрь и ноябрь, сухие—iюнь, iюль. Среднее число дождливыхъ дней въ году приблизительно равняется 70; свѣжныхъ 30; приблизительное число пасмурныхъ дней—180. Вообще здѣшнiй климатъ характеризуется значительною сухостью воздуха и, вслѣдствiе этого, малымъ количествомъ дождей и другихъ атмосферныхъ осадковъ, особенно въ жаркое лѣто. Для сужденiя о степени влажности въ описываемой мѣстности приведу небольшую таблицу количествъ осадковъ, наблюдаемыхъ въ Наурѣ въ 1872—74 годахъ, а также и въ послѣдующихъ годахъ.

Среднiя мѣсячныя и годовыя количества осадковъ въ миллиметрахъ (Кавк. Календарь).

Название мѣста.	Широта.	Долгота отъ Гринвича.	Высота въ метрахъ.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Июнь.	Июль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Годовыя.	Продолжительность наблюден.	Время наблюдений.
Наурская.	43° 39' 45"	18° 45' 43"	75	12	23	10	5	33	54	67	24	7	6	11	4	260	2 г. 2 м.	1872—1874 г.
Грозный.	— 19'	45° 42'	125	28	19	36	60	80	65	57	39	40	33	21	27	502	7 л. 5 м.	1870—1877 „
Мовдокъ.	— 44'	44° 40'	120	35	18	54	40	116	18	45	24	50	18	40	40	499	1 г. 7 м.	1791—1892 „

По словамъ старожиловъ, количество атмосферныхъ осадковъ въ ст. Наурской съ каждымъ годомъ все уменьшается. И дѣйствительно, за все лѣто 1901 года выпалъ одинъ только дождь, тогда какъ лѣтъ 10 тому назадъ жители не знали, что такое засуха. Теперь жары въ Наурѣ бывають страшныя, доходящія иногда до 35° С. и болѣе при постоянномъ знойномъ восточномъ вѣтрѣ, дующемъ почти все лѣто. Земля до такой степени нагревается, что всякая жизнь въ полевыхъ растеніяхъ прекращается. Трава и полевые злаки, высыхая, издають трескъ, земля расщеляется, просо засыхаетъ; ужасомъ проникается сердце казака, когда онъ глядитъ на могилу потраченныхъ трудовъ, надеждъ и силъ. Въ самой станицѣ жара лѣтняя умѣряется еще близостью рѣки и присутвіемъ лѣсовъ, въ бурунахъ же песокъ до того раскаляется, что дышать бываетъ трудно; въ самомъ пескѣ можно испечь куриное яйцо; отъ горячаго восточнаго вѣтра кожа на лицѣ и рукахъ трескается. Вообще говоря, климатъ въ бурунахъ сухой, континентальный; въ самой же станицѣ климатъ можно признать умѣреннымъ, хотя иногда и здѣсь свирѣпствуютъ жары не хуже бурунскихъ.

Средняя температура лѣта равняется приблизительно 21°С.; въ іюлѣ жары доходятъ до 33,5°С., а въ августѣ до 28°С.

Осень въ описываемой мѣстности бываетъ по большей

части дождливая; съ сентября мѣсяца температура постепенно понижается. Средняя осенняя температура—11°С.

Зима наступаетъ въ Наурѣ обыкновенно въ ноябрѣ и продолжается до марта. Первый морозъ появляется въ концѣ ноября; вода въ Терекѣ начинаетъ замерзать въ концѣ декабря, а иногда ранѣе. Maximum холода достигаетъ иногда 20°С. Продолжительныхъ холодовъ и морозовъ здѣсь не бываетъ; зима въ большинствѣ случаевъ бываетъ снѣжная; санныя дорожки держатся почти во все время зимы; снѣгъ выпадаетъ понемногу, но часто. Раннею весною съ наступленіемъ солнечныхъ дней снѣгъ исчезаетъ, оставляя послѣ себя большую грязь, замерзающую въ морозную ночь и днемъ снова оттаивающую. Средняя температура зимы 1°С. Въ общемъ зима въ Наурѣ отличается своимъ постоянствомъ и равномерностью: рѣзкихъ переходовъ отъ холода къ теплу и наоборотъ встрѣчается мало.

Вскорѣ по растаяніи снѣговъ раздаются первые негромкіе раскаты грома и выпадаютъ небольшіе дожди. Солнце все долѣе останавливается на небѣ, все болѣе начинаетъ нагрѣвать поверхность земли и вслѣдъ за симъ открывается чудная картина весны: природа стряхиваетъ съ себя зимній сонъ и начинаетъ пробуждаться. Спѣша другъ предъ другомъ, развертываются на деревьяхъ почки, поле покрывается цвѣтами, въ воздухѣ слышится пѣніе жаворонка. Весна здѣсь самое пріятное время года. Средняя ея температура 13°С. Съ половины апрѣля мѣсяца температура повышается и къ концу мая доходитъ до 29°С.

Первый громъ бываетъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; плодовые деревья начинаютъ цвѣсти въ первыхъ числахъ мая, а первые цвѣты въ лѣсу и въ полѣ появляются въ первой половинѣ апрѣля. Въ полной своей красотѣ весна разворачивается въ первыхъ числахъ мая. Потомъ уже наступаетъ лѣто. Прежде всѣхъ поспѣваютъ тутъ, вишни, за ними слѣдуютъ

яблоки, сливы, груши и послѣ всѣхъ виноградъ. Листья съ деревьевъ начинаютъ опадать въ послѣднихъ числахъ сентября и въ октябрѣ. Въ серединѣ ноября начинаются уже легкіе морозы, а въ началѣ декабря выпадаетъ и первый снѣгъ: въ свои права вступаетъ зима.

Что касается вліянія мѣстнаго климата на здоровье жителей, то, несмотря на сосѣдство болотъ и низменныхъ мѣстъ, залитыхъ водою, климатъ ст. Наурской считается въ общемъ здоровымъ. Причина этого кроется въ томъ, что станция открыта почти со всѣхъ сторонъ и, слѣдовательно, доступна вліянію всѣхъ вѣтровъ, которые въ данномъ случаѣ дѣйствуютъ, какъ вентиляторъ, не позволяя скопляться вреднымъ испареніямъ. Признавая такую необыкновенную силу за вѣтромъ, можно безъ преувеличенія назвать климатъ ст. Наурской здоровымъ и болѣе чѣмъ сноснымъ для жительства людей.

Геологическій составъ почвы въ мѣстности, занимаемой станцией, и въ ея окрестностяхъ, раздѣляется на три части. Ровныя пространства, начиная отъ станицы до бурунскихъ песковъ, имѣютъ почву черноземную. Толщина слоя чернозема достигаетъ здѣсь почти аршина; за этимъ слоемъ расположенъ слой чернозема, значительно перемѣшаннаго съ пескомъ, а глубже идетъ уже слой желтой глины.

Въ бурунахъ почва имѣетъ песчаное свойство; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она состоитъ изъ одного песка, въ другихъ съ незначительною примѣсью чернозема.

За бурунами въ „дали“ почва опять черноземная съ незначительною примѣсью песка.

По берегамъ Терека почва иловатая.

Что касается минеральнаго богатства мѣстной почвы, то, кромѣ желтой глины, употребляемой жителями для смазки и штукатурки жилыхъ строеній, а также для приготовленія кирпичей, другихъ минераловъ не встрѣчается. Желтой же

глины здѣсь много. Недалеко отъ станицы находятся ея залежи, которыя съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе раскапываются жителями для упомянутого употребленія. Около Ледневскихъ хуторъ (на „поду“) глина занимаетъ площадь въ 1 кв. версту; расположена она на поверхности земли; толщина слоя достигаетъ 2 $\frac{1}{2}$ арш.

Вода во всѣхъ частяхъ станицы показывается на глубинѣ 8 арш., а въ бурунахъ на глубинѣ 15 и болѣе аршинъ.

VII

Флора. Декоративныя и культурныя растенія.

Изслѣдованіе растительности Сѣвернаго Кавказа еще не закончилось, но значительно подвинулось впередъ. Извѣстно до 1500 сѣмянныхъ растеній, въ томъ числѣ около 100 видовъ древесныхъ породъ. Предкавказье есть продолженіе восточной и южной Россіи, и потому растенія, встрѣчаемыя на югѣ Россіи, можно встрѣтить и на Сѣверномъ Кавказѣ. Степи и балки здѣсь повсемѣстно покрыты ковылью, полынью и различнаго вида бобовыми растеніями и злаками. Чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ характеръ мѣстности болѣе измѣняется: растеній встрѣчается меньше, а въ пескахъ они и совсѣмъ исчезаютъ; кое-какая флора является по берегамъ рѣкъ и Каспійскаго моря (камышы). Весною по всей Прикаспійской равнинѣ степи покрываются кормовою травою, но, начиная съ іюня мѣсяца, трава засыхаетъ и вмѣсто нея вырастаетъ бурьянъ. Лѣсная растительность здѣсь встрѣчается только по берегамъ Терека, да и то не въ большомъ количествѣ. Это объясняется малымъ количествомъ атмосферныхъ осадковъ по всей Предкавказской равнинѣ и свойствомъ почвы (пески). Что касается ст. Наурской, которая расположена на южной окраинѣ этой равнины, то растительность ея сравнительно богата и разнообразна. Правда, лѣса здѣсь ма-

ло, зато травъ вдоволь и разнообразіе злаковъ обильно. О первыхъ же слѣдуетъ замѣтить, что вмѣсто прежнихъ дремучихъ лѣсовъ, покрывавшихъ берега Терека, остался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только мелкій кустарникъ. Безпечные казаки хищнически истребляли лѣсъ: употребляли его на постройку домовъ, на топливо, а развести или сохранить это богатое произведеніе почвы никому и въ голову не приходило. Вслѣдствіе беспорядочнаго истребленія съ давнихъ временъ лѣсъ постепенно рѣдѣлъ и рѣдѣлъ; отъ него, навѣрно, не осталось бы ничего, если бы Правительство не приняло заранѣе мѣръ и если бы жители не образумились; любя видѣть передъ глазами живыя деревья, казаки стали снова разводить сады, рощи и виноградники. Тѣмъ не менѣе, несмотря на проснувшееся среди мѣстныхъ жителей сознаніе необходимости лѣсосохраненія, количество лѣса съ каждымъ годомъ уменьшается и попутно съ этимъ идетъ и обмѣленіе Терека. Я, кажется, имѣлъ случай замѣтить, что рукавъ Терека, идущій отъ главнаго русла и огибающій пространство земли, поросшее тальникомъ, имѣлъ прежде достаточную глубину для постановки мельницъ и машинъ для поливанія садовъ; теперь этотъ рукавъ почти пзсякъ и течетъ только по временамъ, въ періодъ прибыли воды.

Изъ мѣстныхъ лѣсныхъ породъ наиболѣе часто встрѣчаются: дубъ, кленъ, ольха, карагачъ, ива, „бѣлолистка“, тополь и др.; изъ кустарниковъ попадаютъ слѣдующіе: князиль, бересклетъ, орѣшникъ, тальникъ, терновникъ, бузина и др. Встрѣчается въ здѣшнихъ лѣсахъ и множество дикихъ плодовыхъ деревьевъ: груши, яблоки, алуца, шелковица и др. Пространство, занятое лѣсомъ, равняется 1282 десят. Лѣсъ здѣшній не поражаетъ зрителя ни величиною и толщиною своихъ деревьевъ, ни густотою,—это всецѣло обусловливается свойствомъ подпочвы, которая не очень глубока. Тѣмъ не менѣе, однако, лѣсъ мѣстный имѣетъ громадное

значение для жителей станицы и хуторовъ, такъ какъ идетъ на плетение сараевъ, избъ и составляетъ существенный и чуть ли не единственный источникъ топлива для всѣхъ жителей.

Поля и луга въ описываемой мѣстности весною и лѣтомъ бываютъ покрыты ковромъ высокой сочной кормовой травы, цвѣтовъ и злаковъ. Изъ кормовыхъ травъ въ дикомъ состояніи растутъ: люцерна, эспарцетъ, клеверъ, пырей, ржанецъ, овсянка, „морковникъ“ и др.; много попадаетъ въ полѣ и бурьяну: чертополоха, чернобыльника, молочая, донника и т. п. Между кормовыми на лугахъ попадаются особое красивое растеніе, которое по мѣстному называется „тюркемъ“. Корень его длинный, толстый направляется вглубь земли; листья широкіе, мясистые, темно-зеленаго цвѣта, распускаются у земли; посреди нихъ появляется стебель, развѣтвляется и несетъ желтые цвѣточки. Каждую весну „тюркемъ“ въ огромномъ количествѣ вырывается изъ земли и сдается мѣстнымъ скупщикамъ, которые отправляютъ его на заводы и фабрики. Кромѣ „тюркема“, жителями собирается въ полѣ другое техническое дикорастущее растеніе, именно—рыжикъ (*Camelina sativa*) изъ семейства крестоцвѣтныхъ. Растетъ рыжикъ между рожью, ячменемъ и пшеницею. Изъ сѣмянъ этого растенія готовится рыжиковое масло, употребляемое въ пищу и для горѣнія.

Изъ лѣкарственныхъ растеній въ дачахъ станицы встрѣчаются: макъ, ромашка, бѣлена, дурманъ, мята, касатикъ, „богородичья трава“ и др.

Дикорастущія растенія, употребляемыя въ пищу: щавель, спаржа, чеснокъ, калачики (*Malva*) и др. Флора болотъ и рѣкъ: камышь, осока, чаканъ, „куга“, пвянкъ, мята и разныя луковичныя.

Очень часто въ дачахъ ст. Наурской попадаютъ ядо-

витыя растенія. Среди здѣшнихъ злаковъ одна порода приобрѣла мрачную извѣстность—это опьяняющій плевель, или какъ его называютъ казаки, „головня“. По внѣшнему виду это растеніе напоминаетъ другую весьма распространенную здѣсь траву—райгрась, по народному „ржанецъ“, или „аржанецъ“. Стебель „головни“ прямой и высокій; колосъ состоитъ изъ двухъ рядовъ маленькихъ колосковъ, плотно прижатыхъ къ стержню. Каждый колосокъ имѣетъ отъ 6 до 10 отдѣльныхъ цвѣтовъ. Растетъ это ядовитое растеніе вмѣстѣ съ рожью и пшеницею. На домашнихъ животныхъ „головня“ дѣйствуетъ всѣми своими частями, какъ соломою, такъ и зерномъ.

Изъ семейства лилейныхъ всѣмъ извѣстное въ мѣстности растеніе — „осенніе цвѣточки“, или безвременный цвѣтъ. Оно вырастаетъ и цвѣтетъ очень поздно, глубокою осенью; попадаетъ въ большомъ количествѣ по лугамъ и полямъ. Наружный видъ его очень примѣтенъ: выдаются въ глаза его крупныя свѣтлорозовыя (алыя) цвѣты, появляющіеся на лугахъ тогда, когда всѣ другіе цвѣты исчезаютъ. Луковичное это растеніе содержитъ въ себѣ ядовитый сокъ, примѣняемый во врачебномъ искусствѣ.

Другое ядовитое растеніе—ландышъ тоже широко примѣняется во врачебной практикѣ; растетъ онъ въ лѣсу и въ садахъ. Животныя по инстинкту избѣгаютъ ѣсть ландышъ, но если случайно послѣдній попадетъ въ кормъ, то можетъ причинить иногда отравленія.

Попадаетъ изрѣдка папоротникъ-щитникъ; изъ него нѣкоторыя старухи готовятъ лѣкарство для изгнанія глистовъ. Папоротникъ легко попадаетъ въ кормъ скоту и причиняетъ разнаго рода отравленія: судороги, кровавую мочу, шаткость походки, сонливость и т. п. Подобнымъ же образомъ дѣйствуютъ на скотъ и хвоци, которые очень лег-

го попадаютъ въ сѣно. У домашняго скота хвощи вызываютъ параличи ногъ.

Единичными деревьями встрѣчается здѣсь можжевельникъ. Настойка можжевельника имѣла прежде нѣкоторое примѣненіе въ народной медицинѣ, хотя въ цѣляхъ преступныхъ, а именно для производства выкидыша. Но такихъ фактовъ теперь не встрѣчается.

Представителемъ ядовитыхъ грибовъ можно считать мухоморъ. На видъ онъ очень примѣтенъ: у него ярко-красная шапка, покрытая бѣлыми въ беспорядкѣ разбросанными комочками. Встрѣчается мухоморъ въ лѣсу, но очень рѣдко. Чаще мухомора встрѣчается блѣдная поганка, а также и ядовитая сырожка. Онѣ походятъ на неядовитые съѣдобные грибы.

Изъ другихъ ядовитыхъ растений, распространенныхъ здѣсь, можно указать на белену, дурманъ, магъ, дикій картофель“ и др.

Виноградные сады, огороды и воздѣлываніе хлѣбныхъ растений составляютъ предметъ особой заботливости со стороны наурцевъ, конечно, сообразно со вкусомъ каждаго, обычаями и разными мѣстными условіями. Въ здѣшнемъ населеніи достаточно развита любовь къ садоводству и огородничеству: почти каждый имѣетъ виноградный садъ, какую-либо рошу или огородъ. Степень зажиточности хозяина опредѣляется количествомъ и качествомъ принадлежащихъ ему садовъ и загоновъ распаханной земли. Участки земли, находящіеся подъ огородами, садами и подобною интенсивною культурою составляютъ собственность хозяина, передаваемую по наслѣдству; каждый заботится о своемъ участкѣ по-своему: одинъ засаживаетъ его виноградными лозами, другой отводитъ подъ огородъ, третій разводитъ рошу и т. д. Остальные участки земли составляютъ общинную форму землевладѣнія и распахиваются казавами подъ хлѣбныя растения.

Спеціально фруктовыхъ садовъ наурцы не разводятъ: фруктовые деревья попадаются и на огородѣ, и дома, и въ виноградномъ саду, и въ роощѣ, и въ лѣсу. Изъ фруктовыхъ культивируемыхъ деревьевъ въ описываемой мѣстности можно встрѣтить слѣдующія: яблони, груши, вишни, сливы, абрикосы, айву, алычу и изрѣдка персики. Виноградные сады занимають площадь въ 230 дес. Процвѣтаніе виноградниковъ и ихъ оцутительное подспорье сельскому хозяйству отошли въ область преданія. Количество виноградныхъ лозъ замѣтно стало уменьшаться. Изъ числа другихъ надтеречныхъ станицъ только ст. Червленная, какъ винодѣльческій районъ, занимаетъ выдающееся мѣсто, несмотря на замѣчаемый изъ года въ годъ упадокъ виноградарства, вслѣдствіе развитія различныхъ болѣзней. Филлоксера поражаетъ виноградъ повсемѣстно, и борьба съ нею заключается только въ опрыскиваніи лозъ и листьевъ особымъ растворомъ мѣднаго купороса. Сорты винограда, разводимые въ мѣстности, не отличаются разнообразіемъ и качествомъ лозъ. Виноградъ разводится почти исключительно черный, который раздѣляется на нѣсколько сортовъ: „черный“; вяжущій на вкусъ, виноградъ для вина, „алый“ для употребленія въ пищу въ сыромъ видѣ, „козины сиски“—групный виноградъ, ягоды котораго похожи на соски козы; этотъ виноградъ наурцы называютъ еще „клинчатымъ“. Такой же виноградъ, бѣлый, называется „тавлинскимъ“. Черный виноградъ съ мелкими густо сидящими другъ около друга ягодами называется „донскимъ“. Этотъ виноградъ поспѣваетъ прежде другихъ сортовъ, имѣетъ пріятный сладкій вкусъ и аромать; вина, приготовляемыя изъ „донского“ винограда, отличаются своимъ букетомъ. Въ лѣсу въ дикомъ состояніи растеть „дикий виноградъ“, съ мелкими кислыми на вкусъ ягодами.

Изъ огородныхъ растений, разводимыхъ жителями ст. Наурской, чаще всего встрѣчаются слѣдующія: лукъ, чес-

покъ, укропъ, петрушка, капуста, тыква, стручковый перецъ, морковь, мята, рѣдка, редиска, чаберъ, рѣпа, свекла, лебеда, огурцы, подсолнечникъ и др. Культура картофеля еще не привилась среди мѣстнаго населенія; между тѣмъ, почва для разведенія этого полезнаго растенія довольно благоприятна.

Изъ хлѣбныхъ и другихъ культивируемыхъ въ полѣ растеній распространены слѣдующія: рожь, ячмень, овесъ, просо, кукуруза, пшеница, горохъ, собы, чечевица, арбузы, дыни, огурцы; изъ техническихъ: ленъ, конопля, сарептская горчица, табакъ и др. Изъ названныхъ растеній наибольшую распространенностью среди мѣстнаго населенія пользуется рожь. Причина такого распространенія этого злака заключается въ неприхотливости его въ отношеніи почвы. Въ описываемой мѣстности рожь одинаково растетъ какъ на „поду“, такъ и въ „бурунахъ“, хотя давно замѣчено, что она болѣе продуктивна въ „бурунахъ“ (супесокъ), нежели на „поду“ (черноземъ). Ежегодно рожью засѣвается мѣстными жителями около 6000 десятинъ.

Не меньшею распространенностью среди наурцевъ пользуется и ячмень (озимый). Кромѣ зерна, которое идетъ какъ на кормъ лошадямъ, такъ и на муку, это растеніе даетъ еще солому, которая служитъ зимою отличнымъ кормомъ для рогатаго скота. Поэтому каждый хозяинъ, чтобы было побольше корму, косить свой ячмень, а не жнеть, какъ это дѣлается съ рожью; впрочемъ, когда ячмень родится болѣе или менѣе высокимъ, его тоже сжинаютъ. Мѣстный ячмень своимъ ростомъ не превышаетъ 1 арш.; рожь же достигаетъ роста человѣческаго.

Прозрастаніе овса по причинѣ истощенія почвы находится въ упадкѣ. Лѣтъ 10 тому назадъ овесъ служилъ главною матеріальною поддержкою въ сельскомъ хозяйствѣ наурцевъ. Овесъ въ огромномъ количествѣ вывозился

изъ станицы въ Моздокъ, Грозный и Владикавказъ; каждый хозяинъ ставилъ себѣ въ обязанность засѣвать хотя бы одну десятину этимъ растеніемъ. Въ настоящее время этого не наблюдается: овса годъ отъ году стало родиться все меньше и меньше, зерно его сдѣлалось тощимъ, а стебель низкорослымъ; многіе совершенно бросили культуру овса, другіе продолжаютъ сѣять его, говорятъ казаки, на „талантъ святыхъ“, т. е. на авось. Нужно, однако, замѣтить, что въ послѣднее время, когда наурцы стали пахать землю на новопріобрѣтенномъ участкѣ земли за „бурунами“ („даль“), гдѣ земля совершенно не подвергалась обработкѣ, слѣдовательно, еще сохранила въ себѣ производительную силу, культура овса опять замѣтно поднимается. Солома овса идетъ зимою на кормъ скоту, а зерно частью поступаетъ въ продажу, частью идетъ на кормъ лошадямъ.

Одновременно съ овсомъ сѣютъ просо. Просо пользуется среди жителей Наура весьма широкимъ распространеніемъ, и въ настоящее время оно все больше и больше вытѣсняетъ собою овесъ, а также и бывшее въ большомъ распространѣніи техническое растеніе—ленъ. Культура проса процвѣтаетъ среди казаковъ съ давнихъ временъ. Широкое его распространѣніе обуславливается его широкимъ примѣненіемъ въ жизни мѣстныхъ жителей: во-первыхъ, просо даетъ зерно, изъ котораго казаки готовятъ пшено (на рушкахъ) и муку для блиновъ, которыми жители питаются всю зиму; во-вторыхъ, зерномъ проса жители кормятъ свою домашнюю птицу, а „драчкой“ (остатки послѣ шелушенія—скорлупа)—скотъ; въ-третьихъ, солома проса считается лучшимъ послѣ сѣна кормомъ для рогатаго скота зимою: „просяная солома ѣдовая, а ржаная не ѣдовая“, говорятъ казаки.

Просо растетъ на „поду“ и въ „бурунахъ“ (ячмень и овесъ растутъ только на „поду“), но лучшимъ мѣстомъ для его произрастанія считается черноземный „подъ“; въ „буру-

нахъ“ просо часто подвергается тотчасъ послѣ посѣва выдуванію вѣтромъ, который уносить его зерна далеко за „загонъ“. Въ годы же, обильные дождемъ, бурунское просо даетъ превосходные урожаи. Недороды въ послѣднее время очень частое явленіе въ описываемой мѣстности; не уродилось просо на „поду“, казакъ не горюетъ; но если просо и на „буранахъ“ не вышло, слезами обливается сердце его. На-сторону просо не продается казакамъ по причинѣ его низкой цѣнности; зато оно, какъ дешевый продуктъ идетъ на кормъ домашней птицѣ, лошадямъ, а изъ его муки готовится пойло для коровъ. Для лошадей просо не мелется, а особеннымъ образомъ колется: питательность его въ данномъ случаѣ увеличивается. Колотымъ просомъ пересыпается мелкоизрубленное сѣно, взбрызгивается водой и въ такомъ видѣ подается лошадямъ. Приготовленный такимъ образомъ кормъ называется „сѣчкою“.

До сихъ поръ наурцы сѣяли только одинъ видъ проса— желтое просо; теперь стало распространяться такъ называемое скороспѣлое красное просо, которое отличается отъ желтаго тѣмъ, что имѣетъ низкорослый стебель и значительно раньше посѣвается. Наурцы признаютъ преимущество за краснымъ просомъ. Заключается оно, во-первыхъ, въ томъ, что красное просо, созрѣвая раньше желтаго, не подвергается дѣйствию лѣтнихъ жаровъ, которые иногда совершенно выжигаютъ и засушиваютъ желтое просо, особенно поздніе его посѣвы; во-вторыхъ, во времени посѣванія желтаго проса въ описываемой мѣстности дуютъ всегда сухіе восточные вѣтры, которые высушиваютъ его стебель и выбиваютъ изъ кистей зерно; красное просо предупреждаетъ вѣтры своимъ раннимъ посѣваніемъ и тѣмъ избѣгаетъ печальной участи. Изъ сказаннаго очевидно, почему наурцы отдають предпочтеніе „скороспѣлкѣ“. Въ одномъ только отношеніи послѣднее уступаетъ желтому: оно имѣетъ низкій стебель, почему и

даетъ мало соломы. Красное просо поднимается отъ земли обыкновенно не болѣе полу-аршина, тогда какъ желтое достигаетъ по временамъ полтора аршина и болѣе.

Пшеница даетъ здѣсь неудовлетворительные урожан, потому ея почти не сѣютъ. Въ „бурунахъ“ она совсѣмъ не родится, на „поду“ же бываетъ не продуктивна. Въ „дали“ пшеница даетъ сносные урожан, почему и каждый хуторянинъ стремится имѣть хотя одну десятину пшеницы въ этихъ мѣстахъ. Что касается жителей станицы, то изъ нихъ только нѣкоторые пашутъ въ „дали“; большинство же за дальностью разстоянiя не ѣдутъ туда пахать, хотя, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, почва тамъ заключаетъ въ себѣ много силы и питательныхъ веществъ, необходимыхъ для пшеницы. Съ теченiемъ времени наурцы все болѣе и болѣе увлекаются „далью“ и съ охотою ѣдутъ туда пахать; до сихъ же поръ тамъ были только тавричане да ногойцы, арендующіе станичную землю.

Самымъ большимъ вниманiемъ и тщательнымъ уходомъ пользуются среди наурцевъ бахчи, въ которыхъ произрастаютъ арбузы, дыни и огурцы. Во время полевыхъ работъ въ жаркіе лѣтніе дни арбузы служатъ лучшимъ прохладительнымъ средствомъ, замѣняющимъ собою всѣ кушанья и лакомства и уничтожающимъ вредное влiяніе нагрѣвшейся отъ солнца въ бочкахъ воды. Имѣть такого хозяина, который не имѣлъ бы хотя одной десятины земли, занятой этимъ любимымъ растенiемъ. У хуторянъ въ „бурунахъ“ бахчи занимаютъ огромныя пространства земли, но и станичники не уступаютъ имъ на „поду“. Два раза за лѣто бахчи „подбиваются“, т. е. полются, освобождаются отъ сорной травы. Почти каждый хозяинъ устраиваетъ на своей бахчѣ «вышку», то-есть шалашъ, укрѣпленный на четырехъ столбахъ съ перекладинами. На вышкѣ безотлучно сидитъ старикъ или мальчикъ-вараульщикъ, который является здѣсь необходи-

мостью. Караулить онъ бахчу не отъ людей, а отъ грачей, которые съ наступленіемъ утра и вечера тучами осаждаютъ бахчи, и горе зазѣвавшемуся караульщику. По причинѣ плохой бдительности послѣдняго всѣ арбузы останутся гнить на бахчѣ съ проклеванными боками.

Урожай арбузовъ бываетъ баснословные. Сорта арбузовъ разные; казаки же подраздѣляютъ ихъ на два сорта: подовые и бурунскіе. Подовые арбузы употребляются въ пищу и идутъ на продажу. Они скоро поспѣваютъ, имѣютъ тонкую корку, сладкій пріятный вкусъ и мелкія сѣмечки. Бурунскіе арбузы растутъ въ бурунскихъ пескахъ; они позднѣе поспѣваютъ, отличаются толщиною своей корки, большею величиною и крупными сѣмечками. Эти арбузы въ пищу не употребляются; они имѣютъ блѣдный цвѣтъ мяса и нѣсколько кисловатый вкусъ. Изъ нихъ наурцы приготовляютъ такъ называемый арбузный медъ, сѣмечки же, полученные отъ процесса варенія меда, называются медовыми; медовыя сѣмечки имѣютъ вкусъ орѣха (грецкаго) и очень распространены среди мѣстныхъ жителей, которые употребляютъ ихъ въ пищу по праздникамъ. Производство арбузнаго меда ведется жителями изстари. По причинѣ отсутствія удобныхъ и скорыхъ путей сообщенія съ городами, жители не имѣли возможности сбывать арбузы на-сторону; поѣтому они нашли способъ, посредствомъ котораго стали извлекать изъ арбузовъ другую пользу, не менѣе важную, чѣмъ сбыть таковыхъ. Жители станицы питаются медомъ почти круглый годъ; особенно много меда употребляется зимою съ блинами, а также и весною во время пахоты. Плохою считается хозяйка, которая не наварила на-зиму арбузнаго меда и не слила его въ «хабары» и «корчаги». О способъ приготовленія арбузнаго меда скажу ниже.

Кукуруза сѣется жителями не въ большомъ количествѣ; сѣмена ея, главнымъ образомъ, разсаживаются разными фи-

гурами, бесѣдками и рядами по бахчѣ для красоты, а потомъ уже, когда початки еще не совсѣмъ созрѣли, ее употребляютъ въ пищу. Запасовъ на-зиму, кромѣ сѣмянъ для будущей бахчи, не оставляется: лѣтомъ же обыкновенно и расходуется вся кукуруза—ее поѣдаютъ.

Табакъ отлично растетъ на здѣшной почвѣ, но культура его почему-то не прививается среди мѣстныхъ жителей. Его сѣютъ лишь курящіе, да и то не въ большомъ количествѣ.

Горохъ, чечевица, бобы разводятся жителями тоже не въ большихъ размѣрахъ; эти растенія сѣются только для мѣстнаго употребленія, въ продажу же не поступаютъ.

Наконецъ, осталось еще сказать нѣсколько словъ о льнѣ, коноплѣ и сарептской горчицѣ. Культура льна среди населенія ст. Наурской вступила въ свои права сравнительно недавно, лѣтъ 15 тому назадъ. Наурцы съ какимъ-то особеннымъ увлеченіемъ, даже имъ несвойственнымъ, принялись за воздѣлываніе этого полезнаго растенія. Частый спросъ льна и его высокія цѣны рисовали въ воображеніи казаковъ заманчивую картину обогащенія. И, дѣйствительно, въ первое время ленъ оправдывалъ ихъ надежды: инициаторы воздѣлыванія льна получали большіе доходы. Это обстоятельство побудило почти всѣхъ засѣять свои поля льномъ. Второй, третій и четвертый годъ ленъ давалъ баснословные урожаи, и культура его развернулась въ достаточныхъ размѣрахъ. Необозримый коверъ голубыхъ цвѣтовъ льна покрывалъ громадныя пространства. Тогда степь представляла привлекательное зрѣлище. Когда цвѣты опадали и вмѣсто нихъ появлялись на каждомъ стеблѣ по 10, 15 бубенчиковъ (коробочекъ), наполненныхъ сѣменами, то поле превращалось изъ зеленаго въ желтое, а потомъ въ темно-красное—ленъ поспѣлъ. Масса косилокъ и косарей ходили взадъ и впередъ, скашивая десятину за десятиной. Итакъ, ленъ съ каждымъ годомъ

все больше и больше привлекалъ вниманіе наурцевъ. Мало того, что они сѣяли обыкновенный русскій ленъ, еще стали разводить такъ называемый ленъ американскій, у котораго развѣтвленія начинаются не на вершинѣ стебля, какъ у русскаго льна, а у самаго корня; слѣдовательно, этотъ ленъ былъ производительнѣе перваго, такъ какъ давалъ много сѣмянъ не шоколаднаго цвѣта, какъ у русскаго льна, но темно-сѣроватаго. Лѣтъ шесть-семь оба сорта льна давали обильные урожаи, но вдругъ—среди бурьяна и другой сорной травы льна и не видать: даже «на сѣмена» не хватаетъ (т. е. для будущаго посѣва). Годъ, другой и третій, и ленъ сталъ родиться плохо. Энергія наурцевъ пала. Въ настоящее время среди засѣянныхъ яровыми хлѣбами полей можно встрѣтить просо, овесъ, бобы, арбузы, а льна и слѣдъ простылъ: изрѣдка только проглядываетъ гдѣ-нибудь тощая его десятинна. Совсѣмъ не то было раньше: одна десятина льна давала въ то время отъ 150 до 200 слишкомъ пудовъ чистаго льна. Неурожай льна нельзя объяснить ничѣмъ другимъ, какъ только истощеніемъ почвы. Вслѣдствіе усиленной вспашки производительная сила почвы съ каждымъ годомъ истощалась, а для льна она болѣе всего необходима. Другая причина кроется въ отсутствіи или лучше въ маломъ количествѣ атмосферныхъ осадковъ, падающихъ въ концѣ весны и въ началѣ лѣта. Старожилы увѣряютъ, что они не видѣли еще такихъ «сухихъ годовъ», какіе посѣщаютъ описываемую мѣстность уже шесть-семь лѣтъ подъ рядъ. Бѣдная же дождями весна и лѣто сильно отражаются на хлѣбныхъ растеніяхъ. Замѣчено, что ленъ, овесъ, рожь и другія хлѣбныя растенія стали родиться плохо именно съ того времени, когда начался «сухій годъ». Дѣйствительно, въ настоящее время ленъ совершенно не производителенъ: имъ не обкупаются даже тѣ расходы, которые приходится нести земледѣльцу по его уходу и обработкѣ. Тормо-

зить дѣло обработки льна еще появившаяся въ настоящее время особая зеленая гусеница. Слабые его всходы совершенно поѣдаются этими прожорливыми насѣкомыми. Гусеницы сидятъ на льнѣ во все время его роста, поѣдаютъ его листья, вѣточки, а во время цвѣтенія—и цвѣты. Наурцы совершенно теряютъ голову въ борьбѣ съ этимъ вреднымъ насѣкомымъ, а свѣдущихъ лицъ, которые могли бы научить ихъ бороться съ нимъ, въ станицѣ нѣтъ. Это тоже немаловажная причина тому, что наурцы совсѣмъ бросаютъ обработку льна.

Какъ это ни странно, казаки совершенно не знаютъ другого примѣненія льна въ обыденной жизни, кромѣ продажи его сѣмянъ и добыванія изъ нихъ масла. Стебель, который такъ дорого цѣнится въ Европейской Россіи, здѣсь не выдергивается изъ земли, а его косятъ косилкой, при чемъ послѣднюю приспособляютъ такъ, чтобы она косила высоко. Это дѣлается съ тѣмъ расчетомъ, чтобы при „топанкѣ“ льна мало пришлось возиться съ соломой; другая причина кроется въ томъ, что казаки не знаютъ обработки льняного стебля; послѣдній идетъ у нихъ на крышу сараевъ, а въ большинствѣ случаевъ даже бросается, какъ ненужный матеріалъ.

Конопля съ давнихъ временъ сѣется наурцами, и культура ея годъ отъ году все возрастаетъ. Растетъ конопля главнымъ образомъ на „бурунахъ“, на супесчаной почвѣ, гдѣ она и даетъ хорошіе урожан; на «поду» она менѣе продуктивна; кромѣ того, здѣсь ее часто поражаютъ насѣкомыя. Какъ изъ льна, такъ и изъ конопли наурцы, по неумѣнью, не могутъ извлекать той пользы, которую слѣдовало бы получать. Сѣютъ коноплю жители лишь для масла и отчасти для продажи. Въ огромномъ количествѣ сѣмя конопли поступаетъ на маслобойни, гдѣ изъ нея выжимаютъ масло; «макуха» же (т. е. пресованная и освобожденная отъ масла мука конопли) поступаетъ на кормъ скоту.

Волокна конопли, составляющія главную цѣль культуры этого растенія на Сѣверѣ, у наурцевъ пропадаютъ даромъ или же идутъ вмѣстѣ со стеблемъ на топливо. Въ большинствѣ случаевъ стебель конопли употребляется какъ дрова при варкѣ меда въ „бурунахъ“. Причину неумѣстнаго обращенія наурцами съ коноплей или льномъ слѣдуетъ искать не въ лѣни или безпечности ихъ, а въ отсутствіи необходимыхъ для этого знаній. Такой сильный, здоровый тѣломъ и духомъ народъ, какъ казаки, нуждается въ образцовыхъ примѣрахъ, указаніяхъ и вообще въ просвѣщеніи, которыя вызвали бы въ немъ болѣшій интересъ и охоту къ обрабатывающей и добывающей промышленности. Выраженіе «такъ мой отецъ дѣлалъ» еще долго будетъ жить среди наурцевъ, пока не появятся среди нихъ свѣдущіе люди и не докажутъ, что сынъ всегда можетъ сдѣлать лучше отца, не подражая послѣднему, и болѣе легкимъ, раціональнымъ путемъ извлекать пользу изъ того или другого вида труда.

Сарептская горчица („гарданъ“) превосходно растетъ въ описываемой мѣстности, но, къ сожалѣнію, ее разводятъ не всѣ и не въ большомъ количествѣ. Главнымъ образомъ, ее сѣютъ, опять таки для масла, часть же ея идетъ на приготовленіе горчицы домашнимъ способомъ для употребленія въ пищу съ мясомъ. Стебель горчицы употребляется вмѣсто дровъ при варкѣ меда.

УШ.

Фауна. Домашнія и дикія животныя. Ст. Наурская въ орнитологическомъ и энтомологическомъ отношеніяхъ.

Животный міръ въ описываемой мѣстности не богатъ. Изъ домашнихъ животныхъ чаще всего встрѣчаются: лошади, быки, боровы, овцы, козы, собаки, кошки; рѣдко

встрѣчаются: буйволы, ослы, верблюды. Свиней немного, да и тѣ не пользуются хорошимъ уходомъ: свинья вездѣ виновата, вездѣ ее бьютъ, вездѣ гонять. Однакожь эти животныя, при отсутствіи ухода и порядочнаго корма, рѣдко подвергаются болѣзнямъ. Свиньи мѣстныя не крупной породы, но имѣютъ густую длинную щетину.

Разведеніе крупнаго рогатаго скота, овецъ и лошадей приняло среди наурцевъ довольно порядочныя размѣры. Особенно занято разведеніемъ этихъ животныхъ населеніе хуторовъ; въ станицѣ, по недостатку пастбищъ, скотоводство развито слабо. Рогатый скотъ за весьма немногими исключеніями малороссійской породы, овцы грубошерстныя („комолы“ и „волоцкія“), мериносовъ разводятъ тавричане. Для земледѣльческихъ работъ и перевозки тяжестей служатъ, обыкновенно, быки, а потомъ и лошади. Уходъ за домашними животными среди жителей безугоризненный; особенно тщательнымъ уходомъ пользуются быки и лошади—рабочіе. Весь же «гулячій» скотъ, т. е. свободный отъ исполненія сельскохозяйственныхъ работъ, бакъ-то: коровы, овцы, лишніе быки, лошади отдаются жителями станицы въ «кутань», т. е. въ отгонное мѣсто на хутора. Тамъ за скотомъ ухаживаютъ калмыки и хуторяне. Съ наступленіемъ зимы наурцы берутъ свой скотъ обратно и кормятъ его дома на скотныхъ базахъ. Здѣсь изъ сѣнника по 3—4 раза въ день каждый хозяинъ даетъ своему скоту кормъ: то сѣна, то просяной соломы, то овсяной, то ячменной. Ржаной соломой кормятъ скотъ только въ «безкормище». Овецъ содержать только на сѣнѣ, лошадей тоже. Въ день разъ хозяинъ насыпаетъ своимъ животнымъ соли и поить у колодца; сарай и катухи онъ ежедневно чиститъ отъ экскрементовъ, раскидывая ихъ равномерно по всему базу; въ сараяхъ и катухахъ по очисткѣ онъ настиляетъ толстый слой ржаной соломы, чтобы животныя находились въ теплѣ.

Настоящимъ бичомъ наурцевъ со стороны болѣзней домашнихъ животныхъ является ящуръ и чума, поражающія, кромѣ рогатаго скота, также овецъ, козъ и лошадей. Ящуръ выражается тѣмъ, что на языкѣ скота появляются пузырьки, а вслѣдъ за ними обильное отдѣленіе слюны. На ногахъ скота появляются язвы, которыя въ жаркое лѣтнее время тотчасъ же наполняются червями.

При появленіи ящура казаки предпринимаютъ всегда симптоматическое лѣченіе, направленное, главнымъ образомъ, не на причину болѣзни, а только на ея проявленія. Къ врачу въ данныхъ случаяхъ они не прибѣгаютъ; въ ихъ распоряженіи имѣются свои радикальныя средства: деготь, скипидаръ или карболовая кислота, которой они заливаютъ ящурныя язвы на ногахъ скота, чтобы уничтожить червей. Эти простые медикаменты самые распространенные среди наурцевъ при лѣченіи различныхъ язвъ, поражающихъ иногда скоть.

Продолжается ящуръ на отдѣльномъ животномъ обыкновенно недѣли 2—3. Болѣзнь эта повальная, но вообще не опасная и при хорошемъ уходѣ, чистотѣ, полосканіи рта и промываніи ранъ проходитъ скоро. Зато въ широкой степени практикуется во время этой болѣзни карантинъ, который дополняетъ и увеличиваетъ общее бѣдствіе жителей.

Чума гораздо опустошительнѣе ящура. Это есть повальная болѣзнь крупнаго рогатаго скота, овецъ, козъ и лошадей. Характеризуется чума слѣдующими симптомами: у заболѣвшаго скота появляется общее разслабленіе, температура тѣла повышается, жаръ затѣмъ смѣняется ознобомъ; во рту и въ носу животнаго образуются язвы, изо рта появляется обильное слюнотеченіе, а изъ глазъ постоянно сочатся слезы; затѣмъ идетъ общее разстройство пищеваренія, поносъ, и животное умираетъ. Смерть наступаетъ на 5—10 день.

Появляется чума въ этихъ мѣстахъ рѣдко, но зато

уничтожаетъ скоть массами. Санитарнымъ средствомъ при появленіи чумы является обыкновенно немедленное избиеніе заболѣвшихъ животныхъ и отдѣленіе здоровыхъ.

Въ 1892 году въ лѣтнее время была здѣсь повсемѣстно чума, явившаяся большимъ несчастьемъ для жителей. Весь больной и здоровый скоть былъ выгнанъ за станицу на разстояніе 5 верстъ. Больной скоть содержался въ одномъ мѣстѣ, здоровый въ другомъ. На мѣстѣ стоянки больного скота были устроены палатки, въ которыхъ жили хозяева „худобы“, ухаживая за своими животными. Многіе устраивали для своихъ „паціентовъ“ навѣсы, дающіе тѣнь. Недалеко рылись глубокія ямы, куда и зарывался погибшій скоть. Животныя съ крѣпкимъ организмомъ (напр. рабочіе быки) иногда выдерживали болѣзнь и выздоравливали, послѣ чего уже не заболѣвали чумою въ другой разъ. Правительствомъ были присланы въ то время нѣсколько врачей, но они не принесли никакой пользы населенію; надъ больнымъ скотомъ они не предпринимали никакого лѣченія, кромѣ формальнаго измѣренія температуры. Эпидемія продолжалась недолго: въ то же лѣто она прекратилась, но оставила по себѣ глубокія раны на мѣстномъ населеніи. Многіе лишились, можетъ-быть, послѣдней своей поддержки и послѣдняго имущества. Существовавшій въ то время карантинъ усугублялъ безнадежное состояніе казаковъ. Карантинъ состоялъ въ томъ, что кругомъ станицы по всѣмъ дорогамъ стояли вооруженные казаки, назначеніе которыхъ было—никого не пускать изъ станицы; по всѣмъ дорогамъ нельзя было ни пройти ни проѣхать; жители металсь по станицѣ, какъ овцы безъ пастуха. Появленіе такихъ болѣзней, какъ ящуръ или чума, въ казачьихъ станицахъ по Тереку, гдѣ главная рабочая сила заключается въ рогатомъ скотѣ, и въ такую горячую рабочую пору, какъ уборка хлѣба,—приноситъ жителямъ дѣйствительно много вреда. Можно себѣ представить послѣ этого, какой убытокъ

несетъ казагъ во время карантина, не имѣя возможности въ теченіе нѣсколькихъ недѣль даже тронуться съ мѣста. Новольно задаешь тебѣ вопросъ: зачѣмъ этотъ стѣснительный и обременительный для земледѣльца карантинъ? нуженъ ли онъ въ мѣстности, гдѣ кругомъ уже существуетъ эпидемія? Лучше бы сразу прійти на помощь населенію въ смыслѣ лѣченія больныхъ животныхъ, нежели усложнять общее несчастье.

Есть еще болѣзнь, поражающая домашній скотъ—это кровавая моча; симптомы этой болѣзни: общее расслабленіе организма, шаткость походки, запоръ и др. При лѣченіи этой болѣзни казаки прибѣгаютъ къ слабительнымъ средствамъ: поятъ заболѣвшихъ животныхъ отваромъ льна, водою съ примѣсью небольшого количества нефти, мыла и т. п. Всѣ эти средства рѣдко приводятъ къ цѣли, и выздоровленіе отъ нихъ бываетъ только случайно.

Очень распространена здѣсь болѣзнь скота, похожая на лихорадку; животное охватывается то жаромъ, то ознобомъ; пища не ѣсть, слабѣетъ. Заболѣвшему этой болѣзнию животному тотчасъ отрѣзываютъ конецъ уха и тонкой палочкой начинаютъ постукивать по остатку уха до тѣхъ поръ, пока перестанетъ сочиться кровь. Бываютъ случаи, что болѣзнь немедленно проходитъ, животное начинаетъ принимать пищу и окончательно поправляется. Болѣзнь эта поражаетъ въ большинствѣ случаевъ рогатый скотъ и овецъ.

Въ значительномъ количествѣ содержатъ здѣсь домашнюю птицу: индѣекъ, утокъ, гусей, цесарокъ, голубей и куръ. Нѣкоторые разводятъ домашнюю птицу въ такомъ количествѣ, что ова до нѣкоторой степени служить предметомъ вывоза за предѣлы станицы.

Представителями дикихъ животныхъ въ описываемой мѣстности являются волки, лисицы, зайцы, барсуки, бродяжки и др. Особенно много зайцевъ и лисицъ въ бурунныхъ

пескахъ. Въ полѣ встрѣчаются хомяки, тушканчики, хорьки, ежи, кроты.

Изъ пресмыкающихся земноводныхъ водятся: змѣи различныхъ породъ, ужъ, мѣдяница, тритонъ, разныя ящерицы, черепахи и др. Весною и осенью въ озерѣ и въ лѣсныхъ мочегинахъ слышится непрерывный, неумолкаемый крикъ лягушекъ.

Терегъ и прилегающее озеро изобилуютъ рыбою. Представителями мѣстной рыбы являются: севрюга, осетръ, лосось, сазанъ, сомъ, усачъ, „мурзакъ“, шемая, пескарь, лещъ и др.

Дикихъ птицъ въ окрестностяхъ станицы Наурской сравнительно много. Рѣка Терекъ, разливаясь весною и лѣтомъ, образовала около станицы и въ лѣсу множество мочегинъ. Мочегины эти въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заросли „кугою“, осокою, камышомъ и другими растеніями, любящими близкое присутствіе воды. Небольшое озеро, расположенное по правую сторону Терека, тоже все заросло камышомъ и чапаномъ. Какъ лѣсныя мочегины, такъ и заросли озера богаты птичьимъ населеніемъ. Населены эти низменные мѣста главнымъ образомъ представителями изъ отряда болотныхъ, или голенастыхъ и водоплавающихъ птицъ. Все лѣто съ утра до вечера слышатся здѣсь пронзительные крики разнообразныхъ болотныхъ обитателей. Нѣкоторые изъ нихъ являются постоянными жителями болотъ, другіе бываютъ пролетомъ. Ранняя весна ознаменовывается пролетомъ въ большомъ количествѣ чибисовъ. Стаи ихъ до поздней ночи летаютъ надъ мочегиною, оглашая окрестности жалобными криками. Весною же рано можно замѣтить и кулика, который съ рѣзкимъ пискливымъ голосомъ быстро летаетъ надъ поверхностью воды. Въ кустахъ чапана, въ густомъ камышѣ и осокахъ, скрываются нырки, чирки, широконосая кряквы и т. п. То и дѣло парочки ихъ отъ шума взлетаютъ на воз-

духъ надъ камышомъ и затѣмъ опять скрываются въ заросляхъ. Надъ озеромъ, зорко выслѣживая рыбу, летаютъ рыболовы.

Когда весна бываетъ въ полномъ разгарѣ, на мочезивахъ можно встрѣтить во множествѣ бекасозъ, изрѣдка болотную курочку и вальдшнепа. Озеро же кишитъ различными представителями дикихъ утокъ мелкой и крупной породы. Спокойно плаваютъ онѣ между камышами, купаясь, охорашиваясь и оглашая воздухъ своимъ дружнымъ „ка-ка“. На „костѣ“ сидитъ нѣсколько паръ гагаръ и чибисовъ; тутъ же бродитъ мѣрными шагами сѣрая или бѣлая цапля, выслѣживая добычу. Кушанье для нея всегда готово: подъ ея ногами кишатъ лягушки, на стебляхъ чагана ползаютъ улитки, а иногда подходит близко къ костѣ и глухая рыба.

Въ маѣ чибисъ вывелъ уже дѣтенышей, бекасъ и вальдшнепъ скрылся, дупель тоже; по временамъ утка, окруженная дѣтенышами, показывается изъ-за камышей, но, увидѣвъ охотника, спѣшитъ скрыться. Въ июнѣ уже большая часть пернатыхъ гостей покинула гнѣзда и скрылась за тѣмъ, чтобы въ августѣ снова появиться.

На возвышенныхъ мѣстахъ, въ полѣ, другой уже птичій миръ. Бросаются въ глаза луни, которые быстро проносятся близъ поверхности земли, зорко выслѣживая крысу или мышъ. Черный коршунъ плавными и рѣдкими взмахами крыльевъ взвивается все выше и выше, внимательно наблюдая за притаившимся въ травѣ жаворонкомъ или перепеломъ. На гумнахъ выкармливаются по утрамъ голуби, горленки, куропатки, а также и утки, прилетѣвшія съ озера. По „загонамъ“ пшеницы, ржи, проса шныряютъ перепела, стрепета, черные и пестрые скворцы и т. п. Зорко выслѣживая въ травѣ полевую мышъ, замерла въ воздухѣ пустельга, выше нея въ небесахъ парятъ орлы. Въ августѣ и всю осень въ воздухѣ показываются вереницы журавлей, а зимой дудави (дрофы).

Въ лѣсу и въ тальникахъ можно нерѣдко встрѣтить фазановъ. Въ большомъ количествѣ попадаются здѣсь куропатки, галки, ястребы; на деревьяхъ гнѣздятся орлы и соколы не крупной породы; воздухъ наполняютъ своимъ крикомъ грачи, вороны, воробьи, сороки, кобчики, сойки. Осенью въ лѣсу много появляется дикихъ голубей и синиць. Удодъ, ласточка, кукушка приготовились къ отлету; на мочезинахъ стали снова появляться дупеля, чибисы; они стали осторожными. Съ сентября количество птицъ уменьшается; въ воздухѣ показываются стаи гусей, журавлей и дудаковъ; всѣ они направляются въ благодатные южные края. Вороны, грачи, галки совсѣмъ ведутъ себя безпокойно, чувствуя приближеніе зимы. Пернатые гости почти всѣ улетѣли; теперь уже нѣтъ того шума, той дѣятельности, которая была весною и осенью. Только сорока или сойка продолжаетъ хлопотливо перелетать съ вѣтки на вѣтку, съ крыши на крышу; онѣ остаются здѣсь и на зиму, ворона тоже; зимой же появляются во множествѣ мелкія птички: щеглы, воробьи и др. Къ постоянно живущимъ здѣсь птицамъ относятся: фазаны, куропатки, стрепета, голуби, ветютни, вороны, сороки, галки, грачи, сойки и кобчики. Къ перелетнымъ относятся: шуры, синички, жаворонки, кулики, цапли, утки, ласточки, чибисы, скворцы, соловьи, журавли и др. Къ пѣвчимъ птицамъ относятся: соловьи, жаворонки, скворцы, дрозды и т. п. Время появленія перелетныхъ птицъ—вторая половина марта, а время отлета—весь сентябрь.

При описаніи фауны ст. Наурской слѣдуетъ также упомянуть и о насѣкомыхъ, которыя играютъ немаловажную роль въ жизни населенія станицы. Къ числу различныхъ видовъ ядовитыхъ насѣкомыхъ, цѣлыми тучами наполняющихъ воздухъ, принадлежатъ комары; несносная эта мелкая тварь, появившись въ концѣ мая мѣсяца, мучитъ населеніе и животныхъ до самаго сентября. Въ лѣтніе тихіе вечера эти

поскливые „друзья“ лѣзутъ и въ ротъ и въ носъ каждаго живого существа. Отъ укушенія ихъ у дѣтей появляется сыпь, въ родѣ кори, которая производитъ нестерпимый зудъ.

Изъ другихъ надоедливыхъ насѣкомыхъ въ большомъ количествѣ появляются лѣтомъ мошки, мухи, постельные клопы, тараканы и др. Вообще лѣтній зной приноситъ съ собою мириады микроскопическихъ насѣкомыхъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ мошки. Ночью мошки нападаютъ на соннаго человѣка (напр. въ полѣ), и тогда никакіе пологи, устраиваемые надъ постелью, не помогаютъ и не достигаютъ цѣли.

Не мало водится въ станицѣ и блохъ, причина появленія которыхъ кроется не въ климатическихъ условіяхъ мѣстности, а въ нечистотѣ скотныхъ базовъ; послѣдніе всегда покрыты мусоромъ, навозомъ, а это есть любимое мѣсто для скопленія этихъ надоедливыхъ насѣкомыхъ.

Въ дачахъ ст. Наурской можно встрѣтить роскошные виды насѣкомыхъ изъ семейства жуковъ; на растеніяхъ водятся различные представители листоѣдовъ, златоѣ, дровосѣковъ, долгоносиковъ; подъ корою деревьевъ можно найти рѣдкихъ короѣдовъ и бронзоваго цвѣта долгоносиковъ; здѣсь же нерѣдко попадаютъ жуки-чернокрылы и маленькія желтаго цвѣта съ крапинками жужелицы; крупныя экземпляры жужелицъ попадаютъ въ лѣсу и въ полѣ; на пескахъ водится особый хищный видъ жужелицъ; онѣ очень быстро бѣгаютъ, выходя за добычей ночью. Изъ семейства жужелицъ встрѣчается еще красотѣль, темносиняго съ отливомъ цвѣта. Долгоносики попадаютъ въ полѣ, на деревьяхъ въ лѣсу и въ садахъ; изъ этого семейства жуковъ встрѣчаются и вредные, напр., хлѣбный долгоносикъ. Водится въ полѣ и кузъка; питается онъ цвѣтеню и молодыми зернами хлѣбныхъ злаковъ; онъ могъ бы наносить большой вредъ полямъ, но, къ счастью, здѣсь не размножается сильно. Дра-

восёлки, попадаются въ лёсу и въ полё; въ числё ихъ и муха шпанская золотисто-зеленаго цвёта, которая употребляется въ медицину для приготовления нарывнаго пластыря. Самый многочисленный видъ жуковъ—это листоёды и навозники.

Въ стоячихъ лёсныхъ лужахъ и озерё водятся жуки изъ семейства плавунцовыхъ, напр.: водолюбы, окаймленные и неокаймленные плавунцы и т. п.

Кромё жуковъ, въ описываемой мёстности встрёчаются въ большомъ количествё водяные и древесные клоны, а также различные виды моли и бабочекъ. Особенно много насёкомыхъ изъ отряда прямокрылыхъ; всё они имёютъ здёсь одно названё—кузнецы. Кузнецовъ насчитывается до нёсколькихъ десятковъ видовъ. Водятся во множествё различныхъ окрасокъ и величинъ „богомолки“, „прусаки“, попадается и саранча, но не въ такомъ количествё, чтобы она могла уничтожить посёвы. Поля здёшняя обыкновенно страдаютъ только отъ прилетной саранчи.

Описываемая мёстность богата и другими насёкомыми, напр.: изъ семейства осъ, отряда перепончато-крылыхъ, попадаются шершни, осы; изъ семейства пчелъ: пчелы, шмели; представителемъ семейства стрекозъ, отряда прямокрылыхъ, является стрекоза, а также коромысло, которое раздёлается на множество различныхъ видовъ. Въ лётнее время цёлыя тучи коромыслъ носятся надъ водою, наполняя воздухъ шелестомъ крыльевъ.

Изъ ядовитыхъ насёкомыхъ, класса паукообразныхъ, въ ст. Наурской водятся разныхъ породъ пауки, фаланга и тарантулъ, отъ укушенёя которыхъ въ человекё или животномъ появляются судороги, опухоль и жаръ; верёдко ихъ укушенёя сопровождаются печальными послёдствиями и даже смертью.

Наконецъ, слёдуетъ сказать ещё о гусеницахъ, напол-

вящихъ здѣшніе сады, огороды и поля; нѣкоторыя пзъ нихъ приносятъ большой вредъ сельскому хозяйству: однѣ поѣдаютъ лень, другія коноплю, третьи листья плодовыхъ деревьевъ и самые плоды. На грушѣ, яблонѣ, карагачѣ и др. деревьяхъ водится здѣсь большой червякъ ярко-зеленаго цвѣта; тѣло его покрыто красивыми, наподобіе бирюзы, глазками и рѣдкими кустистыми волосами; онъ очень ядовитъ; заключить это можно по его ярко-зеленой окраскѣ и красивой наружности, а также и потому, что птицы, любящія всякаго рода червячковъ, его никогда не трогаютъ и даже боятся его. Еще есть другой червячокъ, который во множествѣ попадаетъ на плодовыхъ деревьяхъ; онъ темно-сѣраго цвѣта съ бѣлыми крапинками и густо покрытъ волосками. Какъ тѣ, такъ и другіе червяки очень вредны: иногда они совершенно поѣдаютъ всѣ листья на деревѣ. Осенью они вьютъ коконъ, изъ котораго вылетаетъ бабочка и кладетъ яички. Вообще же ст. Наурскую можно считать богатою разнаго рода представителями изъ царства насѣкомыхъ: энтомологъ нашелъ бы здѣсь интересныя экземпляры для своей коллекціи.

Разведеніемъ шелковичнаго червя жители станицы не занимаются. Съ цѣлью ознакомленія дѣтей съ уходомъ за этимъ полезнымъ насѣкомымъ, въ школѣ проходится краткій курсъ шелководства, оживляется грена и выкармливаются черви. Не въ большихъ размѣрахъ практикуется шелководство и въ Нижненаурскомъ сосѣднемъ аулѣ.

IX.

Составъ, движеніе и характерныя особенности населенія.

Численныя данныя, относящіяся къ разнообразнымъ общественнымъ явленіямъ, т. е. къ устройству общества, его росту и разнымъ занятіямъ, находятся въ стапичномъ

правленіи; здѣсь ведется статистика экономическая, моральная, статистика пожаровъ, градобитій и т. п. Въ вѣдомости о движеніи населенія ст. Наурской за 1900 годъ числится: обоего пола войскового (казацьяго) сословія—6044, другихъ сословія —1042 человекъ. Родилось за 1901 годъ 375 душъ, въ томъ числѣ 5 незаконнорожденныхъ; умерло 280 человекъ. Такимъ образомъ, къ концу 1901 года образовался приростъ въ 95 человекъ. Войскового сословія стало 6135 человекъ, невойскового 1046 человекъ. Всего обоего пола насчитывалось 7131 чел.: муж. п. 3705 ч., жен. п. 3476 ч.

По сословіямъ населеніе станицы распредѣляется такъ:

С о с л о в і я.	Муж. п.	Жен. п.	Всего.
Дворянъ (потомствен. и личныхъ) . .	107	124	231
Духовнаго званія	9	11	20
Войскового сословія (казаковъ) . . .	3010	2897	5907
Невойскового (иностранцы: мѣщане, цеховые, крестьяне и др. различныя)	576	440	1016
Купцовъ (гильдейныхъ)	3	4	7
Итого	3705	3476	7181

Изъ этой таблицы видно, что главное населеніе станицы состоитъ изъ войскового сословія, т. е. казаковъ; сюда же можно причислить нѣкоторыхъ лицъ изъ духовнаго званія и дворянъ; невойсковое сословіе составилось уже позднѣе изъ пришлаго элемента—переселенцевъ; сюда тоже принадлежать нѣкоторыя личности изъ духовнаго званія, а также и дво-

рянъ. Въ числѣ 7181 чел. населенія станицы считаются также лица, состоящія на дѣйствительной службѣ: 1 генераль, 6 штабъ-офицеровъ, 41 оберъ-офицеръ, 16 классныхъ чиновниковъ, 91 урядникъ и 585 человекъ нижнихъ чиновъ регулярныхъ войскъ; въ это же число входятъ отставные: штабъ-офицеровъ 5, оберъ-офицеровъ 3, классныхъ чиновниковъ 2, урядниковъ и чиновъ унтеръ-офицерскаго званія (т е. приказныхъ) 278, нижнихъ чиновъ регулярныхъ войскъ 822 человека. Въ общее же число входятъ и 438 человекъ иногородныхъ, имѣющихъ осѣдность, и около 700 человекъ, не имѣющихъ осѣдности; въ послѣднее число входятъ русскіе крестьяне, лезгины и кочующій элементъ населенія— калмыки. Коренныхъ жителей въ станицѣ 6135 человекъ.

Слѣдующая таблица показываетъ численность населенія по національностямъ.

Національность.	Муж. п.	Жен. п.	Всего.
Русскихъ	3411	3171	6582
Калмыковъ	248	263	511
Армянъ	11	14	25
Грузинъ	10	11	21
Поляковъ	9	4	13
Чеченцевъ	7	5	12
Евреевъ	3	6	9
Лезгинъ	4	2	6
Турокъ	2	—	2
Итого . . .	3705	3476	7181

Изъ этой таблицы видно, что, кромѣ русскихъ, изъ другихъ національностей въ станицѣ находятся армяне, грузины, чеченцы, калмыки, поляки и др.; всѣ они живутъ въ станицѣ не въ большомъ числѣ, и русскій элементъ преобладаетъ какъ надъ каждою отдѣльно взятою національностью, такъ и надъ всѣми вмѣстѣ. Относительно чеченцевъ можно сказать, что они хотя и преобладаютъ надъ казаками въ численности, но не вошли въ составъ населенія станицы потому, что живутъ отдѣльно, на другомъ берегу Терека; ихъ аулъ отдѣляется отъ станицы Тереконъ, сообщается же съ нею посредствомъ поромовъ. Грузины съ давнихъ поръ живутъ въ станицѣ; въ ихъ рукахъ главнымъ образомъ сосредоточилась торговля; армяне тоже торговый классъ; они переселились сюда изъ Моздока. Въ остальному элементу—пришлomu принадлежать русскіе крестьяне-выходцы изъ среднихъ губерній, лезгины, поляки, турки. Калмыки живутъ по „бурунамъ“, находясь въ качествѣ наемниковъ у хуторянъ-казаковъ.

Численность населенія по религіямъ:

Православныхъ	6374.
Ламанстовъ	511.
Раскольниковъ	229.
Армяно-григоріанъ	25.
Мусульманъ	20.
Католиковъ	13.
Иудеивъ	9.

Итого 7181.

Всего христіанъ 6641; къ другимъ исповѣданіямъ принадлежатъ остальные.

Православные имѣютъ въ станицѣ церковь, раскольники имѣютъ небольшой молитвенный домъ-часовню; жители другихъ исповѣданій не имѣютъ въ станицѣ дома молитвы

евреи совершаютъ молитвы у себя дома, мусульмане идутъ въ аулъ и молятся въ мечети, а калмыки уѣзжаютъ вглубь степей, гдѣ находится ихъ „хуруль“ (кибитка-храмъ) и „гилюны“ (священники). Тамъ ихъ процессіи ходятъ вокругъ „хуруля“, вознося мольбы Ламѣ и Буддѣ.

Распредѣленіе населенія по профессіямъ:

Земледѣльцевъ	5890.
Военныхъ	654.
Ремесленниковъ	152.
Торговцевъ	90.
Учащихся (въ станичномъ училищѣ) . . .	330.
Учителей	12.
Чиновниковъ	18.
Духовныхъ	20.
Медиковъ	1.
Ветеринаровъ	2.
Фельдшеровъ	4.
Акушеровъ	1.
Провизоровъ	1.
Писцовъ	6.

Точно опредѣлить профессію того или другого лица въ станицѣ невозможно. Иногда одно и то же лицо занимается и торговлей, и промыслами, и земледѣліемъ. Въ полѣ казакъ земледѣлецъ, пріѣхавъ домой—сдѣлался столяромъ или сапожникомъ; другой занимается скотоводствомъ, а посмотрись—къ нему несутъ заказы по оружейному дѣлу; третій обрабатываетъ землю въ саду или на огородѣ, а въ то же время имѣетъ мануфактурный или галантерейный магазинъ и т. д. Поэтому при составленіи я руководствовался тѣмъ временемъ, которое затрачиваетъ извѣстное лицо на то или другое занятіе. По преобладанію того или другого рода занятій и опредѣлялась профессія.

Распределение населения по возрастамъ:

Г о д ы.	Муж. п.	Жен. п.	Всего.
До 1 года.	169	127	296
Отъ 1 г. до 5 лѣтъ.	562	523	1085
„ 5 „ „ 15 „	642	556	1198
„ 15 „ „ 20 „	675	660	1335
„ 20 „ „ 40 „	779	714	1493
„ 40 „ „ 60 „	709	719	1428
„ 60 „ „ 70 „	146	158	304
„ 70 „ „ 90 „	23	19	42
Отъ 1 до 100 лѣтъ.	3705	3476	7181

Движение населения въ послѣднія 10 лѣтъ:

Г о д ъ.	Муж. п.	Жен. п.	Всего.
Еъ концу 1892 года числилось .	2418	2451	4869
„ „ 1893 „ „ .	2589	2600	5189
„ „ 1894 „ „ .	2804	2750	5554
„ „ 1895 „ „ .	3021	2933	5954
„ „ 1896 „ „ .	3151	3130	6281
„ „ 1897 „ „ .	3308	3270	6578
„ „ 1898 „ „ .	3415	3370	6785
„ „ 1899 „ „ .	3581	3402	6983
„ „ 1900 „ „ .	3656	3430	7086
„ „ 1901 „ „ .	3705	3476	7181

Число рожденій за послѣднія 5 лѣтъ:

Въ 1897 году рожденій было	418
” 1898 ” ” ”	406
” 1899 ” ” ”	398
” 1900 ” ” ”	396
” 1901 ” ” ”	375

Среднее число рожденій въ теченіе года—400.

Число рожденій, падающихъ на мѣсяцы послѣднихъ двухъ лѣтъ:

Годъ.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Всего.
1900	48	51	52	48	33	27	19	13	13	15	32	45	396
1991	42	45	47	52	28	22	18	17	14	18	32	40	375

Вябрачныхъ дѣтей было въ 1896 г. .	1897	1898	1899	1900	1901
пб.	1	пб.	2	4	5

Среднее число дѣтей въ отдѣльныхъ семьяхъ—3; наибольшее ихъ число въ семьѣ—8.

Число взрослыхъ мужчинъ.		Число взрослыхъ женщинъ.		Число.		Въ какіе мѣсяцы совершаются бракосочетанія преимущественно.
Холо- стыхъ.	Жена- тыхъ.	Замуж- ныхъ.	Неза- мужн.	Вдов- цовъ.	Вдовъ.	
312	2604	2630	190	185	130	Январь, февраль, ноябрь и отчасти мартъ.

Средній возрастъ жениха 19, а невѣсты 18 лѣтъ, и большинство вступаетъ въ бракъ именно около этихъ лѣтъ; но бываютъ случаи, когда дѣвушка вступаетъ въ бракъ въ 15-лѣтнемъ возрастѣ, а мужчина женится на 16—17 году жизни. Случаевъ такихъ въ ставицѣ много; вызываются они слѣдующими причинами: когда въ семьѣ недостаетъ членовъ-работниковъ или когда одинъ изъ нихъ одержимъ тяжкою болѣзью, между тѣмъ какъ въ семьѣ одинъ только работникъ—16 лѣтній сынъ или 15 лѣтняя дочь; въ подобныхъ обстоятельствахъ нерѣдко совершаются преждевременные браки; родители стараются поскорѣе женить своего сына или взять къ себѣ зятя, не обращая вниманія на ранній возрастъ брачующихся.

Созрѣваніе женщины въ этой мѣстности начинается съ 16-лѣтняго возраста, а иногда и ранѣе. Критическій возрастъ женщины начинается на 65 году жизни, наибольшая же продолжительность ея жизни 95 лѣтъ. Мужчина живетъ и болѣе ста лѣтъ, но такіе встрѣчаются рѣдко.

Смѣшанные браки между лицами, принадлежащими къ разнымъ національностямъ и лицами разныхъ исповѣданій и даже сословій, бываютъ рѣдко. Казакъ никогда не выдастъ своей дочери за чеченца или послѣдній за казака. Женить только хищеніемъ достаетъ себѣ невѣсту изъ другой націи, предварительно сговорившись съ послѣднею. Между православными и старовѣрами тоже браковъ не бываетъ съ согласія родителей той и другой стороны. Женщина или мужчина изъ старовѣровъ, прежде чѣмъ сочетаться законнымъ бракомъ съ православными, должны отрѣшиться отъ своихъ старыхъ вѣрованій. Согласія со стороны родственниковъ они обыкновенно не получаютъ, поэтому и здѣсь хищеніе невѣсты и немедленное вѣчаніе рѣшаютъ дѣло. Послѣ совершения таинства родители-старовѣры уже не могутъ взять свою дочь обратно; тогда примиреніе или мщеніе вступаютъ въ свои пра-

ва. Между калмыками, погайцами и казаками браковъ не бываетъ; между русскими, грузинами и отчасти армянами смѣшанные браки не рѣдкость.

Немаловажную роль въ дѣлѣ соединенія двухъ жизней играютъ здѣсь сословія. Дворянинъ, чиновникъ или офицеръ не выдадутъ своей дочери за казака; сами же сплошь да и рядомъ женятся на казачьихъ дочеряхъ. Этимъ обстоятельствомъ и вызывается увеличеніе числа старыхъ дѣвъ среди такъ называемаго привилегированнаго сословія. Число ихъ годъ отъ году все возрастаетъ. Казаки же и не думаютъ жениться на „господскихъ“ дочкахъ; онѣ имъ и „даромъ не нужны“, потому что, по словамъ казаковъ, „онѣ не умѣютъ работать“; притомъ казаки глубоко сознаютъ, что у „господъ“ совершенно другая въ жилахъ кровь— „господская“. Женщины-казачки не остаются въ дѣвушкахъ. Если случается, что парень не найдетъ себѣ невѣсты по душѣ въ своей станицѣ, то онъ находитъ ее въ другой сосѣдней станицѣ.

При женитьбѣ женихъ обращаетъ вниманіе какъ на виѣшнюю красоту дѣвушки, такъ и на ея духовныя качества; но главнымъ образомъ цѣнитъ казакъ работоспособность невѣсты. „Работающая-тягушная“ дѣвушка пользуется большимъ вниманіемъ среди наурцевъ: за нею всѣ слѣдятъ, всѣ ея добиваются. Но изъ этого же вытекаетъ и то, что казаки, вообще, смотрятъ на женщину, какъ на свою работницу, какъ на рабыню, и это одна изъ непохвальныхъ сторонъ мѣстнаго населенія.

Благодаря дѣятельному образу жизни и благопріятнымъ физическимъ свойствамъ мѣстности, населеніе ст. Наурской пользуется крѣпкимъ здоровьемъ и плотнымъ тѣлосложеніемъ. О виѣшнемъ видѣ и физическомъ развитіи здѣшняго населенія можно утвердительно сказать, что природа его въ этомъ отношеніи не обидѣла: какъ мужчины, такъ женщины раз-

виваются довольно рано, такъ что 20-лѣтніе мужчины и 18-лѣтнія женщины представляются уже въ полномъ развитіи организма. Типическіе признаки населенія слѣдующіе: средней ростъ 25-лѣтняго мужчины равняется 2 арш. 7 вершкамъ; въ большинствѣ случаевъ мужчины здѣшніе имѣютъ продолговатое смуглое лицо, большіе каріе или черные глаза, смотрящіе недовѣрчиво и сурово, нѣсколько горбатый носъ и большой высокій лобъ; ротъ снабженъ рядомъ широкихъ бѣлыхъ зубовъ; волосы на головѣ жестковатые, темнорусые или черные, борода густая курчавая. Плечи казака сложены плотно и приподнятыя, съ мощною широкою грудью; голосъ звучный и нѣсколько грубоватый. Уши по большей части большія, ротъ посредственный. Всѣ имѣютъ мозолистыя сильныя руки, длинныя жилистыя ноги. Чахоточныхъ между мужчинами мало: грудная кѣтка развита сильно. Вообще, казаки отличаются живымъ темпераментомъ. Зрѣніе мужчинъ тоже сильно развито: на разстояніи 5—6 верстъ казакъ свободно различаетъ движущагося человека или звѣря. Говоръ быстрый, неровный, сопровождаемый для большей выразительности мимикой лица и разными тѣлодвиженіями. Всѣ движенія наурца быстры, отрывисты; походка стремительная, неровная.

Отличительныя черты характера здѣшнихъ казаковъ — смѣшливость, откровенность, изрѣдка замкнутость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и уживчивость какъ между собою, такъ и съ другими національностями. Привѣтливый и радушный по природѣ своей, наурецъ отличается въ то же время вспыльчивостью и въ минуты гнѣва плохо владѣетъ собою. Казакъ любитъ веселиться въ компаніи, похвастаться умѣньемъ владѣть оружіемъ, ѣздить на конѣ и вообще своимъ молодечествомъ.

Наурцы, по большей части, красивый народъ; какъ между мужчинами, такъ и между женщинами попадаются замѣчательно стройныя и красивыя фигуры. Красота лица и рукъ

значительно умяляются отъ трудового образа жизни, а у женщины еще, кромѣ того, отъ употребленія пудры и помады. Мужчины не ухаживаютъ за красотою лица, женщины же во время лѣтней жары, чтобы сохранить бѣлизну и нѣжность лица, „кутаются“, т. е. обвязываютъ лицо платкомъ.

По физическому развитію женщины-казачки ничуть не уступаютъ мужчинамъ. При средней величинѣ роста въ 2 арш. 5 верш. женщины здѣшнія обладаютъ развитою грудною кляткою, съ высокою полною грудью.

Каріе или голубые глаза, смотрящіе лукаво и насмѣшливо, высокій лобъ съ длинными и густыми темно-русыми волосами, прямой большой носъ, маленькія уши, небольшой ротъ, снабженный большими бѣлыми зубами, характеризуютъ наурскую казачку. Сложена она статно; она сильна, проворна; ея движенія плавныя и отчетливыя. Въ общемъ фигура женщины красивая и мужественная. Характеръ здѣшной женщины твердый, смѣлый и рѣшительный: она добра, привѣтлива, словоохотлива; выраженіе ея лица всегда свѣтлое, съ примѣсью нѣкоторой доли коварства и гордости.

Главная причина, содѣйствующая физическому развитію здѣшняго населенія, коренится въ дѣятельномъ, трудовомъ образѣ жизни. Физическая работа на чистомъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ, придавъ казаку несокрушимую устойчивость противъ холода и голода, выработала изъ него крѣпкую сильную натуру.

Причины же, противодѣйствующія правильному физическому развитію, скрываются въ непосильномъ трудѣ, въ недостаткѣ средствъ къ существованію, въ бѣдности, которая иногда подтачиваетъ послѣднія силы наурца. Женщины страдаютъ въ такихъ случаяхъ еще больше мужчины: непослѣдственный физическій трудъ вмѣстѣ съ бѣдностью, уходъ за дѣтьми, домашнее хозяйство, полевые работы сокрушаютъ

подчасъ силы матери семейства. Но это все исключенія; причинъ, вліяющихъ благотворно на тѣлесное развитіе здѣшняго населенія, безъ сомнѣнія, больше, нежели мѣшающихъ правильному его теченію.

Продолжительная тяжелая борьба на жизнь и на смерть съ враждебными сосѣдями, закаливъ характеръ этого народа, придавъ ему несокрушимую устойчивость, оставила въ немъ и нѣкоторыя отрицательныя черты характера: непочтительное отношеніе къ старшимъ, упрямство, недовѣрчивость, отчасти буйство и грубое обращеніе съ лицами другой національности. Къ своему сословію, т. е. казакамъ, жители проявляютъ полное уваженіе: храброе «казачество» воспѣвается ими и въ пѣсняхъ, и сказкахъ, и поговоркахъ; но замѣчательно то, что наурцы не проявляютъ никакого уваженія къ русскому мужичку; они выказываютъ къ нему даже презрѣніе, называя его медвѣдемъ, чурбаномъ, или просто «мужикомъ» («мушигъ» — ругательное слово среди здѣшнихъ казаковъ). Последнее слово они относятъ только къ русскому человѣку, вышедшему изъ средней Россіи, или даже ко всякому русскому, одѣтому не въ казачій костюмъ. Даже интеллигентному человѣку не изъ казаковъ мѣстные жители не оказываютъ должнаго уваженія въ томъ случаѣ, если онъ «изъ мужиковъ». Еще до сихъ поръ наурцы всячески отказываютъ въ приѣмѣ въ свою среду переселенцамъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Хорошимъ приѣмомъ пользуются немногіе, да и эти, по временамъ, слышатъ насмѣшливыя прозвища отъ казачьихъ дѣтишекъ: «полстовалъ», «бондарь» или даже почему-то «хохолъ». Полстовалами и бондарями наурцы называютъ русскихъ крестьянъ потому, что исключительное занятіе послѣднихъ въ станицѣ есть полстовальное и бондарное ремесла. Отсюда казаки сдѣлали обобщеніе, называя всѣхъ выходцевъ изъ Россіи полстовалами и бондарями. «Хохлами» же ихъ называютъ, большею частью, потому, что они носятъ длин-

ные волосы, подстригаемые только сзади (казаки головы бреютъ или коротко стригутъ). Наурцы солдатъ русскихъ тоже не уважаютъ и, завидя послѣдняго, посылаютъ по его адресу рой сарказмовъ и ругательствъ. Въ этихъ непривлекательныхъ чертахъ обнаруживается умственная неразвитость мѣстнаго населенія и въ то же время его гордость и заносчивость. Если за извѣстную личность некому заступиться, то нѣтъ ей уваженія отъ наурцевъ; неуваженіе это еще усугубляется въ томъ случаѣ, если страдающее лицо принадлежитъ не къ казачьему сословію.

Армяне и евреи тоже не пользуются симпатіей здѣшняго населенія; насмѣшливое «соленый кочегосъ, какой нога, такой носъ» постоянно сопровождаетъ разговоръ объ армянинѣ или «жидъ, Христа продалъ!» при разговорѣ объ еврей. Съ чеченцами наурцы поладили, а то, немного ранѣе, и имъ не было проходу по улицамъ станицы: дѣти казаковъ, взявъ уголь помы своего бешмета, изображали этимъ свинное ухо и начинали немилосердно кричать: «кувакъ, чушку (свинью) кушай!», чѣмъ вызывали со стороны чеченца ругательства.

Грузинъ мѣстное населеніе уважаетъ; къ ногайцамъ, калмыкамъ, осетинамъ относится безразлично. Относительно калмыковъ, впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что ни одинъ наурецъ не станетъ ѣсть пищу или пить воду изъ одной чашки съ калмыкомъ. У каждаго казака имѣется въ запасѣ одна такъ называемая «поганая чашка и ложка», которыя служатъ для угощенія пришедшаго къ нему въ домъ калмыка. Бывали случаи, когда казакъ, не желая «опоганить» чашку, наливалъ воду на ладони (пригоршню) калмыка, изъ которыхъ уже послѣдній и утолялъ свою жажду. Отношенія такія вызываются тѣмъ, что калмыки, по словамъ наурцевъ, употребляютъ въ пищу «маханъ», т. е. павшихъ животныхъ и птицъ, отчего и «опоганиваются».

Безъ сомнѣнія, эти несимпатичныя черты, помрачающія нравственный обликъ столь здороваго тѣломъ и духомъ народа, поддерживаются его умственной неразвитостью, темнотой, крайнею скудостью познаній о Богѣ, о законахъ общезжитія вообще и въ частности объ отношеніяхъ человѣка къ человѣку. Съ другой стороны, въ памяти казаковъ еще живы преданія о тревожной жизни и отважной борьбѣ съ враждебными сосѣдями, какую вынесли на своихъ плечахъ ихъ отцы, отстаивая занятую землю. Это дало ближайшимъ потомкамъ право на извѣстную гордость, выходящую изъ сознанія своей силы, превосходства и собственного достоинства. Отсюда и объясняются странныя отношенія наурцевъ къ русскимъ крестьянамъ, своимъ собратьямъ изъ внутреннихъ губерній, ихъ кичливо-заносчивое обращеніе съ послѣдними, насмѣшки надъ ихъ выговоромъ или нарѣчіемъ. Преслѣдованіе казаковъ русскимъ правительствомъ на Волгѣ, а затѣмъ и на Терекѣ и времена крѣпостничества тоже немало способствовали выработкѣ этихъ отношеній къ русскимъ крестьянамъ. Но мало-по-малу эти смутныя понятія объ общественныхъ отношеніяхъ, о долгѣ, чести, христіанской любви и добродѣтели замѣтно смягчаются и исчезаютъ среди мѣстнаго населенія и ихъ замѣняютъ черты характера болѣе положительныя: уживчивость, уваженіе къ личности человѣка вообще, и русскаго человѣка въ особенности, какъ единовѣрнаго члена матушки-Россіи. Въ значительной степени школа способствовала поднятію нравовъ среди наурцевъ, которые всѣ убѣждены въ необходимости ученія дѣтей.

Религиозное чувство пустило въ населеніи глубокіе корни: достаточно одного напоминанія со стороны служителей церкви, чтобы и старъ и младъ собрались въ церковь для совершенія общественнаго моленія или крестнаго хода по случаю какого-либо общаго бѣдствія. Наурцы никогда не позволяютъ себѣ работать по праздникамъ; всякій надѣваетъ

лучшее свое платье и идетъ церковь, чтобы хотя разъ въ недѣлю отрѣшиться отъ заботъ и трудовъ и посвятить этотъ день Богу, молитвѣ и думамъ о Богѣ. Подходи къ окну со-сѣда за какою-либо надобностью, наурецъ предварительно произноситъ молитву: «Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ»; изъ комнаты отвѣчаютъ: «Аминь»; послѣ этого уже пришедшему отворяютъ окно, и онъ объявляетъ о цѣли прихода. То же самое дѣлаетъ каждый и при входѣ въ комнату. Все это можетъ до нѣкоторой степени свидѣтель-ствовать о религіозности здѣшняго населенія.

Отношенія семейныя у жителей станицы носятъ патри-архальный характеръ. Отецъ семейства считается главою; ему всѣ въ домѣ подчиняются: и сыновья, и снохи, и зятья. Женщина играетъ вообще второстепенную роль въ семействѣ. Но всѣ женщины, въ свою очередь, подчиняются еще мате-ри семейства: снохи во всемъ безпрекословно слушаютъ свекровь. Правда, на этой почвѣ всегда происходятъ ссоры, причину которыхъ бываетъ обыкновенно свекровь, но онѣ рѣдки: сыновья стараются сдерживать своихъ женъ. Въ послѣднее время сыновья все чаще и чаще стали отдѣляться отъ своихъ родителей, когда обзаведутся женой. Женатые сыновья остаются въ родительскомъ домѣ только въ томъ случаѣ, когда отецъ и мать стары и не могутъ заработать себѣ на кусокъ хлѣба. Но и тогда при родителяхъ остается только одинъ сынъ, такъ какъ обыкновенно между братьями завязывается вражда. Обзаведясь женою, молодой казакъ становится полно-властнымъ управителемъ дома, если нѣтъ въ семьѣ старше его мужчины; въ послѣднемъ случаѣ онъ обязанъ подчиняться волѣ старшаго и дѣйствовать сообразно съ его желаніями и указаніями. Если старшимъ распорядителемъ продолжаетъ быть отецъ (какъ онъ былъ до женитьбы сыновей), то дѣла идутъ хорошо; если же управляетъ хозяйствомъ одинъ изъ сыновей, то нерѣдко между братьями возникаютъ несогласія

и раздѣленіе ихъ тогда неизбежно. При раздѣленіи семейства происходитъ и дѣлежъ имущества движимаго и недвижимаго.

Съ наемными работниками наурцы обращаются не грубо; но не любятъ, если они сидятъ праздно.

Лицамъ, занимающимъ ту или другую должность: офицерамъ, чиновникамъ, учителямъ, атаману наурцы оказываютъ должное почтеніе. Особенно почитаются священники, но въ послѣднее время они начинаютъ терять то значеніе и вліяніе, которое имѣли прежде.

Объединившему жителю стараются всячески помогать и физическимъ трудомъ и матеріальными средствами. Странникъ, кто бы онъ ни былъ, находитъ себѣ въ станицѣ пріютъ и радушный пріемъ. Нищему не отказываютъ въ подавнн, но нищенство презирается.

Относительно вредныхъ пороковъ, распространенныхъ среди жителей станицы, можно указать на кражи, поджоги, убійства, конокрадство и другіе проступки. Причины этихъ пороковъ кроются по большей части въ грубомъ невѣжествѣ, пылкой натурѣ, бѣдности мѣстнаго населенія. Конокрадство особенно развито въ описываемой мѣстности: имъ занимаются чеченцы, но и сами казаки не прочь заняться этимъ ремесломъ. Украденныя лошади сбываются въ городѣ или горскимъ бекамъ. Похищенный рогатый скотъ и овцы тоже сбываются въ городахъ или хранятся гдѣ-нибудь въ аулѣ и по мѣрѣ надобности рѣжутся: мясо употребляется въ пищу, а кожа идетъ на приготовленіе сбруи или же продается мѣстнымъ скупщикамъ. Пропавшій домашній скотъ отыскивается обыкновенно по слѣдамъ. Если слѣды украденнаго скота довели до какого-нибудь горнаго аула, то послѣдній несетъ обыкновенно имущественную отвѣтственность. Воруя и наживаются въ данномъ случаѣ воры и грабители, а мир-

нымъ жителямъ приходится расплачиваться своими трудовыми деньгами за чужіе грѣхи.

Предметомъ кражъ бываетъ также лѣсъ (паи), садовыя деревья, сельскохозяйственныя орудія, а въ послѣднее время развивается воровство и въ полѣ. Иногда увозили цѣлыя скирды сноповъ и сѣна. Такихъ низкихъ пороковъ въ урожайные годы не наблюдалось среди наурцевъ. Вообще, нравственность среди нихъ въ послѣднее время какъ будто начинаетъ падать. Вслѣдствіе недородовъ народъ ожесточился, опопыллся, всѣ сдѣлались эгоистами, а рядомъ съ этими пороками появляются и убійства и желаніе мстить. Местъ выражается среди наурцевъ въ убійствѣ, воровствѣ и поджогахъ. Противъ воровства и ночныхъ грабежей въ станицѣ существуетъ такъ называемый „обходъ“, состоящій изъ нѣсколькихъ отбывающихъ внутреннюю повинность казаковъ, которые вооруженные ходятъ по станицѣ почти всю ночь. Въ «обходѣ» участвуетъ по временамъ и самъ атаманъ станицы. При малѣйшей тревогѣ «обходъ» оказываетъ немедленную помощь.

Самоубійство довольно рѣдкое явленіе въ Наурѣ; жертвами же убійствъ являются многіе, не говоря уже о пораненіяхъ холоднымъ или огнестрѣльнымъ оружіемъ. Мѣстная больница бываетъ очень часто наполнена ранеными кинжаломъ или пулей. Очевидно, нравы чеченцевъ успѣли привиться среди наурскаго казачества. Смягченія нравовъ можно только ожидать отъ воздѣйствія церкви и школы.

Въ ставичномъ судѣ за 1901 годъ было разобрано дѣлъ 223. Войскового сословія въ станичныхъ и сельскихъ судахъ было обвинено—210 человекъ, другихъ сословій—13.

Число доказанныхъ преступленій за послѣднія 5 лѣтъ.

Годъ.	Кражи.	Убийства.	Грабежи.	Ковно- вредство.	Поджоги.
1897	20	3	3	7	3
1898	17	3	3	6	3
1899	19	2	1	6	1
1900	23	4	2	7	—
1901	25	5	2	6	1

Преступленія караются закономъ. Въ эпоху, когда занимались исключительно личностью преступника, рассматривая его какъ врага, котораго нужно смирить страхомъ, жестокимъ наказаніемъ или раздавить, уничтожить, во что бы ни стало, чтобы устранить появленіе другихъ, ему подобныхъ, сильно развилось недоверіе къ начальству, и преступленія еще болѣе возрастали въ количествѣ. Съ теченіемъ времени, когда появились болѣе гуманныя идеи, которые ввели въ суровость закона принципъ справедливости, смягчили его; когда о взяткахъ со стороны судей не могло быть и рѣчи, а поговорка «съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись» утратила свое значеніе, преступленій въ станицѣ стало гораздо меньше. Но зато выработалась другая поговорка среди мѣстнаго населенія: «и въ тюрьмѣ хлѣбомъ кормятъ» или «лучше пойду въ Сибирь, нежели влачить свое существованіе здѣсь». На почвѣ бѣдности выработалось это мнѣніе среди казаковъ-наурцевъ, можетъ-быть, много способствовавшее развитію преступленій. Финансовое же положеніе станицы уже 5 лѣтъ продолжаетъ быть печальнымъ; этого не могутъ отрицать и увлекающіеся оптимисты. Въ первые же дни 1901 года оказалось, что доходы будутъ ниже предыдущаго года, а доходы послѣдующаго года ниже настоящаго. При такихъ

условіяхъ довольно трудно ожидать скорого улучшения положенія дѣлъ въ станицѣ; а между тѣмъ извѣстно, что отъ матеріальной стороны находится въ тѣсной зависимости нравственность населенія.

Говорятъ наурцы на великорусскомъ нарѣчій; языкъ этотъ употребляется ими и во взаимныхъ сношеніяхъ между собою и при сношеніяхъ съ другими народностями. Зная чужой языкъ, наурецъ всегда старается видоизмѣнять при разговорѣ съ туземцемъ языкъ русскій и только въ крайнемъ случаѣ употребляетъ туземный. Въ случаѣ смѣшанныхъ браковъ между казаками и другими народностями въ семьѣ употребляется языкъ русскій; вообще говоря, русскій языкъ очень распространенъ въ странѣ и распространеніе его съ каждымъ годомъ все увеличивается: всѣ народности, имѣющія частыя сношенія съ казаками, объясняются на русскомъ языкѣ. Усваивается же послѣдній не черезъ посредство училища или вслѣдствіе желанія самихъ туземцевъ научиться русскому языку, а посредствомъ частыхъ сношеній съ русскимъ элементомъ, вслѣдствіе совмѣстной съ нимъ жизни. Это обстоятельство, въ свою очередь, успѣло отразиться и на русскомъ говорѣ наурцевъ: подъ влияніемъ разнородныхъ элементовъ рѣчь ихъ приняла оригинальный складъ; въ ней встрѣчаются слова и чеченскія, и татарскія, и калмыцкія, и осетинскія. Сами себя наурцы не называютъ русскими; въ большинствѣ случаевъ они называютъ себя просто «казаками», не понимая значенія слова; въ данномъ случаѣ они считаютъ себя за отдѣльную національность. «Вы—русскіе?», спросить пріѣзжій казакъ.—«Нѣтъ», отвѣтитъ онъ: «я казакъ». Чеченцы называютъ казаковъ урусъ-гаурами.

Вслѣдствіе совмѣстной жизни, какъ выше сказано, съ разнородными ивородческими элементами, туземное влияніе, отразилось не только на нравахъ и обычаяхъ наурцевъ,

но и на образѣ жизни и взглядахъ на вещи. Благодаря этому обстоятельству, элементарныя понятія наурцевъ объ отношеніяхъ человѣка къ Богу и къ ближнему преисполнены суевѣрій и предрасудковъ. Но, съ другой стороны, казаки заимствовали отъ туземцевъ не только одно дурное: они впитывали въ себя и хорошія стороны своихъ сосѣдей. Однимъ словомъ, и хорошія качества туземцевъ къ нимъ привились очень легко.

Умственный кругозоръ мѣстнаго населенія стоитъ на низкой ступени развитія. Міровоззрѣніе казака не пошло дальше того, которое было у его отцовъ и дѣдовъ. Суевѣрія и предрасудки наполняютъ всю жизнь казака и мѣшаютъ ему правильно относиться и смотрѣть на вещи. Среди нѣкоторыхъ обрядовъ, суевѣрныхъ предрасудковъ мѣстнаго населенія встрѣчаются и такіе, которые свидѣтельствуютъ о языческомъ происхожденіи, какъ, напр., празднованіе масленицы и колядованіе на святкахъ.

Умственная дѣятельность наурцевъ проявляется только на общественной «сходкѣ» въ станичномъ правленіи, гдѣ они разсуждаютъ о способахъ пахоты, посѣва, предохраненіи хлѣбовъ отъ саранчи, о причинахъ неурожая, объ умѣломъ употребленіи общественной земли, о храненіи лѣса и т. п. Народной читальни или библіотеки въ станицѣ нѣтъ, хотя многіе пользуются книгами для чтенія изъ библіотеки станичнаго двухкласснаго училища; впрочемъ, есть и такіе, которые берутъ книги изъ школы лишь ради формы, а дома совсѣмъ не читаютъ. Была не очень давно въ станицѣ воскресная школа, которую посѣщали наурцы въ праздничное время, но она просуществовала недолго и прекратила свое дѣятельность, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстностяхъ воскресныя школы процвѣтаютъ. Жителямъ здѣшнимъ приходится только надѣяться, что найдутся добрые люди, которые окажутъ помощь своимъ вліяніемъ на открытіе въ станицѣ воскресной школы, а также

и доступной народу читальни, въ коихъ въ настоящее время чувствуется большая нужда. Нѣкоторые уже стали понимать значеніе просвѣщенія; не жалѣя своихъ скудныхъ средствъ, они стали выписывать сельскохозяйственные журналы и другія періодическія изданія. Число выписывающихъ книги, газеты, журналы доходитъ въ настоящее время до 200 человекъ.

Въ отношеніи вѣротерпимости наурцы безупречны: всякая другая религія ими почитается. Исключая небольшого числа старовѣровъ, наурскіе казаки исповѣдуютъ православную религію. Старовѣры держатся отъ православныхъ обособленно, за чтó отчасти и притѣняются православными. Понятія казаковъ-старовѣровъ еще болѣе ограничены: основываются они исключительно на преданіяхъ и суевѣріяхъ. Эта часть населенія отличается отъ православнаго нѣсколько болѣею зажиточностью, обусловливаемою сплоченностью и нравственною выдержкою раскольниковъ.

Старовѣры здѣшніе принадлежатъ къ раскольниковъ сектѣ беспоповцевъ, отвергающихъ іерархію; поэтому священныя таинства, обряды и требы совершаются у нихъ членами секты. На общественное богослуженіе въ часовню они являються безъ пояса.

Въ станицѣ содержатся два православные священника, одинъ изъ которыхъ благочинный. Средства и источники ихъ содержанія—приходъ. Каждый годъ священники и діаконы, кромѣ платы за требы, собираютъ съ жителей натурою: хлѣбъ, муку, зерно и другіе сырые продукты. Случился урожай въ полѣ, и у священника будетъ много всякой всячины; посѣтилъ мѣстность недородъ, и священникъ немногимъ поживится.

Наурцы религіозны; церковь посѣщаютъ каждый праздникъ и взрослые и дѣти. Монастыри же и святыя мѣста посѣщаются въ большинствѣ случаевъ не изъ-за религіоз-

ныхъ чувствъ, а по объѣту, данному по какому-либо несчастному случаю. Во время засухъ, бездождя или неурожаа всѣ жители сообща заказываютъ молебенъ, съ иконами и хоругвями идутъ въ поле, оглашая окрестности церковнымъ пѣніемъ. Послѣ окропленія полей и молебна, дѣйствительно иногда появляются тучи, и черезъ нѣсколько часовъ идетъ проливной дождь; такіе случаи, разумѣется, поддерживаютъ вѣру народа, и заставляютъ его относиться съ богоговѣніемъ къ религиознымъ обрядамъ.

Оба священника въ станицѣ съ семинарскимъ образованіемъ; окончили они полный курсъ наукъ въ Ардонской миссіонерской духовной семинаріи; народомъ они почитаются. Съ чеченскими муллами священники не сближаются и ничего общаго съ ними не имѣютъ: еще далеко отъ сближенія мусульманскій міръ съ христіанскимъ на почвѣ религіи.

Изъ эстетическихъ удовольствій главная роль въ бытѣ наурцевъ принадлежитъ пѣнію и музыкѣ. Поютъ здѣсь всѣ, начиная съ малолѣтка и кончая сѣдымъ старикомъ; поютъ въ радости и въ горѣ, и за дѣломъ, и на досугѣ, поютъ мужчины, женщины и дѣти. Полевые и садовые работы женщины сопровождаютъ всегда пѣніемъ, въ которомъ по большей части выражается чистая супружеская любовь или неудачный выборъ; особенно трогательныя пѣсни поютъ казачки при убаюкиваніи дѣтей въ люлькѣ. Въ пѣснѣ жители выражаютъ свою любовь къ природѣ и ко всему прекрасному; въ ней же они находятъ свое внутреннее удовлетвореніе, примиреніе съ невзгодами трудовой и подчасъ неприглядной жизни. Пѣснями здѣсь встрѣчаютъ весну, сопровождаютъ работы въ полѣ, на огородѣ, а дома стараются сократить долгіе зимніе вечера.

Изъ бытовыхъ пѣсней особенно заслуживаютъ вниманія свадебныя. Свадьба составляетъ въ казачьемъ быту то важное событіе, съ которымъ соединяется крупная перемѣна въ

жизни парня и дѣвушки; поэтому у наурцевъ особенно много пѣсенъ поется во время совершенія разныхъ обрядностей при свадьбѣ. На каждую брачную церемонію приходится пѣсня; особенно занимательны пѣсни, поющіяся при выкупѣ невесты, при подаркахъ «на коровай», при расплетаніи и завиваніи волосъ невесты и т. п. Свадебныя пѣсни поются молодыми парнями и дѣвушками, а также замужними женщинами; всѣ эти пѣсни рисуютъ предшествующую замужеству вольную и веселую жизнь молодой дѣвушки-казачки подѣбровомъ отца и матери, а также ожидающую ее трудовую и полную заботъ жизнь въ чужой семьѣ. По принятому обычаю невеста при пѣсняхъ, въ которыхъ изображается предстоящая ей новая жизнь съ мужемъ, должна плакать, хотя бы выходила замужъ по любви. Многія пѣсни содержаніемъ своимъ имѣютъ цѣль расхвалить, возвеличить жениха и невесту, въ иныхъ выражается суровое обращеніе съ молодой женой въ чужой семьѣ, притѣсненія свекрови, но также и ласки мужа.

Изъ другихъ бытовыхъ пѣсенъ особенно интересны тѣ, которыя воспѣваютъ жизнь казака на службѣ вдали отъ родныхъ и жены. Трогательныя сцены прощанія мужа съ женою и родителями, клятвы жены въ вѣрности ясно рисуются въ пѣснѣ; но она не скрываетъ также будущаго: за сохраненіе вѣрности жену ожидаетъ счастливая, полная довольства, жизнь, за измѣну она наказывается Богомъ и людьми, особенно же мужемъ.

Въ военныхъ пѣсняхъ восхваляется воинственный духъ казаковъ, ихъ преданность и вѣрность Царю и отечеству, любовь къ своему полководцу. Особенно много пѣсенъ поется среди мѣстнаго населенія про генерала Слѣпцова, Круковскаго, Барятинскаго и др.; есть пѣсни на взятіе русскими войсками разныхъ горскихъ ауловъ: Чехи, Алханъ-юрта, Даутъ-Мартана.

Пѣсни поются на русскомъ языкѣ; всѣ онѣ исключительно хоровыя, одноголосныя же встрѣчаются рѣдко; хоро-водныхъ пѣсень мало.

Наурыцы очень любятъ музыку. Сущестующій въ станицѣ духовой и скрипичный оркестры во время праздниковъ всегда привлекаетъ къ себѣ массу слушателей. Самый же распространенный въ станицѣ музыкальный инструментъ—это гармоника. Каждое семейство, въ которомъ есть дочь-невѣста, имѣетъ хотя бы и недорогую гармонику; на вечерахъ, играхъ, сборищахъ молодежи танцуютъ подъ этотъ общепотребительный инструментъ.

X.

Образъ жизни.

Обращаясь къ образу жизни и дѣятельности казацкой семьи, слѣдуетъ замѣтить, что жизнь мужчинъ, женщинъ, взрослыхъ дѣтей, старыхъ и молодыхъ носить одинъ характеръ—трудоваго. Полевыя, садовыя, огородныя работы исполняются при участіи всей семьи, всякое дѣло дѣлается общими усиліями, исключая шитье, мойку бѣлья и домашнія работы, которыя безраздѣльно выпали на долю женщины.

Картина будничной жизни здѣшняго мужчины ограничивается слѣдующимъ:

Настала ранняя весна; казакъ уже приготовилъ плугъ, борону, поправилъ снасти, «кусты» и другія принадлежности пахоты. Богатые и зажиточные нанимаютъ къ себѣ «погоничей» и «плугатырей», которымъ за трудъ не платятъ деньгами, а вспахиваютъ ихъ поле.

Ранняя пахота не обходится безъ сѣна, потому казаки запасаются также и сѣномъ, которымъ кормятъ рабочій скотъ около трехъ недѣль до появленія подножнаго корма.

Всѣ пространство свободной земли на разстояніи 7—10 верстъ отъ станицы, въ одной какой-либо сторонѣ, предназна-

чается обществомъ подъ распашку. Этотъ участокъ примыкаетъ всегда къ такому же прошлогоднему участку, съ котораго уже собраны овесъ, просо, арбузы, ленъ и на которомъ уже произрастають озимые хлѣба: рожь, ячмень и пшеница подъ паромъ. По другую сторону участка съ озимыми хлѣбами расположенъ участокъ съ «падалью», съ котораго уже собрали въ прошлое лѣто рожь, ячмень, и на которомъ теперь растетъ трава вмѣстѣ съ колосьями ржи или ячменя, выросшими изъ выбитыхъ вѣтромъ или во время жатвы зерномъ (падаль). Эти мѣста вмѣстѣ съ другими свободными отъ распашки пространствами земли предназначаются для покоса и пастбы скота.

Весь участокъ земли, предназначенный обществомъ къ распашкѣ, дѣлится между жителями пропорціонально количеству членовъ семьи каждаго. Дѣлежка начинается съ первымъ проблескомъ весны для того, чтобы не задержать пахоту. Первая забота каждаго наурца пораньше вспахать и засеять свое поле овсомъ, просомъ и львомъ. Чѣмъ раньше посеять названные виды растеній, тѣмъ лучше и будутъ всходы. Это-то обстоятельство и вызываетъ раннюю пахоту. Мужчины и молодыя женщины «гужомъ» ѣдутъ въ поле, нагрузивъ арбы и телѣги сельскохозяйственными орудіями, съѣстными припасами и водой. Каждый возлѣ своего участка роетъ въ землѣ небольшую яму въ 4—5 арш. длины, 4 арш. ширины и 2 арш. глубины; надъ этой ямой устраивають «кошъ», т. е. сложенный изъ жердей навѣсъ. Сверху и сбоку навѣсъ этотъ обкладывается соломой, а сверху соломы насыпается земля—вотъ и «кошъ» готовъ. Внутреннія стѣны въ «кошу» и полъ тоже обкладываются соломой, а на солому настилаются войлоки. Въ кошу «плугатыри» и «погоньчи» укрываются отъ холода, тамъ же они отдыхаютъ и спать, нерѣдко женщины вмѣстѣ съ мужчинами. Недалеко отъ «коша», въ сторонкѣ, вырывается въ землѣ горь, за-

мѣняющій очагъ, на которомъ рабочіе варятъ себѣ пищу. Нѣкоторые вмѣсто горна ставятъ на землю «таганъ», т. е. желѣзный треножникъ, подъ которымъ разводятъ огонь; котелокъ, или «казанъ», въ которомъ варятъ пищу, ставится на «таганъ». Къ «кошу» примыкаетъ еще скирдъ сѣна или просяной соломы, предназначенный для кормленія рабочаго скота, лошадей и быковъ; недалеко отъ скирда стоитъ нѣсколько плетневыхъ яслей, въ которыхъ кормятъ скоть. Вся эта полевая обстановка въ цѣломъ называется опять таки «кошомъ».

Каждый пахарь, оставивъ, такимъ образомъ, кошъ, начинаетъ пахать свою землю. Въ желѣзный плугъ («однолемешный» или «двухлемешный») впрягаютъ 3—4 пары быковъ или лошадей, 2 погоныча берутъ кнуты, а плугатырь «пстикъ» (или «чистикъ» — налка для чистки «палицы» отъ прилипающей земли; «палица» — желѣзный листъ, по которому скользятъ во время паханія глыба земли) и начинается пахота: погонычи весело кричатъ на сытыхъ воловъ и помахиваютъ кнутами, плугатырь идетъ за плугомъ и громко напѣваетъ пѣсню. Погонычами обыкновенно бываютъ мальчики или дѣвочки отъ 9 до 17 лѣтъ, плугатыремъ бываетъ старикъ. Прежде, когда въ Наурѣ употреблялись тяжелые деревянные (кромѣ «лемеша» и «чересла») плуги, въ которые впрягалось 4—5 паръ воловъ, пахать было трудно, и потому погонычей требовалось много. Теперь же, когда вошли въ употребленіе легкіе желѣзные плуги, въ которые впрягаются 2—3 пары воловъ, погонычей требуется мало. Обыкновенно 10—12-лѣтній мальчикъ, или дѣвочка управляютъ всѣми рабочими быками, идя сбоку ихъ по лѣвую сторону. Бромъ того, при старыхъ деревянныхъ плугахъ «плугатырь» безотлучно шелъ за плугомъ, придерживая и надавливая руками «чапиги» (ручки плуга); при желѣзныхъ плугахъ роль «плугатыря» совсѣмъ излишняя, потому что новыя плуги па-

шутъ землю, не будучи придерживаемыми плугатыремъ. Нерѣдко 16-лѣтній парень одинъ управляетъ и плугомъ и волами. Послѣдніе пріучены къ порядку пахоты: идутъ себѣ по бороздѣ, не сбиваясь; только стоитъ ихъ «поуживать» (т. е. погонять, гнать побыстрѣе), а плугъ свое дѣло знаетъ безъ «плугатыря». Послѣдній въ настоящее время замѣняетъ здѣсь роль повара, а также конюха или пастуха: онъ или варитъ пшцу, или очищаетъ ясли, пасетъ рабочихъ воловъ, а то приправляетъ борону, «кусть» для боронованія вспаханнаго загона (десятины). Бороную землю тотчасъ послѣ посѣва хлѣбныхъ зеренъ въ 2 или 3 бороны, а при твердой почвѣ и въ 4 съ прибавленіемъ тернового «куста», которымъ заволакиваютъ пробѣлы.

На пашнѣ весело. Отовсюду раздаются дружныя пѣсни «поговычей». Природа пробуждается; съ каждымъ днемъ дни становятся все яснѣе и яснѣе; пѣніе жаворонка оглашаетъ окрестности. По зеленому покрову появляются цвѣты со своими многочисленными посѣтителями-насекомыми. Въ воздухѣ аромать и тишина, прерываемая, по временамъ, или пѣніемъ пашущихъ, или карканьемъ грачей и воронъ, собирающихъ на вспаханной землѣ червей, или ржаніемъ лошадей.

Вечеромъ молодые парни и дѣвушки собираются къ какому-либо излюбленному кошу и пѣснямъ ихъ, танцамъ подъ гармонику, играмъ вѣтъ конца. Рано утромъ снова начинается кипучая дѣятельность. Подростки шумятъ, кричатъ, копошатся, иные плачутъ: рано, моля, разбудили; другіе запрягаютъ отдохнувшихъ за ночь быковъ въ плугъ: «колесенныхъ» у колесъ плуга («въ колесницу»), «борозденныхъ» въ борозду, «подрешныхъ» подъ руку и т. п. Начиная съ утра, пашутъ до 9 часовъ («солнце въ дерево»); въ 9 часовъ бываетъ завтракъ; до завтрака никто не ѣлъ ни крохи. Завтракъ приготовила женщина или старикъ-плугатырь; завтракъ состоитъ изъ каши. У зажиточныхъ эта пища варится съ

мясомъ или рыбою; многіе же обходятся безъ нихъ, хотя всѣ имѣютъ возможность ѣсть на пашнѣ скоромную пищу: въ полѣ много зайцевъ, куропатокъ, утокъ и другой дичи. Но дѣло въ томъ, что самый разгаръ пахоты бываетъ здѣсь въ Великій постъ, а наурцы не позволяютъ себѣ даже и при тяжелой физической работѣ ѣсть въ постъ скоромное. Большое подспорье въ пищѣ оказываютъ жителямъ на пашнѣ арбузы, сушеная рыба и арбузный медъ. Эти продукты берутся на пашню въ большомъ количествѣ, почти на все время пахоты.

Въ то время какъ рабочіе люди завтракаютъ, одинъ изъ мальчиковъ пасетъ на травѣ быковъ, для которыхъ тоже наступаетъ завтракъ. Послѣ несытной закуски и небольшого отдыха снова пашутъ до 12 час. дня (полдень). Тогда отпрягаютъ быковъ на болѣе продолжительное время, кладутъ имъ сѣна и даютъ «вздохнуть» (отдохнуть), люди же приступаютъ къ обѣду. Послѣдній всегда состоитъ изъ «горячаго»: щей, каши, «камыцкаго» чая (кирпичваго), лапши и т. п. Послѣ обѣда работаютъ до вечера, а затѣмъ уже, поужинавши, старые ложатся въ кошу спать, а молодежь опять собирается веселиться.

Въ дождливое время не пашутъ: одни спятъ, другіе идутъ на охоту, третьи собираются въ какой-нибудь кошъ, и начинаются длинныя бесѣды пожилыхъ о прежнихъ урожайныхъ годахъ, а изъ другого коша раздаются веселый смѣхъ молодыхъ, ихъ пѣсни или нескончаемыя сказки.

Такова въ общихъ чертахъ жизнь наурцевъ въ полѣ весной. Въ станицѣ въ это время живутъ только старики, женщины и учащаяся молодежь. Послѣдніе ходятъ въ школу; старики и женщины говѣютъ, ходятъ въ церковь. Для рабочихъ людей на пашню «домосѣды» готовятъ хлѣбъ, сухари, молоко, рыбу.

По временамъ приѣзжаетъ въ станицу съ поля мужъ,

сынъ или дочь, наливаютъ въ бочки воды, забираютъ приготовленные матерью семейства съѣстные припасы и снова ѣзжаютъ на пашню. За водою пахарямъ приходится прѣзжать въ станицу часто; это составляетъ важное неудобство здѣшнихъ полей: воды здѣсь нѣтъ; за нею приходится ѣхать или въ станицу—къ берегамъ Терека, или въ ближайшій хуторъ, кутань.

До наступленія Пасхи жители пашутъ на «поду», послѣ Пасхи ѣдутъ въ «буруны». Здѣсь земля не дѣлится между жителями: всякій пашетъ, гдѣ угодно и сколько душѣ угодно. Земля не распаивается только тамъ, гдѣ она съ общаго согласія предназначена для пастбы скота. Точно также дальше отъ хуторовъ, въглубь степей, каждый станичникъ можетъ пахать безпрепятственно, сколько хочетъ. Ограниченій въ данномъ случаѣ нѣтъ. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, станичники и хуторяне другъ передъ другомъ торопятся захватить себѣ побольше да получше клочокъ земли. Участокъ съ проведенными бороздами считается захваченнымъ и неприкосновеннымъ.

Въ настоящее время наурцы предпочитаютъ пахать въ «бурунахъ», близъ хуторовъ, по той причинѣ, что земля тамъ не такъ еще истощена, какъ «подовая», слѣдовательно, лучше вознаграждаетъ за труды. Обстоятельство это весьма неблагоприятно отзывается на хуторянахъ, которые иногда лишаются мѣста для пастбы скота. Явленіе это годъ отъ году проявляется все въ большей степени, потому что станичники распаиваютъ въ бурунахъ почти всё свободныя мѣста вокругъ хуторовъ. Протеста со стороны хуторянъ по этому поводу быть не можетъ, потому что станичники считаются такими же хозяевами этихъ земель, какъ и жители хуторовъ. Такое положеніе дѣлъ очень неблагоприятно отзывается на интересахъ хуторянъ въ области скотоводства. Только дальніе хутора не терпятъ въ этомъ отношеніи, не страдаютъ: па-

хатъ туда заѣзжаютъ немногіе. Эти мѣста предназначены для «кутановъ», т. е. для постройки хуторовъ съ цѣлью разведенія скота. Весь станичный «гулячій» скотъ содержится въ «кутанахъ», на рукахъ калмыковъ и ногайцевъ, которые съ наступленіемъ зимы возвращаютъ жителямъ станицы ихъ скотъ съ требованіемъ платы за 9-мѣсячный за намъ уходъ. Но возвратимся къ пахотѣ.

Последняя продолжается въ бурунахъ приблизительно до половины мая. Во все время пахоты рабочіе не пріѣзжаютъ въ станицу; пищу они готовятъ на горнахъ, воду достаютъ изъ хуторскихъ колодцевъ, а хлѣбомъ они запаслись еще, когда ѣхали пахать. Для того чтобы хлѣбъ не заплѣснѣвъль, его засушиваютъ и употребляютъ въ видѣ сухарей. Великій постъ прошелъ: пища теперь разнообразна. По бурунамъ водится много зайцевъ и дикой птицы, на которую и охотятся на досугъ пашущіе; на сосѣднихъ хуторахъ можно достать молока, свѣжаго хлѣба, барана, такъ что на «бурунской» пашнѣ всегда бываетъ обиліе пищи.

Окончивъ пахоту, казаки пріѣзжаютъ домой въ станицу и ухаживаютъ за винограднымъ садомъ, который въ ихъ отсутствіе былъ вырытъ изъ-подъ земли женщинами и мужчинами-домосѣдами и подвязанъ къ таркаламъ (кольямъ). Уходъ за садомъ весною состоитъ въ обрѣзкѣ лозъ, въ очисткѣ отъ сорной травы и въ подвязкѣ лозъ къ таркаламъ.

Кромѣ попеченія о садѣ, каждый домохозяинъ обновляетъ весною свои постройки: избы, амбары, сараи, косить «кугу» (родъ осоки) и покрываетъ ею «катухи», плететь плетни, поправляетъ телѣгу и помогаетъ женщинамъ обмазывать глиной курень, саклю и др. жилища строенія. Въ это же время каждый домовитый хозяинъ приготовляетъ молотки, наковальни, подпилки, отбиваетъ косу, починаетъ грабли, дѣлаетъ вилы. Черезъ нѣсколько дней объявятъ въ станичномъ правленіи о началѣ покоса, а дремать тутъ не-

льзя. Нужно заранѣе найти хорошее травянистое мѣсто, чтобы тотчасъ послѣ объявленія приступить къ покосу. Если объ этомъ не позаботишься заранѣе, то и останешься безъ сѣна: все выкосятъ люди; придется тогда ползать по «межамъ», да въ лѣсу между кустами, собирая клочокъ по клочку.

Положеніе бѣдняковъ въ данномъ случаѣ незавидное. Сѣнокосныя мѣста станицы находятся въ общинномъ пользованіи; при наступленіи поры покоса они не дѣлятся между жителями, а предоставляются цѣликомъ ихъ собственному распоряженію. Благодаря этому обстоятельству каждый косить тамъ, гдѣ хочетъ и сколько успѣетъ; богатый, напр., пустить въ ходъ нѣсколько косилокъ, найметъ нѣсколько косарей да и подкосить «кошъ» бѣднаго (т. е. скосить траву до самаго коша), а послѣдній и остается на бобахъ. Ему приходится теперь заѣзжать косить въ отдаленные уголки станичнаго юрта или совсѣмъ остаться безъ сѣна. Такое явленіе въ настоящее время не рѣдкость.

Сѣнокосъ начинается здѣсь въ большинствѣ случаевъ съ половинны мая мѣсяца. Въ полѣ работаютъ всѣ члены семьи: одни косятъ, другіе «громадятъ» (сгребаютъ сѣно въ кучки), третьи влами владутъ сѣно въ копны. Работа кипитъ и днемъ и ночью: всякій старается скосить занятый участокъ. Въ концѣ мая покосъ прекращается; изрѣдка попадаются косари то тамъ, то здѣсь, собирающіе траву между загонами или въ бурунахъ, гдѣ еще не все скосили хуторяне.

Наступило жаркое лѣто—страдная пора. Жизнь станицы вступила въ новый фазисъ—випучей дѣятельности въ полѣ, которая на время была прервана промежуткомъ между покосомъ и жатвою. Въ началѣ іюня уже созрѣлъ ячмень. Домохозяева готовятъ косы или серпы, осматриваютъ вилы, грабли и выѣзжаютъ каждый къ своимъ загонамъ. Въ нѣсколько дней скошенъ ячмень и сложенъ въ

копны. Въ его уборкѣ и во всѣхъ другихъ полевыхъ работахъ лѣтомъ участвуютъ и женщины. Дома остаются только старуха съ дѣтми или старикъ, на которыхъ лежатъ обязанность смотрѣть за птицею, коровами и огородомъ (домосѣды).

Только-что скошенъ ячмень, послѣдуетъ рожь. Мужъ, жена, дѣти, вооружившись серпами, сжинаютъ свои загоны, складываютъ снопы въ копны и приступаютъ къ пшеницѣ, если она есть.

Озимые хлѣба на «поду» убраны. Весь рабочій народъ ѣдетъ убирать поснѣвшую рожь въ бурунахъ. Каждый торопится поскорѣе сжать свои загоны, чтобы вѣтеръ не выбилъ зерно. Въ концѣ іюня кончается жатва въ бурунахъ. Опять казаки возвращаются ближе къ станицѣ на «подь» и начинаютъ жать или косить овесъ. По уборкѣ овса приступаютъ къ просу; одновременно убираютъ ленъ и горчицу. Въ это же время наурцы въ послѣдній разъ поляютъ свои бахчи мотыгами. Покончивъ съ овсомъ, просомъ и бахчами на «поду», наурцы снова ѣдутъ въ «буруны» и очищаютъ «бурунскую» бахчу; здѣсь же принимаются жать или косить просо, а по его уборкѣ приступаютъ уже къ перевозкѣ всѣхъ сжатыхъ сноповъ въ «бурунахъ» и на «поду» на гумно, гдѣ они складываются въ «адони» (скирды). Жатва теперь окончилась. Время жатвы—самая трудная пора въ описываемой мѣстности, потому что продолжается почти цѣлое лѣто; особенно страдаютъ дѣти: ихъ молодые кости, непревычныя переносятъ однообразный утомительный физическій трудъ, совершенно расслабляются; послѣ жатвы долгое время дѣти не могутъ разогнуть спины: боль въ костяхъ чувствуется невыносимая. Въ послѣднее время усовершенствованныя сельскохозяйственныя орудія: косилки, жнивелы и др. на много облегчаютъ трудъ жителей. Въмѣсто двухнедѣльной тяжелой работы нѣсколькихъ человѣкъ надъ жатвою или косьюю,

чапр., одной десятины, почти каждый имѣеть возможность убрать все свое поле въ какихъ-нибудь 4—5 дней. Конечно, бѣдные избѣгаютъ лишней траты и, призывая въ помощь Николая Угодника (приступная къ жатвѣ, наурцы приываютъ всегда въ помощь Николая Чудотворца, а по окончаніи въ концѣ загона оставляютъ бустъ ржи—«Николѣ на боро-ду»,—который скручивается и подворачивается колосьями внизъ), сами убираютъ свой хлѣбъ, но это сопряжено съ большимъ трудомъ, особенно у безсемейныхъ. Большая семья, не торопясь, сжинаетъ загонъ за загономъ, а по окончаніи своей работы сообща помогаетъ и одинокому. Но это, конечно, не всегда случается.

Первая работа послѣ жатвы есть сборъ арбузовъ и перевозка ихъ съ поля въ станцу (въ августѣ). Женщины принимаются варить арбузный медъ, а мужины продолжаютъ возить свопы на гумно какъ на «поду», такъ и въ «бурунахъ». «Бурунскіе» арбузы всѣ идутъ на приготовленіе меда: за дальностью разстоянія ихъ не перевозятъ въ станцу, а прямо на мѣстѣ варятъ изъ нихъ медъ. Отсюда наурцы не уѣзжаютъ домой, а пользуясь случаемъ, приступаютъ къ „топангѣ“ свезеннаго на гумно проса и ржи. Во время топанги сжинается и конопля и здѣсь же обмолачивается: зерно отбирается, а ботва идетъ на варку меда. Такимъ образомъ въ «бурунахъ» наурцы одновременно оканчиваютъ нѣсколько работъ: варятъ медъ, обмолачиваютъ рожь, просо, сжинаютъ и обмолачиваютъ коноплю. Покончивъ съ этими работами и забравъ въ телѣги зерно проса, ржи и конопли и въ большіе кувшины медъ, семья возвращается въ станцу. За оставшимся зерномъ ѣдетъ кто-нибудь изъ членовъ семьи и забиратъ его.

Топтаніе «подовыхъ» хлѣбовъ начинается послѣ «бурунскихъ». Каждый хозяинъ старается, какъ можно скорѣе, покончить съ полевыми работами въ «бурунахъ». Этимъ онъ

спасеть свой хлѣбъ отъ поправы хуторскими табунами, которые послѣ жатвы пускаются хуторянами по «живью». Притомъ «подовой» хлѣбъ находится недалеко отъ станицы, бурунской же на 30—40 версть отъ нея.

На «поду» сначала молотятъ рожь, затѣмъ овесъ, просо и левъ. Солома тщательно складывается въ скирды, а зерно ссыпается въ амбары. Особенно дорожатъ наурцы соломою проса (просяною), потому что послѣдняя составляетъ зимою лучшую пищу для скота (ѣдовая солома). Ржаная же (неѣдовая) солома, особенно въ бурунахъ, бросается жителями, какъ ненужный матеріалъ. Ею пользуются калмыки и хуторяне, употребляя на крышу сараевъ и конюшенъ. На «поду» жители не бросаютъ солому, а привозятъ домой. Зимой она идетъ частью на кормъ скоту, частью ею покрываютъ сарай; льняная солома идетъ исключительно на крышу сараевъ.

Топтанка хлѣбныхъ злаковъ состоитъ въ слѣдующемъ: рядомъ съ «адонями» расчищаютъ землю мотыгами, поливаютъ ее водой, а затѣмъ, покрывъ соломою или бурьяномъ, начинаютъ утаптывать землю въ нѣсколько телѣгъ съ кладью; земля подъ соломою отъ тяжести телѣгъ выравнивается, твердѣетъ и послѣ нѣсколькихъ дней «тогъ» готовъ: чѣмъ тверже онъ, тѣмъ лучше. Крѣпко убитому «току» даютъ просохнуть, а затѣмъ на него настилаютъ развязанные снопы. За одинъ разъ настилаютъ 4 копны, т. е. 208 сноповъ (копна=52 снопамъ). Весь «тогъ» имѣетъ форму окружности, діаметръ которой=10 саж. Снопами застилается почти весь «тогъ»; непокрытою остается только средняя часть тока вкругъ центра.

Топтанку производятъ здѣсь или лошадьми или волами. Нѣсколько паръ послѣднихъ запрягаются въ телѣгу, нагруженную снопами, и вводятся на «тогъ»; мальчигъ или дѣвочка, сидя на телѣгѣ, погоняетъ быковъ, и утомительное,

однообразное круженіе по «току» продолжается во все время, пока солома не освободится отъ зерна. Окончательно же зерно отдѣляется отъ соломы послѣ двухъ-трехъ перевертываній послѣдней вилами. Вся эта процедура топтанія и переворачиванія одной «соломы» (т. е. настилки) продолжается отъ 3-хъ до 5-ти часовъ. По окончаніи ея солома складывается въ скирды, а зерно провѣвается и перевозится домой въ амбары.

Провѣваніе хлѣба совершается руками посредствомъ подбрасыванія зеренъ лопатой на воздухъ. Въ послѣднее время вошли въ моду вѣялки, а вмѣсто топтанія—молотилки, которыя значительно облегчаютъ трудъ жителей въ полѣ. Несмотря на это, однако, многіе не успѣваютъ за лѣто обмолотить весь свой хлѣбъ, и онъ такъ и остается въ «адоняхъ» на всю зиму («зимовать»).

Такимъ образомъ, все лѣто наурцы проводятъ въ полѣ, въ трудахъ и хлопотахъ о засѣянномъ добрѣ. Домой пріѣзжаютъ только по праздникамъ, чтобы помолиться Богу въ церкви и отдохнуть отъ тяжелыхъ трудовъ. За столомъ казака по праздникамъ бываетъ обиліе пици: щи съ бараниной, пироги, жаркое, жареный гусь, утка, каша, молоко; а за десертомъ арбузы, дыни, виноградъ. При наступленіи поры обѣда вся семья, вымывъ руки и помолившись Богу, усаживается за столъ. Одна изъ женщинъ вытаскиваетъ изъ печи «чугуны» (чугунные горшки) со щами и кашей, сковороды съ жаркимъ, разливаетъ въ тарелки или просто въ одну общую чашку щи и подаетъ на столъ. Изъ сидящихъ за столомъ одни рѣжутъ на «ломти» хлѣбъ, другіе рѣжутъ на куски мясо, третьи показываютъ дѣтямъ, какъ брать ложку или ножъ въ правую руку, а хлѣбъ или вилку—въ лѣвую. Жидкая пища хлебается деревянными ложками; мясо, картофель и другіе виды нежидкой пици берутся прямо руками, рѣдко вилами; ножъ бываетъ часто общій.

Хлѣбъ всегда ржаной или ячменный. Пшеничный употребляютъ или зажиточные, или тѣ, которые сѣютъ пшеницу въ «дали», или, наконецъ, тѣ, которые заработали («выжали») ее «за рѣкой», т. е. за Тереконъ, на Сунжѣ.

По окончаніи обѣда всѣ дружно выходятъ изъ-за стола и, помолившись Богу, расходятся, кто куда хочетъ. Одни предаются послѣобѣденному сну, другіе выходятъ на улицу и примыкаютъ къ подходящей компаніи для общаго препровожденія времени. Здѣсь толкуютъ объ урожаѣ (сколько мѣръ дала копна), погодѣ и общественныхъ дѣлахъ. Многіе составляютъ себѣ компанію за бутылкою вина дома или въ духанѣ, но послѣднихъ мало. Горькихъ пьяницъ, безцѣльно проводящихъ время за бутылкою вина и отвыкшихъ отъ труда, въ Наурѣ почти нѣтъ. Правда, иногда какой-либо казакъ вдругъ запьеть, но черезъ недѣлю, взявшись случайно за работу, перестаетъ пить, работаетъ и отлично ведетъ свое хозяйство. Наурцы, вообще, пренебрегаютъ кабакомъ: если кому понадобится водка, то ее, купивъ въ духанѣ, распиваютъ дома; въ самомъ же духанѣ остаются лишь горькіе пьяницы. Что же касается казацкихъ «чихиренъ», то онѣ служатъ по праздникамъ какъ бы сборнымъ мѣстомъ для свободнаго времяпрепровожденія казаковъ.

Молодые парни въ послѣобѣденное время устриваютъ съ дѣвушками игры, прогуливаются по берегамъ Терека или танцуютъ гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ лезгинку.

Вечеромъ снова идутъ приготовленія: одни завтра ѣдутъ покончить съ молотью, другіе собираются уже «волочить» (боронить, бороновать), такъ какъ наступилъ сентябрь мѣсяць. Жаркое лѣто прошло. Для земледѣльца оно было полно трудовъ и заботъ о засѣянномъ полѣ. Что же оно было для мѣстной интеллигенціи, для люда, состоящаго на должности, и для учащейся молодежи? А на лѣтнія канікулы такихъ людей наѣзжаетъ въ Науръ много: одни пріѣхали отдохнуть

отъ тяжелыхъ трудовъ, а другіе—повидаться съ родными. Но, вѣдь, впереди цѣлое лѣто: куда приклонить голову, гдѣ провести вечеръ, гдѣ развлечься? Всюду пусто и мертво. Что дѣлать?.. Остается глотать пылъ по вечерамъ на церковной площади, которая служитъ здѣсь единственнымъ мѣстомъ для вечерней прогулки. Чтобы убить время, многіе увлекаются рыбною ловлей или охотою; но есть, конечно, и такіе, которые, чтобы развѣять скуку, прибѣгаютъ по временамъ къ попойкамъ. Чѣмъ же отвлечь ихъ отъ столь губельной привычки, чѣмъ занять изнывающую отъ скуки интеллигенцію? И вотъ, свѣтлая полоса появилась и въ станичной жизни. Въ послѣднее время все чаще стали говорить о кружкѣ любителей драматическаго искусства. Наконецъ, этотъ кружокъ образовался, и всѣ жители станицы съ нетерпѣніемъ ждали перваго спектакля. Весь Науръ ожилъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ же не радоваться наурцамъ: настоящая ихъ потребность удовлетворена. Устраиваніе спектаклей явилось въ станицѣ новинкою и новинкою весьма симпатичною, потому что она приноситъ жителямъ большую пользу. Это замѣтно на примѣрахъ: въ станицѣ нерѣдко приходилось видѣть на улицѣ безчинства пьяныхъ людей; въ вечера же, въ которые давались спектакли, такихъ безчинствъ не было и не могло быть, потому что многіе изъ пьяницъ, заинтересовавшись представленіемъ, купили билетъ, и деньги ихъ пошли въ пользу ихъ же школы. (Спектакли давались въ пользу училища и бесплатно для народа). Казаки, видя на сценѣ изображеніе плохихъ и хорошихъ сторонъ жизни, своихъ слабостей, удачъ и неудачъ, сами научаются жить, отрѣшаются отъ дурныхъ привычекъ и пріобрѣтаютъ лучшія. Вообще говоря, нельзя не отнестись сочувственно къ такой симпатичной затѣѣ и нельзя не пожелать устройства такихъ же спектаклей въ другихъ станицахъ.

Но возвращаюсь къ образу жизни нашихъ казаковъ-

земледѣльцевъ. Настала осень—время «волочбы». Въ описываемой мѣстности одно поле, будучи разъ вспахано, даетъ сборъ хлѣбовъ два лѣта: въ первое лѣто собираютъ овесъ, просо, ленъ, бобовыя, а также арбузы; въ другое лѣто на этихъ же десятинахъ жнутъ рожь и косятъ ячмень. Въ прежніе урожайные года однимъ полемъ пользовались три года: въ третье лѣто собирали «падалъ», т. е. выросшую саму по себѣ рожь, которая бывала довольно густою. Теперь «падалъ» предназначается только для сѣна, для покоса. Поэтому всѣ десятины, съ которыхъ собрали въ это лѣто озимые хлѣба, уже отслужили свою службу; «волочбѣ» же подвергаются десятины, съ которыхъ собрали яровые хлѣба. Онѣ не вспахиваются снова, а прямо боронуются въ 4—5 боронъ (за боронами терновый «кустъ» заволакиваетъ неровности) и засѣваются рожью и ячменемъ, а въ «бурунахъ» только рожью. Въ этомъ и состоитъ «волочба». Располагающіе временемъ не боронуютъ прямо своихъ заговновъ, а предварительно вспахиваютъ ихъ («переворачиваютъ»), а потомъ уже засѣваютъ озимью; другіе распахиваютъ новыя десятины на «цѣлипѣ» (невспаханное мѣсто) и тоже засѣваютъ озимыми хлѣбами. Это называется паромъ. Озимые хлѣба «подъ паромъ» бывають лучше тѣхъ, которые засѣяны лишь на боронованной или перевернутой землѣ. «Волочба» и паханіе паровъ продолжается весь сентябрь и захватываетъ часть октября.

8 сентября въ станицѣ начинается ярмарка. Молотѣба у вѣкоторыхъ покойчилась, и жители вывозятъ сельскохозяйственные продукты на ярмарку; здѣсь продается овесъ, просо, арбузы, пшеница, ячмень, рогатый скотъ, лошади, овцы и т. п. На трудовую копейку жители покупаютъ на ярмаркѣ одежду, обувь, сельскохозяйственные орудія, домашнюю утварь, посуду и всякую мелочь по дешевой цѣнѣ.

Ярмарка въ станицѣ бываетъ ежегодно; длится она отъ

8 по 20 сентября. Торговля производится мануфактурными товарами, галантерейными, кожевенными, хлѣбомъ, скотомъ, сельскохозяйственными продуктами и издѣліями, привозимыми изъ окрестныхъ станицъ. Лавки, разнаго рода магазины, харчевни строятся изъ досокъ еще задолго до наступленія ярмарки. Располагаются они на ровномъ мѣстѣ за станцею, въ восточной отъ нея сторонѣ; 8 сентября ярмарка окончательно вступаетъ въ свои права: она освящается, и въ ней водворяется правильная торговля. Изъ разныхъ мѣстъ наѣзжаютъ сюда купцы; здѣсь можно встрѣтить и грозненскихъ и моздокскихъ купцовъ съ товарами; наѣзжаютъ сюда и евреи, калмыки, ногайцы со стадами рогатаго скота, лошадей и овецъ; на улицахъ ярмарки толпятся казаки изъ разныхъ надтеречныхъ станицъ и Сунжи, чеченцы, ингуши, осетины, кабардинцы, грузины, армяне и разные тавлинцы. Вообще, всѣ торговые ряды кишатъ людьми разныхъ національностей и исповѣданій. Наурцы въ это время бываютъ свободны отъ полевыхъ работъ и тоже вывозятъ на ярмарку все, что можно продать. Мѣстные торговцы вывозятъ свой товаръ: чувяки, черкески, папахи, металлическія издѣлія, красивый товаръ и галантерейный. Ярмарка служитъ и мѣстомъ различныхъ увеселеній для молодежи.

Въ настоящее время наурская ярмарка отживаетъ свой вѣкъ, и торговля на ней производится лишь ради формы. Торговцы и разнаго рода городскія и станичныя фирмы, которыя перестали пріѣзжать со своими товарами на здѣшнюю ярмарку, ничуть не сожалѣютъ объ этомъ, такъ какъ торгуютъ у себя на мѣстѣ не хуже, чѣмъ на ярмаркѣ. Большого значенія для Наура и ея торговой дѣятельности ярмарка тоже не имѣетъ. Для наурцевъ одинъ источникъ благосостоянія — урожай хлѣбовъ, да и этотъ обладаетъ здѣсь особенными свойствами, крайне неутѣшительными для жителей. Одинаково невыгодны въ Наурѣ какъ недородъ, такъ и обильный

урожай; въ послѣднемъ случаѣ на долю казака-землепашца придется немного: обильный урожай создаетъ высокія цѣны на рабочія руки и рабочей скоть, а на ярмаркѣ низкія цѣны на хлѣбъ; недородъ же хотя и вызываетъ высокія цѣны на зерновые продукты, но вслѣдствіе ихъ небольшого количества, выручка становится незначительной, ничтожной. Казачье хозяйство болѣе удовлетворяется средними урожаями, если цѣны на сельскохозяйственные продукты остаются выше среднихъ. Теперь же, когда о среднихъ урожаяхъ не можетъ быть и помину, когда описываемую мѣстность посѣщаютъ хроническіе недороды, сельское хозяйство наурцевъ съ каждымъ годомъ приходитъ въ упадокъ. Ярмарка же ничуть не способствуетъ обогащенію жителей, и наступленіе ея наурцы встрѣчаютъ равнодушно; наступленіе ея для нихъ даже нежелательно, такъ какъ вызываетъ только излишнее безпокойство за безопасность скота: послѣдній сплошь да рядомъ дѣлается жертвою похитителей.

Но возвратимся къ образу жизни мужчинъ. Послѣ ярмарки нѣкоторые продолжаютъ боронованіе и молотьбу хлѣба, другіе работаютъ дома надъ винограднымъ садомъ. Къ ярмаркѣ весь виноградъ срѣзается, и изъ него готовится вино. Въ началѣ ноября начинается подрѣзка виноградныхъ лозъ. Вслѣдъ за подрѣзкою винограда всѣ «таркалы» вынимаются изъ земли и складываются до будущей весны на свободномъ мѣстѣ, а лозы зарываются въ землю. Поступаютъ такъ: весь виноградный кустъ пригибается и посредствомъ деревянной или желѣзной рогатки прищипливается къ землѣ; послѣ этого мотыгой или заступомъ («казгыремъ») земля сбоку наваливается на кустъ; земля насыпается столько, чтобы кустъ, будучи освобожденъ отъ рогатки, не поднялся отъ земли. Подъ покровомъ земли лозы остаются всю зиму.

Домохозяева, которые не имѣютъ сада, везутъ на мельницу (паровую или водяную) рожь, пшеницу, просо (для

блиновъ или пшева), чтобы смолоть на зиму муки. Излишекъ муки продается мѣстнымъ торговцамъ въ городѣ или на мѣстной ярмаркѣ; въ закромѣ же оставляется лишь столько, чтобы ея хватило до лѣта. Такимъ образомъ, осень проводится жителями въ работахъ болѣе или менѣе легкихъ, главнымъ образомъ, въ заготовленіи всего необходимаго на зиму, какъ варка меда, молотьба хлѣба и уборка сада; кромѣ того, жители запасаются и топливомъ: приготавливаютъ вязяки и возятъ изъ лѣса или изъ сада дрова.

Въ концѣ ноября наурцы берутъ обратно свой скотъ изъ «кутановъ», уже откормленный, сытый. Въ началѣ зимы все сѣно, накошенное казакомъ весною и лѣтомъ, а также и солома хлѣбныхъ злаковъ перевозятся домой въ сѣнники. Здѣсь она складывается въ скирды и ею кормятъ зимую скотъ. Скотный базъ съ яслями и сараями находится тутъ же около сѣнника, соединяясь съ нимъ посредствомъ дверей. Весь скотъ содержится на «заднемъ базѣ» (скотный) или за станицею на «базкахъ». Такъ называются отдѣльные скотные дворы, въ которыхъ содержится скотъ только днемъ. Отъ времени до времени хозяинъ ходитъ на «базогъ» и, наложивъ рогатому скоту соломы, а лошадямъ сѣна и «сѣчки», снова возвращается домой. Въ половинѣ дня скотъ выгоняется на водопой къ ближайшему колодцу или къ Тереку, на ночь же скотъ перегоивается съ «базковъ» домой на ночовку; утромъ онъ снова идетъ кормиться въ «базки». Такимъ образомъ, зимою наурцы проводятъ время дома, работая по домашнему обиходу: ухаживая за скотомъ, обновляя сараи и дѣлая мелкія починки. Многие занимаются пзвозомъ, доставляютъ изъ городовъ товары, а въ города возятъ хлѣбъ, лѣсъ, или гонятъ скотъ на убой. Не заработавшіе себѣ хлѣба лѣтомъ идутъ зимою работать на нефтяные промыслы въ г. Грозный. Во время недородовъ масса мужчинъ находятъ себѣ пропитаніе и заработокъ на названныхъ промыслахъ.

Большая же часть казаковъ проводить зиму безъ всякаго дѣла: все время сидятъ дома, спать, ѣдятъ блины. Тяжелый лѣтній трудъ смѣняется зимнею спячкой и полнымъ бездѣйствіемъ. Нѣкоторые для разнообразія принимаются зимою за рыболовство и охоту; другіе, чтобы развѣять скуку, предаются спиртнымъ напиткамъ, особенно на святкахъ; отсюда драки, буйства и «гинжаловщина». Винная монополія въ зимнее время болѣе, чѣмъ когда-либо выручаетъ свои доходы. Мѣстная интеллигенція, чтобы отвлечь казаковъ отъ пьянства и занять ихъ чѣмъ-нибудь, устраиваетъ по временамъ дешевые или бесплатные спектакли, а учителя устраиваютъ въ школѣ чтенія и вечернія бесѣды.

Но вотъ приближается весна; мужчины стряхиваютъ съ себя зимнюю спячку. Съ первымъ проблескомъ весны отдаютъ казаки свой «гулевой» скотъ въ «гутаны» на содержаніе пастухамъ, сами же готовятся къ пахотѣ. Рабочій скотъ щедро кормится, и заготавливаются принадлежности пахоты. Потекла опять трудовая жизнь своимъ чередомъ.

Образъ жизни женщинъ мало чѣмъ отличается отъ жизни мужчинъ. Женщина составляетъ здѣсь не только лучшее украшеніе семейной жизни казака, но и главную экономическую силу его хозяйства. Характерныя черты натурской казачки слѣдующія: она смѣла, граціозна, словоохотлива и остроумна; но главное достоинство мѣстной женщины есть предприимчивость и трудолюбіе. На долю ея выпали обязанности гораздо болѣе трудныя и отвѣтственные, чѣмъ на долю мужчины. Домашнее хозяйство лежитъ на попеченіи женщины, все дѣлается ея руками и управляется ея бдительнымъ окомъ и неутомимостью. Кромѣ своихъ непреложныхъ обязанностей, она раздѣляетъ и трудъ мужчины. Съ приближеніемъ весны женщины заготавливаютъ медъ, сухари, сушеную рыбу и вообще все необходимое на пашнѣ. Молодыя женщины и подростки ѣдутъ въ поле, самая же

хозяйка остается долга; она готовитъ пашущимъ съѣстные припасы, сѣмена и при случаѣ отправляетъ ихъ съ «попутчикомъ» къ своимъ. За отсутствіемъ мужчинъ она ухаживаетъ за оставшимся дома скотомъ: ежедневно выгоняетъ за станицу коровъ, телятъ, овецъ, а лошадей отдаетъ въ косякъ; вечеромъ же скотъ пригоняется домой, гдѣ онъ опять на попеченіи хозяйки; изъ колодца она носитъ воду, чтобы пришедшій съ пастбы скотъ напился; потомъ она доить коровъ.

Во всемъ домѣ женщина неусыпно поддерживаетъ чистоту и опрятность. Съ весной она сама ремонтируетъ курень и сажлю какъ изнутри, такъ и снаружи. Комнаты она обклеиваетъ обоями или разрисовываетъ красками; снаружи она бѣлитъ стѣны известкой, а «верхъ» (крышу) смазываетъ желтой глиной. Весною же на обязанности женщины лежитъ уборка сада; при помощи нѣсколькихъ наемныхъ людей она «отрываетъ» садъ, т. е. освобождаетъ лозы отъ земли, подъ которою онѣ лежали всю зиму. «Отрывъ» лозы, она разравниваетъ между рядами винограда землю и ставитъ таргалы, вбивая ихъ возлѣ каждаго куста. Послѣ уже идетъ подвязка лозъ къ таргаламъ толстыми нитками или мочалкой. Этимъ работа въ саду не кончается: отъ времени до времени хозяйка поливаетъ садъ, очищаетъ его отъ травы, которая появляется между рядами.

Огородъ требуетъ еще большей напряженности вниманія и терпѣнія отъ казачки. Съ весной она заготавливаетъ разсаду, сѣя сѣмена капусты на особыхъ питомникахъ-разсадникахъ. Когда капуста взойдетъ и окрѣхнетъ, ее высаживаютъ по «лункамъ», которыя располагаются на полъ-аршина другъ отъ друга рядами. Въ особомъ углу огорода отводится мѣсто для грядъ, которыя засѣваются лукомъ, петрушкой, рѣдькой, свеклой и др. овощами. Въ другомъ углу «садка» (такъ называютъ наурцы огородъ) находится колодець, изъ котораго

достають воду для поливки лунокъ и грядъ. Всѣ огородныя работы и уходъ за посадками лежатъ исключительно на отвѣтственности женщины; каждодневно она ходитъ въ «садокъ», поливаетъ рассаду и очищаетъ дорожки и грядки отъ сорной травы; мужчина въ эти дѣла не вмѣшивается.

Дома казачка приготовляетъ для семьи пищу, чиститъ посуду, моетъ полы, шьетъ одежду и стираетъ бѣлье. По временамъ она ѣздитъ на пашню, привозитъ туда запасы пищи, а дѣтямъ, молодымъ помощникамъ, подарки; здѣсь она приводитъ въ порядокъ разбросанный «кошъ», штопаетъ и починяетъ чулки и рубахи людей, а затѣмъ принимаетъ участіе въ посѣвѣ арбузовъ, дынь, кукурузы и уѣзжаетъ домой.

Лѣтомъ казачка продолжаетъ трудиться надъ огородомъ, а также и винограднымъ садомъ. Въ огородѣ она поливаетъ грядки, а въ саду полетъ и мотыжить землю. Но и покосъ, жатва, молотба и прочія полевая работы не обходятся безъ участія женщины. Вообще она успѣваетъ и въ полѣ и дома. Косою казачка владѣетъ не хуже своего мужа, а просо и овесъ сжинаются почти исключительно женщинами въ то время, когда мужчины работаютъ въ «бурунахъ».

Осенью каждая домовитая хозяйка собираетъ арбузы и варитъ медъ. Приготовленіе арбузнаго меда состоитъ въ слѣдующемъ: гдѣ-нибудь за станицею (предосторожность отъ пожара) вырываются въ землѣ горны, приспособленные къ большимъ котламъ. Посредствомъ деревянныхъ ложекъ вся внутренность арбузовъ—«мякоть» вмѣстѣ съ сѣмечками вынимается. Эту «мякоть» наполняютъ котлы, и подъ ними зажигаютъ дрова. Дровами служитъ ботва конопли, горчицы и «донникъ»—высокое древовидное растеніе съ желтыми мелкими цвѣтами, растущее въ большомъ количествѣ въ полѣ. Донникъ, а также чертополохъ и чернобыльникъ жители во-

замѣ взять въ станицу и пользуются какъ дровами при варкѣ меда.

Огонь поддерживается подъ котлами во все время варки меда, а для этого понадобится не мѣнѣе 8 часовъ. Послѣ перваго кипяченія арбузнаго сока съ «мясомъ» (съ мякотью), послѣднее вываливаютъ на рѣшето или въ «сапетку», поставленную надъ кадушкой. Весь сокъ сливается въ кадушку, а разваренное совсѣмъ арбузное мясо остается въ рѣшетѣ; его выжимаютъ и выбрасываютъ, какъ ненужный матеріалъ, гусямъ и свиньямъ, осаждающимъ со всѣхъ сторонъ мѣсто варки меда. Сѣмена, которыя остались при кипяченіи на днѣ котла, высыпаются на парусъ; они просушиваются и зимой употребляются въ пищу подъ названіемъ «медовыхъ сѣмячекъ».

Котелъ снова наполняютъ «мякотью» и кипятятъ, сокъ отдѣляютъ въ кадушки, а сѣмена на парусъ; такой порядокъ продолжается до тѣхъ поръ, пока не наберется достаточное количество арбузнаго сока и не выйдутъ всѣ предназначенные для приготовленія меда арбузы. Приготовленный чистый арбузный сокъ снова валиваютъ въ котлы и кипятятъ. По мѣрѣ уменьшенія въ котлѣ сока, его доливаютъ раза три или четыре. Послѣ послѣдней доливки сокъ кипятятъ уже непрерывно до тѣхъ поръ, пока не сварится медъ. Процессъ варки меда происходитъ такъ: сокъ въ котлѣ отъ кипяченія постепенно уменьшается, становится съ каждымъ часомъ гуще и гуще, и, наконецъ, когда получится въ котлѣ сиропообразная масса, медъ готовъ. Охлаждаясь, онъ становится еще гуще и постепенно принимаетъ черный цвѣтъ, напоминая собою нефть (въ началѣ медъ имѣетъ темно-красный, или коричневый цвѣтъ). Медъ сливается въ горшки, кувшины («корчаги», «хабары») и хранится всю зиму и весну гдѣ-нибудь въ холодномъ мѣстѣ, напр., въ амбарѣ или въ «ледникѣ» (яма со льдомъ). Зимой съ блинами и весною во вре-

мя пахоты медь составляет превосходную и самую распространенную пищу казаковъ.

Кромѣ варки меда, здѣшняя женщина убираетъ еще виноградный садъ. Уборка сада осенью состоитъ въ обрѣзкѣ лозъ, удаленіи таркаль и зарываніи лозъ въ землю. Сборъ винограда производится въ первыхъ числахъ сентября; изъ него женщины «давятъ» руками «чихирь». Способъ приготовления вина, а также и обрѣзка сада будутъ описаны мною ниже.

Осенью же мѣстные женщины собираютъ по бахчамъ огурцы, молодые арбузы, появившіеся снова послѣ сбора, а въ огородахъ—помидоры и капусту. Огурцы, арбузы и помидоры маринуются или солятся въ цѣломъ видѣ, капуста же предварительно мелко раскрошивается и въ такомъ видѣ солится въ большихъ кадлушкахъ. Въ лѣсу казачки собираютъ фрукты, разные ягоды и все это мочатъ, сушатъ и маринуютъ. Вообще, осенью здѣшняя женщина занята приготовленіемъ всего необходимаго на зиму.

Зимой казачка ухаживаетъ за скотомъ, рубитъ лошадямъ «сѣчку», приготовляетъ обѣдъ, рубитъ дрова для топки, обмываетъ и обшиваетъ всѣхъ и слѣдитъ за чистотою жилыхъ помѣщеній и двора: навозъ она складываетъ въ кучку, а мусоръ вывозитъ за станицу. За обѣдомъ она является распорядительницею. Главная же ея работа зимою есть вязанье изъ шерсти чулковъ и «шитво». Она обходится безъ портного: сама шьетъ и бешметъ, и черкеску, и рубаху, и башлыкъ. По вечерамъ она работаетъ при лампѣ и засиживается до поздней ночи. На постель она ложится послѣднею, а встаетъ съ нею первою. Дѣти всецѣло находятся подъ надзоромъ матери семейства, на ея попеченіи: она обмываетъ и обшиваетъ ихъ и занимается ихъ воспитаніемъ, по праздникамъ же ходитъ съ ними въ церковь. Вообще, нужно сказать, что мѣстная женщина не выходитъ изъ желѣзнаго

круга тяжелаго и не вполне вознаграждаемаго труда круглый годъ. Несмотря на это, она всегда опрятна, нарядна, чисто-плотва. Слѣдуетъ замѣтить, что и тяжелая трудовая жизнь не ложится на здѣшнюю женщину гнетомъ, подавляющимъ духъ; напротивъ она всегда весела, разговорчива, добра; пѣсни ея, веселый говоръ и жизнерадостное настроеніе отгоняютъ на задній планъ печаль и всякія невзгоды жизни. Жива, здорова мать семейства—всѣ будутъ довольны. Въ домѣ она рычагъ, проявленія силы котораго видны повсюду: и въ полѣ, и дома, и на огородѣ.

Гордость и достоинство присущи характеру здѣшней женщины. Невзгоды жизни, которыя переносили съ давнихъ поръ казачки, закалили въ ней самоувѣренность. Прежнюю боевую славу казака вполне раздѣляли и казачки. Наравнѣ съ мужьями онѣ участвовали въ схваткахъ съ чеченцами и въ подобныхъ случаяхъ были отважны, смѣлы и умѣли постоять за себя. Конь казака въ его отсутствіе всецѣло находился на попеченіи жены, и она его поила, кормила, чистила и сѣдлала. Провожая мужа въ походъ, она пѣла ему пѣсни, въ которыхъ напоминала о храбрости отцовъ, напоминала о прошломъ, о своей къ мужу любви и привязанности; она радовалась, видя своего джигита-мужа на лихомъ конѣ. Неудивительно поэтому, что казачка издавна закалала въ себѣ волю, выработала твердый характеръ, самообладаніе, достоинство и гордость.

Попрошайничество не только среди мужчинъ, но и среди женщинъ считается унижительнымъ: скорѣе казачка умретъ голодною смертью, нежели пойдетъ нищенствовать. Сами казачки, тѣмъ не менѣе, не отказываютъ нищимъ, которые приходятъ сюда, главнымъ образомъ, изъ Европейской Россіи. Но всякой подачкѣ предпочитаютъ другія мѣры, напр., предоставленіе работы нищему, который способенъ трудиться. Имѣя какой-нибудь заработокъ, онъ бросаетъ нищенство.

Неспособные же къ физическому труду получаютъ подаваніе отъ жителей сырыми продуктами: мукой, зерномъ или ломтемъ хлѣба, рѣдко деньгами.

Супружеская вѣрность, въ большинствѣ случаевъ, безукоризненна среди наурскихъ казачекъ. Конечно, бываютъ семьи не безъ уroda, но обобщать подобные факты и основывать на нихъ дурные отзывы о казачкѣ было бы грѣшно. Большая часть обобщеній на этотъ счетъ объясняется живымъ правомъ казачки, ея горячимъ темпераментомъ. Проступки противъ супружеской вѣрности караются презрѣніемъ со стороны жителей. Женщина-измѣнница или павшая женщина не находитъ себѣ друзей—ее гонять, преслѣдуютъ: горе ей, если она попалась въ руки парней среди ночи. Ворота и стѣны подобныхъ женщинъ обливаются нефтью. Молодой дѣвушки угрожаетъ изгнаніе изъ семьи, если она позволить себѣ осквернить родительскій домъ.

Образъ жизни дѣтей не отличается отъ взрослыхъ. Съ раннихъ лѣтъ дѣти помогаютъ родителямъ въ домашнихъ и полевыхъ работахъ. Шести-семилѣтнія дѣти уже привлекаются къ исполненію разныхъ работъ. На практикѣ они изучаютъ пахоту, покосъ и примѣненіе тѣхъ или иныхъ сельскохозяйственныхъ орудій. Въ возрастѣ 9—10 лѣтъ дѣти казаковъ уже настоящіе помощники отца и матери: они умѣютъ косить, жать, «громадить», мотыжить бахчу и быть на пашнѣ погонычемъ. Однимъ словомъ, дѣти казаковъ очень рано приучаются къ физическому труду, къ перенесенію п голода и холода; рано привыкаютъ они къ терпѣнію и настойчивости въ преодоленіи невзгодъ жизни и несенію того непомернаго труда, который требуется для того, чтобы доставать себѣ кусокъ хлѣба.

Строгого распределенія работъ между мужчинами, женщинами и дѣтьми здѣсь нѣтъ. Всѣ участвуютъ въ исполненіи той или другой работы, только «шитво», варка пици,

стирка бѣлья и нѣкоторыя другія домашнія работы составляютъ неотъемлемую принадлежность женщины; трудно, напр., встрѣтить между жителями Наура мужчину, который былъ бы поваромъ или шилъ бы на семью.

XI.

Занятія жителей. Земледѣліе. Скотоводство. Садоводство. Огородничество. Пчеловодство. Рыболовство. Охота. Торговля и промышленность.

Населеніе станицы Наурской, главнымъ образомъ, занята земледѣліемъ, которое составляетъ здѣсь основу народнаго благосостоянія. Какъ подспорье къ хлѣбопашеству, существуютъ скотоводство, садоводство, огородничество, рыбная ловля, охота и др. занятія; торговля и ремесла тоже не чужды мѣстному населенію. Полнаго раздѣленія труда, какъ я уже высказалъ, не замѣчается среди наурцевъ; верѣдко одно и то же лицо занимается и земледѣліемъ, и ремеслами, и промыслами. Земледѣлецъ, торговецъ, служащій чиновникъ, ремесленникъ—въ то же время владѣлецъ садовъ или арендаторъ имѣній; сегодня казакъ плотникъ, завтра кузнецъ или охотникъ; онъ бываетъ тѣмъ или другимъ, когда нужда заставитъ.

Въ ряду отраслей земледѣлія первое мѣсто принадлежитъ хлѣбопашеству, а главнѣйшимъ распространеннымъ здѣсь хлѣбнымъ растеніемъ является рожь; за нею слѣдуютъ просо, овесъ, ячмень; затѣмъ уже идетъ кукуруза. Въ районахъ, находящихся по ту сторону (правую) Терека, разводятся, главнымъ образомъ, пшеница и кукуруза. Картофель, какъ пищевой продуктъ, вывозится изъ-подъ Владикавказа; въ станицѣ же онъ разводится въ самомъ незначительномъ количествѣ, хотя почва для его культуры вполне благоприятствуетъ. Табаководство въ Наурѣ промышленнаго значенія не имѣетъ и служитъ лишь для домашняго обихода; поэтому культурой табака жители не занимаются.

Весь сборъ хлѣба идетъ почти исключительно на удовлетвореніе мѣстныхъ продовольственныхъ нуждъ; на-сторону сбывается лишь незначительное его количество; да и всѣ другія производства даютъ продукты, нужные лишь для мѣстной жизни; вывозъ ихъ изъ станицы пока еще мало развитъ.

Сезонъ пахоты—весна; осенью пахутъ мало. Время посева яровыхъ хлѣбовъ—последнія числа марта, озимыхъ—сентябрь и октябрь. Такъ какъ земля представляетъ общинную собственность станицы, то предварительно, до обработки полей, въ концѣ зимы наурцы собираются на общественный «сходъ» и міромъ рѣшаютъ вопросы: сколько земли нужно вспахать подъ яровые хлѣба, подъ «парь» и въ какой сторонѣ отъ станицы. Рѣшивъ эти вопросы, всѣ идутъ въ поле, и здѣсь каждому отмѣряется по числу душъ земля и указывается мѣсто. Паханіе производится при помощи плуга, о сохѣ жители не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Въ настоящее время здѣсь распространены «железные» плуги, «деревянные» же совершенно вышли изъ употребленія. Железные плуги двухъ родовъ: «однолемешные» и «двухлемешные». Первые проводятъ одну борозду, и въ нихъ впрягаютъ двѣ или три пары воловъ; вторые проводятъ за разъ двѣ борозды; въ нихъ впрягаютъ 5, 6 и даже 7 паръ воловъ или лошадей.

Посѣвы хлѣбныхъ растеній бываютъ и поздніе. Тѣ десятины, которыя вспаханы и засеяны до Пасхи считаются ранними, послѣ Пасхи—поздними. Ранніе посѣвы даютъ лучшіе результаты, нежели поздніе; поэтому ранняя весна до самой Пасхи есть періодъ кипучей дѣятельности всего здѣшняго населенія; каждый старается какъ можно раньше вспахать и засеять свое поле. Озимые хлѣба засеваются осенью, по выраженію наурцевъ, «на милость Божию»; вешняя же пашня подъ посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ должна быть произве-

дена раннею весною: «на Бога надѣйся, а самъ не плошай»; чѣмъ раньше посѣешь, тѣмъ больше выиграешь: опоздаешь — лѣтніе жары сожгутъ твои «зеленя». Дѣйствительно, позднее просо или овесъ, еще не окрѣвшіе и мало противудѣйствующіе солнечнымъ лучамъ, часто погибаютъ; надежды на посѣвы бываютъ всегда сомнительныя. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что прошедшій послѣ жгучей жары дождь совершенно иногда воскрешаетъ нѣкоторыя погибшія уже почти хлѣбныя растенія, напр. просо, кукурузу и отчасти овесъ. Сердце землящца радуется при видѣ развернувшейся послѣ дождя картины: просо его, почти совсѣмъ высушенное солнцемъ, вдругъ зазеленѣетъ, въ каждомъ засохшемъ листкѣ становится замѣтнымъ новое присутствіе жизни. Вотъ просо развернуло свою кисть и поспѣло— послѣдній дождь спасъ его отъ погібели. То же случается и съ овсомъ, хотя рѣже, чѣмъ съ просомъ: послѣднее обладаетъ удивительною жизненностью.

Изъ полученныхъ данныхъ о произрастаніи хлѣбовъ и травъ въ 1901 году усматриваемъ слѣдующее: подъ озимыми хлѣбами находилось 4,040 десятинъ, подъ яровыми 2,700, подъ бахчами 750 дес. Площадь, занятая посѣвами, по роду хлѣбовъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: подъ рожью находилось 2,540 дес., подъ ячменемъ—1,500 дес., подъ пшеницею—около 500 дес., подъ просомъ—1,600 дес., подъ овсомъ—1,100 дес. Посѣяно было озимыхъ хлѣбовъ 2,235 чтв., а собрано 17,820 чтв.; яровыхъ хлѣбовъ посѣяно 916 чтв., собрано же 1,777 чтв. Сѣна въ 1901 году собрано только 10,000 копенъ, или 50,000 пудовъ.

Ежегодно замѣчается, что хлѣбопашество среди мѣстнаго населенія постепенно подаетъ, многіе даже совершенно бросаютъ это занятіе, а находятъ себѣ заработокъ на сторонѣ.

Въ занятіяхъ наурцевъ скотоводство занимаетъ видное мѣсто, но, говоря вообще, стоитъ на довольно низкой степени

развитія, являясь, преимущественно, подспорьемъ въ мѣстномъ сельскомъ хозяйствѣ, главнымъ образомъ, въ хлѣбопашествѣ. Условія, благопріятствующія разведенію скота, давно измѣнились къ худшему, и скотоводство среди наурцевъ утратило свое первенствующее значеніе. Рогатый скотъ въ Наурѣ, за весьма немногими исключеніями, мало-россійской породы. Хорошій рабочій быкъ стоитъ на мѣстѣ отъ 30 до 40 руб., корова 15—25 руб.

Коневодство въ станицѣ развито слабо. Въ достаточныхъ размѣрахъ коней разводятъ только хуторяне да ногайцы, арендующіе станичную землю. Сами наурцы держатъ лошадей лишь столько, сколько ихъ попадобится, для обработки поля; крупныхъ коневодовъ нѣтъ. «Строевыхъ» лошадей, пригодныхъ для отбыванія воинской повинности, наурцы покупаютъ у чеченцевъ, кабардинцевъ или же ногайцевъ. Хорошая строевая лошадь цѣнится здѣсь отъ 100 до 150 руб. Теперь наурцы, преслѣдуя экономическія цѣли, сами воспитываютъ строевыхъ лошадей, покупая у чеченца или кабардинца лишь жеребенка. Нерѣдко наурцы воспитываютъ приплодъ и отъ своихъ рабочихъ лошадей для «строя», потому что порода лошадей здѣсь далеко не мелкая, и выращенная въ станицѣ строевая лошадь отличается гораздо большею выносливостью, чѣмъ лошадь породы ногайской, привыкшей къ степямъ. Въ большинствѣ же случаевъ приплодъ отъ рабочихъ лошадей становится рабочимъ же.

Видное мѣсто среди отраслей скотоводства занимаетъ овцеводство. Послѣднее издавна составляетъ одну изъ доходныхъ статей наурцевъ, и ему отводится здѣсь почетное мѣсто. Шерсть овецъ идетъ на продажу и выдѣлку полстей, которыя играютъ немаловажную роль въ домашнемъ быту казака. Крупные овцеводы табунами пригоняютъ овецъ на ярмарку и все распродаютъ, но, несмотря на это, благодаря плодовитости овецъ, число ихъ не уменьшается. Конечно, въ

настоящее время, за недостаткомъ пастбищъ, многіе бросили и эту прибыльную отрасль скотоводства, но тѣ, которые продолжаютъ водить овецъ, получаютъ отъ нихъ большую пользу.

Овцы мѣстныя почти всѣ обыкновенной русской породы; меринсы разводятся только тавричанами и ногайцами. Казаки же не любятъ мериносовъ, во-первыхъ, потому, что они требуютъ болѣе тщательнаго ухода; во-вторыхъ, по убѣжденію наурцевъ, отъ экскрементовъ мериносовъ выводится масса «козявы», т. е. хлѣбныхъ жуковъ, уничтожающихъ колосья хлѣбныхъ злаковъ. Овцы русской породы дѣлятся на волоцкихъ и комолыхъ. Волоцкія овцы съ большими, спиралью закрученными, рогами имѣютъ длинный толстый хвостъ, густо покрытый шерстью; комолыя овцы имѣютъ тоже длинный хвостъ, но зато не имѣютъ роговъ, почему и получили свое названіе. Въ настоящее время наурцы стали приобрѣтать себѣ хорошихъ племенныхъ «качкаровъ» (барановъ), чтобы улучшить породу овецъ. «Качкаръ» имѣется въ каждомъ стадѣ.

Свиней наурцы не любятъ; овѣ и не имѣютъ большого спроса на мѣстномъ рынкѣ, потому разведеніемъ ихъ никто не занимается. Порода свиней обыкновенная, простая.

Въ послѣднее время, кромѣ различнаго рода болѣзней, разведенію скота препятствуетъ недостатокъ пастбищъ и отсутствіе, по временамъ, сѣнокосныхъ мѣстъ. Болѣе или менѣе успѣшно занимаются скотоводствомъ хуторяне, да и тѣ за послѣднее время стали заниматься имъ меньше.

По официальнымъ свѣдѣніямъ рогатаго скота въ Наурѣ въ 1901 году насчитывалось 4,921 головъ, лошадей 1598; мелкаго скота: овецъ тонкорунныхъ 1580, грубошерстныхъ 14,546. Продано скота въ 1901 году на 13,800 руб.

Не представляя удобствъ для орошенія полей, Терекъ приноситъ наурцамъ другую пользу: рѣка эта изобилуетъ

рыбою; быстрое ея теченіе приводитъ въ движеніе жернова мельницъ; но важнѣе всего то, что на ея берегахъ, гдѣ почва тому благопріятствуетъ, жители станицы разводятъ сады, огороды, рощи и виноградники. Садоводство въ описываемой мѣстности считается главнѣйшею отраслью сельскаго хозяйства послѣ скотоводства. Особенно продуктивно виноградарство, которое до появленія на виноградныхъ лозахъ филлоксеры, являлось весьма выгодною статьею и по своимъ размѣрамъ служило однимъ изъ главныхъ источниковъ благосостоянія станичнаго населенія. Теперь почти всѣ станичные виноградники подверглись лѣченію.

Сады здѣшніе можно раздѣлить на двѣ категоріи: къ первой относятся виноградные сады, ко второй—рощи и фруктовые сады. Впрочемъ, строго говоря, не найдется и одного виноградника, въ которомъ не было бы отведено уголка для нѣсколькихъ плодовыхъ деревьевъ и небольшой рощи. Чисто фруктовые сады не встрѣчаются здѣсь; но есть небольшіе фруктовые садики, которые составляютъ принадлежность почти каждаго двора.

Система разведенія садовъ, обработка и уходъ за ними отличаются своею примитивностью. При всемъ желаніи, при всей своей любви къ этому занятію, казаки, къ сожалѣнію, еще не умѣютъ посредствомъ усовершенствованной культуры улучшать качества произрастающихъ здѣсь плодовыхъ деревьевъ и винограда. Между тѣмъ, по климатическимъ условіямъ, станица представляетъ хорошее мѣсто для развитія садоводства; здѣсь могли бы произрастать многіе виды растений Кавказа; высокая температура лѣта даетъ возможность вырѣвовать винограду. Бѣда только въ томъ, что казаки плохіе садоводы, неспособные къ серіозному почину въ этомъ дѣлѣ. Если бы они, при помощи умныхъ и знающихъ людей, принялись серіозно за садоводство съ образцовою и раціональною культурой, то, безъ сомнѣнія, черезъ

нѣсколько лѣтъ здѣшнее садоводство приняло бы совершенно ной характеръ.

Вина, приготовляемыя наурцами изъ своихъ виноградниковъ, отличающаясь весьма слабымъ букетомъ и большимъ содержаниемъ кислоты, не обладаютъ особенно хорошими качествами, но, благодаря своей дешевизнѣ и натуральности, они, какъ столовый сортъ, пользуются спросомъ мѣстнаго населенія. Многолѣтній опытъ убѣждаетъ, что низкія качества здѣшняго вина зависятъ, не столько отъ способа винодѣлія или отъ почвы и климата, сколько отъ свойства мѣстныхъ лозъ. Мѣстными жителями было сдѣлано немало опытовъ приготовить вино изъ какого-нибудь отдѣльнаго сорта винограда, не смѣшивая его съ другимъ сортомъ; но полученное вино каждый разъ имѣло нѣсколько одуряющее свойство, происходящее, надо полагать, отъ присутствія какого-то особаго вещества въ самомъ виноградномъ суслѣ, что, въ свою очередь, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ дурнаго качества виноградной лозы.

Всѣ виноградники на зиму зарываются; съ этою цѣлью кусты слабо связываютъ въ пучки, пригибаютъ къ землѣ и засыпаютъ толстымъ слоемъ земли. Раннею весною, какъ только начинается появляться новая жизнь въ растеніяхъ, виноградъ освобождаютъ отъ земли. Почки его въ это время бываютъ набухшими и готовыми распусться въ листья. Весною уже много работы въ саду: постановка таркаль, подвязка, очистка сада отъ сорной травы, а также разрыхленіе и уваживаніе земли. Очистка отъ травы производится раза три во всю весну и лѣто.

Нѣсколько ранѣе цвѣтенія винограда, многіе сады окропляются особымъ растворомъ, отъ котораго на листьяхъ винограда остаются бѣлыя пятна въ видѣ налета. Этотъ налетъ предохраняетъ листья и лозы отъ паразитовъ.

Когда лозы одѣнутся въ листья, начнется цвѣтеніе и

отъ ствола и корни появятся побѣги, то жировые изъ нихъ уничтожаются, а прочіе остаются для плодоношенія. Къ празднику Преображенія Господня («Второй Спасъ») виноградъ обыкновенно начинаетъ созрѣвать. На Преображеніе Господне жители станицы запасаются спѣлыми кисточками винограда, а также разными фругтами изъ своихъ садовъ и идутъ въ церковь. Послѣ освященія вся семья благословляется на первое вкушеніе виноградныхъ ягодъ и плодовъ. До этого вкушать плоды считается грѣхомъ.

Самый сборъ винограда бываетъ въ сентябрѣ. Хозяинъ пріѣзжаетъ съ арбами или телѣгами въ садъ съ цѣлымъ десяткомъ женщинъ, и работа закипаетъ; одни наполняютъ кистями винограда корзины, другія несутъ ихъ къ телѣгѣ. Къ концу сентября всѣ сады бываютъ «срѣзаны», а остатки («оборушки») предоставляются въ распоряженіе ребятшшекъ. Толпы ихъ ходятъ «по оборушкамъ» съ утра до вечера, собирая не досмотрѣнныя и не срѣзанныя хозяиномъ кисти.

Срѣзавъ виноградъ, казакъ начинаетъ готовить изъ него вино. Для этого большое длинное корыто съ двумя отверстиями на днѣ ставятъ на двѣ кадушки такъ, чтобы отверстія корыта приходились надъ кадушками. Затѣмъ насыпаютъ виноградъ въ корыто и начинаютъ растирать его дощечками съ ручкою; дощечки эти имѣютъ длину въ $\frac{1}{2}$ арш., ширину въ 3 верш., а толщину въ 1 верш. Въ каждую руку берется одна такая дощечка. Сокъ виноградный сливается черезъ отверстія въ кадушки, послѣ чего его пропускаютъ еще сквозь сито или рѣшето, чтобы очистить отъ корокъ ягодъ и сѣмечекъ. Скоро сладкій сокъ начинаетъ окисляться и бродить; его сливаютъ въ бочки, и «чихирь» готовъ. Бочки съ чихиремъ казакъ помѣщаетъ въ чихирнѣ, и начинается угощеніе; «на сливаніи медъ пьютъ» — говоритъ въ этихъ случаяхъ казакъ и щедро угощаетъ всѣхъ входящихъ отвѣдать новаго чихиря. Самое пьянство развиваетъ

ся въ сентябрѣ и октябрѣ, какъ въ мѣсяцы, избилующе виномъ.

Имѣющіе большіе сады и, слѣдовательно, получающіе большой сборъ, везутъ виноградъ на машины — «давилки» (прессы). Машины эти придуманы самими же казаками. На огромномъ желѣзномъ листѣ съ загнутыми вверхъ краями устанавливаются перпендикулярно другъ къ другу четыре широкія доски, скрѣпленные желѣзными обручами. Доски образуютъ нѣчто въ родѣ кадлушки, которую и наполняютъ доверху виноградомъ. Сверху винограда кладется толстая квадратная доска, а на доску тяжелый чурбанъ. Посредствомъ огромнаго бревна-рычага производится на чурбанъ давленіе, которое передается и на виноградъ. Изъ щелей между досками и изъ отверстій въ нихъ вытекаетъ виноградный сокъ, который собирается на листѣ желѣза, а съ него стекаетъ въ котель. Рычагъ давитъ на чурбанъ всей своей массой и прессуетъ виноградъ; давленіе увеличивается еще тѣмъ, что одинъ конецъ рычага пригибается къ землѣ посредствомъ веревкоъ, накинутахъ внизу на блокъ. Кольями вращаютъ блокъ въ одну какую-либо сторону; веревка наматывается, притягиваетъ рычагъ къ землѣ и тѣмъ производится давленіе. Другихъ способовъ приготовленія чихира не существуетъ.

Но возвращаюсь къ саду. Настала глубокая осень; листья на деревьяхъ пожелтели и опали. Въ саду въ это время начинается обрѣзка лозъ; она производится такъ: всѣ побѣги обрѣзаются, кромѣ двухъ главныхъ, чистыхъ и здоровыхъ; одинъ изъ нихъ оставляется на плодоношеніе, другой на замѣщеніе. Первая лоза (2-хъ, 3-хъ лѣтъ) обрѣзается на 2 арш. отъ земли, другая (1 года) на 1 арш. и меньше отъ нея. Лоза замѣщенія оставляется обыкновенно на двухлѣтнемъ побѣгѣ, т. е. на лозѣ плодоношенія; чѣмъ ближе къ землѣ она начинается отъ лозы плодоношенія,

тѣмъ лучше. На будущую осень лоза замѣщенія оставляется для плодоношенія, а старая срѣзывается: для замѣщенія оставляется, по усмотрѣнію, другая, болѣе молодая и здоровая лоза. Иногда казаки жалѣютъ старыя лозы и оставляютъ ихъ на плодоношеніе, а всея молодые побѣги обрѣзываютъ. Во многихъ садахъ обрѣзка производится еще другимъ способомъ: обрѣзываются почти всея побѣги и притомъ только ихъ верхушки, такъ что лозы остаются почти цѣликомъ, только немного укорачиваясь.

Таргалы для лозъ казаковъ получаетъ съ тѣхъ деревьевъ, которыя растутъ въ саду. Въ этомъ отношеніи много пользы приноситъ верба. Каждый годъ она даетъ огромное количество таргалъ, хотя не отличающихся хорошимъ качествомъ: концы ихъ, обыкновенно, загниваютъ въ землѣ и таргалина падаетъ. Дубовые таргалы считаются самыми прочными.

Разведеніемъ плодовыхъ деревьевъ наурцы почти не занимаются; фруктовыя деревья растутъ здѣсь только въ дикомъ видѣ и не культивируются казаками, потому получаемые съ нихъ плоды хорошими качествами не обладаютъ. Въ маленькихъ садикахъ при домахъ казаковъ можно встрѣтить въ большомъ количествѣ курагу, яблоки, груши, вишни, сливы, алычу, абрикосовыя деревья и изрѣдка персики. Вишня въ описываемыхъ мѣстахъ разводится въ большомъ количествѣ: станица Мекенская (въ 5 верст.) славится исключительно своими вишневыми садами. Тутовыя деревья не разводятся казаками: они произрастаютъ здѣсь въ дикомъ видѣ и приносятъ плоды, употребляемые жителями какъ въ сыромъ, такъ и въ сушеномъ и вареномъ видѣ. Плоды фруктовыхъ деревьевъ частью употребляются жителями непосредственно вслѣдъ за созрѣваніемъ, частью заготавливаются впрокъ на-зиму въ моченомъ и сушеномъ видѣ. Сушеніе производится на воздухѣ, на солнцѣ и въ печкахъ, смотря по погодѣ. Сушенію подвергаются вишня, сливы, тернъ,

яблоки и груши, при чемъ мелкіе плоды, имѣющіе косточку, засушиваются цѣликомъ, а геспериды предварительно разрѣзываются на куски.

Говоря о плодовыхъ деревьяхъ, произрастающихъ въ описываемой мѣстности, нельзя не упомянуть и о нѣкоторыхъ болѣзняхъ, ихъ поражающихъ. На стволахъ деревьевъ часто попадаютъ глубокія раны, изъ которыхъ капля за каплей вытекаетъ древесный сокъ. Подъ корою плодовыхъ деревьевъ часто появляются насѣкомыя, которыя иссушаютъ кору и тѣмъ обезображиваютъ стволъ. Тля и гусеницы самыя опасныя враги здѣшнихъ плодовыхъ садовъ. Въ большинствѣ случаевъ гусеницы появляются на яблоняхъ и сливовыхъ деревьяхъ въ видѣ небольшихъ червяковъ. Эти червячки уничтожаютъ весной листья, плоды и цвѣты дерева, а къ осени обвиваютъ оставшіяся вѣточки и листья густыми сѣтками паутины. Широко распространенъ также ракъ деревьевъ.

Разводимыя здѣсь рощи изобилуютъ разными породами; чаще другихъ встрѣчаются дубъ, кленъ, тополь, карагачъ, ива и бѣлолистка. Дубъ употребляется на постройку зданій и на плетеніе савель; карагачъ идетъ на сельскохозяйственныя орудія и на перекладныя къ сараямъ; кленъ и ольха идутъ на «чоблоки» — такъ называютъ наурцы поперечныя перекладныя избы, опирающіяся однимъ концомъ на стѣну, а другимъ лежація на главной «дольной» (вдоль) перекладинѣ — «маткѣ»; наконецъ, рощи даютъ много дровъ для топлива. Вообще, деревья, растущія въ саду или въ рощѣ казака, приносятъ ему ту или другую пользу. Къ сожалѣнію, число рощъ и самыхъ виноградныхъ садовъ не увеличивается, а, наоборотъ, годъ отъ году все уменьшается.

Огородничество играетъ немаловажную роль въ жизни наурцевъ. Изъ огородныхъ растений жители приготовляютъ разныя бушанья, употребляютъ ихъ въ сыромъ видѣ, кладутъ,

какъ приправу, въ варево. Безъ капусты положительно не можетъ жить наурецъ: «садокъ» съ капустою составляетъ принадлежность почти каждаго двора.

Всѣ станичныя огороды занимаютъ площадь въ 20 дес.; они расположены по окраннымъ станицы, въ низменныхъ мѣстахъ, вслѣдствіе чего затопляются водою Терека. Въ случаѣ наводненія, всѣ труды казачки, завѣдывающей огородомъ, пропадаютъ даромъ. Тогда огородные овощи и въ особенности капусту имѣютъ только тѣ, которые посадили ихъ у себя на дворѣ.

Преобладающій сортъ капусты—бѣлая кочанная. Другіе сорта встрѣчаются рѣдко. Кромѣ капусты, распространены слѣдующія овощи: лугъ, свекла, рѣдька и редиска. Арбузы, дыни и огурцы наурцы сѣютъ не въ огородѣ, а въ полѣ на бахчахъ.

Пчеловодствомъ и шелководствомъ жители Наура не занимаются; эти важныя отрасли сельскаго хозяйства почти совершенно незнакомы имъ.

Рыбу ловятъ здѣсь всѣ: одни ловятъ ее ради удовольствія, другіе для того чтобы по временамъ полакомиться кусочкомъ, а третьи, наконецъ, ради полученія нѣкотораго дохода, который составилъ бы ощутительное подспорье въ сельскохозяйственномъ обиходѣ. Эти рыболовы имѣютъ уже болѣе усовершенствованныя снасти для ловли рыбы и на это занятіе затрачиваютъ порядочное количество времени. Настоящихъ рыболововъ въ станицѣ, впрочемъ, немного; число ихъ доходитъ до 60. Всѣ они раздѣляются на нѣсколько партій, артелей. Каждая артель заботится о своихъ интересахъ, имѣетъ свои каюки, строитъ свои забойки, на своихъ же затонахъ. И общіе интересы преслѣдуются между артелями; онѣ сообща и мирно рѣшаютъ спорные вопросы, стараясь не обидѣть одна другую.

Здѣшніе рыбаки отличаются большимъ ростомъ, плот-

нымъ тѣлосложеніемъ и крѣпкимъ здоровьемъ; всѣ они мужественны, статны, выносливы и болѣзнями страдаютъ рѣдко: стоять въ водѣ, перемѣшанной со льдомъ, для нихъ ничего не значить. Притомъ, они отличаются честностью, терпѣніемъ и необходимою выдержкою. Къ сожалѣнію, среди здѣшнихъ рыболововъ наблюдается нѣкоторое пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ; они любятъ вести бесѣду въ компаніи на берегу Терека за бутылкою вина, поджаривая тутъ же на кострѣ свѣжую рыбу и закусывая ею; впрочемъ, слѣдуетъ отмѣтить, что горькихъ пьяницъ между ними не встрѣчается.

Рыба ловится здѣсь красная и черная; къ первой относятся: осетръ, бѣлуга, севрюга и лосось; ко второй—сазань, усачь, мурзакъ, тарань, сомъ, игла-рыба. Ловъ красной рыбы производится по преимуществу осенью и весною, а въ нѣсколько меньшей степени—зимою и лѣтомъ. Чаше другой рыбы ловятся осетръ и лосось, бѣлуга же и севрюга рѣже.

Количество ловимой рыбы съ каждымъ годомъ замѣтно уменьшается. Въ 1901 году было поймано всего только 48 пуд. красной рыбы и 120 пуд. черной; неры было добыто 20 пуд.; продано на-сторону на 632 руб.

Мѣстомъ для ловли рыбы служатъ берега Терека, начиная отъ ст. Ищерской, до станицы Мекенской.

Ловля производится различными снастями и снарядами. Самые употребительные изъ нихъ «брედень» и «забойка»; за ними слѣдуютъ удочки, счалы, подпаски, ванды, самоловки, перетяжки, сѣжи и крыги.

«Забойка» состоитъ въ слѣдующемъ:

Опредѣливъ съ точностью, гдѣ самый удобный и любимый путь («ходъ») рыбы, рыбаки ставятъ въ этомъ мѣстѣ, поперекъ теченія, два ряда толстыхъ и длинныхъ кольевъ въ шахматномъ порядкѣ. Къ кольямъ прикрѣпляютъ нѣсколько

сплетенныхъ изъ хвороста плетней (плетни сплетены не густо, лѣтками). Одинъ конецъ плетня прикрѣпляется къ первому колу одного ряда, другой къ первому колу другого ряда. Второй плетень поставленъ по направленію отъ перваго кола втораго ряда ко второму колу перваго ряда, а отсюда плетень ставится по направленію ко второму колу втораго ряда и т. д. Въ общемъ плетни образуютъ собою ломаную лнвію. Изъ-за поверхности воды они едва видны, а основаніемъ они упираются въ дно Терева. У одного конца такой забойки нѣтъ прохода для рыбы, у другаго же проходъ оставляется. Въ этомъ мѣстѣ устраивается на столбахъ, надъ поверхностью воды, вышка (въ родѣ платформы), на которой сидитъ рыболовъ и держитъ въ рукахъ веревочки; это—«сторожки» отъ сѣти, опущенной въ воду здѣсь же у прохода между забойкой и косою или берегомъ. Сѣть эта называется «сѣжами»; укрѣпляется она на трехъ кольяхъ («стоянахъ»). Сѣжи имѣютъ видъ конусообразнаго мѣшка, суженное и вытянутое дно котораго называется «матнею».

Крупная рыба, встрѣтивъ на пути преграду (плетни), естественно, пускается въ обходъ плетней; на дорогѣ она попадаетъ въ сѣжи, раставленные какъ на проходѣ, такъ и въ углахъ, образуемыхъ плетнями. Попадая въ «матню», рыба дѣлаетъ толчокъ, который по «сторожкамъ» передается сидящему на вышкѣ рыбаку. Послѣдній выхватываетъ рыбу, освобождаетъ ее отъ сѣтей и снова опускаетъ сѣжи въ воду.

Сѣжами ловится рыба и въ забойки, при всякомъ затонѣ, гдѣ только замѣчается присутствіе крупной рыбы.

При помощи забойки и сѣжи осенью ловится лосось, а лѣтомъ севрюга и другая дорогая рыба.

«Бредень» состоитъ изъ сѣтки, имѣющей около 20 и болѣе сажень длины и 1 сажени ширины. Края сѣтки по длинѣ окаймлены веревками толщиной въ палецъ. На одной

изъ веревокъ укрѣпляются «грузила» — куски свинца, на другой «балберы», т. е. большіе поплавки изъ пробковаго дерева. Къ другимъ краямъ сѣткн (по ширинѣ) прикрѣпляется по одному колу, которые носятъ названіе «клячей» (клячь).

Бредятъ два человѣка: одинъ беретъ за одинъ клячь, другой за другой и бредень растягивается ими поперекъ рѣки. «Причалъ», т. е. нижняя веревка съ грузилами, волочится по дну рѣки, а верхняя съ «балберами» плаваетъ на поверхности воды. Бредень тащатъ внизъ по теченію; какъ только рыбаки замѣтятъ присутствіе крупной рыбы (что видно по «балберамъ»), тотчасъ «прибравиваютъ» къ «приброду» (удобное мѣсто съ отлогими берегами). Пойманную рыбу складываютъ въ каюкъ, а бредень снова опускаютъ въ воду. Бреднемъ ловится и крупная и мелкая рыба, смотря по размѣру вѣтлокъ въ сѣткѣ.

«Счалы» состоятъ изъ длинной толстой веревки съ привязанными къ ней во множествѣ большущими удочками. Толстая короткая (въ 2 арш.) леса этихъ удочекъ снабжается «балберами», а сами удочки остро-на-остро подтачиваются. Въ удоболовимыхъ мѣстахъ счалы перетягиваются черезъ Терекъ и укрѣпляются на нѣсколькихъ толстыхъ кольяхъ; удочки счалъ не «насаживаются», т. е. опускаются въ воду безъ лакомства, безъ приманки. Струею воды удочки и «балберы» начнутся изъ стороны въ сторону, а когда осетръ, бѣлуга или севрюга взволнуютъ около «балберъ» воду, то сматенію рыбъ нѣтъ конца; разумѣется, острая удочка впивается въ тѣло несчастной жертвы, а ея сопротивленіе только усугубляетъ страданія: всѣ другія удочки мгновенно впиваются въ рыбу, если она вздумаетъ силой уйти отъ первой, зацѣпившей ее; игра рыбъ неподалеку отъ счалъ тоже не остается безъ печальныхъ послѣдствій.

На счалахъ ловится самая крупная рыба; нерѣдко ры-

боловы за разъ ловили по нѣскольку осетровъ или севрюгъ. Относительно крупнаго сома, напр. пудовъ въ 5—6, нужно оговориться, что онъ рѣдко попадаетъ на счалы, особенно лѣтомъ или осенью, когда имѣеть немовѣрную силу; этотъ «камыкъ», какъ говорятъ про сома казаки, не щадитъ своего тѣла на счалахъ и, хотя весь изуродованный, уходитъ, прорвавшись на свободу. Зато крупный сомъ въ большомъ количествѣ ловится въ началѣ зимы, когда воинственный пылъ его укрощается, и онъ, едва живой, катится по песчаному дну внизъ по рѣкѣ. Тогда-то сомъ непременно попадаетъ на счалы, и тутъ усилія его высвободиться остаются тщетными.

Кромѣ сома, попадаетъ зимою и другая рыба, которая, подчинившись теченію, катится по дну. Много изъ такой рыбы попадаетъ въ затоны, въ края, въ заливы, гдѣ и остается до наступленія оттепелей. Рыбаки пользуются такимъ состояніемъ рыбы, объѣзжаютъ на своихъ каюкахъ всѣ упоманутыя ея пристанища и длинными баграми вытаскиваютъ ее изъ бряжей, едва трепещущую и вялую отъ холода. Баграми ловятъ зимою и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуетъ «прижимъ» воды, т. е. гдѣ вода своимъ теченіемъ упирается въ берегъ (при поворотѣ рѣки) или въ другое какое-либо препятствіе. Къ берегу приносится водою много рыбы, и багренье вступаетъ тогда въ свои права. Кромѣ багровъ, употребляютъ для этой же цѣли и «сандоли»; это есть длинная палка съ двумя или тремя острыми желѣзными наконечниками съ зазубринами. «Сандолями» ловятъ рыбу не только зимою, но и во всякое другое время года и притомъ только на мѣстномъ озерѣ, которое сплошь поросло чаканомъ да камышомъ. Рыболовы усаживаются на нѣсколькихъ каюкахъ и, разъѣзжая по озеру, то и дѣло бросаютъ свои колья (сандоли) на его дно: въ камыши, въ чаканъ, или кусты.

Сандольный лов практикуется въ большинствѣ случаевъ чеченцами: на озерѣ онъ вознаграждается, главнымъ образомъ, сазанами, на Терекѣ же «сандолью» убивается и усачь, и сомъ, и сазанъ, по въ меньшемъ количествѣ.

Большія удочки съ лакомствомъ, забрасываемыя рыбаками въ глубину рѣки на длинной толстой лесѣ, называются «подпасками». Хорошими «подпасками» можно поймать большую рыбу, напр., сома въ 2 пуда или усача въ 1 пудъ.

Въ большомъ употребленіи среди мѣстныхъ рыбаковъ находятся «перетяжки». Это есть длинная веревка, съ привязанными къ ней удочками; на однѣхъ «перетяжкахъ» обыкновенно прикрѣпляются отъ 10 до 20 удочекъ на разстояніи $\frac{3}{4}$ арш. одна отъ другой.

Въ удобномъ мѣстѣ «перетяжки» укрѣпляются на двухъ жолбяхъ; удочки же предварительно насаживаются приманкой. Проходя тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоятъ «перетяжки», рыба замѣчаетъ лакомство, бросается и, разумѣется, попадаетъ на удочку. Иногда случается, что почти на всѣ удочки попадаетъ рыба. Рыболовъ, отъ времени до времени, приходить къ «перетяжкамъ» и осматриваетъ ихъ.

Послѣ «перетяжекъ» прибыльными считаются самоловки и ванды. Самоловка есть плетеная, имѣющая конусообразную форму. У основанія конуса оставляется отверстие, въ которое свободно можетъ пройти довольно крупная рыба (для малой рыбы самоловки устраиваются съ меньшимъ отверстиемъ). Отверстіе это снабжено заостренными палочками, обращенными внутрь самоловки. Зайдя въ самоловку, рыба уже не можетъ выйти обратно: она натывается на острия палочки.

«Ванда» есть та же самоловка, только гораздо большихъ размѣровъ (вмѣщаетъ свободно самага большого осетра или сома). Ванда сплетена изъ толстаго хвороста и притомъ клѣтками, въ которыя свободно можетъ пролѣзть некрупная рыба. Крупная рыба можетъ пройти въ ванду только

черезъ отверстіе, оставленное, какъ и у самоловки, у основанія конуса.

Всѣ внутреннія стѣнки самоловки и входъ въ нее обмазываются тѣстомъ, что собственно и составляетъ для рыбы приманку; стѣнки же ванды не намазываются тѣстомъ, а прямо кусокъ мяса пли тѣста (въ мѣшочкѣ) подвѣшивается въ разныхъ мѣстахъ внутри нея, а крупная рыба большая охотница до мяса.

Существуетъ еще много другихъ способовъ ловли рыбы, но на практикѣ они примѣняются рѣдко, и потому оставляю ихъ безъ описанія.

Вся пойманная рыба частью расходуется здѣсь же на мѣстѣ, частью же сдается арендаторамъ и скупщикамъ, которые перепродаютъ ее въ Моздокъ и Владикавказъ. Въ города расходуется, главнымъ образомъ, дорогая красная рыба, низшіе же ея сорта идутъ на мѣстное употребленіе.

Охотою занимается почти каждый наурецъ, но исключительнаго занятія хотя одного изъ нихъ она не составляетъ. Отправляясь на полевые работы пли въ какую-нибудь поѣздку, казакъ прихватываетъ съ собою и ружье, чтобы въ свободное время поохотиться въ окрестностяхъ на дичь. Тѣмъ не менѣе, есть личности, которыя затрачиваютъ довольно большое количество времени на охоту; но и у послѣднихъ она вызывается лишь необходимостью уразнообразить монотонные зимніе дни; важной же доходной статьи, повторю, охота не составляетъ.

Изъ животныхъ и птицъ, которыя служатъ предметомъ охоты здѣшнихъ любителей, водятся: зайцы, лисцы, волки, барсуки, а затѣмъ: куропатки, стрепеты, утки, дудаки, фазаны.

Охота производится при помощи гончихъ и борзыхъ собакъ. Послѣднія оказываютъ незамѣнимую услугу въ огомъ дѣлѣ. Время охоты по преимуществу зима, а затѣмъ осень и весна; лѣтомъ охоты не бываетъ по той причинѣ, что

птицы исчезаютъ; притомъ, у дикихъ животныхъ происходитъ линька, а самое мясо ихъ бываетъ крайне невкусно. Мѣстомъ охоты служатъ лѣсъ, сады, поля, буруны. Поле изобилуетъ зайцами и лисицами, лѣсъ и буруны—волками и барсуками; здѣсь же встрѣчается и разная птица. На зайцевъ и лисицъ охотникъ выходитъ съ нѣсколькими гончими, которыя, напавъ на слѣдъ, начинаютъ отыскивать бѣглеца. Отыскавъ добычу, они съ жалобнымъ лаемъ и визгомъ преслѣдуютъ ее, стараясь нагнать на охотника. Мѣткая пуля послѣдняго оканчиваетъ дѣло, пачатое гончими.

Борзые собаки сами ловятъ добычу и приносятъ хозяину. Заяцъ почти никогда не уходитъ отъ нихъ; лисица иногда ухищряется уйти отъ преслѣдованія: поставленная въ туевыя собака такъ и возвращается ни съ чѣмъ къ хозяину. Часто лисица спасается отъ борзыхъ въ своихъ норахъ; полная разочарованія собака останавливается у норы и лаемъ даетъ знать охотнику, что присутствіе Патрикѣевны открыто, только завладѣть-то ею представляется задачей. Въ такихъ случаяхъ охотникъ выкуриваетъ лису, зажегши у отверстія норы солому. Такимъ же способомъ охотятся и на барсука, если онъ скроется въ норѣ.

Охота на волковъ называется «гаемъ». «Ганть» волковъ наурцы выходятъ большими партіями. Эта охота производится на святбахъ, когда у волковъ происходитъ течка и когда они цѣлыми партіями бродятъ по лѣсу и по полямъ.

Иногда охотники приносятъ въ лѣсъ падшую лошадь или быка, и какъ только волки, почуявъ мясо, соберутся, то немилосердно истребляютъ ихъ изъ заранѣе устроенной засады.

Самая охота на дикихъ животныхъ производится ружьями и капканами.

Мѣхъ животныхъ сбывается мѣстнымъ скупицамъ;

лисій мѣхъ цѣнится отъ 2 до 5 руб.; волчья шкура отъ 1 до 2 руб.; шкура барсука отъ 1 р. до 1 р. 50 к., а зайца отъ 50 до 80 коп.

Охота на птицъ производится при помощи ружья, сѣтки и силковъ. Собаки и здѣсь оказываютъ немаловажную услугу, открывая охотнику присутствіе птицы.

Самою прибыльною считается охота на куропатокъ, фазановъ и дикихъ утокъ. Для куропатокъ устраиваются въ лѣсу «привады». Онѣ состоятъ въ томъ, что на какой-либо тропинкѣ или просто по дорогѣ посыпается зола, мелкая содома (мякина) и просо. Самъ охотникъ укрывается въ засадѣ и, какъ только куропатки или фазаны соберутся на даровой кормъ, стрѣляетъ дробью.

Въ другихъ случаяхъ на привадѣ охотникъ устраиваетъ силки, сплетенные изъ конского волоса и прикрѣпленные къ дощечкѣ. Дощечка эта прикрывается землею и посыпается золою и просомъ, а петлички остаются надъ поверхностью земли. Куропатки десятками попадаютъ въ эту ловушку.

Иногда надъ привадою устраивается особеннымъ образомъ сѣтка, въ которую и запутываются несчастныя жертвы.

Особенно занимательна охота на куропатокъ бываетъ въ полѣ на гумнахъ, гдѣ онѣ пасутся цѣлыми стаями на пустынномъ току. Отъ охотника въ данномъ случаѣ требуется необыкновенная осторожность, умѣнье незамѣтно подлѣзть къ обиталищу куропатокъ: при малѣйшемъ шорохѣ онѣ моментально разлетаются.

Въ тальникахъ куропатки бѣгаютъ большими станицами; здѣсь онѣ ютятся въ рытвинахъ и межахъ, откуда съ шумомъ разлетаются въ разныя стороны, если замѣтятъ приближеніе охотника. Особенно находчивы въ этомъ отношеніи старыя куропатки. Послѣднія отличаются отъ молодыхъ бѣлымъ пятномъ на груди; у молодыхъ пятенъ не наблюдается.

Прибыльна охота и на дикихъ утокъ. Зимую ихъ бы-

засть здѣсь много; утромъ и вечеромъ онѣ плаваютъ въ Терекѣ и озерѣ, гдѣ вода не покрыта льдомъ; днемъ же обрѣтаются на гумнахъ, питаются зерномъ.

Въ большомъ количествѣ убиваются зимою дудаки, когда они летятъ въ благодатные края юга.

Весною развивается охота на стрепетовъ и разную пролетную птицу: бекасовъ, куликовъ, дупелей, журавлей.

Убитую птицу охотники сбываютъ въ руки скупщикамъ, которые перепродаютъ ее въ Грозномъ и Владикавказѣ. Пара фазановъ цѣнится на мѣстѣ отъ 80 коп. до 1 руб.; пара куропатокъ отъ 30 до 50 коп.; пара утокъ крупной породы 60 коп. до 1 руб.; дудака отъ 1 р. 50 к. до 2 руб., дикій гусь нѣсколько дороже.

При малокультурности мѣстнаго населенія торговля и промышленность не могли еще развиваться въ достаточныхъ размѣрахъ. Внутренняя торговля въ станицѣ, вообще, незначительна и сосредоточивается преимущественно на сельскохозяйственныхъ продуктахъ, промыслы же и ремесла являются лишь подспорьемъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ. Ремесленная промышленность ограничивается производствомъ издѣлій для удовлетворенія лишь мѣстныхъ потребностей. Кустарное производство тоже слабо развито и не имѣетъ никакого промышленнаго значенія.

Торговля какъ внутренняя, такъ и внѣшняя находится преимущественно въ рукахъ армянъ, грузинъ и чеченцевъ. Сами казаки не любятъ торговать: «черезъ-чуръ скучное занятіе.» Предметы внутренней торговли въ Наурѣ составляютъ сѣстные припасы и разныя издѣлія мѣстныхъ ремесленниковъ; предметами же внѣшней отпускной торговли служатъ: зерновой хлѣбъ, скоть на убой и для завода, сыръ, масло, мука, сырыя кожи, сѣно и др. сельскохозяйственные продукты. Скоть и хлѣбъ предварительно скупаются у казаковъ мѣстными торговцами, а потомъ уже сбываются въ города.

Иногда же казаки, чтобы продать свой хлебъ и скотъ подо-
роже, сами доставляютъ его на ярмарку въ Моздокъ или
Грозный.

Предметами привозной торговли служатъ мануфактурныя
и галантерейныя товары, какъ то: сукна, шелковыя и бу-
мажныя матеріи, холстъ, ситець, бумазая; потомъ: посуда
мѣдная, стеклянная, чугунная, лампы, самовары; наконецъ,
обдѣланное желѣзо, мѣдь, сталь и колоніальныя товары:
чай, сахаръ, кофе, табакъ и приности.

Торговый рынокъ ст. Наурской состоитъ изъ 50 раз-
ныхъ торговопромышленныхъ заведеній, изъ которыхъ 12—
питейныя. Всѣ торговыя заведенія расположены вокругъ цер-
ковной и базарной площадей. Въ другихъ мѣстахъ станицы
нельзя встрѣтить ни одного магазина, развѣ только небольшую
лавчонку со спичками, табакомъ, чаемъ и другими предме-
тами первой необходимости. Въ послѣднее время стали по-
являться въ станицѣ приличные магазины съ прилавками
и затѣйливыми вывѣсками.

Между всѣми видами торговли наиболѣе развита здѣсь
торговля краснымъ товаромъ и галантерейными вещами.

Здѣшніе купцы закупаютъ товары, по большей части,
въ Грозномъ и Армавирѣ; въ послѣднее время они стали
ѣздить въ Ростовъ н./Д. и въ Москву. Ежегодно въ Науръ
привозится различнаго рода товару среднимъ числомъ на
150 тыс. руб., и на столько же ежегодно станица продаетъ
на-сторону своихъ предметовъ торговли.

По роду товаровъ мѣстные торговцы распредѣляются
такъ:

Продавцовъ краснаго товара	5 чел.
„ галантерейнаго „	4 „
„ металлическихъ издѣлій	5 „
Винныхъ лавокъ и др. питейныхъ заведеній	12
Аптекарскій магазинъ	1

Торговцевъ мелкимъ товаромъ (веревки, нитки, обувь, гвозди и т. п.) 10 чел.

Торговцевъ колоніальными товарами и др. предметами первой необходимости (иглолки, кружева, платки и др.) 13 чел.

Въ станицѣ насчитывается до 29 заводовъ; къ нимъ относятся 4 маслобойни, 3 конныхъ мельницы и рушкы, 2 мельницы паровыя и 20 мельницъ водяныхъ. Производительность маслобойни въ годъ простирается до 500 руб., а производительность водяной мельницы до 400 руб., среднимъ числомъ.

Нижеслѣдующая таблица показываетъ число ремесленниковъ и разнаго рода промышленниковъ и мастеровыхъ.

Портныхъ	5.
Сапожниковъ	13.
Шапочниковъ	3.
Мебельщиковъ	15.
Плотниковъ	22.
Шорниковъ	3.
Токарей	2.
Бондарей	8.
Бровельщиковъ	13.
Печниковъ	18.
Колесниковъ	3.
Полстоваловъ	6.
Булочниковъ и кондитеровъ	2.
Хлѣбопеконъ	7.
Мясниковъ	4.
Музыкантовъ	30.
Золотыхъ и часовыхъ дѣлъ мастеровъ	3.
Оружейниковъ	4.
Кузнецовъ и слесарей	12.
Жестяныхъ дѣлъ мастеровъ	2.

Лудильщиковъ и мѣдниковъ	5.
Стекольниковъ	4.
Кожевниковъ	3.
Красильщиковъ и маляровъ	3.
Извозчиковъ	4.
Коноваловъ	3.
Скупщиковъ кожи	2.
Скупщиковъ старыхъ вещей	2.

XII

Пища и питье.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію употребительнѣйшихъ казачьихъ кушаній, нелишне будетъ вкратцѣ познакомиться съ подваломъ казака. Небольшое помѣщеніе, подъ названіемъ «ледникъ», предназначается у большей части хозяевъ для склада различнаго рода съѣстныхъ припасовъ. Ледникъ представляетъ собою большую яму, стѣны и дно которой высланы камышомъ или соломой. Въ эту яму казакъ складываетъ зимою ледъ. Лѣтомъ на льду сохраняется сыръ, молоко, масло, рыба, мясо и другіе сырые продукты. Многіе складываютъ свои запасы въ амбаръ или просто въ одномъ изъ холодныхъ жилыхъ помѣщеній, напр., въ куренѣ.

Въ амбарѣ хорошаго хозяина прежде всего бросаются въ глаза «чечни» (закрома), наполненные до краевъ мукою, рожью, овсомъ, пшеницею и другимъ хлѣбомъ, которымъ запасается каждый домовитый хозяинъ на-зиму. Тутъ же можно замѣтить въ «сапеткахъ» чечевицу, горохъ, бобы, пшено, сушеную алычу, вишню, виноградъ, терень, яблоки и т. п. Есть небольшія сапеточки или мѣшки, въ которыхъ хранятся арбузные и дынные сѣмочки, чаберъ, укропъ, сѣ-

мена рыжика, конопля и льна. Въ одномъ изъ угловъ амбара можно замѣтить цѣлый рядъ глиняной посуды, наполненной коровьимъ и растительнымъ масломъ, арбузнымъ медомъ, сыромъ или молокомъ. Въ другой сторонѣ стоитъ рядъ дубовыхъ кадусекъ, въ которыхъ маринуются или мочатся: терень, яблоки, вишня, виноградъ, полузрѣлые арбузы, тыквы, а также солются: капуста, помидоры, огурцы. Тутъ же можно замѣтить чумалъ высушенныхъ головокъ лука, чесноку, а въ ямѣ зарыта рѣпа, свекловица, рѣдька.

Къ потолку амбара привязаны жерди, на которыхъ виситъ сушеная рыба, окорока, баранина, кисти винограда, яблоки и кукурузныя початки. На чердакѣ, или, какъ выражаются наурцы, на «подловкѣ» пригнаты соломою или мякиною нѣсколько возовъ арбузовъ и тыквъ. Въ амбарѣ же стоитъ и бочка съ виномъ и небольшой боченокъ съ уксусомъ.

Что касается кухни наурцевъ, то она не помѣщается отдѣльно, а находится въ жилой зимней избѣ. Здѣсь большая русская печь служить хозяйкѣ и для приготовленія пищи, и для печенія хлѣбовъ, и для поддержанія въ избѣ теплоты въ зимнее время. Лѣтомъ изба превращается въ настоящую кухню, семейство же казака живетъ или въ куреньѣ, или въ саклѣ, или въ прохладномъ чуланѣ.

Кухонная посуда помѣщается въ избѣ же, на особыхъ полкахъ, пристроенныхъ къ углу (поставъ), или прямо располагается рядами подъ лавкою. Наиболѣе употребительная кухонная посуда слѣдующая: чугуныя кастрюли съ рукоятками и безъ нихъ и чугуныя котлы воронкообразные, которые именуются жителями просто «чугунами». Чугуны эти бываютъ одинаковой формы, но разныхъ величинъ; поэтому для нихъ около печки въ углу стоитъ цѣлая коллекція рогачей; здѣсь же кочерга, чепельникъ (для вытаскиванія изъ печки сковороды), деревянная лопата (для выниманія хлѣ-

бовъ). Изъ другой посуды часто встрѣчаются сковороды для жаркого и мѣдныя сковороды («блюда»), вылуженные пзнутри, для пироговъ, цѣдилка, разные мелкіе котелки, подносы и глиняная посуда. Въ куренѣ на поставѣ хранится множество глиняныхъ и фарфоровыхъ чашекъ, тарелокъ, блюдецъ, стакановъ, молочниковъ и чайниковъ.

Кушанья, употребляемые наурцами, слѣдующія: щи съ капустою и помидорами, каша изъ пшена или риса, кулага, кисель, супы, котлеты, пироги, жаркое, шашлыкъ, вареники, галушки, блины и т. п.

Въ составъ кушаній, какъ приправа, входятъ по преимуществу разные полевые и огородныя растенія. Мясныя кушанья, вообще, занимаютъ почетное мѣсто въ ряду блюдъ, но я тѣ сильно приправляются овощами. Щи и кашу можно считать почти ежедневною пищею наурцевъ. Какъ щи, такъ и каша бываютъ постныя и скоромныя. Приготовленіе постныхъ щей самое обыкновенное. Берется вмѣсто кислоты чашка или двѣ квасу, приготовленнаго изъ дрожжей или отрубей ржи, и вливается въ чугунокъ, который затѣмъ наполняется водою. Въ смѣсь бросаютъ въ пригоршню пшена или чечевицы, гороха и горсть соли. Во время процесса кипяченія бросаютъ во щи то муку, то помидоры, то мелко-искрошенную капусту, лукъ, свеклу. Когда щи уже готовы, въ нихъ наливаютъ ложки двѣ-три постнаго масла новоолянаго или льнянаго.

Способъ приготовленія скоромныхъ щей такой же, съ тою только разницею, что вмѣстѣ съ пшеномъ въ чугунокъ кладется и кусокъ мяса.

Каша постная варится на водѣ и употребляется въ пищу съ масломъ постнымъ; скоромная каша варится на молокѣ и употребляется въ пищу съ масломъ коровьимъ. Каша варится изъ пшена, рѣже изъ риса.

Пироги пекутся на большихъ мѣдныхъ вылуженныхъ

сковородахъ; маленькіе пироги, имѣющіе форму полулуны, пекутся въ печкѣ безъ сковороды. Начинка пироговъ бываетъ разная: мелко искрошенное мясо, рыба, яйца, а затѣмъ молочная каша, сушеные плоды, щавель и сырыя ягоды: виноградъ, ежевика, зерна туты, тернъ, вишня.

Блины—каждодневная пища наурцевъ зимою. Не домо-вить тотъ хозяинъ, который не ѣсть по утрамъ зимою блиновъ.

Блины приготовляются изъ просяной муки. Предварительно изъ муки готовится полужидкое тѣсто, которое потомъ посредствомъ большой деревянной ложки (половника) наливается понемногу на горячую сковороду—блинъ тотчасъ же и спечется. Мать семейства поминутно достаетъ блины изъ печки и подаетъ ихъ на столъ, вокругъ котораго сидятъ дѣти и взрослые, «уплетая» горячіе блины съ медомъ, молокомъ, сметаню, масломъ или съ полужидкою массою, приготовленною изъ сѣмянъ конопли и дынь.

«Калуга» есть особый видъ кушанья, приготовленный изъ различныхъ сушеныхъ фруктовъ; она подается на столъ казака вмѣсто десерта, чаще всего зимою.

Очень часто можно встрѣтить въ числѣ кушавій вареники съ сыромъ и сметаню, лапшу изъ тѣста и галушки. Галушки—та же лапша, только здѣсь тонкіе листы тѣста не крошатся мелко, а отрываются кусочками руками. Калуга, вареники и галушки принадлежатъ къ числу любимыхъ кушаньевъ наурцевъ.

Десертныя блюда за столомъ наурца состоятъ изъ арбуза, дыни, винограда, фруктовъ и «кануна» (родъ плова).

Хлѣбпеченіе производится въ той же печкѣ, въ которой варится и пища. Послѣ того какъ поспѣли щи, каша, галушки, поджарился картофель или жаркое, весь жаръ сгребается кочергой къ одной сторонѣ загнетки, а на чисто выметенный «подъ» печки кладутъ приготовленные изъ тѣ-

ста хлѣбы; пекутся хлѣбы и на сковородахъ и на формахъ, но чаще безъ нихъ. Хлѣбъ различается прѣсный и заквашенный.

Мясная пища употребляется наурцами по преимуществу зимою, лѣтомъ же только по праздникамъ; въ будничные дни употребляются пища растительная—постная.

Количество употребляемого мяса жителями станицы въ годъ доходить среднимъ числомъ до 16 тысячъ пудовъ. Каждый праздникъ, виѣ поста, на бойнѣ рѣжутъ, по меньшей мѣрѣ, 2—3 быковъ и нѣсколько барановъ и свиней.

Воду для питья наурцы берутъ изъ колодцевъ, которые разбросаны по всѣмъ улицамъ станицы. Въ послѣднее время жители стали брать воду для питья изъ Терека, какъ болѣе пріятную и полезную.

Изъ шипучихъ напитковъ, употребляемыхъ наурцами, наиболѣе распространены: кислыи щи, морсь, лимонадъ, сидръ, брага, пиво, квась.

Изъ крѣпкихъ спиртныхъ напитковъ въ большомъ количествѣ расходуется вино (мѣстное, князярское и кахетинское), водка, коньякъ.

До сихъ поръ въ станицѣ содержался только одинъ общественный духанъ и, въ случаю замѣтить, въ немъ можно было видѣть только одного-двухъ закоренѣлыхъ пьяницъ или нѣсколько пріѣхавшихъ изъ буруновъ калмыковъ: наурцы считаютъ неприличнымъ оставаться въ духанѣ. Изрѣдка по праздникамъ они заходятъ въ духанъ, чтобы взять ко-сущку-двѣ водки для обѣда на домъ. Вообще говоря, водка не находитъ среди наурцевъ большого спроса; что же касается вина, то его они предпочитаютъ всѣмъ другимъ напиткамъ. Поэтому имѣлось до 10 хозяевъ, которые содержали въ чихирняхъ нѣсколько бочекъ мѣстнаго вина для потребленія жителей. Кстати замѣтить, пьянство не пустило пока твердыхъ корней въ описываемой станицѣ: населенію, ведущему чисто трудовой образъ жизни, некогда

заниматься продолжительными и частыми попойками, да и матеріальныя его средства этого не позволяютъ. Въ настоящее время станичный общественный духанъ закрытъ, а вмѣсто него явилась казенная винная монополія. Цѣны на виноградныя вина повысились, а вслѣдствіе дешевой цѣны (4 коп.—бутылочка) водки въ казенной лавкѣ, спросъ на нее съ каждымъ днемъ увеличивается, и «мерзавчикъ» (бутылочка водки изъ монополіи), къ сожалѣнію, попадаетъ не только въ карманъ бешмета взрослому казаку, но и молодого парня. Зло начинаетъ пускать свои разрушительные корни, и вырожденіе населенія неизбежно. Такимъ образомъ пренебрегаемая прежде наурцами водка теперь нашла среди нихъ хорошую почву, между тѣмъ какъ вино отодвинулось на задній планъ, вслѣдствіе его дороговизны. Цѣна бутылки вина въ казенной лавкѣ отъ 20 до 50 и болѣе копеекъ, между тѣмъ какъ употреблявшееся раньше мѣстное вино продавалось по 15—20 коп. за кварту (двѣ бутылки). Частнымъ торговцамъ мѣстнымъ виномъ запрещено торговать дома: нужно вывозить бочку съ виномъ на базаръ; но кто на это согласится? Казакъ по природѣ не можетъ и не любитъ торговать, а тутъ приходится вывозить. Дома онъ въ одно и то же время работалъ по домашности и продавалъ изрѣдка приходившимъ покупателямъ свое вино, а теперь заставляютъ бросать работу и, сидя у моря, ждать погоды: всѣ частныя виноторговцы перестали торговать виномъ, а жители набросились на водку («монопольку»), что въ казенной лавкѣ. Вино стоитъ 20—50 коп. бутылка, а водка отъ 4 до 22 коп.

Число питейныхъ заведеній въ Наурѣ 12; два изъ нихъ казенныя: въ одномъ продается водка, въ другомъ вино и морсѣ, остальные питейныя заведенія торгуютъ то пивомъ, то виномъ, то лимонадомъ, то сидромъ.

Изъ другихъ напитковъ, употребляемыхъ наурцами,

можно указать на укусы, айранъ, молоко, гумысь, розовую воду; болѣе другихъ распространенъ чай; кофе употребляется рѣдко, а шоколадъ и какао еще рѣже.

XIII.

Одежда и обувь.

Въ отношеніи чистоты одежды, ея цѣльности, сохранности и аккуратности работы наурцы очень прихотливы. «Сшилъ, какъ слилъ» — говорятъ они, самодовольно улыбаясь про портного, отъ котораго только-что принесли черкеску или бешметъ. Самый бѣдный наурецъ скорѣе готовъ остаться нѣсколько дней безъ куска хлѣба, питаясь, какъ говорится, «акридами и дикимъ медомъ», нежели не имѣть черкески, въ которой онъ могъ бы выйти на улицу «въ люди» или въ церковь по праздникамъ. Лучше онъ останется безъ необходимыхъ домашнихъ принадлежностей, а на черкеску прибережетъ деньжонокъ.

Праздничная одежда казака находится въ куренѣ. Здѣсь на крючкахъ можно увидѣть нѣсколько штукъ черкесокъ разныхъ цвѣтовъ, сшитыхъ изъ разнаго матеріала и снабженныхъ простыми и серебряными газырями; два или три сатиновыхъ или рипсовыхъ бешмета, обшитыхъ галуномъ, и безъ него; нѣсколько штукъ шелковыхъ жилетокъ и сатиновыхъ шароваръ съ «учкаромъ» (поясъ). На другихъ крючкахъ виситъ пряжка, къ которой привѣшанъ кобуръ для пистолета и бинжалъ въ кожаной или серебряной оправѣ; тутъ же виситъ и шашка съ серебряными бляхами, револьверъ, кремневый пистолеть, берданка или двустволка и нѣсколько штукъ будничныхъ бинжаловъ въ простой оправѣ; отдѣльно висятъ паахи. Подъ кроватью стоятъ праздничныя сапоги, ноговицы и чувяки съ «шегреновыми» чулками, обшитыми галуномъ или бархатомъ.

Выйдетъ наурецъ въ праздникъ со своей красавицей-женой въ церковь или въ гости, на немъ лучшая новенькая черкеска и бешметъ «съ иглочки», черезъ плечо серебряный галунъ («поясокъ») и «тесемка», со скрипомъ сапожки или чувяки, плотно обхватывающіе ногу, съ кисточками галуна спереди и сзади; на головѣ у него большая червая барашковая папаха съ бѣлымъ, какъ кипень, башлыкомъ.

Будничная одежда казака находится въ избѣ или въ чуланѣ. Здѣсь можно увидѣть нѣсколько рабочихъ «киргизинныхъ» бешметовъ, шароваръ, чекмень, намазанные саломъ сапоги, чиряки и т. п. Вся эта одежда спита изъ дешеваго матеріала, но содержится въ чистотѣ: казачка тщательно провѣряетъ своего мужа и черезъ каждую недѣлю стираетъ его бѣлье и рабочіе бешметы.

Въ зимнее время поверхъ черкески мужчины надѣваютъ суконные (на ватѣ) полушубки, съ барашковымъ воротникомъ, сшитые по покрою черкески.

Женщина-казачка еще болѣе мужчины любитъ придѣться. Праздничные ея костюмы отличаются франтовствомъ и изысканностью кройки. Сундукъ ея содержитъ въ себѣ около 15 различныхъ юбокъ, массу головныхъ платковъ, шалей, разнофасонныхъ кофточекъ, матросокъ и чулокъ; здѣсь же хранятся 2 или 3 ея «дипломата», т. е. верхнихъ приличныхъ платьевъ.

Въ прежнее время наурскія казачки носили сверхъ юбки и кофточки черный сатиновый бешметъ, съ широкими съ отворотомъ рукавами. Бешметъ подпоясывался серебрянымъ поясомъ, а на груди нанизывались на цѣпочку серебряныя монеты. Изъ-за широкихъ рукавовъ бешмета выходили еще болѣе широкіе рукава съ кружевной отдѣлкой исподней кофточки или длинной юбки наподобіе капота; поверхъ капота надѣвался «запонъ» (передникъ). Костюмъ казачки вполне походилъ на костюмъ, который носятъ осетинки или мѣстныя

чеченки. Съ теченіемъ времени этотъ азіатскій покррой одежды вышелъ изъ употребленія, и въ моду вошла одежда европейскаго покроя. Теперь вмѣсто бишмета казачки носятъ мантилью (накидка, пелерина) и жакетку.

«Монисты» и разноцвѣтныя бусы, кольца, серьги, монеты, которыми казачки уграшаютъ свою грудь, должно отнести къ ихъ нарядамъ.

На ногахъ казачки носятъ опойковые ботинки съ высокими каблуками, туфли, чупяки и калоши. Среди мужчинъ калоши мало распространены, а полусапожекъ наурецъ совсѣмъ не надѣваетъ; къ послѣднимъ онъ питаетъ какое-то отвращеніе, считая ихъ обувью исключительно женскою.

Зимую казачки надѣваютъ для выхода на завазенку шубу изъ овечьихъ кожъ, а въ гости или въ церковь выходятъ въ шерстяномъ «дипломатѣ» или въ «шубкѣ» изъ мѣхалисы, зайца и другихъ грызуновъ. Шубка сверху обшивается какой-либо дорогой матеріей, а ея воротникъ составляетъ дорогой мѣхъ. Вообще можно сказать, что наурская казачка очень любитъ одѣваться, но и бережетъ она свою одежду чрезвычайно; въ этомъ отношеніи она стоитъ выше многихъ другихъ женщинъ.

XIV.

Степень матеріальнаго благосостоянія станицы.

Въ матеріальномъ отношеніи мѣстные жители не отличаются достаткомъ. Хотя они и очень трудолюбивы, но нерациональные въ нѣкоторомъ отношеніи способы обработки земли и различныя природныя бѣдствія (засуха, саранча, падежъ) служатъ основательной причиной бѣдности не только жителей станицы, но и хуторянъ. Хотя земля здѣсь и даетъ по временамъ хорошіе урожаи, но ея богатыя произведенія почти ежегодно уничтожаются или жарами, или различными

болѣзнями и паразитами, противъ которыхъ наурызцы, отъ недостатка знаній, не въ состоянїи бороться. Бѣдность здѣсь проглядываетъ и въ устройствѣ жилыхъ помѣщеній, и въ домашней обстановкѣ, и въ пищѣ. Экономическое обезпеченіе бѣднаго казака заключается въ небольшомъ домѣ, коровѣ, парѣ быковъ или лошади, при помощи которыхъ онъ добываетъ себѣ хлѣбъ и одежду.

Все богатство средней руки казака состоитъ изъ 5 коровъ, 4 парѣ быковъ, 3 лошадей, около 200 овецъ, хутора, винограднаго сада, огорода и десятинъ 10 земли, засѣянной хлѣбными злаками. На гумнѣ у него стоятъ адони ржи, проса, овса, а въ амбарѣ чечни наполнены зерномъ и мукой.

Богатые казаки, какихъ, впрочемъ, мало, имѣютъ свои табуны овецъ, рогатаго скота и косякъ лошадей. Стада его пасутся на хуторахъ, подъ присмотромъ пастуховъ-калмыковъ, а косякъ подъ надзоромъ двухъ-трехъ опытныхъ атарщиковъ (наѣздивиковъ). У богатаго казака имѣются: молотилка, косилка, жнея, вѣялка и др. усовершенствованныя сельскохозяйственныя орудія, при помощи которыхъ онъ скоро управляетъ съ огромнымъ хозяйствомъ, да еще эксплуатируетъ другихъ, напр., при покосѣ, захватывая на цѣлыя десятки десятинъ, и въ пору жатвы, зарабатывая жнилкой сотни пудовъ хлѣба въ день.

Несмотря на свое, повидимому, обезпеченное положеніе, наурызецъ не вполне доволенъ судьбой; часто онъ жалуется на недостатокъ денегъ, на которыя могъ бы починить свои старыя орудія, снасти, или приобрести новыя. Станичное общество жалуется на недостатокъ свободныхъ средствъ, чтобы постронть удобное для школы помѣщеніе, обновить церковь, завести лучшей породы скоть, постронть мельницы, заводы и т. п. Часто засуха или градъ, пожаръ, эпидемія разрушаютъ всѣ надежды населенія, и только урожайный годъ все поправляетъ, залѣчиваетъ всѣ раны. Конечно, все здѣсь добывается

съ большимъ трудомъ, при участіи сильной энергіи, зато и плоды хороши. Но опять таки, если эти плоды трудовъ по какимъ-либо причинамъ должны попасть въ руки скупщиковъ, то, конечно, казакъ не получитъ никакой выгоды; изъ-за нужды ему приходится отдавать большую часть своего хлѣба за безцѣнокъ. Общества же, помогающаго жителямъ въ такія критическія минуты, въ станицѣ не имѣется.

Земельный надѣлъ Наура простирается до 75,000 дес. (720 кв. верс., 12 вер. въ шир. и 60 вер. въ длину); изъ нихъ подъ пашнями находится (въ 1901 г.) 7,565 дес., подъ садами 250 дес., подъ огородами 75 дес.; кромѣ того, 315 дес. было сдано обществомъ въ аренду подъ распашку— всего на сумму 470 руб. и 14,545 дес. подъ пастьбу скота (тоже въ аренду) на сумму 5,752 руб.; 250 дес. находится подъ усадьбами, 23,000 дес. подъ сѣновосными мѣстами, а подъ лѣсомъ—1282 дес.; остальная земля предназначена для пастьбы скота; нѣкоторая ея часть занята песками и буераками Куркуръ.

Всѣ земельныя угоды станицы, кромѣ усадебъ, садовъ и огородовъ, находятся въ общинномъ пользованіи; на каждаго жителя среднимъ числомъ приходится 10 дес. Скота приходится на жителя: пара воловъ (или лошадь), 2 коровы, 40 овецъ и козъ.

Площадь, занятая виноградниками, равняется 230 дес. Многие виноградники погибли и брошены своими обладателями.

Въ 1901 году собрано только 4,370 пуд. винограда и выдѣлано вина 2,850 ведеръ.

Ляцъ, не имѣющихъ собственности, но живущихъ только случайнымъ заработкомъ, какъ-то: поваровъ, лакеевъ, мушей, поденщиковъ и т. п. въ станицѣ нѣтъ; обыкновенно каждый бѣдный наурецъ, при отсутствіи своей полевой или домашней работы, идетъ работать къ людямъ по-

денно или исполнять временно должность приказчика, лакея, или подрядчика у мѣстныхъ богатей.

Настроение рынка въ этомъ году тихое. Среднія цѣны на предметы первой необходимости слѣдующія:

1 пудъ пшеничной муки	стоитъ	90 коп.
„ ржаной	„ „	80 „
1 фунтъ пшеничнаго хлѣба	„	4 „
„ ржаного	„ „	3 „
„ мяса	„	6 „
„ молока	„	3 „
„ масла	„	40 „

На зерновые продукты въ послѣднее время стояли слѣдующія цѣны:

1 пудъ пшеницы	80 „
„ ржи	70 „
„ проса	50 „
„ кукурузы	50 „
„ ячменя	50 „
„ конопли	80 „
„ льна	1 руб.
1 чत्व. овса	5 руб.

Цѣны на рыбу слѣдующія:

1 пудъ севрюги	6 руб. (съ икрой дороже)
1 „ лососины	4 „
„ осетра	6 „
1 фун. жереха	6 коп.
„ мурзака	5 „
„ сазана	4 „
„ усача	4 „
„ сома	3 „

Въ станицѣ насчитывается до 2500 домовъ и 2 церкви. Высшая стоимость лучшаго дома въ станицѣ 2000 руб.; низшая стоимость казачьей сакли со дворомъ 100 руб.

Общее количество ежегодныхъ доходовъ, получаемыхъ станицею съ разныхъ предметовъ обложенія, исчисляется приблизительно въ 35,000 руб. Къ 1 января 1901 года общественнаго капитала состояло 4,706 руб.; тогда же въ общественный доходъ поступило 18,918 руб. Въ 1901 году на постройку, содержаніе и ремонтъ общественныхъ зданій, а также на школу, на жалованье учителямъ, должностнымъ лицамъ сельскихъ правленій былъ произведенъ расходъ всего въ 18,636 руб. Налицо осталось еще 282 руб. Кроме того, въ оборотахъ состояло 11,538 руб.; итого, слѣдовательно, 11,820 руб. Сиротскаго капитала къ концу года осталось 5,670 руб. Въ долгу за станичными и сельскими обществами находилось 3,000 руб.

Приходъ станицы получается отъ аренды общественныхъ земель, отъ рыбнаго откупа, съ базаровъ, ярмарки, отъ найма общественныхъ зданій, за питейную торговлю, отъ собранія съ жителей налога по раскладкѣ и другихъ поступленій.

Введеніе винной регалии лишило станицы крупной статьи дохода въ видѣ сбора съ трактирнаго промысла. Этотъ питейный доходъ, обыкновенно, шелъ на постройку плотинъ, дорогъ или зданій, но теперь его нѣтъ.

Въ станичной житницѣ къ 1 января 1902 г. было 831 чтв. зерноваго хлѣба, а должно бы быть 2534 чтв.: 1703 чтв. находилось въ ссудѣ и педонимкахъ.

Изъ этого бѣглаго очерка можно заключить, что станицу нельзя назвать бѣдною, но также и благоденствующею: нищихъ въ станицѣ нѣтъ, богачей мало, но зато зажиточныхъ домохозяевъ довольно.

XV

Гигіеническія и санитарныя условія, въ которыхъ находится населеніе. Солѣзни и ихъ лѣченіе.

Вслѣдствіе рутиннаго способа постройки жилыхъ помѣщеній, плохой вентиляціи, плохого питанія, а также нездо-

ровыхъ болотныхъ испареній, въ описываемой мѣстности очень часто появляется перемежающаяся лихорадка и вѣдко эпидемическія болѣзни, противъ которыхъ административною властью постоянно принимаются энергическія санитарныя мѣры, какъ-то: удаленіе вредныхъ для здоровья газовъ и міазмовъ, надзоръ за съѣстными продуктами на базарѣ, соблюденіе чистоты, дезинфекція домовъ, сожиганіе одежды больныхъ, отдѣленіе больныхъ отъ здоровыхъ и правильное лѣченіе. Во всей сланицѣ поддерживается строгій порядокъ, въ особенности въ санитарномъ отношеніи: по субботамъ обязательно чистятся отъ навоза и накопившагося мусора всѣ дворы и улицы; весной всѣ зданія ремонтируются, дворовыя постройки обновляются и освобождаются отъ нечистоты, скотныя базы очищаются. Надзоръ за чистотою лежитъ на атаманѣ станицы и, главнымъ образомъ, на врачахъ и фельдшерахъ мѣстной войсковой больницы. Врачей въ станицѣ 1, фельдшеровъ 6, сестра милосердія 1. Недавно на станичныя средства открытъ новый аптекарскій магазинъ.

Изъ болѣзней, въ значительной мѣрѣ ослабляющихъ приростъ населенія, особенно распространены: лихорадка, корь, оспа, тифъ, дифтеритъ и скарлатина.

Смертность болѣе значительна въ возрастѣ отъ 1 до 5 лѣтъ, что объясняется плохими гигиѣническими условіями въ домашнемъ быту и недостаточнымъ уходомъ за дѣтьми. Если послѣ 6—7 лѣтъ ребенокъ не умеръ, то можно надѣяться, что онъ будетъ еще долго жить. Старше этого возраста, вообще, дѣти не такъ воспримчивы къ разнымъ эпидемическимъ заболѣваніямъ.

Наиболѣе распространенная болѣзнь—это лихорадка. Рѣдко можно встрѣтить человека, котораго не болѣлъ бы лихорадкою. Правда, здѣшняя лихорадка не имѣетъ слишкомъ злокачественнаго характера, ограничиваясь лишь го-

ловною болью, жаромъ, ознобомъ, и, обыкновенно, скоро проходить, тѣмъ не менѣе бывали случаи, когда ею болѣли цѣлые годы.

Причиной лихорадки служитъ низменный характеръ мѣстности и обиліе влаги въ лѣсу и по берегамъ Терека. Нѣкоторыя мѣста при малой покатости совсѣмъ не осушаются отъ стоячей воды. Отъ станицы къ переправѣ черезъ Терекъ идетъ дорога, которая совершенно не разработана, завалена навозомъ и разными отбросами, страшно грязна и представляетъ изъ себя собственно не дорогу, а трудно проходимое болото. Лужи и ямы съ вязкою иловатою почвою никогда не переводятся на этой дорогѣ, но особенно онѣ увеличиваются послѣ разлитія Терека весною и лѣтомъ. Такими же болотами представляются и всѣ окрестности этой дороги. Весною онѣ покрываются зеленою плесенью, а гниющія въ нихъ растенія, навозъ и заносимый дождевыми потоками мусоръ разрушительно дѣйствуютъ на здоровье жителей. Въ ближнемъ лѣсу тоже попадаютъ никогда не просыхающія мочежины. Деревья, тальникъ, камышъ, покрывающіе эти мочежины, мѣшаютъ проникновенію солнечныхъ лучей. Въ отдѣльности здѣшнія болота не велики, но зато попадаютъ относительно часто и рѣдко просыхаютъ. Неудивительно, что они имѣютъ зловредное вліяніе на здоровье человѣка. Въ настоящее время, однако, случаевъ заболѣванія лихорадкою гораздо меньше; это объясняется частью вырубкою лѣсовъ, частью проведеніемъ водосточныхъ канавъ и, наконецъ, устройствомъ болѣе удобныхъ жилыхъ помѣщеній.

Корью и оспою заболѣваютъ преимущественно дѣти. Эти болѣзни являются здѣсь періодически: иногда нѣсколько лѣтъ сряду ихъ не бываетъ или встрѣчаются только рѣдкіе случаи заболѣванія, но другой годъ онѣ чуть не поголовно истребляютъ дѣтей.

Скарлатина и дифтеритъ очень часто посѣщаютъ описы-

ваемую мѣстность, а тифъ сравнительно рѣже. Въ 1892 году тысячи людей сдѣлались жертвою азіатской холеры.

Предохранительными мѣрами противъ заболѣванія названными болѣзнями и противъ распространенія эпидемій вообще служатъ: изолированіе больного, дезинфекція, соблюденіе чистоты и правильный уходъ за больнымъ.

Одними изъ наиболѣе часто встрѣчающихся здѣсь заболѣваний являются назожныя болѣзни. Многіе справедливо объясняютъ это отсутствіемъ достаточнаго количества бань. Чаще всего поддаются этимъ болѣзнямъ дѣти; причина распространенія ихъ среди дѣтей скрывается въ неосторожномъ купаньѣ въ Терекѣ и въ нечистоплотности дѣтей. Послѣднія, купаясь по цѣлымъ днямъ до озноба въ рѣкѣ, начинаютъ „грѣться“ на берегу въ согрѣваемыхъ солнцемъ лужахъ, переимѣшанныхъ съ мусоромъ, или въ ѣдой тинѣ, отчего на тѣлѣ появляются различныя раны, сыпи, нерѣдко злокачественнаго свойства.

Число лицъ, страдающихъ болѣзнями, требующими особаго ухода, въ станицѣ 7; одинъ изъ нихъ слѣпой отъ рожденія и шесть глухонѣмыхъ; чахоточныхъ и идіотовъ, а также страдающихъ зобомъ въ станицѣ нѣтъ.

Въ Наурѣ нерѣдко можно встрѣтить и душевно больныхъ; но среди нихъ почти не попадаются женщины. Частые же случаи помѣшательства среди мужчинъ невольно обращаютъ на себя вниманіе. Гдѣ же причина столь замѣтной уже болѣзни, какъ умопомѣшательство?

Въ виду повторяющихся почти ежегодно неурожаевъ, отсутствія промышленной и торговой жизни въ станицѣ, наурцы стали все болѣе и болѣе вести скитальческій образъ жизни, ища внѣ родины средствъ для пропитанія своего семейства. Ходитъ наурецъ изъ города въ городъ, какъ ему это ни непріятно, на заработки и по временамъ возвращается домой. Чтобы забыть горе-нужду, казакъ часто прибѣгаетъ

къ спиртнымъ напиткамъ, которые въ связи съ секретными болѣзнями и создаютъ расстройство не только въ физической, но особенно въ умственной сферѣ. Самоубійство, однако, довольно рѣдкое явленіе въ станицѣ.

Народная медицина, вообще, мало распространена въ средѣ казачьяго населенія станицы. Тѣмъ не менѣе, у наурцевъ существуютъ кое-какія домашнія средства: пиявки, бани, горчишники. Особенно развито среди мѣстнаго населенія кровопусканіе. Разболится ли голова, заболѣть ли глаза или спина, казакъ ставитъ себѣ банки или кладетъ на тѣло пиявки. Въ подобныхъ случаяхъ казакъ думаетъ, что кровь въ человѣкѣ портится и что головная или поясная боль бываетъ отъ накопленія въ организмъ этой дурной крови. Вотъ почему устраиваютъ кровопусканіе. Лѣченіемъ такимъ занимаются не отдѣльныя личности—народные лѣкари или лѣкарки, а каждый, кто заболѣетъ тою или иною болѣзнию. Пускаютъ въ ходъ также разные отвары изъ кореньевъ, укуса, квасцы, вдыханіе паровъ отъ кипяченія воды съ какимъ-либо растеніемъ. Въ большинствѣ же случаевъ народъ полагается на волю Божию. На основаніи такого убѣжденія, истекающаго изъ религіозныхъ чувствъ, жители даже противъ эпидемическихъ болѣзней не принимаютъ никакихъ мѣръ, если къ тому не принудитъ ихъ начальство. Эпидеміи народъ приписываетъ Божіему наказанію, противъ котораго не должно принимать никакихъ мѣръ.

Развитію народной медицины въ мѣстности много помѣшала существующая здѣсь съ давнихъ поръ больница, въ которой жители могутъ лѣчиться отъ всякихъ болѣзней бесплатно. Вновь открытый станичный аптекарскій магазинъ тоже не мало содѣйствуетъ распространенію среди населенія болѣе раціональныхъ методовъ лѣченія отъ различныхъ болѣзней.

Сообщу нѣсколько народныхъ приѣмовъ при лѣченіи болѣе распространенныхъ болѣзней.

Въ самомъ началѣ заболѣванія лихорадочными болѣзнями даютъ столовую ложку кастороваго масла. Во время озноба къ ногамъ больного прикладываютъ нагрѣтый и завернутый въ тряпку жженый кирпичъ. При жарѣ и головной боли къ темени прикладываютъ тряпку, намоченную въ уксуcъ, а также и пчелиный медъ на тряпкѣ. Больному лихорадкой совѣтуется также купаться въ родниковой водѣ.

Болѣзнь спины очень распространена среди мѣстнаго населенія, поэтому и средствъ народныхъ противъ нея много. Чаще всего употребляются слѣдующія: къ спинѣ больного ставятъ нѣсколько банокъ или пиявокъ и пускаютъ кровь; въ другихъ случаяхъ втираютъ вдоль позвоночника и, главнымъ образомъ, въ поясную часть (поясницу) керосинъ, въ которомъ, предварительно, растираютъ стручковой перецъ; третій способъ состоитъ въ прикладываніи къ поясницѣ горчишниковъ. Смѣшиваютъ въ тарелкѣ или въ какомъ-либо другомъ сосудѣ сарептскую горчицу (въ порошокѣ) съ водою для образованія полужидкой кашицы; эту массу размазываютъ на тряпочкѣ и прикладываютъ къ больному мѣсту до образованія красноты. Какъ только образовалась краснота, тотъ же самый горчишникъ прикладываютъ къ другому мѣсту. Этотъ способъ дѣйствуетъ отвлекающимъ и болеутоляющимъ образомъ.

При лѣченіи паршей, ожоговъ и различнаго рода язвъ готовятъ мази изъ вазелина, глицерина или борной кислоты. Для изгнанія паршей и паразитовъ на кожѣ употребляютъ сѣрую ртутную мазь—политанъ, къ ожогамъ прикладываютъ испеченный чеснокъ.

При течіи изъ ушей, при болѣзняхъ носа употребляютъ борную кислоту, а также и пары отъ кипяченія воды съ мятой или дубовой кожей. Въ больное ухо пускаютъ нѣ-

скольно капель деревяннаго масла. При насморгѣ нюхаютъ шерсть или хвостъ кошки, опаленный на огнѣ. При воспаленіи зѣва и рта дѣлаютъ полосканія борной кислотой или растворомъ квасцовъ или бартолетовою соли.

При трещинахъ, ссадинахъ на кожѣ рукъ, губъ и другихъ частей тѣла употребляется всегда глицеринъ въ видѣ втиранія.

При кашлѣ больной выдыхаетъ пары, идущіе отъ горячаго кирпича или отъ скипидара, налитаго въ небольшой дозѣ въ кипятокъ. Въ большинствѣ же случаевъ больные принимаютъ Доверовъ порошокъ въ дозахъ, прописанныхъ врачомъ.

Страдающіе зубною болью жуютъ гвоздику, курятъ табакъ, прикладываютъ къ больному зубу испеченный чеснокъ, наливаютъ на него мятыя капли.

При останавливаніи мочи пьютъ отваръ изъ пороха.

При ломотѣ въ костяхъ и ревматизмѣ употребляютъ горчишки и втираютъ въ больныя мѣста фотогень, при чемъ принимаютъ ванны.

При опухоли подчелюстныхъ железъ прикладываютъ подбородокъ къ краю пещки и, надавливая больныя мѣста, читаютъ про себя „Богородице, Дѣво, радуйся“. Съ этой же цѣлью употребляютъ и цѣпь (крючокъ) отъ дверей и часть обода колеса, прикладывая ихъ къ подбородку и читая упомянутую молитву.

При сильной головной боли и жарѣ прикладываютъ къ головѣ компрессы, состоящія изъ тряпокъ, намоченныхъ въ уксусѣ съ небольшимъ количествомъ воды. Иногда при головной боли прибѣгаютъ къ цѣвкамъ и банкамъ, которыя располагаются на затылкѣ и вискахъ.

При разрыхленіи десенъ и кровотеченіи изъ нихъ дѣлаютъ полосканія рта борной кислотой или растворомъ квасцовъ. При изжогѣ, при образованіи въ желудкѣ кислоты,

употребляютъ соду двууглекислую по чайной ложкѣ на стаканъ воды.

При всѣхъ процессахъ, гдѣ только воспалена поверхность кожи, а также при язвахъ употребляютъ цинковую мазь; ее намазываютъ на чистую холстинку и прикладываютъ въ воспаленному мѣсту; въ подобныхъ же случаяхъ употребляютъ медъ и воскъ. Для заживленія незначительныхъ воспаленій и царапинъ на кожѣ употребляется коллодіумъ.

При лѣченіи эпидемическихъ и венерическихъ болѣзней населеніе обращается къ врачу. Больные гонорроей дѣлаютъ себѣ спринцеванія растворомъ квасцовъ и отваромъ дуба; изъ внутреннихъ средствъ особенно практикуется сиропобразный отваръ изъ конопляннаго сѣмени или, просто коноплянное масло (по столовой ложкѣ въ пріемъ); одинъ разъ въ день больной пьетъ отваръ изъ петрушки (чайный стаканъ на пріемъ). Больной питается только молокомъ и принимаетъ, по временамъ, копейскій болъзамъ и мочегонныя.

Если ребенокъ слабъ или страдаетъ худосочіемъ (сухотю), его трижды продѣваютъ черезъ прорѣзанное (вдоль) насквозь дерево; послѣднее обмазывается потомъ грязью и завязывается рубашкою больного ребенка.

XVI

Организація семейной и общественной жизни. Времяпрепровожденіе праздниковъ.

Домашнія отношенія, какъ уже имѣлъ случай замѣтить, отличаются, вообще, грубымъ первобытнымъ характеромъ. Отецъ семейства иногда является деспотомъ среди окружающихъ его людей, немилосерднымъ распорядителемъ при общихъ работахъ; авторитетъ его непоколебимъ въ семействѣ. Свекровь, въ свою очередь, можетъ безъ всякаго основанія обижать сноху; послѣдняя пользуется всеобщимъ нерасположеніемъ: ее бьютъ и мужъ, и свекоръ, и свекровь. Только

въ рѣдкихъ случаяхъ домашняя жизнь казачка основывается на умственномъ превосходствѣ какого-либо члена семьи: умна свекровь—она управляетъ домомъ, распорядительна и свѣдуща сноха—всѣ слушаются ея, все исполняется подъ ея руководствомъ, но и въ подобныхъ случаяхъ сноха сохраняетъ должное уваженіе въ старшимъ.

Семействъ, находящихся въ близкомъ между собою родствѣ и живущихъ вмѣстѣ, имѣющихъ одни общіе интересы, въ настоящее время трудно встрѣтить въ станицѣ. Въ случаѣ раздора между женатыми братьями и отцомъ, вся семья раздѣляется. Рогатый скотъ, лошади, овцы, домашняя утварь и другое имущество дѣлится равномѣрно между всѣми сыновьями. Послѣ дѣлежа каждый начинаетъ жить собственнымъ домомъ.

Домашней прислуги наурцы не имѣютъ: тотъ или другой видъ работы исполняется членами семьи.

Общественная жизнь болѣе или менѣе сносна. Наурцы очень дружно живутъ между собою и дружба ихъ чиста; казакъ только неумышленно, во гнѣвѣ, можетъ оскорбить сосѣда; обмануть же его, поживиться на его счетъ не въ характерѣ наурца.

При встрѣчѣ наурцы отвѣщаютъ другъ другу поклоны, сопровождая ихъ взаимными привѣтствіями, при чемъ они не разсуждаютъ, знакомы ли они или нѣтъ. Женщина, встрѣтись съ мужчиною, наклоняетъ голову и никогда не переходитъ дороги, пока мужчина не минуетъ ея. Подождавъ идущаго съ другой улицы мужчину и пропустивъ его въпереди себя, женщина продолжаетъ свой путь. Бдущему на лошади или на телѣгѣ казачка тоже не переходитъ дороги; она можетъ перейти дорогу только съ ношей, напр., съ ведрами воды, съ ребенкомъ на рукахъ.

Дѣвушка при встрѣчѣ съ незнакомымъ парнемъ смущенно наклоняетъ голову и кланяется.

Старики почитаются: молодой казакъ-парень будетъ считаться непочтительнымъ и грубымъ, если не сниметъ шапки предъ старикомъ. Самымъ большимъ уваженіемъ среди наурцевъ пользуются священники, уже затѣмъ учителя и военныя лица дворянскаго происхожденія.

Общественныя увеселенія наурцевъ состоятъ изъ различныхъ игръ, музыки, танцевъ, пѣнія и джигитовки. Изъ подвижныхъ игръ особенно распространены игры въ мячъ, въ стрѣлы, перебѣжки, чижикъ, дучки. Игры въ мячъ и „въ стрѣлы“ особенно практикуются весною. Молодежь—парни и дѣвушки играютъ въ эти игры каждый праздникъ: на улицѣ и въ полѣ.

На Пасху въ мячъ играютъ и взрослые. Женщины и мужчины выходятъ въ нарядныхъ костюмахъ за станицу, и здѣсь начинаются игры въ мячъ, поражающія своимъ разнообразіемъ. Тогда же бываютъ и другіе виды развлеченій. Тамъ и сямъ разбросаны, по зеленому покрову поля, толпы народа. Въ одномъ кружкѣ происходятъ танцы; въ другомъ пѣніе; въ третьемъ музыка, поединки и т. п. Европейскіе танцы мало распространены, зато лезгинку здѣсь танцуютъ почти всѣ отъ мала до велика. Мотивы лезгинокъ различны, характеръ же мотивовъ азіатскій. Та или другая лезгинка танцуется различно: одна сопровождается быстрыми движеніями и жестами, въ другой плавный ходъ смѣняется порывистыми скачками, третью танцуютъ съ обнаженными кинжалами въ рукахъ, которыми при исполненіи танца производятся различныя приемы. Последняя лезгинка не лишена опасности: неопытный танцоръ, находясь въ нетрезвомъ состояніи, можетъ неосторожно задѣть кинжаломъ танцующую съ нимъ дѣвушку.

По праздничнымъ днямъ весной и лѣтомъ парни и дѣвушки собираются въ садахъ и тамъ проводятъ время въ свое удовольствіе вплоть до вечера; затѣмъ, напивъ при-

шедшую съ пастбища скотину, снова собираются на перерывахъ улицъ, гдѣ поють и веселятся до 12 часовъ ночи.

Изъ комнатныхъ игръ особенно распространены „кошка мышка“, „кольцо“, „фанты“, „миль сосѣдъ“, „море волнуется“, „монахъ“ и др. Эти игры практикуются на вечеринкахъ, сборищахъ и дѣвешникахъ.

Несмотря на то что парни и дѣвушки на вечеринкахъ и дѣвичникахъ нерѣдко проводятъ вмѣстѣ цѣлую ночь, въ ихъ отношеніяхъ не наблюдается ничего безнравственнаго. На общихъ увеселеніяхъ молодые парни высматриваютъ себѣ невѣсть, а дѣвушки на сборищахъ показываютъ свое умѣнье шить, вязать и пѣть пѣсни. Благопристойность на вечеринкахъ соблюдается весьма строго. Соблюденіе нравственной чистоты слишкомъ глубоко лежитъ въ сознаниі здѣшней дѣвушки, такъ какъ, въ случаѣ ея паденія, на нее обрушится общественное презрѣніе; она уже не можетъ выйти замужъ за казака, а изрѣдка случается, что она изгоняется изъ родительскаго дома.

Джигитовки, или скачки устраиваются въ Наурѣ для молодежи и строевыхъ казаковъ, уже вернувшихся съ дѣйствительной службы. Это самое интересное и самое любимое мѣстное развлеченіе; оно даетъ возможность молодежи показать свое удалство и ловкость передъ цѣлой станицей; безстрашіе казака обнаруживается на джигитовкѣ. На масленицу, Троицу, кромѣ скачекъ, устраивается еще своеобразный видъ развлеченія—стрѣльба.

Особенно почитаются мѣстнымъ населеніемъ слѣдующіе праздники: Рождество Христово, Пасха, масленица. Праздники имѣютъ въ жизни мѣстнаго населенія большое значеніе; только въ эти дни представляется возможность сойтись нѣсколькимъ десяткамъ лицъ, долгое время не видавшимъ другъ друга, и поговорить о томъ-о семъ, повеселиться, развлечься; только праздники служатъ здѣсь

связующимъ звеномъ между людьми, ведущими чисто трудовой образъ жизни.

Святая Пасха, какъ «праздниковъ праздникъ», встрѣчается и проводится въ Наурѣ съ подобающею торжественностью. Задолго до наступленія праздника всѣ запасаются новой одеждой, сапогами, чувяками, ногавицами. Мужчины заказываютъ черкески и бешметы, а женщины «дипломаты», пелерны, жакетки. Дѣтямъ тоже заготавливаются новые костюмы и починаются тѣ, которые отъ употребленія пришли въ ветхость.

На первый день Пасхи церковь бываетъ положительно биткомъ набита народомъ. Въ концѣ обѣдни священникъ поздравляетъ прихожанъ со Свѣтлымъ праздникомъ; одинъ изъ богатыхъ обыкновенно приглашаетъ батюшку къ себѣ откушать. Прихожане, выходя изъ церкви, взаимно поздравляютъ другъ друга, цѣлуются, а затѣмъ каждый торопится къ себѣ домой разговѣться послѣ продолжительнаго поста.

Послѣ обѣда всѣ улицы станицы бываютъ наполнены пестро одѣтымъ народомъ; отовсюду слышатся возгласы: Христосъ воскресъ! Вотъ идетъ толпа ребятъ и дѣвушекъ. Всѣ они въ изящныхъ щегольскихъ костюмахъ. На парняхъ одѣты плотно обхватывающія станъ черкески, изъ-подъ которыхъ на груди выглядываютъ атласные бешметы; на головѣ у нихъ барашковыя папахи, а на поясѣ кинжалъ въ серебряной оправѣ; дорогой галунный поясокъ, переброшенный назадъ черезъ плечо, дополняетъ красоту костюма.

Около парней идутъ дѣвушки, наигрывая на гармоникахъ лезгинку; онѣ щеголяютъ шелковыми и шерстяными «дипломатами» и платками. Высокія груди ихъ увѣшаны разноцвѣтными монистами и бусами. На всгахъ дѣвушекъ и парней красуются разноцвѣтные чувяки съ пуговицами и кисточками изъ мишурнаго золота; въ этой обуви форма ногъ рельефно обрисовывается, что даетъ возможность легко

и мастерски дѣлать замысловатое „па“ при танцахъ. Всѣ парни и дѣвушки собираются гдѣ-нибудь на лужайкѣ и проводятъ время въ веселіи вплоть до вечера; взрослые выходятъ на завалинку и смотрять на игры, устраиваемыя тутъ же молодежью.

Въ каждомъ дворѣ на Пасху устраиваются качели. Послѣднія строятся безъ особенныхъ затѣй, и удовольствіемъ — качаться на нихъ пользуются только дѣти. На вѣсовой площадкѣ строятся большія качели, развлечься на которыхъ не прочь и взрослые.

Приготовленія къ Рождеству Христову начинаются у наурцевъ за 3—4 недѣли до наступленія праздника. Всѣ усиленно занимаются заготовленіемъ всего необходимаго къ празднику. Отецъ и мать готовятъ своимъ дѣтямъ праздничныя нарядныя платья, чтобы они могли идти съ поздравленіемъ родныхъ и сосѣдей. Хозяева усиленно откармливаютъ свиней, куръ, гусей, барановъ, индѣекъ. Откармливаніе свиней и птицъ производится по возможности взаперти, чтобы лишить ихъ движенія. Свиней помѣщаютъ въ огромной ямѣ, гдѣ и откармливаютъ мукой, отрубями и кукурузой. Въ нѣсколько недѣль онѣ такъ жирѣютъ, что не могутъ подняться съ мѣста. Потомъ свиней убиваютъ, готовятъ окорока, „холодецъ“, а сало помѣщаютъ въ кадучки, посыпаютъ солью и употребляютъ въ пищу цѣлую зиму.

Заутреня на Рождество Христово начинается рано, ночью часа въ три. Всѣ жители, услыша благовѣсть, зажигаютъ предъ иконами лампадки, часть семьи идетъ въ церковь, другая — преимущественно женщины, остается дома и принимается за стирку. Послѣ заутрени начинается въ каждомъ домѣ пріемъ поздравителей — дѣтей. Послѣдніе, запыхавшись, съ разкрасѣвшимися отъ холода лицами, толпами бѣгаютъ изъ двора въ дворъ, поздравляя всѣхъ и каждого. Поздравленіе дѣтей состоитъ въ пѣніи рождественскаго

тропаря и кондака. Съ поздравленіемъ ходять всё дѣти, преимущественно отъ 5 до 10 лѣтъ; выше этого возраста стыдятся поздравлять и собирать орѣхи да конфеты. Въ старину же ходили съ поздравленіями всё, начиная отъ 5 до 25 и даже 30 лѣтъ; обычай этотъ ведется изстарн.

Тропарь и кондакъ дѣти поють, не понимая смысла и коверкая слова до невозможности. Сами учителя ихъ, бабушка или мать, передають церковныя пѣсни въ такой же формѣ и съ такими же грубыми ошибками, какія допускають и дѣти. Послѣ пѣнія тропаря и кондака христославы прибавляютъ: „Были мы въ Вифлеемѣ, видѣли родившагося Христа и поспѣшили поздравить васъ (имя „хозяйна съ хозяйшкю“) съ радостною вѣстью.“ Вотъ и все поздравленіе. Нѣкоторые христославы послѣ поздравленія начинаютъ рассказывать, какъ Иисусъ Христосъ послѣ своего рожденія подвергся преслѣдованію жидовъ и какъ Онъ спасся у Пилатовой жены. Забѣжавъ въ домъ Пилата, Христосъ увидѣлъ его жену, убаюкивающую своего ребенка. Христосъ просилъ „Пилатову жонку“ о спасеніи, при чемъ предложилъ ей бросить свое дитя въ горящую печку, а Его въ люльку. „Пилатова жонка“ вѣрнула въ Спасителя и исполнила просьбу младенца Иисуса. Въ это время въ домъ Пилата ворвались жиды и, не найдя младенца Христа, вернулись ни съ чѣмъ: они не догадались, что Иисусъ лежалъ въ люлькѣ, убаюкиваемый женой Пилата. Такъ спасся Иисусъ Христосъ отъ гоненія жидовъ-кровопійць. „Пилатовой жонкѣ“ предстояла великая мзда на небесахъ у престола Вседержителя Бога. Это сказаніе о Иисусѣ Христѣ нѣкоторыя матери распѣвають своимъ дѣтямъ на Рождество, но мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось записать его въ стихахъ.

Хозяева, выслушавъ поздравленіе дѣтей, благодарять ихъ, хвалятъ ихъ пѣніе, а затѣмъ, разсадивъ всѣхъ на порогъ, — чтобы куры водились, насыпають каждому въ кар-

манъ орѣховъ, конфетъ, пряниковъ, а состоятельные даютъ и деньги. Поздравивъ однихъ, дѣти съ шумомъ выбѣгаютъ и поздравляютъ другихъ, третьихъ и т. д. Толпы поздравителей такъ и смѣняють одна другую. Маленькія дѣти, вмѣсто тропаря и кондака, поютъ: „Маленькій хлопчикъ влѣзь на снопочикъ, въ дудочку играетъ, Христа забавляетъ, а хозяйина съ хозяйкой съ Христомъ поздравляетъ; отворите сундучокъ, пожалуйста пятачокъ“. Всѣ, обыкновенно, запасаются подарками и сладостями въ такомъ количествѣ, чтобы имъ одѣлать всѣхъ христовъ. Не принять и не одарить дѣтей считается тяжкимъ грѣхомъ. Рождество Христово поистинѣ можно назвать дѣтскимъ праздникомъ: наступленіе его всѣ дѣти ожидаютъ съ нетерпѣніемъ.

Съ разсвѣтомъ пачинается благовѣсть къ обѣднѣ и поздравленія прекращаются: семья собирается итти въ церковь. Последняя не вмѣщаетъ всѣхъ желающихъ молиться и слушать торжественное пѣніе, потому многіе помѣщаются на паперти и въ церковной оградѣ. Послѣ разговѣнія ходять съ поздравленіями музыканты и церковный хоръ; они посѣщаютъ болѣе состоятельныхъ хозяевъ. Хоръ церковный въ Наурѣ организованъ хорошо, и всякій радъ послушать у себя дома чудное церковное пѣніе. Пѣвчихъ и музыкантовъ щедро надѣляютъ деньгами, угощаютъ явствами и виномъ.

Въ слѣдующіе же дни пачинаются складчины, полойки, гульбища, маскарады, продолжающіеся всѣ сватки. Днемъ по улицамъ станицы мчатся одна за другою тройки, запряженныя въ сани съ козырькомъ; всѣ онѣ наполнены веселыми подвыпившими казаками и ихъ женами. Молодые парни и дѣвушки устраниваютъ танцевальныя вечера, пекутъ блины, проги, гадаютъ и устраниваютъ ряженья въ козу и въ лошадь. По вечерамъ они пекутъ подъ обнами разные стишки языческаго происхожденія, испрашиваютъ отъ хозяевъ

„колбасы и вина“. Дѣти толпами бѣгають по вечерамъ за „лошадью“ или „козю“, немилосердно крича:

Ой, Овсенька!

Скакаль, скакаль козликъ.

Ой, Овсенька!

Точиль, точиль косу.

Ой, Овсенька!

Косиль, рубиль козу и т. д.

Гаданіемъ на сваткахъ заняты исключительно дѣвушки, суевѣрно жаждущія узнать свою судьбу. Канунъ Нового года—самое любимое ихъ время для гаданія.

Передъ Новымъ годомъ каждый наурецъ возвращаетъ по принадлежности чужія вещи, свои беретъ къ себѣ, долги старается расплатить,—однимъ словомъ, казакъ прилагаетъ все стараніе къ тому, чтобы водворить во всемъ порядокъ, чтобы съ Новымъ годомъ началась правильная жизнь, а съ нею чтобы наступило для него и счастье.

Въ день Нового года въ комнатахъ воскуряется ладанъ, и затѣмъ слѣдуетъ рядъ церемоній, соблюдаемыхъ, однако, немногими. Когда все приготовлено, семья приступаетъ къ совершенію молитвы. Впереди всѣхъ стоитъ отецъ семейства; послѣ молитвы онъ даетъ знакъ, чтобы всѣ заняли свои мѣста за столомъ. Столъ бываетъ переполненъ яствами. Распорядительницею является мать семейства; подавъ все нужное на столъ, она усаживается и сама. Обѣдъ проходитъ обыкновенно въ оживленной бесѣдѣ, во взаимныхъ пожеланіяхъ другъ другу новаго счастья, новыхъ успѣховъ. Наѣвши и напившись, наурецъ проводитъ день Нового года въ бесѣдахъ о вѣрѣ или о томъ, каковъ будетъ Новый годъ въ отношеніи урожая, о старшинѣ и т. п.;—однимъ словомъ, день первый Нового года проводится въ станицѣ образцово; впа многіе не пьютъ, чтобы не запить на весь годъ. Кто въ этотъ день пьетъ, воруетъ, безобразно ведетъ себя, то

эти пороки останутся съ нимъ и на весь годъ. Слѣдующіе уже дни посвящаются обильнымъ возліаніямъ Бахусу, которыя, однако, особенно долго не затягиваются. Молодые парни и дѣвушки ходятъ по вечерамъ колядовать. У каждаго изъ нихъ по мѣшочку хлѣбныхъ сѣмянъ; при словахъ „Щедры ведры, щедрый вечеръ, добрый вечеръ...“ или „сѣю, вѣю, посѣваю, съ Новымъ годомъ поздравляю“, они разсыпаютъ по комнатамъ хозяина, въ которому зашли „щедровать“, овесъ, просо, рожь, ячмень, пшеницу.

На другой день послѣ „щедрованія“ всѣ родственники устраниваютъ общій обѣдъ; послѣдній отличается особенною задушевностью. Если существуютъ между кѣмъ-нибудь непріязненные отношенія, то они забываются; каждый старается угодить и предупредить желанія своего сосѣда; тосты провозглашаются за здоровье Царя, лучшихъ начальниковъ Терскаго войска, а затѣмъ за казачество и всѣхъ присутствующихъ. Всѣ составляютъ изъ себя хоръ въ 4 голоса и поютъ любимыя казачьи боевыя пѣсни. Благодаря общему веселію и задушевности обѣдъ продолжается вплоть до вечера.

Въ день Крещенія Господня всѣ жители станицы спѣшать на „Юрдань“, чтобы посмотрѣть на торжество и захватить въ сосудъ святой воды, которая въ случаѣ нужды употребляется какъ цѣлебное средство противъ многихъ болѣзней и недуговъ.

Наконецъ, осталось еще сказать нѣсколько словъ о масленицѣ. Послѣднюю, судя по той торжественности, съ которою она празднуется, безъ преувеличенія можно назвать народнымъ праздникомъ въ этой мѣстности. Масленицу наурцы ожидаютъ съ нетерпѣніемъ, особенно молодежь. Еще задолго до наступленія праздника красавицы-казачки готовятъ молодымъ казакамъ костюмы для будущей джигитовки. Мужчины чистятъ своихъ лошадей, сбрую, оружіе и заранѣе упражняются въ наѣздничествѣ, выѣзжая въ поле и продѣ-

лывая наединѣ тѣ или иные приемы, употребляемые при скачкахъ и джигитовкахъ.

Мальчики въ возрастѣ отъ 6 до 10 лѣтъ заняты приготовленіемъ „пушекъ“ для будущей стрѣльбы. Кусокъ дерева, толщиною въ два пальца и притомъ загнутый подъ прямымъ угломъ (или тупымъ), тщательно обстрагивается, чтобы будущее пушечное ложе не имѣло шероховатостей; въ выдолбленное углубленіе кладется пустая гильза отъ винтовки системы Бердана, привязывается проволокой, и пушка готова; на сантиметръ отъ основанія гильзы прокалывается отверстие, черезъ которое и зажигается порохъ. Приготовивъ, такимъ образомъ, пушку, мальчикъ начинаетъ привѣтствовать масленицу, и пушка его производитъ довольно сильные и оглушительные выстрѣлы. Парни отъ 10 до 20 лѣтъ запасаются пистолетами и револьверами для ознаменованія предстоящаго праздника. Но вотъ праздникъ наступилъ, и вся станица объята оглушительной стрѣльбой: и старь и младъ стрѣляютъ. Для чего все это дѣлается, этого никто не въ состояніи объяснить: „такъ дѣлали наши отцы, таковъ обычай“, обыкновенно услышишь въ отвѣтъ.

На второй, третій и четвертый день масленицы устраивается еще своеобразный маскарадъ. Всѣ молодые казаки, а иногда и женщины, нарядившись въ изысканные костюмы, въѣзжаютъ на лошадяхъ на площадь, гдѣ и производятся различнаго рода военныя упражненія, скачки и джигитовка. Мѣстные торговцы ставятъ въ условленномъ мѣстѣ деньги, табакъ, куски ситца, а всѣ наѣзники одинъ за другимъ схватываютъ на скаку съ земли поставленные предметы, которые и поступаютъ въ ихъ собственность. Здѣсь же устраивается джигитовка, скачки съ упражненіями, съ препятствіями и безъ оныхъ. Конечно, праздникъ иногда кончается не безъ увѣій, но наурцы строго держатся стараго обычая и ничуть не раскаиваются въ отпускѣ своихъ сыновей на

бѣшенныя скачки. На масленицу устраивается еще общая скачка для „строевыхъ“ казаковъ. Последняя производится за ставницею при огромномъ стеченіи народа. Опытные джигиты выигрываютъ „призы“, т. е. удостаиваются той или иной награды.

Пищу наурцевъ на масленицу составляютъ блины и впушки, приготовляемые изъ палочекъ тѣста; палочки эти симметрично складываются въ какія-нибудь фигуры, въ такомъ видѣ кладутся на сковороду и жариваются на постномъ маслѣ.

На Троицу въ Наурѣ другое веселье. Праздникъ этотъ отличается тѣмъ, что взрослые и юноши поголовно предаются отвратительному пьянству. Вино къ этому празднику привозится изъ ст. Червленной.

Нарни и дѣвушки на Троицу завиваютъ вѣлки и пекутъ блины.

XVIII.

Рожденіе, крестины, свадьба, похороны и поминки.

Рожденіе мальчика вообще болѣе радушно встрѣчается казакомъ, нежели дѣвочки, потому что последняя не пользуется надѣломъ земли и лѣса. Въ другихъ случаяхъ для наурца одинаково радостно, родились ли у него сынъ или дочь: какъ тотъ, такъ и другая черезъ 7—8 лѣтъ будутъ ему помогать въ хозяйствѣ, а въ 15 лѣтъ будутъ уже настоящими работниками. Съ 19 года сынъ пойдетъ въ строй, а дочь будетъ уже замужемъ.

Роженца лежитъ въ постели отъ одной до двухъ недѣль; въ теченіе этого времени ее посѣщаютъ родные и ухаживаютъ за нею; она питается легкими кушаньями: молокомъ, кумысомъ.

Съ рожденіемъ ребенка отецъ ищетъ между знакомыми кума и куму. Въ свободное время они и сами являются съ

услугами, и крестины дитяти ускоряются. На третій или четвертый день бабка повитуха несет ребенка къ „батьюшкѣ“ для совершенія молитвы, послѣ которой и назначаются крестины; до крестинъ всё называютъ новорожденнаго калмыкомъ, т. е. некрещенымъ. На крестины въ церковь собираются кумъ, кума, родственники и близкіе знакомые родителей. Прямо изъ церкви всё идутъ въ домъ отца, гдѣ уже приготовленъ столъ, напекли массу пироговъ, приготовили шашлыкъ, вина, мореу, рыбы и т. п. Всѣ гости усаживаются за столъ, и въ свои права вступаетъ угощеніе. Поднимаются бокалы за здоровье родителей, новорожденнаго, кума, кумы и присутствующихъ; раздаются пожеланія, чтобы новорожденный былъ настоящимъ казакомъ, безстрашнымъ и храбрымъ, и почиталъ бы своихъ родителей. Богатый казакъ нанимаетъ духовой или бальный оркестръ, а бѣдный ограничивается лишь гармониками, подъ звуки которой танцуютъ и поютъ пѣсни. Больше всѣхъ радуется отецъ новорожденнаго. Онъ наряжается въ костюмъ турка, падѣваетъ на голову турецкую феску или чалму, а за широкій поясъ затыкаетъ вѣскольکو пистолетовъ и начинаетъ веселить присутствующихъ; онъ танцуетъ, стрѣляетъ, говоритъ и поетъ причудливые куплеты. Вообще говоря, на крестинахъ у маломальски зажиточнаго казака-наурца бываетъ полное веселье, обиліе пици и вина. Присутствующіе дарятъ младенцу, кто что можетъ, и тѣмъ оканчивается торжество обряда. Послѣ совершенія крестинъ выздоровѣвшая мать ходитъ съ ребенкомъ въ баню, а также устраиваетъ для него купанье дома.

Свадьба совершается здѣсь въ свободное отъ полевыхъ работъ время, напр., осенью и зимою. Молодой человѣкъ еще заранѣе прискиваетъ себѣ невѣсту. На сборищахъ молодежи, на вечеринкахъ онъ изучаетъ избранную имъ особу, обращаетъ вниманіе на ея умъ, красоту, работоспособность и въ

концѣ концовъ дѣлаетъ предложеніе. На согласіе съ ея стороны онъ уже вполне рассчитываетъ, потому что долгое время до этого онъ ухаживалъ за нею, дарилъ ее и старался отличиться предъ ея родителями. Онъ посылаетъ сватовъ, и если родители согласятся выдать за него свою дочь, то приступаютъ немедленно къ свадьбѣ; если же откажутъ, то молодой человѣкъ или похищаетъ любимую дѣвушку, предварительно сговорившись съ послѣднею, или терпѣть еще года два-три, а потомъ снова посылаетъ сватовъ просить руки своей возлюбленной. Бываютъ случаи, когда молодой человѣкъ женится не по любви, а просто лишь потому, что въ домѣ недостаетъ работницы. Такой женихъ, получивъ отказъ отъ одной особы, засылаетъ сватовъ къ другой, третьей и т. д., пока не найдетъ сговорчивую дѣвушку и согласную выйти за него замужъ; конечно, одного согласія дѣвушки недостаточно: непременно должны согласиться и родители, иначе дочь не можетъ выйти замужъ.

Процедура сватанія состоитъ въ слѣдующемъ: сваты отъ жениха (спеціальной свахи въ Наурѣ не бываетъ; ее замѣняютъ родственники и знакомые жениха) приходятъ въ праздничное время въ домъ невѣсты; здѣсь ихъ радушно принимаетъ хозяйинъ дома и ведетъ въ комнату; гости усаживаются и начинаютъ разговоръ о жптѣ-бытѣ хозяина дома, о степени урожая, о покосѣ, жатвѣ и постепенно переходятъ къ парнямъ и дѣвушкамъ, къ ихъ поведенію и, наконецъ, объявляютъ о цѣли своего прихода приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Мы слышали неоднократно, что у васъ есть хорошій товаръ, купцы налицо: не продадите ли вы своего товара?“ „Товаръ у насъ есть, но очень дорогой: достанетъ ли вашихъ денегъ его выкупить? Дѣвушка-хозяйская дочь, узнавъ о цѣли прихода гостей, скрывается у своей сосѣдки-подруги. Тутъ собираются и другія по-

други невѣсты; онѣ устраиваютъ бесѣду, предметомъ которой является женихъ.

Отецъ и мать невѣсты или сразу соглашаются выдать свою дочь, или отказываютъ, смотря по обстоятельствамъ, ссылаясь на молодость невѣсты или на ея равнодушное отношеніе къ жениху. На самомъ же дѣлѣ родители невѣсты рѣдко потакаютъ желаніямъ дочери и на ея просьбы согласиться или отказать отвѣчаютъ: „стерпится-слюбится, а сушоваго и конемъ не объѣдешь“.

Иногда родители невѣсты просятъ у сватовъ времени подумать, посоветоваться съ родными. Послѣ совѣщанія родственниковъ они или соглашаются или просятъ „не прогнѣваться“ и благодарятъ, что не „побрезговали ихъ товаромъ“.

Согласіе родителей ознаменовывается въ этотъ же вечеръ пиромъ, на которомъ пстребляется въ большомъ количествѣ вино: безъ вина не проходитъ здѣсь ни одно увеселеніе, ни одинъ торжественный случай. Женихъ тѣмъ временемъ испрашиваетъ согласіе дѣвушки видѣться съ нею тайно отъ родителей; на свиданіяхъ женихъ угощаетъ свою возлюбленную конфетами и даритъ ей подарки.

За нѣсколько дней до вѣнчанія невѣста устраиваетъ вечеринки; у нея собираются подружки и женихъ съ товарищами. Вечеринки проходятъ въ танцахъ, пѣніи, играхъ.

По временамъ у невѣсты собираются однѣ только подружки; онѣ занимаются шитьемъ вѣнчального платья, вышиваніемъ, приготовленіемъ подарковъ для жениха, его товарищей и родственниковъ. Работа эта сопровождается пѣснями, веселымъ разговоромъ и смѣхомъ. Въ ихъ среду иногда врывается женихъ съ толпою удалыхъ молодцовъ: все въ домѣ оживаетъ, работа дѣвушекъ откладывается въ сторону и начинается вечеринка; развлечения продолжаются далеко за полночь; въ концѣ устраивается обильный ужинъ съ вышивкою.

Наканунѣ дня вѣнчанія въ домѣ невѣсты устраивает-

ся дѣвичникъ, описаніе котораго находится въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ вып. XV, стр. 145. На дѣвичникѣ жениха ведутъ съ лѣснями и ружейными выстрѣлами. Изъ лѣсенъ поются: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“, „Тамъ у броду“, „Охъ ты, голубь мой сизокрыленькій“ и др. помѣщенные въ „Сборникѣ“.

На другой день устраивается выкупъ невѣсты; братья и сестры садятся за столъ, а женихъ торгуется съ ними; онъ предлагаетъ имъ выкупъ, состоящій изъ мѣдныхъ монетъ, но братья и сестры невѣсты хоромъ даютъ отпоръ (въ рукахъ у нихъ скалки): „Не подходи Литва“, при чемъ они упираютъ на то, что лицо ихъ сестры было какъ лебедь, волосы и глаза ея блестятъ какъ золото, вся она кровь съ молокомъ, потому и деньги должны быть только серебряныя да золотыя.

Послѣ выкупа начинается завиваніе волосъ и убираніе невѣсты къ вѣнцу; въ этихъ случаяхъ невѣста должна плакать—„голосить“, иначе не избѣгнуть ей замѣчанія: „видно замужъ захотѣла—родителей въ сторону“. Во время процедуры убиранія дѣвушки отъ жениха приходятъ родственникъ и объявляютъ: „не пора ли невѣстѣ ѣхать въ церковь? Ему отвѣчаютъ: „пришлите за невѣстой кого-либо постарше себя“. Одинъ за другимъ являются къ невѣстѣ родственники жениха, и всѣмъ имъ совѣтуютъ прислать „кого-либо постарше и познатнѣе себя“. Наконецъ, когда невѣста окончательно одѣлась, дружкѣ удается таки получить рѣшительный отвѣтъ, и всѣ родственники направляются въ церковь, гдѣ уже давно ожидаетъ ихъ женихъ.

По совершеніи обряда убиранія невѣсты, выкупа и по уходѣ брачующихся въ церковь, женщины (родственницы жениха и невѣсты) забираютъ все приданое дѣвушки (сундуки, шкапы, перины, подушки и т. п.) и съ гикомъ, шу-

момъ и пѣснями („сестрицы-подружки, берите подушки мягки, пуховыя“ и т. д.) несутъ его въ домъ жениха.

Послѣ вѣнчанія родственники продолжаютъ пировать еще 5—6 дней.

Всѣ обряды при совершеніи свадьбы наурцы сопровождаютъ ружейными выстрѣлами. Ведутъ ли жениха на дѣвичникъ, со всѣхъ сторонъ раздаются выстрѣлы; убираютъ ли невѣсту къ вѣнцу, или ведутъ молодыхъ въ церковь, товарищи жениха производятъ отчаянную пальбу; самое вѣнчаніе и особенно выходъ изъ церкви непременно сопровождается стрѣльбою.

Большую роль при совершеніи свадебъ играютъ свадебныя пѣсни. Послѣднія поются, смотря обстоятельствамъ и времени: однѣ изъ нихъ поются на вечеринкахъ, другія на дѣвичникѣ, третьи при убираніи невѣсты къ вѣнцу и т. д. Послѣднія распѣваются невѣстными подругами, на которыхъ собственно и лежитъ обязанность наряжать невѣсту.

Въ заключеніи слѣдуетъ замѣтить, что свадьбы въ настоящее время совершаются въ Наурѣ съ меньшею торжественностью, нежели въ старину; жизнь все болѣе и болѣе усложняется, труднѣе становится борьба за существованіе: о веселіи некогда думать.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о похоронахъ и поминкахъ. Смерть члена семьи наурцы приписываютъ всецѣло Божьей волѣ. Умеръ у казака ребенокъ: „Богъ далъ, Богъ и взялъ“ говоритъ онъ въ этихъ случаяхъ; умеръ взрослый: „судба Богомъ начертана“, отзывается онъ.

Умершихъ маленькихъ дѣтей хоронятъ здѣсь какъ-то незамѣтно: поплачетъ немного мать, затѣмъ сосѣдъ возьметъ гробикъ подъ мышку, отнесетъ на кладбище, а на могилкѣ поставятъ небольшой деревянный крестикъ, чтобы не забыть мѣста могилки. Дома мать устроитъ небольшія поминки, куда приглашаются дѣти, и дѣло съ концомъ.

Похороны взрослых и мало-мальски зажиточных совершаются уже съ должною торжественностью. Въ день смерти приглашаютъ псаломщика, дьякона или монахию читать по умершемъ псалтырь. Подъ сараемъ на дворѣ въ это время нѣсколько человѣкъ дѣлаютъ гробъ и обиваютъ его коленкоромъ. На кухнѣ полная суматоха; тамъ нѣсколько женщинъ заняты приготовленіемъ пироговъ, а на дворѣ въ большихъ котлахъ готовится обѣдъ. Въ домъ, гдѣ лежитъ покойникъ, поминутно приходятъ посѣтители съ серьезно-строгими лицами; на лицахъ женщинъ замѣтны слѣды слезъ. На второй или третій день покойника несутъ въ церковь, гдѣ всѣ родственники и посторонніе люди съ нимъ прощаются. Изъ церкви сопровождаютъ гробъ до кладбища священники, дьяконъ и хоръ пѣвчихъ съ торжественнымъ пѣніемъ. Гробъ несутъ четыре человѣка на особыхъ длинныхъ полотенцахъ (рушникахъ): женщину несутъ женщины, мужчину—мужчины. Такія похоронныя процессіи бываютъ, обыкновенно, многлюдны. Шествіе сопровождается плачемъ родственниковъ и близкихъ знакомыхъ умершаго. Плачутъ, обыкновенно, женщины; особенно громко „голосятъ“ онѣ при опусканіи гроба въ могилу. Причитанія бываютъ, но всѣ въ такомъ родѣ: „Свѣтъ ты мой, красное солнышко, для чего ты меня покинулъ, на кого меня горемычную оставилъ; оставилъ ты меня несчастную безъ роду, безъ племени; отъ кого я теперь, сиротинушка, услышу слово ласковое; пропаду одна одинешенька безъ сокола яснаго“ и т. п. Если умершій оставилъ послѣ себя дѣтей, то жена его въ предыдущему прибавляетъ: „на кого ты покинулъ меня безпріютную съ малыи дѣточками; кто замѣнитъ имъ отца, а мнѣ добраго супруга; на кого ты понадѣялся“ и т. д. Иныя женщины во время причитаній описываютъ и восхваляютъ дѣяствія и поступки умершаго при жизни, вспоминаютъ его походку, соколиный взоръ, его храбрость, военные дослѣхи,

одежду и коня. Надъ могилою сына или дочери, мать дѣлаетъ другія причитанія. Особенно трогательно дочь оплакиваетъ своихъ родителей или жена убивается надъ могилою своего мужа. Обычай оплакиванія умершихъ съ причитаніями существуетъ въ станицѣ очень давно, и этотъ видъ народной поэзіи развился исключительно при посредствѣ женщинъ. Но возвращаюсь къ похоронамъ.

Какъ только гробъ опустили въ могилу, всѣ присутствующіе бросаютъ въ нее по горсти земли и возвращаются въ домъ умершаго, гдѣ уже приготовлены длинные столы. Обычай приглашать на поминки не водится; приходятъ всѣ: званые и незваные. За обѣдомъ всѣ сытно ѣдятъ и ведутъ тихія бесѣды про умъ и доброту покойника. Тутъ же присутствующіе высказываютъ и легкое порицаніе его поступкамъ, если онъ почему-либо дурно велъ себя. Порицанія эти высказываются приблизительно въ такой формѣ: „хорошій былъ человекъ, храбрый казакъ: царство ему небесное, но и крутъ былъ въ семьѣ, сердечный“ или „задорный былъ, не въ гнѣвъ помянуть, выпиваха и любилъ штурмовать“.

Помянувши усопшаго, гости расходятся домой. Въ продолженіе сорока дней родные умершаго носятъ трауръ, заказываютъ почасту панихиды и моленія объ умершемъ, такъ какъ душа послѣдняго въ эти 40 дней ходитъ по мытарствамъ. На сороковой день въ домъ умершаго справляются снова поминки, на которыхъ присутствуютъ родные, знакомые и друзья покойника.

Наурцы очень почитаютъ память объ умершихъ. Въ родительскія субботы, какъ-то: на Фоминой недѣлѣ, подъ Троицу и въ Покровскую субботу наурцы устраиваютъ на кладбищѣ общія поминки умершихъ. Ежегодно въ родительскія субботы жители станицы приходятъ съ различными яствами на кладбище и поминаютъ усопшихъ. Родственники собираются вмѣстѣ, совершаютъ панихиду, а когда священникъ

отойдетъ совершать панихиду къ другимъ, приступаютъ въ ѣдѣ. Вина на помпикахъ бываетъ мало, зато проговь, жареныхъ гусей, утокъ, рыбы — много. Всюду царитъ спокойствіе, соединенное съ грустью, да слышатся возгласы: „царство небесное родителямъ нашимъ“. Въ концѣ поминокъ бываетъ общая панихида по всѣмъ умершимъ, и народъ расходится по домамъ. Остаются 9—10 матерей, чтобы поплавать надъ милыми сердцу могилками.

XIX.

Военная и общественная служба.

Къ отбыванію воинской, общественной, а равно и денежной повинностей наурцы привыкли относиться добросовѣстно и съ готовностью, понимая ихъ безусловную необходимость, хотя иногда средства ихъ и достатки не позволяютъ имъ быть вполне исполнительными.

Каждый казакъ, достигшій 17-лѣтняго возраста, начинаетъ уже отбывать тѣ или пныя повинности. Сначала онъ отбываетъ общественную, или внутреннюю службу, напр.: участвуетъ въ исполненіи различныхъ общественныхъ работъ; стоитъ на часахъ; принимаетъ участіе въ обходѣ, секретѣ, дежурствахъ и вообще въ нарядахъ для охраны какъ общественной, такъ и имущественной безопасности жителей. Общественныя работы, въ которыхъ каждый наурецъ долженъ принимать участіе, суть слѣдующія: починка и укрѣпленіе плотинъ, приведеніе въ удобопрѣзжій видъ дорогъ, копаніе водосточныхъ канавъ, насажденіе на пескахъ древесныхъ породъ, чистка „Невольки“ (глубокій ровъ, по которому течетъ вода *) и т. п. Къ отбыванію внутренней службы привлекаются не только малолѣтніе казаки, но и тѣ, которые прослужили

*) О „Неволькѣ“ см. предыдущую статью „Хуторская жизнь въ Терской области“, стр. 40. Ред.

уже 4 года на дѣйствительной военной службѣ въ „Турціи“ (на турецкой границѣ). Такимъ образомъ, всѣ мужчины отъ 17 до 50 и болѣе лѣтъ обязаны отбывать всѣ многообразныя виды общественной повинности. Кромѣ того, всѣ казаки отъ 38 лѣтъ находятся въ „запасѣ“ съ полной военной обмундировкой. Отъ времени до времени устраивается въ станицѣ смотръ запасныхъ, на которомъ проверяется, все ли у казака въ цѣлости и сохранности и готовъ ли казакъ въ случаѣ необходимости выступить въ походъ; кромѣ того, вся аммуниція казака бываетъ необходима во время джигитовокъ, скачекъ, маршировокъ и другихъ увеселеній военного характера.

Внутреннюю службу казаки отбываютъ безъ вознагражденія; на дѣйствительной службѣ въ полку они получаютъ около 30 руб. въ годъ. Въ станицѣ жалованье получаютъ только атаманъ, два его помощника и нѣсколько писарей.

Каждую недѣлю въ Наурѣ обывають внутреннія повинности 59 человекъ: обходныхъ казаковъ 4, часовыхъ у церкви 2, часовыхъ у житницы 3, часовыхъ у порома 3, часовыхъ у денежнаго ящика 3, у пожарныхъ инструментовъ 4, дежурныхъ по станицѣ 3, сторожъ къ станичному правленію 1, вѣстовыхъ къ священнику 2, дневальныхъ по станицѣ 4, дневальныхъ по школь 2, степныхъ и лѣсныхъ объездчиковъ 2, завѣдывающій пожарными инструментами 1, станичный казначей 1, церковный староста 1, судей 4, довѣренныхъ 2, участковый 1, отарщиковъ къ косяку 4 и конюховъ къ племеннымъ жеребцамъ 2 (за племянными бугаями ухаживають тѣ, которые берутъ ихъ къ своему скоту).

Смотрять и проверяють часовыхъ и дежурныхъ по станицѣ атаманъ и помощники.

Достигши 20 лѣтъ, казакъ принимаетъ присягу на вѣрность Царю и Отечеству и считается на дѣйствительной службѣ. Съ этого времени онъ зачисляется въ Горско-Моздок-

скій полкъ и идетъ служить въ «Закавказъ» т. е. на границу съ Турціей по р. Чороху.

До присяги молодые казаки ходятъ на «ученіе» (еще въ станицѣ), гдѣ упражняются въ маршировкѣ, скачкахъ и въ различныхъ военныхъ упражненіяхъ верхомъ на лошади.

Ежегодно ст. Наурская отсылаетъ въ «Турцію» отъ 40 до 70 молодыхъ казаковъ. Отбывать воинскую повинность обязаны всѣ; сколько бы ни было у отца сыновей, всѣ они должны идти на службу. Дома остаются только тѣ, которые имѣютъ какой-либо физическій недостатокъ: косоглазіе, золотуху, проломъ ноги или руки и т. п. Зато они отбываютъ внутреннія повинности, при чемъ за неспособность отбывать воинскую повинность въ Закавказьѣ съ нихъ взимается (до 40 лѣтъ) подать отъ 10 до 30 руб. въ годъ, а въ послѣднее время отъ 5 до 20 руб., смотря по состоянію. Количество подати измѣняется, — увеличивается или уменьшается, смотря „по году“: въ урожайный годъ взимается больше, въ недородъ — меньше.

Поступая на дѣйствительную службу, казакъ долженъ имѣть строевую лошадь и полную военную обмундировку, справленную на собственные средства; онъ любитъ щеголять своимъ конемъ, оружіемъ и платьемъ, вслѣдствіе чего „справка“ дорого обходится ему, доходя до 400 руб., что весьма чувствительно для средней руки станичника.

Наурецъ любитъ своихъ воинственныхъ предковъ и на службу идетъ съ охотою. Ежегодно 20 августа молодые казаки выѣзжаютъ изъ станицы, совершивъ предварительно напутственный молебень. Жители станицы провожаютъ молодежь; проводы устраиваются на лугу за станицею. Женщины и мужчины поютъ здѣсь военныя пѣсни и танцуютъ съ увлеченіемъ; музыка гремитъ. Здѣсь же мать обливается горячими слезами, провожая своего сына на царскую службу; сынъ успокаиваетъ мать; молодыя женщины поютъ

въ сторонѣ „Казачью колыбельную пѣсню“ и „Собрался казакъ на службу“.

Возліаніямъ Бахусу предаются до наступленія ночи. Въ ночь всѣ молодые казаки трогаются въ путь, сопровождаемые родителями и родственниками до Ищерь. Иногда депутация отъ казаковъ проситъ атамана отложить выходъ изъ станицы еще на день; тогда всѣ снова возвращаются въ станицу, а ночь проходитъ вся въ проводахъ. На слѣдующій день казаки окончательно оставляютъ своихъ родителей: или на 4 года, или навсегда. Отецъ и мать вручаютъ сыну небольшой образокъ и даютъ наставленія о повиновеніи начальству и о вѣрной службѣ Царю и Отечеству. Сынъ даетъ наставленія своей женѣ (если онъ женатъ), внушая ей правила супружеской вѣрности и угрожая смертью, если она нарушитъ ихъ; родителей своихъ онъ проситъ жалѣть дѣтей и жену. Въ настоящее время наурцы ѣдутъ на царскую службу, въ большинствѣ случаевъ, не женившись. Всѣ проникнуты убѣжденіемъ, что женатому куда какъ труднѣе жить въ „Турецкой сторонѣ“. Кромѣ того, матеріальный достатокъ отца семейства иногда не позволяютъ ему ранѣе устроить свадьбу сыну.

Каждый отецъ, у котораго сыновья должны итти на службу, еще заранѣе начинаетъ ихъ снаряженіе, ихъ справку. Къ снаряженію казака относятся слѣдующіе предметы:

Лошадь строевая приблизительно въ 100 руб.	—	коп.
Сѣдло съ амуницией	25	” — ”
Двѣ узды и недоуздокъ	7	” — ”
Арканъ	1	” — ”
Попона	2	” — ”
Щетка съ гребенкой и торба	2	” — ”
Вьючки и 4 подковы съ „нухна- лями“	—	” 80 ”
Черкеска и бешметъ форменные	23	” — ”

3 черкески и 3 бешмета не- форменные.	40 руб.	— коп.
Папаха форменная.	5	” — ”
2 папахи партикулярныхъ. . .	8	” — ”
Шашка и кинжалъ форменные .	20	” — ”
Шашка и 2 кинжала неформен- ные.	20	” — ”
4 сѣбны бѣлья	8	” — ”
Сапоги форменные	8	” — ”
2 пары сапогъ партикулярныхъ .	12	” — ”
Ногавицы и чуваки съ чулками .	6	” — ”
Чехоль для винтовки.	1	” — ”
Три пары чулокъ	—	” 90 ”
Пара суконныхъ портянокъ. . .	—	” 50 ”
Два полотенца.	—	” 60 ”
Газырей два комплекта (пачки) .	1	” — ”
Шаровары форменные.	2	” — ”
Двое шароваръ неформенныхъ. .	4	” — ”
Сумы (хурджины) переметныя .	6	” — ”
Сумы холщевыя.	1	” — ”
Два замка	—	” 40 ”
Патронташъ.	1	” 50 ”
Бурка.	10	” — ”
Галунъ серебряный (поясокъ). .	5	” — ”
Тесемка на черкеску	1	” — ”
Двѣ пары погонъ	—	” 50 ”
Натруска	2	” — ”
Двѣ бухчи (кожаня сумочки) .	1	” 20 ”
Сальница	—	” 30 ”
Щетки сапожныя	—	” 50 ”
4 носовыхъ платка	—	” 40 ”
Пряжка съ наборомъ и спичечницей	2	” — ”
Итого, всего требуется на . . .	344	” 25 ”

Тягота справки усугубляется еще тѣмъ, что многія вещи бракуются (даже часто и лошадь), другія изнашиваются— нужно ихъ замѣнить новыми. Иногда лошадь украдутъ или она почему-либо издохнетъ: казаку немедленно приходится справлять другую.

На дѣйствительной службѣ въ Закавказьѣ казакъ находится четыре года, послѣ чего онъ или остается служить вольнонаемнымъ, или „выходитъ на льготу“ и возвращается домой. Здѣсь онъ исполняетъ различныя внутреннія повинности, ходитъ на смотръ, а съ 38 лѣтъ зачисляется въ запасъ. Выйдя на „льготу“, казакъ находитъ возможнымъ обзавестись женой, домкомъ и отдѣлиться отъ отца.

XX.

Воспитаніе и школа.

Когда женщинѣ наступаетъ срокъ разрѣшиться отъ бремени, къ ней собираются родственницы и сосѣдки; кто-нибудь изъ нихъ приводитъ бабку, которая, отрѣзавъ бритвою у новорожденного пуповину, тотчасъ же его купаетъ въ теплой водѣ, съ цѣлью удаленія первородной слизи; бабка же расправляетъ и члены дитяти. Въ послѣднее время бабки выводятся, и ихъ замѣняютъ опытныя акушерки. Послѣ омовенія, ребенка не завариваютъ туго въ пеленки, для того чтобы молодые гибкіе члены дитяти могли свободно производить движенія. Отъ времени до времени ребенка поворачиваютъ съ бока на бокъ для того, чтобы онъ не имѣлъ сплюснутаго или вдавленнаго черепа. Одежда новорожденнаго состоитъ изъ рубашки и теплой фуфайки. Колыбелью ребенка служить „люлька“; она состоитъ изъ четырехъ деревянныхъ брусковъ, скрѣпленныхъ подъ прямымъ угломъ въ видѣ правильнаго четырехугольника; къ брускамъ прикрѣпляется кусокъ холста, а къ угламъ—веревки; концы веревокъ складываются вмѣ-

стѣ, и къ нимъ прикрѣпляется крючокъ, посредствомъ котораго люльку можно подвѣшивать къ потолку или къ вѣткѣ дерева. Чтобы избавить ребенка отъ мухъ, комарей и др. надоедливыхъ насѣкомыхъ, люльку окутываютъ большою простыней. Няня—братъ или сестра—убаюкиваетъ дитя въ люлькѣ, сопровождая монотонное покачиваніе колыбельными пѣснями.

Ребенокъ подрастаетъ; всѣ его берутъ на руки, подбрасываютъ на воздухъ; мать тихо поетъ ему пѣсни, чтобы молодыя уши теперь же привыкали къ звукамъ. Этимъ и ограничивается уходъ за младенцемъ. Но вотъ дитя начинаетъ ползать, наблюденія и съ нимъ опытъ его расширяются, развивается самостоятельность. Тогда родители складываютъ съ себя всякое попеченіе о немъ. Съ ранняго утра ребенокъ ползаетъ въ комнату, или въ теплое время на дворѣ въ кучѣ навоза, или на улицѣ въ грудѣ мусора, безъ всякаго присмотра. Пристаетъ онъ къ кучкѣ другихъ дѣтей постарше себя и, подражая имъ, начинаетъ дѣлать изъ смоченной пыли или глины разныя фигуры, представляющіе для него то хлѣбъ, то калачъ, то куклу. Другіе изъ пыли устраиваютъ горки, представляющіе домъ, огородъ, гумно. Вотъ на этихъ занятіяхъ и развивается творчество ребенка. Но всегда дитя въ самый лучший періодъ дѣтства предоставляется самому себѣ; какъ сказано выше, за нимъ никто не смотритъ, да и некому смотрѣть: отецъ въ полѣ, мать занята работой; единственная нянька—бабушка и та больна. Кто же будетъ смотрѣть за дѣтворой? Изрѣдка мать возьметъ ребенка, накормитъ его и опять бросаетъ до слѣдующаго кормленія.

Ребенокъ дѣлаетъ попытки ходить, отецъ беретъ его на руки и водить по комнатѣ, чтобы скорѣе упражнять его въ ходьбѣ. Но вотъ онъ уже сталъ свободно ходить и бѣгать: послѣ этого уже совсѣмъ ребенка нельзя видѣть дома; цѣлый день онъ пропадаетъ съ другими дѣтьми неизвѣстно гдѣ, и

родители спокойны. Ребенокъ такъ пристращается къ своимъ забавамъ съ уличными товарищами, что нѣтъ возможности залучить его домой. Въ возрастѣ семи лѣтъ ребенокъ все время проводитъ внѣ дома, даже внѣ станицы: бродитъ онъ съ другими, постарше себя, дѣтьми по садамъ, по лѣсу, разоряя птичьи гнѣзда, или проводитъ все время на Терекѣ, поминутно одѣваясь и раздѣваясь, чтобы купаться. Зимой онъ цѣлый день пропадаетъ на горѣ, катаясь на салазкахъ или полозкахъ.

Дѣвочки проводятъ время такъ же, какъ и мальчики, съ тою только разницею, что дѣвочка съ раннихъ же лѣтъ приучается къ ухаживанію за чистотою комнаты, за маленькими дѣтьми и начинаетъ мало-по-малу привыкать къ дѣтскимъ работамъ.

Душа ребенка формируется сама, сообразно вліянію окружающей среды—природы и людей. Въ возрастѣ шести лѣтъ характерный признакъ зрѣлаго ребенка—это стремленіе освободиться отъ вліянія взрослыхъ, и это ему удается безъ усилій: родители и не думаютъ удерживать своихъ дѣтей или повліять на нихъ; имъ дается полная свобода: безъ всякаго надзора ходятъ они, Богъ знаетъ гдѣ, до самаго вечера. Вечеромъ дѣти собираются домой оборванные, голодные и холодные. Здѣсь бабушка или дѣдушка напоятъ, накормятъ ихъ и начинаютъ рассказывать сказки до тѣхъ поръ, пока „оборванцы“ не заснутъ. Утромъ они опять идутъ на различнаго рода проказы и такъ всегда. Ребенокъ все беретъ самъ изъ окружающей среды, что свойственно его природѣ, и идетъ собственною дорогою къ жизни безъ всякаго посторонняго руководства. Есть семейства среди жителей ст. Наурской, которыя интересуются своими дѣтьми, занимаются ихъ воспитаніемъ, слѣдятъ за ихъ развитіемъ, направляютъ ихъ душу туда, куда сами хотятъ, но въ то же время не пригибаютъ и не ломаютъ духа дѣтей. Какъ отранно

смотримъ на этихъ дѣтей, и какая огромная разница между этими дѣтьми и дѣтьми, выросшими безъ всякаго надзора.

Съ семилѣтняго возраста мальчики привлекаются къ исполненію различнаго рода работъ; такъ, они рубятъ дрова для топлива, носятъ „визейки“, ухаживаютъ за скотомъ, помогаютъ отцу и матери въ полевыхъ работахъ. Съ этого времени отецъ учитъ дѣтей погонять на пашнѣ быковъ, косить на покосѣ и громадить граблями. Физическая сторона дѣтей развивается, главнымъ образомъ, въ этомъ возрастѣ, т. е. когда ребенокъ помогаетъ родителямъ въ различныхъ полевыхъ, садовыхъ и домашнихъ работахъ. Во время этихъ работъ развивается и духовная жизнь ребенка. Отецъ учитъ своего сына, какъ употреблять то или другое сельскохозяйственное орудіе; дѣти примѣняютъ слова отца на практикѣ; здѣсь же они изучаютъ названія сельскохозяйственныхъ орудій и приобретаютъ другія новыя понятія, которыя до сихъ поръ въ ихъ сознаніи были только загадкою. Какъ весело смотрѣть на дѣтей, которыя, счастливо миновавъ всѣ опасности, окружавшія ихъ въ ранніе годы, быстро крѣпнуть и развиваются и легко усваиваютъ весь тотъ кругъ знаній, которыми владѣютъ окружающіе ихъ взрослые люди. Здѣшніе дѣти съ раннихъ лѣтъ усваиваютъ веденіе сельскаго хозяйства и на теоріи и на практикѣ.

Физически дѣти еще развиваются во время различныхъ игръ, которыя устраиваются для нихъ взрослыми въ праздничное время; сюда относятся: игры въ мячъ, подвижныя игры съ пѣніемъ, бросаніе предметовъ, бѣгъ въ запуски, бросаніе изъ сагайдака стрѣлъ и т. п.

Съ раннихъ лѣтъ дѣти казаковъ приучаются плавать въ водѣ, а это, какъ извѣстно, служить полезнымъ средствомъ для развитія тѣла. Плаваютъ всѣ, и дѣти научаются этому искусству скоро. Сначала они учатся на мелкомъ рукавѣ Терека, а потомъ плывутъ на глубокое русло. Затѣмъ,

какъ средство для физическаго воспитанія дѣтей, служить верховая ѣзда. Ёзда верховая—любимое занятіе здѣшнихъ дѣтей, особенно въ юношескомъ возрастѣ.

Говоря вообще, средствъ для воспитанія тѣла человѣка здѣсь имѣется много, но зато мало ихъ для воспитанія его духовной жизни.

Въ возрастѣ 8—9 лѣтъ здѣшнія дѣти поступаютъ въ школу. Число родителей, желающихъ обучить грамотѣ своихъ дѣтей, съ каждымъ годомъ увеличивается, такъ что мѣстное двухклассное училище, за тѣсотю помѣщенія, принуждено многимъ отказывать въ приемѣ. Стремленіе наурцевъ къ образованію слѣдуетъ отнести къ числу ихъ симпатичнѣйшихъ чертъ.

Самый бѣдный казакъ и тотъ не щадитъ своего скуднаго имущества, чтобы дать дѣтямъ хоть какое-нибудь образованіе.

Около 1820 года была въ Наурѣ начальная школа. Помѣщалась она въ частныхъ домахъ станицы, и учителями дѣтей были наиболѣе грамотные изъ казаковъ.

Кромѣ того, была въ станицѣ еще войсковая (полковая) школа, въ которой также обучались дѣти жителей станицы. Школа эта существовала въ то время, когда станица была обнесена ровомъ и стѣнами; когда въ ней содержалось нѣсколько полковъ, смѣняющихся одинъ за другимъ, и когда станица имѣла артиллерію. Розга имѣла тогда широкое примѣненіе въ школахъ, между тѣмъ методы обученія грамотѣ были совершенно примитивныя. Какъ въ частной, такъ и въ полковой школахъ употреблялся такой способъ обученія: прежде всего заставляли дѣтей выучивать названія всѣхъ буквъ русскаго языка: азъ, букн, вѣди, глаголь, добро, есть и т. д. Затѣмъ ученики подъ руководствомъ учителя складывали буквы въ слоги и слова такимъ образомъ: букн—азъ=ба; вѣди—азъ=ва; глаголь—о=го, слово—

покой—о—добро—ерь==сподь==Господь; буквы—о—глаголь—ерь==Богъ и т. п. Ученики должны были сначала, не понимая, заучивать бесконечные ряды складовъ. Связи между названіями буквъ и тѣми слогами, которые составлялись изъ нихъ, не было никакой. Затѣмъ только ученикъ долженъ былъ учиться складывать какъ отдѣльные слова, такъ и цѣлыя фразы. За складываніемъ словъ слѣдовало чтеніе. Этотъ методъ обученія чтенію буквослагательный глубоко вкоренился среди казаковъ. И теперь еще многіе старые казаки при чтеніи складываютъ слоги и слова такъ, какъ ихъ учили; дома, въ часы досуга, они учатъ этимъ же способомъ своихъ дѣтей.

Нѣкоторые учителя примѣняли и такъ называемый сллабическій (слогослагательный) способъ обученіемъ грамотѣ, который былъ немногимъ легче буквослагательнаго.

Звуковой методъ, въ основу котораго кладется изученіе не названій буквъ, а самихъ звуковъ, какъ основныхъ и простѣйшихъ элементовъ рѣчи, появился у насъ не особенно давно,—приблизительно въ 80-хъ годахъ (19 ст.). Въ этому же приблизительно времени прекратила свое существованіе и полковая школа, а также и другія частныя училища. Послѣ нихъ осталась въ станицѣ только церковно-приходская школа, въ которой обучали дѣтей церковно-славянскому чтенію и письму. Церковно-славянскому письму обучались на клѣтчатыхъ тетрадахъ—по клѣткамъ. По выходѣ изъ училища ученики забывали письмо, но умѣніе читать сохранялось. И теперь еще много въ Наурѣ пожилыхъ казаковъ, которые едва-едва умѣютъ читать по русски, не говоря уже о письмѣ; церковно-славянскимъ же чтеніемъ обладаютъ въ совершенствѣ, а нѣкоторые умѣютъ даже писать скоро и отчетливо слова и выраженія церковно-славянскими буквами. Читаютъ окончившіе курсъ въ этомъ

училищѣ обыкновенно нараспѣвъ; почти всѣ они знаютъ псалмы Давида наизусть.

Скоро церковно-приходская школа прекратила свое существованіе, и вмѣсто нея было открыто училище при церкви для дѣвочекъ.

Потребность въ образованіи возрастала среди наурцевъ все болѣе и болѣе и, наконецъ, въ 1870 году, по старанію мѣстнаго общества, вмѣсто старой войсковой школы было построено большое зданіе для одноклассной общественной школы. Въ этой школѣ первоначально обучались и дѣвочки и мальчики совмѣстно; курсъ ученія продолжался въ ней три года.

Въ 1890 году училище это было преобразовано въ двухклассное; помѣщаться оно стало въ томъ же зданіи, въ которомъ помѣщалась и одноклассная школа. Зданіе оказалось малымъ для двухкласснаго училища, но, несмотря на это, еще до сихъ поръ оно не увеличено. Только въ послѣднее время возбужденъ вопросъ объ увеличеніи классныхъ комнатъ. Зданіе, въ которомъ помѣщается станичное двухклассное училище, имѣетъ небольшую учительскую комнату и четыре классныхъ комнаты. Площадь, занимаемая зданіемъ училища, равняется 522 кв. арш.; при чемъ коридоръ, балковъ и небольшая учительская комната занимаютъ площадь въ 147 кв. арш., такъ что собственно классы занимаютъ 375 кв. арш. Объемъ классовъ вмѣстѣ=1875 куб. арш. Количество учениковъ, обучающихся въ училищѣ, каждый годъ колеблется между 210—240, такъ что на каждого ученика въ среднемъ приходится около 8 куб. арш. воздуха, что не соотвѣтствуетъ требованіямъ современной гигиѣны.

Такимъ образомъ, станичное двухклассное училище помѣщается въ зданіи крайне неудобномъ и тѣсномъ. Неудобства эти были замѣчены еще при открытіи училища, но, за неимѣніемъ средствъ и благодаря подоспѣвшимъ неурожаемъ,

вопросъ о расширеніи зданія остался и до сихъ поръ открытымъ. Между тѣмъ потребность въ образованіи среди наурцевъ съ каждымъ годомъ увеличивается; училище ежегодно бываетъ переполнено мальчиками; за немнѣніемъ мѣсть многимъ отказываютъ. Въ училище, обыкновенно, принимается 50—60 человекъ; желающихъ же учиться приходитъ 200 и болѣе.

Ученіе въ школахъ начинается въ началѣ сентября и оканчивается въ послѣднихъ числахъ мая. Но большинство учащихся прекращаетъ посѣщеніе училища весной съ наступленіемъ пахоты и др. полевыхъ и садовыхъ работъ. Ежедневныя занятія въ школахъ ведутся въ слѣдующемъ порядкѣ: въ 8 часовъ ученики приходятъ въ училище; въ одномъ изъ классовъ всѣ они собираются для общей утренней молитвы, при чемъ однимъ изъ учениковъ или даже двумя читается дневное евангеліе на славянскомъ и русскомъ языкахъ; послѣ молитвы ученики расходятся по классамъ, и учителя начинаютъ занятія. Черезъ часъ дается роздыхъ, продолжающійся 10 мин., въ теченіе котораго дѣти играютъ на дворѣ. По окончаніи трехъ часовыхъ уроковъ дѣти расходятся по домамъ обѣдать, а въ два часа дня снова собираются въ школу, и занятія продолжаются до 4 час. дня. Такой порядокъ занятій ведется только весной и осенью, зимою же занятія тянутся непрерывно до 2-хъ часовъ дня.

Въ серединѣ каждаго часа занятій, для оживленія вниманія дѣтей, устраивается перерывъ, состоящій въ пѣніи, хоровомъ чтеніи, гимнастическихъ упражненіяхъ и играхъ.

По праздникамъ дѣти собираются въ училище и съ первымъ ударомъ церковнаго колокола строятся попарно въ шеренгу. Одинъ изъ учителей ведетъ учениковъ въ церковь и строитъ рядами передъ царскими дверями. Ученики, участвующіе въ церковномъ хорѣ, становятся на влоросѣ и на

хорахъ церкви, гдѣ читають во время богослуженія священныя книги, поють вмѣстѣ съ ученицами и псаломщиками.

Штатъ служащихъ въ училищѣ состоитъ изъ почетнаго блюстителя, завѣдывающаго училищемъ, одного учителя, двухъ помощниковъ и православнаго законоучителя. На содержаніе училища станичнымъ обществомъ ежегодно отпускается 1775 руб., изъ коихъ въ жалованье завѣдывающему училищемъ отпускается 420 руб., учителю 390 р. и учителямъ-помощникамъ по 240 руб.; законоучитель получаетъ 150 руб. въ годъ. Остальная сумма идетъ: 200 руб. на приобрѣтеніе пособій, 80—на наемъ сторожа, 20 руб. на отопленіе и освѣщеніе, 5 руб. на канцелярію и 30 руб. на ремонтъ училищнаго зданія.

Дѣти казаковъ-наурцевъ обучаются въ школѣ бесплатно, иногородные же и чеченцы, которыхъ принимаются не болѣе пяти человекъ, вносятъ плату за право ученія въ размѣрѣ 9 руб. въ годъ.

Система столовъ въ училищѣ Эрисмана: скамьи двухмѣстныя. При школѣ имѣются двѣ бібліотеки: ученическая и учительская. Какъ та, такъ и другая снабжены въ достаточномъ количествѣ книгами и различными учебными пособіями. Кромѣ того, имѣются историческія и географическія карты, глобусы, картины Фену, историческія картины и картины изъ священной исторіи Ветхаго и Новаго завѣтовъ. Бібліотека снабжена лучшими русскими писателями: Пушкинымъ, Гоголемъ, Лермонтовымъ, Тургеневымъ, Державинымъ, Гопчаровымъ, Островскимъ, Григоровичемъ, Некрасовымъ и нѣкоторыми иностранными.

При училищѣ имѣется небольшой дворъ, въ одной сторонѣ котораго находятся приспособленія для гимнастическихъ упражненій: лѣстница, шести, параллельные брусья, горка для прыганья и трапеція.

Прежде дворъ былъ засаженъ акаціями, которыя вырос-

ли въ огромныя деревья и представляли густую рошу; въслѣдствіи ихъ срубили, и теперь на дворѣ всего нѣсколько древесныхъ насажденій.

Благодаря стараніямъ почетнаго блюстителя, училище имѣеть и свой школьный садъ. Площадь, занимаемая садомъ, въ 2 десятины. Весь садъ засаженъ плодовыми деревьями: яблоками, грушами, абрикосами, вишнями, персиками и виноградомъ; въ одной его сторонѣ находится питомникъ. Уходъ за садомъ производится учениками; ежедневно въ хорошую погоду ученики работаютъ въ саду подъ руководствомъ учителя; занятія въ саду состоятъ въ прививкѣ молодыхъ деревьевъ, въ обрѣзкѣ вѣтвей, перекопкѣ земли, въ очисткѣ сада отъ сорной травы, поливкѣ, въ проведеніи аллеи и дорожекъ.

Предметы обученія въ школѣ:

1. Законъ Божій.
2. Русскій языкъ.
3. Ариѳметика.
4. Геометрія.
5. Исторія и географія.
6. Естественная исторія (ботаника и зоологія).
7. Рисованіе и черченіе.
8. Садоводство, огородничество и шелководство (вкратцѣ).
9. Гимнастика и пѣніе.

Для развитія тѣлесной стороны дѣтей, въ училищѣ существуютъ игры и забавы и практикуются гимнастическія упражненія. Для этой же цѣли служатъ и пѣсни съ соотвѣствующими содержанію движеніями, что возбуждаетъ въ дѣтяхъ интересъ къ физическимъ упражненіямъ.

Для развитія въ ученикахъ нравственности и религіознаго чувства при школѣ иногда устраиваются чтенія, состоящія, главнымъ образомъ, въ обрисовкѣ людей и героев великодушныхъ, добродѣтельныхъ и вполне нравственныхъ;

происходятъ также чтенія на темы историческія и патріотическія.

Выдающихся проступковъ между учениками училища не встрѣчалось. Болѣе обыкновенные проступки между учащимися: грубое обращеніе съ товарищами, ссора, куреніе табаку, непочтительность къ старшимъ. Нетерпимые въ школѣ проступки—воровство, ослушаніе и дерзкое обращеніе съ учителемъ; грязные пороки встрѣчаются рѣдко.

Санитарное состояніе школы удовлетворительно. Въ классахъ всегда поддерживается безукоризненная чистота, болѣзной среди учениковъ встрѣчается мало; больные освобождаются отъ занятій для предосторожности отъ зараженія другихъ дѣтей; страдающіе сыпями или другими какими-либо кожными болѣзнями пользуются уходомъ врача изъ мѣстной больницы.

Самое преподаваніе предметовъ въ училищѣ ведется такъ, что дѣтское воображеніе, чувства и мысль,—вообще тѣ ихъ задатки, которые не успѣли развиться дома, продолжаютъ развиваться въ школѣ сообразно съ самымъ характеромъ преподаванія; оно ведется здѣсь всегда путемъ наглядности.

Самый лучшій періодъ жизни здѣшнихъ дѣтей есть школьный; къ сожалѣнію, только немногіе ходятъ въ школу безъ перерыва, оканчиваютъ курсъ, получаютъ свидѣтельство и поступаютъ въ другія учебныя заведенія внѣ станицъ; оканчиваетъ курсъ отъ 10 до 25 и болѣе человекъ. Въ большинствѣ же случаевъ скудость средствъ не даетъ возможности казаку дать своимъ дѣтямъ мало-мальски порядочное образованіе, и онъ отрываетъ ихъ отъ занятій, не давъ имъ возможности окончить даже мѣстное училище: „научился читать-писать, ну и довольно“ говоритъ онъ: „а дальше не съ нашими карманами соваться; да и нашего брата тамъ „недюжа“ принимаютъ—все „больше господъ“; недостатокъ же средствъ

заставляет иногда наурцовъ кричать на сходкѣ противъ своей школы: „существовала, молъ, школа безъ двухкѣстныхъ столовъ или безъ сада, безъ ремесленного класса, ну нехай и теперь будетъ безъ нихъ“. Много еще мѣшаетъ казакамъ давать своимъ дѣтямъ хотя бы среднее образованіе развившееся возрѣніе, что „ученныя дѣти“ забываютъ отца и мать.

Въ послѣднее время станичное общество стало теплѣе относиться къ школѣ; отцы стали свободно отпускать своихъ дѣтей учиться, а дѣти охотно идутъ въ школу, чтобы научиться въ ней читать, писать, рисовать, а также, чтобы узвать, какая земля находится за морями и т. п. Наурцы отлично понимаютъ, что школа имъ необходима, что улучшение самой техники сельскаго хозяйства находится въ неразрывной связи съ образованіемъ; жители понимаютъ также, что прежде всего нужно обставить училище хорошо. Но что же дѣлать? На это требуются средства, которыхъ у нихъ нѣтъ.

Послѣшкольный періодъ здѣшнихъ дѣтей (возрастъ 16—18 лѣтъ) характеризуется тѣмъ, что они, одѣлавшись уже юношами, совершенно освобождаются отъ вліянія взрослыхъ: одни женятся и обзаводятся своимъ хозяйствомъ, другія дѣлаются распорядителями въ хозяйствѣ отца. Отецъ въ данномъ случаѣ ступевывается и какъ бы отходить на задній планъ; всѣмъ управляетъ сынъ: онъ пашетъ землю, коситъ на зиму сѣно и нанимаетъ рабочихъ, чтобы убрать хлѣбъ.

Остается сказать нѣсколько словъ о дѣвочкахъ. Необходимость въ начальной женской школѣ давно ощущалась. Чтобы удовлетворить этой настоятельной потребности жителей, въ 1901 году была построена въ одномъ углу церковной площади одноклассная церковно-приходская школа. Въ ней обучаются исключительно дѣвочки. Собственно говоря, школа эта существовала въ Наурѣ давно, но помѣщалась

въ маленькомъ зданіи церковной сторожки, совершенно неприспособленномъ для этой цѣли, крайне неудобномъ и тѣсномъ. Въ немъ помѣщалось всего нѣсколько ученицъ. Неудобства эти были замѣчены давно, и только теперь вопросъ объ устройствѣ новаго зданія нашелъ свое разрѣшеніе. Нововыстроенная школа достаточно просторна и превосходно освѣщена. Учителями въ женскомъ училищѣ состоятъ священникъ, діаконъ и др. лица духовнаго званія, не исключая и женскаго пола. Обучаются дѣвочки чтенію, письму, ариметикѣ, церковному пѣнію и чтенію на клиросѣ и вышиванію по канвѣ. За право ученія взимается съ ученицъ плата въ размѣрѣ 2 руб. 50 коп. Въ 190¹/₂ учебн. году въ училищѣ было уже около 80 ученицъ.

Дальнѣйшій послѣшкольный образъ жизни дѣвочекъ мало чѣмъ отличается отъ мальчиковъ, развѣ только тѣмъ, что дѣвочки лишь немногія продолжаютъ образованіе.

Отъ 10—12 лѣтъ дѣвочка является уже дѣятельной помощницей матери: она убираетъ комнаты, поливаетъ капусту, ѣздитъ въ поле, жнетъ, громадитъ, учится отъ матери кройкѣ, шитью и стряпнѣ. Въ 16-му году она уже полная хозяйка и уже развившаяся въ полномъ смыслѣ этого слова дѣвушка. Она умѣетъ и шить, и стирать, и готовить пищу; она умѣетъ и чисто одѣться, уже какъ невѣста, и поговорить о хозяйствѣ, привлечь сердце молодого казака своею добротою, пѣніемъ, пляскою. Во всѣхъ деталяхъ она изучила сельское хозяйство и готова къ самостоятельной жизни, въ жизни съ мужемъ. Она и грамотна: читаетъ книги и даже слѣдитъ за газетою. Всѣмъ этимъ она гордится, и ею гордится женихъ. Другое дѣло дѣвушка, которая не училась въ школѣ, не умѣетъ читать; умственный кругозоръ ея ограничивается лишь сельскимъ хозяйствомъ, „домомъ“, станицею и ближайшимъ городомъ.

XXI.

Администрація.

Въ станицѣ—административно-судебное правленіе. Управляется станица обществомъ, или выборными во главѣ съ атаманомъ. Въ рукахъ атамана, главнымъ образомъ, сосредоточено управленіе станицей. Атаманъ долженъ быть знакомъ съ административнымъ устройствомъ и главными финансовымъ и полицейскимъ законоположеніями. Всѣ заботы объ экономическомъ подъемѣ населенія сосредоточены ближайшимъ образомъ въ рукахъ атамана. Станичное общество казаковъ имѣетъ право выбора атамана по числу голосовъ изъ своей среды. Кромѣ атамана, заботятся о благосостояніи жителей такъ называемые участковые; они выбираются изъ офицеровъ.

Станичный судъ состоитъ изъ нѣсколькихъ человекъ выборныхъ-гласныхъ. Всѣ частные споры и мелкіе проступки разбираются станичнымъ судомъ. Гласные выслушиваютъ тяжущихся и свидѣтелей, пишутъ резолюцію и стараются примирить тяжущіяся стороны; они назначаютъ наказанія и взысканія съ лицъ виновныхъ. Недовольные рѣшеніемъ станичнаго суда подають жалобу въ мировой или окружной судъ, смотря по важности дѣла. Наказанія за разнаго рода проступки, палагаемыя гласными или аманомъ, суть слѣдующія: денежный штрафъ, розги, заключеніе въ тюрьму. Тюрьма помѣщается въ зданіи станичнаго правленія; въ нее виновные заключаются не болѣе, какъ на 2 недѣли. Питаются заключенные не на средства общества, а на собственный счетъ.

Для рѣшенія дѣлъ, касающихся нуждъ населенія, сзывается станичная сходка. Мѣстомъ сходки служитъ станичное правленіе. Устраивается сходка обыкновенно въ праздничное время, когда весь народъ свободенъ. Для извѣщенія

казаковъ о сходгѣ принимаются слѣдующія мѣры: въ церковь, къ концу обѣдни, атаманъ посылаетъ трехъ вѣстовыхъ; когда обѣдня кончится и народъ станетъ выходить изъ церкви, вѣстовые, стоя у выхода, кричатъ: „господа старики, послѣ обѣда на сходку“. Тѣ казаки, которые не были въ церкви, узнаютъ о назначеніи сходки отъ своихъ знакомыхъ; въ другихъ случаяхъ станица оповѣщается звуками трубы. Обсужденію сходки подлежатъ: выборъ атамана, способъ и время рубки лѣса, дѣлежка земли подъ пашни и пастьбу, наемъ пастуха къ рогатому скоту и косику, пріобрѣтеніе племенныхъ жеребцовъ или бугаевъ для станичныхъ стадъ и другія нужды станицы.

Учитель Елисаветпольскаго
городскаго училища *П. Востриковъ*.

10 апрѣля 1903 г.
Елисаветполь.

ОТДѢЛЪ Ш.

Памятники народного творчества Кутаисской губернии.

Мингрельская сказка.

1. Яблочный великанъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жила-была старуха. У нея было девять сыновей и одна дочь, младшая въ семьѣ. Братья занимались земледѣліемъ и потому купили новый участокъ земли, который нужно обработать. Передъ уходомъ туда на работу братья говорятъ сестрѣ: „По дорогѣ мы будемъ бросать головки чесноку, по нимъ и найдешь насъ“. Сестра обыкновенно носила имъ на поле пищу. Братья сдѣлали такъ, какъ сказали. На дорогу выходить старуха-мдеви *) и видитъ разбросанный чеснокъ; она знала, въ чемъ дѣло, и собираетъ чеснокъ, — а затѣмъ раскидываетъ его вдоль пути, который ведетъ къ ея логовищу. Наступаетъ время обѣда: сестра братьямъ несетъ пищу, но идетъ не по той дорогѣ, по которой слѣдовало идти, но по пути, усыянному головками чесноку. Такимъ образомъ она попадаетъ къ старухѣ-мдеви, имѣвшей сыновей, и задерживается ими. Проголодавшіеся братья возвращаются домой и отъ матери узнаютъ, что сестра была послана къ нимъ съ обѣдомъ. Они догадываются о продѣлѣхъ старой вѣдьмы, какъ обыкновенно звалась старуха-мдеви, и отправляются выручать сестру. Придя во

*) У мингрельцевъ, кромѣ того, деви означаетъ пожиратель людей; сказка „Мохватый жеребенокъ“ — вып. XVIII; у персовъ — дэви, алне духи.

дворъ вѣдьмы, старшій братъ вступаетъ въ борьбу съ однимъ изъ ея сыновей; но, несмотря на помощь своихъ младшихъ братьевъ, терпитъ поражение: побѣжденныхъ людей запирають въ хлѣвъ и припасаютъ къ большому празднику для завтрака.

Не дождавшись дѣтей, старуха-мать убѣждается въ ихъ гибели и впадаетъ въ отчаяніе. Она горько плачетъ. Богъ слышитъ ея плачъ и, будучи растроганъ воплями старухи, хочетъ помочь ей. Но Богу не извѣстно, почему она такъ убивается—и вотъ Онъ посылаетъ ворону узнать про ея горе. Ворона является къ старухѣ, а та сообщаетъ ей о гибели своихъ дѣтей. Коварная птица говоритъ: „Я донесу Богу о твоёмъ несчастіи, если ты выколешь и дашь мнѣ свой глазъ“. Опечаленная мать соглашается. Ворона выѣдаетъ глазъ и отправляется къ Творцу, которому и доносить ложно, будто старуха плачетъ объ убитомъ дитяти. Осиротѣвшая мать продолжаетъ безутѣшно плавать, и Богъ снова шлетъ къ ней ворону. Вѣщунья выманываетъ у старухи другой глазъ и вторично обманываетъ Бога, сообщая Ему ту же мнимую причину. Богъ предполагаетъ обманъ со стороны вороны и въ безутѣшной матери посылаетъ голубя. Голубь сообщаетъ Ему о дѣйствительной причинѣ горя старухи и отрываетъ коварство вороны. Проклавъ ворону за кровожадность и обманъ и областавъ голубя за правдивость, Богъ полагаетъ начало дѣлу милосердія. Онъ даетъ голубю платочекъ и яблоко и велитъ снести это страдалицѣ—платочкомъ вытереть глазныя впадины, а яблоко—съѣсть. Голубь исполняетъ волю Бога и старухѣ вручаетъ Его дары. Вытерши платочкомъ глаза, старуха стала опять зрячей, а, съѣвши яблоко, сдѣлалась беременной. Черезъ девять мѣсяцевъ у старухи рождается сынъ, который растеть не по днямъ, а по часамъ и черезъ нѣсколько лѣтъ становится великаномъ.

Разъ, играя съ дѣтьми, отъ нихъ онъ слышитъ упрекъ: „Что хвастаешься своею силой!... Если ты такой силачъ, то почему же до сихъ поръ не освободилъ своихъ братьевъ и сестры“. Поверженный въ недоумѣніе относительно существованія и участи родныхъ и сгорая нетерпѣніемъ скорѣе узнать истину, великанъ прибѣгаетъ къ своей матери и допрашиваетъ ее, есть ли у него братья и сестра. Если есть, то какое несчастіе постигло ихъ? Послѣ настойчивой просьбы сына мать открываетъ ему печальную дѣйствительность. Пылая желаніемъ отомстить злодѣямъ и помочь своимъ братьямъ и сестрѣ, онъ облачается въ доспѣхи бранные и спѣшитъ на бой опасный. Мать боялась потерять послѣдняго сына и лишиться единственной опоры и утѣшенія и потому просила его побереечь себя и не пускаться въ рискованное предпріятіе. Но, исполненный надежды на успѣхъ, онъ не внялъ словамъ матери и пошелъ въ притонъ мдеви. Отважно вступивъ во дворъ чудовищъ, великанъ вызываетъ одного изъ сыновей вѣдьмы на единоборство. Старшіе не хотятъ бороться съ „молокососомъ“, какъ они обозвали смѣльчака, и выставляютъ ему противника въ лицѣ меньшого своего брата. Великанъ побѣждаетъ, но никакъ не можетъ убить повергнутаго на-земь мдеви, ибо вмѣсто отсѣченной головы у чудовища появилась новая. Въ это время къ близъ стоящему дереву прилетаетъ птичка, садится на вѣтку и начинаетъ кричать: „Надарі, надарі даакаре—посыпъ золой!“ Побѣдитель понялъ, про что птичка говорила; и, снявши голову чудовищу, на отрубленномъ мѣстѣ посыпалъ золой: новая голова не выросла. Такимъ же точно образомъ онъ уничтожаетъ и остальныхъ чудовищъ, включая и старую вѣдьму. Великанъ съ радостью освободилъ братьевъ и сестру и сказалъ имъ, кто онъ. Отпустивъ ихъ съ сокровищами мдеви къ любезной матери, самъ онъ остается въ злодѣйскомъ притонѣ, общая, однако, нагнать ихъ.

Освободитель своею силой изумил братьевъ и начинаетъ имъ казаться опаснымъ: дорогой послѣ долгаго колебанія они рѣшаютъ погубить его. Заговорщики вырываютъ глубокую яму и, покрывъ ее ковромъ, дожидаются брата; дождавшись, предлагаютъ ему состязаться въ бѣгъ по направленію къ коври, служившему метой. Доблестный братъ не подозрѣваетъ злого умысла со стороны спасенныхъ имъ и соглашается. Вотъ они всѣ вмѣстѣ бѣгутъ къ метѣ; но неподалеку отъ нея коварные братья умышленно замедляютъ свой бѣгъ; а увлекшійся великанъ не замѣчаетъ этого и спѣшитъ достигнуть цѣли. Прибѣжавъ къ коври, онъ побѣдоносно вскакиваетъ на него и проваливается въ пропасть. Запятнавъ себя такимъ злодѣяніемъ, неблагодарные братья возвращаются домой, приводятъ сестру и приносятъ сокровища, а матери похваляются: „Вотъ мы освободили сестру, убили чудовищъ и овладѣли ихъ богатствомъ“. Старуха радуется неожиданному прибытію дѣтей; но тутъ же и огорчается, не видя сына, зачатого отъ яблока. Съ тревогой въ голосъ мать спрашиваетъ пришедшихъ сыновей: „Гдѣ вашъ братъ?“ Тѣ съ досадою отвѣчаютъ: „Никакого еще брата мы не знаемъ и не видали!“ Сердце матери сжимается отъ предчувствія чего-то недобраго, и она начинаетъ горько плакать. Убѣдившись наконецъ въ гибели великана и въ этомъ несчастіи видя перстъ Божій, она покорно переноситъ ударъ, говоря: „Да будетъ Его святая воля! Онъ возвратилъ мнѣ моихъ и взялъ обратно своего“.

Но нашъ герой отъ паденія не умеръ, а лишь пришелъ въ безчувственное состояніе. Очнувшись, онъ увидѣлъ себя въ невѣдомомъ царствѣ. Идя по царству, великанъ набрелъ на колодець. У колодца сидитъ красавица и заливается горючими слезами. Герой подходитъ къ ней и спрашиваетъ, о чемъ она такъ горько плачетъ. Дѣвица отвѣча-

еть: „Я дочь подземнаго царя... Въ нашемъ царствѣ есть одинъ только володецъ, вотъ этотъ самый... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ имъ завладѣлъ драконъ; каждый годъ за воду онъ требуетъ человѣческой жертвы—мужескаго или женскаго пола... Жертва избирается по жребію, и нынѣшній годъ жребій палъ на меня... Я достанусь дракону“... Жаль молодой царевны, и герой хочетъ спасти ее. Измученный, онъ ложится у ея ногъ, чтобы соснуть и подкрѣпиться силами, и проситъ красавицу разбудить его, когда явится драконъ. Молодецъ спитъ крѣпкимъ сномъ, а драконъ уже въ виду колодца. Исполненная страха и надежды, царевна наклонилась надъ героемъ и, не рѣшаясь разбудить его, тихо льетъ слезы: одна слеза попадаетъ ему на щеку, и онъ мгновенно пробуждается. Схвативъ лукъ, онъ пускаетъ стрѣлу и пронзаетъ дракона. Красавицу герой возвращаетъ отцу. Въ великой радости отецъ предлагаетъ ему свой царскій вѣнецъ и руку дочери; но пришелецъ отказывается отъ того и другого и проситъ только доставить его въ царство, что на поверхности земли. Царь готовъ исполнить его желаніе, и для этой цѣли долженъ служить царскій орелъ. Государь приказываетъ заколотъ двадцать четыре быка и мясо ихъ положить на крылья орла; затѣмъ усаживаетъ героя на навьюченную мясомъ птицу и отпускаетъ съ пожеланіемъ счастливаго пути. Орелъ поднялся на воздухъ и летитъ, требуя мяса при каждомъ взмахѣ крыльями. Еще одинъ взмахъ, и они достигли бѣ цѣли; но бычачье мясо уже все вышло. Герой отрѣзавъ собственнаго мяса и далъ орлу, отчего вмигъ очутился въ родномъ краю. Тутъ орелъ спрашиваетъ великана: „Что это за мясо соленаго вкуса, которое ты далъ мнѣ послѣдній разъ?“ Тотъ отвѣчаетъ: „Мое собственное мясо!“ Орелъ залѣчиваетъ рану великана и улетаетъ. А герой отправляется домой и встрѣчаетъ братьевъ миролюбиво, не питая къ нимъ никакой злобы за

коварство, которое въ душѣ давно простилъ имъ. Все-таки великанъ не остается жить съ братьями подъ родительскимъ кровомъ; взявъ свою долю имущества, онъ уходитъ въ другую деревню, гдѣ и поселился. До тѣхъ поръ пока эта неправда не сдѣлается правдой, пусть никто изъ васъ не заболѣетъ, дорогіе слушатели! Вчера былъ тамъ, а сегодня здѣсь. (Хони).
В. Ш.

Имеретинскія сказы.

2. Погоня за счастьемъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ царь, имѣвшій только одну дочь. Разъ царица, когда ей было уже шестнадцать лѣтъ, прогуливалась въ саду, какъ вдругъ предъ ней явился демонъ и похитилъ ее. Имя похитителя осталось неизвѣстнымъ. Послѣ тщательныхъ, но тщетныхъ поисковъ царицы, государь объявилъ: „Кто найдетъ и представитъ ему дочь, тотъ женится на ней, хотя бы былъ самаго низкаго происхожденія“. На кличъ является одинъ молодой человѣкъ простаго званія и обѣщавъ царю найти царицу и возвратитъ ему не позже, какъ черезъ три года; только проситъ онъ царя дать ему корабль, капитана и двѣнадцать матросовъ. Царь исполняетъ просьбу молодого человѣка и, сверхъ того, жалуетъ его дворянствомъ. И вотъ корабль, снабженный всякими припасами, отправляется въ далекое и продолжительное плаваніе. Прошло полтора года, и корабль пристаеетъ къ одному необитаемому острову, покрытому лѣсомъ. Искатель царицы и счастья выходитъ на берегъ въ сопровожденіи всѣхъ матросовъ и съ ними проникаетъ въглубь острова; тамъ онъ находитъ избушку о двухъ половникахъ: входитъ въ одну изъ нихъ затворенъ и замкнуть, а въ другую открытъ, куда и зашли наши странники. На другой день, оставивъ

въ избушѣ одного матроса въ качествѣ повара, остальные отправляются на охоту. Поваръ сварилъ супъ и предался отдохновенію. Въ это время въ избушку вошелъ человѣкъ низкаго роста, обросшій волосами, и началъ приставать къ повару, чтобы тотъ позволилъ ему съѣсть приготовленный супъ. Получивъ отказъ, онъ нанесъ матросу смертельный ударъ, все поѣлъ и ушелъ изъ избушки. Скоро явились охотники и были поражены неожиданною гибелью своего товарища. Когда и на слѣдующій день они задумали итти на охоту, то уже ни одинъ матросъ не соглашался оставаться въ избушкѣ: каждому дорога была жизнь. Такимъ образомъ вынужденъ былъ остаться жалованный дворянинъ. И у него также произошло столкновение съ малорослымъ человѣкомъ изъ-за пищи, кончившееся, однако, смертью послѣдняго. Побѣдитель началъ обшаривать его карманы и нашелъ ключи; попробовалъ ими отпереть другую половину, чтобы проникнуть туда, и это ему удалось. Онъ изумляется, видя предъ собою горющую царевну—цѣль своихъ стремленій, залогъ будущихъ благъ, но также причину невѣдомыхъ еще страданій для обонхъ. Временный баловень судьбы возвращаетъ свободу царевнѣ, которая даетъ ему въ знакъ благодарности и любви кольцо. И черезъ нѣсколько дней они уже держатъ обратный путь на родину.

Но счастливецъ забылъ кольцо въ избушкѣ: тотчасъ снарядили лодку, и онъ съ одиннадцатью матросами отправился за нимъ. Капитанъ не сталъ дожидаться, пока вернется лодка, и продолжалъ путь, самъ рассчитывая получить царевну въ жены. Покинутый женихъ видитъ удаляющійся корабль и велитъ матросамъ грести сильнѣе; но какъ ни гнался онъ за „счастьемъ“, не могъ настичь его: утлый челнъ, безуслѣшно мчавшійся за кораблемъ, опрокинулся, и всѣ, бывшіе въ немъ, попадали въ воду: матросы погибли до одного, а несчастнаго жениха волной выбросило на зна-

комый ему островъ. Тамъ скиталецъ находитъ другого демона, которому и рассказываетъ про свою горькую долю. Демонъ обѣщаетъ ему помочь вернуться на родину двумя днями раньше капитана, но требуетъ, чтобы онъ прежде прослужилъ у него полтора года. Обнадеженный дворянинъ соглашается на условіе. Когда наступилъ послѣдній день его служенія, хозяинъ, благодарный за усердную службу, далъ ему чудесную саблю, такое же пальто и лошадь,— совѣтуя при этомъ пальто надѣвать, главнымъ образомъ, во время войны, а передъ женой всегда врать... Дворянинъ отважно сѣлъ на вихрь-коня и очутился на родинѣ за два дня до возвращенія злодѣя-капитана. Тотчасъ взявъ номеръ въ гостиницѣ, добрый молодецъ пригласилъ въ себѣ на пиръ всѣхъ придворныхъ и даже самого царя. Царь не отказался прибыть. Шумно гости пировали, но скитальца не узнали. Скоро вернулся и корабль съ царевной. Свадьба ея съ капитаномъ назначена была на другой день послѣ пира въ гостиницѣ. На свадьбу позванъ и законный женихъ царевны. Во время угощенія она каждому изъ гостей подноситъ по стакану вина, прося пить за упокой души одиннадцати матросовъ и своего избавителя. Но, чудо! Желанный здѣсь—царевна узнаетъ его по вольцу. Она съ радостью объявляетъ своего жениха и смѣло открываетъ обманъ капитана: первый становится зятемъ царя, а обманщика убиваютъ.

Прошло много лѣтъ. Одряхлѣвшій царь свою монаршую власть передаетъ зятю... Молодая царица плѣняется красотою другого царя—любитъ его и пользуется взаимностью. Чтобы извести опостылѣвшаго мужа, какъ помѣху на пути къ новому блаженству, измѣнница подстрекаетъ своего любимца къ войнѣ съ ея супругомъ, говоря, что если послѣдній будетъ убитъ, то она выйдетъ за него замужъ. Фаворитъ царицы объявляетъ ей супругу войну; но

терпитъ пораженіе, теряя многочисленное войско: побѣдитель на поле битвы являлся въ чудесномъ пальто и придивной саблѣ. Царица начала приставать къ супругу съ вопросомъ о причинѣ одержанной имъ побѣды. Помня совѣтъ добраго демона, царь солгалъ женѣ, сообщивъ ей вымышленную причину: обманутая царица сказываетъ ее своему любимцу и невольно вводитъ его въ заблужденіе, почему онъ вторично пораженъ. Но послѣ этого царь наконецъ удовлетворяетъ любопытству своей жены, безпрестанно надобдавшей ему вопросами все объ одномъ и томъ же. Царица намѣревается похитить у мужа чудодѣйственныя пальто и саблю, чтобы ихъ вручить возлюбленному; но для успѣшнаго воровства она велитъ приготовить пальто и саблю, которыя были бы совершенно схожи съ тѣми, что имѣются у мужа, рассчитывая сдѣлать подмѣну. Похищеніе удается. Объявлена третья война, и на сей разъ побѣдителемъ остается фаворитъ, пользовавшійся воровски приобретенными дарами добраго демона. Тотчасъ, по старанію царицы, постылаго мужа привязали къ хвосту его же собственной лошади, пущенной затѣмъ на волю. Вѣрный конь доставляетъ поруганнаго царя, не причинивъ ему никакого вреда, на знакомый островъ къ демону. Этотъ освобождаетъ царя отъ позорной привязи и совѣтуетъ ему: „Садись на коня и отиравайся обратно въ твою страну: дорогой ты съѣшь арбу сѣна и обратишься въ лошадь; а далѣе своимъ умомъ воротись себѣ прежнюю власть.

Свергнутый съ престола царь поступаетъ по совѣту демона и на родину возвращается конемъ. Царь-обольститель покупаетъ оборотня, а для ухода приставляетъ къ нему служанку. Когда царица увидѣла этого коня и въ немъ признала своего перваго мужа, то приказала убить его. Конь проситъ служанку присутствовать при его смерти, по убіеніи вырвать у него зубъ и послѣдній посадить

въ землю. Служанка исполняетъ просьбу коня. Изъ посаженнаго зуба выросла яблоня и принесла золотой плодъ. Царица велитъ срубить дерево. Но передъ смертью оно молитъ служанку взять отъ него двѣ щепки и бросить ихъ на то мѣсто въ рѣкѣ, гдѣ обыкновенно купаются царь и царица. Щепки, брошенныя сострадательной служанкой въ воду, превращаются въ двухъ красивыхъ утокъ. Во время купанья царь замѣчаетъ ихъ и, желая поймать, бросается за ними. Одна утка попалась было въ руки, но выскользнула и нырнула въ воду; а затѣмъ вышла на берегъ—облеклась въ одежду царя (чудесное пальто) и мгновенно превратилась въ человѣка. Случайно въ это время проходилъ отрядъ солдатъ. Возродившійся царь указываетъ имъ на голаго—повелѣваетъ схватить его и отвести въ тюрьму, какъ разбойника, покушавшагося на его жизнь. Солдаты въ точности исполняютъ этотъ приказъ, несмотря на протестъ преступнаго царя. Жена-измѣнница и обольститель ея преданы смерти, родные законнаго царя освобождены изъ заключенія; а онъ женился на служанкѣ, которая съ такимъ участіемъ относилась къ нему въ бѣдѣ, и сталъ жить со второй супругой счастливо долгіе годы. (Кутанскаго уѣзда).

В. III.

3. *Бойкій солдатъ.*

Одинъ солдатъ выслужилъ свой срокъ, двадцатипятилѣтній, и пошелъ въ отпускъ. Дорогой солдатъ сталъ размышлять съ собой: „Вотъ я служилъ 25 лѣтъ, а ни разу не видалъ царя. Вдругъ кто-либо спроситъ: „Видѣлъ ли царя? что отвѣчу?“ Служивый никакъ не можетъ отдѣлаться отъ этой мысли, и рѣшаетъ вернуться назадъ, чтобы видѣть ясныя очи государевы. И ему дѣйствительно удается лицезрѣть царя. Государь спрашиваетъ его: „Чего ты хочешь?“ — „Да вотъ“, отвѣчаетъ солдатъ: „служилъ я те-

бѣ 25 лѣтъ, но никогда не видѣлъ твоего лица: за тѣмъ и пришелъ, что бѣ взглянуть на тебя". — „Ну, что“, говоритъ царь: „правлюсь я тебѣ?“ — „Не очень!“ былъ отвѣтъ солдата: „велика твоя слава, но ты пользуешься ею незаслуженно“. Царь дивится его рѣчамъ. Продолжая бесѣдовать съ солдатомъ, онъ предлагаетъ ему вопросы, на которые служивый отвѣчаетъ, не задумываясь и не стѣсняясь:

— „Во сколько ты цѣнишь меня?“

— „Иисусъ Христосъ проданъ за тридцать сребрениковъ, а ты, самое большое, стоишь двадцать пять рублей“.

— „А велико ли разстояніе отъ запада до востока?“

— „Не очень! Путешественникъ, отправившійся съ запада и достигшій востока, чувствуетъ усталость, одинаковую съ усталостью солдата, пришедшаго въ лагерь изъ утомительнаго похода“.

— „А далеко ли до солнца?“

— „Такъ же, какъ отъ камина до промокшаго солдата“.

— „А долго ли придется идти, чтобы достигнуть того свѣта?“

— „Навѣрно долго: туда отецъ мой отправился 25 лѣтъ тому назадъ, дѣдъ 50 лѣтъ; а еще ни одинъ изъ нихъ не возвратился оттуда“.

Царю понравились остроумные отвѣты солдата. Выславъ его въ другую комнату и повелѣвъ ему ждать, монархъ потребовалъ къ себѣ трехъ своихъ приближенныхъ. Желая видѣть находчивость ихъ, онъ предлагаетъ имъ тѣ же вопросы, какими старался озадачить солдата. Придворные на вопросъ о стоимости царя отвѣтили: „Никто, государь, не можетъ оцѣнить тебя, потому что нѣтъ цифры для таковой оцѣнки“. Вопросы — о разстояніи отъ запада до

востока и о дальности солнца они обошли молчаніемъ. А на вопросъ о продолжительности путешествія на тотъ свѣтъ царедворцы сказали: „Не знаемъ, потому что никто не возвращался оттуда“. Царя поразило отсутствіе остроумія въ ихъ отвѣтахъ на одни вопросы и краснорѣчивое молчаніе на другіе и потому онъ разгнѣвался на придворныхъ и приказалъ имъ придумать отвѣты къ вечеру, грозя, въ противномъ случаѣ, лишить ихъ присвоенныхъ имъ званій. Вельможи отъ царя вышли опечаленные. Къ ихъ счастью, проходя по корридору, они встрѣтились съ бойкимъ солдатомъ. Узнавъ о затруднительномъ положеніи царедворцевъ и вызвавшись помочь ихъ горю, солдатъ научаетъ ихъ, какъ отвѣчать царю на его вопросы. Вельможи выслушали солдата съ недоувѣріемъ, сомнѣваясь въ пригодности этихъ отвѣтовъ; но, тѣмъ не менѣе, они воспользовались ими вечеромъ, когда печальные предстали предъ царемъ. Догадавшись, въ чемъ дѣло, государь удаляетъ придворныхъ и, велѣвъ позвать солдата, спрашиваетъ его: „Что ты сдѣлалъ съ тѣми тремя птицами, которыхъ я услалъ?“ — „Ничего“, отвѣчаетъ солдатъ: „отпустилъ бы ихъ, только безъ перышекъ!“ Оставшись доволенъ солдатомъ, царь пожаловалъ его дворянствомъ и отпустилъ. (Хони). В. Ш.

Въ стихотвореніи Майкова „Пастухъ“ (испанская легенда) мальчикъ пріятно изумляетъ короля своими остроумными отвѣтами на его вопросы:

„Много ль капель въ синемъ морѣ?“

— „Я сочту... Но, пока считать я буду, повели, чтобъ дождь не шелъ“.

— „Ну, а много ль звѣздъ на небѣ?“

— „Повели сойти имъ съ неба я тогда сочту какъ разъ“.

— „Ну, а много ль дней у Бога?“

— „Дни у Бога крадутъ время. Повели, чтобы оно хоть на мигъ остановилось—и ужъ счастье не мудрено“.

Король хочетъ пастушка взять въ пажи.

Въ анекдотѣ, связанномъ съ именемъ Петра Великаго, говорится, что одинъ священникъ за совершеніе таинства крещенія предварительно потребовалъ непомерно большую мзду. Пожаловались Петру. Императоръ соизволилъ самъ быть кумомъ. Священникъ совершилъ таинство... Монархъ хочетъ пона лишитъ сана... Священникъ молить государя о прощениі. Петръ соглашается помиловать виновнаго подъ условіемъ удовлетворительнаго отвѣта на такіе-то вопросы... Для отвѣта къ императору является дьякъ, предложившій священнику, затруднявшемуся рѣшеніемъ тѣхъ вопросовъ, свои услуги:

„Сколько верстъ отъ земли до неба?“

Отвѣчая на этотъ вопросъ, дьякъ говоритъ какое-то большое число и, когда Петръ выразилъ сомнѣніе въ истинности послѣдняго, предлагаетъ государю повелѣть, чтобы провѣрили цифру.

„Сколько я стою?“

— „Двадцать девять сребренниковъ“.

— „Почему такъ?“

— „Иисусъ Христосъ проданъ за тридцать сребренниковъ“ ...

— „А что я думаю?“

— „Что предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ стоитъ попъ Семенъ, а я дьякъ Платонъ“.

Въ одномъ англійскомъ стихотвореніи говорится, что одинъ богатый аббатъ преслѣдуется королемъ.... Пастухъ аббата, явившійся выручать своего господина изъ бѣды, отвѣчаетъ королю на заранѣе предложенные аббату вопро-

сы, аналогичные съ вышеприведенными. На заключительный вопросъ, тождественный съ тѣмъ, который Петромъ Великимъ заданъ былъ попу Семену, пастухъ отвѣтилъ: Ваше Королевское Величество думаете, что предъ Вами аббатъ, а я лишь пастухъ при аббатовомъ стадѣ...

М. Машурко,
преподаватель Куганской мужской гимназіи.

Имеретинскія сказки.

1. Бѣднякъ и три „деви“.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ-былъ одинъ бѣднякъ, всѣми забытый человѣкъ. Однажды, размышляя о своей горькой долѣ, онъ сказалъ самому себѣ: „Пойду я, куда глаза глядятъ. Терять мнѣ нечего. Богъ великъ! Можетъ быть разбогатѣю какъ-нибудь и стану человѣкомъ“. Сказано—сдѣлано. И отправился бѣднякъ въ путь-дорогу. Много ли шелъ, мало ли шелъ, наконецъ, пришелъ онъ къ дремучему лѣсу, гдѣ и рѣшилъ расположиться на ночлегъ, такъ какъ наступила уже ночь. Но, боясь, какъ бы звѣри не съѣли его во время сна, онъ взлѣзъ на дерево, привязалъ себя веревкой къ нему и вскорѣ усталый заснулъ глубокимъ сномъ. Тѣмъ временемъ къ этому дереву подошли три „деви“: двухъ-головый, трехъ-головый и пяти-головый. Они развели огонь подъ деревомъ и стали жарить дичь, которую принесли съ собою въ изобиліи. Наѣввшись вдоволь, „деви“ вступили въ бесѣду между собою.

— „Эй, братья, не знаетъ ли кто изъ васъ какой-нибудь новости?“ спросилъ пяти-головый деви.

— „Какъ же“, отвѣтилъ трехъ-головый деви: „вотъ новость: царевичъ сильно заболѣлъ; у него ослабѣли руки и ноги, тѣло покрылось глубокими язвами и ранами, глазами почти ничего не видитъ. Дай Богъ, чтобы онъ про-

жилъ три дня, такъ онъ плохъ. Насъ, „девовъ“, кто пустить въ царскій дворець, а то я знаю одно простое лѣкарство, которое помогло бы ему; его руки и ноги окрѣпли бы отъ этого лѣкарства, какъ камень. Вонъ видите шиповникъ, что растеть у болота? Нужно взять плодъ этого шиповника, истолочь, растереть и смѣшать съ золой и укусомъ. Этою смѣсью нужно смазать больныя ноги и руки, и боль какъ рукой сниметь“.

— „А я“, сказала пяти-головый деви: „знаю средство противъ болѣзни глазъ. Для этого нужно три раза плюнуть въ глаза, приговаривая: „бѣсъ выходи: шакаль идетъ“, и глаза поправятся“.

— „Да и мнѣ извѣстна одна мазь“, подхватилъ двух-головый деви: „отъ которой моментально проходятъ всякия язвы и раны на тѣлѣ: нужно только смазать ихъ тиной, перемѣшанной съ плющемъ“.

— „Все это хорошо, но гдѣ мы найдемъ такого человека, который взялся бы понести наши лѣкарства во дворець?“ вскричалъ пяти-головый деви.

— „Вотъ что, братцы! Теперь предадимся сну, такъ какъ уже поздно, а утромъ со свѣжими головами обсудимъ, какъ намъ поступить“, сказала трех-головый деви.

И братья-деви заснули богатырскимъ сномъ.

Весь этотъ разговоръ слышалъ бѣднякъ, проснувшійся отъ громкихъ голосовъ девовъ, и подумалъ: „Вотъ когда я разбогатѣю. Пойду во дворець, вылѣчу больного царевича, и царь, конечно, наградить меня по-царски“. И началъ онъ слѣзать съ дерева, но такъ неловко, что сорвался и упалъ на девовъ. Деви тотчасъ же проснулись, всполошились и хотѣли было съѣсть бѣдняка тутъ же, но увидѣвъ, какъ онъ грязень, сказали: „лучше завтра утромъ обмоемъ его; зажаримъ и позавтракаемъ“. Бѣднякъ пришелъ въ ужасъ отъ этихъ словъ, но, набравшись смѣлости,

сказалъ „девамъ“: „Эй, вы, хорошіе люди! Что вы выиграете отъ того, что съѣдите меня, худого, грязнаго? Развѣ этимъ вы утолите свой волчій аппетитъ? Не лучше ли будетъ, если вы мнѣ даруете свободу? Тогда я пойду къ царскому сыну и, зная средства отъ его болѣзней, вылѣчу его. Царь, конечно, наградитъ меня за это своею казною. Я на эти деньги накуплю быковъ и овецъ, которыхъ пригоню къ вамъ же. Вамъ быки и овцы, а мнѣ—жизнь и свобода!“ Предложеніе бѣдняка понравилось „девамъ“. Снабдивъ бѣдняка лѣкарствами и взявши съ него клятву, что онъ все исполнитъ въ точности, они отпустили его. Бѣднякъ, обрадовавшись, что такъ легко отдѣлался отъ „девовъ“, весело направился къ царскому дворцу. Въ столицѣ, между тѣмъ, замѣчалось большое движеніе. Только и было разговоровъ, что о болѣзни царевича. И большой и малый, и мужчины и женщины, и богатые и бѣдные, всѣ были сильно опечалены болѣзнию молодого царевича. Врачи всего царства лѣчили царевича, пустили въ ходъ все свое искусство, употребляли всякаго рода лѣкарства и снадобья, но ничто не помогало несчастному, истощенному продолжительной болѣзнию царевичу. И рѣшено было прекратить всякое лѣченіе, чтобы царевичъ могъ хотя бы умереть спокойно.

Въ это время приходитъ во дворецъ бѣднякъ и проситъ царскую стражу, охранявшую входъ во дворецъ, допустить его къ царевичу, обѣщая вылѣчить его. Но стража подняла его на смѣхъ. Бѣднякъ настаиваетъ на своемъ, говоря: „казните меня, если я не вылѣчу царевича“. Тогда стража докладываетъ царю, и царь приказалъ ввести бѣдняка въ покои царевича. Войдя въ комнату и приблизившись къ царевичу, бѣднякъ прежде всего перекрестилъ его, а затѣмъ приступилъ къ лѣченію, какъ говорили о томъ „деви“. И не прошло нѣсколькихъ часовъ, какъ ца-

ревичъ настолько поправился, что всталъ на ноги, а черезъ нѣсколько дней болѣзни какъ и не бывало. Радости царя, приближенныхъ и народа не было конца. Царь и царевичъ щедро наградили бѣдняка и отпустили домой. Бѣднякъ сталъ богатымъ человѣкомъ. Онъ построилъ прекрасный домъ, въ которомъ и поселился со своей молодой женой. Богатство его съ каждымъ днемъ увеличивалось, такъ какъ онъ приобрѣлъ славу знаменитаго, искуснаго врача. Но на бѣду свою онъ совершенно забылъ, да и не хотѣлъ вспоминать объ обѣщаніи, которое далъ онъ „девамъ“. Но не забыли объ этомъ сами „деви“. Однажды разбогатѣвшему бѣдняку нужно было посѣтить какого-то больного. Дорогою ему пришлось итти черезъ лѣсъ, и только достигъ онъ середины его, какъ на дорогу вышли три „деви“ и загородили ему путь. Онъ хотѣлъ было бѣжать, но было уже поздно: „деви“ схватили его и, несмотря ни на какія обѣщанія и клятвы, зажарили на шампурѣ и съѣли. Впослѣдствіи жена узнала о печальной судьбѣ, постигшей мужа, и долго и горько оплакивала его.

Всему бываетъ конецъ и сказкѣ тоже.

2. Хетисаваръ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, далеко отъ нашей страны, жилъ-былъ царь. У него была дочь-красавица, какой свѣтъ не видалъ. Боясь, чтобы ее кто-нибудь не похитилъ, царь построилъ на одномъ островѣ, среди обширнаго моря, великолѣпный дворецъ и помѣстилъ туда царевну вмѣстѣ со старушкой-няней. Прошло время. Однажды няня, гуляя на морскомъ берегу, замѣтила, что по морю что-то катится по направленію къ ней. Это было необыкновенной величины яблоко, которое прикатилось прямо къ ея ногамъ. Удивленная всѣмъ этимъ, няня схватила яблоко и поспѣшила во дворецъ, чтобы поскорѣе показать это чудо-яблоко ца-

ревнѣ. Налюбовавшись вдоволь его красивымъ видомъ, царевна очистила яблоко и съѣла, а кусочекъ дала попробовать нянѣ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и царевна и няня забеременѣли. Царь, узнавъ объ этомъ, пришелъ въ страшный гнѣвъ и велѣлъ одному приближенному вельможѣ убить и царевну и няню, а легкія и сердца ихъ принести ему. Но вельможа, котораго и царевна и няня умоляли не убивать, пощадилъ ихъ, а чтобы обмануть царя, онъ убилъ двухъ зайцевъ, вынулъ у нихъ легкія и сердца и принесъ царю, убѣдивъ его въ томъ, что онъ исполнилъ царское порученіе. Вскорѣ послѣ этого у царевны родился сынъ—необыкновенный силачъ и красавецъ, а у няни—8 щенковъ, надѣленныхъ человѣческимъ разумомъ. Царевна назвала своего сына „Хвтисаварь“ (я—Божій, принадлежащій Богу). Какъ Хвтисаварь, такъ и собаки росли не по днямъ, а по часамъ. Уже съ первыхъ дней рожденія Хвтисаварь обнаружилъ большую наклонность къ охотѣ. Достигнувъ отроческихъ лѣтъ, онъ сдѣлалъ себѣ громадной величины желѣзную стрѣлу и лукъ и каждый день ходилъ на охоту въ сопровожденіи собакъ. Охота его всегда была очень удачна: онъ возвращался домой съ массою дичи. Однажды, охотясь за какою-то птицею, Хвтисаварь слишкомъ сильно пустилъ стрѣлу; она залетѣла далеко отъ мѣста охоты и упала въ какою-то большой дворъ, расположенный среди дремучаго лѣса. Это было жилище девовъ-великановъ. Ихъ было десять братьевъ. Увидя громадной величины стрѣлу, великаны сказали: „человѣкъ, пустившій эту стрѣлу, долженъ обладать необыкновенной силой и, придя сюда за своей стрѣлой, можетъ насъ убить. Лучше сами пойдемъ къ нему навстрѣчу, отыщемъ его и какъ-нибудь общими силами убьемъ“. Согласившись на этомъ, братья-великаны тотчасъ же отправились въ путь на поиски Хвтисавара.

Между тѣмъ Хвтисаварь, замѣтивъ, въ какую сторону полетѣла его стрѣла, отправился отыскивать ее. Послѣ долгихъ скитаній, онъ пришелъ ко двору великановъ въ то время, когда ихъ уже не было дома. Здѣсь во дворѣ онъ къ величайшей радости своей увидѣлъ свою стрѣлу, взялъ ее и только собирался пуститься въ обратный путь, какъ услышалъ за собою голосъ: „Кто ты, осмѣлившійся войти сюда во дворъ? Изъ страха во мнѣ птицы боятся перелетать черезъ этотъ дворъ! А ты, дерзкій, развѣ не боишься меня? Вѣдь, я тебя могу съѣсть!“ Это говорила мать великановъ, стоявшая на крыльцѣ. Хвтисаварь вмѣсто отвѣта убиваетъ ее. Въ то же время великаны послѣ долгихъ и тщетныхъ поисковъ владѣльца стрѣлы, рѣшили послать домой самого младшаго брата узнать, не пришелъ ли владѣлецъ стрѣлы туда. Приходить младшій великанъ домой и видеть чужого человѣка. Гнѣвъ охватилъ его, и крикнулъ онъ громовымъ голосомъ: „Какъ ты, несчастный, дерзнулъ войти въ этотъ домъ? Или ты не знаешь, что онъ принадлежитъ братьямъ-великанамъ, которымъ нѣтъ равныхъ по силѣ? Вѣдь, я тебя съѣмъ, какъ цыпленка!“ Это были послѣднія слова великана: стрѣла Хвтисавара поразила его на смерть. Такимъ же образомъ одного за другимъ убилъ Хвтисаварь и остальныхъ восемь братьевъ. Приходить, наконецъ, и самый старшій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самый страшный великанъ. Пустилъ въ него Хвтисаварь стрѣлу свою, попалъ въ него: упалъ великанъ на землю, кровью своею залилъ весь дворъ, корчился, ревѣлъ; замолкъ онъ наконецъ и, повидимому, умеръ. Такъ думалъ, по крайней мѣрѣ, Хвтисаварь. Долго послѣ этого выжидалъ Хвтисаварь, не придетъ ли какой новый врагъ. Но никто не приходилъ. Тогда отправился онъ къ матери и предложилъ ей переселиться вмѣстѣ съ няней въ домъ великановъ. Колебалась мать исполнить желаніе сына, предчувствуя ка-

кую-то бѣду, но въ концѣ концовъ уступила. И зажили они въ новомъ домѣ по-старому. Однажды мать Хвтисавара сидѣла на балконѣ и замѣтила, какъ во дворъ вошелъ какой-то нищій, просившій милостыни. Она дала ему хлѣба. Съ тѣхъ поръ этого нищаго часто можно было видѣть во дворѣ; и всякій разъ мать Хвтисавара надѣляла его то тѣмъ, то другимъ. Прошло время, и случилось такъ, что мать Хвтисавара влюбилась въ этого нищаго. Вскорѣ онъ открылся ей: оказалось, что это былъ не нищій, а тотъ великанъ, который пришелъ послѣднимъ и котораго Хвтисаваръ, повидимому, убилъ такъ же, какъ и остальныхъ его братьевъ; на самомъ же дѣлѣ великанъ былъ только раненъ сильно и выжилъ какимъ-то чудомъ.

Однажды великанъ сказалъ матери Хвтисавара: „На что похожа наша жизнь? Я боюсь приходить къ тебѣ, когда твой сынъ дома; да и ты побаиваешься его! Онъ насъ стѣсняетъ, онъ намъ мѣшаетъ! Лучше уьемъ его и заживемъ на свободѣ“. И когда презрѣнная мать согласилась на такое преступленіе, великанъ продолжалъ: „твой сынъ необыкновенно силенъ, и мы можемъ убить его только хитростью. Вотъ что; притворись ты больною и скажи сыну, что тебѣ поможетъ кусочекъ рога того оленя, что водится въ сосѣднемъ лѣсу. А олень этотъ страшно опасенъ: ни одинъ человѣкъ, осмѣлившійся охотиться за нимъ, не возвращался обратно: всѣхъ олень убивалъ своими чудовищными рогами; и твоего сына также онъ убьетъ“. Вечеромъ Хвтисаваръ вернулся съ охоты домой. Мать его лежала въ постели. Охая и вряхтя, подзываетъ она сына къ себѣ и вѣрачивымъ, ласковымъ голосомъ говоритъ, что она сильно больна и что она можетъ поправиться лишь въ томъ случаѣ, если онъ принесетъ ей кусочекъ рога того оленя, который живетъ въ сосѣднемъ лѣсу. На другой день, ни свѣтъ-ни заря, отправился Хвтисаваръ на поимку оленя.

Долго онъ искалъ его безуспѣшно. Но вотъ однажды набрелъ онъ въ лѣсу на какую-то тропинку; тропинка эта вывела его на поляну среди лѣса, а на полянѣ той спокойно пощипывалъ травку олень чудной красоты. И только Хвтисаварь прицѣлился въ него, какъ олень заговорилъ съ нимъ человѣческимъ голосомъ: „Хвтисаварь! Хвтисаварь! Зачѣмъ ты хочешь убить меня? Ты не разумѣешь, что дѣлаешь! Я знаю, что тебѣ поручено матерью достать во что бы то ни стало кусочекъ моего рога, который ей нуженъ какъ бы для лѣченія. Такъ подойди ко мнѣ, не боясь, отпили кусочекъ рога и отнеси матери. Но знай, что мать обманываетъ тебя и вмѣстѣ съ великаномъ сговорилась извести тебя“. Тутъ олень подробно разсказалъ Хвтисавару о предательскомъ замыслѣ его матери и великана, дозволилъ Хвтисавару отпилить кусочекъ рога, а на прощанье далъ ему клокъ своей шерсти и сказалъ: „Когда попадешь въ бѣду и будешь нуждаться въ помощи, возьми этотъ клокъ шерсти въ руки, скажи: олень, олень, гдѣ ты! и я явлюсь“.

Затѣмъ Хвтисаварь отправился домой и, притворившись, что ему ничего неизвѣстно объ обманѣ, подаетъ матери кусочекъ рога. Мать поражена, но, не покидая мысли извести сына, по совѣту великана, проситъ сына достать щетину одного свирѣпаго кабана, водившагося въ томъ же сосѣднемъ лѣсу. Хвтисаварь, желая испытать, до чего доведетъ преступная страсть его мать, не отказался отъ предложенія и отправился на поиски кабана. Не мало времени прошло прежде, чѣмъ Хвтисаварь попалъ на слѣдъ кабана и отыскалъ его: Когда же Хвтисаварь прицѣлился въ него, то кабанъ сказалъ ему то же, что и олень, и точно такъ же обѣщалъ ему въ бѣдѣ свою помощь: Хвтисаварь благополучно вернулся домой и вручилъ матери клокъ щетины кабана. Удивляется мать Хвтисавару, удивляется,

какъ ему удалось избѣжать оба раза смерти, и все-таки продолжаетъ думать о смерти сына. На этотъ разъ она проситъ его принести ей птенца птицы-великана, обитающей на высотахъ Кавказа. И Хвтисаваръ смѣло отправился на поиски этой птицы. Много ли шель, мало ли шель онъ, Богъ знаетъ. Только, наконецъ, пришелъ онъ въ одному большому дереву, на вершинѣ котораго находилось гнѣздо птицы-великана. Но самой птицы не было въ гнѣздѣ, видѣлись только птенцы. Въ это время Хвтисаваръ замѣтилъ, какъ ястребъ собирался броситься на птенцовъ. Въ одинъ мигъ Хвтисаваръ пустилъ стрѣлу въ ястреба и убилъ его. Въ то же время прилетѣла и мать птенцовъ. Увидя Хвтисавара, она грозно крикнула ему: „Кто ты, несчастный? И какъ ты осмѣлился явиться сюда? Вѣдь, тебѣ грозить смерть!“ И только хотѣла она броситься на Хвтисавара и живымъ растерзать его, какъ птенцы остановили ее и рассказали, какъ Хвтисаваръ спасъ ихъ отъ ястреба. Въ благодарность за это птица, узнавъ, зачѣмъ пришелъ Хвтисаваръ, дала ему одного птенца, наказавъ, не убивать его ни въ какомъ случаѣ. На прощанье, вручивъ ему нѣсколько перьевъ изъ своего хвоста, она сказала Хвтисавару: „будешь въ бѣдѣ, вспомни обо мнѣ“.

Счастливо возвратясь домой, Хвтисаваръ вручаетъ пораженной матери птенца. Но мать отказывается взять птенца, говоря, что теперь она совершенно оправилась отъ болѣзни и не нуждается въ лѣченіи. Тогда Хвтисаваръ, вѣрный обѣщанію, отпускаетъ птенца на волю и съ новою страстью предается своему любимому занятію—охотѣ.

Прошло время. Много разъ возшло солнце и закатилось. А между тѣмъ мать Хвтисавара задумала противъ него новую кознь.

Однажды Хвтисаваръ вернулся съ охоты крайне усталый и утомленный, и мать предложила ему выкупаться въ

котлѣ, чтобы хоть нѣсколько освѣжиться. Но едва онъ сѣлъ въ котель, какъ выскочилъ великанъ, до сихъ поръ скрывавшійся въ смежной комнатѣ, накрылъ быстро котель крышкой, забилъ ее наглухо и выбросилъ въ море. Вовликовали мать Хвтисавара и великанъ, вполнѣ увѣренные, что на этотъ разъ не избѣгнуть смерти Хвтисавару. Но не суждено было Хвтисавару погибнуть. Собаки, постоянно сопровождавшіе Хвтисавара на охоту, видѣли, какъ великанъ бросилъ въ море котель и, зная, что въ котлѣ находится Хвтисаваръ, сѣли на берегу и начали выть. Въ то же время Хвтисаваръ вспомнилъ объ обѣщаніи оленя, кабана и птицы. И въ одинъ мигъ появились они на морскомъ берегу. Высоко вверхъ поднялась птица, стрѣлою опустилась на поверхность моря, ударила крыльями по водѣ, и вода разступилась такъ, что на днѣ морскомъ обнаружился котель, въ которомъ находился Хвтисаваръ. Въ то же время олень рогами выкатилъ его на берегъ, а кабанъ клыками сорвалъ крышку котла. Послѣ этого птица, олень и кабанъ ушли каждый своею дорогою. Такимъ образомъ Хвтисаваръ былъ спасенъ отъ вѣрной смерти. Водро и смѣло направился Хвтисаваръ домой, пылая мщеніемъ. Дорогою ему повстрѣчался свинопасъ, съ которымъ онъ помѣнялся одеждою, и въ такомъ видѣ, оборванный, въ лохмотьяхъ, послѣ долгихъ скитаній достигъ онъ своего дома. Здѣсь между тѣмъ мать Хвтисавара и великанъ, полагая, что Хвтисаваръ навѣрно погибъ, устроили пиръ на радостяхъ. Гнѣвомъ воспылало сердце Хвтисавара при видѣ всего этого, схватилъ онъ мощною рукою свою желѣзную стрѣлу, валявшуюся во дворѣ, и въ одинъ мигъ не стало ни матери, ни великана, ни няни: они были убиты Хвтисаваромъ.

Однажды Хвтисаваръ грустный сидѣлъ на балконѣ, и видитъ онъ, какъ чрезъ дворъ приближается къ нему пре-

красный, высокій, статный юноша. И не успѣлъ юноша подойти къ балкону, какъ Хвтисаварь, побуждаемый какою-то силою, выбѣжалъ во дворъ и, не говоря ни слова, вступилъ съ юношею въ борьбу. Долго боролись они, но ни одинъ изъ нихъ не уступалъ: оба были равной силы. Тогда превратили они борьбу и сказали другъ другу: „Зачѣмъ мы вступили въ борьбу? Между нами не должно быть причины раздора. Лучше побратаемся“. Такъ они согласились, и завязалась между ними братская дружба. Прекрасный юноша поселился въ домъ Хвтисавара. Вмѣстѣ они веселились, вмѣстѣ и горевали.

Однажды братъ сказалъ Хвтисавару: „Вотъ мы живемъ одни-одиношенькие, и нѣтъ у насъ ни истиннаго веселья, ни истинной радости; нѣтъ у насъ той, которая оживляла бы нашъ домъ, которая радовала бы наши сердца, нашу душу: нѣтъ у насъ жены. Пойдемъ по свѣту, поищемъ свое счастье—жену“. И отправились братья на поиски счастья—жены. Долго, очень долго шли они по высокимъ горамъ, по широкимъ полямъ, по дремучимъ лѣсамъ; шли они и при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, и при блѣдномъ свѣтѣ луны и при мерцаніи звѣздъ; шли они и въ прекрасную погоду, шли они и въ бурю, непогодицу. Долго, очень долго шли они; и пришли они, наконецъ, къ перекрестку, откуда шли двѣ дороги въ разныя стороны: одна—направо, другая—налѣво. На столбахъ надписъ: направо пойдешь—пропадешь, налѣво—счастье найдешь и назадъ вернешься. Бросили братья жребій: и пришлось Хвтисавару идти направо, а брату—налѣво. Взявъ съ собою по четыре собаки, братья разстались, но передъ прощаньемъ условились, что если вода, во время умыванья лица, превратится въ кровь, то это будетъ служить признакомъ того, что съ однимъ изъ нихъ случилась бѣда.

Много ли шель, мало ли шель Хвтисаварь, Богъ зна-

еть. Только пришелъ опъ, наконецъ, въ одной большой рѣкѣ. Здѣсь на берегу стояли двѣнадцать вооруженныхъ воиновъ, которые сказали Хвтисавару: „На томъ берегу рѣки красуется среди лѣса царскій дворецъ, въ которомъ находится красавица-царевна. И царь рѣшилъ выдать ее замужъ за того, кто перепрыгнетъ черезъ эту рѣку; тотъ же, кто не сумѣетъ перепрыгнуть, погибнетъ въ бушующихъ волнахъ рѣки. Но до сихъ поръ не нашлось ни одного смѣльчака, который рѣшился бы на такой подвигъ; тѣ же немногіе, которые пытались перепрыгнуть черезъ рѣку, погибли въ ея волнахъ“. Не испугался Хвтисаваръ такихъ рѣчей и рѣшилъ во что бы то ни стало попытаться счастья. Не ему было отступать передъ опасностью. Къ величайшему удивленію воиновъ Хвтисаваръ съ необыкновенною легкостью перепрыгнулъ черезъ рѣку вполнѣ удачно, и царь выдалъ за него свою красавицу-дочь. И женился Хвтисаваръ счастливо.

Однажды Хвтисаваръ отправился на охоту; охота была удачна: Хвтисаваръ убилъ зайца, оленя и козу. Между тѣмъ наступилъ обѣденный часъ, и Хвтисавару очень захотѣлось ѣсть, а до дома было далеко. Тогда онъ развелъ огонь и началъ готовить себѣ шашлыкъ. Въ это время приходитъ къ нему старая-престарая старуха и проситъ — дать ей поѣсть чего-нибудь. Великодушный Хвтисаваръ предложилъ ей цѣлаго зайца. Старуха, едва поджаривъ зайца, съѣла его, и опять проситъ Хвтисавара дать ей поѣсть. Хвтисаваръ и на этотъ разъ не отказалъ ей и далъ цѣлую козу, а потомъ и оленя. Удивлялся Хвтисаваръ прожорливости старухи. А она, между тѣмъ, незамѣтно для Хвтисавара вынула изъ-за пазухи небольшой камень и бросила въ Хвтисавара. Хвтисаваръ тотчасъ же превратился въ камень, и старуха проглотила его. Точно такъ же поступила она и съ четырьмя собаками Хвтисавара.

Въ то же время братъ Хвтисавара замѣтилъ, что вода, которою онъ умывался, превратилась въ кровь, и понялъ онъ, что съ Хвтисаваромъ случилась бѣда. Не долго думая, онъ отправился на поиски его. Не мало времени прошло прежде, чѣмъ братъ Хвтисавара напалъ на слѣды его. По этимъ слѣдамъ дошелъ онъ и до костра, который былъ разведенъ Хвтисаваромъ. Былъ обѣденный часъ. И братъ Хвтисавара, чтобы утолить голодь, развелъ костеръ и началъ жарить кусокъ дичи. Подошла къ нему въ это время та же старуха, прося покормить ее. Братъ Хвтисавара раза три кормилъ ее, и его постигла бы участь Хвтисавара, если бы онъ во-время не замѣтилъ движенія старухи, собиравшейся бросить въ него камень. Тотчасъ же схватилъ онъ старуху за горло и началъ душить ее говоря, что, вѣроятно, она погубила его брата Хвтисавара. Старуха умоляетъ его о пощадѣ, говоря, что, дѣйствительно, она поглотила Хвтисавара и его четырехъ собакъ, но что она возвратитъ ихъ къ жизни. „Разрѣжь мнѣ животъ и вынь ихъ оттуда“, добавила старуха. Братъ Хвтисавара такъ и сдѣлалъ. Но и Хвтисаваръ и собаки его оказались мертвыми. Тогда старуха сказала: „Въ одномъ углу моего живота лежитъ шватулочка, а въ ней—полотенце; возьми это полотенце и потри имъ какъ Хвтисавара, такъ и его собакъ, и къ нимъ возвратится жизнь“. Братъ Хвтисавара послѣдовалъ совѣту старухи, и къ великой радости его Хвтисаваръ ожилъ, ожили и собаки его. Но это не спасло старуху отъ печальной участи: Хвтисаваръ и его братъ убили ее, желая избавить свѣтъ отъ такого злого существа.

Послѣ этого Хвтисаваръ вмѣстѣ съ братомъ вернулся во дворецъ и зажилъ счастливо съ женой, не испытывая зависти людской.

Вскорѣ въ томъ же царствѣ нашелъ себѣ жену и

братъ Хвтисавара, дожившій съ нею въ счастіѣ до глубокой старости.

3. Райская роза.

Жилъ одинъ мужичокъ, и были у него три дочери. Однажды повезъ мужичокъ въ городъ сѣно на продажу и передъ отъѣздомъ сказалъ дочерямъ: „вотъ я ѣду въ городъ; что вамъ купить?“ Старшая дочь попросила отца купить ей такое платье, какого не было бы ни у кого; средняя дочь попросила купить ей такое зеркальце, въ которомъ виденъ былъ бы весь міръ; младшая же дочь попросила купить ей райскую розу. Отправился мужичокъ въ городъ, продалъ удачно сѣно, купилъ старшей и средней дочери платье и зеркальце, младшей же ничего не купилъ, такъ какъ не могъ найти въ городѣ райской розы. Но младшая дочь обидѣлась этимъ и снова пристала къ отцу съ просьбой во что бы то ни стало достать ей райскую розу. Нечего дѣлать! Пошелъ мужичокъ опять въ городъ, сталъ спрашивать встрѣчныхъ о райской розѣ и, наконецъ, узналъ, что эта роза растетъ въ саду одного деви, но доступъ въ этотъ садъ очень труденъ и разъ кто попадалъ туда, назадъ не возвращался: онъ становился жертвою деви. Тѣмъ не менѣе мужичокъ, надѣясь на счастье, отправился искать садъ деви и райскую розу.

Долго ли, коротко ли шелъ онъ, наконецъ приходитъ ко дворцу деви, входитъ въ садъ и видитъ: самъ деви лежитъ, растянувшись, у куста райской розы и спокойно спитъ. Мужичокъ осторожно подкрался къ розовому кусту, сорвалъ цвѣтокъ и, что было силы, пустился въ обратный путь. Между тѣмъ деви проснулся и, тотчасъ же замѣтивъ исчезновение цвѣтка съ розоваго куста, пустился по слѣдамъ въ погоню за мужичкомъ. Долго деви гнался за мужичкомъ, чуть было даже не поймалъ его, но мужичокъ

все-таки успѣлъ добѣжать до дому и заперся въ немъ. Деви остановился у дверей и закричалъ громовымъ голосомъ, такъ что листья на деревьяхъ задрожали: „Возврати мнѣ, мужикъ, райскую розу или отдай мнѣ взамѣнъ твою младшую дочь, а не то уничтожу и домъ твой и тебя съ дѣтьми“. Испугался мужичокъ этой угрозы и не зналъ, какъ ему избавиться отъ бѣды. Тогда младшая дочь сказала отцу: „Нечего дѣлать, отецъ! Я пойду въ деви, а райская роза все-таки пусть останется у тебя“. Сказала это младшая дочь и исполнила, и привелъ ее деви въ свой дворецъ.

Во дворцѣ жила вмѣстѣ съ деви и сестра его, по имени „Двудзу-вокоба“ (маленькогрудая). Однажды деви, отправляясь на работу, сказалъ сестрѣ: „Сестрица, у меня сегодня будутъ гости; такъ ты зарѣжь „Райскую розу“ (такъ онъ называлъ младшую дочь мужика) и приготовь ее на обѣдъ“. Сестра обѣщала, и деви отправился на работу. Весь этотъ разговоръ между братомъ и сестрой слышала „Райская роза“, которая рѣшила жестоко отомстить имъ. Она достала бритву и, когда „Двудзу-вокоба“ приблизилась къ ней, ничего не подозрѣвая, „Райская роза“ неожиданно бросилась на нее и перерѣзала ей горло; затѣмъ разрѣзала ее на куски, сварила въ котлѣ, а груди ея положила сверху. Послѣ этого, захвативъ съ собою волшебныя зеркало, гребешокъ и ножницы, убѣжала.

Между тѣмъ возвратился домой и деви съ толпою гостей. Удивился онъ, что сестра не встрѣтила его и, полагая, что она занята приготовленіемъ обѣда, пошелъ въ кухню. И только заглянулъ онъ въ котель, гдѣ варилось мясо, какъ пришелъ въ ужасъ: онъ узналъ сестру. Тотчасъ же догадался онъ о случившемся и, оставивъ гостей, въ страшномъ гнѣвѣ погнался за „Райской розой“. Вскорѣ деви сталъ нагонять ее. Видитъ „Райская роза“, что дѣло плохо, и бросила она черезъ себя назадъ зеркало. За

нею тотчасъ же образовался громадный стеклянный лѣсъ. Но это не удержало деви: онъ бросился въ лѣсъ и, хотя сильно порѣзался, все-таки выбрался на другой край его и опять погнался за „Райской розой“. „Райская роза“ въ это время оглянулась назадъ и, видя, что деви догоняетъ ее, бросила на этотъ разъ черезъ себя назадъ гребешковъ, и тотчасъ же позади ея образовался лѣсъ изъ гребешковъ. И на этотъ разъ деви, не долго думая, бросился въ этотъ лѣсъ и, хотя съ большимъ трудомъ, но выбрался изъ него и продолжалъ свое преслѣдованіе. Тогда „Райская роза“ бросила ножницы, и тотчасъ же появился позади ея лѣсъ изъ ножницъ. Очертя голову, бросился деви и на этотъ разъ въ страшный лѣсъ. Весь израненный кое-какъ достигъ онъ другого края его и, хотя сильно ослабѣлъ отъ потери крови, но отъ преслѣдованія не отказался. А „Райская роза“, видя что теперь ей придется погибнуть, стала оглядываться кругомъ, нельзя ли куда спрятаться. И видитъ она невдалекѣ запертый домикъ, бросилась на колѣни и обратилась въ Господу съ горячею молитвою, чтобы Онъ открылъ ей двери домика. Дѣйствительно, двери тотчасъ же открылись, и только успѣла „Райская роза“ вбѣжать въ домикъ, какъ двери сами собой и закрылись. Прибѣжалъ къ домику и деви, и какъ онъ ни старался пробраться внутрь его, но всѣ его попытки оказались напрасными. Такъ и вернулся онъ обратно ни съ чѣмъ.

Между тѣмъ „Райская роза“, очутившись въ домикѣ, стала осматриваться кругомъ и замѣтила въ одномъ углу гробъ, а въ немъ прекраснаго юношу—сына тамошняго царя. Оказывается, онъ однажды во время охоты выстрѣлилъ изъ ружья въ солнце, и съ тѣхъ поръ этотъ юноша днемъ умиралъ, а ночью оживалъ. Отецъ его, царь, построилъ отдѣльно этотъ домикъ и въ немъ помѣстилъ гробъ съ умиравшимъ и оживавшимъ сыномъ. Каждый разъ, какъ

наступала ночь, оживавшій къ этому времени юноша вставалъ изъ гроба, ѣлъ пищу, которую приносили ему заранѣе, а къ утру, умирая, ложился въ гробъ. „Райская роза“ каждое утро питалась остатками пищи, приносимой царевичу, прибирала домикъ, но юношѣ-царевичу все не показывалась. А царевичъ все удивлялся, кто это занимается и когда приборкой и чиствой его домика. И однажды ночью, взявъ свѣчу, онъ тщательно обошелъ весь домикъ и тогда только замѣтилъ какую-то женщину, скрывавшуюся отъ него. На вопросъ царевича, кто она такая и какъ попала въ этотъ домикъ, „Райская роза“ рассказала ему все, что съ ней случилось. Съ тѣхъ поръ царевичъ полюбилъ ее, и они жили вмѣстѣ какъ мужъ и жена. Прошли дни, недѣли и мѣсяцы. Наступило время, когда „Райская роза“ должна была разрѣшиться отъ бремени. Тогда царевичъ далъ ей кольцо и сказалъ: „Иди съ этимъ кольцомъ во дворецъ моего отца; тамъ тебя встрѣтятъ злыя собаки, которыя съ громкимъ лаемъ бросятся на тебя; но ты покажи имъ мое кольцо, и онѣ успокоятся. Во дворцѣ попросишь ночлега, тамъ ты и разрѣшишься, а къ тому времени и я приду провѣдать тебя“.

Распрощалась „Райская роза“ съ царевичемъ и отправилась въ путь. Много ли, мало ли шла, приходитъ она, наконецъ, ко дворцу царскому, гдѣ на нее бросились собаки съ лаемъ, и только показала она имъ кольцо царевича, какъ собаки успокоились и начали къ ней ласкаться. Царь, видѣвшій все это, удивился и спросилъ приближенныхъ, кто эта женщина. Ему отвѣтили, что она имъ неизвестна, но что она просить у царя ночлега. Царь велѣлъ отвести ей комнату. Случилось такъ, что ночью „Райская роза“ разрѣшилась сыномъ. Утромъ доложили о случившемся царю. Заинтересованные этимъ, царь съ царицею отправились провѣдать родильницу и посмотрѣть на ново-

рожденнаго. Новорожденный имъ очень понравился, ибо мальчикъ былъ прекрасенъ; но что особенно поразило и царя и царицу—это необыкновенное сходство поворожденнаго съ ихъ сыномъ-царевичемъ; царица даже расплакалась. Приставивъ къ родильницѣ няню и велѣвъ ей присматривать за больною, царь съ царицею вернулись во дворецъ.

Между тѣмъ настала ночь, и царевичъ ожилъ. Онъ тотчасъ же направился къ дому, гдѣ находилась „Райская роза“.

— „Райская роза!“ воскликнулъ онъ, подойдя къ окну.

— „Что, дорогой?“ отвѣтила она, узнавъ его по голосу.

— „Кого намъ Богъ далъ: сына или дочку?“

— „Сына!“

— „А на чемъ ты лежишь?“

— „На старомъ гниломъ тюфякѣ“.

— „А чѣмъ ты прикрылась?“

— „Старымъ одѣяломъ“.

— „А что подъ голову положила?“

— „Холодный камень“.

— „А гдѣ лежитъ сыночекъ?“

— „Въ старой люлькѣ“.

— „Горе моей матери, горе моему отцу, а болѣе всѣхъ моей старой нянѣ“, сказалъ царевичъ и ушелъ обратно.

На утро няня, приставленная къ родильницѣ и слышавшая весь этотъ разговоръ, передала его слово въ слово царю. Но царь, думая, что няня обманываетъ его, сильно разгнѣвался на нее и прогналъ. Потомъ онъ позвалъ визиря и велѣлъ ему слѣдить за домомъ въ слѣдующую ночь и о случившемся доложить ему. Наступила ночь. Опять пришелъ царевичъ, и повторилась сцена предыдущей ночи. Утромъ визирь явился къ царю и, рассказавъ о случившемся, убѣдилъ его въ томъ, что няня говорила правду. Тогда

на третью ночь царь велѣлъ уложить родильницу въ новую шелковую постель, ребенка же—въ золотую люльку. Послѣ этого царь сказалъ родильницѣ: „Я съ нѣкоторыми приближенными скроюсь въ смежной комнатѣ; когда придетъ царевичъ, скажи ему, что его сынъ заболѣлъ, и попроси войти въ комнату—поглядѣть на больного ребенка; мы его тогда схватимъ, задержимъ и вылѣчимъ“. Больная согласилась.

Наступила ночь. Пришелъ царевичъ и, подойдя къ дому, гдѣ находилась родильница, сказалъ:

— „Райская роза?“

— „Что, милый?“ отвѣтила она.

— „На чемъ ты лежишь?“

— „На новомъ шелковомъ тюфякѣ“.

— „А чѣмъ ты прикрылась?“

— „Новымъ шелковымъ одѣяломъ“.

— „А что подъ голову положила?“

— „Новую шелковую мутаку и подушку“.

— „А гдѣ лежитъ сынокъ?“

— „Въ золотой люлкѣ“.

— „Благо моей матери, благо моему отцу, а болѣе всѣхъ моей старой нянѣ“, сказалъ царевичъ.

— „Все это хорошо, дорогой!“ сказала родильница, — „но нашъ ребенокъ боленъ, не зайдешь ли посмотрѣть его?“

— „А никто въ домѣ не бодрствуетъ? Всѣ ли спать?“ спросилъ онъ.

— „Не бойся! Заходи. Всѣ спать“, отвѣтила она.

И царевичъ направился въ комнату, но только онъ вошелъ, какъ его схватили. Обрадовались царь и царица, увидя сына живымъ. Но наступило утро, и царевичъ умеръ. Умерло вмѣстѣ съ тѣмъ опять и веселье въ домѣ царя: опять горе и печаль поселились въ сердцахъ родителей царевича. Никакіе лѣкари, никакіе знахари и знахарки не

могли помочь горю царя и царицы: ни одинъ изъ нихъ не могъ оживить царевича.

И вспомнила тогда царица про свою сестру, что была замужемъ за солнцемъ, и рѣшила немедленно же отправиться къ ней за совѣтомъ. Долго ли, коротко ли шла она, приходитъ она, наконецъ, въ одно государство. Принятая, какъ подобало ея сану, царемъ этой страны, она узнала, что жена царя должна разрѣшиться, но при этомъ испытываетъ страшныя мученія. Поэтому царь, узнавъ, что она держитъ путь къ солнцу, попросилъ ее сообщить солнцу о мученіяхъ, испытываемыхъ его женою, и отвѣтъ солища передать ему на обратномъ пути.

Идетъ царица дальше и видитъ въ одномъ мѣстѣ, какъ какой-то человѣкъ стоитъ среди горящей пекарни и сильно страдаетъ. И этотъ несчастный также попросилъ царицу передать солнцу о его мученіяхъ и отвѣтъ сообщить на обратномъ пути. Отправилась царица дальше и видитъ, какъ олень уперся рогами въ небо и никакъ не можетъ высвободиться. И узнавъ, что царица идетъ къ солнцу, олень обратился къ ней съ такими словами: „О, великая царица! Полтора года я такъ страдаю: топчусь все время на одномъ мѣстѣ и никакъ не могу высвободить своихъ роговъ. Сжался надо мною. Расскажи солнцу о моемъ несчастіи и спроси, какъ помочь такой бѣдѣ. Отвѣтъ сообщи мнѣ на обратномъ пути. Взамѣнъ этого я сослужу тебѣ службу: если тебѣ нужна лѣстница, чтобы добраться до солища, то мои рога могутъ замѣнить тебѣ ее“.

Обрадовалась царица предложенію оленя и тотчасъ же воспользовалась имъ: начала она по оленьимъ рогамъ взбираться вверхъ и вскорѣ добралась до дворца, гдѣ обитало солнце. Солнца въ то время не было дома: оно отправилось на охоту. Царицу встрѣтила ея сестра, что была замужемъ за солнцемъ. Радости ихъ не было границъ. На-

вонецъ, наговорившись вдоволь, жена солнца говоритъ сестрѣ-царицѣ: „Хорошо, что ты пришла въ отсутствіе мужа, а то онъ тебя съѣлъ бы тотчасъ же. Но бѣда тебѣ все-таки грозитъ: если онъ, придя домой, увидитъ тебя, то непременно съѣстъ. Поэтому придется тебя спрятать“. И спрятала она сестру-царицу въ комнатѣ съ девятью замками.

Къ тому времени возвратилось и солнце съ охоты и тотчасъ же воскликнуло:

— „Я чувствую по запаху здѣсь присутствіе христіанскаго существа! Гдѣ оно?“

— „Здѣсь что нужно христіанскому существу?“ отвѣчала жена: „ты, вѣроятно, сегодня охотился въ христіанскихъ странахъ и оттуда принесъ съ собою этотъ запахъ!“

— „Нѣтъ! Не то! Я чувствую, что здѣсь, въ моемъ дворцѣ находится какое-то христіанское существо. Не лги, говори правду!“

Тогда жена созналась солнцу во всемъ и добавила:

— „Да, дѣйствительно, во дворцѣ есть христіанское существо, по это—моя сестра. Если ты общаешь мнѣ, что не причинишь ей зла и не съѣшь, то я покажу тебѣ ее“.

Солнце общало, и тогда жена вывела къ нему свою сестру-царицу. Царица рассказала солнцу подробно о своемъ горѣ и просила помочь ей. Не забыла она рассказать солнцу и о мученіяхъ, испытываемыхъ царицею, которая должна была разрѣшиться, а также о человѣкѣ въ горячей пекарнѣ и объ оленѣ.

— „Не горюй, дорогая свояченица! Помогу и твоему горю и горю тѣхъ, которые просили моего совѣта. А пока погости у насъ“.

На другой день утромъ солнце умылось водою и, давъ этой воды царицѣ, сказало:

— „Вотъ въ этой водѣ выкупай царевича, и онъ тотчасъ же совершенно поправится: не будетъ днемъ умирать.“

Царицѣ-роженицѣ передай, чтобы она легла на простую солому и тогда легко разрѣшится; человѣку въ горящей пекарнѣ посовѣтуй выйти изъ горящей пекарни, чѣмъ и избавится отъ своихъ мученій; оленю же скажи, чтобы онъ немного пригнулъ голову къ землѣ и тогда освободится“.

Вскорѣ послѣ этого царица собралась домой, спѣша поскорѣе оживить своего сына. На обратномъ пути она сообщила отвѣтъ солнца оленю, человѣку въ горящей пекарнѣ и царицѣ-роженицѣ, и тѣ освободились каждый отъ своихъ мученій. Поправился и царевичъ: выкупавшись въ водѣ, которую принесла мать, онъ пересталъ умирать днемъ.

Прошло время, и царевичъ женился на „Райской розѣ“. Вскорѣ отецъ уступилъ престолъ сыну. И зажила царская семья весело и счастливо.

Пока я въ шаперствѣ не сварю гоми, иглокою не помѣшаю его, а ногтемъ не выну его оттуда, до тѣхъ поръ у слушающихъ эту сказку да не заболитъ голова!

4. Царевичъ и волкъ.

Жилъ одинъ царь. У него было три сына. Жили всѣ они вмѣстѣ, во дворцѣ. Дворецъ стоялъ среди роскошнаго сада, а въ томъ саду росла прекрасная яблоня. Ежедневно на яблонѣ появлялось яблоко, которое царь самъ срывалъ. Но однажды, подойдя къ яблонѣ, царь замѣтилъ, что его кто-то предупредилъ: яблоко было уже сорвано неизвѣстнымъ воромъ. Въ гнѣвѣ вернулся царь во дворецъ, позвалъ своихъ сыновей и сказалъ: „Въ нашъ садъ повадился неизвѣстный воръ, который осмѣливается срывать яблоко съ яблони. Нужно этого вора поймать во что бы то ни стало. Пусть каждый изъ васъ караулитъ садъ по очереди ночью“.

Настала первая ночь. Отправился старшій царевичъ сторожить садъ. Къ полуночи царевича сталъ одолевать сонъ, и, какъ онъ ни крѣпился, въ концѣ концовъ заснулъ

глубокимъ сномъ. Въ то же время прилетѣла какая-то птица, сорвала яблоко и улетѣла. Проснулся царевичъ утромъ и видитъ—яблока нѣтъ. Опечаленный царевичъ вернулся во дворецъ и рассказалъ отцу откровенно все, какъ было.

На другую ночь отправился сторожить садъ средній царевичъ. Но и съ нимъ случилось то же, что и со старшимъ царевичемъ.

Тогда на третью ночь зоветъ царь младшаго сына и говорить ему: „Твои братья осрамились: вора мнѣ не поймали. Иди же теперь ты караулить садъ, но не слѣдуй примѣру братьевъ, а поймай мнѣ вора непременно. Безъ вора не смѣй возвращаться домой“.

Отправился царевичъ караулить садъ и, какъ онъ ни старался противиться сну, въ полночь заснулъ; опять прилетѣла невѣдомая птица и, сорвавъ яблоко, улетѣла.

Проснулся утромъ царевичъ и пришелъ въ ужасъ: яблоко было украдено. Не рѣшился царевичъ возвратиться во дворецъ и, взявъ у садовника коня, поѣхалъ куда глаза глядятъ.

Долго ѣхалъ царевичъ, понура голову. Подъѣзжаетъ онъ, наконецъ, къ одному перекрестку. Здѣсь перекрещивались три дороги: одна шла прямо, другая—направо, третья—налѣво. На перекресткѣ стоялъ столбъ со слѣдующей надписью: прямо поѣдешь—назадъ не вернешься; направо—утонешь; налѣво—коня потеряешь, но свое счастье найдешь. И поѣхалъ царевичъ налѣво. Долго ѣхалъ онъ, черезъ горы и поля, черезъ рѣки и лѣса; утомился и остановился отдохнуть; коня рассѣдлалъ. Вдругъ изъ лѣсу выбѣжалъ сѣрый волкъ и съѣлъ коня, а потомъ голосомъ человѣческимъ спрашиваетъ царевича, куда онъ держитъ путь свой. Царевичъ рассказалъ волку все, что и какъ съ нимъ случилось. Волкъ и говорить ему: „Знаю я вора,

укравашаго яблоко; это—ястребъ. Осѣдай меня, я повезу тебя къ нему“. Осѣдлавъ царевичъ волка и поѣхалъ. Долго ли ѣхали, коротко ли ѣхали, только привозитъ волкъ царевича къ одному дворцу и говоритъ: „Вотъ въ этомъ дворцѣ живетъ ястребъ-воръ. Сидитъ онъ въ золотой вѣткѣ, съ серебрянными бубенчиками на ногахъ. Постарайся схватить ястреба такъ, чтобы не загремѣли бубенчики, а то услышатъ сторожа и поймутъ тебя“. Царевичъ прокрался во дворецъ, добрался до ястреба и схватилъ было его, но такъ неудачно, что бубенчики загремѣли. Проснулись сторожа, прибѣжали и поймали царевича. Сознался во всемъ царевичъ, и говорятъ ему сторожа: „Ястреба мы тебѣ отдадимъ, но прежде приведи взаимнъ коня, что у Ивана-царя“. Печальный вернулся царевичъ къ волку и рассказалъ ему обо всемъ. „Не печалься, царевичъ“, сказалъ волкъ: „я знаю, гдѣ живетъ этотъ Иванъ-царь; садись на меня, и поѣдемъ“. Привезъ волкъ царевича ко дворцу царя Ивана и говоритъ: „Войди въ конюшню и выведи коня, но не трогай сѣдла, а то будетъ бѣда“. Прокрался царевичъ въ конюшню, взялъ коня за уздечку и хотѣлъ уже вывести его, какъ увидѣлъ на стѣнѣ чудное сѣдло. Очень ужъ понравилось оно царевичу, и подумалъ онъ: безъ этого сѣдла конь не годится нигуда. Но едва царевичъ тронулъ сѣдло, какъ зазвенѣли колокольчики, привязанные къ нему; прибѣжали конюхи, схватили царевича и говорятъ ему: „Если приведешь дочь Давида-царя, то возмешь ты коня“. Грустный вернулся царевичъ къ волку и рассказалъ ему обо всемъ. „Не печалься, царевичъ“, сказалъ волкъ: „я знаю, гдѣ живетъ этотъ царь Давидъ; садись на меня, и поѣдемъ“. Приѣхали они ко дворцу царя Давида. Волкъ вырвалъ у себя влокъ шерсти, далъ царевичу и сказалъ: „Царевна спитъ въ десятой комнатѣ дворца. Ты прикладывай этотъ влокъ шерсти къ дверямъ, и

онѣ будутъ сами собою открываться передъ тобою. Когда же ты доберешься до царевны, то сейчасъ же приложи этотъ влокъ шерсти къ ея лицу или рукѣ; царевна заснетъ мертвымъ сномъ. Тогда возьми ее и вынеси сюда". Царевичъ все исполнилъ такъ, какъ совѣтовалъ ему волкъ. Захвативъ благополучно царевну, онѣ возвратился къ волку, сѣлъ на него и поѣхалъ обратно. Царевна все время была въ глубокомъ снѣ. Когда царевичъ подъѣзжалъ ко дворцу царя Ивана, волкъ и говорить ему: „Стыдно намъ мѣнять царевну на коня. Лучше вотъ что сдѣлаемъ: я обернусь царевною, а ты поведи меня къ царю Ивану, возьми вза-мѣнъ коня, садись на него вмѣстѣ съ царевной и поѣзжай дальше; я же вскорѣ догоню васъ". Сказано—сдѣлано. Царевичъ получилъ взаменъ волка, обернувшася царевною, коня и радостный поѣхалъ впередъ. Между тѣмъ волкъ убѣжалъ отъ царя Ивана и вскорѣ догналъ царевича. Прошло не мало времени, прежде чѣмъ они приблизились ко дворцу, гдѣ былъ ястребъ. И говорить волкъ царевичу: „Стыдно намъ мѣнять коня на ястреба. Лучше вотъ что сдѣлаемъ: я обернусь конемъ, а ты поведи меня къ хозяину ястреба, возьми взаменъ ястреба и поѣзжай вмѣстѣ съ царевной и ястребомъ дальше; я же вскорѣ догоню васъ". Сказано—сдѣлано. Царевичъ получилъ взаменъ волка, обернувшася конемъ, ястреба и веселый поѣхалъ впередъ. Прошло немного времени и волкъ нагналъ царевича и говорить ему: „Ну, царевичъ, теперь я тебѣ больше не нуженъ. Я исполнилъ обѣщанное и свободенъ. Но если я понадобитсяъ тебѣ, произнеси три раза мое имя, держа въ рукѣ влокъ моей шерсти, который я тебѣ даю, и я тотчасъ же явлюсь передъ тобой". Вслѣдъ затѣмъ волкъ скрылся въ ближайшемъ лѣсу. А царевичъ поѣхалъ дальше, держа путь къ отцовскому дворцу.

Между тѣмъ отецъ царевича долго ждалъ его воз-

вращенія и, не дождавшись, послалъ другихъ сыновей отыскивать своего младшаго брата. Долго шли они по лѣсамъ и горамъ, долго искали брата, но все не находили. Однажды, уже возвращаясь обратно послѣ тщетныхъ поисковъ, они замѣтили въ одномъ лѣсу спящими подъ развѣсистымъ дубомъ какого-то человѣка и какую-то дѣвушку. Вблизи этого дерева паслась лошадь, а на деревѣ на привязи сидѣлъ ястребъ. Приблизившись и всмотрѣвшись, царевичи узнали въ спящемъ человѣкѣ своего безъ вѣсти пропавшаго брата и сказали другъ другу: „Если братъ вернется домой, отецъ непременно передастъ престолъ ему, такъ какъ очень любитъ его, и мы останемся ни при чемъ. Лучше убьемъ его, а отцу скажемъ, что не нашли его“. И, дѣйствительно, царевичи убили брата, прикрыли его вѣтвями, а сами, захвативъ дѣвушку, коня и ястреба, благополучно вернулись домой. Отцу они сказали, что царевича не нашли, но зато поймали ястреба, воровавшаго яблоки. Царь хотя и былъ сильно огорченъ тѣмъ, что царевичъ не былъ найденъ, но очень обрадовался поимкѣ ястреба и по этому случаю устроилъ большой пиръ. А въ это время приснилось волку, что царевичъ, которому онъ служилъ, въ большой нуждѣ. Онъ тотчасъ же пустился отыскивать царевича по слѣдамъ и нашелъ его убитымъ подъ дубомъ. Побѣждалъ волкъ сейчасъ же за живой водой, взбрызнулъ ею царевича, и царевичъ ожилъ. Разказалъ тогда ему волкъ, какъ поступили съ нимъ братья, и посоветовалъ немедленно отправиться къ отцу и открыть ему все. Довезъ волкъ царевича до отцовскаго дворца и тотчасъ же исчезъ въ ближайшемъ лѣсу. Между тѣмъ царевичъ переодѣлся нищимъ и въ такомъ видѣ явился въ отцовскій дворецъ. Здѣсь онъ обратился къ придворнымъ съ просьбою допустить его къ царю. Придворные доложили царю, и царь велѣлъ привести его. Вошелъ царевичъ въ царскіе покои, предсталъ

предъ царемъ, низко поклонился и сказалъ: „Позволь мнѣ, государь, задать тебѣ одинъ вопросъ“. — „Говори“, отвѣчалъ ему царь, не узнавшій своего младшаго сына. И царевичъ сказалъ: „Шелъ по дорогѣ человекъ съ дѣвушкой, а съ собою онъ велъ коня и ястреба. Дорогою человекъ и дѣвушка утомились, остановились для отдыха и заснули. Пришли въ это время два другихъ человека, убили спящаго человека и, захвативъ съ собою дѣвушку, коня и ястреба, ушли. Какъ бы ты поступилъ съ убійцами?“ — „Я ихъ велѣлъ бы повѣсить“. Тогда царевичъ сбросилъ съ себя пищенскую одежду и, явившись такимъ образомъ передъ царемъ въ своемъ настоящемъ видѣ, сказалъ: „Человекъ, котораго убили, — я. Убійцы же — мои братья“. Затѣмъ царевичъ рассказалъ отцу все подробно о себѣ. Царь очень обрадовался, что наконецъ-то нашелся его младшій сынъ, но, не повѣривъ его разсказу, сказалъ: „А чѣмъ ты докажешь справедливость своихъ словъ?“ Царевичъ назвалъ свидѣтелемъ волка и три раза произнесъ имя его, держа въ рукѣ его шерсть. Волкъ тотчасъ же явился и подтвердилъ справедливость словъ царевича. Тутъ выступила дѣвушка-царевна, похищенная царевичемъ, которая подтвердила, что ее похитилъ младшій царевичъ, а не его братья. Сильно разгнѣвался царь на двухъ старшихъ сыновей, узнавъ объ ихъ проступкѣ, и хотѣлъ повѣсить ихъ; только просьбы царевича спасли ихъ отъ висѣлицы. Царь на радостяхъ, что нашелся младшій сынъ его, задалъ новый пиръ на весь міръ.

Прошло время, и царевичъ сильно полюбилъ похищенную имъ царевну, да и она души въ немъ не чаяла. Вскорѣ они повѣнчались и зажили въ благоденствіи и мирѣ.

5. Царевичъ-отщунъ.

Жилъ-былъ одинъ царь. У него было сорокъ сыновей,

изъ которыхъ самый младшій былъ вѣщунъ. Когда сыновья выросли, царь сказалъ имъ: „Дѣти мои! Царство мое достанется только одному изъ васъ, да и не такъ велико оно, чтобы хватило всѣмъ вамъ, если бы я даже вздумалъ раздѣлять его между вами. Если же вы желаете тоже быть царями, то идите и сами ищите себѣ царства. Въ то же время ищите себѣ и женъ“. Сыновья согласились съ предложеніемъ отца. Каждый изъ нихъ взялъ съ собою по одному слугѣ, и отправились братья вмѣстѣ въ путь-дорогу. Долго шли они. Наконецъ, въ одномъ пустынномъ мѣстѣ застигла ихъ ночь. Братья стали помышлять о ночлегѣ и начали высматривать, гдѣ бы имъ остановиться. Вдали они увидѣли большое двухъэтажное зданіе. Оно было огорожено стѣною изъ громадныхъ каменныхъ глыбъ. Въ этомъ-то зданіи братья и рѣшили переночевать. Но младшій царевичъ сказалъ имъ: „Оставимъ это зданіе въ покоѣ. Тамъ съ нами можетъ привлечься бѣда“. Но братья не послушались его и, придя въ зданіе, расположились въ немъ на ночлегъ. Заснули братья. Наступила глухая, непроглядная ночь. Младшій царевичъ не спалъ: держа въ рукахъ лукъ и стрѣлы, онъ стоялъ на сторожѣ. Вдругъ въ самую полночь ему послышались чьи-то шаги; кто-то приближался къ зданію. Царевичъ замеръ въ ожиданіи. Прошло немного времени, и онъ услышалъ чей-то громовой голосъ: „Я чувствую запахъ христіанина! Кто это посмѣлъ безъ моего позволенія расположиться въ моемъ домѣ?“ Царевичъ не струсиль и храбро отвѣчалъ: „Подойди поближе и узнаешь“. Когда спрашивавшій подошелъ близко къ зданію, царевичъ увидѣлъ, что это былъ шестиголовый „деви“, несшій на плечахъ громадный дубъ. Царевичъ тотчасъ же натянулъ лукъ, пустилъ стрѣлу и попалъ „деви“ прямо въ лобъ. „Деви“ упалъ замертво на землю. Тогда царевичъ подбѣжалъ къ нему и добиль; затѣмъ онъ обрубилъ ему

всѣ двѣнадцать ушей и положилъ себѣ въ карманъ, а трупъ „деви“ оттащилъ въ ближайшій лѣсъ. Настало утро. Проснулись братья и, видя себя въ цѣлости, сказали младшему царевичу: „Вотъ видишь, какъ напрасны были твои вчерашнія опасенія: всѣ мы цѣлы и невредимы, и ничего дурного съ нами не случилось. Даромъ только напугалъ насъ. Хорошо, что мы тебя не послушались“. Младшій царевичъ ничего не отвѣтилъ братьямъ. Между тѣмъ они собрались и тронулись дальше въ путь; младшій же царевичъ незамѣтно поотсталъ отъ братьевъ и вернулся въ зданіе. Обойдя нижній этажъ, онъ поднялся во второй. Здѣсь онъ встрѣтилъ одну старуху. На вопросъ царевича, кто она такая, старуха отвѣчала, что поставлена сторожить богатства „деви“. Затѣмъ она показала царевичу девять комнатъ, наполненныхъ золотомъ и серебромъ. Царевичъ убилъ старуху, заперъ комнаты, ключи положилъ себѣ въ карманъ и, вскорѣ догнавъ братьевъ, продолжалъ съ ними путь какъ ни въ чемъ не бывало. Долго шли братья, шли, пока не наступила ночь. Кругомъ было пустынно; только вдали виднѣлось громадное зданіе, обнесенное заборомъ. Братья въ этомъ зданіи и порѣшили переночевать. Но младшій царевичъ сказалъ имъ: „Оставимъ это зданіе въ покоѣ. Тамъ съ нами можетъ приключиться бѣда“. Но братья и на этотъ разъ не послушались его, и преспокойно расположились въ зданіи на ночлегъ. Заснули братья, но младшій царевичъ не спалъ: держа въ рукахъ лукъ и стрѣлы, онъ стоялъ на сторожѣ. Вдругъ въ самую полночь ему слышались, какъ и въ предыдущую ночь, чьи-то шаги; кто-то приближался къ зданію. Прошло немного времени, и царевичъ услышалъ чей-то громовой голосъ: „Я чувствую запахъ христіанина! Кто это осмѣлился безъ моего разрѣшенія расположиться въ этомъ зданіи?“ Это кричалъ семиголовый „деви“, хозяинъ зданія, несшій на плечахъ гро-

маднаго оленя себѣ на ужинъ. Царевичъ храбро отвѣчалъ ему: „Подойди поближе и узнаешь“. Но только что „деви“ приблизился къ зданію, какъ царевичъ натянулъ лукъ и пустилъ стрѣлу въ него. Стрѣла попала прямо въ лобъ „деви“, и онъ упалъ тутъ же. Тогда царевичъ подбѣжалъ къ нему, добилъ его, обрубилъ всѣ четырнадцать ушей и, положивъ ихъ себѣ въ карманъ, трупъ оттащилъ въ ближайшій лѣсъ. Оленя же царевичъ приготовилъ на утренній завтракъ братьямъ. Настало утро. Братья проснулись и, видя себя въ цѣлости, съ неудовольствіемъ сказали младшему царевичу: „Вотъ видишь, какъ напрасны были твои вчерашнія опасенія: всѣ мы цѣлы и невредимы, и ничего плохого съ нами не случилось. Напрасно только напугалъ насъ. Хорошо, что мы тебя не послушались“. Младшій царевичъ ничего на это не возразилъ братьямъ. Между тѣмъ они, позавтракавъ, отправились дальше въ путь, не замѣтивъ, что младшій братъ отсталъ отъ нихъ и возвратился назадъ въ зданіе. Обойдя весь нижній этажъ и не замѣтивъ ничего особеннаго, царевичъ поднялся во второй этажъ. У самаго входа онъ встрѣтилъ старуху, которая загородила ему дорогу и не хотѣла пускать дальше. Царевичъ убилъ ее, снялъ съ ея шеи связку ключей отъ 60-ти комнатъ верхняго этажа и пошелъ осматривать эти комнаты. Въ первой, самой большой комнатѣ, убранной съ царской роскошью, онъ встрѣтилъ сорокъ молоденькихъ, „солнцемъ невиданныхъ“ красавицъ. На вопросъ царевича, кто онѣ такія, красавицы отвѣчали, что онѣ царскія дочери, похищенные семиголовымъ „деви“ въ разное время, что онѣ давно уже томятся у него въ плѣну и что на дняхъ „деви“, какъ онъ объявилъ имъ, долженъ съѣсть ихъ. И велика была радость красавицъ, когда царевичъ сообщилъ имъ, что теперь имъ нечего бояться „деви“, такъ какъ онъ убилъ его. Вслѣдъ затѣмъ самую красивую изъ нихъ

царевичъ выбралъ себѣ въ невѣсты и въ знакъ этого надѣлъ ей на палецъ свое обручальное кольцо; остальныхъ же объявилъ невѣстами своихъ братьевъ и въ знакъ этого надѣлъ всѣмъ имъ на палецъ обручальныя кольца своихъ братьевъ, которыя онъ снялъ у нихъ незамѣтно, когда они спали. Потомъ царевичъ осмотрѣлъ остальные комнаты; всѣ онѣ были наполнены драгоценными камнями: брилліантами, алмазами, рубинами, изумрудами, яхонтами. Заперши эти комнаты на ключъ и объявивъ „солнцемъ невиданнымъ“, чтобы онѣ терпѣливо ждали прихода его и его братьевъ, царевичъ отправился вслѣдъ за братьями, вскорѣ догнавъ ихъ и продолжалъ путь, какъ будто ничего особеннаго и не случилось. Цѣлый день шли братья. Вечеръ опять засталъ ихъ въ глухомъ, пустынномъ мѣстѣ. Кругомъ, на громадномъ пространствѣ не видно было никакого жилья, за исключеніемъ одного большого дома, величественно красовавшагося вдаль. Въ немъ и рѣшили братья переночевать. Младшій царевичъ и теперь предупредилъ братьевъ объ опасности, говоря: „Оставимъ этотъ домъ въ покоѣ. Тамъ съ нами приключится бѣда“. Но братья не послушались царевича, даже сильно разсердились на него, говоря, что онъ все время только напрасно пугаетъ ихъ, и расположились они на ночлегъ въ домѣ. Заснули братья. Заснулъ на этотъ разъ и младшій царевичъ, который отъ чрезмѣрной усталости никакъ не могъ побороть овладѣвшаго имъ сна. Между тѣмъ въ самую полночь пришелъ огнедышщій „деви“ и, увидѣвъ незваныхъ гостей, завалилъ огромными скалами оба выхода изъ той комнаты, гдѣ спали братья-царевичи. Когда братья проснулись утромъ и увидѣли, что нѣтъ имъ выхода изъ комнаты, пришли въ отчаяніе. Начали они просить и умолять „деви“, чтобы онъ выпустилъ ихъ. Но „деви“ ничего имъ не отвѣчалъ. Тогда обратился къ братьямъ младшій царевичъ и сказалъ:

„Братья! Исполнились мои слова, случилась съ нами бѣда: мы во власти огнедышащаго „деви“. Если же съ вами не случилось никакой бѣды раньше, то только потому, что я васъ спасалъ. Довозательствомъ пусть послужать вотъ эти уши“. Съ этими словами царевичъ вытащилъ изъ кармана уши, которыя онъ обрубилъ у шестиголового и семиголового „деви“. „Эти уши“, продолжалъ царевичъ: „принадлежать тѣмъ двумъ „девамъ“, въ домѣ которыхъ вы ночевали прошлую и позапрошлую ночь и которыхъ я убилъ въ то время, когда вы преспокойно спали, ничего не подозревая о грозящей вамъ опасности. Теперь же помышляйте о себѣ сами“. Братья пожалѣли, что не послушались раньше младшаго царевича, сознались, что они виноваты передъ нимъ, и стали просить, чтобы онъ какъ-нибудь выручилъ ихъ и на этотъ разъ изъ бѣды. Сжалился младшій царевичъ и рѣшилъ спасти братьевъ. Онъ обратился къ „деви“ и сказалъ: „Эй, ты, огнедышщій „деви“. Послушай, что я тебѣ скажу. Освободи моихъ братьевъ, и я исполню твое сердечное желаніе. Беру во свидѣтели Бога и мать-сыру землю“. Какъ только „деви“ услышала эти слова, онъ тотчасъ же отвалилъ громадныя скалы, загромождавшія выходъ изъ комнаты, и освободилъ братьевъ. Радости ихъ не было конца, и они не знали, какъ благодарить младшаго брата за спасеніе. Братья на этотъ разъ рѣшили возвратиться домой. На прощанье младшій царевичъ сказалъ имъ: „Теперь вы свободны. Возвращайтесь прямо домой. Я же долженъ остаться съ огнедышщимъ „деви“, чтобы исполнить обѣщанное мною. Посмотрите на ваши руки; тамъ нѣтъ вашихъ обручальныхъ колецъ; ихъ снялъ я во время вашего сна и надѣлъ на руки вашимъ невѣстамъ, которыя находятся въ домѣ убитаго мною семиголового „деви“. Вотъ вамъ ключи отъ этого дома и отъ дома шестиголового „деви“, также мною убитаго. Вмѣстѣ

съ вашими невѣстами находится и моя. Возьмите всѣхъ ихъ, захватите съ собою и тѣ богатства, что находятся въ домахъ убитыхъ „деви“, и идите домой. Ждите меня три года и три дня. Если я къ тому времени не вернусь, мою невѣсту можете выдать замужъ, такъ какъ я тогда навѣр-по не буду въ живыхъ“. Поблагодарили братья младшаго царевича, расцѣловали его и отправились въ обратный путь.

Не успѣли братья тронуться въ путь, какъ „деви“ обратился къ царевичу и сказалъ: „Далеко за морями есть царство, гдѣ живутъ только однѣ женщины, и царствуетъ надъ ними тоже женщина. Если ты приведешь эту царицу мнѣ, то я освобожу тебя отъ данной клятвы“. Нужно сказать, что огнедышачій „деви“ давно уже и сильно любилъ эту царицу женщину, но никакъ не могъ ея похитить. Царевичъ отвѣчалъ „деви“: „Хорошо, я постараюсь привести тебѣ эту царицу; только научи, какъ мнѣ перейти черезъ моря, которыя я встрѣчу на пути“. „Девы“ сказалъ: „У каждаго моря на берегу ты увидишь человѣка. Это—мой слуга. Тебѣ достаточно сказать ему мое имя, и онъ перевезетъ тебя черезъ море“. Послѣ этого „деви“ и царевичъ ударили по рукамъ, и царевичъ отправился въ путь-дорогу.

Много ли, мало ли шелъ царевичъ, одинъ Богъ вѣдаетъ это. Только пришелъ онъ, наконецъ, въ Черному морю и видитъ на берегу чернаго человѣка, одѣтаго съ ногъ до головы во все черное и сидящаго на черномъ конѣ. Царевичъ подошелъ къ этому человѣку и сказалъ, что онъ посланъ по дѣламъ огнедышачимъ „деви“ и что ему нужно перейти черезъ Черное море на противоположный берегъ. Черный человѣкъ тотчасъ же слѣзъ съ коня и посадилъ на свое мѣсто царевича. Конь взвился на дыбы и мигомъ перелетѣлъ черезъ море. Оставивъ коня на берегу,

царевичъ продолжалъ свой путь. Много ли, мало ли шель онъ, одинъ Богъ вѣдаетъ это. Только пришелъ онъ, наконецъ, къ Красному морю и видитъ на берегу краснаго человѣка, одѣтаго съ ногъ до головы во все красное и сидящаго на красномъ конѣ. Царевичъ подошелъ къ этому человѣку и сказалъ, что онъ посланъ по дѣламъ огнедышащимъ „деви“ и что ему нужно перейти черезъ Красное море на противоположный берегъ. Красный человѣкъ тотчасъ же слѣзъ съ коня и посадилъ на свое мѣсто царевича. Конь взвился на дыбы и мигомъ перелетѣлъ черезъ Красное море. Оставивъ коня на берегу, царевичъ продолжалъ свой путь. Долго-долго шель царевичъ; жара была сильная; утомился царевичъ и вздумалъ онъ отдохнуть. Замѣтивъ вдали громадное дерево, царевичъ направился къ нему, думая расположиться на отдыхъ въ тѣни его вѣтвей. Приблизившись, онъ увидѣлъ подъ деревомъ трехъ человѣкъ, о чемъ-то горячо спорившихъ между собою. Завидѣвъ царевича, они подбѣжали къ нему и сказали: „Добрый человѣкъ! У насъ три вещи: коверъ-самолетъ, шапка-невидимка и скатерть-хлѣбосолка. Мы никакъ не можемъ раздѣлить ихъ между собою. Будь добръ, рѣши нашъ споръ“. Тогда царевичъ сказалъ имъ: „Хорошо, я примирю васъ. Вотъ я пуцу три стрѣлы: одну—на востокъ, другую—на западъ, третью—на югъ. А вы бѣгите за этими стрѣлами, и кто первый принесетъ стрѣлу, тому я дамъ коверъ-самолетъ, второй получить шапку-невидимку, третьему же достанется скатерть-хлѣбосолка“. Съ этими словами царевичъ пустилъ три стрѣлы въ разныя стороны, и три человѣка побѣжали. Тогда царевичъ, недолго думая надѣлъ шапку-невидимку, взялъ скатерть-хлѣбосолку, сѣлъ на коверъ-самолетъ и полетѣлъ въ царство женщинъ. Здѣсь онъ остановился на царскомъ дворѣ. Замѣтивъ старуху, прохаживавшуюся по двору, царевичъ, снявъ шапку-невидимку, по-

дошелъ въ ней и сказалъ: „Ради Бога, сжался надо мною. Я низвергнуть Богомъ съ неба и двѣ недѣли долженъ скитаться на землѣ. Не знаю, куда я попалъ. Пріюти меня“. Сжалилась старушка надъ царевичемъ и пріютила его у себя въ домѣ, но никому объ этомъ не сказала. Эта старуха была няня царицы. Царевичъ сталъ спрашивать ее про житье-бытье царицы. И вотъ что она рассказала ему: „Моя царица была раньше женою одного знаменитаго, могущественнаго и мудраго царя. Однажды царь и царица, въ сопровожденіи большой свиты, отправились на охоту. Долго они охотились, убили много разной дичи. Подъ конецъ охоты увидѣли они одного необыкновенно красиваго оленя и погнались за нимъ. Свита отстала; только царь и царица продолжали преслѣдовать оленя. Вдругъ этотъ олень остановился и превратился въ женщину. Когда царь и царица, пораженные такимъ чудомъ, приблизились къ ней, женщина дотронулась до нихъ волшебною палкою, и оба превратились въ оленей, которые разбѣжались въ разные стороны, преслѣдуемые собаками. Одинъ изъ этихъ оленей прибѣжалъ въ наше царство. Здѣсь жилъ въ то время одинъ волшебникъ, который этого оленя опять превратилъ въ женщину, и стала она жить съ нами, оказывая всѣмъ много добра. Тогда мы избрали ее своею царицею; и много лѣтъ уже она царствуетъ у насъ, но до сихъ поръ не можетъ забыть мужа и горько оплакиваетъ его“.

Между тѣмъ царица какъ-то узнала, что въ ея дворцѣ скрывается какой-то человекъ, и рѣшила во что бы то ни стало открыть его. Няня, узнавъ это, испугалась и созналась, что человекъ этотъ нашелъ пріютъ у нея. Царица велѣла ей привести этого человека къ ней. Няня передала царевичу, что его требуетъ къ себѣ царица. Царевичъ отправился, но какъ только вошелъ въ царскую комнату, началъ тотчасъ же играть на „чонгури“. А игра его была

чарующая, волшебная: она усыпляла всякаго, кто слышалъ ее. И вотъ, подъ вліяніемъ чарующихъ звуковъ чонгури, заснули придворныя дамы, окружавшія царицу, заснула и сама царица. Тогда царевичъ разостлалъ коверъ-самолетъ, положилъ на него бережно спящую царицу и полетѣлъ къ огнедышащему „деви“. Дорогою царица проснулась и сказала царевичу: „Я знаю, куда ты меня везешь, вѣрный своей клятвѣ. Но огнедышачій „деви“ на свою бѣду пожелалъ овладѣть мною: какъ только онъ увидитъ меня, онъ засмѣется отъ радости; но тотчасъ же изъ его рта вырвется огромное пламя, которое сожжетъ его. Такова его судьба. Ты берегись и не подходи къ нему близко, а не то— пламя сожжетъ и тебя“. Царевичъ принялъ это въ свѣдѣнію и когда сталъ уже приближаться къ дому „деви“, то еще издали закричалъ: „Эй, огнедышачій „деви“! Вѣрный своей клятвѣ, я исполнилъ обѣщанное: я привезъ тебѣ царицу женщину. Выйди, посмотри на нее и возьми. Я же теперь свободенъ отъ клятвы, данной тебѣ“. Услыша эти слова, „деви“ вышелъ изъ дому посмотрѣть, дѣйствительно ли царевичъ привезъ царицу женщину. Увидя ее, онъ въ восторгѣ неистово засмѣялся. Но въ это время изъ рта его вырвалось огромное пламя и совершенно сожгло его, такъ что остался одинъ обуглившійся трупъ. Такъ погибъ огнедышачій „деви“.

Вслѣдъ затѣмъ царевичъ отвезъ царицу на коверѣ-самолетѣ обратно въ ея царство и, распрощавшись съ нею, поспѣшилъ домой, такъ какъ скоро должно было исполниться три года и три дня, какъ онъ разстался со своими братьями. Между тѣмъ, по мѣрѣ приближенія срока, братья царевича и его родители приходили все въ большее и большее отчаяніе, думая, что царевичъ погибъ, не возвращаясь такъ долго. И велика была ихъ радость, когда царевичъ ровно черезъ три года и три дня вернулся домой.

Но болѣе всѣхъ радовалась возвращенію царевича его невѣста.

Вскорѣ царевичъ и его братья поженились на своихъ невѣстахъ. Царь по этому случаю задалъ большой пиръ. Сорокъ дней угощалъ онъ гостей, стѣхавшихся по приглашенію со всѣхъ концовъ царства. Но и веселью гостей наступилъ конецъ, какъ наступилъ конецъ и этой сказкѣ. Рассказчика не ругайте, а почаще угощайте.

6. Амиранъ.

Жили-были три брата: старшій—Юсупъ, средній—Бадри и младшій—Амиранъ. Всѣ они были могучи и красивы. Но могучѣе и красивѣе всѣхъ былъ Амиранъ. Они давно лишились родителей и жили одни. Всѣ они были холосты. Жили они дружно, но бѣдно. Все ихъ имущество заключалось въ одномъ только домѣ, въ которомъ они жили, да и тотъ собственно принадлежалъ не имъ, а какому-то человѣку, сжалившемуся надъ бѣдностью братьевъ и подарившему его имъ.

Однажды, вооружившись луками и стрѣлами, братья отправились на охоту. Шли, шли они и, наконецъ, пришли въ дремучему лѣсу. Углубившись въ него, братья неожиданно увидѣли передъ собою трехъ спящихъ драконовъ: чернаго, краснаго и бѣлаго. Отступать было поздно, и Амиранъ сказалъ братьямъ: „Ты, Юсупъ, вступи въ борьбу съ краснымъ дракономъ, а ты, Бадри, съ бѣлымъ; черный же драконъ пусть останется на мою долю, такъ какъ онъ самый сильный и самый злой“. Но испуганные братья отказались отъ предложенія Амирана. Тогда Амиранъ, извѣстный во всей странѣ своею храбростью и неустрашимостью, рѣшился одинъ вступить въ борьбу съ тремя драконами. Отложивъ въ сторону лукъ и стрѣлы, онъ успѣлъ уже убить бѣлаго и краснаго дракона, какъ вдругъ

въ это время проснулся черный драконъ, потянулъ въ себя воздухъ и моментально проглотилъ Амирана съ обнаженной саблей. Братья, наблюдавшіе за борьбою издали и замѣтившіе гибель Амирана, тотчасъ же пустили въ дракона стрѣлы, да такъ ловко, что пронзили и оторвали у него хвостъ. И въ счастью: извѣстно, что драконъ, проглотивъ что-нибудь, тотчасъ же старается облизать свой хвостъ, иначе онъ не можетъ переварить проглоченное. Такимъ образомъ, черный драконъ не могъ облизать своего хвоста, и Амиранъ, попавшій въ его животъ, остался живъ. Между тѣмъ у дракона сильно разболѣлся животъ, и онъ поспѣшилъ домой. Тамъ у него жила старуха-мать. Она сидѣла въ комнатѣ за девятью замками и поджидала своихъ сыновей-драконовъ съ добычею. Увидѣвъ чернаго дракона, корчившагося отъ боли, она спросила его: „Что съ тобою, сынъ мой? Не проглотилъ ли ты чего-нибудь, принадлежащаго Амирану?“ — „Я проглотилъ самого Амирана“, отвѣчалъ драконъ. „Ну, такъ знай, сынъ мой, что ты умрешь, потому, что ты не можешь переварить Амирана: онъ слишкомъ могучъ и силенъ“. А Амиранъ, попавъ въ животъ дракона, не терялъ времени даромъ: свою саблю онъ старался распоротъ животъ дракону, отчего послѣдній и испытывалъ страшныя боли въ животѣ. Наконецъ, Амирану удалось, хотя и съ большимъ усиленіемъ, распоротъ изнутри дракону животъ и вылѣзть оттуда. Драконъ тотчасъ же издохъ. Но тутъ Амирану стала угрожать новая опасность: на него напала мать дракона. Быстро покончивъ съ нею, Амиранъ поспѣшилъ къ братьямъ. Братья сильно обрадовались, вида Амирана цѣлымъ и невредимымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они замѣтили, что спасшійся отъ дракона Амиранъ лишился волосъ на головѣ, усовъ и бороды. Шутя надъ Амираномъ и называя его плѣшивымъ, братья громко смѣялись. Отъ этого смѣха встрепенулся заяцъ, лежавшій

по-близости въ кустахъ, и пустился бѣжать. Амиранъ погнался за зайцемъ, убилъ его и кровью его вымазалъ себѣ все лицо и голову; и тотчасъ же у Амирана выросли роскошные волосы на головѣ, появились также прекрасные усы и борода.

Радостные и веселые братья возвращались домой. Вдругъ имъ загородилъ дорогу великанъ („деви“). Юсупъ и Бадри испугались и убѣжали на ближайшую гору. Но Амиранъ не отступилъ передъ великаномъ и вступилъ съ нимъ въ борьбу. Великанъ схватилъ Амирана и ударилъ его объ землю, да такъ сильно, что онъ вошелъ въ нее на цѣлый аршинъ. Кто другой отъ такого удара умеръ бы, а Амиранъ только врянулъ. Онъ тотчасъ же проворно вскочилъ, ловко схватилъ въ свою очередь великана, поднялъ его высоко на воздухъ и изо всѣхъ силъ ударилъ объ землю. Ударъ былъ такой сильный, что великанъ вошелъ въ землю на два аршина. Онъ вошелъ бы и больше, но глубже оказалась скала, объ которую великанъ расшибъ себѣ плечо. Видитъ великанъ, что не совладать ему съ Амираномъ и взмолился: „Исполнилось надо мною предсказаніе матери: одолѣлъ ты меня. Отпусти меня живымъ, не убивай, и я обещаю не вредить больше не только тебѣ, но и братьямъ твоимъ. Кромѣ того, я сважу тебѣ, гдѣ живетъ „солнцемъ невиданная“, эта красавица изъ красавицъ“. Амиранъ даровалъ жизнь великану, и тотъ объяснилъ ему, что „солнцемъ невиданная“ живетъ по ту сторону Чернаго моря, что теперь она одна въ своемъ дворцѣ, такъ какъ отецъ ея отправился съ большимъ войскомъ на войну куда-то далеко, и что теперь самое удобное время для ея похищенія. Послѣ этого Амиранъ вмѣстѣ съ братьями безъ всякихъ приключеній благополучно возвратился домой. Возвратился домой и великанъ, но разбитый, печальный, угрюмый. Замѣтила это его жена и стала до-

пытываться, чего онъ такой невеселый. Но на всѣ ея разспросы великанъ отвѣчалъ одно: „Ничего я тебѣ не могу сказать, потому что даль клятву молчать“. Такъ лгалъ великанъ своей женѣ потому, что стыдился сказать о своемъ поражениі. Но жена не отставала отъ него. Наконецъ, великанъ не выдержалъ и рассказалъ ей все о своей неудачной борьбѣ съ Амираномъ. Въ сильный гнѣвъ пришла жена великана и убѣдила она его отомстить Амирану, несмотря на данную клятву. И вотъ, великанъ и его жена отправились къ дому Амираана. Только приблизились они, какъ навстрѣчу вышелъ онъ самъ. Съ яростью бросились великанъ и его жена на Амираана. Завязалась борьба не на животь, а на смерть; но не долго продолжалась она: скоро и великанъ и его жена пали мертвые.

Вскорѣ послѣ этого Амиранъ вмѣстѣ съ братьями отправился въ ту страну, гдѣ жила „солнцемъ невиданная“. Долго, долго шли они. Наконецъ, пришли къ Черному морю. Увидя громадное водное пространство, братья Амираана не рѣшились продолжать путь: надо было пуститься вплавь черезъ море, а они плавать не умѣли. Юсупъ и Бадри возвратились домой. Между тѣмъ Амиранъ бросился смѣло въ море и поплылъ. Прошла цѣлая недѣля, прежде чѣмъ ему удалось достигнуть противоположнаго берега. Отдохнувъ здѣсь немного и подкрѣпившись, онъ тронулся дальше и послѣ долгихъ скитаній пришелъ, наконецъ, къ тому дворцу, гдѣ жила „солнцемъ невиданная“. Подошелъ онъ ближе ко дворцу и слышитъ, какъ „солнцемъ невиданная“ играетъ на чонгури и напѣваетъ чуднымъ голосомъ пѣсни про Амираана. Долго стоялъ Амиранъ, очарованный чуднымъ пѣніемъ. Но вотъ пѣніе прекратилось. Амиранъ подошелъ къ дверямъ и, постучавъ, сказалъ: „Отвори двери, „солнцемъ невиданная“!“ Но та, испугавшись незнакомаго голоса, отвѣчала: „Кто ты, что осмѣливаешься стучаться

въ двери моей комнаты? — „Я тотъ, про котораго ты только что пѣла пѣсни. Я—Амиранъ“. — „Не вѣрю я тебѣ. Уходи отсюда“. Тогда Амиранъ приналегъ на двери плечомъ, двери подались, и онъ вошелъ въ комнату. Здѣсь онъ увидалъ „солнцемъ невиданную“. Она сидѣла на тахтѣ, съ чонгури въ рукахъ. Ея нѣжная, божественная красота привела Амирана въ восторгъ, и онъ остановился въ какомъ-то оцѣпенѣннн. Не менѣе Амирана была поражена его мужественною красотою и „солнцемъ невиданная“. Долго молча любовались они другъ другомъ. Наконецъ, Амиранъ, первый придя въ себя, бросился къ ногамъ „солнцемъ невиданной“ и сталъ умолять ее быть его женою. „Солнцемъ невиданная“ съ радостью согласилась на предложеніе Амирана. При этомъ, указывая на тарелки, лежащія на столѣ, она сказала: „Я согласна быть твоею женою и пойду за тобою, куда бы ты ни повелъ меня. Но какъ только мы уйдемъ отсюда, тотчасъ же эти тарелки полетятъ и дадутъ знать о нашемъ бѣгствѣ моему отцу, который догонитъ и убьетъ насъ обоихъ. А чтобы избавиться отъ этой бѣды, ты долженъ перевернуть тарелки вверхъ дномъ“. Амиранъ тотчасъ же послѣдовалъ совѣту „солнцемъ невиданной“ и перевернулъ всѣ тарелки вверхъ дномъ. Только одна тарелка не поддавалась ему: перевернетъ онъ ее вверхъ дномъ, а она опять станетъ внизъ дномъ. Разсердился Амиранъ и ударилъ тарелкою объ полъ. Тарелка разбилась. Но вдругъ кусочки этой тарелки взлетѣли на воздухъ и полетѣли къ отцу „солнцемъ невиданной“. Тамъ они рассказали ему о намѣреніи Амирана похитить его дочь. Отецъ тотчасъ же погнался съ войскомъ за Амираномъ. Между тѣмъ Амиранъ съ „солнцемъ невиданной“ успѣлъ добѣжать до Чернаго моря. Здѣсь, взявъ „солнцемъ невиданную“ въ одну руку, онъ бросился въ морскія волны и поплылъ при помощи другой руки. Съ

трудомъ удалось Амирану выплыть на противоположный берегъ. Не давъ себѣ даже времени порядкомъ отдохнуть, Амиранъ вмѣстѣ съ „солнцемъ невиданной“ поспѣшилъ дальше, потому что боялся, какъ бы не нагнала его погони. Бѣжить Амиранъ и оглядывается назадъ—нѣтъ ли погони. И видитъ онъ, какъ вдали бѣлый паръ поднимается съ земли, и спрашиваетъ „солнцемъ невиданную“: „Оглянись назадъ, дорогая. Что это за бѣлый паръ виднѣтся вдали“.—„Это паръ отъ лошадей, на которыхъ отецъ съ войскомъ переправился черезъ море и теперь гонится за нами“, отвѣчала она. „А что означаетъ этотъ громъ, что слышится вдали?“—„Это ржутъ кони моего отца“. Оглянулся Амиранъ еще разъ назадъ и тутъ ясно увидѣлъ преслѣдовавшее его войско. Прибавилъ Амиранъ шагу. Но погоня все ближе и ближе. Не унываетъ Амиранъ. Не унываетъ и „солнцемъ невиданная“. Приближеніе опасности подбодрило ихъ, и бѣгутъ они съ новою силою. Лишь бы добраться до дома своего. Но вотъ, наконецъ, они успѣли добѣжать до дому и заперлись въ немъ. Братья Амирана были тоже дома, они только что вернулись съ продолжительной охоты. Отъ усталости они вскорѣ заснули. Заснулъ и Амиранъ, свлонивъ голову на колѣни „солнцемъ невиданной“. Не спала только одна она. Вдругъ послышался сильный топотъ коней. Выглянула „солнцемъ невиданная“ въ окно и увидѣла, какъ ея отецъ съ громаднымъ войскомъ въѣхалъ во дворъ. Опасность была близка, и горько заплакала „солнцемъ невиданная“. Одна изъ ея слезинокъ упала на щеку Амирана. Амиранъ тотчасъ же проснулся и, узнавъ, въ чемъ дѣло, вооружилъ своихъ братьевъ, вооружился и самъ. Братья рѣшили вступить въ борьбу съ врагами по очереди. Первымъ вышелъ Юсупъ. Много враговъ убилъ онъ, но въ концѣ концовъ палъ и самъ. Также случилось и съ Бадри. Тогда съ храбростью

бросился на враговъ Амиранъ. Ему удалось перебить все царское войско, но самого царя никакъ не могъ убить, потому что ему шапкою служилъ камень, величиною въ три деревни. Замахнется Амиранъ саблею, ударить ею царя по головѣ и отломаетъ кусокъ камня, а этотъ кусокъ взлетитъ на воздухъ и опять прилѣпится къ прежнему мѣсту. Долго боролись Амиранъ и царь. Неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы борьба, если бы „солнцемъ невиданная“ не крикнула вдругъ Амирану: „Ударь саблей по поясницѣ и тогда убьешь“. Амиранъ, въ пылу борьбы еле разслышавшій эти слова, такъ и сдѣлалъ, и царь палъ мертвый.

Въ это время выскочилъ изъ лѣсу чортъ и закричалъ Амирану: „Довольно тебѣ, Амиранъ! Вложи саблю въ ножны! Тебя кто одолѣетъ!“ И едва Амиранъ вложилъ саблю въ ножны, какъ чортъ бросилъ въ него стальной ножъ. Ножъ попалъ Амирану прямо въ сердце, и Амиранъ палъ мертвый. Но передъ смертью Амиранъ, собравшись съ послѣдними силами, бросилъ свою саблю въ чорта и тутъ же убилъ его.

Въ сильное отчаяніе пришла „солнцемъ невиданная“, видя своего дорогого Амирана мертвымъ. Обливаясь слезами, подняла она его тѣло, внесла въ комнату и уложила на тахту. Долго оплакивала она Амирана и, наконецъ, въ отчаяніи рѣшила покончить съ собою. Только взяла она винжалъ, чтобы на смерть пронзить себя, какъ вдругъ изъ норки выбѣжала мышка, схватила Амирана за усъ и, оторвавъ его, скрылась моментально опять въ норку. Сильно разгнѣвалась „солнцемъ невиданная“ и, когда мышка появилась снова, чтобы оторвать у Амирана второй усъ, она ударила ее башмакомъ и убила. Вслѣдъ затѣмъ выскочила изъ норки крыса и, увидавъ мертвую мышку, начала бранить „солнцемъ невиданную“, говоря: „Ахъ, ты, негодная! Изъ-за тебя убито столько войска, убить твой отецъ и

Амиранъ съ братьями. Такъ тебѣ этого мало еще, и ты убила мое дитя? Не лучше ли было бы, если бы ты сама умерла?" Послѣ этого крыса подбѣжала къ трилистнику, сорвала его и провела имъ по трупу мышки. Мышка тотчасъ ожила и убѣжала вмѣстѣ съ крысою въ норку. „Солнцемъ невиданная“ была поражена этимъ. Сердце ея затрепетало: у нея явилась надежда оживить такимъ же образомъ Амирана. Она сейчасъ же сорвала трилистникъ, провела имъ по трупу Амирана, и онъ дѣйствительно оживъ. Амиранъ очень обрадовался, узнавъ, какъ „солнцемъ невиданная“ оживила его, и такимъ же образомъ оживилъ онъ и своихъ братьевъ, а затѣмъ предложилъ сдѣлать то же самое и съ ея отцомъ. Но „солнцемъ невиданная“ возразила: „Нѣтъ, оставь его. А то еще оживишь его на свою бѣду, онъ можетъ убить тебя“. — „Нѣтъ, я его возвращу въ жизни“, сказала Амиранъ: „и попрошу, чтобы онъ позволилъ намъ повѣнчаться. Но если онъ на это не согласится, то я его тотчасъ же убью“. Вслѣдъ затѣмъ Амиранъ оживилъ царя и изложилъ ему свою просьбу. Царь, видя себя живымъ и узнавъ, что этимъ онъ обязанъ Амирану, съ великою радостью согласился на его просьбу. Амиранъ же въ благодарность за это оживилъ все царское войско. Вскорѣ царь вмѣстѣ съ Амираномъ, своею дочерью и войскомъ отправился обратно въ свое царство. Здѣсь Амиранъ женился на „солнцемъ невиданной“ и сдѣлался общимъ любимцемъ. Когда царь-тестъ умеръ, онъ наслѣдовалъ ему на престолѣ. Правилъ онъ своимъ государствомъ очень умно и сдѣлалъ его могущественнымъ. Прожилъ онъ много лѣтъ, на радость своей семьѣ и народу. Много великихъ дѣлъ совершилъ Амиранъ за это время. Эти дѣла народъ воспѣлъ въ своихъ пѣсняхъ, которыя передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе.

7. Двѣушка-красавица и царевичъ.

Это было давно. Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ-былъ царь, и былъ у него одинъ единственный сынъ. Когда приблизился смертный часъ, царь позвалъ сына и сказалъ ему: „Сынъ мой, я умираю и царство свое оставляю тебѣ. Мой тебѣ совѣтъ: никогда не ходи на западъ, тамъ можетъ приключиться съ тобой бѣда. Но на всякій случай я дарю тебѣ вотъ эту шаутулку. Носи ее всегда съ собою, и раскроешь ее только тогда, когда попадешь въ крайнюю бѣду“. Вскорѣ послѣ этого царь умеръ, и сынъ наследовалъ отцовскій престолъ.

Прошло уже много времени послѣ смерти отца, а молодой царь все продолжалъ грустить; цѣлые дни проводилъ онъ печальный во внутреннихъ покояхъ дворца, не показываясь никому. Однажды пришли къ нему приближенные и стали упрасивать, чтобы онъ какъ-нибудь развлекся и пересталъ печалиться. Между прочимъ приближенные предложили ему поохотиться. Молодому царю эта мысль очень понравилась, и онъ тотчасъ же собрался со всей своей свитой на охоту. Случилось такъ, что молодой царь, забывъ про наставленіе отца, отправился на западъ. Охотился онъ цѣлый день. Охота была очень удачна: много дивихъ козъ, оленей, зайцевъ, фазановъ и другой дичи было убито. Къ вечеру царь со свитой направился обратно домой. Дорогою на одномъ громадномъ полѣ онъ замѣтилъ какую-то башню, и захотѣлось ему узнать, что это за башня, живетъ ли кто въ ней, или она заброшена. Одинъ изъ приближенныхъ царя вызвался исполнить желаніе его и тотчасъ же отправился къ башнѣ. Всѣ видѣли, какъ онъ вошелъ въ башню; но прошло нѣсколько часовъ, а приближенный все не возвращался. Тогда царь отправилъ въ башню другого приближенного, но и этотъ не вернулся.

Такъ отправились въ башню нѣсколько приближенныхъ одинъ за другимъ, но никто изъ нихъ обратно не вернулся. Пораженный этимъ, царь, наконецъ, отправляется самъ. Приходить онъ въ башнѣ и видитъ надъ входомъ слѣдующую надпись: „Войдешь—пожалѣешь, не войдешь—опять-таки пожалѣешь“. Заинтересованный этой надписью и подумавъ, что такъ или иначе ему все равно придется жалѣть, царь рѣшилъ войти въ башню. Но только царь пріотворилъ дверь и переступилъ порогъ, какъ его окружили 12 вооруженныхъ съ ногъ до головы чловѣкъ, схватили его и повели во внутренніе покои башни. Такъ прошли они одиннадцать комнатъ и, наконецъ, вошли въ двѣнадцатую. Эта комната была убрана съ царственной роскошью. Посреди комнаты возвышалась золотая тахта, на которой лежала съ закрытыми глазами дѣвушка-красавица лѣтъ восемнадцати-девятнадцати. Одѣта была она въ дорогія одежды и ни съ кѣмъ не говорила. Вооруженные люди сказали царю: „Ты долженъ три раза вызвать эту дѣвушку на разговоръ. Если это тебѣ не удастся, то будешь казненъ!“ Призадумался царь, пригорюнился. Не зналъ онъ, какъ ему выйти изъ бѣды. Но тутъ онъ вспомнилъ о шкатулочкѣ, подаренной ему отцомъ и лежавшей у него въ карманѣ, и сказалъ самому себѣ: „Надо мной стряслась бѣда, хуже которой не можетъ быть—вѣдь, мнѣ угрожаютъ смертью. Теперь именно наступила минута, когда я могу воспользоваться шкатулочкой“. Съ этими словами царь вынулъ шкатулочку изъ кармана и открылъ ее. Оттуда тотчасъ же высочило яблоко и начало голосомъ царя рассказывать слѣдующую сказку: „Шелъ дорогою одинъ чловѣкъ съ женой и младшимъ братомъ. Ихъ застигла ночь въ лѣсу, и они рѣшили остановиться тутъ же. Хлѣбъ у нихъ весь вышелъ, и младшій братъ отправился въ ближайшую деревню раздобыть чего-нибудь съѣстного. По до-

рогѣ на него напали разбойники, ограбили и отрубили голову. Прошло порядочно времени, а младшій братъ все не возвращался. Тогда отправился въ деревню старшій братъ. Но и на него на томъ же мѣстѣ напали разбойники, ограбили и отрубили голову. Жена ждала съ нетерпѣнiемъ возвращенiя мужа и девера. Но прошла ночь, прошелъ день, а ни тотъ ни другой не показывался. Тогда несчастная женщина, предчувствуя бѣду, отправилась искать ихъ. Велико было горе ея, когда она нашла и мужа и девера убитыми, съ отрубленными головами. Въ отчаянiи сѣла она тутъ же, около труповъ, и начала горько плакать. Въ это время изъ норы высочилъ мышенокъ и подбѣжалъ къ трупамъ. Женщина въ гнѣвѣ схватила камень, бросила въ мышенка и убила его. Немного спустя, изъ той же норы высочила крыса и, увидя убитаго мышенка, сказала женщине: „Да останутся у тебя глаза, негодная! Зачѣмъ ты убила мышенка? Положимъ, я его сейчасъ сдѣлаю живымъ, а вотъ ты что сдѣлаешь со своимъ мужемъ и деверемъ?“ Съ этими словами крыса сорвала какую-то траву, провела ею по мышенку, и мышенокъ ожилъ. Вслѣдъ затѣмъ и крыса и мышенокъ скрылись обратно въ норку. Женщина, видѣвшая это, очень обрадовалась, думая точно такъ же оживить мужа и девера. Она поспѣшно сорвала ту же самую траву и, приставивъ второпяхъ голову своего мужа къ туловищу девера, а голову девера къ туловищу мужа, оживила обоихъ. Теперь спрашивается, кому изъ нихъ достанется эта женщина?“ Такимъ вопросомъ яблоко закончило свою сказку. Тогда дѣвушка-красавица сказала: „Эта женщина должна достаться тому изъ нихъ, у котораго на туловищѣ голова ея мужа“. Такъ дѣвушка-красавица заговорила въ первый разъ. Царь этому очень обрадовался.

Яблоко начало рассказывать новую сказку: „Однажды шли дорогою три человѣка: столяръ, портной и свя-

щенникъ. Ночью они остановились въ одномъ лѣсу, развели большой огонь и, поужинавъ, легли спать. Но предварительно рѣшили караулить по очереди, потому что въ лѣсу было много дивныхъ звѣрей. Первымъ сталъ караулить столяръ. Ему надоѣло стоять безъ дѣла и, подумавъ, что лучше даромъ работать, чѣмъ даромъ стоять, сдѣлалъ изъ дерева человѣка. Потомъ онъ разбудилъ портного караулить, а самъ легъ спать. Портной всталъ и, увидѣвъ человѣка, сдѣланнаго столяромъ изъ дерева, рѣшилъ спить на него платье. Окончивъ платье, онъ надѣлъ его на деревяннаго человѣка и, разбудивъ священника, легъ спать. Священникъ, какъ только увидалъ деревяннаго человѣка, одѣтаго въ платье, паль на колѣни и началъ молить Бога, чтобы Онъ—Всемогущій даровалъ этому деревянному человѣку душу. Богъ услышалъ теплую, искреннюю молитву священника и даровалъ деревянному человѣку душу: передъ священникомъ вмѣсто деревяннаго человѣка стояла красивая женщина. Когда утромъ братья проснулись и увидѣли эту женщину, то подняли споръ изъ-за того, кому по праву должна принадлежать она. И дѣйствительно, кому должна принадлежать эта женщина? Такимъ вопросомъ закончило яблоко свою вторую сказку. Дѣвушка-красавица, со вниманіемъ слушавшая эту сказку, вдругъ заговорила: „Эта женщина должна принадлежать священнику, потому что Богъ даровалъ деревянному человѣку душу по его молитвѣ“. Еще болѣе обрадовался царь, когда услышалъ, что дѣвушка-красавица заговорила во второй разъ.

Яблоко начало рассказывать третью сказку: „Жили-были три брата: старшій былъ вудесникъ и могъ предсказывать будущее, средній—могъ лѣчить всевозможныя болѣзни, а младшій—чрезвычайно быстро могъ ходить. Однажды старшій братъ сказалъ: „Такая-то царевна больна. Царь обѣщаль выдать ее замужъ за того, кто ее выдѣ-

чить". — "А я знаю лѣкарство, которымъ можно вылѣчить царевну", сказалъ средній братъ. Младшій братъ тогда и говоритъ: "Я бы это лѣкарство снесъ царевнѣ". Тогда старшій братъ назвалъ болѣзнь, которою была больна царевна, средній братъ приготовилъ лѣкарство, а младшій снесъ его царевнѣ. Царевна, дѣйствительно, вскорѣ выздоровѣла, и царь собирался уже выдать ее замужъ за младшаго брата. Но въ это время пришли два другихъ брата и начали спорить изъ-за царевны. И дѣйствительно, кому изъ трехъ братьевъ должна достаться царевна?" Этимъ вопросомъ яблоко закончило свою третью сказку и тотчасъ же возвратилось въ шкатулку, которую царь заперъ и спрятавъ въ карманъ. Между тѣмъ дѣвушка-красавица заговорила въ третій разъ: "Старшій и младшій братья должны получить вознагражденіе: первый за то, что назвалъ болѣзнь, а второй за то, что принесъ лѣкарство. Но царевна должна стать женою средняго брата". Вслѣдъ затѣмъ дѣвушка-красавица поднялась съ золотой тахты и, обратившись къ царю: сказала: "Счастье твое, что ты трижды заставилъ меня заговорить: теперь ты спасенъ. Проси, чего хочешь. Всякое твое желаніе будетъ исполнено немедленно". Но царь ничего не хотѣлъ, кромѣ того, чтобы дѣвушка-красавица стала его женою. Она согласилась, и вскорѣ отпразднована была свадьба съ царскою пышностью. Много людей было на этой свадьбѣ. Не было только меня да васъ тамъ.

8. Роза.

Жилъ нѣкогда царь Соломонъ. Онъ былъ холостъ. Однажды отправился онъ на охоту. Возвращаясь съ охоты домой, онъ увидѣлъ на краю дороги необыкновенно красивую розу и сорвалъ ее. Роза тотчасъ же превратилась въ необыкновенно красивую дѣвушку. Царь Соломонъ полюбилъ эту дѣвушку и женился на ней. Однажды онъ спросилъ

жену, кто ея родные; но жена ничего ему не отвѣтила. Это еще болѣе заинтересовало Соломона, и онъ рѣшилъ прибѣгнуть въ хитрости. Вскорѣ царь Соломонъ снова отправился на охоту. Охота была удачная. Велѣлъ царь сдѣлать гробъ и положить туда всю убитую дичь, а потомъ легъ въ гробъ и самъ. Приближеннымъ онъ велѣлъ нести гробъ во дворецъ и сказать женѣ, что въ гробу лежитъ онъ—Соломонъ, нечаянно убитый на охотѣ. Царица, узнавъ о мнимой смерти Соломона, горько заплакала и воскликнула: „О, солнце, отецъ мой, и луна, мать моя! Планеты, сестры мои, и звѣзды, братья мои! Царь Соломонъ умеръ! Возьмите меня къ себѣ!“ Тотчасъ же съ неба опустилась золотая лѣстница, по которой царица собиралась уже подняться наверхъ. Но въ это время вышелъ изъ гроба царь Соломонъ и, схвативъ жену за руку, сказалъ: „Наконецъ-то я узналъ, кто твои родные“. Золотая лѣстница тотчасъ поднялась наверхъ и исчезла. Съ тѣхъ поръ царь Соломонъ зажилъ вполне счастливо со своею женою. Жили они долго-долго, такъ долго, что маленькія деревца успѣли превратиться въ вѣбовыя деревья, мальчики—въ глубокихъ старцевъ, а дѣвочки—въ сгорбленныхъ старухъ. Слушатель! Живи и здравствуй до тѣхъ поръ, пока все рассказанное не окажется сущей правдой.

9. *Проказы лисы.*

Жила-была лиса. Какъ-то достала она немного проса, приходитъ въ одному мужику и говорить: „Слышала я, что ты—добрый мужикъ. Спрячь мое просо въ курятникѣ, а завтра я за нимъ приду“. Мужикъ согласился. Приходитъ на другой день лиса въ мужику и говорить: „Отдай мое просо“. А мужикъ отвѣчаетъ: „Твое просо курица поклевала“.—„Ну, такъ, вмѣсто проса отдай мнѣ курицу, а то подожду избу“. Мужикъ испугался и отдалъ курицу. При-

ходить лиса къ другому мужику и говорить: „Слышала я, что ты—добрый мужиёкъ. Спрячь мою курицу въ овчарнѣ, а завтра я за нею приду“. Мужиёкъ согласился. Приходитъ на другой день лиса къ мужику и говорить: „Отдай мою курицу“. А мужиёкъ отвѣчаетъ: „Твою курицу вчера ночью овцы затоптали“.— „Ну, такъ вмѣсто курицы отдай мнѣ овцу, а то подожду избу“. Мужиёкъ испугался и отдалъ овцу. Приходитъ лиса къ третьему мужику и говорить: „Слышала я, что ты—добрый мужиёкъ. Спрячь мою овцу вмѣстѣ съ твоимъ возломъ, а завтра я за нею приду“. Мужиёкъ согласился. Приходитъ на другой день лиса къ мужику и говорить: „Отдай мою овцу“. А мужиёкъ отвѣчаетъ: „Вчера ночью мой козелъ подрался съ твоею овцою и забодалъ ее рогами на смерть“.— „Ну, такъ вмѣсто овцы отдай мнѣ козла, а то подожду избу“. Испугался мужиёкъ и отдалъ козла. Приходитъ лиса къ четвертому мужику и говорить: „Слышала я, что ты—добрый мужиёкъ. Спрячь моего козла вмѣстѣ съ твоимъ быкомъ, а завтра я за нимъ приду“. Мужиёкъ согласился. Приходитъ на другой день лиса къ мужику и говорить: „Отдай моего козла“. А мужиёкъ отвѣчаетъ: „Вчера ночью быкъ подрался съ козломъ и забодалъ его рогами на смерть“.— „Ну, такъ вмѣсто козла отдай мнѣ быка, а то подожду избу“. Испугался мужиёкъ и отдалъ быка. Приходитъ лиса къ пятому мужику, справлявшему въ то время свадьбу своей дочери, и говорить: „Слышала я, что ты—добрый мужиёкъ. Спрячь моего быка въ сарай, а завтра я за нимъ приду“. Мужиёкъ согласился. Между тѣмъ лиса ночью прокралась въ сарай и зарѣзала быка, а окровавленный ножъ положила незамѣтно новобрачной въ карманъ. Проснулись на другой день мужиёкъ и его гости, видятъ, что быкъ зарѣзанъ, и, чтобы удовлетворить лису, порѣшили: въ чьемъ карманѣ найденъ будетъ окровавленный ножъ, тотъ долженъ пойти за лисой.

Приходить лиса къ мужику и говорить: „Отдай моего быка“. А мужикъ отвѣчаетъ: „Твоего быка вчера ночью кто зарѣзалъ“. — „Ну, такъ, вмѣсто быка отдай мнѣ того, въ чьемъ карманѣ найдется окровавленный ножъ, а то по дождю избу и тебя самого убую“. Испугался мужикъ и сталъ обыскивать всѣхъ. Ножъ найденъ былъ въ карманѣ новобрачной. Нечего дѣлать было мужику: отдавъ онъ дочку лисѣ. А лиса посадила ее въ мѣшокъ и, взваливъ на спину, побѣжала къ своей норѣ. Видитъ она дорогою, какъ пастухи жарятъ барана. И захотѣлось ей полакомиться бараниной. Подходить она къ пастухамъ и говоритъ: „Слышала я, что вы—добрые люди. Не угостите ли голодную лису бараниной?“ Пожалѣли пастухи лису и дали ей кусокъ баранины. Новобрачная, сидѣвшая въ мѣшкѣ и слышавшая весь этотъ разговоръ, тоже захотѣла ѣсть и сказала: „Добрые люди, а меня несчастную не покормите?“ Подошли пастухи къ мѣшку, развязали и, увидѣвъ тамъ женщину, очень удивились. Она рассказала имъ, какъ попала лисѣ въ мѣшокъ. Тогда пастухи спрятали ее въ ближайшій лѣсокъ, а въ мѣшокъ посадили собаку. Лиса, занятая ѣдой, ничего этого не замѣтила. Съѣвъ свой кусокъ баранины, она опять взвалила мѣшокъ на спину и отправилась домой. Здѣсь она съ нетерпѣніемъ развязала мѣшокъ, чтобы взглянуть на свою добычу. Но въ это время изъ мѣшка выскочила собака, бросилась на лису и разорвала ее. Между тѣмъ пастухи отвели новобрачную къ ея мужу, который на радостяхъ, что нашелъ свою молодую жену здоровой и невредимой, задалъ большой пиръ и щедро наградилъ пастуховъ.

М. Глушковъ,
инспекторъ Бакинской гимназіи.

Сказки, записанныя въ Наурѣ (Терской области).

1. Царь и его трое сыновей.

Далеко за тридевять земель жилъ-былъ царь. У него были три сына-царевича. Случилось такъ, что царь заболѣлъ глазами, и онъ ослѣпъ. Созвали всѣхъ врачей; всѣ свои лѣкарства они перебрали, но никакъ не могли вылѣчить царя отъ слѣпоты. Призвалъ тогда царь старшаго сына и говорить: „Твой отецъ раньше времени ослѣпъ; вы же, мои сыновья, еще молоды, чтобы управлять столь обширнымъ государствомъ. Выбери, сынъ мой, изъ конюшни самаго хорошаго коня и поѣзжай туда, гдѣ я былъ. Набери въ той странѣ земли и привези ко мнѣ: прозрѣетъ отецъ твой отъ прикосновенія къ чудесной землѣ“. Царевичъ не посмѣлъ перечить оцу и обѣщался исполнить просьбу. Выбралъ онъ изъ царской конюшни самаго лучшаго жеребца и распростился съ родителями и братьями своими. Быстро мчался царевичъ на своемъ жеребцѣ, перескакивая черезъ болота, лѣса и рѣки, проѣзжая одно царство за другимъ. Наконецъ, доѣхалъ онъ до земли, которая сплошь была покрыта золотомъ и серебромъ. Понравилась царевичу эта мѣстность, и онъ остановился подъ деревомъ завтракать; позавтракавъ, взялъ онъ немного золота и серебра и отправился дальше. Какъ стрѣла летитъ царевичъ въ невѣдомую страну, достигаетъ, наконецъ, огромнѣйшаго дерева: съ одной стороны ствола текла свѣтлая чистая вода, а съ другой—молоко. Здѣсь царевичъ

остановился, поужиналъ хорошенько, запил молокомъ, а потомъ водой, накормилъ и напоилъ своего коня. Затѣмъ, набравъ въ хурджины земли и по сосуду молока и воды, отправился въ обратный путь. Приѣхавъ къ царю-отцу, сынъ разсказалъ о своей поѣздкѣ въ царство, гдѣ земля покрыта золотомъ и серебромъ, и о деревѣ, изливающимъ молоко и воду, около котораго онъ и набралъ цѣлительной земли. Сказалъ также царевичъ, что на землѣ, покрытой золотомъ и серебромъ, онъ завтракалъ, а подѣ деревомъ, изливающимъ молоко и воду, ужиналъ. И притомъ царевичъ въ доказательство того, что посѣтилъ всѣ эти мѣста, показалъ отцу золото и серебро, молоко и воду.

— „Нѣтъ, сынъ мой“, сказалъ царь: „не тамъ ты набралъ земли, гдѣ я былъ. На землѣ, покрытой золотомъ и серебромъ, и я завтракалъ, а подѣ деревомъ, расточающимъ молоко и воду, я только обѣдалъ, а ужиналъ-то я далеко-далеко, гдѣ находится цѣлительная земля“. Призвавъ, затѣмъ, къ себѣ средняго сына, царь сказалъ: „Сынъ мой, посылаю я твоего старшаго брата за лѣварствомъ, чтобы вылѣчить мои больные глаза, но онъ не исполнилъ въ точности моего порученія и вернулся ни съ чѣмъ. Теперь на тебя моя надежда. Выбери ты изъ моей конюшни лучшаго коня, поѣзжай въ страну, гдѣ я былъ, и набери тамъ земли, которая имѣетъ чудесное свойство исцѣлять больныхъ“. Выбралъ царевичъ изъ царской конюшни коня себѣ по нраву и поѣхалъ въ путь-дорогу. Летѣлъ онъ быстро, какъ стрѣла, пущенная изъ тугого лука. Доѣхалъ онъ до земли, усыянной золотомъ и серебромъ; позавтракалъ здѣсь, а подѣ вечеръ былъ уже около дерева, изъ котораго сочилось молоко и вода: здѣсь онъ отдохнулъ и поѣхалъ дальше. Долго ли, коротко ли ѣхалъ царевичъ—насъ тамъ не было—только конь его къ утру сталъ. Здѣсь царевичъ набралъ земли, далъ вздохнуть коню и пустился въ обратный

путь. Приѣхавъ къ царю-отцу, сынъ разсказалъ ему о своемъ путешествіи. Царь попробовалъ свойства привезенной сыномъ земли и сказалъ: „Нѣтъ, сынъ мой, не доѣхалъ ты до земли, о которой я говорилъ тебѣ: ты привезъ другую землю. Послѣдняя моя надежда на младшаго сына“. Съ этими словами царь позвалъ къ себѣ младшаго царевича и просилъ его исполнить порученіе, котораго не могли исполнить два его старшихъ брата. Младшій царевичъ пошелъ въ конюшню отца и сталъ выбирать себѣ лошадь. Долго ходилъ онъ по конюшнѣ, осматривалъ заморскихъ жеребцовъ, но не одинъ не пришелся ему по вкусу. Вдругъ царевичъ замѣтилъ въ темномъ углу конюшни лежащаго въ грязи и навозѣ худого замореннаго мерина. Подойдя къ нему, царевичъ толкнулъ его въ бокъ ногою. Конь быстро вскочилъ на ноги и къ великому удивленію царевича заговорилъ человѣческимъ голосомъ: „Какъ я счастливъ, что удостоился прикосновенія человѣка къ себѣ. Всю жизнь я былъ заброшенъ и никто не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія; теперь я чувствую себя вполнѣ довольнымъ отъ прикосновенія человѣческой ноги“. Очень понравился конь царевичу, и онъ выбралъ его для трудной поѣздки за исцѣляющей недугомъ землей. Сталъ царевичъ ухаживать за конемъ: вычистилъ, вымылъ его и въ продолженіе семи дней щедро кормилъ его овсомъ и ячменемъ. На восьмой день надѣлъ царевичъ на коня прочную сбрую и собрался въ путь. Птицей летитъ добрый конь, туромъ свачеть черезъ лѣса и горы, оставляя далеко позади себя всѣ препятствія. Проѣхалъ царевичъ страну, усѣянную золотомъ и серебромъ, проѣхалъ и чудное дерево, испускающее молоко и воду, и все хлесталъ добраго коня, чтобы онъ ускорялъ свой бѣгъ. Наконецъ, конь выбился изъ силъ, остановился и сказалъ царевичу: „Довольно тебѣ хлестать меня, жестокой чело-
вѣкъ. Счастье твое, что я не сбросилъ тебя въ оврагъ,

откуда бы ты не возвратился живымъ. Но ты первый сталъ ухаживать за мною, сытно кормилъ меня отборнымъ зерномъ; помня твою услугу, я не только переносилъ твои побои, но и привезъ тебя къ той землѣ, которая нужна твоему отцу“. Царевичъ расчувствовался; онъ сытно покормилъ коня, а потомъ, набравъ въ хурджинны земли, отправился обратно въ свое царство. На обратномъ пути царевичъ увидѣлъ по дорогѣ золотое перо какой-то невѣдомой птицы. Взяло тутъ раздумье царевича: поднять или оставить перо? За совѣтомъ онъ обратился къ коню; конь отвѣтилъ: „Возьмешь перо, будешь каяться; не возьмешь, тоже будешь каяться“.—„Странно“, подумалъ царевичъ: „если ужъ я въ обоихъ случаяхъ буду каяться, то почему же не взять пера?“ Поднялъ царевичъ перо, украсилъ имъ свою папаху и продолжалъ путь. Долго ли, коротко ли ѣхалъ царевичъ съ перомъ, неизвѣстно: насъ тамъ не было; извѣстно только то, что онъ подѣхалъ къ большому городу. Какъ царскій сынъ, заѣхалъ онъ во дворецъ здѣшняго царя и попросилъ пріюта, чтобы отдохнуть отъ трудной и продолжительной дороги. Султанъ здѣшній не отказалъ царевичу въ пріютѣ и щедро одарилъ его. Въ то время когда царевичъ жилъ во дворцѣ, одинъ изъ визирей султана замѣтилъ на головѣ царевича золотое перо и просилъ его уступить ему или продать чудное перо. Но царевичъ ни подъ какимъ предлогомъ не соглашался уступить найденное перо; съ этимъ перомъ въ сознаниі царевича связывалось что-то такое чудное и невѣдомое. Визирь остался очень недоволенъ отказавшимъ ему царевичемъ и рѣшился отомстить. Съ этою цѣлью онъ пришелъ къ султану и пожаловался на царевича; чтобы погубить послѣдняго, визирь просилъ султана предложить гостю-царевичу съѣздить въ Аравію и достать изъ Краснаго моря для султана морскую красавицу. Султанъ такъ и сдѣлалъ. Выслу-

шавъ царскій приказъ, царевичъ опечаленный пошелъ къ своему коню, которому и повѣдалъ столь тяжкое горе; здѣсь же вспомнилъ совѣтъ коня царевичъ: дѣйствительно ему пришлось раскаиваться въ томъ, что взялъ перо. Конь, выслушавъ своего господина, сталъ его утѣшать слѣдующими словами: „Не теряй духа, мой добрый хозяинъ; потребуй только отъ султана 2 пуда сѣна, барана и около 90 пуд. масла: красавица будетъ наша. Царевичъ исполнилъ порученіе коня и, получивъ отъ султана требуемое, нагрузилъ имъ верблюда и отправился въ Аравію. Прибывъ къ Красному морю, царевичъ снялъ съ верблюда барана, сѣно и масло, навьючилъ ими своего коня, а самъ сѣлъ сверху. Какъ только все было готово, конь бросился съ царевичемъ на дно моря, гдѣ они нашли огромнѣйшій дворецъ морской красавицы-царицы. Дворецъ этотъ имѣлъ 90 дверей. Около главнаго входа во дворецъ стоялъ привязанный къ столбу волкъ, питающійся сѣномъ; по другую сторону входа былъ привязанъ баранъ, и около него лежало мясо, которымъ онъ и питался. По совѣту коня царевичъ зарѣзалъ привезеннаго съ собою барана и далъ его волку, а барану морской красавицы отдалъ привезенное сѣно. Волкъ и баранъ очень обрадовались своей настоящей пищѣ, благодарили, какъ могли, невѣдомыхъ посѣтителей и пропустили ихъ во дворецъ. Конь остался у входа, а царевичъ вошелъ въ палаты. Здѣсь онъ смазалъ всѣ 90 дверей масломъ, и онѣ перестали скрипѣть. Затѣмъ царевичъ вошелъ въ покои красавицы и потребовалъ, чтобы она послѣдовала за нимъ, такъ какъ уже наступилъ конецъ ея царствованію въ морѣ. Морская красавица очень испугалась дерзости человѣка и воскликнула: „Двери мои, спасите свою царицу“. Но двери отвѣтили: „Слишкомъ 90 лѣтъ мы служили тебѣ, и ты ни разу не смазала насъ масломъ, а этотъ человѣкъ щедро надѣлилъ насъ любимую нашей пищею: не можемъ защитить

тебя". Тогда царица обратилась къ волку: „Сѣрый волкъ, защити свою повелительницу“. Волкъ отвѣтилъ: „Какъ же мнѣ защищать тебя, когда за мою усердную службу въ продолженіе многихъ лѣтъ ты кормила меня сѣномъ; этотъ же человѣкъ накормилъ меня моею любимою пищею—мясомъ; не могу противиться ему“. — „Одна надежда на тебя, баранъ!“ сказала царица: „спаси меня“. — „Не могу спасти тебя, царица, потому что во все время моей жизни во дворцѣ ты кормила меня мясомъ, вмѣсто сѣна; этотъ же человѣкъ далъ мнѣ любимую мою їду—сѣно; не могу отплатить ему неблагодарностью“. Заплакала съ горя царица, но подчинилась року и послѣдовала за царевичемъ. Сѣли они на коня и верблюда и поѣхали къ султану. Визирь, увидѣвъ царевича съ добычей, очень удивился его возвращенію и рѣшился дать царевичу задачу еще труднѣе первой. По наущенію визиря султанъ предложилъ царевичу найти и привезти ту птицу, перо которой царевичъ носить на головѣ. Убитый горемъ царевичъ возвращается отъ султана къ коню, но вѣрный конь опять совѣтуетъ своему господину не поддаваться горю и не печалиться. „Попроси!“ говоритъ онъ: „отъ султана около 200 пудовъ крупы, столько же ваты и около 100 бурдюковъ вина, и мы тронемся въ путь“. Султанъ не отказалъ царевичу въ просьбѣ, навьючилъ крупую, ватую и виномъ нѣсколько верблюдовъ и проводилъ царевича за городъ. Долго ли, коротко ли вель царевичъ свой караванъ, но доѣхалъ онъ, наконецъ, до крутой горы. Отъ подошвы горы, по совѣту коня, царевичъ сталъ разсыпать по дорогѣ крупу и пока караванъ дошелъ до вершины, осталось этой крупы всего нѣсколько чуваловъ. На вершинѣ горы было большое озеро. Здѣсь конь сказалъ царевичу: „Разсыпь остальную крупу по берегу озера, а посредствомъ ваты выбери всю воду изъ озера и налей въ него вино. Черезъ нѣсколько времени съ

разныхъ сторонъ и въ особенности отъ подошвы горы будутъ прилетать сюда птицы; между ними будетъ и царь-птица съ золотыми перьями; наѣвшись крупы, птицы напьются въ озерѣ вина и опьянѣютъ; ту птицу, на которую я укажу, ты и лови. Сидѣть же ты будешь въ засадѣ; для этого убей двухъ верблюдовъ: одного отдай на сѣденье птицамъ, а въ другомъ, вынувъ внутренности, скройся самъ и наблюдай за мною". Царевичъ въ точности исполнилъ наставленія коня и спрятался внутри убитаго верблюда. Черезъ нѣсколько минутъ къ озеру слетѣлось видимо-невидимо разной птицы. Наѣвшись крупы, онѣ напились вина и опьянѣли, но нѣкоторые принялись за мясо убитаго верблюда; между этими птицами была и царь-птица. Конь указалъ на нее и царевичъ, уловивъ минуту, бросился и вѣрѣно схватилъ чудную птицу. Въ это время другія птицы—поданныя царицы, бросились на царевича и стали его клевать. Конь всѣми четырьмя ногами отбивалъ птицъ отъ царевича, уничтожая ихъ сотнями. Наконецъ, удалось таки царевичу посадить царь-птицу въ хурджинъ и сѣсть на своего коня. Стрѣлой помчался конь отъ озера и скоро достигъ дворца султана. Удивился визирь, что опять вернулся царевичъ цѣлъ и невредимъ. На другой день онъ является къ султану съ такою рѣчью: „Повелитель правовѣрныхъ, притворись ты больнымъ и прикажи царевичу достать для тебя не позже трехъ дней молоко отъ козы, принадлежащей могущественному царю морей. Живетъ она въ Красномъ морѣ. Царевичъ, конечно, не сможетъ сдѣлать этого, и ты, государь, вели его казнить за то, что онъ не исполнилъ твоего приказанія". Султанъ любилъ визиря, наговорамъ его вѣрилъ и исполнялъ всѣ его желанія. Призвалъ онъ къ себѣ царевича и говорить: „Сынъ мой, я сильно боленъ; исполни мою просьбу, и я щедро награжу тебя. Поѣзжай ты къ Красному морю и достань изъ мор-

своей глубины морскую козу, которая дает огромное количество молока. Молоко поможет мнѣ исцѣлиться отъ недуга“. Опять опечаленный идетъ царевичъ къ своему коню и жалуется на немилость султана. Конь утѣшилъ царевича и велѣлъ только попросить отъ султана 9 верблюжьихъ кожъ, 9 поддругъ, нѣсколько пудовъ соли да саженную желѣзную цѣпь. Царевичъ исполнилъ все, какъ говорила лошадь, и, получивъ просимое, поѣхалъ къ Красному морю. Подѣхавъ къ берегу, царевичъ обмоталъ девять верблюжьими кожами своего коня, прикрѣпилъ къ спинѣ его соль, а желѣзную цѣпь закинулъ въ море. Лошадь сказала: „Если только мнѣ будетъ угрожать опасность, т. е. если меня будетъ побѣждать морская коза, то я дамъ тебѣ знать подергиваніемъ цѣпи. Какъ только ты замѣтишь ея колыханіе, тотчасъ же спускайся въ море мнѣ на помощь“. Съ этими словами конь спустился въ море. Въ водѣ онъ нашелъ убѣжище козы и вступилъ съ нею въ борьбу. Коза рвала своими зубами верблюжьи кожи, которыми былъ обвязанъ конь; конь вырывалъ у козы куски мяса и, чтобы причинить ей пушую боль, присыпалъ раны солью. Всѣ верблюжьи кожи на конѣ были изорваны, оставалась только одна, и коню угрожала неминуемая смерть, но и коза, утомленная и обезсиленная потерю крови, тоже была близка къ смерти. Наконецъ, она сдалась. Взявъ козу къ себѣ на спину, конь вышелъ на берегъ къ царевичу, который поздравилъ любимаго коня съ побѣдою. На третій день царевичъ былъ уже во дворцѣ, предъ очами султана. Удивленію султана и визиря не было предѣловъ; они не могли себѣ представить, какъ это царевичъ не погибъ отъ морского чудовища, котораго всѣ боялись. Нечего было дѣлать; рѣшилъ султанъ, по настоянію визиря, произвести надъ царевичемъ еще одно испытаніе: молокомъ морской козы былъ наполненъ огромный резервуаръ, въ которомъ и долженъ

былъ искупаться царевичъ. Молоко козы было такъ горячо, что царевичъ могъ въ немъ свариться; но и здѣсь конь спасъ своего господина. Передъ купаньемъ царевичъ долженъ былъ нѣсколько разъ перепрыгнуть котель съ молокомъ; конь его, набравъ въ свой желудокъ побольше воды, во время скачки черезъ котель изрыгалъ ее въ кипящее молоко и тѣмъ остудилъ его. Царевичъ выкупался въ молокѣ и вышелъ цѣлъ и невредимъ. Видя это, султанъ тоже пожелалъ выкупаться въ молокѣ, велѣлъ выдонтъ козу и наполнить котель молокомъ. Передъ купаньемъ султанъ тоже нѣсколько разъ перепрыгивалъ черезъ котель на своемъ конѣ; но, спустившись въ котель, чтобы выкупаться, султанъ моментально сварился. Тогда царевичъ велѣлъ визиря заковать въ цѣпи и посадить въ темницу. Испытанія царевича прекратились и онъ собрался домой къ отцу. Морскую царевну, птицу съ золотыми перьями и козу царевичъ взялъ съ собою. Царь-отецъ выговаривалъ своему сыну, что онъ такъ долго не возвращался домой, но царевичъ въ оправданіе своего долгаго отсутствія рассказал о своихъ приключеніяхъ. Доставъ, затѣмъ, изъ хурджина цѣлительной земли, сынъ приложилъ ее къ глазамъ отца, и тотъ прозрѣлъ. Радости отца и сына не было конца. Въ скоромъ времени была сыграна свадьба царевича съ морскою красавицею-царицею, и они стали жить-поживать да добра наживать мирно, счастливо, до самой смерти. Кому сказки конецъ, а мнѣ меду корецъ.

Записана со словъ казака В. М. Чухалдина.

2. Сколько веревку ни вить, а все концу быть.

Въ старину, когда еще рѣки текли молокомъ и медомъ, а овцы паслись вмѣстѣ съ волками, когда вездѣ была тишь да гладь, да Божья благодать, въ нѣкоторомъ царствѣ-въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ старикъ со своею

старухою. Были у нихъ три дочери, которыхъ, по своей великой бѣдности, не могли воспитать. Думаль-гадалъ старикъ со старухою, какъ горю помочь, и рѣшилъ бросить дочерей на произволь судьбы въ дивомъ лѣсу: „пусть, молъ, сами достануть себѣ хлѣба и одежды“. Съ этою цѣлью поѣхалъ старикъ по дрова въ лѣсъ и взялъ съ собою дочерей. Заѣхали они далеко въ лѣсъ: „Вы собирайте ягоды, а я буду рубить дрова“, сказалъ старикъ грустно своимъ дочерямъ. Одна изъ нихъ замѣтила смущеніе отца, но смолчала. Стали дѣвушки собирать въ лѣсу ягоды, а старикъ привязалъ къ высокому дереву чурбанъ, который издавалъ стукъ, покачиваясь на веревкѣ отъ вѣтра и ударяя по дереву: тукъ, тукъ, тукъ. „Слышите, сестрицы“, говоритъ одна изъ дѣвушекъ: „то отецъ нашъ рубить дрова“.—„Слышимъ“, отвѣчали сестры. Долго собирали дѣвушки ягоды, а отецъ все не звалъ своихъ дочерей, между тѣмъ какъ привязанный къ дереву чурбанъ продолжалъ свое „тукъ-тукъ“. Въ концѣ концовъ одна изъ дѣвушекъ говоритъ: „Нѣтъ, это не отецъ нашъ рубить дрова, то бревно стучитъ“. Удивились дѣвушки такимъ словамъ сестры и пошли искать отца. Скоро они нашли дерево съ бревномъ; поняли сестры обманъ, плакали, рыдали вмѣстѣ и пошли куда глаза глядятъ. Долго ли, коротко ли шли три сестры, о томъ неизвѣстно; вѣдомо только то, что дошли онѣ до синяго моря. По морю въ это время ѣхалъ царь со своею дружиною. Старшая сестра и говоритъ: „Если бъ я была царскою женою, родила бы для царя сына-богатыря“. Средняя изъ сестеръ сказала: „Если бы я была царскою женою, то родила бы для него трехъ дочерей: Надежду, Вѣру и Любовь“.— „Если бы я была женою царя“, заговорила младшая сестра: „я бы родила для царя трехъ сыновей: по локоть—въ золотѣ, по колѣна—въ серебрѣ, на лбу мѣсяць, по тѣлу звѣздочки“. Слова младшей сестры услышалъ царь; они

повравились ему и, ни мало не медля, царь женился на красавицѣ, а остальныхъ сестеръ взялъ въ помощницы царицѣ. Тогда же жила въ прислугахъ у царя Баба-Яга, которая прочила за царя свою дочь. Видя, что это ей не удалось, она рѣшилась мстить молодой царицѣ. Вотъ однажды царь находился въ походѣ. Въ это время жена его родила трехъ сыновей: по локоть въ золотѣ, по колѣна въ серебрѣ, на лбу мѣсяцъ, по тѣлу звѣздочки. Баба-Яга была повитухой, и потому ее позвали къ царицѣ; она убила трехъ славныхъ царевичей, а вмѣсто нихъ подложила подъ царицу трехъ кутятъ (щенятъ); сама же написала царю: „Не родила твоя жена трехъ сыновей, а родила твоя жена трехъ кутятъ“. Приѣхавъ домой, царь очень разгнѣвался на свою молодую супругу, но что же дѣлать? судьбы не избѣжишь. Въ другой разъ пришлось царю совершить походъ противъ враговъ, и онъ уѣхалъ. Жена же его осталась беременною и въ отсутствіе царя опять разрѣшилась тремя сыновьями по локоть въ золотѣ, по колѣна въ серебрѣ, на лбу мѣсяцъ, по тѣлу звѣздочки. Опять Баба-Яга подложила подъ царицу трехъ кутятъ, царю же написала: „не родила твоя жена трехъ сыновей, а родила жена твоя трехъ кутятъ“. Пуще прежняго разгнѣвался царь на свою жену и грозилъ наказаніемъ, если это повторится въ третій разъ. Совѣсть мучила царицу, но скоро она успокоилась, почувствовавъ приближеніе третьихъ родовъ. Царь скоро отлучился изъ государства, а царица въ его отсутствіе разрѣшилась тремя сыновьями по локоть въ золотѣ, по колѣна въ серебрѣ, на лбу мѣсяцъ, по тѣлу звѣздочки. Одного изъ нихъ она сохранила около себя въ складкахъ платья, двухъ же остальныхъ Баба-Яга убила, подложивъ подъ царицу двухъ щенятъ. Царю Баба-Яга написала: „Въ настоящее время твоя жена родила не трехъ щенятъ, а двухъ“. Царь приказалъ хранить щенятъ до его приѣзда, но Баба-Яга уже успѣла

одного изъ нихъ убить, другого же оставила. Когда прѣхаль царь, то, кромѣ кутенка, онъ увидѣлъ и настоящаго сына, но на немъ не было ни луны на лбу, ни звѣздъ по тѣлу, потому что царица стерла эти украшенія съ царевича еще тогда, когда старалась скрыть младенца отъ Бабы-Яги. Терпѣніе царя лопнуло: созвавъ своихъ атамановъ-совѣтниковъ, онъ рѣшилъ съ ними заключить царицу въ бочку вмѣстѣ съ сыномъ, кутенкомъ и пустить въ море. Сказано, сдѣлано: пустилъ царь свою жену въ бочкѣ плавать по морю, а самъ женился на дочери Бабы-Яги. Послѣ царь стосковался по своей прежней женѣ и часто устраивалъ по ней поминки. На поминки онъ призывалъ людей со всѣхъ концовъ своего государства, отъ которыхъ старался узнать хотя небольшую вѣсточку о своей женѣ.

Между тѣмъ долго плавала царица съ сыномъ и кутеночкомъ по морю; сынъ ея росъ не по днямъ, а по часамъ. Во время плаванія онъ попросилъ у матери позволенія перевернуться съ одного бока на другой, но царица не позволила, боясь крушенія бочки. Наконецъ, большою волною вынесло обитателей бочки на мель: сынъ повернулся съ одного бока на другой и бочка распалась. Всѣ трое вышли на красивый островъ, окруженный водою. Кутеночъ натаскалъ костей, а царевичъ сѣлалъ изъ нихъ большой красивый домъ. Однажды мимо ихъ дома проходила толпа старцевъ. Маленькій царевичъ выбѣжалъ къ нимъ навстрѣчу и говорить:

- „Старцы-бывальцы, куда держите путь?“
- „Идемъ царскую жену поминать“.
- „Возьмите меня съ собою“.
- „Нѣтъ, ты еще маленькій, гдѣ намъ съ тобою возитися“.
- „Ну возьмите щенка; онъ хотя тамъ восточки собереть“.

— „Пускай бѣжить за нами“, сказали старцы.

Скоро пришли они въ городъ съ золотыми маковками. Старцы входятъ во дворець, царь выходитъ на крылецъ:

„Старцы-бывальцы,

Гдѣ вы бывали,

Кого вы видали?“

— „Шли мы черезъ островъ, видѣли городъ изъ костей: домъ, домоу—великъ, городомъ—малъ“.

— „Сѣдлайте мнѣ коня“, говорить царь слугамъ: „поѣду посмотрю, что это тамъ за диво?“

Совсѣмъ было уѣхалъ царь, но хитрая жена удержала его: „Ну, это еще не большое диво; вотъ диво: въ нѣкоторомъ царствѣ-въ нѣкоторомъ государствѣ сидятъ восемь соколовъ, поютъ стишки царскіе-государскіе“. Услыхалъ кутеночекъ эти слова и, прибѣжавъ домой, повѣдалъ ихъ матери и царевичу. Послѣдній удалился отъ матери въ чужое государство и привезъ восемь соколовъ, которые пѣли стишки царскіе-государскіе.

Въ то время, въ другой разъ шли старцы на поминки царицы, подивились они чуду на островѣ и продолжали свой путь. Царевичъ просился сопровождать старцевъ на поминки царской жены, но старики не взяли на себя лишней обузы, захватили только съ собою кутеночка. Вотъ и городъ съ золотыми маковками: старцы входятъ во дворець, царь выходитъ на крылецъ:

„Старцы-бывальцы,

Гдѣ вы бывали,

И что вы видали?“

— „Шли мы черезъ островъ, видѣли городъ изъ костей: домъ, домоу—великъ, городомъ—малъ; сидятъ восемь соколовъ, поютъ стишки царскіе-государскіе“.

— „Сѣдлайте мнѣ коня, поѣду посмотрю, что это тамъ за диво“.

— „Ну, это не такое еще диво“, говорит царская жена: „вот это, такъ диво: въ нѣкоторомъ царствѣ-въ нѣкоторомъ государствѣ стоитъ свинка-золотая щетинка“. Услыхавъ эти слова, кутеночекъ побѣжалъ домой и объявилъ объ этомъ матери. Царевичъ удалился въ чужое государство и привезъ свинку-золотую щетинку.

Опять шли старцы на поминки царицы островомъ, удивились они восьми соколамъ, свинкѣ-золотой щетинкѣ и продолжали свой путь. Опять просилъ царевичъ старцевъ взять его съ собою, но старцы согласились взять только кутеночка. Идутъ старцы на поминки, а за ними бѣжитъ кутеночекъ косточки ѣсть съ царскаго стола. Вотъ и городъ съ золотыми маковками. Старцы входятъ во дворецъ, царь выходитъ на крылецъ:

„Старцы-бывальцы,
Гдѣ вы бывали,
Кого вы видали?“

— „Шли мы черезъ островъ, видѣли востаной городъ: домъ, домою—великъ, городомъ—малъ; сидятъ восемь соколовъ, поютъ стишки царскіе-государскіе, стоитъ свинка-золотая щетинка“.

— „Сѣдлайте мнѣ коня; поѣду посмотрю, что это тамъ за диво?“

— „Ну, это не такое еще диво“, говоритъ жена: „въ нѣкоторомъ царствѣ, въ далекомъ государствѣ, стоитъ олень-золотые рога, въ небо упертые“. Но на этотъ разъ злая царица не могла остановить мужа и дальше не перечила ему. Кутеночекъ, услышавъ обо всемъ, прибѣжалъ домой и объявилъ царевичу и его матери о намѣреніи царя пріѣхать въ ихъ городъ. Мать-царица повѣдала царевичу, что царь есть его родной батюшка, а восемь соколовъ—его братья родимые. Въ скоромъ времени на островъ пріѣхалъ и самъ царь, удивился востаному городу, восьми

соколамъ, поющимъ стишки царскіе-государскіе, свингѣ-золотой щетинѣ и оленю-золотые рога, въ небо упертые, котораго молодой царевичъ успѣлъ достать изъ чужеземнаго государства до пріѣзда царя-батюшки. Пожелалъ потомъ царь видѣть царицу и ея сына царевича, о которыхъ зналъ по слухамъ. Вышла царица съ сыномъ и царь призналъ въ ней свою дорогую супругу, а въ царевичѣ своего славнаго сына; радости его не было предѣловъ. Какъ только царь призналъ свою прежнюю супругу, восемь соколовъ превратились въ восемь прекрасныхъ царевичей по локоть въ золотѣ, по колѣна въ серебрѣ, на лбу мѣсяць, по тѣлу звѣздочки. Бросились они въ объятія своей родимой матушки-царицы, батюшки-царя, а также и своего брата родимаго—Иванушки-царевича.

Радостный возвращался царь съ семействомъ въ свою столицу. По пріѣздѣ во дворець, онъ устроилъ пиръ на весь міръ и объявилъ своему народу, что нашлась его царица и девять сыновей-прекрасныхъ царевичей. Народъ радовался вмѣстѣ съ царемъ, а Баба-Яга и ея дочь, злая царица, были привязаны къ хвостамъ дивныхъ лошадей, которыя разнесли ихъ тѣла по лѣсамъ и горамъ. Царь же со своею доброю царицею и прекрасными сыновьями зажилъ мирно и счастливо. Былъ пиръ горой, а тамъ былъ порой, медъ, горѣлку пилъ: по усамъ текло, а въ ротъ не попало. Вамъ сказки конецъ, а мнѣ меду корецъ.

Записана со словъ казака И. М. Лавренова.

3. *На куполъ минарета игра не держится.*

Въ глубокой древности въ странахъ Востока жилъ нѣкогда крестьянинъ и занимался земледѣліемъ. Жилъ онъ въ своемъ селѣ безбѣдно, припѣваючи; всего у крестьянина было вдоволь: пшеница у него родилась каждый годъ—янтарь янтаремъ. Случилось какъ-то, что у счастливаго

крестьянина не уродилась пшеница, и онъ не зналъ, что дѣлать. Встрѣтилъ однажды онъ одного незнакомца и объявилъ ему, что каждый годъ на его полѣ родилась хорошая пшеница, въ этомъ же году ничего не вышло. Незнакомецъ сказалъ ему: „Есть у тебя дочь-красавица, возьми убей ее и зарой на своемъ полѣ: пшеница будетъ такая, каковой ты и въ вѣкъ свой не видывалъ“. Думалъ-думалъ крестьянинъ, какъ быть и, въ концѣ концовъ, обуяла его страсть къ наживѣ: не пожалѣлъ онъ своей родной дочери и рѣшился убить ее. Придя домой, онъ объявилъ женѣ о своемъ рѣшеніи, котораго ни за что не измѣнить. Жена стала уговаривать мужа не губить своей дочери, но старикъ былъ непреклоненъ. Вотъ однажды собрался онъ въ поле и захватилъ съ собою острый ножъ; женѣ же приказалъ прислать на другой день свою дочь съ мѣшкомъ пшеницы, чтобы засѣять свое поле. На другой день мать долго плакала, но нечего дѣлать: отпустила свою дочь съ пшеницею къ отцу. Отпуская, мать сказала дочери, чтобы она, какъ только увидитъ отца, и онъ ее замѣтитъ, еще издали бросила мѣшокъ и бѣжала бы безъ оглядки, куда глаза глядятъ,—только не домой, потому что отецъ убьетъ ее. Поплакала дочь, но помирилась съ судьбой, взяла мѣшокъ и пошла къ отцу. Еще издали отецъ замѣтилъ приближавшуюся дочь, которая, въ свою очередь, замѣтивъ отца, бросилась бѣжать, положивъ на землю мѣшокъ съ пшеницею. Отецъ бросился съ ножомъ въ рукахъ догонять свою дочь, но не догналъ: дѣвушка бѣжала отъ преслѣдованій отца безъ оглядки. Настала уже ночь. Подбѣжала дѣвушка къ большой рѣкѣ и остановилась; путь ей перерѣзанъ. На берегу она увидѣла большое тѣнистое дерево, на вѣтвяхъ котораго она рѣшилась переночевать. Забралась она на дерево и сѣла въ раздумьѣ. Вдругъ къ дереву подъѣзжаетъ царь со своими слугами и располагается подь

деревомъ на отдыхъ и ужинъ. Дѣвушка притаила дыханіе. Во время ужина одинъ изъ слугъ царскихъ, случайно поднявъ голову, увидѣлъ на деревѣ женщину и доложилъ объ этомъ царю. Послѣ долгихъ упрасиваній удалось-таки царю сманить дѣвушку внизъ. Царь очень удивился ея ненаглядной красотѣ: чернымъ ея волосамъ, спадающимъ локонами на плечи; жгучимъ глазамъ, ярко горѣвшимъ изъ-подъ ея влажныхъ рѣсницъ, и стану гибкому, какъ тонкій тростникъ. Дѣвушка рассказала царю свою исторію, которая очень заинтересовала царя. Въ концѣ концовъ, царь такъ влюбился въ бѣдную дѣвушку, что рѣшился жениться на ней. Дѣвушка была одѣта бѣдно, и царь со своими слугами поѣхалъ въ столицу, чтобы закупить тамъ для невѣсты разныхъ платьевъ, украшеній и другихъ вѣнчальныхъ принадлежностей, а невѣсту просилъ подождать на деревѣ до своего возвращенія.

Въ то время когда царь находился въ отлучкѣ, пришли къ рѣкѣ за водою двѣ дѣвушки-арабки съ кувшинами за плечами. На деревѣ онѣ замѣтили царскую невѣсту и стали спрашивать ее: кто она такая, зачѣмъ залѣзла на дерево. Дѣвушка рассказала имъ, какъ она бѣжала отъ преслѣдованій отца и укрывалась на этомъ деревѣ, какъ нашелъ ее царь и назвалъ своею невѣстою. Одна изъ арабокъ позавидовала счастью дѣвушки и задумала коварное дѣло. Она сказала своей подругѣ: „Почему это мы должны каждый день мучиться, работать, носить въ кувшинахъ воду, а эта, такая же простая дѣвушка, какъ и мы, должна сдѣлаться царской женою“. Сказавъ это, она залѣзла на дерево и столкнула царскую невѣсту въ рѣву, въ которую она и погрузилась. Сама же она осталась на деревѣ дожидать царя. Въ скоромъ времени пріѣхалъ съ подарками и самъ царь и попросилъ дѣвушку сойти съ дерева. Царь взглянулъ на арабку и воскликнулъ: „Что это такое? Оста-

вилъ я на деревѣ свою красавицу-невѣсту, а теперь вижу дурную черную арабку". Но арабка, коварно притворившись, сказала: „Милый мой, долго я томилась душой и сердцемъ, поджидая тебя на деревѣ; долго палили меня жгучіе лучи солнца и обдувалъ меня сухой вѣтеръ, потому-то я и по-черпѣла. Но это все черезъ три дня пройдетъ, и я стану такою же красавицею, какою ты меня оставилъ здѣсь". Царь повѣрилъ притворно-ласковымъ словамъ арабки и въ тотъ же день сыгралъ свадьбу.

Между тѣмъ, настоящая царская невѣста не утонула въ рѣкѣ, а превратилась въ красивую русалку съ рыбьимъ хвостомъ. Когда царскіе слуги приводили лошадей изъ царскихъ конюшенъ на водоной, русалка показывалась на поверхности воды. Слуги объявили царю, что на водопоѣ завелось странное чудовище: наполовину женщина, наполовину рыба. Царь тотчасъ же приказалъ приготовить огромную сѣть и во что бы то ни стало словить чудную рыбу. Все было исполнено, какъ сказалъ царь. Слуги закинули сѣть и поймали русалку. Во дворцѣ они наполнили резервуаръ водою и пустили въ него странную рыбу. Въ русалкѣ царь нашелъ большое сходство со своею настоящею невѣстою и восхищался ею. Онъ уже сталъ думать, что не обманули ли его, не опутали ли его и невѣсту чарами. Но жена его—арабка всячески старалась разувѣрить его въ этомъ и настаивала на удаленіи рыбы изъ дворца. Она притворно заболѣла и стала увѣрять царя, что причина ея болѣзни—рыба и что если царь не сваритъ русалку въ котлѣ, то и самъ въ скоромъ времени заболѣетъ и умретъ. Царь и этому повѣрилъ: приказалъ сварить русалку. Слуги приготовили большой котелъ и, сваривъ русалку, бросили ея кости неподалеку отъ дворца. Черезъ нѣкоторое время кости русалки пустили въ землѣ корни и выросли въ чудное дерево. Круглый годъ оно было покрыто листьями и

цвѣтами. Царь любовался своимъ роскошнымъ деревомъ и не могъ оторваться отъ него. Немного спустя, царь сталъ замѣчать странное явленіе: когда онъ уходилъ на службу, а итти ему приходилось мимо дерева, или на охоту, или вообще удалиться изъ дворца, листья дерева вяли и теряли свою свѣжесть; когда же онъ возвращался во дворецъ, дерево снова становилось свѣжимъ и глядѣло веселымъ. Объ этомъ онъ сообщилъ своей женѣ. Хитрая арабка догадалась, что это вошли кости ея невинной жертвы, и она стала увѣрять царя, что это дерево плохое; если царь не срубитъ его, на дворецъ обрушится какое-нибудь несчастье. Подчинился царь вліянію хитрой жены, повѣрилъ ся наговорамъ и приказалъ срубить дерево.

Неподалеку отъ царя жила бѣдная старушка; однажды она шла мимо срубленнаго дерева и, замѣтивъ много щепковъ, собрала ихъ, чтобы истопить ими свою печь. Между щепками она нашла и веретено, посредствомъ котораго готовятъ нитки. Веретено она положила въ своей комнатѣ, а сама пошла на кухню приготовить обѣдъ. Возвратившись изъ кухни въ комнату, старушка замѣтила на столѣ цѣлую кипу нитокъ. И каждый разъ, когда старушка выходила изъ дому, какая-то невидимая хозяйка убирала ея комнату и приготовляла нитки. Однажды старушка сѣла за дверями и стала наблюдать въ щелку, что дѣлается въ комнатѣ. Вдругъ веретено превратилось въ прекрасную дѣвушку, которая пряла нитки и убирала комнату. Старуха сразу зашла въ комнату и застала дѣвушку врасплохъ. Стала старушка спрашивать дѣвушку о ея происхожденіи; дѣвушка рассказала ей о своемъ превращеніи въ русалку, въ дерево, въ веретено и рассказала о всѣхъ другихъ подробностяхъ своей исторіи. Старушка оставила дѣвушку при себѣ, и она стала незамѣнимой ея помощницей въ хозяйствѣ.

Время отъ времени дѣвушка ходила на прогулку мимо царскаго дворца и снова успѣла завладѣть сердцемъ царя. Послѣдній постоянно разспрашивалъ между людьми, кто эта дѣвушка, откуда пріѣхала и очень хотѣлъ съ нею сблизиться. Узнавъ объ этомъ, дѣвушка посоветовала старушкѣ устроить обѣдъ, какъ бы по поводу пріѣзда съ дальней страны родной дочери, и пригласить царя. Царь не отказался осчастливить старушку своимъ присутствіемъ и пришелъ на обѣдъ. Къ тому же ему представлялся случай быть лицомъ въ лицу съ мнимою дочерью старушки, которую онъ такъ часто любовался изъ своего окна. Старушка и дѣвушка еще заранѣе приготовили мѣсто за столомъ для царя и его супруги-арабки, при чемъ стулъ царя былъ обитъ дорогими матеріями и унизанъ украшеніями, а стулъ арабки осипанъ иглами, на которомъ она ежилась отъ боли, но не подавала вида. За обѣдомъ велся оживленный разговоръ.

У дѣвушки была птица, которая умѣла разговаривать; звали ее Какабкой. Улучивъ минуту, дѣвушка принесла Какабку въ комнату и посадила на столѣ, а потомъ начала такъ: „Помнишь ли, Какабка, какъ хотѣлъ меня убить отецъ, и я, спасаясь отъ его погони, укрывалась на деревѣхъ возлѣ рѣки?“

— „Помню“, отвѣчала птица. Всѣ наострили уши.

— „А помнишь ли“, продолжала дѣвушка: „какъ пришли къ рѣкѣ за водою двѣ арабки, и одна изъ нихъ, позавидовавъ тому, что я сдѣлалась царскою невѣстою, столкнула меня въ рѣку, а сама осталась поджидать отлучившагося на короткое время царя?“

— „Помню“.

— „А помнишь ли, какъ я превратилась въ русалку, какъ поймали меня слуги царя и сварили въ котлѣ и какъ, потомъ, изъ моихъ костей выросло дерево на царскомъ дворѣ?“

— „Помню“, отвѣчала Какабка. Арабка и царь сидѣли блѣдные: первая отъ страха, другой отъ гнѣва.

— „А помнишь ли“, вопрошала снова дѣвушка: „какъ меня срубили; я превратилась въ веретено, а затѣмъ приняла въ домѣ этой старушки свой человѣческій обликъ?“

— „Помню“.

Дѣвушка кончила. Царь бросился въ объятія своей бывшей невѣсты, и при всемъ собраніи назначилъ день свадьбы съ красавицею-невѣстою, такъ невинно пострадавшею отъ руки низвой женщины. Приказалъ царь привести самую ретивую лошадь, въ хвосту которой онъ привязалъ злую арабку за волосы. Затѣмъ царь приказалъ слугамъ скакать на этой лошади по камнямъ и рывинамъ: тѣло арабки было растерзано на мелкіе куски. Царь же сталъ жить съ новою женою мирно, счастливо и прижилъ съ нею умное и храброе потомство на славу отечеству.

Записана со словъ казака В. М. Чухадина.

П. Востриковъ,

учитель Елисаветпольскаго городского училища.

ОТДѢЛЪ IV.

ГРАММАТИКА
УДИНСКАГО ЯЗЫКА.

СОСТАВИЛЪ
А. М. Дирръ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Удины, изслѣдованію языка которыхъ посвященъ нашъ очеркъ, по всей вѣроятности, остатокъ когда-то многочисленнаго народа. Довольно распространенная теперь гипотеза видитъ въ нихъ древнихъ албанцевъ. Говорить здѣсь объ этой гипотезѣ не мѣсто; я поговорю о ней въ книгѣ о всеобщей этнографіи Кавказа; теперь же я ограничусь только тѣмъ, что армянскіе историки, какъ, напримѣръ, Моисей Кагантоватси, упоминають нѣсколько разъ объ удинахъ, говоря объ исторіи Албаніи.

Въ данное время удины занимають только два селенія. Одно изъ нихъ, Варташенъ (или Орташенъ), находится въ 35 верстахъ отъ Нухи, въ Елисаветпольской губерніи; другое, Нижъ (или Ниджъ, какъ называютъ его русскіе или Нежъ, какъ называютъ его сами жители), находится приблизительно въ 40 верстахъ отъ Варташена. Населеніе этихъ двухъ селеній довольно смѣшанное; въ Варташенѣ, напр., встрѣчаются также армяне, татары, персидскіе евреи и нѣсколько лезгинъ. Это разнообразіе населенія сильно затрудняетъ изученіе удинскаго языка. Почти всѣ удины сел. Варташенъ, кромѣ своего материнскаго языка, говорятъ свободно или на татарскомъ, персидскомъ или на армянскомъ языкахъ; часто даже они владѣють нѣсколькими языками. Отсюда происходитъ то, что удинскій языкъ весь испещренъ татарскими, армянскими и персидскими словами и оборотами рѣчи. Удинъ, знающій, что его поймутъ, примѣшиваетъ въ своей рѣчи по своему произволу любой изъ названныхъ языковъ, если только онъ еще изъяс-

няется на своемъ языкѣ, что съ нимъ случается все рѣже и рѣже. Какъ татары, такъ и армяне внесли свою цивилизацію. До весьма недавняго времени въ Варташенѣ были только армянскія школы. Для письма употребляли и теперь еще употребляютъ армянскій или татарскій алфавиты (удинскій яз. не имѣетъ своего собственнаго алфавита); все это причины, почему удины пренебрегаютъ своимъ роднымъ языкомъ, а, какъ извѣстно, пренебреженіе роднымъ языкомъ ведетъ обыкновенно къ его полному забвенію. Дѣти-удины, которыя учатся говорить на двухъ или трехъ языкахъ сразу, мѣшаютъ въ своей рѣчи различныя нарѣчія еще въ большей степени, чѣмъ взрослые. Въ виду всего этого, составленіе удинскаго словаря—вещь довольно щекотливая. Не знаешь, нужно ли ограничиться одними удинскими словами, или же ввести въ него также и слова татарскія, армянскія и персидскія. Въ первомъ случаѣ получится настолько ограниченныи по размѣрамъ словарь, что словъ не хватитъ на обозначеніе самыхъ обыденныхъ вещей. Во второмъ же случаѣ рискуешь, ограничиваясь даже словами, не имѣющими соответствующихъ удинскихъ, составить тѣ же татарскій или армянскій словари, съ разбросанными въ нихъ чужими словами, которыя-то и будутъ удинскими. Мнѣ показалось наиболѣе практичнымъ помѣстить въ мой словарь всѣ слова татарскаго или другого происхожденія, встрѣтившіяся во всѣхъ тѣхъ матеріалахъ (текстахъ и фразахъ), которыми я пользовался при изученіи языка*).

Существуетъ очень мало сочиненій, трактующихъ объ удинскомъ языкѣ.

1) Клапротъ, далъ нѣсколько фразъ и словъ въ своемъ

*) Кроме того, они полезны для изслѣдованія фонетическаго характера удинскаго же языка. Говорящій по-удински произноситъ встрѣчающіяся татарскія слова иначе, чѣмъ когда онъ же будетъ говорить по-татарски; онъ приравниваетъ ихъ къ природнымъ свойствамъ своего роднаго языка.

сочиненіи: „Beschreibung der Russischen Provinzen zwischen dem Kaspischen und Schwarzen Meere“ 1814.

2) Вторымъ, по времени своего появленія въ свѣтъ, произведеніемъ является книга или рукопись, озаглавленная: „Начальныя основанія грамматики на авганскомъ языкѣ, писанныя армянскими буквами“, 1842 г. (эта рукопись находится въ С.-Петербургѣ).

3) Рукопись, принадлежащая Национальной библиотекѣ въ Парижѣ (№ 66), подъ заглавіемъ: „Grammaire abrégée de la langue de la province d'Oudi dans la Grande Arménie, par Garabed Ghahramanian Authandiliants de Dachpoulal, écrite à la demande de Asdouadzadour Arouthiam, archevêque de Sanahine en 1842. Copié en décembre 1859 à Paris par Bannelier sur un exemplaire transcrit à Tiflis en 1848 par ordre du Vartabied Georges de Brousse“. (68 feuillets écrits d'un seul côté).

4) Въ 1863 г. Шифнеръ напечаталъ свой: „Versuch über die Sprache der Uden (въ Мемуарахъ“ С.-Петербургской Императорской Академіи Наукъ, VII серия, томъ VI, № 8). Мы поговоримъ объ этой книгѣ, которая есть единственное серьезное изслѣдованіе удинскаго языка *).

5) Въ своей книгѣ „Die Sprachen des kaukasischen Stammes“ (Wien 1895) В. von Erckert далъ 545 словъ и около 200 удинскихъ фразъ, къ которымъ онъ присоединилъ весьма краткій грамматическій очеркъ. Книга Эркерта произвела много шума и доставила ея автору похвалы всѣхъ тѣхъ, которые не знаютъ ни единого слова изъ многочисленныхъ кавказскихъ языковъ. Ошибки встрѣчаются очень часто, объясненія произношенія кавказскихъ языковъ часто непонятны и иногда совершенно невѣрны;

*) Краткій очеркъ удинскаго языка, извлеченный изъ сочиненія Шифнера, находится въ трудѣ Фр. Мюллера „Grundriss der Sprachwissenschaft“. III. Bd. II. Abtheilg p. 189 ss. (Вѣна 1895).

такъ, наприм., грузинское ѳ, согласно его объясненію—звукъ, немного болѣе твердый, чѣмъ англійское th въ словахъ through, throw. Ему, конечно, было невозможно избѣжать ошибокъ, принимая въ соображеніе то обстоятельство, что онъ писалъ свою книгу, живя за границей, но онъ, по крайней мѣрѣ, могъ бы не писать п вмѣсто р, и вмѣсто ц, d вмѣсто ф и т. д. Такія ошибки должны быть приписаны исключительно его невниманію въ транскрипціи матеріаловъ, доставленныхъ ему и написанныхъ русскими буквами.

Вотъ маленькій списокъ главныхъ ошибокъ, касающихся удинскаго языка.

віте вмѣсто віц 10.

сате „ саѣсе 11.

шетін имъ вм. шено онъ.

халқа „крючекъ“ вм. „вила“.

хінап вм. хінѣр дочь.

фруфрух вм. цоцурух волосы.

коша ноготь вм. каша палець.

ѳонрак вм. ѳонрак маленькій мѣшокъ.

еѳег вм. еѳел баранъ.

қас „ қаѳ ущелье.

нізаніза вм. пізапіза болото.

сјван вм. ѳејван животное.

сіпір чубуе вм. сѳмѳр чубух вдова.

шел адамарре=онъ хорошій человекъ вм. шел хорошій.

ѳаштун вм. ѳастун давать.

аѳіза-ажуг вм. аѳуѳ адсун мстить.

пепажесун „ неражесун спать.

чуржесун „ чурцесун стоять.

адесун вязать вм. аддесун (адесун=вонять).

хе ѳастун пить вм. ѳѳсун (хе ѳастун—напоить).

и т. д., и т. д.

6) У. Шопенъ издалъ списокъ удинскихъ словъ на стр. 483 своей книги „Новыя замѣтки на древнія исторіи Кавказа и его обитателей“. С.-Петербургъ, 1866 *).

7) Можно найти также матеріалы для ознакомленія съ удинскимъ языкомъ въ различныхъ армянскихъ газетахъ и журналахъ. Сборникъ матеріаловъ содержитъ также весьма цѣнные матеріалы по изученію языка и нравовъ удинъ. Нѣсколько текстовъ моей хрестоматіи заимствованы изъ этихъ источниковъ, а также и названія игръ и пр., которыя помѣщены Безановымъ въ XIV выпускѣ.

8) Еще назову матеріалы, не появившіеся въ печати: во-первыхъ, очень подробная грамматика г. Мнацаганіанца изъ Варташена (написанная на армянскомъ яз.) и удинскіе тексты, собранные редакціей Сборника матеріаловъ. Совсѣмъ недавно появился въ печати переводъ Евангелія (Сбор. мат. в. XXX, 1902), воспользоваться которымъ мнѣ не пришлось.

Вернемся теперь къ труду Шифнера. Если, съ одной стороны, нужно быть очень признательнымъ Шифнеру, ознакомившему насъ съ неизвѣстнымъ до него языкомъ, то, съ другой стороны, надо быть очень осторожнымъ по отношенію къ его словамъ, примѣрамъ и текстамъ. Шифнеръ не слышалъ языка, который онъ изучалъ, что, конечно, отозвалось на его словарь. Дѣйствительно, лексическая часть труда Шифнера очень слаба; она даетъ совершенно превратное понятіе объ удинскомъ языкѣ, въ виду довольно многочисленныхъ орфографическихъ и фонетическихъ ошибокъ. Шифнеръ очень часто смѣшиваетъ *ц*, *з* и *ц*; *ц*, *ч* и *ч*; *ц*, *ц*, *з*; *п* и *ц*, *т* и *т*, *н* и *х* и т. д. Затѣмъ у него слишкомъ много словъ, вовсе не существующихъ на удинскомъ

*) Надо упомянуть еще о книгѣ А. В. Старчевскаго: Кавказскій Толмачъ, въ которомъ авторъ напечаталъ нѣсколько сотенъ удинскихъ словъ и фразъ.

языкъ и встречающихся только въ этомъ словарѣ, пресловутенномъ вообще неологизмами. Правда, всѣ эти слова составлены совершенно правильно, но въ этомъ-то и заключается опасность для всякаго языка, въ которомъ образованіе новыхъ словъ происходитъ безъ всякихъ затрудненій; можно ихъ сочинять, сколько угодно, но въ дѣйствительности они не существуютъ. Никакой удинъ никогда не произносилъ слова міністрлуъ, находящагося въ трудѣ Шифнера, и ни въ Варташенѣ ни въ Нижѣ никогда не существовало всѣхъ тѣхъ ремеслъ, названія которыхъ даетъ Шифнеръ. Впрочемъ, послѣдшимъ прибавить, что Шифнеръ былъ просто неостороженъ въ переводѣ этихъ сочиненныхъ ad hoc словъ. Правда, что всѣ эти причастія, оканчивающіяся на бал, кал, суть nomina agentis, но они употребляются, хотя и часто, не въ томъ смыслѣ, который они приобрѣтаютъ въ нѣмецкомъ переводѣ. Шифнеръ перевелъ названіями ремеслъ занятія совершенно случайныя, которыя не имѣютъ ничего общаго съ ремесломъ. Напримѣръ: гомбало (причастіе настоящаго времени отъ гомбесун красить) переведено „красильщикъ“ — названіемъ ремесла, но есть ли красильщики въ Варташенѣ или въ Нижѣ? Слѣдовало бы перевести просто „который красить“. Возьмемъ другое слово: мугулчі въ переводѣ означаетъ „метельщикъ“, но у удинъ никогда не было метельщиковъ, а были только люди, которые подметають; всякій можетъ быть мугулчі, который беретъ метлу въ руки, но это еще не значитъ, что онъ метельщикъ. Еще примѣръ, показывающій лучше предидущихъ, какъ опасно переводить такъ, какъ это дѣлалъ Шифнеръ. Онъ переводитъ ізак удало (тогъ, который ѣстъ муравьево) муравьеѣдъ. Откуда Шифнеръ взялъ это слово? Удинамъ, которыхъ я спрашивалъ, это слово незнакомо, что впрочемъ вполне понятно, если подумать, что муравьеѣдъ — животное, живущее

въ южной Америкѣ. Цідикъ тадал (буквально—дающая грудь) переведено словомъ кормилица. Существуютъ ли кормилицы въ краѣ, гдѣ всякая женщина сама кормитъ своего ребенка? Запкал (второй таетъ, куритъ) переведено словомъ „курильщикъ“, но удинъ не пойметъ, если у него спросить: ун запкал-лу курильщикъ ли ты? *). Съ другой стороны, эти *nomina agentis*, т. е. эти причастія настоящ. вр. дѣйствительно очень часто употребляются, только ихъ не слѣдуетъ переводить, какъ это дѣлалъ Шифнеръ, и нѣтъ никакой надобности помѣщать ихъ въ словарь: достаточно указать на ихъ образованіе и употребленіе въ относящейся сюда части грамматики. Два слова, которыя я занимаю изъ разсказа „Ростомъ“ (см. Сборн. мат. т. VI, прилож.) намъ показываютъ, до чего можно дойти, если помѣстить эти *nomina agentis* въ словарь: *унаходбіцало* (правильное причастіе настоящаго времени) означаетъ— тотъ кто держитъ орубовое дерево, *хеучіцало*—поглощающій воду.

Но другія ошибки имѣютъ еще болѣе серьезный характеръ. Совершенно невѣрные и только приблизительно точные переводы встрѣчаются очень часто у Шифнера. Что сказать, на примѣръ, о переводѣ Шифнера слова *дінг* черезъ *цѣпъ*. Я видѣлъ это *дінг* въ Варташенѣ: это что-то въ родѣ валика, въ 30 или 40 сантиметровъ въ діаметрѣ, имѣющаго на концахъ зарубки, съ пропущенными чрезъ нихъ веревками, въ которыхъ впрягаютъ какое-нибудь животное, чтобы для молотбы тащить ихъ по разбросаннымъ снопамъ пшеницы или проса. Еще примѣръ: *хінарлуу*, *вічлуу* вовсе не означаютъ: дѣвственность, братство, но—дочь или брата по замужеству или женитбѣ; *цацлуу* (отъ *цац* колючка) вовсе не означаетъ—колючковатость, а—мѣсто, гдѣ много колючекъ.

*) Онъ подумаетъ, что хотятъ сказать: будешь ли ты таять, курить?

Это касается словаря. Не могу отозваться лучше и о текстахъ, приводимыхъ Шифнеромъ. Отдѣльныя фразы диалоговъ приблизительно удинскія, нѣсколько стиховъ совершенно удинскія (см., впрочемъ, нашу хрестоматию, гдѣ мы ихъ воспроизводимъ), но тексты въ прозѣ не принадлежать ни въ удинскому ни въ русскому яз., съ котораго они переведены. Они имѣютъ настолько мало сходства съ удинскимъ яз., что я не могъ продолжать по нимъ его изученіе съ моимъ первымъ учителемъ г. Согомоніанцемъ, родившимся и выросшимъ въ Варташенѣ, который ровно ничего не понималъ и принужденъ былъ попросить меня не заниматься больше по этимъ текстамъ. Это переводы, въ которыхъ встрѣчаются слова сочиненныя, русскія обороты рѣчи и даже русская грамматика, и въ которыхъ удинскаго только внѣшняя оболочка словъ. Я тщательно, поэтому, избѣгалъ подобныхъ матеріаловъ. Всѣ мои примѣры взяты или изъ фразъ обыденнаго разговорнаго языка или изъ удинскихъ текстовъ, т. е. сказокъ, пѣсенъ и т. п., сохранившихся еще и теперь среди удинъ и потому понятныхъ каждому изъ нихъ.

Нашъ словарь былъ провѣренъ три раза, два раза г. Согомоніанцемъ въ Тифлисѣ и одинъ разъ г. Мнацаганіанцемъ въ Варташенѣ; поэтому я могу быть увѣреннымъ въ совершенной точности транскрипціи и перевода. Всѣ трудныя слова были написаны г. Согомоніанцемъ армянскими буквами, что позволило мнѣ опредѣлить, насколько это возможно, различные гортанные звуки, переданные г. Согомоніанцемъ буквами и соединеніями буквъ: *т, т', ʈ, ʈ', ʈ', ʈ', ʈ', ʈ'*, и шипящія и свистящія, переданные черезъ: *ḡ, ḡ, ḡ, ḡ, ḡ, ḡ, ḡ, ḡ*. Само собою разумѣется, что мои учителя удинскаго языка не были всегда согласны относительно наилучшаго способа транскрипціи нѣкоторыхъ словъ, между прочимъ, напр., *kokla, qoqla,*

хохла—айцо и другихъ. Я не отмѣтилъ различій между h и ħ, которыя встрѣчаются у Шифнера, по той простой причинѣ, что она существуетъ только въ его словарѣ, но, съ другой стороны, я отмѣтилъ гортанный звукъ, похожій на арабское ʿ (хамзе), вездѣ, гдѣ я его слышалъ. Этотъ гортанный звукъ, правда, довольно слабый, встрѣчается во многихъ удинскихъ словахъ не только въ началѣ словъ, но даже и послѣ согласныхъ, но встрѣчается онъ въ удинскомъ языкѣ рѣже, чѣмъ въ другихъ кавказскихъ языкахъ, на примѣръ въ черкесскомъ или въ дагестанскихъ языкахъ. Между нѣмецкимъ словомъ *stein* и удинскимъ *mʹain* (черный) есть звуковая разница: безъ свойственной ему твердости въ произношеніи, удинское слово звучало бы почти совершенно такъ же, какъ и нѣмецкое. Г. Согомоніанцъ передавалъ это слово черезъ армянское *ը*. Такъ, онъ писалъ: *ըռւշ* дрова, дерево, а не *ռւշ*, *ըռւսսսսս* пить. (=ʿурусун), *ըրւղղ* орѣхъ и т. д.

Остается намъ связать еще нѣсколько словъ о родствѣ удинскаго языка съ другими кавказскими языками. Нельзя сомнѣваться въ томъ фактѣ, что онъ принадлежитъ въ юго-восточной группѣ дагестанскихъ языковъ. Мы укажемъ въ другомъ мѣстѣ на общія черты упомянутыхъ языковъ, пока же мы обозначили въ нашемъ словарѣ всѣ тѣ удинскія слова*), для которыхъ мы нашли родственныя слова.

*
**

Нарѣчіе, изслѣдованное въ этомъ трудѣ, принадлежитъ селенію Варташенъ. У меня еще недостаточно мате-

*) Я никогда не ссылался на Эркerta, но на Услара, Шифнера и Лопатинскаго. Другія свидѣнія взяты изъ моихъ замѣтокъ о нѣсколькихъ кавказскихъ языкахъ.

ріаловъ, чтобы заняться ниджскимъ нарѣчіемъ, которымъ я, впрочемъ, намѣренъ заняться впоследствии.

Что касается распредѣленія частей грамматическаго отдѣла моего труда, читатель будетъ, можетъ-быть, удивленъ тѣмъ, что грамматическій матеріалъ не распредѣленъ по частямъ рѣчи. У меня нѣсколько другая метода, которая, лучше чѣмъ какая-либо другая, позволяетъ указать на характерныя черты языка и лучше описать эти послѣднія. Морфологія большинства, если не всѣхъ, кавказскихъ языковъ, указываетъ намъ на серію морфологическихъ элементовъ, легко отдѣлимыхъ отъ элементовъ чисто лексическихъ, т. е. эти языки имѣютъ въ качествѣ грамматическихъ приемовъ только префиксы, суффиксы и инфиксы; это нарѣчія агглютинирующія (иногда полисинтетическія, какъ грузинскій по отношенію въ глаголу), и, подчеркнувъ эти составительные элементы, можно лучше видѣть ихъ грамматическій механизмъ, чѣмъ изучая эти языки также какъ санскритскій, греческій или латинскій. Имѣя цѣлью изученіе кавказскихъ языковъ, лучше описывать эти языки, чѣмъ писать о нихъ систематическіе своды, и потому слѣдуетъ приняться прежде всего за сравненіе этихъ грамматическихъ этюдовъ по различнымъ ідіомамъ, составляющимъ кавказскую семью языковъ, если мы хотимъ разрѣшить вопросъ первой важности: принадлежатъ ли кавказскіе языки дѣйствительно къ одной лингвистической группѣ? Когда этотъ вопросъ будетъ рѣшенъ, можно приступить въ другому, можетъ-быть, болѣе интересному и отерывающему намъ болѣе широкіе горизонты: имѣютъ ли или нѣтъ кавказскіе языки и нарѣчія лингвистическое родство съ другими большими семьями языковъ, уже намъ извѣстными?

Я долженъ выразить свою благодарность Его Превосходительству, г. попечителю Кавказскаго учебнаго округа,

М. Р. Завадскому, передавшему мнѣ нѣкоторые тексты; Л. Г. Лопатинскому, облегчившему мнѣ мои изысканія, и г.г. Согомоніанцу и Мнацаганіанцу, которымъ я особенно признателенъ за чрезвычайное усердіе, съ которымъ они знакомили меня съ удинскимъ языкомъ; послѣдняго я еще долженъ поблагодарить за гостепріимство, оказанное мнѣ во время моего пребыванія въ Варташенѣ.

А. М. Дирръ.

20 ноября 1908 г.
Тифлисъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе	I—XI.
О звуках удинскаго языка:	1—10.
§ 1. Азбука и произношеніе.	1— 3.
§ 2. Просодія. Удареніе.	3.
§ 3. I. Явленія благозвучія.	5— 8.
А. Выпаденіе гласныхъ.	5.
В. Перестановка звуковъ.	6.
С. Вставка.	6.
D. Уподобленіе.	6.
Е. Другія фонетическія явленія.	7.
F. Созвучіе гласныхъ.	8.
§ 3. II. Правописаніе.	9—10.
Образованіе словъ.	10—13.
§ 4. А. Слова, образовавшіяся черезъ составленіе.	10—11.
§ 5. В. Слова, образовавшіяся черезъ производство.	11—13.
1) Суффиксъ о.	11.
2) Суфф. чі.	11.
3) Суфф. лубъ.	12.
4) Суфф. ла, лу, ба, бу :	12.
5) Суфф. нутъ.	12.
6) а-вопросительное.	13.
7) Суфф. гаръ.	13.
8) Суфф. нці.	13.
9) Другіе составительные элементы.	13.
Грамматическіе элементы.	13—83.
§ 5. а. I. Склоненіе.	13—37.

1. Суфф. наі, неі, еі, і, ун. *Употребленіе родительнаго падежа.* 14.
2. Суфф. а, е, у, на, ну. *Употр. дат. пад.* 15.
3. Суфф. ах, ох, ех. *Употребл. вин. пад.* 16.
4. Суфф. н, он, ен. *Употребл. твор. пад.* 17.
5. Суфф. еңк. *Употребл. causativi.* 18.
6. Суфф. ал, ел. *Употребл. terminativi.* 19.
7. Суфф. ач. *Употребл. предельнаго пад.* 19.
8. Суфф. хо. *Употребл. ablativi.* 19.
9. Суфф. хол, холан. *Употр. союзнаго пад.* 20.
10. Суфф. ста, аста. *Употр. пад. нахожденія.* 20.
11. Суфф. іх. *Употребл. мѣстнаго пад.* 21.
12. Суфф. ур, ух, мух, урух, урмух, ор. *Употребл. множественнаго числа.* 21.

Примѣры склоненія. 23—28.

- 13a. Склоненіе именъ прилагательныхъ, числительныхъ, причастій и т. д. 28.
- 13b. Сравненіе 29.
14. Имена числительныхъ 29.
15. Склоненіе мѣстоименій. 30—36.
 - a. Мѣстоименія личныя. 31.
 - b. " притяжательныя 32.
 - c. " возвратное. 33.
 - d. " вопросительныя 33.
 - e. " указательныя 34.
 - f. " относительныя. 35.
 - g. " неопредѣленныя, отрицательныя и взаимныя. 36.

16. Послѣлоги. 37.

§ 5. а. II. Спряженіе. 38—68.

1. Мѣстоименные инфиксы, временные суфф. 38.
2. сун. 39.

3.	Простые и производные глаголы	39.
4.	Спеціальное употребленіе конечныхъ неопре- дѣленныхъ наклоненій	41.
5.	Употребленіе неопред. наклоненія	42.
6.	Второстепенныя неопред. наклоненія. ●	43.
7.	а, нан, ан.	45.
8.	ѣе, ѣenan, ѣен.	46.
9.	Спряженіе удинскихъ глаголовъ.	46.
10.	Корень и его измѣненія.	47.
11.	Мѣстоименныя инфиксы.	48.
12.	а Praesentis	52.
13.	і Imperfecti.	54.
14.	і Perfecti I.	55.
15.	е „ II.	57.
16.	і Plusquamperfecti.	57.
17.	о Futuri I.	58.
18.	Futurum II.	59.
19.	Сослагательное Praesentis	59.
20.	„ Imperfecti.	61.
21.	Условно-желательное.	61.
22.	Значеніе различныхъ временъ и наклоненій.	63.
23.	Образованіе причастій	68.
24.	Употребленіе „	71.
25.	Формы, происшедшія отъ причастій.	74.
26.	Отрицательный глаголь.	75.
27.	Страдательный залогъ	76.
28.	Неправильные глаголы	77.
29.	Неполные глаголы.	79.
30.	Управленіе глаголовъ падежами	80.
§ 6.	Частички.	81.

Т е к с т ы .

ДОПОЛНЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ.

- Стран. 5 стр. 2 сверху прибавить: Въ нѣкоторыхъ словахъ остался и (ассепт айгу), чего мы не успѣли исправить.
- „ 10 „ 4 и 5 снизу напечатано: аш; должно быть: ай.
- „ 11 „ 11 сверху „ § 5; „ „ § 4.
- „ — „ 8 снизу послѣ *въ* прибавить *нѣкоторыхъ* и послѣ *часы*—или *стоятъ отдѣльно*. Выноска *) относится къ слову *бурмшбесун* на стр. 10 ст. 4 снизу.
- „ 12 „ 13 сверху напеч.: братъ, сестра, невѣстка; должно быть: сводный братъ, сводная сестра, падчерица.
- „ — „ 1 снизу напеч.: *ѣс*; должно быть: *ѣдъ*.
- „ 13 „ 15 сверху „ нчі „ „ мці.
- „ 14 „ 1 „ послѣ *еі* прибавить *оі*; строчк. 4 сверху послѣ *неі* приб. *аі*, *еі*, *оі*.
- „ 15 „ 8 „ нап.: *сакохіб*; должно быть: *садохіб*.
- „ — № 7 вычеркни и пиши: Шифнеръ говоритъ, что имена числительныхъ порядковыя тождественны съ родительнымъ пад. числительныхъ количественныхъ, но теперь употребляются только формы на мці (см. стр. 30).
- „ 16 „ 3 сверху зачеркни *ѳалаг—ѳалагі*—въ *лѣсъ* и стр. 6 св. *‘аіз—‘аізі*—*село*, *деревня*; стр. 14—15 зачеркни *отъ: ѳаунці* до: *деревню*.
- „ 20 „ 10 „ напеч.: *шот*; должно быть: *тош*.
- „ 21 „ 16 „ послѣ пад. 2 приб.: см. стр. 100, в).

- Стр. 26 стр. 10 снизу зачеркни: хунчі сестра.
- „ 29 „ 4 „ нап.: ук и қоїсе; д. быть: ук и коїсе.
- „ — „ 5 „ „ қо; должно быть: ко.
- „ 31 „ 13 „ „ веңе „ ефеңе.
- „ 32 „ 5 сверху „ намъ „ мнѣ.
- „ 37 „ 4 „ „ ічі „ ічу.
- „ — „ 6 „ „ бач „ бач.
- „ — „ 3 снизу „ токмашина „ токмашина.
- „ 40 „ 5 сверху послѣ тесун приб.: тесун.
- „ 42 „ 1 „ „ тесун „ (десун).
- „ — „ 5 снизу вычеркни: бюринскомъ.
- „ 43 „ 16 сверху нап.: ні; должно быть: ну.
- „ 45 „ 2 „ „ hawai wáda „ hawai wáda.
- „ 51 „ 12 снизу „ чего хочетъ „ что дѣлаетъ.
- „ 52 „ 5 сверху послѣ десун приб.: есун (ісун) и въ слѣд. строчкѣ послѣ деса прибав.: еса (іса). Зачеркни въ первой *) выноскѣ слова отъ: и о до: ісун.
- „ 53 послѣ 20-ой строчки прибавь:
баісун входитъ: баізуса (баізуса), баікуса, баінеса;
лаісун подниматься: лаізуса, лаінуса, лаінеса;
ақесун удивляться: ақзусеса, ақнуеса, ақнеса;
ѳесун выходитъ: ѳезса, ѳенса, ѳенеса;
аізесун вставать: аізса (аізуса), аінуса, аінеса.
- „ 63 Выноска *): Шифнеръ правъ. Формы, данныя мною (бакеі уркеі и т. д.), не употребляются; „такъ говоритъ только А.“ сказалъ мнѣ г. Согомоніанцъ, когда мы съ нимъ просматривали еще разъ эти формы, сообщенныя мнѣ А.
- „ 72 стр. 17 сверху напеч.: чеңала; должно быть: ѳеңала.
- „ 73 „ 4 „ и 75 стр. 9 св. напеч.: Шаһзанами, должно быть: Шахсанами.
- „ 78 „ 11 снизу напеч.: дів; должно быть: гіз.

О звукахъ удинскаго языка.

§ I. Азбуна и произношеніе.

а, â, ä, б, в, w, г, ѳ, д, е, ж, ц, з, з, h, i, j, к, к, k, л, м, н, џ, о, ô, õ, п, ц, q, р, с, т, т, у, û, ý, ф, х, ц, џ, ч, џ, ш, щ, н.

Гласные а, у, і произносятся точно такъ же, какъ и въ русскомъ языкѣ. Гласные е и о произносятся какъ французскіе é и ó (au); õ и û соотвѣтствуютъ французскимъ гласнымъ u въ словѣ шуг и eu въ словѣ heugeux; ä произносится приблизительно какъ французское è или русское э; это—извѣстное татарское ä; â, ô и û занимаютъ среднее мѣсто—первое между а и ä, второе между о и õ, третье между у и û*); и произносится мягче русскаго и.

Примѣры: са одинъ, манда останся, пурі умеръ, ме этотъ, хінар дочь, бânарлұ фруктовый, ох гребешокъ, 'ошâ послѣ, гôлô очень, 'ук шесть, кърк шуба, qмзмл золото, улух зубъ, дâс урокъ, wân вы, чомôх дверь.

Замѣчаніе: Въ словахъ беицъ праздникъ, беицъ темнота и беишъ священникъ, звуекъ і произносится съ сильнымъ носовымъ отгвнкомъ.

*) Мнѣ казалось, что ä, ô и û (особенно ô и û) всегда сопровождаются весьма легкимъ гортаннымъ звукомъ.

Согласные можно группировать такъ:

п, ц,	б,	ф, в, w,
т, т̄,	д,	н, л, р,
к, к̄, q, k,	г,	х, h, б, б̄,
с, ш, ш̄,	з, ж,	
ц, ц̄, ч, ч̄,	з, ц,	
м, ц, j.		

Звуки п, б, т, д, к, ф, м, н, ц, р, с, ш, в, з, ж, ч, г, произносятся какъ русскіе звуки того же начертанія; напр.: пі кровь, баба отецъ, тат муха, дѣш грудь, гегер голубъ, фі вино, мано который, запсун курить, жомох ротъ, вахт время, шено онъ, ві твой, цірік до, кѣкѣи колѣно, рѣзі согласный, чѣмѣх дверь, чобан пастухъ, шават красивый, іч самъ, монор они, бесбесун убивать, шетін его, ман-десун оставаться, бош въ, бїрдѣн вдругъ, зу я, ун ты.

Изъ остальныхъ звуковъ ц, т̄, к̄ суть п, т, в съ при-дыханіемъ (груз. џ, џ̄, j, арм. *ϕ*, *ϕ̄*, *ϕ̄*): цоц волосъ, те не, қала большой; ц и з соотвѣтствуютъ сочетаніямъ дж и дз (груз. з, d, арм. *ջ*, *ծ*): цецер губа, зет оливковое масло; ч̄ и ц̄ суть ч и ц съ твердой рекурсіей при т (груз. *ჭ*, *ჭ̄*, арм. *ժ*, *ժ̄*): чѣ веревка, цї имя; q есть грузинское ж-рекурсія к сопровождается взрывомъ крѣпко закрытой го-лосовой щели: қарі сухой; k похоже на кх, но съ силь-нымъ придыханіемъ и хрипѣніемъ: кош позади; б (груз. *բ*, арм. *բ*): бар сынъ; h нѣмецкое h въ словѣ Haus: har каждый; х (груз. *ხ*, арм. *խ*): хе вода, ох гребешокъ; ш̄ есть тонкое ш (ш̄): ішу человекъ; л послѣ мягкихъ глас-ныхъ е, і, ѣ, ѓ произносится часто какъ французское l: ѓпіл хвостъ, 'нвѣл святой; w есть англійское w и встрѣ-чается только въ словѣ wѣн вы (и въ его косвен. паде-жахъ); ' есть легкій гортанный звукъ въ родѣ арабскаго *ع* (хамзе); онъ встрѣчается не только въ началѣ словъ, но и въ самомъ словѣ послѣ согласныхъ, и въ этомъ случаѣ онъ

придаетъ слѣдующему гласному болѣе гортанный характеръ; напр. м'елъ мышь, м'аинъ черный, п'а два. Въ началѣ словъ онъ исчезаетъ почти всегда въ живой рѣчи; говорятъ 'уф-сунъ пить; но: зу ф'и-зусса я пью вино.

§ 2. Просодія. Удареніе.

Въ удипскомъ языкѣ нѣтъ долгихъ и краткихъ гласныхъ; всѣ гласные имѣютъ приблизительно одинаковое значеніе: они всѣ средней продолжительности, скорѣе краткіе *). Въ предложеніяхъ вопросительныхъ послѣдній слогъ слова, къ которому относится вопросъ, произносится протяжнѣе. Это протяженіе послѣдняго слога чувствуется особенно въ мѣстоименіяхъ и вопросительныхъ частицахъ, которыя почти всегда принимаютъ вопросительный суффиксъ а; напр. м'аа-нъ таіса куда ты идешь? ека́-ну беса что ты дѣлаешь? енехъ ека́-зу во и потомъ что я скажу? тафенъ, бмфенъ, манде шелъ пойдѣмъ посмотримъ, какая лучше. Удареніе не такъ сильно, какъ въ другихъ языкахъ и почти всегда ставится на послѣднемъ слогѣ слова. Впрочемъ, это правило имѣетъ исключенія; вотъ самыя главныя:

1) Слова, въ составъ которыхъ входятъ указательныя частицы на, қа, те, ме, имѣютъ удареніе почти всегда на этихъ послѣднихъ, напр. нашоръ такимъ образомъ, метаръ (то же самое); тесаһатъ сейчасъ.

2) На коренномъ слогѣ имѣютъ глаголы обыкновенно удареніе въ неопредѣленномъ и повелительномъ наклоненіяхъ и въ нѣкоторыхъ временахъ изъявительнаго накл., если порядокъ различныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ слова, слѣдующій: 1) корень, 2) мѣстоименный элементъ, 3) временный. (Смотри объ этомъ § 5 а, II, 1), напр. цам-цесунъ писать, цамца пиши! цамцананъ, цамкен пишите, напишемъ, цамзуюко я напишу, цамзуце я написалъ.

*) Въ очень немногихъ случаяхъ, когда гласный произносится весьма коротко, мы ставимъ надъ нимъ знакъ краткости.

3) Когда порядокъ составныхъ элементовъ глагола измѣненъ, удареніе ставится, большею частью, на примѣтѣ времени, напр. бѣрсане (= бѣзнеса) онъ видитъ; есане (= енеса) онъ приходитъ; дамкѣлзу я буду писать; частица ес принудительнаго накл. (factitif-faire faire quelque chose) принимаетъ удареніе, напр. авѣстесун показывать (отъ авсун видѣть); причастія, оканчивающіяся на і и на а.і, имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ: дамці писанный, укал кушающій.

4) Удареніе не ставится никогда на нѣкоторыхъ словахъ и частицахъ, которыя соединяются такъ тѣсно со словомъ, имъ предшествующимъ, что ихъ нельзя разъединить въ письмѣ. Эти слова и частицы слѣдующія:

а) инфиксы-мѣстоименія (см. § 5, а, II, 1), которые употребляются при спряженіи глаголовъ, напр. зу 'аізі-з таіса я иду въ деревню; без бабан реірі гану-неі јагабе мой отецъ послалъ меня въ другое мѣсто; без вічі-не пуре мой братъ умеръ; поі сапса-н мандеса итакъ ты остаешься одинъ? зу без халікун куахо-з еса я иду изъ дома своего дяди; ека-дун беса какъ дѣлаютъ они?

б) частица те послѣ мѣстоименій, вопросительная частица а и частицы ал тоже, вена какъ, гена же, а, но, напр. шу-а қа ішу, манд-те арене кто этотъ человекъ, который пришелъ? зу-ал я тоже; іч-ббш-ал и въ немъ;

с) частица қан и, напр. фі-қан еқ вина и мяса;

д) суффиксъ о (см. § 5, В, 1).

Примѣчаніе. Частицы запретительныя и отрицательныя те, ну(т), ма имѣютъ всегда очень сильное удареніе, глаголь же, который слѣдуетъ за ними, почти лишень ударенія, напр. те-не бақо этого не будетъ, это невозможно; те-за аба я не знаю; фі ма-ува не пей вина; ма-бббѣца не кричи! зах чом'аін ну барканан не оставляйте меня печальнымъ (був. съ чернымъ лицомъ).

Примѣчаніе. Мы обозначаемъ слогъ, имѣющій удареніе, посредствомъ *accent grave*.

§ 3. I. Явленія благозвучія.

А. Выпаденіе гласныхъ. Выпаденіе нѣкоторыхъ гласныхъ можетъ происходить:

1) При образованіи сложныхъ словъ, какъ-то: қалбаба, қалнана дѣдъ, бабушка, вмѣсто қалабаба, қаланана, қалқала очень большой.

2) Въ неопредѣленномъ наклоненіи глаголовъ, оканчивающихся на тесун, десун, песун, цесун и т. д., которые часто теряютъ свое е, напр. харбіқсун вмѣсто харбіқесун, бѳрѳбсун вмѣсто бѳрѳбесун (ср. § 3, I, В, о перестановкахъ). Нѣкоторые глаголы потеряли половину своего неопредѣленнаго наклоненія; такимъ образомъ можно было бы объяснить, почему, напр., глаголъ запсун тащить спрягается какъ глаголъ, оканчивающійся на цесун.

3) Гласные мѣстоименій-инфиксовъ зу, ну, не, сокращаются очень часто въ спряженіи (гл. е изрѣдка выпадаетъ, какъ говоритъ Шифнеръ, „только въ сослагательномъ и условномъ наклоненіяхъ“). Напр. ‘о́незеха вмѣсто ‘о́незуеха я плачу, тандеса вь. танудеса ты даешь.

4) Звукъ е окончаній настоящаго времени на еха, кеса, еса и т. д., напр. ‘аітзуха вмѣсто ‘аітзуеха я говорю, фурунеха вь. фурунееха онъ гуляетъ; унекса вмѣсто унекса онъ кушаетъ.

5) Встрѣчаются также формы въ родѣ буақса вмѣсто бувақса ты хочешь, вѳаакса вмѣсто вѳанакса вы видите.

6) У въ послѣднемъ слогѣ и особенно въ суффиксахъ сокращается часто и замѣняется и, ѣ, напр. бурреқі уртесйнах она начала пряхъ (вин. пад. отъ уртесун пряхъ); чубѣѳох женщины, жены отъ чубух; арѣѳох вин. пад. отъ арух огонь.

Эти два послѣдніе примѣра показываютъ также, что х въ концѣ слова имѣетъ стремленіе превращаться въ ʒ (окончаніе ʒо косвенныхъ падежей должно быть не что иное, какъ это ух, перешедшее въ ʒо черезъ сокращеніе у и смягченіе х въ ʒ).

В. Перестановка звуковъ встрѣчается только въ глаголѣ. Есть нѣсколько неопредѣленныхъ наклоненій, въ которыхъ отъ выпаденія е произошла перестановка, какъ-то: ʒастун (ʒасдун) вмѣсто ʒадесун *), бостун вмѣсто ботесун и т. д. Въ спряженіи языкъ восстанавливаетъ иногда первоначальную форму, какъ въ словѣ зу ʒадеса я даю, но перестановка очень часто сохраняется, напр.: зу ʒогзусда я продаю, бонесда онъ рѣжетъ (что можно написать также ʒогзуста, бонеста и т. д.).

С. Вставка встрѣчается относительно рѣдко. У меня очень мало примѣровъ: і вставленное между корнемъ ба и окончаніемъ еха въ словѣ баіеха владеть въ (вмѣсто баеха).

Глаголы, въ которыхъ е выпадаетъ въ неопредѣленномъ накл., восстанавливаютъ это е въ сокращенной формѣ неопред. накл. (гдѣ окончаніе ун выпадаетъ); напр.: ʒашес вести, отъ ʒашшун (=ʒашесун); бірес брать отъ бірсун. Вставочное в встрѣчается между корнемъ и окончаніемъ нѣкоторыхъ глаголовъ, какъ-то: зеревкесун украшать (отъ зересун быть красивымъ), ʒевкесун вынуть отъ ʒесун выходить **) и иногда послѣ у, напр. ʒувѣ, кувѣ вм. ʒуѣ, куѣ (ср. § 5. I. 1, о выпаденіи і въ родительномъ падежѣ).

Д. Уподобленіе. 1) Инфиксы ну, не, потому окончанія родительнаго пад. на(і) и иногда л суффикса лу (но никогда, вопреки увѣренію Шифнера, инфиксъ нан) уподобля-

*) т измѣняется въ этомъ случаѣ въ д: ластун намазать вмѣсто ладесун, ʒастун, см. выше, а г—въ к: ʒіксун вм. ʒіксун.

**) Кажется, что посредствомъ этого е образуются глаголы дѣйствительнаго залога. Происхожденіе его мнѣ неизвѣстно. Ср. Шифнеръ, стр. 24. § 92.

ются предпествующимъ р, т, л, д, т̣, напр.: чур-ре-ха летить (вм. чур-неха), қар-ру-еха живешь (вм. қар-ну-еха), 'аіт-те-ха говорить (вм. 'аіт-не-ха), оцкал-лу-еха плывешь, купаешься (вм. оцкал-ну-еха); шел-ле хорошо (с'est bien) вм. шел-не; поно шават хінәр-ре она красивая дѣвочка (вм. хінәр-не); ход-даі род. пад. отъ ход дерево (вм. ход-наі), бул-лаі головѣ (вм. бул-наі); т̣ур-ра ногѣ (вм. т̣ур-на), азарру больной (вм. азар-лу).

2) Окончаніе сун неопредѣленнаго накл. свободно уподобляется предшествующему ш, ч̣, ч; говорятъ, напр.: т̣аш-шун вести (вм. т̣аш-сун), ечшун принести, вм. ечсун.

3) Здѣсь нужно также упомянуть о другихъ явленіяхъ уподобленія, аналогичныхъ съ тѣми, которыя наблюдаются въ большинствѣ языковъ, какъ-то: переходъ даннаго звука изъ одного разряда въ другой, отъ мягкихъ къ твердымъ. Такимъ образомъ: з инфикса-префикса уподобляется всегда, когда за нимъ слѣдуетъ с, ш: онъ переходитъ тогда въ с, ш; напр.: зу т̣ашшо я принесу вм. зу т̣а-з-шо, зу боссо я брошу вм. боз-со. Въ другихъ случаяхъ онъ переходитъ въ т; это происходитъ тогда, когда за нимъ слѣдуютъ т, ц̣, ч, ч̣, напр.: зу етчо (которое произносится зу ечшо) вм. зу е-з-чо я принесу; зу т̣атці я пошелъ вм. зу т̣а-з-ці. Что касается измѣненія д въ т мы уже говорили объ этомъ (см. В); ґ часто переходитъ въ х передъ твердыми согласными; поэтому слышится 'уґсун и 'ухсун пить, бмнеґса и бмнехса онъ видитъ.

Е. Другія фонетическія явленія. 1) Окончаніе е неопредѣленныхъ накл. на есун переходитъ въ і послѣ корня, оканчивающагося на гласный; напр.: т̣аісун итти вм. т̣аесун, лаісун вм. лаесун, баісун вм. баесун.

2) Ослабленіе гласныхъ вслѣдствіе измѣненія ударе-

*) Г. Согомоніанъ произносилъ з (≡зу) какъ ц передъ гортанными, напр. зу уцко я скажу (вм. зу у-з-ко).

нія. Глухіе гласныя особенно подвержены этимъ измѣненіямъ; при этихъ условіяхъ *ò*, *о* и *у* мѣняются въ *и*; напр.: *бѡрабсун* искать, но *бырабанан* ищите, *тунтун* насморкъ, но *тытна-з* бафте я схватилъ насморкъ, *пѡно*, *мѡно* онъ, она, но *шнѡр*, *мнѡр*, *штѡи*, *штѡн* и т. д.

Г. Созвучіе гласныхъ. Всѣмъ извѣстно фонетическое явленіе, такъ часто встрѣчающееся въ урало-алтайскихъ языкахъ, которое обыкновенно называютъ закономъ созвучія гласныхъ. Въ удинскомъ языкѣ подобныя явленія тоже встрѣчаются, но нужно замѣтить, что этотъ законъ проявляется такъ слабо и такъ рѣдко, что можно едва уловить эти его проявленія. Въ то время какъ большинство языковъ названной группы имѣютъ двѣ серіи флексивныхъ элементовъ, удинскій языкъ обладаетъ только одной, а законъ нашъ можетъ дѣйствовать только въ томъ случаѣ, когда въ окончаніи встрѣчаются *а*, *о*, или *у*, которые ослабляются иногда и переходятъ въ *ò*, *â*, *û* (и то только въ склоненіи), слѣдуя за словомъ, въ которыхъ преобладаютъ гласныя *â*, *â*, *е*, *і*, *ò*, *ò*, *û*, *û*.

Мы говоримъ *иногда*, потому что мы имѣемъ мало примѣровъ въ написанныхъ и отчасти уже напечатанныхъ уроженцами Варташена текстахъ, которыми мы воспользовались. Поэтому можно встрѣтить *): *кѣцелуѡахо* съ дѣтства, которое слѣдовало бы произносить и писать *кѣцелуѡахò*, если бы этотъ законъ созвучія проявлялся дѣйствительно; мы находимъ *чом-ол* въ дворцѣ, *чѣлѣгах* чилингъ (вин. пад.); *âлун* ребенка и *âлузо*, *нѣнарâ*, *охала* и *цешага*, *нѣнарах*.

Въ общемъ можно сказать, что удинскій языкъ подъ вліяніемъ татарскаго приближается къ созвучію гласныхъ, но что это созвучіе проявляется еще очень слабо.

*) Примѣры, взятые изъ сказки о Ростомѣ.

II. Правописаніе.

Можно, конечно, очень мало сказать о правописаніи языка, который пишется такъ, какъ произносится. Но придерживаться слишкомъ звукового принципа иногда неудобно, главнымъ образомъ, потому, что звуковой способъ письма часто затемняетъ происхождение, этимологию слова. Поэтому здѣсь слѣдуетъ поговорить о нѣкоторыхъ данныхъ, въ которыхъ мы впрочемъ вернемся еще въ этомъ трудѣ.

1) Противорѣчія между этимологіей слова и способомъ написанія. Здѣсь идетъ рѣчь о затрудненіяхъ, происходящихъ отъ уподобленія согласныхъ. Нѣсколько примѣровъ: неопредѣленное наклоненіе оканчивается на сун; с этого сун уподобляется предшествующимъ ч, ш, ѣ и переходитъ въ ш: еѣ-сун приносить, произносится: ечшун. Нужно ли его писать ечшун или ечсун или, какъ этого хотятъ другіе—етшун? Мы сочли нужнымъ сохранить этимологическое значеніе корня и фонетическое значеніе окончанія. Другой случай: мягкіе переходятъ въ твердые передъ твердыми согласными; напр. произносятъ цѣксун, которое слѣдовало бы писать цѣксун; поэтому причастіе прошедшаго времени этого глагола будетъ цѣгі. Съ другой стороны, звуки съ придыханіемъ теряютъ это придыханіе, когда непосредственно за ними слѣдуетъ согласный; поэтому произносятъ бѣбѣцсун кричать. Но этотъ глаголь совѣмъ не спрягается какъ глаголь, оканчивающійся на песун, но какъ глаголь—на цесун. Тутъ мы тоже предпочли писать, считаясь съ этимологіей.

2) Другой вопросъ заключается въ томъ, слѣдуетъ ли писать вмѣстѣ или отдѣльно различныя части, составляющія глаголь. Мы увидимъ дальше, что мѣстоименные инфиксы часто отдѣлены отъ глагола и присоединяются къ

другому слову фразы. Въ этомъ случаѣ колеблешься между двумя возможностями: писать ли все—глаголь и чуждое глаголу слово однимъ словомъ, или писать отдѣльно часть, составляющую собственно глаголь: зу цам-зу-це, напр. означаетъ —я написалъ; здѣсь второе зу—мѣстоименный инфиксъ, которое въ предложениі: я много писалъ сегодня, присоединится къ слову много: зу бе гѳлѳ-з цамце. Такъ какъ главное удареніе въ этой фразѣ падаетъ на гѳлѳ, то можно было бы написать: зу бе гѳлѳзцамце. Чтобы избѣгнуть недоразумѣній, я предпочелъ писать глаголь всегда отдѣльно и элементъ, отдѣленный отъ глагола, соединять со словомъ, къ которому оно относится, при помощи черточки (-). Но мы пишемъ какъ одно слово глаголы, гдѣ всѣ составные элементы налицо (см. § 5 а, II). Что касается сложныхъ глаголовъ 3-й категоріи (ср. § 5 а, II, 3), то почти безразлично писать ихъ какъ одно или какъ два слова.

Образованіе словъ.

§ 4. А. Слова, образовавшіяся черезъ составленіе.

1) Простое составленіе: қалбаба дѣдъ, қалнана бабушка отъ: қала большой и баба отецъ, нана мать. Сюда же относятся глаголы, происшедшіе или составленные при помощи первоначальныхъ глаголовъ: цесун говорить, бесун дѣлать, есун приходиться и десун, песун, тесун, кесун, хесун, қесун. Первоначальные глаголы, будучи очень рѣдки, образуютъ сложные глаголы изъ именъ существительныхъ, именъ прилагательныхъ, нарѣчій и глаголовъ. Напр.: аш-бесун работать (отъ аш работа, дѣло), бујурмишбесун приказать (отъ турецкаго глаг. бујурмақ), хурубсун разбить, разрѣзать (отъ хуру мелкій), 'аіцесун говорить (отъ 'аіц слово) и т. д. (ср. также § 5 а, II, 4, прим. 3).

2) Удвоение: а) первоначальное: **цецер** губа, **ціцік** сосокъ, **нана** мать, **баба** отецъ, **дамдам** утро, **б'мб'и** мостъ *);

б) удвоение слова съ выпадениемъ извѣстныхъ гласныхъ: **қалқала** очень большой, **хурхуру** очень мелкій;

в) глаголы, образовавшіеся при помощи удвоения: **кач-качцесун** разрѣзать, **разбивать**, **галгалдесун** трясти, **кур-курбесун** ласкать **).

3) Риемованныя слова и звукоподражательныя: **корі-морі** зигзагъ—зигзагомъ, **зрнцгзрнцгсдун** звонить, **чу'чусун** бормотать, **харт'аг-март'аг** горло, **'алам-қ'аллам** обманщикъ.

§ 5. В. Слова, образовавшіяся черезъ производство.

1) Суффиксъ **о**, присоединяясь къ нѣкоторымъ словамъ, служитъ для образованія именъ существительныхъ, напр.: **мандіо** остатокъ (отъ **манді** дѣлпр. прош. вр. отъ **мандесун** оставаться), **пуріо** мертвый, мертвецъ (отъ **пурі** умершій), **јаал са** **қеірі** **штуд** **ларіо** или другое похожее на него, **шело** **шендне**, **те...** лучшее (букв. доброе) было то, если, что..., **вахо са** **'уғало** тотъ, который разъ выпьетъ у тебя (т. е. твоей воды), **туріно** кто идетъ пѣшкомъ, **еқено** кто ѣздитъ верхомъ (твор. пад. отъ **тур** нога, **еқ** лошадь); онъ присоединяется также къ нѣкоторымъ мѣстоименіямъ, какъ: **һар** каждый, **һаро** каждый (шасун) и находится, вѣроятно, въ мѣстоименіяхъ **моно** онъ, **этотъ**, **шоно** онъ, **қано** это, **мано** кто, который (онъ, должно быть, также заключаться въ именахъ числительныхъ, когда они указываютъ часы: **саһадун** **сдо**-не теперь часъ, **п'до**-не два часа).

2) **Чи** (ср. турецк. **ç** ***) употребляется также какъ и турецк. **ç**: **арабачі** аробщикъ, **қафачі** (cafétier). Но всѣ

*) Эти сложныя, въ составъ которыхъ входитъ дѣлпр. частие прошедшаго времени тюрко-татарскихъ глаголовъ, не рѣдки въ удинскомъ языкѣ.

**) Большинство этихъ глаголовъ выражаютъ повторяющееся дѣйствіе

***) Происходитъ, можетъ-быть, отъ аварскаго **чи**=человѣкъ.

эти слова должны быть рассматриваемы как неологизмы; это не удинскія слова. Эта же замѣтка можетъ быть отнесена къ отвлеченнымъ словамъ, обанчивающимся на:

3) Луз, лүз (срав. съ турецкимъ *لنك*, *لن*); слова эти встрѣчаются въ большомъ количествѣ въ словарѣ Шифнера, но на дѣлѣ мало извѣстны удинамъ. Правда, что этотъ суффиксъ можно прибавить къ какому-угодно слову, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что удионецъ долженъ непременно понимать, что это новое слово означаетъ. Мы помѣстимъ въ нашемъ словарѣ только нѣсколько производныхъ словъ, имѣющихъ специальное значеніе, какъ-то: гәрәмзалүз владбище (отъ гәрәмзә могила), вичилүз, хунчилүз, хинәрлүз*) братъ, сестры, невѣстка; цацлүз мѣсто, гдѣ много колючихъ растений, татарлүз мѣсто обитаемое татарами, гдѣ господствуютъ татарскіе обычаи, магометанство.

4) Ла, лу, ба, бу образуютъ имена прилагательныя, показывающія составъ или принадлежность. По отношенію къ суффиксу лу можно повторить то, что было сказано о чі и луз: онъ взятъ изъ турецкаго (ср. *لوی*). Въ текстахъ, которые у меня подъ руками, я нашелъ мало примѣровъ; вотъ нѣкоторые изъ нихъ: бац турлү-не онъ имѣетъ сто ногъ (тур нога), бип 'амбу бурхох горы вокругъ (отъ бип 'ам четыре стороны: вокругъ), баһарлү цац фруктовъ садъ, зорлу сильный, крѣпкій (л не подобляется), азарру больной (л уподобляется), алалу высокій.

5) Нут отрицательное, служитъ также для образованія именъ прилагательныхъ и нарѣчій: баһарнутъ безъ плодовъ, адамар хорәгнутъ бусіхо, хенутъ хенезалубахо біо-не безъ ѣды, человекъ умретъ съ голода, безъ воды—отъ жажды.

*) Меня увѣрили нѣсколько разъ, что хинәрлүз не имѣетъ на удинскомъ языкѣ смысла, который ему приписалъ Шифнеръ, а именно: дѣятельность. Срав. грузинскій суффиксъ *ლუზ*.

6) А, какъ вопросительная частица. Мы о ней упоминаемъ потому, что она встрѣчается во многихъ мѣстоименіяхъ и нарѣчіяхъ, какъ-то: ёкара сколько? ма-а, маа гдѣ? ека какъ? что? шуа кто? шіа чей? ема сколько, манба шел который лучше (всѣхъ)? евахта когда? етар кокоц-а бу еф куа те қатар кокла-не лаеха! какая же у васъ бурица въ домѣ, которая несетъ подобныя яйца! етѣ хорак назирте-а почему же обѣдъ не готовъ? Частица эта сливается со словомъ и потому встрѣчается часто два раза въ одной фразѣ; это доказываетъ, какъ намъ кажется, что ея первоначальное значеніе уже не чувствуется: ме 'аізіх ема коц-а бу? сколько домовъ въ этомъ селеніи?

7) Гар служить для образованія нѣкоторыхъ нарѣчій: шелгар хорошо.

8) Нчі служить для образованія именъ числительныхъ порядковыхъ (ср. § 5. I. 1, употр. род. пад. 7).

9) Всѣ остальные составные элементы удинскаго языка принадлежать или къ элементамъ морфологическимъ, о которыхъ будемъ говорить въ главахъ о склоненіи и спряженіи, или къ элементамъ, доступнымъ только этимологическимъ изслѣдованіямъ и которымъ не мѣсто въ этой главѣ. Упомянемъ еще объ указательныхъ частичкахъ: һа, қа, те, те, которыя образуютъ мѣстоименія указательныя и выраженія, употребляющіяся какъ нарѣчія, какъ-то: һашор такимъ образомъ, тавъ, һақор (тоже самое), тесаһат сейчасъ, мѣлін отсюда, тѣлін оттуда и т. д.

Грамматическіе элементы.

§ 5. I. Склоненіе.

На удинскомъ языкѣ слова склоняются при помощи суффиксовъ. Вотъ эти суффиксы:

1. Наі, неі, еі, і, уи (ўн, ўп), ін, -н — суффиксы *родительнаго* падежа. Суффиксы наі, неі уподобляются предшествующимъ р, т, д, л (см. § 3, I, D); въ окончаніяхъ наі, неі часто выпадаетъ і; наі прибавляется преимущественно къ односложнымъ словамъ, оканчивающимся на согласный, какъ-то: бул—буллаі голова, тұр—тұрраі нога, ход—ходдаі дерево, ус—уснаі быкъ. Слова га мѣсто и зі день въ родительномъ падежѣ имѣютъ тоже наі, при чемъ і въ послѣднемъ переходитъ въ е: ганаі, бенаі; неі и еі прибавляются къ односложнымъ словамъ, оканчивающимся на гласный, и, кромѣ того, къ нѣкоторымъ двусложнымъ словамъ: хе—хенеі вода, шу—шунеі ночь, хә—хәеі собака, ійшу—ійеі мужъ, мужчина, хунчі—хунчеі сестра, вічі—вічеі братъ. (Шифнеръ упоминаетъ еще: еқ—еқеі лошадь, ус—усеі быкъ, 'у́ч—'у́чна медь, муз—музеі языкъ). Двусложныя и многосложныя слова принимаютъ суффиксы ун, ўн, особенно когда они оканчиваются на согласный: адамар—адамарун человекъ, біас—біасун вечеръ; нѣкоторыя двусложныя слова, оканчивающіяся на гласный, имѣютъ также ун въ родит. падежѣ: шу(в)е—шу(в)енун медвѣдь, насо—насонун туча, облако, ніко—ніконун мячъ (нужно обратить вниманіе на вставное н); но большинство изъ нихъ принимаютъ ін, і (а выпадаетъ передъ ін): нана—нанаі мать, баба—бабаі отецъ, тарна—тарнін печь, харі—харін мука, чәлі—чәлін (чәліун) рыба. Трехсложныя слова и нѣкоторыя односложныя имѣютъ также въ родительномъ падежѣ ін: араба—арабін арба, кәчәлі—кәчәлін огурецъ, коц—коцін домъ, тұр—тұрін (тұрраі) нога, ход—ходін (ходдаі) дерево. (О родительномъ пад. нѣкоторыхъ словъ, оканчивающихся на ул, и ихъ склоненіи вообще смотри далѣ примѣры склоненія).

Употребленіе родительнаго падежа.

- 1) Родительный опредѣлительный: халікун куахо изъ

дома дяди; зу тааса қала хунче куа я иду къ своей старшей сестрѣ (букв. въ домъ большой сестры).

2) Родительныя принадлежности: адамарі бунѣ у челоуѣа имѣется; безі буне у меня есть, я имѣю.

3) Родительный пад. употребляется для обозначенія времени и лѣтъ, и образуетъ нарѣчія времени: ме біасун сегодня вечеромъ; біасун вечеромъ; ішоун ночью; без хунчі сакохіб усепун-не моей сестрѣ 23 года; шенѡ біп хашна ајѣл-ле это четырехмѣсячное дитя; екеміа саһадун біботу приди въ четыре часа.

4) При большинствѣ послѣлоговъ (на удинск. яз. нѣтъ предлоговъ) ставится слово, къ которому они относятся, въ родительномъ надежѣ: арабін бош въ арбѣ; цаѣна беш передь садомъ; коѣн кош позади дома; вараі бахтін для мальчика; қін оѡа подь рукой (қін родит. пад. отъ қул рука), са коклін гапу вмѣсто одного яйца; хазалун лахо на листѣ.

5) Родительный пад. словъ, показывающихъ составъ, замѣняетъ имена прилагательныя, указывающія на составъ; эти послѣднія не существуютъ на удинскомъ языкѣ: гүмүшун зацгнух серебряный колокольчикъ (вин. пад.), дурутун деревянный.

6) Родительный пад. измѣняетъ нѣкоторыя послѣлоги и нарѣчія въ имена прилагательныя: беш передь, бешун раньшій, тогдашній, іса теперь, ісаун теперешній.

7) Съ суффиксомъ нці или нчі онъ образуетъ (по Шифнеру) имена числительныя порядковыя, напр. хібунчі, біпунчі третій, четвертый *).

2. А, е, у, на, ну—суффиксы *дательнаго* падежа. (Формы, оканчивающіяся на и уподобляются вонечно и

*) Я не увѣренъ въ томъ, что это дѣйствительно родит. пад. Суффиксъ нці заимствованъ у турецкаго яз., но дѣйствительный суффиксъ именъ числительныхъ въ татарскомъ яз. нці, а не нчі. Весьма возможно, что удинцы заимствовали этотъ суффиксъ, какъ онъ есть, и вставили у для благозвучія

употребляются обыкновенно, когда родительный падежъ ованчивається на на, наі): адам̄ар—адамара̄а человекѣ, х̄я—х̄аа собакѣ, јақ—јақа дорогѣ, на дорогу, ч̄ял̄аг—ч̄ял̄агі въ л̄ѣсѣ, фе—фе̄на дню, віч̄е брату, хунче сестрѣ, тула, род. пад. тулінен, дат. туліне охотничья собака; қур, род. қурраі, дат. қурра яма, 'аіз—'аізі село, деревня.

Употребленіе дательнаго падежа.

1) Косвенное дополнение на вопросъ кому? ставится, какъ обыкновенно въ дательномъ пад.: шетін т̄анеді Маріам̄а са... онъ далъ Маріи одно...

2) Приближеніе, направленіе къ чему-нибудь (это, пожалуй, наиболѣе частое употребленіе дат. падежа): јақа-не баіці онъ отправился въ путь; т̄ақунці ч̄ял̄агі они пошли въ л̄ѣсѣ; 'аізі-з т̄азса я иду въ деревню; Тіфліз̄а=Тіфлізун бош въ Тифлисѣ; са шув̄е-не бош баіці кӯа медв̄ѣдъ вошелъ въ домъ (дат. пад. отъ қоц̄ домъ).

3) Нарѣчія времени: вахтту в̄д-время, 1854 усена въ 1854 году, хібшамат ф̄ен̄а во вторникъ (это можетъ быть родительный падежъ).

4) Подлежащее слѣдующихъ глаголовъ всегда ставится въ дательномъ пад.: ақсун видѣть, ібақсун слышать, абабақсун знать, бақсун быть въ состояніи, буқун хотѣть, любить, қ'убсун бояться, оталбесун стыдиться.

3. Ах, ох, ех (іх)—суффиксы *внимательнаю* падежа, который часто принимаетъ и *).

Примѣры: ішу—ішех человекѣ, мужчина, вічі—вічех братъ, хін̄ар—хін̄ар̄ах дочь, арук—аркох огонь (см. ниже), д̄аг̄а—д̄аг̄инах изба, нав̄ѣс̄ь, хе—хенах вода, хунчі—хунчех сестра, д̄ас—д̄аснух урокъ, кок—ковех шея, қоц̄—куах домъ, ф̄і—ф̄еннах день, баба̄—бабах отецъ, нана—нанах мать, ус—уснах быкъ, нас̄о—насонах облако.

*) Когда есть и въ родительномъ падежѣ.

Употребленіе винительнаго надежа.

1) Прямое дополненіе дѣйствительнаго глагола ставится въ винительномъ пад. *): нанан тѣ-не сѡвмѣшбесаі Маріамъх мать не любила Маріи; қоѣан арабінахъ заѣнеці старикъ запрагъ арбу; ві дѣгінѣхъ тѣмнз еѣа держи твою избу чисто; пѣран бурреці уртесѣнахъ она снова принялась прясть; аѣа ме гѣмѣшун ѣаѣгнѣхъ возьми этотъ серебряный волоколь; арѣох (архѣх) ѣѣшна потуши огонь!

Примѣчаніе. Прямое дополненіе не ставится въ винительномъ пад., когда оно не опредѣлено: за шумъ тѣада дай мнѣ хлѣба; фі ма-ѣѣа; мѣѣанѣаѣ ѣѣа не пей вина, пей молоко; хѣа шумъ ма-тѣада не давай собакѣ хлѣба; са кіці бѣѣаѣса шумъ ѣѣаз я хочу кушать немного хлѣба; са кіці фі еѣшѣа принеси немножко вина **).

2) Винит. употребляется также послѣ другихъ глаголовъ, какъ, напр.: цесунъ говоритъ (кому?), тѣсдунъ дать (кому?), тѣисунъ итти (куда?), напр. ѣѣшѣа цѣне іѣ хінѣрахъ потомъ онъ сказалъ своей дочери; ѣа ѣаѣѣаѣенъ са ѣаѣѣѣз-не цамці, тѣанеді нахрѣін ѣарахъ этотъ царь написалъ письмо и далъ его сыну пастуха; зу Нежахъ тѣазса я иду въ Ниджъ; бѣѣаѣса наіса тѣаѣаз пуранъ баба ѣешагахъ я хочу сейчасъ вернуться къ ремеслу (моего) отца.

3) Сюда же относятся идиотизмы: бѣп ѣамехъ кругомъ, воеругъ, повсюду; нар ѣеннахъ каждый день.

*) Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда подлежащее въ *Instructivus* (см. ниже). Въ этомъ отношеніи удинскій языкъ сильно удалется отъ грузинскаго, (гдѣ прямое дополненіе всегда въ именительномъ пад., когда подлежащее въ *Instructivus* на 226) и отъ дагестанскихъ и другихъ кавказскихъ языковъ.

**) Шифнеръ ошибается, говоря (стр. 41, § 159), что послѣ повелительнаго наклоненія прямое дополненіе ставится въ именительномъ пад., ср. выше: ві дѣгінѣхъ тѣмнз еѣа и т. д. Всѣ другіе примѣры, данныя Шифнеромъ въ § 159 его научнаго изслѣдованія, могутъ быть подведены подъ правило, на которое мы только что указали. Г. Согомуніанцъ обратилъ мое вниманіе на то явленіе, что между зу азаке адамаръ и зу азаке адамарахъ, та же разниця, что и въ арм. яз. между: *Զս տնիկի եմ մարդ* и *ես տնիկի եմ մարդուհի*.

4. Н, ен, он—суффиксы *творительнаго падежа* (instrumentalis—у Шифнера instructivus): нана—нанан мать, қарван^о—қарванон старуха, м'ел—м'елен мышь, ажел—ажлен мальчикъ, Б'ухац^уз—Б'ухац^уз^{ен} Богъ.

Употребленіе творительнаго падежа.

1) Творительный падежъ означаетъ средство или орудіе: адмар^{ен} цулму^зон атуеса, іму^зон ітуба^зса, муз^{ін}, цецер^{ен} 'ац^теха глазами человекъ видитъ, ушами слышитъ (и) говоритъ языкомъ и губами.

2) Творительный падежъ указываетъ обыкновенно на того, кто дѣйствуетъ; вотъ почему подлежащее большинства дѣйствительныхъ глаголовъ ставится въ творительномъ падежѣ: қарван^{он} ціне старуха сказала; қо^{ан} арабін^{ах} за^неці старикъ запрягъ арбу; цачша^зен ціне біл^іціна^х царь сказалъ мудрецу; зар^{ен} бурре^і жа^д мальчикъ отправился въ путь; цачша^зун хін^{ар}ен-ал д^ус һ^овуз^{ун} то^бол-ле аре и принцесса подошла (букв. пришла) прямо въ фонтану (въ этомъ послѣдн. прим. instruct. употребленъ неправильно).

3) У Шифнера есть нѣсколько примѣровъ, указывающихъ на употребленіе творительнаго пад. въ клятвахъ: гергец^{он}! (клянусь) церковью (букв. церквами); Б'ухац^уз^{он} (клянусь) Богомъ!

4) При помощи творительнаго пад. образуются имена прилагательныя и нарѣчія: е^зен верхомъ (отъ е^з лошадь), ц^емен грязный (отъ ц^ем грязь), п'а^{ел}му^зон беременная (п'а=два, елму^з душа), о^зен грязный (о^зи грязь).

5. Ецъ, ецкена—суффиксы падежа, который отвѣчаетъ на вопросъ: для кого или чего? въ пользу кого или чего? (dativus commodi) (у Шифнера: causativus).

Употребленіе causativi.

Примѣры: адмар—адмарецъ, вічі—вічець, хунчі—хунчець, зу—зець для меня.

Формы съ еще довольно рѣдки; предпочитаютъ употреблять другой оборотъ (послѣлогъ бахтинъ съ родительн. пад.). Примѣры: мелан ічуѣне мѣл-дун акса тамъ они покупаютъ себѣ товары; са ажел бѣрабанан ѣдѣена найдите мѣл мальчика; қа гѣрѣмѣнахъ ѣдѣ-дун сербе эта могла сдѣлана для тебя.

6. Ал, ел—суффиксы падежа, выражающаго движеніе къ предмету, на которомъ оно должно остановиться (у Шифнера: *terminativus*).

Употребленіе terminativi.

Примѣры: еқал на лошади; 'узул на крышу; озамед на спину; 'оша пачшаф арреці еқал потомъ царь сѣлъ на лошади; ковоц ходал лѣинеце курица поднялась на дерево.

Послѣлогъ цѣривъ—до требуетъ этого падежа: Нохинѣхо Орташенѣл-цѣривъ ема верст-а бу отъ Нухи до Варташена сколько верстъ? ві куал-цѣривъ до твоего дома.

7. Ач—суффиксъ падежа, выражающаго движеніе къ предмету, по близости котораго оно должно остановиться (*падежъ предельный*) (у Шифнера: *allativus*).

Употребленіе предельнаго падежа.

Примѣры: очалач до земли, по направленію къ землѣ, шетуч къ нему, на него; охалбален тѣфангун жомѣх бохонеді шетуч охотникъ прицѣлился въ него (букв.: охотникъ направилъ ротъ ружья на него).

8. Хо—суффиксъ падежа отдѣляющаго (*ablativus* въ собств. смыслѣ): нана—нанахо, бірінц—бірінцахо просо, буса—бусіхо голодь, араба—арабінахо арба, га-ганухо мѣсто, вровать.

Употребленіе ablativi.

1) *Ablativus* выражаетъ удаленіе отъ мѣста, направленіе отъ чего-нибудь: бмѣ те очалахо са м'ел-ле чѣрі онъ видѣлъ, что изъ земли мышь вышла; м'елен дѣшѣвахо

ехнеі изъ (своей) дыры мышъ сказала; те анцаг бадоқи ара-бінахо ода ечѣс что они едва могли вынести (букв. спустить) (ея) съ арбы; бôqmôзохо пі не таіса изъ носа кровь течеть (букв. кровь идетъ).

2) Ablativus выражаетъ причину: бусіхо (умереть) отъ голода, 'отіхо отъ, со стыда.

3) Употребляется при сравненіи: ме ішу допа-не те ішехо этотъ человекъ старше того *).

4) При послѣлогахъ: 'оіа послѣ, бмш, беш передъ, шот внѣ, цок съ исключеніемъ **): са кіці вадінахо 'оіа послѣ нѣкотораго времени, са хашіхо 'оіа мѣсяць спустя, черезъ мѣсяць, шāhāрахо тош внѣ города, мучāнарахо воц съ исключеніемъ молока, вромѣ молока, урузін музехо цок вромѣ русскаго языка, непакесунахо беш прежде чѣмъ лечь спать... (беш требуетъ чаще родительнаго падежа).

9. Хол, холян—суфф. *союзнаго падежа* (comitativus Шифнера).

Употребленіе союзнаго падежа.

Примѣры: җар—җарахолан мальчикъ, съ мальчикомъ, хінарахол съ дѣвочкой, бабахол съ отцомъ; са допа ішу қар-рехесаі іч қарвандохолан старикъ жилъ со своей старухой; са шел җарахолан пѣсак-не бақи она вышла замужъ за хорошаго юношу; шетін 'алттеце удін музін зəхолан онъ говорилъ по-удински со мной.

10. Ста, аста, суффиксы падежа нахождения, переводятся черезъ *у, на, при* (у Шифнера: adessivus).

Употребленіе падежа нахождения.

Мнѣ извѣстно небольшое число примѣровъ: манді тəңгə заста-не остальные деньги находятся у меня; м'ел лəінеці

*) Этотъ способъ сравненія, можетъ-быть, заимствованъ отъ турецкаго языка.

**) Этотъ послѣлогъ употребляется чаще съ родительнымъ падежомъ.

Маріамі 'амел, шета імоѳоста ціне мышь поднялась на плечо Маріи и сказала ей на ухо; ѳа ашлѳх-ал шел ціс чіхаркестесун аперѳста-не это—отцу окончить это дѳло хорошо или съверно; баба увѳста буней те п'а хінѳрах ачѳсбаней отецъ желалъ (букв. имѳлъ на сердцѳ) удалить этихъ двухъ дѳвочевъ.

11. Іх—суффиксъ мѳстнаго падежа (locativus).

Употребленіе мѳстнаго падежа.

Этотъ падежъ употребляется очень рѳдко: ме 'аізіх еѳѳр коѳ-а бу сколько домовъ въ этой деревнѳ? кунціх въ углу, цаѳих въ саду, са адамарѳн фіѳрребса те дуніаніх п'аѳсе хачѳраз-не бу одинъ человекъ думалъ, что на свѳтѳ есть двѳнадцать религій. (Срав. тогихъ дѳрого, отъ тог цѳна). Весьма вѳроятно, этотъ locativus есть остатокъ древняго винительнаго падежа или наоборотъ. Ср. съ примѳрами, сообщенными выше: вин. пад. 2.

12. Ур, ух, мух, урух, урмух—суффиксы множественнаго числа.

Употребленіе множественнаго числа.

Два послѳдніе суффикса составлены изъ предыдущихъ суффиксовъ: ур и урух прибавляются, большею частью, въ односложнымъ словамъ, оканчивающимся на согласный, какъ-то: буш—бушур(ух) верблюдъ, ме—меур ножъ, еѳ—еѳурух лошадь, цаѳ—цаѳурух садъ, ход—ходурух дерево, ѳол—ѳолурух кустарникъ, јаѳ—јаѳурух дорога, цоѳ—цоѳурух волосъ. Ух прибавляется преимущественно въ словамъ двухсложнымъ и трехсложнымъ и въ односложнымъ, съ окончаніемъ на гласный: ѳеѳер—ѳеѳерух губа, сѳмбѳд—сѳмбѳдѳх волосъ, ціѳіг—ціѳігѳх цвѳтовъ, хѳ—хѳѳх собака, баба—бабаух отецъ.

Примѳчаніе 1. Передъ ух а переходитъ иногда въ і, напр. ѳачна тыква ѳачніух; звукъ у въ словахъ, оканчи-

вающихся на ух, выпадает или вѣрнѣе переходитъ въ ѣ очень краткое; наприм.: чубух—чубѣзох жена, женщина (чубох, чупох), бурух—бурѣхух=бурдох гора. У суффикса множественнаго числа ух переходитъ иногда въ о: чубох (см. выше), імхох уши (отъ імух). Мух употребляется довольно часто (Шифнеръ говоритъ на стр. 17, § 43, что это окончаніе числа собирательнаго): тұр—тұрмух нога, қул—қулмух рука, хінәр—хінәрмух дочь, бар—бармух мальчикъ, пул—пулмух глазъ, каша—кашімух палець, ці-цік—ціцікмух сосокъ.

Примѣчаніе 2. Ор—суффиксъ именительнаго падежа множеств. числа всѣхъ именъ существительныхъ, оканчивающихся на о (см. объ этомъ § 5, I). Этимъ объясняется множественное число: qeiriop другіе, шенор они, монор, қанор эти, тѣ, шелор хорошіе, которые Шифнеръ § 45 принимаетъ за неправильныя (abweichende) формы множественнаго числа. Это ор, вѣроятно, сокращенное оур*).

Косвенные падежи множественнаго числа наставляются на суффиксъ во (суффиксъ дательнаго падежа во множественномъ числѣ), который прибавляется къ словамъ, оканчивающимся на ур, какъ: меур ножи, меурвоі, меурво, меурвох и т. д.; всѣ остальные слова замѣняютъ просто х окончаніемъ во, причемъ у передъ в часто сокращается или выпадаетъ.

Чтобы облегчить изученіе склоненій на удинскомъ яз., мы приводимъ тутъ нѣсколько парадигм**):

1) Односложныя слова, кончающіяся на согласный: оқ лошадь, ай дѣло, бар мальчикъ, тұр нога, 'аіз селеніе, уш

*) Множественное число ішқармур люди, господа, қехур руки, пулмур глаза, приводимое Шифнеромъ въ § 45, оказались неизвѣстными знаками мѣт удинамъ.

***) Суффиксъ ахун кажется совершенно исчезъ изъ склоненія именъ существительныхъ. Я нашелъ только одинъ примѣръ: бенахун днемъ (отъ бї день); онъ часто употребляется послѣ причастій (см. § 24, с).

дерево (срубленное), дас урокъ, м'ел мышь, қоқ шея, јақ дорѡга, хаш луна, ход дерево, гѡг небо.

Единственное число.

Nom.	еқ	ащ	бар	тур	'aiz
Genit.	еқеі, еқнаі	ашнаі	барі	турраі	'aizun
Dat.	еқа—еқна	ашна	бара	тура	'aizi *)
Accus.	еқех	ашах **)	барах	турах	'aizax
Instr.	еқен	ашен	барен	турен	'aizen
Term.	еқал	ашал	барал	турал,-ел	'aizal
Caus.	еқеңк	ашеңк	бареңк	туреңк	'aizeңk
Ablat.	еқехо	ашахо	барахо	турахо	'aizaxo
Comit.	еқехол	ашахол	барахол	турахол	'aizaxol
Allat.	еқаџ	ашаџ	бараџ	тураџ	'aizaj
Adess.	еқаста	ашаста	бараста	тураста	'aizasta

Множественное число.

Nom.	еқурух	ашурух	бармух	турмух	'aiz(yr)ux
Genit.	еқурѡі	ашурѡі	бармуѡі ***)	турмуѡі	'aizѡі
Dat.	еқурѡ	ашурѡ	бармуѡ	турмуѡ	'aizѡ
Accus.	еқурѡх	ашурѡх	бармуѡх	турмуѡх	'aizѡх
Instr.	еқурѡн	ашурѡн	бармуѡн	турмуѡн	'aizѡн
Term.	еқурѡл	ашурѡл	бармуѡл	турмуѡл	'aizѡл
Caus.	еқурѡеңк	ашурѡеңк	бармуѡеңк	турмуѡеңк	'aizѡеңk
Ablat.	еқурѡахо	ашурѡахо	бармуѡахо	турмуѡахо	'aizѡахо
Comit.	еқурѡахол	ашурѡахол	бармуѡахол	турмуѡахол	'aizѡахол
Allat.	еқурѡаџ	ашурѡаџ	бармуѡаџ	турмуѡаџ	'aizѡаџ
Adess.	еқурѡаста	ашурѡаста	бармуѡаста	турмуѡаста	'aizѡаста

*) 'aizix въ деревнѣ.

**) Чаще всего: ашлах.

***) У здѣсь остается, какъ и въ другикъ словахъ, гдѣ его выпаденіе затруднило бы произношеніе.

Единственное число.

Nom.	уш	дас	м'ел	qоq	jaq
Genit.	ушнаі	даснаі	м'еллаі	qоqнаі	jaqнаі
Dat.	ушна	дасна	м'елла	qоqна	jaqна
Accus.	уш(н)ах	даснух	м'елух	qоqех	jaqах
Instr.	ушөн	дасен	м'елен	qоqен	jaqен
Term.	ушал	дасал	м'елел	qоqал	jaqал
Caus.	ушеңь	дасеңь	м'елеңь	qоqеңь	jaqеңь
Ablat.	ушахо	дасахо	м'елехо	qоqахо	jaqахо
Comit.	ушахол	дасахол	м'елехол	qоqахол	jaqахол
Allat.	ушаč	дасаč	м'елаč	qоqаč	jaqаč
Adess.	ушаста	дасаста	м'еласта	qоqаста	jaqаста

Множественное число.

Nom.	дасурух	м'елурух	qоqурух	jaqурух
Genit.	дасурьои	м'елурьои	qоqурьои	jaqурьои
Dat.	дасурьо	м'елурьо	qоqурьо	jaqурьо
Accus.	дасурьох	м'елурьох	qоqурьох	jaqурьох
Instr.	дасурьон	м'елурьон	qоqурьон	jaqурьон
Term.	дасурьал	м'елурьал	qоqурьал	jaqурьал
Caus.	дасурьеңь	м'елурьеңь	qоqурьеңь	jaqурьеңь
Ablat.	дасурьахо	м'елурьахо	qоqурьахо	jaqурьахо
Comit.	дасурьахол	м'елурьахол	qоqурьахол	jaqурьахол
Allat.	дасурьаč	м'елурьаč	qоqурьаč	jaqурьаč
Adess.	дасурьаста	м'елурьаста	qоqурьаста	jaqурьаста

Единственное число.

Nom.	хаш	ход	гбг
Genit.	хашнаі	ходін, ходдаі	гбгін
Dat.	хашна	хода	гбгна
Accus.	хашнух	ходах	гбгix (sic!)
Instr.	хашев	ходен	гбген

Term.	хашал	ходал	гбгал *)
Caus.	хашеңк	ходеңк	гбгеңк
Ablat.	хашіх	ходахо	гбгахо
Comit.	хашіхол	ходахол	гбгахол
Allat.	хашаџ	ходаџ	гбгаџ
Adess.	хашаста	ходаста	гбгаста

Множественное число.

хашурух	ходурух
хашурвоі	ходурвоі
хашурво и т. д.	ходурво и т. д.

2) Односложныя слова, оканчивающіяся на гласный:
хá собака, хе вода, ішү человекъ, бi день, фi вино.

Единственное число.

Nom.	хá	хе	ішү	бi	фi
Genit.	хáун, хáие	хенеі	ішеі	бен(н)аі	фііе
Dat.	хáа	хене	іше	бена	фіна
Accus.	хáах	хенах	ішех	бен(н)ах	фінах
Instr.	хáен	хеен	ішен	бенен	фінен
Term.	хáал	хеал	ішел	бенал	фінел
Caus.	хáеңк	хееңк	ішеңк	бенеңк	фіеңк
Ablat.	хáахо	хеахо	ішехо	бенахо	фінахо
Comit.	хáахол	хеахол	ішехол	бенахол	фінахол
Allat.	хáаџ	хеаџ	ішеџ	бенаџ	фінеџ
Adess.	хáаста	хеаста	ішеста	бенаста **)	фінеста

Множественное число.

хáуx	хеурух	ішіуx ***)	біуx	фіуруx
хáувоі	хеурвоі	ішівоі	біувоі	фіурвоі
хáуво	хеурво	ішіво	біуво	фіурво и т. д.

*) гбгнул на небѣ.

**) бенахун днемъ.

***) Въсто ішеуx.

3) Двух- и трехсложныя слова, оканчивающіяся на согласный: адамар человекъ, хінѣр дѣвочка, дочь, ажел мальчикъ, сынъ, очал земля.

Единственное число.

Nom.	адамар	хінѣр	ажел (аіел)	очал
Genit.	адамари	хінѣри	аілун	очаллаі
Dat.	адамара	хінѣра	аіла	очала
Accus.	адамарах	хінѣраx	аілах	очалах
Instr.	адамарен	хінѣрен	аілен	очален
Term.	адамарал	хінѣрал	аілал	очалал
Caus.	адамарецъ	хінѣрецъ	аілецъ	очалецъ
Ablat.	адамарахо	хінѣрахо	аілахо	очалахо
Comit.	адамарахол	хінѣрахол	аілахол	очалахол
Allat.	адамараѹ	хінѣраѹ	аілаѹ	очалаѹ
Adess.	адамараста	хінѣраста	аіласта	очаласта

Множественное число.

адамарух	хінѣрмух	аілух
адамарѳоі	хінѣрмуѳоі	аілоѳоі
адамарѳо	хінѣрмуѳо	аілоѳо

4) Двухсложныя слова, оканчивающіяся на гласный: шу(в)е медвѣдь, вічі братъ, хунчі сестра, баба отецъ, нана мать, кохла яйцо.

Единственное число.

Nom.	шуе	вічі	баба	нана	кохла
Genit.	шувун	вічеі	бабаі	нанаі	кохліп
Dat.	шуена	віче	баба	нана	кохліна
Accus.	шупах	вічех	бабах	напах	кохлах
Instr.	шупенен	вічен	бабан	нанан	кохлінен
Term.	шупенел	вічел	баба(а)л	нана(а)л	кохлал
Caus.	шупенецъ	вічецъ	бабацъ	нанацъ	кохлінецъ

Ablat.	шуенахо	вічехо	бабахо	панахо	Кохлінахо
Comit.	шуенахол	вічехол	бабахол	нанахол	Кохлінахол
Allat.	шуенач	вічеч	баба(а)ч	нана(а)ч	Кохлінач
Adess.	шуенаста	вічеста	бабаста	нанаста	Кохлінаста

Множественное число.

шуеух	вічімух	бабаіух	нанаіух	Кохліух
шуевої	вічімвої	бабаівої	нанаівої	Кохлівої
шуево	вічімво	бабаіво	нанаіво	Кохліво и т. д.

5) Слова, оканчивающіяся на ух: чубух жена, улух зубъ, імух ухо, бурух гора, арух огонь.

Единственное число.

Nom.	чубух	улух	імух	бурух	арух
Genit.	чубвої	улвої	ім(ў)вої	бур(ў)вої	арвої
Dat.	чубво	улво	імво	бур(ў)во	арво
Accus.	чубвох	улвох	імвох	бурвох	арвох
Instr.	чубвон	улвон	імвон	бурвон	арвон
Term.	чубвал	улвал	імвал	бурвал	арвал
Caus.	чубвець	улвець	імвець	бурвець	арвець
Ablat.	чубвахо	улвохо	імвохо	бурвахо	арвохо
Comit.	чубвахол	улвохол	імвохол	бурвахол	арвохол
Allat.	чубвач	улвач	імвач	бурвач	арвач
Adess.	чубваста	улваста	імваста	бурваста	арваста

Множественное число.

чубхух	улхух	імхух	бурхух
чубвої	улвої	імвої	бурвої
чубво	улво	імво	бурво и т. д. (Какъ въ

единственномъ числѣ *).

*) Формы, указанна Шиферомъ, не употребляются, за исключеніемъ именительнаго падежа. Г. Согомоніанцъ предпочитаетъ формы: чубхой, чубхо; улхой, улхо; імхой, імхо; бурхой, бурхо и т. д.

6) Болѣе или менѣе неправильныя слова: *қул рука* (бул земля прилагается для сравненія), *цул глазъ*, *бул голова*, *воц домъ*, *га мѣсто*, *кровать*.

Единственное число.

Nom.	кул	қул	цул	бул	воц	га
Genit.	вуллаі	қін	цін	бін	воцін	ганеі
Dat.	вула	қел	цел	бел	вуа	гану
Accus.	вулух	қех	цех	бех	вуах	ганух
Instr.	вулен	қулен	цулен	булен	воцен	ганен
Term.	кулал	қел	цел	бел	вуал	гала
Caus.	вулеңк	қулеңк	цулеңк	булеңк	воцеңк	ганеңк
Ablat.	вулахо	қехо	цехо	бехо	вуахо	ганахо
Comit.	вулахол	қехол	цехол	бехол	вуахол	ганахол
Iness.	вулач	—	—	—	вуач	ганач
Adess.	вуласта	қеста	цеста	беста	вуаста	—

Множественное число.

Nom. *қулурух, цулурух, булурух, воцурух, гаурух* *).

Склонение им. прилагательныхъ, числительныхъ и причастій.

13а. Всѣ эти элементы, которые мы только что изучили на предшествующихъ страницахъ, находятся также во всѣхъ другихъ склоняемыхъ словахъ **): именахъ прилагательныхъ, числительныхъ, причастіяхъ и др. Но въ нихъ родительный пад. оканчивается на таі, а не на наі, дательный на ту, и это т остается во всѣхъ падежахъ. Примѣры: дүрүсдтабош-ал мандес бақал тене нельзя тоже оставаться въ цѣлыхъ (т. е. домахъ, которые остались цѣлыми); цузабне тадо еқенту онъ дастъ отвѣтъ тѣмъ, кто верхомъ; жан ұжанкеса җанахун саһадун біботу мы объдаемъ каждый день въ четыре часа; бул ціцітухо оша послѣ того какъ разбросили землю (дѣепричастіе прош. врем. ціці разбросившій);

*) И такъ даѣе; правильны во множественномъ числѣ.

**) За исключеніемъ мѣстоименій, о которыхъ будетъ говорить отдѣльно.

шум қайтухо 'оша қачшагун зар баснекеса послѣ обѣда (букв. послѣ еушавшій) принцъ легъ...; шелін арітуха 'оша послѣ того какъ они прибыли оттуда (букв. послѣ пришедшій); без пурітохд 'оша послѣ моей смерти (пурі умершій); зѡм ма-ба, зѡмбітух-ал қам-ма-ба не учи (другихъ), (но если ты это дѣлаешь) учи, какъ слѣдуетъ (букв. не учи, ученія (дѣеприч. прош. вр. зѡмбі отъ зѡмбесун преподавать, учить) не уменьшай.

13b. Сравненіе. Для сравненія въ удинскомъ языкѣ нѣтъ спеціальныхъ формъ. Сравнительная или превосходная степени сравненія выражаются положительной степенью, передъ которой стоитъ или за которой слѣдуетъ ablativus сравниваемаго существительнаго; superlat. absol. выражается именемъ прилагательнымъ, передъ которымъ ставятся нѣкоторые частички, какъ-то: гѡлѡ очень, лац совсѣмъ. Примѣры: ме ход бохд-не тѣ ходахо это дерево выше того. (Это—оборотъ, заимствованный у турецкаго языка; ср. татарскую фразу: қизил гүміштән бәһа-др золото дороже серебра). Ме хінәр шават-те те хінәрахо эта дѣвочка красивѣ той; ві хасіат гѡлѡ ціс не у тебя очень свѣрный характеръ; ме ход алалу-не етәр бурух это дерево высоко какъ гора=ме ход бурух-кена алалу-не.

14. Имена числительныя.

1) Количественныя.

1 са	10 віц	19 вујѣце	51 п'ақосацсе
2 п'а	11 сацсе	20 қа	60 хібқо
3 хіб	12 п'ацсе	21 сақоса	70 хібқовіц
4 біп	13 хібѣцсе	22 сақоп'а	80 біпқо
5 қо	14 біпѣцсе	30 сақовіц	90 біпқовіц
6 ук	15 қдцсе	31 сақосацсе	100 бач, сабач
7 вуѡ	16 укецсе	40 п'ақо	200 п'абач
8 муѡ	17 вурецсе	41 п'ақоса	300 хіббач
9 вуі	18 мурецсе	50 п'ақовіц	1000 назар

Имена числительныя склоняются какъ имена прилагательныя.

Чтобы обозначить часы, числа принимаютъ суффиксъ о, оо и склоняются какъ другія слова на о:

При числительныхъ обыкновенно ставится существительное въ единственномъ числѣ, особенно когда стоящее послѣ нихъ существительное означаетъ предметъ неодушевленный; существительныя же, означающія одушевленные предметы, ставятся часто во множественномъ числѣ.

2) *Числительныя порядковыя* образуются черезъ прибавленіе суффикса который, не что иное, какъ татарскій суффиксъ мці, предшествуемый гл. у для благозвучія *): саумці, п'аумці, хібумці, біпумці, қоумці и т. д.

3) *Числительныя неопредѣленныя, собирательныя, повторительныя* (itératif): разъ=қаран, са қаран, п'а қаран разъ, два раза и т. д.; ален: п'ален оба, вдвоемъ, хібален всѣ трое, втроемъ и т. д.; саема н'эсколько, бутун всѣ, гѳлѳ много, ема сколько и т. д.

Примѣры: саһадун сдо-не, pdo-не, kдо-не (теперь)— часть, два часа, пять часовъ; саһадун хібота q'yo-не (теперь) $\frac{1}{2}$ 3 ч.; ахл-ле Орташевѳх Нежах далеко отъ Барташена до Ниджа? саговіцъ верст-кена банеко будетъ около 30 верстъ; зу вуеце усенун-зу миѣ 17 лѣтъ; ме хашнаі ема рі табу сколько дней въ этомъ мѣсяцѣ? беі буне бац тетір у меня 100 тетрадей; п'а хинѳрмозон цігун обѣ дѣвочки сказали, но въ этомъ самомъ текстѣ: п'а хинѳрахъ двухъ дѣвочекъ (вин. пад.). (Согласно правилу ставятся имена существительныя, обозначающія одушевленный предметъ, во множественномъ числѣ послѣ числительныхъ).

15. Склоненіе мѣстоименій.

Всѣ мѣстоименія склоняются по общему образцу. Есть впрочемъ нѣкоторыя неправильности.

*) Срав. § 5, I, 1, употр. род. пад. 7, и § 4, B, 8.

а. *Мъстоименія личныя* *).

Nom.	зу я	ун ты	шено, шоно онъ
Genit.	безі	ві	шетаі, шетуі, шмтаі
Dat.	за	ва	шету
Accus.	зах	вах	шетух
Instr.	зу	ун	шетін
Term.	зал	вал	шетул
Caus.	зець	вець	шетець
Ablat.	захо	вахо	шетухо
Comit.	захол	вахол	шетухол
Allat.	зач	вач	шетуч
Adess.	заста	васта	шетуста

Nom.	јан мы	wán вы	шонор, шенор, шинор они
Genit.	беіі	eфі, eфан	шетоѳоі, шитѳоі
Dat.	ја	wá	шетоѳо
Accus.	јах	wáx	шетоѳох
Instr.	јан	wán	шетоѳон
Term.	јал	wál	шетоѳол
Caus.	јець	вець	шетоѳоць
Ablat.	јахо	wáxó	шетоѳохо
Comit.	јахол	wáxól	шетоѳохол
Allat.	јач	wáč	шетоѳо́ч
Adess.	јаста	wáста	шетоѳо́ста

Примѣры: зу фі-з укса я пью вино; безі буне сару цоц у меня бѣлокурые волосы; баба, за тѣцгѣ тѣда отецъ, дай мнѣ деньги; екалѣв-ну захо хабарацса почему же ты меня спрашиваешь? шетін аітѣце удін музін захолан онъ говорилъ по-удински со мною; манді тѣцгѣ заста-не остальные деньги находятся у меня; ун захо 'ошѣ бақаллу цач-

*) Замятьте, что это употребляющіеся отдѣльно; мы изучимъ въ другомъ мѣстѣ формы, употребляющіяся при спряженіи.

шаб ты будешь царемъ послѣ меня; са ажел бмѣабанан зең-кена найдите мнѣ мальчика; зу вахо хабарзуагса я тебя спрашиваю; қатін бутуқса вах са ай укане онъ хочетъ сказать тебѣ что-нибудь; зу вал ларі я похожъ на тебя; шетін зең са тетір-ре ечша онъ намъ приноситъ тетрадь; хоішба шету проси его; шетоџо 'ошā потомъ, послѣ этого; шета бахтін потому что; јаал са қеірі шетул ларіо или другое похожее на него; јан гүрці-јан мы грузины; тақе јеңвена ечша шум-қан фі иди, принеси намъ вина и хлѣба; шено ја лазұм-не онъ намъ нуженъ; шетоџохол қефқунбеса они гуляютъ съ ними.

b. *Мѣстоименія притяжательныя.*

Это родительный падежъ мѣстоименій личныхъ: без(і) мой, ві твой, шетаі, шета его, свой, беіш(і) нашъ, еф(і) вашъ, шетоџо, шет(у)џо ихъ. Они не имѣютъ особой формы для множественнаго числа. Употребляясь отдѣльно, они склоняются какъ имена прилагательныя: безі мой, безітаі моего. Два третьихъ лица имѣютъ еще спеціальныя формы: ічітаі, ічуџо(н) *), которыя, судя по большинству примѣровъ, употребляются какъ латинскія рг. poss: suus, sua, suum.

Отъ қано этотъ и отъ ека что? образуются формы қаноҗаі „тотъ который принадлежитъ этому“ и екатаі чей, чья, чье (лат. cujus); ші (род. пад. отъ шу кто?) имѣеть тотъ же самый смыслъ какъ и екатаі.

Примѣры: безі хунчі қаррехеса Тіфлісә моя сестра живетъ въ Тифлисѣ; ві 'аіт сері тә-не ты не говоришь правды (букв. твое слово не вѣрное); шитаі хасіат гблō ціс-не у него очень северный характеръ; ма́-а еф воц гдѣ вашъ домъ? шено беіш һәкұмун баба-не онъ—отецъ нашего врача; ічуџо (лучше: шитоџо) імхох вацці онъ имъ отрѣзалъ уши (букв. онъ отрѣзалъ ихъ уши); ічуџон маллұх тоғқун-

*) Или просто іч, возвратное мѣстоименіе.

деса они продають свои товары; ме еқ безі-не, щено ефі эта лошадь моя, та ваша; ме коцурух шетуфоді-не эти дома— „ихніе“; шенд іч отавд-не онъ въ своей кѣмпатѣ; без куахо ві жуал цірів ішд-не недалеко отъ моего дома до твоего.

с. *Мѣстоименіе возвратное.*

Ед. ч. Nom. іч; Gen. іча, Dat. ічу; Acc. ічух; Instr. ічен; Abl. ічехо; Com. ічехол(ан); Casus. ічеңъ. Множ. ч. ічор(?); іч; ічоді, ічўдоді; ічзо; ічузох; ічзохо; ічзохолан; іч-зеңъ, ічзоеңъ.

Примѣры: шетін ічух хамнеха, шета бахтін те неі табу онъ чешется, потому что у него вши; іч лахо маці тѣд-не лацурді онъ насыпалъ на себя бѣлую пыль; ічен Маріамѣн-ал шум-не қеі и сама Марія ѳла (обѣдала); ічеп ічух ехнеі онъ себѣ самому говорилъ; Маріамін ученѣдх-ал ічхолан енечшо и онъ привезетъ съ собою кости Марін; мелан ічузеңъ мал-қун ақса тамъ они себѣ товары купили; шѣрқунбежі те менд-ал ічоді-не они думали, что этотъ тоже (одинъ) изъ нихъ.

д. *Мѣстоименія вопросительныя.*

1) Nom. шү кто? Gen. ші; Dat. шү; Acc. шүх; Abl. шүхо; Instr. шін; Term. шұл; Com. шүхол.

2) Nom. ека что? *) Gen. етай; Dat. ету; Acc. етух, Abl. етухо; Instr. етін; Term. етул; Com. етухол.

3) Nom. мано который? **) Gen. матаі; Dat. мату; Acc. матух; Instr. матін; Term. матул; Abl. матухо; Com. матухол. Множ. число: манор; матуоді; матузо; матузох; матузон; матузол; матузохо; матузохол.

*) Происходитъ, вѣроятно, отъ корня е. Конечное а—вопросительное (см. § 5, 6). Этотъ корень очень ясно замѣтенъ въ косвенныхъ падежахъ; онъ встрѣчается также въ нашихъ примѣрахъ въ значеніи: который, каковой, что за.

**) Корень ма, должно быть, тотъ же самый, что и ма въ ма-а, маа гдѣ.

Послѣ этихъ мѣстоименій ставится почти всегда во-просительное а (ср. § 5, 6).

Примѣры: *шӯ-а* ме *ишу* кто этотъ человекъ? *шї-а* қа бохо *бісі* ханчал чей этотъ старый и длинный винжалъ? *шї* еқ-а *таіса* чья лошадь идетъ тамъ? *шїн-а* бобоха кто кричить? ме *м'аін* *цұл-а* *шул-а* ларі на кого похожи эти черные глаза? ун *шухол-лу* мандеса съ кѣмъ ты остаешься? ека-н *калеха* что ты читаешь? зах *уца*, те *етін-ну* қархеса скажи мнѣ, чѣмъ ты живешь? етоход-а *пуре* отъ чего онъ умеръ? моно *ақнеса*, те *монд* е *аламат-а* онъ удивляется (спрашивая себя), что это значить? *манд* *куд-н* қархеса, те те ме въ которомъ домѣ ты живешь, въ томъ или въ этомъ?

е. *Мѣстоименія указательныя.*

Қа этотъ; отдѣльно: қано это, этотъ.

Nom.	қа	Множ. число:	қанор
Genit.	қатаі		
Dat.	қату		
Accus.	қатух		
Instr.	қатін		
Ablat.	қатухо		
Comit	қатухол	и т. д.	

Ме тотъ; отдѣльно: моно, мно.

Nom.	ме	Множ. число:	монор, мноор
Genit.	метай		метоғоі, мет(у)ғоі
Dat.	мета		метоғо, мет(у)ғо
Accus.	метух		мет(у)ғох
Instr.	метін		мет(у)ғон
Ablat.	метухо		метуғохо
Comit.	метухол		метуғохол.

Эти мѣстоименія слепяются только тогда, когда они

стоять отдѣльно; передъ своимъ существительнымъ они не измѣняются.

Встрѣчаются еще слѣдующія мѣстоименія: те тотъ, һаме тотъ, тема, мема столько. Корни всѣхъ этихъ мѣстоименій встрѣчаются, кромѣ того, въ нѣсколькихъ нарѣчiяхъ (expressions adverbiales), какъ-то: қалін оттуда, мелан, мена отсюда, телін тамъ, оттуда.

Примѣры *): қа қаламахъ тада ві віче дай это перо своему брату! қатін бұтуқса вах са аһ ұване онъ (букв. тотъ) хочетъ сказать тебѣ что-то; қатұх еғар-ру беса какъ ты дѣлаешь это? қата қобехъ ботанан рѣжьте ему шею (букв. шею этого), ме воц қала-не тотъ домъ большой; метухо пачшағен хабарреақса царь спрашиваетъ его; бмұен, мето-бұ(хо) ман-а шел посмотримъ, которая изъ нихъ лучше; қоца ішен ехне метух старикъ сказалъ ему; совдақарбо метубон те адокса, аққунса увидя ихъ, купцы удивились; тақунса бмұсан мон-а ех-а идутъ посмотрѣть, что это такое; метубохдл тақунса қеірі совдақарұх-ал съ ними идутъ и другіе купцы; гадінен ехне, те қанд ві борцъ те-не слуга говоритъ: это не твое дѣло; моно таңеса мелап онъ уходитъ оттуда; менан гергецал цірік са верст-те отсюда до церкви одна верста; һаме аітурбох цесхолан говоря эти слова; һаме вахта въ это время, въ этотъ моментъ.

f. Мѣстоименія относительныя.

Мано кто, тотъ кто, который (склоняется какъ мѣстоименіе вопросительное). Въ большинствѣ случаевъ, за нимъ слѣдуетъ прислоняющаяся частичка (particule enclitique) те (ср. § 2, 2), которая также можетъ быть отдѣлена.

Примѣры: ші-а қа бар, ман-те тіа ачнеха чей этотъ

*) Изъ этихъ примѣровъ можно заключить, что на удинскомъ языкѣ указательныя мѣстоименія часто замѣняютъ мѣстоименія личныя 3-го лица единствен. и множеств. чиселъ.

мальчикъ, который тамъ играетъ; шу-а қа ішу манд-те
 арене кто этотъ человекъ, который пришелъ? шу-а қа чу-
 бұх, матохолан-те ун 'аіттуце кто эта женщина, съ кото-
 рой ты говорилъ? маңо сұмбұл-те бүй-не (тв) колосья, ко-
 торые полные.

g. *Мѣстоименія неопредѣленные, отрицательныя и вза-
 имныя.*

1) Сун (отъ са одинъ) другъ друга; Dat. сунсуна;
 Acc. сунсунах; Abl. сунсунахо; Com. сунсунахолан; Темп.
 сунсунал.

2) Теса, қаса, меса другой, тотъ другой *). Склоня-
 ются по общему правилу:

Nom. теса	Acc. тесунтух
Gen. тесунтаі	Instr. { тесунтін тесоотін и т. д.
Dat. тесунту	

3) Пар каждый (отдѣльно харо), склоняется такъ: хар-
 таі, харту, хартух, хартін и т. д.; харса каждый.

4) Екал ничего (=екалте, екате), склоняется такъ:
 екалтаі, екалту, екалтух, екалтохо и т. д.

5) Шукал никто (=шукалте), манокалте ни одинъ,
 саце никто, ни одинъ.

6) Шубақаін кто бы то ни былъ, екабақаін чтобы то
 ни было, шукал кто-либо, екал что-либо.

Примѣры: жан 'аітјанеха удін музін сунсунахолан мы
 говоримъ по-удински другъ съ другомъ; бабан-қан нанан
 бөдунгі сунсуна чөел отецъ и мать смотрѣли въ лицо другъ
 другу; харсо сунсунахо шават-те однѣ красивѣе другихъ;
 зу вахо хабарзуақса, шета бахтінте екал те-за аба я тебя
 спрашиваю, потому что я ничего не знаю; қеірі екал тез
 харцебө кромѣ этого, я ничего не тратилъ; теса ішөн-ал

*) Букв. тотъ, этотъ одинъ.

іч баѣанел цац-не лаеха и другой человекъ владеть ключи на его спину; теса вена на слѣдующій день; хабар-реарса тесдотун онъ спрашиваетъ другого; сунта бі харц-ных тесунтин ічі те-не несаббеса другой не считаетъ от-носящимся къ себѣ (буев. для себя) расходъ перваго; та-неста харту чо-ук бач манаѣ онъ даетъ каждому 500—600 рублей; хартин іч-бахтин харцурух-не бса каждый со своей стороны (буев. для себя) тратитъ (деньги); шукала-ал ѳетубаѣо цес те... никто не можетъ говорить, что...

16. *Послѣлоги* (postpositions) и падежи, которыми они управляютъ.

Удинскій языкъ обладаетъ относительно очень обширнымъ склоненіемъ. Онъ нуждается въ очень небольшомъ количествѣ послѣлоговъ, замѣняющихъ предлоги нашихъ индо-европейскихъ языковъ. Слова, служація послѣлогами, суть часто не что иное, какъ нарѣчія или имена существительныя въ именительномъ или въ косвенныхъ падежахъ. Они требуютъ въ большинствѣ случаевъ родительнаго пад.; нѣкоторые изъ нихъ — производнаго пад. (ablativus), одинъ только — окончательнаго (terminativus). Самый послѣлогъ часто склоняется; въ этомъ случаѣ предполагается всегда движеніе отъ одного мѣста къ другому, и потому употребляется преимущественно производный падежъ (ablativus), оканчивающійся на ахо, или турецкій производный пад., оканчивающійся на тан.

Послѣлоги, требующіе:

а) родительнаго падежа: тоѳол къ, у, бахтин для, ради, бош въ, боштан черезъ, бел (отъ бул голова) на, беш, бшии передъ, кош за, позади, коштан изъ-за, бип ѳам во-кругъ, хотен на берегу, краю, тоѳен вдоль, оѳа подъ, оѳахо изъ-подъ, токмашина до, по направленію къ, бин, бехо надъ, черезъ, тош виѳ, тоштан извиѳ, лахо на, гану вмѣ-сто, ѳаѳі между, ѳаѳіхо изъ (находящихся) между;

b) окончательнаго (terminativus): цірік до;

c) ablativus: ала надъ, 'оша послѣ, тош внѣ, за, цок
кромѣ, тобохо передъ, мимо.

Примѣры: тахта одахо изъ-подъ дивана, арабин бош
въ арбѣ, чома кош за дверьми *), чома коштан изъ-за дверей,
воцурбо бмш передъ домами, са кохлін гану вмѣсто
одного яйца, казалун лахо на листѣ, ходін лахо на деревѣ,
ві бахтіп для тебя, ради тебя, ві тобол у тебя, въ
тебѣ, арбо тобол около огня, близъ огня, віц бенахо 'оша
10 дней спустя, урузін музехо цок кромѣ русскаго языка,
қала бїрбохо цок кромѣ большихъ постовъ, шаһарахо тош
внѣ города, коцін бел надъ домоу, на домѣ, ме чабал
цірік до этого срока, Орташенал цірік до Варташена, коцін
токмашіна въ дому, куахо ала надъ домоу, коцін бін
'ам вокругъ дома, коцін бін (бехо) черезъ (повыше) домъ
(über das Haus), куш коцін бел арці-не птица сидитъ на
домѣ, на крышѣ, менан геррецад-цірік са верст-те отсюда
до церкви одна верста, без тобол ефе приди ко мнѣ, арца
арбо тобол садись около огня, усенун бош ема хаш-а бу?
(сколько мѣсяцевъ въ году) сколько мѣсяцевъ имѣеть годъ?
чѣліух қарқунхеса хене бош рыбы живутъ въ водѣ, зу арез
шетофо тобо.І я пришелъ къ нимъ.

§ 5. а. II. Спряженіе.

1. Глаголы на удинскомъ языкѣ спрягаются при по-
мощи мѣстоименныхъ инфисовъ и временныхъ суффиксовъ,
при чемъ элементы, указывающіе на лицо, могутъ мѣнять
свое мѣсто, а элементы, указывающіе на время, неподвиж-
ны и ставятся всегда послѣ корня глагола. Напримѣръ:
зу дамзуко означаетъ: я буду писать, я напишу; здѣсь пер-
вое зу соотвѣтствуетъ нашему я, дам корень глагола, вто-

*) Встрѣчаются иногда послѣлоги, употребляющіеся съ существитель-
ными въ именительномъ падежѣ.

рое зу есть мѣстоименный инфиксъ, и ко выражаетъ будущее время названнаго глагола. Это второе зу (какъ и всѣ мѣстоименія инфиксы) не всегда находится на томъ мѣстѣ, которое оно занимаетъ въ приведенномъ примѣрѣ; оно можетъ стоять впереди глагола и соединяться со словомъ, стоящимъ передъ нимъ, какъ въ предлож.: зу тѣ-э цамко я не буду писать (э вмѣсто зу); его можно даже помѣстить совсѣмъ въ концѣ глагола, какъ это дѣлается въ сослагательномъ накл.: цамказ что бъ я писалъ. Объ этомъ пока довольно.

Теперь перейдемъ къ составнымъ элементамъ глагола.

2. Сун — окончаніе всѣхъ удинскихъ глаголовъ въ неопредѣленномъ наклоненіи, будь они первообразны или производны. Согл. с этого окончанія ставится иногда между корнемъ глагола и окончаніемъ неопредѣленнаго наклоненія глаголовъ производныхъ 1-й степени (см. ниже). Таковы: тасдун дать вм. та-де-сун, бостун рѣзать вм. бо-те-сун (ср. объ этомъ § 3, В). Въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, впрочемъ немногочисленныхъ, это с переходитъ въ ш; это бываетъ, когда корень глагола оканчивается на ш, ч, џ, какъ въ глаг. ташшун отнести вм. таш-сун, ечшун вести, принести вм. еч-сун и т. д.

3. Мы только-что упомянули о производныхъ глаголахъ. Это требуетъ объясненія. На удинскомъ языкѣ существуетъ три категоріи глаголовъ, а именно:

1-я) Простые глаголы, состоящіе изъ простаго корня и суффикса сун. Таковы: асун взять, брать, будсун хотѣть, бацсун быть, уцсун кушать, 'уцсун пить, бецсун видѣть, боссун бросать, ефсун держать и т. д. Эти глаголы представляютъ довольно любопытное явленіе: въ спряженіи ихъ корень раздѣляется на двѣ части мѣстоименными инфиксами, вставляющимися между конечнымъ гласнымъ и согласнымъ.

2-я) Глаголы, происшедшіе отъ первой степени. Это глаголы, состоящіе изъ корня, значеніе котораго доступно только этимологическому изслѣдованію, и изъ неопредѣленныхъ наклоненій, служащихъ окончаніями (infinitifs-terminaisons): есун, б(е)сун, ц(е)сун, п(е)сун, тесун, десун, весун, хесун, цесун.

Таковы: бацсун *) паливать, лацсун **) надѣвать, лаісун (вм. ла-есун) подниматься, таісун (вм. та-есун) ***) идти, ходить, тастун (вм. тадесун) давать.

Прим. 1. Эти элементы (корни) входятъ въ составъ нѣкоторыхъ глаголовъ 1-ой категоріи, напр.: ба-сацсун вдѣвать, втывать ****).

Прим. 2. Три изъ этихъ конечныхъ неопредѣленныхъ наклоненій имѣютъ самостоятельное значеніе, это: бесун дѣлать, цесун говорить и есун приходитъ *****).

3-я) Глаголы этой категоріи состоятъ изъ конечныхъ неопредѣленныхъ наклоненій съ самостоятельнымъ значеніемъ, о которыхъ мы только-что говорили (иногда также изъ глагола 1-ой категоріи), и изъ слова съ самостоятельнымъ значеніемъ. Это самая многочисленная категорія, и въ составъ относящихся сюда глаголовъ входятъ весьма разнообразныя слова (почти всѣ роды словъ). Вотъ примѣры *****).

1) Сложныя съ именами существительными: ай дѣло:

*) Ср. это ба съ locativ'омъ ба венгерскаго яз. и частичкою ба осетинскаго языка.

**) Ср. это ла съ ал terminativ'a.

***) Можно сравнить это та съ locativ'омъ венгерскаго яз., оканчивающимся на ott, t, ett?

****) Къ этой категоріи относятся также глаголы, образовавшіеся черезъ повтореніе и о которыхъ мы говорили въ § 4. 1, 2 и § 4. 8.

*****) Изъ этихъ глаголовъ цесун и есун неправильны, бесун принадлежитъ къ 1-ой категоріи (бе-сун).

*****) Тесун и десун, съ одной стороны, весун, хесун, цесун и бесун, песун, цесун съ другой, вѣроятно, простыя измѣненія двухъ или трехъ главныхъ форм: *тесун, бесун или *песун, *весун; цесун, впрочемъ, уже самостоятельный глаголъ.

айбесун работать, қуфул замбекъ: қуфуленбесун запираць (қуфул въ твор. пад.), 'аіџ слово: 'аіџесун говорить.

2) Съ прилагательными: хуру мелкій, крошечный: ху-рубсун (произн. хурупеун) измельчать, сері настоящий, вѣр-ный, серібесун дѣлать.

3) Съ нарѣчіями: оқасаџсун бросать внизъ (отъ оқа внизу), алалаісун подниматься (отъ ала наверху).

4) Съ не-удинскими глаголами (это всегда причастія турецкихъ глаголовъ): буџурмішбесун приказывать (отъ тур. буџурмак); но также съ удинскими глаголами, которые въ этомъ случаѣ теряютъ свой ун и вставляютъ е передъ с: апесбесун жарить отъ апсун согрѣвать (ср. § 3, С).

5) Съ междометіями: ваібесун стонать, испускать жалобные крики (отъ ваі горе мнѣ, увы!).

4. Употребленіе конечныхъ неопредѣленныхъ наклон. (infinitif-terminaison). Эти конечныя неопредѣленныя накл. не сливаются безразлично съ корнемъ глагола; они имѣютъ въ большинствѣ случаевъ специальную функцію. Глаголы, оканчивающіеся на есун напрімѣрь, суть глаголы средняго и страдательнаго залоговъ (также и глаголы, въ составъ которыхъ входитъ баџсун); глаголы, оканчивающіеся на песун, бесун, суть глаголы дѣйствительнаго залога; тесун и десун образуютъ глаголы принудительные (verbes factitifs) на удинскомъ яз., но которые въ переводѣ часто обозначаются глаголами дѣйствительнаго залога. Примѣры: гіресун собираться—гірбесун собирать; ахілбесун удалять—ахілбаџсун удаляться, ахшумџесун смѣяться—ахшумдесун смѣшить, аізесун вставать—аізаџсун будить, алабаџсун подниматься—алабесун поднимать, ачесун исчезать—ачесбесун терять, бадалбаџсун измѣниться—бадалбесун измѣнить, боссун бросать—босесун бросаться, быть брошеннымъ (страд. залогъ), ішабаџсун приближаться—ішабесун приближать, мацібсун бѣлить—мацібаџсун бѣлѣть.

Прим. 1. Тесун глаголовъ принудительныхъ (*factitifs*) присоединяется всегда къ основѣ неопредѣленнаго накл. *), напр.: уқсун кушать, уқестесун заставлять кушать=кормить, цумцесун сосать, цумцестесун кормить (грудного ребенка).

Прим. 2. Передъ окончаніемъ кесун часто встрѣчается вставное в **) (см. § 3, С).

Прим. 3. Многіе глаголы образуются при помощи именъ существительныхъ и одного изъ слѣдующихъ глаголовъ: ақсун взять, дуқсун ударять, тастун дать, садсун бросать, зақсун тянуть, біқсун хватать, схватить (ср. нашъ словарь и съ подобными же явленіями въ другихъ языкахъ, какъ-то персидскомъ и пр.).

5. *Употребленіе неопредѣленнаго наклоненія.* Можно сказать, что въ общемъ неопредѣленное накл. удинскаго языка соотвѣтствуетъ нашему неопредѣленному наклоненію. Встрѣчаются, впрочемъ, многочисленные случаи, когда наше неопредѣленное накл. передано формой сослагательнаго накл. или основой неопредѣленнаго накл. или неопр. накл., оканчивающимся на сан (см. § 6, 2). Удинское неопредѣленное накл. *склоняется*. Напр.:

а) Просто неопредѣленное накл.: уқсун буақса хочешь ѣсть? ма бобоца, јан бујақса баскесун не кричи: мы хотимъ спать, за бузақса ақсун іні ме я хочу купить новый ножикъ.

*) Эта основа не что иное, какъ неопредѣленное накл. глагола безъ оконч. *уи* со вставленнымъ *е* (конечно, если требуется вставной звукъ). Напр.: уқсун кушать—основа—уқес, цумцесун сосать: цумцес и т. д.

**) Это *е*, вѣроятно, старый, такъ сказать, окаменѣлый иѣстонженный элементъ. Какъ таковой онъ встрѣчается во многихъ дагестанскихъ языкахъ (аварскомъ, куринскомъ, хурклинскомъ, табасаранскомъ и т. д.) и указываетъ, если онъ входитъ въ составъ глагола, на грамм. родъ подлежащаго или дополненія. Удинскій языкъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ идиомовъ восточной группы кавказскихъ языковъ, и поэтому неудивительно, если въ немъ сохранились слѣды прежнихъ грамматическихъ родовъ.

в) Наше неопредѣл. накл. выраженное формой сослагательнаго накл.: қатін бұтуқса вах са ай ұкәне оңь хочеть сказать тебѣ (букв.: чтобъ оңь сказалъ) что-то; хойша шету ақанқі фі-қан еқ попроси его купить (чтобъ оңь купилъ) вина и мяса.

с) Неопред. наклоненіе—имя существительное: без тіа бақсун муз усен-ве я здѣсь 8 лѣтъ (букв. мое-здѣсь-быть); гѳлѳ айтцесунахо без бул-ле қаңдеха голова болитъ у меня отъ продолжительнаго разговора (букв. отъ-много-говорить), баскесунахо бмш прежде чѣмъ лечь спать (букв. передъ лечь), зу ақзаса ві портбесуна я удивляюсь твоему терпѣнію (букв. твоему терпѣть), цуран бурреқі уртесмнах она снова начала пряться, міа са п'а рї мандесунахо ош'а оставшись тамъ нѣсколько дней (букв. послѣ оставаться), ...те зу бақза гѳлѳ қѳм'агбесуна что я могу много помогать, балқі воц сербестесунун бахтіп-ні еха можетъ-быть, ты говоришь въ пользу постройки дома (букв. для сдѣлать).

6. Второстепенныя неопредѣл. накл. Я нашелъ четыре формы, происшедшія непосредственно отъ неопредѣленнаго накл., которыя исполняютъ ту же функцію, что и неопред. наклоненіе.

1) Неопредѣл. накл.—корень (infinitif radical) представляется собственно сокращеннымъ неопредѣл. наклоненіемъ. Чтобы образовать эту форму, отбрасываютъ ун въ первообразномъ (primitif) неопредѣленномъ наклоненіи и возстановляютъ въ конечномъ неопредѣленномъ накл. (infinitif terminaison) гл. е, выброшенный въ полной формѣ. Въ той формѣ неопредѣл. наклоненія, въ которой произошла перестановка, слѣдуетъ возстановить прежнее построеніе. Такимъ образомъ получается отъ оцвалцесун купаться: оцвалцес, отъ біқсун взять, схватить: біқес, отъ бѳвѳцсун кричать: бѳвѳцес, отъ қастун дать=қадесун, қадес. (Это неопредѣл. наклоненіе-корень (infinitif radical) склоняется).

2) Неопредѣленное накл., оканчивающееся на ан (оно выражает намѣреніе или цѣль), напр.: ақсан чтобы видѣть, біқсан чтобы схватить.

3) Неопредѣленное накл., оканчивающееся на ах—это винительный пад. коренного неопредѣл. накл. (infinitif radical) *), напр.: біқсах держать, айтқесах говорить.

4) Неопредѣленное наклон., оканчивающееся на сін, представляется мнѣ творительнымъ пад. (instrumentalis), имѣющимъ значеніе дѣепричастія.

Примѣры: въ 1) оцқалқес бәнеңо ме уқа можно купаться въ этой рѣкѣ? қа ғар бапесқолан қата қоқех бд-танап по прибытіи этого мальчика, перерѣжьте ему горло; амма саял тѣ-ту бақи м'елух біқес но онъ не могъ поймать мыши; амма ева-ту бақои бес но что она могла сдѣлать? амма қбтіқах ташес тѣқобақса но они не могутъ тащить бревна; шывала-ал тѣ-ту бақо цес те никто не можетъ сказать что....; гблб онепсахо, фіқірбесахо (букв. отъ много плавать и думать) потому что много плакали (и) думали; шејуррох тадесқолан ғарамза тесаһат буттеса послѣ того какъ передалъ (эти) вещи другому, могила закрылась; въ 2) гблб харқбесан тѣңға лазум бақалле нужно будетъ много денегъ на (эти) расходы; дамнун зу езво ві ақсан завтра я приду навѣстить тебя (букв. видѣть); аізері, тѣнеса фуруцсан дунјәні встаетъ и идетъ смотрѣть свѣтъ; са ема ғенахо 'оша тѣнеса базарах гадә біқсан нѣсколько дней спустя, онъ пошелъ на базаръ напаять слугу; тағен фуруцсан пойдемте гулять; въ 3) шынеб'уғ цақшағун ғарі тулінен бурреқса гблб бақсах въ полночь собака принца начала сильно лаять; бурреқса тесаһат іч бех тів біқсах, оставар оставар айтқесах онъ сейчасъ же началъ гордо (букв. прямо) держать свою голову и говорить высокимъ тономъ; бурреқса цақшағахол һбқатбесах онъ началъ ссориться съ царемъ; въ 4)

*) Или винительный пад. неопредѣл. наклоненія.

екан чурце лндесін чего ты стоишь, моргая глазами? пурап те бешун-кена ацубесін һаваі wáda-қун ачесбеса по дуясь (другъ на друга) какъ прежде, они напрасно теряютъ (свое) время; монор арі, чуресін бобáқунбеса ища вездѣ, они находятъ; бесъане, те ме ацдаһін бул тункурицсін тацне са қурру біті онъ видитъ, что голова этого чудовища пока- тившаяся, упала въ яму.

7. А, анап^{*}), еп—суффиксы *повелительнаго наклоненія*. Всѣ глаголы, за исключеніемъ неправильныхъ и оканчивающихся на ісун, есун, принимаютъ въ повелительномъ накл. слѣдующіе суффиксы: а для 2-го лица единств. числа; анап—2-го лица множ. числа; кен, еп—1-го лица множ. числа (см. о кен ниже).

1) Эти суффиксы ставятся просто вмѣсто окончаній есун копечныхъ неопредѣл. накл.: тесун, десун, цесун, хесун и т. д., и въ глаголахъ, кончающихся на сун, (шун) вмѣсто сун. Такимъ образомъ получаютъ слѣдующія формы: отъ цамцесун писать: цамца пиши, напиши! цампанан пишите! отъ бапсун достигать: бапа, бапанан! отъ уртесун прясть: ұрта, ұртанан, отъ мандесун оставаться: манда, манданан, отъ харцбесун тратить: харцба, харцбанан, отъ оцкесун мыть: оцка, оцканан, отъ бурцесун начинать: бурца, бурцанан, отъ қархесун жить: қарха, қарханан, отъ ечшун приносить: еча, ечанан и т. д.

2) Первое лицо множ. числа названныхъ глаголовъ принимаетъ кен только тогда, когда въ составъ глагола входятъ цесун или песун, теряющіе начальные согласные ц и п. Поэтому первое лицо множ. числа названныхъ глаголовъ будетъ: цамкен, бакен, уртен, манден, харцбен, оцкен, бурцен, қархен, ечен.

Примѣчаніе. Глаголы, въ которыхъ произошла пере-

^{*}) Это нам не что иное, какъ мѣстоименіе инфикса 2-го лица множественнаго числа.

становка, возстановляють прежнсе правильное построение; напр: тасдун дать: тада, таданан, таден; бостун рѣзать: бота, ботанан; тистун бѣгать: тѣта, тѣтанан.

8. Ке, қенан, қен—суффиксы глаголовъ на есун и ісун; напр.: баісун входитъ: баіке, баіқсанан, баіқен; лаісун подниматься: лаіке, лаіқенан, лаіқен; гіресун собираться: гірке, гірқенан, гірқен *); каіесун отворяться: каіке, каіқенан, каіқен; ақесун удивляться: ақеке, ақеқенан, ақебен (sic!)

Примѣчаніе. Неопред. навл. запретительное (prohibitif) образуется при помощи частички ма, на которую всегда падаетъ сильное ударение.

Примѣры: таке, жеңкена еча шум-қан фі иди, принеси намъ хлѣба и вина; ма лафта гәрәмзінах не трогай могилы (отъ лафтесун); за тада қа тетірах дай мнѣ эту книгу; хаа шум ма-таданан не давайте собакамъ хлѣба; ун са ча басақа ты опусти веревку (отъ басақсун); шета блкїнахо кул ечеста прикажи принести земли изъ его родины (отъ ечестесун); ақа тәнзінах возьми деньги (отъ ақсун); ма непахсеке, цамца не спи, ниши! (отъ непахесун, цамцесун); быбен, манд-а шел посмотримъ, которая лучше (всѣхъ) (отъ быбсун видѣть, смотрѣть); чурцанан стойте! фі ма ұба, мұчанақ ұба не пей вина, пей молоко (отъ ұбсун пить); ма бобоца не кричи (отъ бобоцсун); еке, без қехо біқа иди, держись за мою руку (отъ біқсун); табен (вм. тақен), тут уқен пойдемте, туты покушаемъ; еке, табен лашконах идемте на свадьбу (букв. иди, пойдемте); табен, тул башқен пойдемте, украдемъ винограда (отъ башқесун).

9. Спряженіе удинскихъ глаголовъ.

Во всякой формѣ удинскаго глагола находятся два или нѣсколько изъ слѣдующихъ элементовъ.

*) Вгоростеченныя формы: гирѣке, гирѣқепан, гирѣбен.

1) Корень глагола; 2) мѣстоименіе-инфиксъ; 3) временной суффиксъ; 4) суффиксъ, выражающій наклоненіе; 5) часть конечнаго неопредѣленнаго наклоненія (infinitif terminaison).

Обыкновенно эти элементы распределены въ слѣдующемъ порядкѣ:

1, 2 (5), 3, какъ въ настоящемъ, прошедшихъ и 1-мъ будущемъ временахъ.

1, 4, 2 (3), какъ въ сослагательномъ наклоненіи.

1, 4 (2), какъ въ повелительномъ наклоненіи.

1, 5, 4, какъ въ причастіяхъ.

Зу таса, напр., означаетъ: я иду; здѣсь та корень отъ таисун, з мѣстоименіе-инфиксъ, с часть конечнаго неопредѣл. накл. (infinitif terminaison) и а временной суффиксъ настоящаго времени; бізті я упалъ: бі=1, з=2, т=5, і=3; едѣлзу я приду: е=1, дѣл=4, зу=2; ұба пей: ұб=1, а=4; ұбал (дѣепричастіе наст. вр. отъ ұбсун пить)=уб=1, ал=4; цамці писанный: цам=1, ц=5, і=4; таці пошедшій: та=1, ці=4 и т. д.

Мы вернемся къ этому, когда будемъ говорить объ образованіи различныхъ времепъ и наклоненій; теперь изслѣдуемъ элементы, взятые отдѣльно.

10. Корень и его измѣненія. О корняхъ 2 и 3 категорій нечего говорить: въ спряженіи они не подвергаются никакимъ измѣненіямъ *). Корни же глаголовъ 1-ой категоріи представляютъ очень любопытное явленіе; они раздѣляются на двѣ части, чтобы принять мѣстоименіе-инфиксъ (по крайней мѣрѣ, это происходитъ въ нѣкоторыхъ временахъ и наклоненіяхъ). Возьмемъ, напр., глаголъ асун взять. Корень здѣсь будетъ ас, сун будетъ окончаніе неопредѣленнаго наклоненія. Но этотъ глаголъ вставляетъ мѣстоименіе-ин-

*) Какъ какъ глаголы есун, бесун и цесун неправильны, то мы поговоримъ о нихъ ниже.

фиксъ между а и q корня; поэтому свяжутъ а-не-q-са онъ беретъ. 1 2 1 53

То же происходитъ и съ другими глаголами этой категоріи:

е-не-ф-с-а	онъ держитъ	отъ ефсун
бо-не-с-с-а	онъ броситъ	» боссун
бі-не-q-с-а	онъ беретъ	» бісун
бм-не-з-с-а	онъ смотритъ	» бмсун
бо-не-х-с-а	онъ варитъ	» бохсун
ду-не-з-с-а	онъ ударяетъ	» дузсун.

Они спрягаются такъ, какъ если бы ихъ неопредѣленное накл. было е-фсун, бо есун, бі-ресун, бе-зесун и т. д. Можесть-быть, такъ и было раньше; но это вопросъ, который можесть быть разрѣшенъ только путемъ продолжительнаго изученія кавказскихъ языковъ.

11. Перейдемъ теперь къ мѣстоименнымъ инфиксамъ, которыхъ двѣ категоріи.

1) 1-е л. ед. ч. з(у)	} Употребляются въ большинствѣ глаголовъ, за исключеніемъ тѣхъ, о которыхъ мы поговоримъ въ 2.
2-е " " " н(у)	
3-е " " " не	
1-е " мн. ч. јан	
2-е " " " нап	
3-е " " " қун	
2) 1-е л. ед. ч. за	} Употребляются въ глаголахъ, требующихъ подлежащаго въ дательномъ падежѣ.
2-е " " " ва	
3-е " " " ту	
1-е " мн. ч. ја(н)	
2-е " " " wá(н)	
3-е " " " qo	

Примѣчаніе 1. Въ зу и ну выпадаетъ иногда у, въ јан и wán—н (ср. также § 3, А, 3).

Примѣчаніе 2. И въ ну и не, уподобляется предшествующимъ р, т, л, ʒ, д (см. § 3, D, 1).

Эти мѣстоименные инфиксы помѣщаются обыкновенно между корнемъ и другими элементами глагола (ср. выше 9), но очень часто они отдѣляются отъ глагола и присоединяются къ другимъ словамъ фразы, преимущественно къ вопросительнымъ, отрицательнымъ и запретительнымъ частямъ (part. prohibitives) и вообще къ словамъ, на которыя падаетъ логическое удареніе. Замѣтимъ еще, что формы первой категоріи имѣютъ еще и другое употребленіе: онѣ замѣняютъ настоящее время глагола *быть*: зу зу я есмь, уи ну ты еси, шено не онъ есть и т. д.

Образцы спряженій.

Цамцесун писать:

цѣм-зу-еха я пишу *), или цѣм-з-еха, или цѣм-зу-ха
 цѣм-ну-еха ты пишешь, цѣм-н-еха, цѣм-ну-ха
 цѣм-не-еха онъ пишетъ, цѣм-н-еха, цѣм-не-ха
 цѣм-ѣан-еха мы пишемъ
 цѣм-нан-еха вы пишете
 цѣм-қун-еха они пишутъ;

чурцесун стоять, ждать:

чур-зу-еха, чурзуха, чурзеха
 чур-ру-еха, чурруха
 чур-ре-еха, чурреха
 чур-ѣан-еха
 чур-нан-еха
 чур-қун-еха;

ʒаісун идти:

ʒа-з-са
 ʒа-н-са

*) Личныя мѣстоименія здѣсь пропущены.

та-не-са
та-јан-са
та-нан-са
та-қун-са;

ўйсун пить:

ў-з-в-еса
ў-н-в-еса
ў-не-в-са
ў-јан-в-еса
ў-нан-в-еса
ў-қун-в-еса.

Примѣры. (Напомнимъ читателю, что мѣстоименные инфиксы становятся прислоняющимися частицами (enclitique), когда они присоединяются къ другимъ словамъ; да же въ глаголѣ они не имѣютъ ударенія. Въ приводимыхъ примѣрахъ мы ихъ отдѣляемъ отъ глагола черточкою).

А. Инфиксы, слившіеся съ глаголомъ: адамарѣн дулмузѣн а-ту-в-са глазами человѣкъ видить; айлозѣн бѣзѣ-қун-еха дѣти кричатъ; зу ац-қ-еса *) ме тетірѣх я покупаю эти книги; қушурух цур-қун-еха птицы летаютъ, летать; вѣн ў-нан-в-еса фѣ вы пьете вино; зу а-за-в-са шават цақ я вижу прекрасный салъ; без хунчі қар-ре-х-еса Тифлізѣ моя сестра живетъ въ Тифлисѣ; қа адамарѣн тѣ-не-деса бѣсі тетірѣх этотъ человѣкъ продаетъ старыя книги; за гѣлб бу-за-қ-са без айлозѣх я очень люблю своихъ дѣтей; јан ац-јан-еха удѣн музѣн сунсунахолан мы говоримъ по-удински другъ съ другомъ.

В. Инфиксы, отдѣленные отъ глагольв **): зу фѣ-з ухса (ухса) ***) я пью вино; вѣ азалѣ-не еса сегодня дождѣ

*) Вм. азгеса, произношеніе г. Согомоніанца.

**) Мы подчеркиваемъ русское слово, которому соответствуетъ удинское слово съ мѣстоименнымъ инфиксомъ.

***) Произноси: фѣзухса.

идеть *); зу ре гѡло-зу цамце сегодня я *много* писалъ; удін музін еѣар-рун еха *какъ* называется (какъ говорятъ) (это по-удински? без бѡрмѡгѡхѡ пі-не еса *кровь* течеть (идеть) изъ моего носа; манд куа-н ѣархеса, те те ме въ которомъ *домъ* живешь, въ томъ или въ этомъ? ѣжена (=ижена) ѣж-не еса зимою *снѣгъ* идетъ; екалуз-ну зах хабараѣса *почему* ты меня спрашиваешь? ме ковоѣн шел кохла-не лахса эта вурица несетъ хорошія *яйца*; зу фі те-з ухса я не пью вина; ева-н калеха *что* ты читаешь? ван ма-а-нан таіса *куда* вы идете? ѣатух еѣар-ру беса *какъ* ты дѣлаешь это? зу шел-зу дас таде я далъ (ему) *хорошій* урѡвъ (я его проучилъ); ажел біеса-не дитя умираетъ; зу аізі-з таіса я иду въ *деревню*; ван евах-нан уѣса *когда* вы обѣдасте? таісун шу-ту бурса *кто* хочетъ идти? те, за чаі-за бурса нѣтъ, я хочу *чаю*; ева-ва бурса *что* ты хочешь? ѣж-жѡбул (букв.: зима-лѣто) аш-зу бе я цѣлмй годъ работалъ (аш дѣло); Нежах-зу таіса я иду въ *Инджъ*; сталиарен ме столѡх гѡло ѣашаѣг-не сербе столяръ очень *хорошо*, прекрасно сдѣлалъ этотъ столъ.

Примѣчаніе. Иногда выпускаютъ инфиксъ. Вотъ примѣры, мнѣ извѣстные **): ѣа ішен ек-а бесса чего хочетъ этотъ человекъ? евах-а писав-баѣе когда онъ женился? ши еѣ-а таіса чья лошадь идетъ? шу-а таіса кто идетъ? шу-а еса кто приходитъ? шін-а аѣса бей бахтін чѣлі-ѣан еѣ кто покупаетъ (купить) для насъ рыбу и мяса? ека тѡгдеса ме адамарен что продаетъ этотъ человекъ? шін-а бѡрѡха кто кричитъ? ві ці ек-а какъ зовутъ тебя (букв. что твое имя); Адолфі аш еѣар-а бмш таіса какъ двигается впередъ дѣло Адольфа?

*) Авала дождь, не-еса приходитъ.

***) Заимѣйте что во всѣхъ этихъ фразахъ встрѣчается вопросительное а.

Настоящее время изъявительнаго наклоненія.

12. а—характеръ настоящаго времени *). Онъ просто прибавляется къ глаголу, лишенному окончанія ун, т. е. конечные неопредѣленнаго накл. (infinitif terminaison) несун, бесун, тесун, весун, хесун, цесун преобразуются въ песа, беса, теса, веса, хеса и цеса. е часто выпадаетъ, и тогда с часто мѣняется мѣстомъ съ предшествующимъ звукомъ. (Мы уже говорили выше (см. 10) о глаголахъ 1-ой категоріи, которые дѣлятся на двѣ части, чтобы помѣстить инфиксы).

Примѣчаніе: Глаголы, оканчивающіеся на цесун, имѣютъ еха въ настоящемъ времени (и въ прошедшемъ несовершенномъ).

Мы получаемъ такимъ образомъ слѣдующія формы **):
отъ уртесун прѣсть: ўрзутеса, уррутеса, урретеса и т. д.;

„ мандесун оставаться: мѣнзудеса, маннудеса, маннедеса (манзуста, маннуста и т. д.);

отъ оцкесун мыть: оцзув(е)са, оцнув(е)са, оцнек(е)са;

„ қархесун жить: қарзух(е)са, қаррух(е)са, қаррех(е)са;

отъ бапсун достигать: базуп(е)са, бануп(е)са, банеп(е)са;

„ уцсун кушать: ўзкеса, ункеса, унек(е)са;

„ ечшун вести: єзусча, енусча, енесча (произносить: єзушча, енушча, енешча) или езчеса, енчеса, едунчеса;

отъ ефсун держать: єзуфса, енуфса, енефса;

„ чічшун вынуть: чізусча (произн. чізушча), чінусча, чінесча;

*) Мы будемъ говорить дальше о неправильныхъ глаголахъ и о глаголахъ, оканчивающихся на есун и ісун.

***) Смотри § 3, А, 2, 3, 4, 5 и В, о выпаденіи нѣкоторыхъ гласныхъ, перестановкѣ и возстановленіи первоначальной формы неопредѣленнаго накл. Это настоящее время на еха можетъ быть объяснено неправильностью настоящаго времени глагола цесун говорить, наст. вр. котораго гласить: енеха онъ говорить.

отъ ляхсун власть въ: лавхеса, ланух(е)са, ланех(е)са;
„ біцсун схватить: бізуцса, бінуцса, бінецса;
„ бафтесун входитъ: бафзуста, бафнуста, бафнеста;
„ уцестесун кормить: уцѣсзуста, уцѣснуста, уцѣснеста;
„ цогдесун продавать: цогзудеса, цогнудеса, цогне-
деса (или цогзуста, цогнуста вм. цогзусда...);

отъ хоішбесун просить: хоішзуб(е)са, хоішнуб(е)са,
хоішнеб(е)са;

отъ бурцесун начинать: бұрзуд(е)са, бурруд(е)са, бур-
реқ(е)са;

отъ ацсун брать: азудса, анудса, анецса и т. д.

Глаголы, оканчивающіеся на цесун:

отъ валцесун читать: вальзу(е)ха, валлу(е)ха, вальеха,
валжанеха, валанеха и т. д.;

отъ ѳнецсун плавать: ѳнезеха, ѳнен(у)ха, ѳненеха;

„ аіццесун говорить: аіцз(у)еха, аіцтуеха, аіцтеха;

„ шітцесун чесать: шітзуха, шіттуха, шіттеха;

„ запсун *) курить, тянуть: запзуха, заннуеха (зан-
нуха), запнеха;

отъ тапсун *) ударять: тапзуха, тапнуха, тапнеха.

Глаголы, требующіе подлежащаго въ дательномъ па-
дежѣ:

отъ авсун видѣть:

за авакса

ун (лучше: ва) авакса

шетін (лучше: шету) атукса

жан (лучше: ја) ајакса

wán (лучше: wá) awáкса

шетофон (лучше: шетофо) аоқкса

отъ ібацсун слышать:

за ізабацса

ун івабацса

шетін ітубацса

жан іјабацса

wán іwáбацса

шетофон іцобацса

Примѣчаніе. За исключеніемъ за личныя мѣстоименія,
предшествующія этимъ глаголамъ здѣсь не поставлены въ

*) Эти глаголы спрягаются, какъ бы они были: запцесун, тапцесун.

дательномъ падежѣ. Правило требуетъ, чтобы ихъ ставили въ дательномъ падежѣ, но обычай мало обращать вниманія на правило. Я написалъ настоящее время отъ аксун и ібақсун, какъ оно было мнѣ произведено. Примѣры, которые слѣдуютъ и которые позаимствованы изъ очень разнообразныхъ источниковъ, доказываютъ, что языкъ колеблется между творительнымъ, дательнымъ и иногда именительнымъ падежами: ун фі буақса хочешъ ли ты вина (Instr. или Nom.); зу гѣлѣ бұзақса безъ айлодох я очень люблю своихъ дѣтей (Nom. или Instr.); зу азақса шаватъ цақ я вижу прекрасный садъ; адамарѣн цулмузѣн атуқса глазами человѣкъ видитъ (Instr.); таісун бұдунқса (вм. бұдоқса) они хотятъ идти; таісун шұ-ту бұдса (Nom.) кто хочетъ идти? бабан таісун бұтуқса=бабаа таісун бұтуқса отецъ хочетъ идти *); қатін бұтуқса вах са ай уване онъ хочетъ сказать тебѣ что-то (Instr.); те зу бақза гѣлѣ қомығ бесуна я не могу много помочь (Nom. или Instr.); шувала-ал те-ту бақо цес нието не можетъ сказать (что)... (Dat.); цачшағун ғара гѣлѣ ме гадінах бутуқи принцъ очень любилъ этого слугу (Dat.); зу безъ гадінах гѣлѣ-за бұдса я очень люблю своего слугу (Nom.); сбвдѣрро шетуох те адоқса, ақдунеса увидя ихъ, купцы очень удивились (Dat.).

Прошедшее несовершенное время изъяв. накл.

13. і—характеръ прошедш. несовершеннаго **). Прошедшее несовершенное образуется изъ настоящаго посредствомъ присоединенія і.

Примѣры:

отъ ұрзутеса: ұрзутесаі я прятъ, уррутесаі, урретесаі;

*) У меня въ запискахъ: „бабан таісун бұтуқса лучше бабаа таісун бұтуқса“ (Согомоніанць).

**) Мы встречаемся съ этимъ і въ прошедшемъ совершенномъ и давно-прошедшемъ, а также въ прошедшемъ сослагательнаго накл. и въ условномъ-желательномъ.

- отъ мѣнзудеса: мѣнзудесаі я оставался, маннудесаі, ман-
недесаі;
„ қарзухеса: қарзух(е)саі я жиль, қаррухесаі, қаррехесаі;
„ ечзуса: ечзусаі (езчесаі) я вель, ечнусаі (енчесаі),
енечесаі;
„ арзуда: арзудаі я сидѣль, арруцаі, аррецаі;
„ калзуеха: калзуехаі я читаль, каллуехаі, каллехаі;
„ запзуеха: запз(у)есаі я тянулъ, запнуехаі, запнехаі;
„ ѡзакса: ѡзаксаі я видѣль, видалъ, аваксаі, атуксаі;
„ ізабақса: ізабақсаі я слышалъ, ізабақсаі, ітубақсаі;
и т. д.

Прошедшее совершенное время I изъяс. накл.

14. і—характеръ 1-го прошедшаго совершеннаго. Оно встрѣчается въ трехъ формахъ: і, (е)ці, (е)чі.

а) і. Первая, чаще всего употребляемая, присоединяется прямо къ согласному корню: бесун: бі; цесун: ці; тесун: ті; хесун: хі; десун: ді; қесун: қі и т. д. Мѣстоименные инфиксы прибавляются къ концу, если корень оканчивается на гласный, какъ въ бізу я сдѣлалъ, цізу я сказалъ. Въ другіе глаголы они вставляются какъ обыкновенно.

Примѣры:

бесун дѣлать: бізу, біну, біне, біжан, бінан, біқун;
цесун сказать: цізу, ціну, ціне, ціжан, цінан, ціқун;
цѣмцесун писать: цѣмцуці, цѣмнуці, цѣмнеці и т. д.;
бапсун достигать: базупі, банупі, банепі;
уртесун прясть: ұрзуті, урруті, урреті;
мандесун оставаться: мѣнзуді, мѣннуді, мѣннеді;
харцібесун тратить деньги: харцізубі, харцінубі, харцінебі;
бурцесун начинать: бұрзуқі, бурруқі, бурреқі;
қархесун жить: қарзухі, қаррухі, қаррехі;
арцесун сидѣть: арзуці, арруці, арреці;
бақсун быть, дѣлаться: базуқі, бануқі, банеқі;

бістун падать: бізті, бінуті, бінеті;
тастун дать: тазді, тан(у)ді, танеді;
басвесун лечь: басзукі, банукі, банекі;
охвесун причесывать: охзукі, охнукі, охнекі;
боџабесун находить: боџазубі, боџанубі, боџанебі;
қ'убесун бояться: қ'узабі, қ'увабі, қ'утубі;
уқестесун кормить: уқесзуті, уқеснуті, уқеснеті;
ақсун взять: азүқи, ануқи, анеқи;
аксун видѣть: азакі, анукі, анекі;
дузсун ударять: дүзві, дунві, дуневі;
буқсун любить: бузақи, бувақи, бутуқи.

b) ці, еді. Эту форму принимают глаголы, оканчивающиеся на есун (ісун) (глаголы страдательного залога и *verba media*):

таісун идти: тазці, тануці, танеці;
буқесун быть любимымъ: б'үзсуеці, буқнуеці, буқнеці;
валесун читаться: калзуеці, каллуеці, каллеці;
баісун входитъ: баізуці, баінуці, баінеці;
лаісун подниматься: лаізуці, лаінуці, лаінеці;
гіресун собираться: гірзуці, гірруці, гірреці;
каіесун открываться: каізуці, каінуці, каінеці;
ақесун удивляться: ақзеці (ақзуеці), ақнуеці, ақнеці;
бохесун кипятить: бохзуці, бохнуці, бохнеці.

c) рі, ері. Нѣкоторые глаголы, оканчивающиеся на сун и шун, принимают эту форму *):

есун приходитъ: арізу, аріну, аріне (чаще: арізу);
тістун б'ѣгать: тізтері, тінтері, тінетері;
ечшун приноситъ: ечерізу, ечеріну, ечеріне;
ташшун нести: тазшері (ташшері), танушері, танешері;
чесун выходитъ: черізу, черіну, черіне;
аівесун вставать: аізерізу, аізеріну, аізеріне;

*) Всѣ приведенные глаголы выражаютъ движение.

лаі́чесун поднімаць: лаі́чэрлзу, лаі́чэрлну, лаі́чэріне;
чі́чшун (чі́чсун) вынімаць: чі́зчэрі, чі́нчэрі, чі́нечэрі;
ці́сун пуськацца: ці́зці, ці́нрі, ці́нері (ці́рлзу, ці́рлну).

Прошедшее совершенное время II изъяв. накл.

15. е—характеръ 2-го прошедшаго совершеннаго. За-
мѣтная просто і 1-го прошедшаго совершеннаго звукомъ е
получается 2-ое прошедшее соверш. Все, что было сказано
объ образованіи 1-го прошедш., совершеннаго можетъ быть
отнесено и сюда.

Примѣры:

бесун дѣлать: бѣзу, бѣну, бене;
цесун сказать: цѣзу, цѣну, цене;
цамцесун писать: ца́мзуце, ца́мнуце, ца́мнеце;
харццесун тратить: ха́рцзубе, ха́рцнубе, ха́рцнебе;
бурцесун начинать: бу́рзуце, бу́рруце, бу́рреце;
таісун идти: та́зце, та́нце, та́неце;
калесун читаться: ка́лзуце, ка́ллуце, ка́ллеце;
ацесун удивляться: а́цзуце, а́цнуце, а́цнеце;
есун приходитъ: а́резу. а́рену, а́рене;
тістун бѣгать: ті́зтере, ті́нтере, ті́нетере;
чѣсун выходить: чѣ́резу, чѣ́рену, чѣ́рене.

Давнопрошедшее время изъяв. накл.

16. і—характеръ давнопрошедшаго. Прибавляя і къ
2-му прошедшему соверш. образуютъ давнопрошедшее:

отъ бѣзу я сдѣлалъ: бѣзуі, бѣнуі, бенеі, бејані, бенані, бѣдуні;
„ цѣзу я сказалъ: цѣзуі, цѣнуі, ценеі, цѣјані, цѣнані, цѣдуні;
„ ца́мзуце я написалъ: ца́мзуцеі, ца́мнуцеі, ца́мнецеі и т. д.;
„ ха́рцзубе я тратилъ: ха́рцзубеі, ха́рцнубеі, ха́рцнебеі;
„ бу́рзуце я началъ: бу́рзуцеі, бу́рруцеі, бу́ррецеі;
„ та́зце я пошелъ: та́зцеі, та́нуцеі, та́нецеі.

Будущее время I изъяв. накл.

17. о—характеръ 1-го будущаго. Замѣняя окончаніе сун (ссун) окончаніемъ о, получается 1-ое будущее. Это правило имѣетъ два исключенія:

1) Глаголы на цесун *), песун и тесун имѣютъ въ будущемъ ко.

2) Глаголы на ісун, есун въ будущемъ имѣютъ во **).

Примѣры:

бесун дѣлать: бѣзу, бѣну, бѣне, бојан, бонан, боѣун;

уѣсун пить: ѹѣо, уѣо, унеѣо и т. д.;

арцесун сидѣть: арцуо, арруцо, аррецо;

ечшун приносить: ечшо (=езчо), енчо, енечо;

ташшун вести: тащшо (=тащшо), тащшо, танешо;

уѣсун кушать: ѹѣо, уѣо, унеѣо.

баѣсун быть: баѣо, баѣо, банеѣо;

лахсун ставить, власть: лѣхко, ланхо, ланехо;

аксун видѣть: аѣво, авако, аѣуко;

біѣсун схватить: біѣо, бінѣо, бинеѣо;

цесун говорить: ѹѣо, унеѣо, унеѣо,

цѣмцесун писать: цѣмѣуко, цѣмѣуко, цѣмѣнеѣо;

баѣсун достигать: баѣуко, баѣуко, банеѣо;

заѣсун тянуть: заѣуко, заѣуко, заѣнеѣо;

таѣсун (=таѣсун) давать: таѣдо, таѣдо, таѣнеѣо;

уртесун прясть: ѹрѣуко, урруѣо, урреѣо;

манѣсун оставаться: маѣнудо, маѣнудо, маѣнеѣо;

харѣбесун тратить: харѣѣуко, харѣѣуко, харѣнеѣо;

оѣѣсун мыть: оѣѣуко, оѣѣуко, оѣѣнеѣо;

бурѣсун начинать: бурѣуко, бурруѣо, бурреѣо;

ѣархесун жить: ѣарѣуко, ѣарруѣо, ѣарреѣо;

ба-ісун входить: баіѣѣо, баіѣуко, баіѣнеѣо;

*) Отъ цесун говорить, 1-ое будущее будетъ: зу ѹѣо.

**) Отъ есун проходить, „ „ „ зу еѣѣо.

ла-ісун подниматься: л^аізѣо, л^аінуѣо, л^аінеѣо;
ѣ-есун выходить: ѣезѣо, ѣенуѣо, ѣенеѣо;
аіз-есун вставать: аізѣозу, аізѣону, аізѣоне;
гір-есун собираться: гірзѣуо, гірруѣо, гірреѣо;
каі-есун открываться: каізеѣо, каіну(е)ѣо, каінеѣо;
аѣесун удивляться: аѣзеѣо, аѣнуѣо, аѣнеѣо;
будесун быть любимымъ: будзѣуеѣо, будѣнуѣо, будѣнеѣо;
ѣа-ісун идти: ѣазѣо, ѣанѣо, ѣанеѣо.

Будущее время II изъясн. накл.

18. 2-ое будущее образуется при помощи причастія настоящего времени (см. ниже 23. 1), принимающаго мѣстоименные инфиксы.

Примѣры:

бесун дѣлать: б^алзу, баллу, балле, балѣан, балнан, балѣун;

уѣсун пить: уѣлзу, уѣаллу, уѣалле и т. д.;

ѣамѣесун писать: ѣамѣлзу, ѣамѣаллу, ѣамѣалле;

бапсун достигать: баклзу, бакаллу, бакалле;

уртесун прясть: урклзу, уркллу, урклле;

мандесун оставаться: мандлзу, мандаллу, мандалле;

бурѣесун начинать: бурѣлзу, бурѣаллу, бурѣалле;

баісун входить: баіѣлзу, баіѣаллу, баіѣалле;

арѣесун сидѣть: арѣлзу, арѣаллу, арѣалле;

ѣашшун (=ѣашсун) вести: ѣашлзу, ѣашаллу, ѣашалле.

Настоящее время сослагательнаго наклоненія.

19. Настоящее время сослагательнаго накл. образуется двумя способами:

1) Замѣной окончаній есун, сун окончаніями а, ка, ѣа, къ которымъ присоединяются мѣстоименные инфиксы: з, н, не, ѣан, нан, ѣун (з и н вмѣсто зу и ну).

2) При помощи частички ѣа, за которой слѣдуютъ тѣ

же мѣстоименные элементы *) и которая присоединяется къ причастию прошедшаго времени ованчивающагося на і (см. ниже 23. 2).

Примѣчанія: 1) У инфикса *ну* выпадаетъ.

2) аз, ан, ан прибавляются къ глаголамъ, ованчивающимся на бесун, десун, весун, цесун, хесун, сун;

баз, ван.... приставляются къ глаголамъ, ованчивающимся на цесун, песун, тесун;

ваз.... къ глаголамъ на ісун, есун.

3) 1-е лицо множ. числа повелительнаго накл. не что иное, какъ сокращенное 1-е лицо множ. числа Praes. Conjunct.

Мы получаемъ такимъ образомъ слѣдующія формы:

1-ое сослагательное наклоненіе:

бесун дѣлать: баз, бан, бѣне, бајан, бѣнан, бацун;

цамцесун писать: цамбаз, цамбан, цамбѣне и т. д.;

бацун достигать: бѣваз, бѣван, бѣване;

уртесун прѣсть: ѳрваз, ѳрван, ѳрване;

мандесун оставаться: мѣндаз, мѣндан, мѣндѣне;

харцбесун тратить: харцбаз, харцбан, харцбѣне;

оцкесун мыть: оцкѣаз, оцкѣан, оцкѣване;

бурцесун начинать: бѳрваз, бѳрван, бѳрване;

қархесун жить: қархаз, қархан, қархѣне;

арцесун сидѣть: арцаз, арцан, арцѣне (sic!);

ечшун (=ечсун) приносить: ечѣаз, ечѣан, ечѣване;

ташшун нести: ташаз, ташан, ташѣне;

уцсун кушать: ѳцаз, ѳцан, ѳцѣне;

баісун входить: бѣіваз, бѣіван, бѣіване;

лаісун подниматься: лѣіваз, лѣіван, лѣіване;

чесун выходить: чѣваз, чѣван, чѣване;

гіресун собираться: гірваз, гірван, гірване;

*) Не (инф. 3-го лица) сокращается въ н.

каіесун отерываться: каіѣаз, каіѣан, каіѣане;
ақесун удивляться: ақеѣаз *), ақеѣан, ақеѣане.

2-ое сослагательное наклонение:

бесун: қазбі, қанбі, қанбі, қажанбі, қананбі, қақунбі;
уртесун: ұрқазті, урқанті, урқанті и т. д.;
мандесун: мандазді, манқанді, манқанді;
харцбесун: харцқазбі, харцқанбі, харцқанбі;
оцкесун: оцқазкі, оцқанкі, оцқанкі;
бурцесун: бұрқазқи, бурқанқи, бурқанқи;
қархесун: қарқазхі, қарқанхі, қарқанхі;
бақсун: қазбақи, қанбақи, қанбақи (бақазқи, бақанқи);
ташшун: қаз ташері, қан ташері, қан ташері.

Прошедшее сослаг. накл.

20. Прошедшее сослагательнаго накл. образуется изъ 1-го настоящаго времени сослагательн. накл. посредствомъ прибавленія *і*, но съ тѣмъ, что передъ нимъ *у* инфиксовъ ну и зу возстановляется. Достаточно нѣсколькихъ примѣровъ:

отъ цамказ чтобъ я писалъ: цамказуі, цамкануі, цамканеі,
цамкажані, цамканані, цамкақуні;
„ мандаз чтобъ я оставался: мандазуі, мандануі, манданеі;
„ қархаз „ „ жилъ: қархазуі, қархануі, қарханеі;
„ баіѣаз „ „ входилъ: баіѣазуі, баіѣануі, баіѣанеі
и т. д.

Примѣчаніе: Въ этой формѣ *і* ставится иногда передъ инфиксами зу, ну (съ выпаденіемъ въ нихъ гл. *у*), не и т. д.; при этомъ получаютъ слѣдующія формы: бақазі, бақані вм. бақазуі, бақанеі, бақануі и т. д.

Условно-желательное наклонение I.

21. Условно-желательное (optatif) 1-ое образуется изъ

*) Вставляется е здѣсь только для благозвучія.

1-го будущего изъявительнаго накл. посредствомъ приставленія элемента і:

отъ бозу я буду дѣлать: бѳзуі, бѳнуі, бѳнеі, бѳјані, бѳнані,
бѳқуні;

„ тазво я приду: тѳзвоі, тѳнѳоі, тѳнеѳоі;

„ цамзуко я напишу: цѳмзукоі, цѳмнукоі, цѳмнекоі;

„ бѳзуко я достигну: бѳзукоі, банукоі, банекоі;

„ қарзухо я буду жить: қѳрзухоі, қѳррухоі, қѳррехоі (или
қѳрхазоі)*);

„ бѳів(у)ѳо я войду: бѳів(у)ѳоі, бѳін(у)ѳоі, бѳінеѳоі;

„ ѳев(у)ѳо я выйду: ѳѳев(у)ѳоі, ѳѳен(у)ѳоі, ѳѳенеѳоі;

„ ѳѳзуѳо я буду удивляться: } ѳѳзуѳоі, ѳѳнуѳоі, ѳѳнеѳоі;
} ѳѳѳазоі, ѳѳѳаноі;

„ ечшо я принесу: ечшоі (вм. езчоі, езучоі), енучоі, енечоі;

„ тѳшшо я буду носить: тѳшшоі (вм. тѳшшоі), тѳншоі,
* тѳанешоі;

„ узѳо я съѳмъ, буду кушать: узѳоі, унѳоі, унеѳоі и т. д.

2-ое условно-желательное (optatif) образуется изъ 2-го будущего изъявительнаго наклоненія съ прибавленіемъ къ нему і.

Примѣры:

балзу я буду дѣлать: бѳлзуі, бѳллуі, бѳллеі, бѳлјані,
бѳлнані, бѳлқуні;

цѳмбѳлзу я буду писать: цѳмбѳлзуі, цѳмбѳллуі, цѳм-
бѳллеі;

бѳкѳлзу я достигну: бѳкѳлзуі, бѳкѳллуі, бѳкѳллеі;

бѳіѳѳѳлзу я войду: бѳіѳѳѳлзуі, бѳіѳѳѳллуі, бѳіѳѳѳллеі;

ечшѳлзу я принесу: ечшѳлзуі, ечшѳллуі, ечшѳллеі и т. д.

*) Эта форма, сообщенная мнѣ г. Мнадаганіанцемъ, можетъ быть раз-
сматриваема какъ интересная попытка уподобить ради благозвучія optatif
прошедшему сослагательному накл., такъ какъ одного звука о вполне доста-
точно, чтобы различить эти двѣ формы.

3-ье условно-желательное *) (optatif) образуется при помощи частички *гі*, въ соединеніи съ мѣстоименными элементами *з*, *н*, *н*, *ян*, *нан*, *қун* и настоящимъ временемъ сослагательн. накл., въ которомъ *аз*, *ан* и т. д. замѣнено *еі*.

Примѣры: баказ: *гіз*, *гін*, *гін* и т. д. бакеі;
 урказ: " " " " уркеі;
 қарказ: " " " " қаркеі;
 баіғаз: " " " " баігеі;
 лаіғаз: " " " " лаігеі;
 каіғаз: " " " " каігеі;
 чеғаз: " " " " чегеі.

22. *Значеніе различныхъ временъ и наклоненій **):*

а) *Зу вахо хабарзуақса, шета бахтінте евал тѣ-за аба я тебя спрашиваю, потому что ничего не знаю; зу фі-з уқса я пью вино; бе ағал-не еса сегодня дождь идетъ; шетін тоғнеста (=тоғнедеса) іч бісі куах онъ продаетъ свой старый домъ; зу удін музін сакің айтзуха я говорю немного по-удински; зу вах таздеса тәңгә я тебѣ даю деньги; (употребл. настоящего времени вм. прошедшаго Praesens hist.): евахте іқобақса ічубо ғар іша јақен-не таце когда они слышали, что молодой человекъ отправился (туда) по ближайшей дорогѣ; сөвдәқарғох метухох-те ақоқса, аққунеса когда купцы увидѣли ихъ, они удивились; таці базарах сө-ал бінеқса отправившись на базаръ, онъ (тамъ) и нанялъ одного (слугу).*

Настоящее время употребляется въ удинскомъ языкѣ, большею частію, въ тѣхъ же случаяхъ, какъ и въ русскомъ.

б) *Нәіне зу кәлзуеҳаі, wән тѣ-вә ібақі вчера я чи-*

*) Щифнеръ говоритъ, что это наклоненіе образуется при помощи частичекъ *гіз*, *гін* и т. д. изъ давнопрошедшаго изъявительнаго наклоненія. См. объ этомъ: Дополненія.

**) Личныя мѣстоименія употребляются очень часто, хотя лицо уже выражено мѣстоименнымъ инфлексомъ.

талъ, (но) вы не слушали; қоца іше са навâ та-буі у од-ного старика былъ внукъ; са қаррân ажел очалал арці, та-лашбохо са аш не сербесаі однажды мальчикъ сидѣлъ на полу и дѣлалъ что-то изъ щепокъ; ковоценъ бенах са кохла-не ляхсаі курица несла каждый день по яйцу; қарвано цудешік-неі старуха была жадна (въ деньгамъ); са қоца ішу қаррехесаі іч қарвандохолан жилъ одинъ старикъ со своею старухою.

Прошедшее несовершенное употребляется въ удинскомъ языкѣ какъ французское *imparfait*, т. е. когда дѣйствіе совершается обыкновенно, когда оно сопровождается другое дѣйствіе единичное и опредѣленное по времени или когда оно вообще совершилось въ неопредѣленномъ прошломъ.

с) Н'аіне зу калзуце вчера я читалъ; wân калнанце қа тетірух? Те, хала тез калце вы читали эту книгу? (прочли эту книгу)? Нѣтъ, я ея еще не прочелъ; безъ буйнебаке солнце зашло; сталиарен те столах гѣлѣ кашанг-не сербе столарь очень хорошо сдѣлалъ этотъ столъ; 'уж-жѣбул ай-зубе я работалъ цѣлый годъ; евахт-а псакбаке когда же-нился онъ? шў-а қа чубўх, матохоланте ун айттуце кто эта женщина, съ которой ты говорилъ? зу же гѣлѣ-зу цам-це я сегодня много писалъ; шетін бинехе зар она родила сына; шено псак-не баке чебақи усена онъ женился въ прошломъ году; Шамахіна очал-ле галце въ Шемахѣ было землетрясеніе (буев. земля тряслась); Шемахіна цўчунбаке гѣлѣ адамарух въ Шемахѣ погибло много людей; хамамун-бош пуредун гѣлѣ чубзох въ баняхъ умерло много жен-щинъ; чебақи хашна ўрўзгар гѣлѣ шел-ле баке въ прошлый мѣсяць погода была очень хороша; хален *) тәнешере де-монъ унесъ ее; шено арене бей-тобол онъ пришелъ въ намъ; зу бѣразбе са тифанг, шї-а шено? я нашелъ ружье: чье оно? шетін за айт-те таде те ефал-зу онъ мнѣ обѣщалъ

*) См. слово hal въ словарь.

прийти; дүрүс вахта те-не таде онъ мнѣ не вернулъ (этихъ денегъ) при жизни; хабарреагса те шетузон ека-гун. бе онъ спросилъ ихъ, что они сдѣлали (дѣлали); баңеңе са цачшах (жилъ) былъ одинъ царь...; маа-гун таңе куда они пошли? хабарреагса тѣңгѣнах маа-гун харце онъ спросилъ ихъ, гдѣ они тратили свои деньги; ceipi екал те-з харце кроме этого, я ничего не тратилъ; ітубагса те ічуво баба каінебаке они узнали, что ихъ отецъ ослѣпъ.

1-ое прошедшее совершенное (parfait), въ большинствѣ случаевъ, по-удински должно передаваться нашимъ прошедшимъ совершеннымъ (фр. parfait). Оно выражаетъ однократное, продолжающееся или повторяющееся дѣйствіе, завершившееся въ прошломъ *).

d) Те баіца баба агузонебақи что, можетъ-быть, отецъ разсердился; тулан қаібақама баңнеці собака лаяла до разсвѣта; екалуз-ну міа арі почему ты пришелъ сюда? хінәрен-ал дүс howўзун-тоғол-ле арі те... и дѣвочка пошла прямо къ бассейну, чтобъ...; монор қарвәнахо пдкдунбақи они разстались съ караваномъ; қа цачшағ са қәғиз-не цамці этотъ царь написалъ письмо; п'а қала фармузон цдун двое старшихъ сыновей сказали; вѣңке ғарен цне меньшій сынъ сказалъ; бұрреқи јақ дүс нахрчин шәһәрә онъ отправился въ путь прямо въ городу пастуха; гәдинен ічух-не ғачці слуга привязался; зу шету хібго манат тадіз я далъ ему 60 рублей; вѣңке ғарен-ал әнеқи вѣңке хінәрах и меньшій братъ (буев. юноша, мальчикъ) взялъ меньшую дочь; ғар таңеңі һовузун токмашина, баснекі молодой человекъ пошелъ къ бассейну и легъ (спать); 'оша цачшағ арреңі екал потомъ царь сѣлъ на лошадь; гәдинен ітубақи слуга слышалъ; хінәрен чинечері коінун боштан қәғизах дѣвочка вынула письмо изъ шапки.

*) Такъ какъ удинци не очень слѣдятъ за правильностью рѣчи, то они иногда смѣшиваютъ 1-ое прошедшее совершенное со 2-мъ (см. d).

2-ое прошедшее совершенное соответствует, въ большинствѣ случаевъ, французскому passé défini. Кажется, будто оно неправильно употреблено въ такихъ фразахъ, какъ: цачшавун варъ зболъ ме гадінахъ бугуқи принцъ очень любилъ этого слугу; іч-бошал хіб хінәрре арці и въ ней (т. е. въ ямѣ) сидѣло трое дѣвочекъ.

f) Цортба, калзуко имѣи терпѣніе, я буду читать; айт-тада те дамнун енџо без-тогъл обѣщай, что завтра придешь; тів доврү айтѣх узко тамъ я скажу правдивое словечко; екате маннедо 'оша что останется послѣ; оцкалцес банеџо *) ме ука можно купаться въ этой рѣкѣ?

1-ое будущее указываетъ на твердое намѣреніе дѣйствовать или на непремѣнное исполненіе дѣйствія.

g) Гџло харцбесан тѣцгѣ лазум бақалле нужно будетъ много денегъ на расходы; шетін за айт-те таде те егалзу онъ мнѣ обѣщаль придти (букв. что я приду); хе буацса, оцкаллу хочешь ли ты воды, чтобы умыться; зу баізалзу ме қурру я войду въ эту яму, долженъ войти въ эту яму; вах уқалқун они тебя съѣдятъ (когда-нибудь); еқа бақайн, тағалзу что бы ни было, я пойду, долженъ идти; манде... нут егалле который... (никогда) не придетъ; вах ві конқуздн үсін бесбалле тебя твой хозяинъ скоро убьетъ; ун захо 'оша бақаллу цачшаџ ты будешь царемъ послѣ меня; аганѣ іч џлқинѣ тағайн, дава бурқалле если онъ вернется на родину,

*) На удинскомъ языкѣ нѣтъ глагола „мочь, быть въ состояніи“, чтобы выразить возможность дѣйствія или состоянія; переводится онъ глаголомъ бақсун бить, стать. Точный переводъ нашей фразы будетъ: купаться, будетъ ли? Ответъ: те, тенебақо, хе лѣгәрре нѣтъ, нельзя (не будетъ): вода мутна. Срав. дурӯсо-бош-ал мандес бақал тене и въ цѣлнхъ (т. е. въ домахъ, которые остались цѣлыми) нельзя оставаться; бартес бақал тене нельзя позволить ему (ухватъ); вахол бақал те-за шум уцес и не могу взнать съ тобой; шукала-ал тетү бақо цес те шикто не можетъ сказать, что.

то начнетъ войну; ві пінах іч бел ладалле онъ намажетъ себѣ (долженъ намазати) глазъ твоею кровью; те... ся блкіна са нахрчін зарен ві пачшахлувах ақалле: что... въ одномъ государствѣ пастушокъ долженъ (когда-нибудь) завладѣть твоимъ государствомъ.

2-ое будущее указываетъ, что дѣйствіе должно совершиться, но моментъ совершенія не могутъ или не хотятъ опредѣлить точно; оно предполагаетъ также намѣреніе, необходимость сдѣлать что-нибудь; оно указываетъ, что дѣйствіе продлится въ будущемъ, что оно будетъ повторяться, что оно продолжится.

h) Барта цамказ давай мнѣ писать; бузақсаі цамказуі, непен танешері я хотѣлъ писать, но сонъ помѣшалъ мнѣ; н'аіне зу цамк'азуі, енех те-не бақі вчера я хотѣлъ писать, но ничего не вышло—не удалось; ағ'ан'а рушват тагіндеі, зу ведьена цамзукоі если бы ты мнѣ заплатилъ, я (на)писалъ бы для тебя; зу гіз цамц'еі (см. Дополненія), шел-ле бақоі если бы я писалъ, хорошо было бы; зах ч'ом'аін ну барканан не оставляйте меня грустнымъ (букв. чернымъ лицомъ); ві неіш қаз-бақі чтобъ я былъ тебѣ жертвой (=я принесу себя тебѣ въ жертву); шейтанен қан ташері вах чортъ возьми тебя; сунг (қа)қун бақі чтобъ они уничтожились! ві бақі ғі қан м'аін бақі да потемнѣетъ день твоего рожденія; ема верст г'ар'ак таған сколько верстъ долженъ ты пройти? қатін бутуқса вах са ай укане онъ хочеть сказать тебѣ одну вещь; хойшба шету ақанқі ф'і-қан еқ попроси его купить (для насъ) вина и мяса; мета бах-тін теңе барреха јесір пачшабах тағане іч блкіна поэтому онъ не позволялъ пл'бнному царю ѣхать на родину; ме зар танеса іша беғане тотъ мальчикъ приблизился, чтобъ увидѣть...; барта, без блкінах таға (=тағаз) фуруказ позволя мнѣ пойти на родину посмотрѣть на нее; ағ'ан'а іч блкіна тағаін, дава бурқалле если онъ вернется (букв. идетъ) на

родину, то начнетъ войну; Яганъ зу цаѳл гиз баѳей если бѣ я бѣлъ молодымъ.

Различныя *срамена сослагательнаго и условно-желательнаго* наклоненій употребляются: 1) съ глаголами, выражающими желаніе, намѣреніе, позволеніе, возможность; 2) часто они замѣняютъ неопредѣленное наклоненіе послѣ другого глагола; свазуть, напр., такъ: оставь меня, чтобы я написалъ; я хотѣлъ, чтобы я написалъ, вм. оставь меня писать, я хотѣлъ писать. (Ср. подобныя явленія въ языкахъ, не имѣющихъ неопредѣленнаго накл. или рѣдко употребляющихъ ихъ, какъ, напр., современный греческій или грузинскій); 3) они встрѣчаются послѣ союзовъ *ѳгар*, *ѳганъ* если, *евахт* когда; 4) вообще они указываютъ на желаніе, намѣреніе, возможность, приказаніе (1-ое лицо множеств. числа повелительнаго накл. не что иное, какъ сокращенная форма 1-го лица множ. числа сослагательнаго накл. наст. вр.).

23. Образование причастій.

1) ал—суффиксъ причастія настоящаго времени *). Въ глаголахъ 1-ой категоріи оно просто присоединяется къ корню, какъ, напр.: адалъ отъ арсун брать, баѳалъ отъ баѳсун быть, уѳалъ отъ уѳсун кушать, уѳалъ отъ уѳсун пить. Глаголы 2-ой категоріи образуютъ причастіе слѣдующимъ образомъ:

отъ есун	получается	еѳал;	отъ тесун	получается	ѳал;
„ бесун	„	ѳал;	„ десун	„	ѳал;
„ ѳесун	„	(у)ѳал;	„ кесун	„	ѳал;
„ песун	„	ѳал;	„ қесун	„	ѳал;
„ хесун	„	хѳал.			

*) То же ли это ал, которое мы уже встрѣтили въ склоненіи? Въ этомъ случаѣ это причастіе было бы locatif'омъ глагольнаго корня; зу еѳалзу я приду, означало бы: я емъ въ приходѣ „іѳа ѳин имъ Комѳен“.

Примѣчаніе: есун приходитъ и цесун сказать—неправильные глаголы. Нѣкоторые глаголы, оканчивающіеся на есун, ісун не имѣютъ еѣал, а просто ая; глаголы, оканчивающіеся на тесун, имѣютъ иногда тая вмѣсто ая. Когда есть перестановка (metathesis) въ неопредѣленномъ накл., то нужно возстановить правильное построеніе звуковъ, прежде чѣмъ образовать причастіе. Нѣсколько примѣровъ:

бесун дѣлать: баа;
ехбесун жать: ехбаа;
цесун говорить: уѣа (неправ. глаг.);
цурцесун летать: цуркаа;
цамцесун писать: цамбаа;
бапесун достигать: баваа;
уртесун пряхъ: урѣа;
мандесун оставаться: мандаа;
охкесун причисывать: охѣа;
бурцесун начинать: бурѣа;
ѣархесун жить: ѣарѣа;
есун придти: еѣа (неправ. глаг.);
баісун входить: баіѣа (вм. ба-еѣа);
лаісун подниматься: лаіѣа;
ѣесун выходить: ѣеѣа;
гіресун собираться: гірѣа, гіреѣа;
каіесун отворяться: каіѣа;
аѣесун удивляться: аѣеѣа;
арцесун сидѣть: арѣа (sic!);
лаіѣесун подниматься: лаіѣѣа;
ечшун приносить: еѣа;
ѣашшун вести: ѣашаа;
ѣастун (=ѣа-десун) давать: ѣаѣа;
бістун (=бі-ѣесун) падать: біѣа;
тістун бѣгать: тіаа;
ластун (=ла-десун) мазать: лаѣа.

2) і—суффівъ причастія прошедшаго времени. Онъ прибавляется просто къ корню глаголовъ 1-ой категоріи, напр.: біі отъ бісун схватить, ақі отъ асун брать, бохі отъ бохсун и т. д. Глаголы 2-ой категоріи образуютъ причастіе слѣдующимъ образомъ:

отъ бесун	получается	бі;	
„ цесун	„	ці;	
„ песун	„	пі;	
„ тесун	„	ті;	
„ десун	„	ді;	
„ весун	„	кі;	
„ қесун	„	қі;	
„ хесун	„	хі;	
„ есун	„	арі	и въ сложныхъ глаголахъ

(е)рі или (е)ці.

(Что касается глаголовъ съ перестановкой, слѣдуетъ повторить то же самое замѣчаніе, какъ при причастіи настоящаго времени).

Примѣры:

цамцесун писать: цамці;
валцесун читать: валці;
бапсун достигать: бапці;
уртесун прасть: урті;
мандесун оставаться: манді;
охвесун причесываться: охві;
бурцесун начинать: бурці;
қархесун жить: қархі;
бесбесун убить: бесбі;
баскесун лечь: баскі;
бадсун быть: баді;
аксун видѣть: акі;
есун приходитъ: арі;

чѣсун выходить: чѣрѣ;
аізесун вставать: аізерѣ;
аѣесун удивляться: аѣецѣ;
баісун входитъ: баіеці;
лаісун подниматься: лаіеці;
гіресун собираться: гіреці;
арцесун сидѣть: арці (sic!);
ечшун приносить: ечѣрѣ *) (sic!);
ташшун вести: ташерѣ *) (sic!);
тастун давать: таді;
бістун падать: біті;
тістун бѣгать: тітерѣ *) (sic!).

24. *Употребленіе причастій.* Если мы назвали эти формы причастіями, то это только за неимѣніемъ термина съ болѣе широкимъ значеніемъ, который выражалъ бы всѣ ихъ функціи. Употребленіе причастій очень разнообразно; иногда это дѣйствительно причастія настоящаго времени, иногда дѣепричастія, иногда обозначенія *poenitum agentis*; нельзя даже сказать, чтобы причастіе прошедшаго времени имѣло только значеніе прошедшаго. Нѣкоторыя изъ такихъ формъ, какъ: аізерѣ, арѣ, таці исполняютъ въ удинскомъ языкѣ функцію нѣкоторыхъ частичекъ и союзовъ, какъ-то: потомъ, послѣ, тогда **). Съ суффиксомъ о эти ча-

*) Можно анализировать эти глаголы слѣдующимъ образомъ: еч-есун взявши—(при)ходить=приносить; тіт-есун бѣгаючи—(при)ходить=бѣгать; тапш-есун взявши—(при)ходить=вести. Эти сложные глаголы представляютъ нѣкоторую аналогию съ глаголами языковъ дальняго Востока. Срав. въ китайскомъ: пѣ-лаі взять—притти=принести: самъ глаголь есун имѣеть, кажется, корень е.

**) Можно найти многочисленныя примѣры въ сказкѣ „Ростомъ“ (Сбор. мат. в. VI). Ср. съ этими словами арабскій глаг. қѣмъ въ египетскомъ діалектѣ: фезііл weqām qāl амм’ арун ашһѣт-лі хамсатѣн онъ рассердился и сказалъ: пойду, попрошу себѣ два патака; қѣм мисіѣна ілтақа таһтіна бедһа потомъ онъ схватилъ ее и напелъ подъ ней яйцо.

стички образуютъ слова, которыя въ большинствѣ случаевъ суть nomina agentis.

Встрѣчаются примѣры очень любопытные: укнаходбі-
чало тотъ-кто-держитъ-орѣховое-дерево (ук орѣхъ, ход де-
рево, бідсун держать); кекуѣвал глотатель-воды и т. д. Эти
формы склоняются, какъ имена прилагательныя. Приведемъ
примѣры:

а) Причастіе на ал: ехне ічул етѣррун ламанде цац-
лакало, қѳтѣк-ташалор онъ сказалъ ему, какъ онъ встрѣ-
тилъ того, кто клалъ колючки, и того, кто тащилъ бревно;
ме малурух бѹтѹн дѹвѹрзон јаѳѣбақалзохо-қун фѹқце всѣ
эти товары девы украли у проѣзжающихъ; екал ва јақал
ламандал тѣне ничего не можетъ случиться съ тобою на
дорогѣ; тагал еғал адамар прѣѣзжающіе и уѣѣзжающіе люди;
ві тоғол еғал ічқара (тотъ) господинъ, который приходитъ
къ тебѣ; вахол са ўғало кто разъ выпьетъ твоей воды (букв.
изъ тебѣ); куахо-ал тош чеғала тѣһѣр тѣ-не буі нельзя
было (букв. средства не было) выйти изъ дома; цѣқун тѣ
іса зомбақала вахт тѣне они сказали, что теперь не время
учиться; арзо-з бафте, ја чеғала тѣ-не, ја маңдала я въ
затруднительномъ положеніи (букв. упалъ въ огонь), въ ко-
торомъ нельзя оставаться и изъ котораго нельзя выйти *);
іса јақен тағал адамарух тѣ-қун каібақса люди, которые
идутъ (туда) по ближайшей дорогѣ, не возвращаются; ме
еғал беіцценал цѣрік до будущаго (букв. приходящій) вос-
кресенья; бѹтѹм ақал айурвох тоғнух цѣну всѣмъ товарамъ,
которые нужно купить; зу тазса Башабалі куа я иду въ
домъ Башабала (прозвище одной варташенской семьи); вай
фурукал гану на (томъ) мѣстѣ, гдѣ вы (всегда) гуляете;
со зеңь, со нахлукалтеңь, со-ал імухлахалтуроңь одно (яб-
лово) для меня, одно для рассказчица, одно для слушате-

*) Въ этихъ формахъ, оканчивающихся на а, Шифнеръ видитъ имена
прилагательныя (р. 28. § 119).

лей; бешуни маннеста куа укнаходбиқало въ первый день тотъ, который-держаль-орѣховое-дерево остался дома; зу ун увал сандувах сербесудо я заказу таовой ящикъ, какъ ты сказалъ; Шагзанамі куа бапахун, дѳвен увало-вена каллеці когда онъ достигъ дома, Шагзанамъ кричалъ, какъ ему сказалъ дѳвъ; јах увало те... дізік-не тотъ, который насъ кушаетъ... (это) та змѣя; бѣнегі, те те вуѳ булла турел са цац-не бафте, чѣчал-те-не бу онъ увидѣлъ, что колючка проникла въ ногу этого семиголовата (дева) и что нельзя вытащить ее; адамар пі ўвало-чун? опасные ли они? (букв. пьющій кровь).

b) Причастіе на і: чебақи хайна ўрузгар гѳлѳ шел-ле баѳе въ прошлый мѣсяць погода была очень хорошая; метін ечері са чуттух, вачнеха онъ привелъ одну пару (волѳвъ) и запрягъ ихъ; шетін тѣңгинах ақи, танеса взявши денегъ, онъ пошелъ; цацшаѳун зарен қарванъ вачці, гѣдінах-ал ақи, танеса қеірі шѣһарѣ принцъ снарядилъ (букв. связалъ) караванъ, взялъ слугу и отправился въ другой городъ; шум қайтухо ѳшѣ цацшаѳун зар баснекса послѣ обѣда (букв. кушавши хлѣбъ) принцъ легъ; дамдам айзері, таѳунса вставши рано, они пошли; бѳтѳн малух лаічерітухо ѳшѣ, гѣдінен ічух-не вачці послѣ того какъ всѣ товары были подняты, слуга самого себя привязалъ; ічубон манді гала таѳунса они пошли въ то мѣсто, гдѣ они остановились (раньше); вах ечерід-зу, мандакбақало ун тотъ, кто тебя привелъ (сюда)—это я; (но) тотъ, кто усталъ,—это ты; јах увало те каіці дізікне тотъ, кто насъ кушалъ, это—эта разрубленная змѣя; міа са пѣ рі мапдітохо ѳшѣ оставшись тамъ нѣсколько дней; мандітух са тѣһарен гѣрѣн дѳзбапан остальное вы должны устроить такъ или иначе;ме јан ечері хінармуѳолахо (жениться) на этихъ нами привезенныхъ дѳвушкахъ; тіа чурці зар молодой чѳловѣкъ, который тамъ стоитъ; цучбақи адамарѳохо отъ по-

гибшихъ людей; без қалін ақі айшурзохо (одну) изъ вещей, которыя я тамъ купилъ; без цію ві іх ефа вепомни, что я тебѣ сказалъ; саал са шал јаџаба, ақітохо, јаал са сеірі шетул ларіо пришли (намъ) и шаль такую, какъ мы видѣли, или другую подобную; сунта бі харџнух расходи, сдѣланные однимъ (другой считаетъ за...).

25. Производныя формы причастія на (а)ма, хун и тан. Три суффикса ама, хун и тан прибавляются къ причастію настоящаго времени *), теряющему всегда свое л, напр.: џаџатан, џаџахун; еџал: еџахун, еџама, еџатан и т. д.

Изъ этихъ суффиксовъ ама означаетъ: до, пока; тан позанимствованный, кажется, у тюркскаго языка, служить для преобразованія причастіе въ дѣепричастіе, а хун имѣеть приблизительно то же значеніе.

Примѣчаніе. Возможно, что ама и хун прежніе суффиксы склоненія; по крайней мѣрѣ, мы нашли одинъ примѣръ, единственный, въ выраженіи: џенахун днемъ. Но такъ какъ эти суффиксы исчезли изъ склоненій, мы нашли нужнымъ помѣстить эти дѣепричастія (participe-gérondif) отдѣльно, а не вмѣстѣ съ причастіями склоняемыми.

Примѣры: а) (ама): зу мандалзу ві баба еџама я останусь (здѣсь) до прибытія твоего отца; џулінѣн қайбаџама бапнеці собака лаяла до зари; біабаџама до вечера; те баџіама усін бапесбан чтобъ ты намъ досталъ его какъ можно скорѣе (отъ баџсун быть, мочь); б) тан: біасун гергеца џаџатан вечеромъ, когда я шелъ въ церковь...; џаџатан са жеџа хџ-не ламанді на дорогѣ (букв. иди) мнѣ встрѣтилась огромная собака; Рустамен ехне, те еџ қамбаџтан... Рустамъ сказалъ, что (онъ)... когда не доставало мяса...; в) хун: біасун гергеца џаџахун вечеромъ, когда (я) шелъ въ

*) Мнѣ извѣстенъ только одинъ примѣръ, гдѣ ама присоединяется, какъ суффиксъ, къ причастію прошедшаго времени. Съ тан это встрѣчается, кажется, чаще.

церковь; са қарраһи шум уғахун разъ, когда (онъ) кушалъ; қабмзун-бош цамнеі те қа бар бапахун қата қоқех ботанап въ этомъ письмѣ было написано: (что) когда этотъ молодой человекъ пріѣдетъ, перерѣжьте ему шею; пачшах банепі чіраф бачувтахун царь пріѣхалъ, когда зажигали лампы; увахун-ал те-қун вабақса не смотря на то что имъ (всегда) говоришь, они не вѣрятъ тебѣ; беи аізі еғахун когда онъ пріѣдетъ въ наше селеніе; зу гәрәмзалубахо чебағахун бнұсаз проходя черезъ кладбище, я увидѣлъ...; Шаһзанами куа бапахун, дбвен увало-кена каллеці достигнувъ дома Шаһзанама, онъ крикнулъ, какъ ему сказалъ девъ.

26. *Отрицательный глаголъ.* Отрицательныя частички те, нут, ма, на, ну. Чаше употребляемое отрицаніе — те не, нѣтъ. Неопредѣленное наклоненіе, причастія и второе будущее *), а иногда даже сослагательное наклоненіе принимаютъ нут; повелительное накл. ма, также встрѣчающееся въ сослагательномъ (чаще, чѣмъ нут); условное беретъ на, послѣ котораго г въ гі иногда выпадаетъ; те ставится обыкновенно передъ глаголомъ и принимаетъ мѣстоименные инфивсы; оно рѣдко сливается съ глаголомъ.

Примѣры глаголовъ съ отрицаніемъ:

Настоящее время: те-з цамеха или цамтѣсеха или цамехатез.

Прошедшее несов. (imparfait): те-з цамехаі, цамтѣсехаі.

1-ое прошедшее сов. (parfait): те-з цамці, цамтѣзці, цамцітез.

2-ое прошедшее сов.: те-з цамце, цамтѣзце.

Давнопрошедшее: те-з цамцеі, цамтѣзцеі.

1-ое будущее: те-з цамво, цамтѣзво, цамкотез.

2-ое будущее: нут цамвалзу, цамнутвалзу, цамвалнутзу, те-з цамвал.

*) На практикѣ, читатель встрѣтитъ здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, уклоненія отъ данныхъ нами правилъ.

Сослагательное: нут цамваз, цамнутваз, нут цамвазуі.

Условно-желат. (optatif): тѣ-з цамвоі, цамтѣзкоі;
нут цамвалзуі, цамнутвалзуі;
нагіз цамцеі, цампагізцеі.

Повелительное: ма цамца, ма цамцанан.

Примѣры: ма бѣгоца, жан бујагса баскесун не кричи: мы хотимъ спать; фі ма уѣа не пей вина; хѣа шум ма таданан не давайте собакѣ хлѣба; тѣ ма-қан таці чтобъ онъ не билъ; ма непахѣѣ, цамца не спи, пиши! без вічі ехне тѣ *) безі тѣцгѣ тѣ без-бу мой братъ говорить, что у него денегъ нѣтъ; татарѣон фі тѣ-дун ухса татары не пьютъ вина; зу фі тѣ-з уѣса я не пью вина; еф коц ма-қан гур-реці чтобъ вашъ домъ не рухнулъ (= да хранитъ васъ Господь!); п'а вічі ма-баѣен, баѣен хіб не будемте (только) два брата, будемъ три! Рустамен ехне хінарах тѣ ун наін лаіѣо **), зу лаіѣало тѣ-зу Рустамъ свазалъ молодой дѣвочки: если ты не поднимешься, я тоже не поднимусь.

27. *Страдательный залогъ.* Настоящаго страдательнаго залога нѣтъ въ удинскомъ языкѣ; глаголы, ованчивающіеся на есун, которые могутъ быть разсматриваемы какъ глаголы страдательнаго залога, скорѣе суть глаголы возвратные (réfléchi) или средніе (media): буцсун любить; будесун быть любимымъ; калцесун читать, калесун читаться (ср. выраженіе: эта книга читается легко); оцесун мыть, оцесун мыться, умываться. Спряженіе такое же, какъ у глаголовъ на есун.

Въ прошедшемъ соверш. (parfait) всегда имѣется еці. Вотъ примѣръ страдательнаго глагола по Шифнеру:

*) Прямая рѣчь предшествуемая частицей „тѣ“.

***) Этотъ примѣръ интересенъ тѣмъ, что онъ намъ даетъ будущее съ частичкой гі.

Настоящее время.

будзуса

будзуса

буднеса

и т. д.

Будущее.

будзуево, будзеалзу

буднуево, будзеаллу

буднево, будзеалле.

Желательное (optatif).

будзуевоі

буднуевоі

будневоі.

Прощ. соверш.

будзуеці

буднуеці

буднеці

и т. д.

Сослагательное.

будеваз

будебан

будебане.

Повелительное.

будеце

будебанан.

28. *Неправильные глаголы.* Есть двѣ категоріи неправильныхъ глаголовъ. Глаголы первой категоріи неправильны потому, что образуютъ свои времена отъ различныхъ корней; глаголы же второй, только кажутся таковыми и имѣютъ неправильное неопредѣленное накл.; эта неправильность объясняется фонетическими причинами.

Глаголы 1-ой категоріи: 1) Песун сказать: Praes. ехзу, ехну, ехне и т. д.; Imperf. ехзуі, ехнуі, ехнеі; Perf. I (прав.) цѣзу, цѣну, цѣне; Plusq. цѣзуі, цѣнуі; Fut. I узко, унко, унеко; Fut. II увалзу, уваллу, увалле; Conjunct. и Optat. указуі, узвоі, увалзуі; Imperat. уца, уцанан; Condit. гізцеі; Partic. увал, ці.

2) Есун прийти: Praes. (прав.) еса, енса, енеса; Imperf. есаі, енсаі, енесаі; Perf. I арізу, аріну, аріне; Perf. II арезу, арену, арене; Plusq. арезуі; Fut. I езво, енво, енево; Fut. II евалзу, еваллу и т. д.; Conjunct. и Optat. еваз, еван, еване, евазуі, евануі, езвоі, евалзуі; Imperat. еке, екебан; Cond. гізареі; Partic. евал, арі.

3) Уѣсун кушать: Praes. узѣса; Imperf. узѣсаі; Perf.

қазу (қазу); Fut. уқо, уқалзу; Conjunct. и Optat. уқаз, уқазуі, уқазоі, уқалзуі; Imperat. уқа; Partic. уқал, қай.

4) Таисун идти: Praes. таза (произн. тасса); Imperf. тазаі; Perf. тазаці (таці) *), тазаце (таце); Plusq. тазацеі (тацеі); Fut. тазаво, тазалзу; Conjunct. и Optat. тазаз, тазазуі, тазавоі, тазалзуі; Imperat. таза, тазаenan; Cond. гиз тазацеі; Partic. тазал, таці; Inf. gad. тажес; Imperat. 1-е л. множ. числа тажен.

Глаголы 2-ой категории: тапсун ударить, запсун тянуть, курить, цапсун жать, чапсун обмокнуть, спрягаются такъ, какъ будто ихъ неопредѣленное наклоненіе было: тап-цесун, зап-цесун, цап-цесун, чап-цесун. И такъ: зу тапзуеа; Perf. тапзуце; Fut. тапзуко, тапкалзу; Imperat. тапа, тапанан, тапкен (вм. тапа, тапцанан); Conjunct. тапказ.

Отъ глагола барцесун позволять, допускать, оставлять, существуютъ и формы, позаимствованныя отъ предполагаемаго глагола барцесун, а именно: Praes. и Imperf. барз(у)еа, барз(у)еаі, Imperat. правильно: барца, барцанан.

Глаг. тістун бѣгать, который спрягается, какъ будто было: ті-тесун, образуетъ 1-ое и 2-ое прош. вр., давнопрош. и причастіе прош. времени отъ предполагаемаго гл. тітесун, т. е.: тістері, тістере, тістереі (діз тітереі), тітері.

Глаг. абабацсун знать сокращается часто въ настоящ. времени и въ Imperf.; говорятъ: абаза, абава или абазабацса, абавабацса, абазаі, абаваі или абазабацсаі, абавабацсаі и т. д.

Глаг. арцесун сидѣть, спрягается, какъ будто было: арц-сун.

Впрочемъ, въ нашемъ словарѣ читатель найдетъ при

*) Мы уже сказали, что з передъ с, т, в, переходитъ часто въ ц, слѣдовало бы произносить таціці, но первое ц теряетъ свой второй элементъ и произносится т.

каждомъ глаголѣ замѣтки о его спряженіи и основное его неопредѣленное наклоненіе.

Примѣры: айтъ тада те дамнун енго без тогѡл обѣщай мнѣ прійти завтра; ехрун кавказун адамарі q'yo бей һа-қшлѣн-не говорятъ, что половина кавказскихъ людей умнѣе насъ; шетін за айтъ-те таде те евал-зу онъ мнѣ обѣщаль прійти; қоца ішу ехне метух, те ма-н таіса старикъ говоритъ ему: куда идешь? зу ун укал сандубах сербезсудо а заважу такой ящичь, какъ ты сказалъ; берсане те шіа са ішен са гѣрәмзінах гѡлѡ тапнеха онъ видитъ, что тамъ одинъ человекъ сильно ударяетъ могилу; ішум қайтухо 'ошя послѣ обѣда; утін қармух, гѡло ах-зу запаха юноши-удинцы, я много вздыхаю (букв. тану ахъ); 'ужжена 'уж-не еса зимоку снѣгъ идетъ; жѡбла усін усін авала-не еса лѣтомъ часто дождь идетъ; без тогѡл еке иди ко мнѣ! еке, тауѣн лайконах давай (букв. иди) идемте на свадьбу.

29. *Глаголы неполные (défectif) **. Мнѣ извѣстенъ только одинъ неполный глаголъ, который, впрочемъ, можетъ-быть, вовсе и не глаголъ. Это формы, служащія для выраженія настоящаго и прошедшаго несовершеннаго глагола *быть*: бу и буі**), зу бузу, буну, буне и т. д., буі-зу, буі-ну, буі-не (о зу есмь, ну еси и т. д. мы уже говорили; существуетъ и Impregf.: зуі, нуі, неі).

бу иногда, даже часто пропускается. Крімъ того, оно имѣетъ значеніе: *есть, имѣется* и употребляется для выраженія нашего глагола *имѣть*. Слово, соотвѣтствующее нашему подлежащему глагола *имѣть*, ставится въ этомъ случаѣ въ родительномъ падежѣ. (Всѣ остальные времена замѣняются соотвѣтствующими формами глагола бақсун дѣлаться, стать, быть, находиться).

*) Безличныя глаголы, относящіяся собственно къ лексической области, я оставляю въ сторонѣ.

**) Ср. бу съ чеченскимъ wу есть, табасаранскимъ wу' есть и подобными формами дагестанскихъ языковъ.

Примѣры: баба, ма-ну отецъ, гдѣ ты? ема усенун-ну? сколько тебѣ лѣтъ? зу миа-зу я здѣсь; зу ути-зу я—удинецъ; за лязум-не ві ханчал мнѣ нуженъ твой кинжалъ; ме еѣ безі-не эта лошадь принадлежитъ мнѣ; усенун п'аѣсе хайп-не бу годъ имѣеть 12 мѣсяцевъ; ема верст-а бу Нохинахо Варташена-л-диріа? сколько верстъ (будеть) отъ Нухи до Варташена? ме аізіх ема коц-а бу? сколько домовъ въ этомъ селеніи? еѣр фі еф бу? какое у васъ вино? беіи баба на-на беібу у насъ отецъ и мать; шетіи буне м'аін цоц, у него черные волосы; цул тѣ-без бу, жомѣр тѣ-без бу, ама зор без бу у меня (нѣтъ) ни головы ни рта, но у меня сила (про пропущенное не ср. § V, II, 11, В. Замѣч.); ада-марі бутіи п'а імух у человекѣ два уха; н'аіне јан бајанке лашконах вчера мы были на свадьбѣ.

30. *Управление (gestion) глагола падежомъ.* Вопросъ объ управленіи глаголовъ падежами, мнѣ кажется, самымъ щекотливымъ вопросомъ удинской грамматики. Сколько ни устанавливай правилъ, всегда найдутся примѣры, которые составляютъ исключеніе. Прямое дополненіе глагола дѣйствительнаго залога ставится въ винительномъ падежѣ, косвенное дополненіе въ дательномъ, подлежащее же ставится, то въ именительномъ падежѣ, то въ родительномъ, то въ дательномъ, то въ творительномъ. Вѣроятно, существуетъ или скорѣе существовали строго-опредѣленные правила объ употребленіи извѣстныхъ падежей въ зависимости отъ глаголовъ; но эти правила все болѣе и болѣе забываются, что и неудивительно съ тѣми, которые говорятъ свободно, какъ удинцы, на двухъ и даже на трехъ языкахъ *), а между тѣми въ этихъ языкахъ подлежащее глагола, и особенно глагола дѣйствительнаго залога ставится въ именительномъ падежѣ. Вотъ эти правила.

*) По-армянски, по-татарски, а иногда, хотя и рѣдко, по-русски.

1) Подлежащее глагола „имѣть“ ставится въ родительномъ падежѣ (это, впрочемъ, только способъ выраженія, такъ какъ глаголь *имѣть* не существуетъ на удинскомъ языкѣ и замѣняется глаголомъ *быть*).

2) Въ дательномъ падежѣ ставится подлежащее слѣдующихъ глаголовъ: аксун видѣть, буфсун хотѣть, любить, оталбесун стыдиться, q'убесун бояться, ібафсун слышать, абабафсун знать, бафсун въ смыслѣ: мочь, мібсун, напр. митубса ему холодно, чалхесун узнавать.

3) Въ именительномъ падежѣ ставится подлежащее глагола бафсун быть, глаголовъ, выражающихъ движеніе, и многихъ другихъ средняго залога; таковы: таисун идти, қархесун жить, есун придти, бістун падать, қацесун болѣть (*weh thun*), цурфесун летать, чесун выходить и т. д.

4) Въ творительномъ падежѣ ставится подлежащее остальныхъ глаголовъ, особенно глаголовъ дѣйствительнаго залога.

Примѣчаніе. Безполезно давать еще примѣры. Тѣ, которые мы дали въ нашемъ очеркѣ, вполне достаточны. Ср. по поводу этого § 5, II, 12.

§ 6. Частици.

Эта глава будетъ очень коротка. Частицамъ (нарѣчій, союзы, междометія) скорѣе мѣсто въ словарѣ, чѣмъ въ грамматикѣ. Мы приведемъ здѣсь только главныя и притомъ такія, которыя требуютъ специальныхъ замѣчаній.

1. Нарѣчія. Многія нарѣчія удинскаго яз., производятся отъ существительныхъ; въ этомъ случаѣ это просто существительныя въ творительномъ падежѣ, или въ другомъ какомъ-нибудь падежѣ, часто даже въ именительномъ (какъ: мўдлувен радостно: *Instgrim*, отъ мўдлув радость; тевахт тогда (букв. это время); біасун вечеромъ: отъ біас вечеръ; ішоун ночью и т. д.). Другія произошли отъ именъ прила-

гательныхъ, какъ, напр.: *шелъар* хорошо; другія, и это самыя многочисленныя, произошли отъ существительныхъ *) и прилагательныхъ, нынѣ исчезнувшихъ. Таковы: $\sqrt{\text{тѳб: тѳбѳл}}$ у, подлѣ, возлѣ, $\sqrt{\text{тѳбѳхѳ}}$ передъ „отъ передъ“, черезъ передъ“ (*vogbei*); $\sqrt{\text{м: ма гдѣ? мѳа здѣс, мелѳн отсюда: т: тѳа тамъ, телѳн оттуда; ал: лахо на, нагъ, ала на вер-ху; к: қор такъ, нақор такимъ образомъ; ш: шор такъ, нашор такимъ образомъ.}}$

Примѣчаніе: а) Ср. съ тѣмъ, что было сказано въ § 5, I, 17 о послѣблагахъ (*postposition*).

б) Нѣкоторые составныя элементы нарѣчій встрѣчаются также въ другихъ словахъ, въ глаголахъ и мѣстоименіяхъ преимущественно. Ср. напр.: *ала* наверху и *лаісун* подниматься, *лацсун* одѣвать; *бей* передъ и *бейцесун* предсказать; *м* въ *ма*, *мѳа* и *ме* этотъ, *мано* который; *т* въ *тѳа* съ те тотъ; *ш* въ *шор* и *шенор*, *шено*; *қ* въ *қор* и *қано* тотъ, это **).

2. Союзы: *ам(ма)* но, *гена* но, однако, что касается, те что, *ма* чтобъ не..., *аганѳ* если, *чѳнқі* такъ какъ, *қан* и *ал* тоже, же (*қан* ставится между двумя существительными, *ал* связываетъ какіе-угодно слова, даже цѣлыя фразы; *гена*, *қан* и *ал* прислоняющіяся частицы (*enclitiques*).

Замѣчанія: а) *гена* означаетъ: но, однако, же, но *вена* какъ, приблизительно;

б) послѣ *те* = что слѣдуетъ почти всегда прямая рѣчь, а не косвенная;

с) нѣтъ на *удинскомъ* языкѣ частицы, означающей или (*ја* = или, позаимствовано изъ персидскаго языка и употребляется довольно рѣдко);

*) По крайней мѣрѣ, тотъ фактъ, что мы въ нихъ встрѣчаемъ окончанія склоненій, даетъ намъ право думать, что мы дѣйствительно имѣемъ дѣло съ прежними существительными.

**) Мы получаемъ такимъ образомъ небольшое число указательныхъ корней: *т*, *қ*, *м*, *ш*.

d) қан употребляется также рѣдко; часто вставляютъ слова рядомъ, не соединяя ихъ союзомъ қан или другимъ.

Примѣры: тақа, ақа веңкена фі-қан еқ иди, купи намъ вина и мяса; баба нана кұа-қун, те дома ли отецъ (и) мать, (или) нѣтъ? те-за аба ацчі-а, сері не знаю, ложь ли это (или) правда? те қотік-гена Хрістос-не, те п'аісе чут ұлағ-гена п'аісе хачпараз что касается этого бревна, (то) онъ — Христосъ, но эти двѣнадцать царь быковъ, они... двѣнадцать религій; кііке вічен-гена фурунеха младшій братъ же ищетъ; кііке ғар банеґса пачшах, гѳлѳ-ал шел пачшалуғнебса мальчикъ дѣлается царемъ, и царствуетъ очень хорошо; кііке хінәр-ал коштан танеса и младшая дочь идетъ за ними; саровііц верст-кена банеґо будетъ приблизительно 30 верстъ; дѳвен укало-кена каллеці онъ по-звалъ, какъ ему сказалъ девъ.

Тексты *).

1. Царь и пастухъ.

Банеңе ¹⁾, те-не баңе са цачшах. Цатчаңен цене
Быль не былъ одинъ царь. Царемъ сказалъ
біліцінах ²⁾ те: „Ун беңа дуніаніх ³⁾ е хабар-ре бу“.
мудреца что: „Ты смотри на свѣтъ, что за новостъ есть“.

Біліцінен цене те са блқина са нахрчин варен вѣ
Мудрецомъ сказалъ, что одна странѣ одинъ пастуха сынъ твои
цачшахлмъах ақал-ле ⁴⁾. ‘Оша цачшах шпнебақі. Са ха-
царство возьметъ. Потомъ царь замоччалъ. Одинъ отъ
шіхо-‘оша ⁵⁾ қеірі біліці-не ечере. Қа біліцінен-ал
мѣсца послѣ другой мудреца онъ привелъ. Этотъ мудрецомъ то же
ціне екаґе бмшүнтін ⁶⁾-пе ці. ‘Оша цачшағ арреці
сказалъ, какъ первымъ сказалъ. Потомъ царь сль
еқал, бурреці ⁷⁾ дүс ⁸⁾ нахрчин шһһрә ⁹⁾. Цачшағ банеші
на лошады, началъ прямо пастуха городу. Царь достигъ,
чірәх бачуктахун, јақал чурреці, арі, бйштан чеба-
лампа когда зажигали, на дорогѣ остановился пришелъ, впередъ когда
қахүн ¹⁰⁾ нахрчинәх атукі. ‘Оша нахрчинах ціне: „Зах
проходилъ, пастуха увидѣлъ. Потомъ пастуха сказалъ: „Меня
ме біас(ун) қонаґба“. ‘Оша цачшах тәнеці ¹¹⁾ дүс нахр-
этотъ вечера угости“. Потомъ царь пошелъ прямо пасту-
чин кува. ‘Оша қа цачшаґа(х) гѣлѣ һүрмәт-қун бі. Цач-
ха дому. Потомъ этотъ царя очень уважали. Ца-
шаңен цене те са ажел бґабанан ¹²⁾ зеңкена, беш
ремъ сказалъ, что одинъ мальчикъ найдите для меня, нашъ

*) Между скобками поставлены формы, предпочитаемыя г-мъ Согомо-
ніанцевъ, съ которыми я прочелъ эти тексты, продиктованные имъ другими.

Элқина јецабаљу ¹³⁾. Қа қачшағен са қазғиз-не цамці,
 страні я пошло. Этот царемъ. одинъ письмо написалъ,

танеди нахрич гарә(х). Қа қазғун-бош цамнеці те: „Қа
 далъ пастуха сына. Этотъ письма въ написалъ что: „Этотъ

зар бапесхолан ¹⁴⁾ қата қоқех ботанан“. Барен бурреқи
 сннъ когда достигнетъ, этого шед рѣжете“. Снномъ началъ

јақ(ах) дус қачшағун шәһәрә. Қа зар танеці дус қач-
 дорога прямо царя городу. Этотъ сннъ пошелъ прямо ца-

шағун бағчина. Қа бағчин-бош-ал буней са һовуз; зар
 ря саду. Этотъ сада въ тоже былъ одинъ бассейна; сннъ

танеці һовузун тоқмашина, баснекі. ‘Оша қачшағун хи-
 пошелъ бассейна края, легъ. Потомъ царя до-

нарен-ал дус һовузун-тоғол-ле аре те чо оцваней;
 черю тоже прямо бассейна около пришелъ, чтобъ лицо мылъ бы;

бмневе ¹⁵⁾ те һовузун-тоғол ¹⁶⁾ са зар-ре басве, беғнух ¹⁷⁾
 увидѣлъ, что бассейна около одинъ сннъ легъ, солнце

эх-не: ун маңеде, зу чеғаз, тема қа зар шават-те
 сказалъ: ты не выходи, я выйду, столько этотъ сннъ красивый

баґе. Хинарен танеці зарі-тоғол, бмневе те іч коіун-
 былъ. Дочерю пошелъ сына около, посмотрѣлъ, что свой шапки

бош са қазғиз-не бу. Хинарен чинечері коіун боштан
 въ одинъ письмо есть. Дочерю вынулъ шапки внутри изъ

қазғзах, баллеці. Қазғун-бош цамней ¹⁸⁾ те қа зар бапа-
 письмо прочелъ. Письма въ писано было, что этотъ сннъ когда

хун қата қоқех ботанан. ‘Оша қа хинарі фіқір цок
 достигнетъ, этого шед рѣжете. Потомъ этотъ дочери мысль другой

цұра-ней. Қазғзах ташері, ардо(х) ¹⁹⁾-не басақи, са қазғиз-не
 сортъ былъ. Письмо снялъ, огонь бросилъ, одинъ письмо

цамці, іч-бош цамнеці те ме зар бапахун без
 написалъ, свой въ написалъ, что тотъ сннъ когда достигнетъ мой

хинарах мета-лахо псаьбанан. ‘Оша са п’а венахо-
 дочь, того на свадьбу сдѣлайте. Потомъ одинъ два отъ дил

‘оша қачшағ енеса. Арі бмғсане те іч хинарах
 послѣ царя приходятъ. Пришедши видитъ, что свой дочь

қабін²⁰⁾-қун боте җарі-лахо. Цячшаҗі ацузди-гблб-не біқи;
 обручаник мальчи́ка на. Царь оче́нь се́рдился;
 атукса те ча́ра те-не бу, те хинѣрах җарі-бел җа ч-
 видитъ, что средство не есть, что дочь мальчи́на голову при-
 қунце; ча́ра бдттеці²¹⁾, іч тапнѣх анеқи, лѣнехі җарі-
 вазали; средство срѣзали, свой корону взяли, положи́въ мальчи́на
 бел. Оша җар ба́неқи цячшах; бмшун цячшаҗен лаш-
 голоу. Потомъ снѣз сдѣлался царь; в́режде царемъ снѣдъ-
 вб-не бі²²⁾ җар(ах) цячшаҗа хинѣрахол²³⁾; җар ба́неқи
 бу сдѣлалъ снѣз царю дочерью съ; снѣз сдѣлался
 цячшах, цячшаҗун хинѣр-ал іч чубѣх. Шонбр ічбо мура-
 царь, царя дочь и свой жена. Они своего на́мѣре-
 да қақунбаці²⁴⁾, јан-ал беіш мурада.
 ніе пусть достигнутъ, мн тоже нашъ на́мѣреніе.

Жиль-былъ царь. Однажды онъ сказалъ мудрецу: «иди по-
 смотри, что новаго на свѣтѣ!» Мудрецъ сказалъ: «Въ какой-то
 странѣ живетъ пастушокъ, который завладѣетъ твоимъ царствомъ».
 Царь промолчалъ. Черезъ мѣсяць онъ позвалъ другого мудреца;
 Тотъ сказалъ то же, что и первый. Тогда царь отправился верхомъ
 въ городъ, гдѣ жилъ пастушокъ. Онъ прибылъ туда, когда уже за-
 жигали лампы. Онъ остановился на улицѣ, и когда пошелъ дальше,
 то увидѣлъ пастуха. Тогда онъ сказалъ этому послѣднему: «Угости
 меня сегодня ночью у себя». Царь отправился въ домъ пастуха,
 гдѣ ему оказали большую честь. «Найдите мнѣ мальчи́ка», сказалъ
 царь: «я пошлю его на свою родину». Сказавъ эти слова, онъ на-
 писалъ письмо и отдалъ его пастушку. Въ этомъ письмѣ онъ на-
 писалъ: «Когда этотъ молодой человѣкъ придетъ къ вамъ, пере-
 рѣжьте ему горло!» Юноша отправился въ путь и пошелъ прямо
 въ царскій садъ. Тамъ находился бассейнъ, на краю котораго мо-
 лодой челевѣкъ заснулъ. Въ это время царица пошла въ садъ,
 гдѣ увидѣла пастушка, который былъ краше солнца. Она подошла
 къ нему и замѣтила въ его шапкѣ письмо, которое она вынула и
 прочла. Въ письмѣ было написано: «Когда этотъ молодой человѣкъ
 придетъ къ вамъ, перерѣжьте ему горло». Но она рѣшила иначе,
 взяла письмо, бросила его въ огонь и написала слѣдующее: «Когда
 этотъ юноша придетъ къ вамъ, жените его на моей дочери».

Нѣсколько дней спустя царь возвратился къ себѣ и увидѣлъ, что его дочь уже обручена съ этимъ юношей. Онъ очень разсердился; но что было дѣлать? Итакъ онъ взялъ свою корону и возложилъ ее на голову пастушка. Такимъ образомъ пастушокъ сдѣлался царемъ, и прежній царь сыгралъ свадьбу. Пастушокъ сдѣлался царемъ, а царевна его женой. Пускай они достигнутъ своей цѣли, а мы нашей!

1) Банеке отъ бацун (см. стр. 79, глаг. неполн.).—
 2) Біліцінах (см. стр. 17, № 2).—3) Дуніаніх (см. стр. 21, № 11).—4) Ақал отъ ақсун (см. стр. 59, № 18 и стр. 68, № 23).—5) Хашіхо-оша (см. стр. 20, № 4).—6) Бишунтин отъ биш (см. стр. 15, № 6; стр. 11, § 5, 1; стр. 28, № 13а).—7) Бурреқи; Согом. предпочитаетъ: јақа-не баіці.—
 8) Дус, Согом. дүз.—9) Шähärä (см. стр. 16, № 2).—
 10) Чебақахун (см. стр. 74, № 25); 11) Танеці отъ таісун.—
 12) Брăбанан=бобăбанан; такіа сокращенія сворѣе зависятъ отъ говорящаго и поэтому почти невозможно подвести ихъ подъ общія правила (ср. стр. 7, Е, 2).—13) Јеқабалзу вм. јақабалзу (см. стр. 7, Е, 2).—14) Бапесхолоан, собственно говоря Comitativus неопредѣл. наклоненія—корня глагола бапес отъ бапсун достигать (см. стр. 43, 6, 1). Эти формы въ своемъ родѣ тоже дѣепричастія.—15) Бинефе; Согом. предпоч. атукса или атукі.—16) Пöвузун-тобóл (см. стр. 15, 4).—17) Безнух ехне и т. д. Здѣсь подразумѣвается то, что красота пастушка говоритъ съ солнцемъ. Она говоритъ: не стоитъ показаться, я гораздо красивѣе тебя; ма чеке (см. стр. 75, № 26 и стр. 46, № 8).—18) Цамнеі—здѣсь корень глагола употребленъ какъ причастіе прошедшаго врем. страдат. залога. Я знаю мало подобныхъ примѣровъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: беуца-қун тоішан куа јач-не они видятъ, что дома заяцъ привязанъ; ақокса ходахо јач тоішанах они видятъ зайца привязаннаго къ дереву; коцін-бош хіб еқ јач-неі въ домѣ были привязаны

три лошади.—19) Арфо(х). Этотъ примѣръ показываетъ, какъ
удины колеблются въ выборѣ падежа (дательнаго или ви-
нительнаго) на вопросъ: куда?—20) Қабін бостун (по-ар-
мянски *իշահի*).—21) Чарá боттеці средство отрѣзалося =
другого выхода не было.—22) Лашко-не бі отъ лашко бе-
сун.—23) Цачшага хінáрахол лучше: цачшавун хінáрахол.
—24) Цагунбапі (см. стр. 59, № 19, 2).

2. *Шахзада и Шахваладъ.*

Са қасібун ¹⁾ хіб хінáр-ре буі. шум тѣ-не буі, тѣ
Одинъ бѣднаго три дочь былъ. Хлѣбъ не былъ, чтобъ
тáдане. Таці, са галахò п'á ещ-не ечері, іч п'á
онъ далъ. Помедши, одинъ мѣста изъ два яблоко принесъ, свой два
хинáра-не тáде. П'á хинáрмофòн ц'áдун: „Баба, ешна ²⁾ га
дочери далъ. Два дочерьми сказали: „Отець, яблоко мѣсто
мáа?“ Бабан ц'áне: „Ч'áлáгí ³⁾“. — „Баба, јах-ал тáша
гдѣ?“ Отцомъ сказалъ: „Въ г'áсу“. — „Отець, насъ тоже води
ч'áлáгí!“ — „шел!“ ц'áне бабан. Баба увестá ⁴⁾ б'áнеі, тѣ
г'áсь в'á!“ — „Хорошія!“ сказалъ отцомъ. Отець сердцѣ на былъ, что
те п'á хинáрах ачесбанеі ⁵⁾. Ама п'á хинáр тáратан ⁶⁾,
этотъ два дочерей чтобъ потерялъ. Но два дочь когда шли,
к'áцке хинáрен 'òненеха тѣ зах-ал тáшанан. Бабан тѣ-не
маленькій дочерью плачетъ, что меня тоже уведите. Отцомъ не
тáшша, монòр-тѣ т'áдунса, к'áцке хинáр-ал коштан т'áнеса.
уведеть, они идуть, маленький дочь и сзади идетъ.
Таці, багунпеса ч'áлáгí. Бабан ехне: „Т'áденан ч'áлáгí,
Помедши, достигають г'áсь в'á. Отцомъ говорятъ: „Идите г'áсь в'á,
ещ б'áнанан, з'á-ал езбо“. Баба т'áнеса куа. Т'áдунса,
яблоко сорвите, я тоже приду“. Отець идетъ домой. Идуть,
т'áдунса, б'эдунфеса ещ тѣ-не бу. Бел'á-не бақса, к'áцке
идуть, видятъ яблоко не есть. Темнота д'áлается, маленький

хіняр-ал ёнеса метово-тово; мшиор вўз вї ме чїлїгї
дочь и приходить ихъ около; они семь день этотъ лїсу вь
мангундеса; бусагунбагса. П'а хінярєн аїтахсабі ⁷⁾ ехгун
остаются; голодаютъ. Два дочерью согласившись говорятъ

кїцке хіняра: „Еке, цїшїбен; шї цїшї қафєн-небақо,
маленькїй дочери: „Иди, будемъ мочиться; кого моча будетъ пїягьса,
шетўх ўжен!“ Кїцке хінярєн ехне: „Бақанкї“. Бўр-
его сьїдемьте!“ Маленькїй дочерью говорятъ: „Пусть будетъ“. Начи-

гундеса цїшїбсїх ⁸⁾: кїцке хінярєн цїшїбахўн, цїшї қа-
наюгъ мочиться: маленькїй дочерью мочась, моча пї-
фєн-небақса; те п'а хінярєн цїшїбахун кул-гун баеха
нится; этотъ два дочерью мочась земля кладутъ,

(баїха), цїшї қафєн те-не бақ. Ехгун: „Гїрїг вах ўқа-
моча не пїягьса. Говорятъ: „Нужно, тебя чтобъ

жан“. Кїцке хінярєн ехне: гїрїг ўқанан, ама бар-
сїлї“. Маленькїй дочерью говорятъ: нужно, чтобъ ви сьїлї, но пу-

танан ⁹⁾, зу са кїцї тақа тақав, пўран еғаз. Хіняр
стїте, я одинъ маленькїй туда пусть поїду, оягьт прїду. Дочь

тацї, баїнеса чїлїгї. Са кїцї те тїнеса, бафнеста
помедши, входитъ лїс вь. Одинъ немного что идетъ, понадаеть

са қурра-бош. Тема тїнеса, бафнеста са куа. Ко-
одинъ пещеры внутрь. Столько идетъ, достигаеть одинъ дому. До-

цїн-бош хїб еқ вачнеї, еқурво беш-ал вїрїтўл ¹⁰⁾-ле,
ма внутрь три лошадей привязанный, лошадей впередъ тоже кишмишъ есть,

қаїсї ¹¹⁾-не. Метовохо гїрбї, бўїнебеса іч цєбурво, пўран
каси есть. Этихъ отъ собравъ, наполняетъ свой карманъ, оягьт

ёнеса іч гала. Ечерї цїнеха іч хунчўмуво-бмш.
идеть свой мїстг. Привнесши, расспааетъ свой сестерь передъ.

Шмтовогн бургундеса ўдсїх ¹²⁾. Кїцке хінярєн бар вї
Ихъ начинаютъ вумать. Маленькїй дочерью, каждый день

тацї, телїн ёнечеса. Ме еқурўх са цїчшагўн-не бақса.
помедши, оттуда приносятъ. Этотъ лошади одинъ цара
есть.

Са вї цїчшагўн мїгтїрєн ме хінярїх бїнедеса. „Гї-
Одинъ лєнь цара конюхъ этотъ дочь хватаеть. „Нуж-

рэг^а, ехне: „вах ташаз цачшагун-тобол“. Хинären но^а, говоритъ: „теба чтобъ я привезъ царя около“. Дочерью ехне: „Бези п'а хунчи без-бу“; тацѣ, те п'а хунчѣх-ал говоритъ: „Меня два сестра есть“; пошедши, этотъ два сестру и ёнечеса. 'Ошъ тагунса цачшагун-тобол. Миа кѣцке хипривезетъ. Потомъ идуть царя около. Тамъ маленькій донären б'утун айлах¹⁸⁾ наф'иллебса. Цачшаг-ал, миг'ла, кѣцке черью весь д'ло разсказиваетъ. Царь и, вотъ, 15 усен-не, хивар-ре чурса. Ме хиварах те атукса, ехне: л'тъ есть, дочь ищеть. Этотъ дочь что видитъ, говоритъ: „Ун ека ваба?“¹⁴⁾ Кала хинären ехне: „Зу са халча¹⁵⁾“-в „Ты что знаешь?“ Большой дочерью говоритъ: „Я одинъ коверъ сербо, ви қошін б'утун іч-лахо аррецо“¹⁶⁾. П'аумп'і хисд'лаа, твой войско весь онъ-на будетъ сид'тъ“. Второй донären ехне: „Зу са кохлин-бош хуц-зу бохо, б'утун¹⁷⁾ ви черью говоритъ: „Я одинъ айда внутрь пловъ сварю, весь твой қошінен унеко“. Кѣцке хинären ехне: „Зу п'а ажел-зу войскомъ будетъ йсть“. Маленькій дочерью говоритъ: „Я два ребенокъ ечо, са гар, са хивар; гарі бехо қиз'ил-ле бапринесу, одинъ сынъ, одинъ дочь; сына головы изъ золото будетъ ро, хиварі бехо г'ум'ш. Цачшаг'ен кѣцке хиварах падать, дочери головы изъ серебро. Царемъ маленькій дочь анеқи. Вуі хаш, вуі в'і таманбагахун банеқса са гар, вяль. 9 м'сяцевъ, 9 дней когда прошли, д'лается одинъ сынъ, са хивар. Гарі бехо қиз'ил-ле барса, хиварі бехо одинъ дочь. Сина головы изъ золото падаеть, дочери головы изъ г'ум'ш. Хунчимух¹⁸⁾ таңг'а-гун таді татмеръ, 'аилузо серебро. Сестри деньги дали повивальной баб'ѣ, ребята босәсқунді¹⁹⁾. Айлун гала л'агунхи хае-бала. Цачшаг арі, заставили бросить. Ребенка м'сту положили щенать. Царь, при- атуки ме айлах. Беинабурребі хиварах, ц'не: „Іса шедши, увид'лъ этотъ д'ло. Устидилъ дочь, сказавъ: „Сей- авакд²⁰⁾, зу ва ека-в бо. Ечері хиварах дарвазінахо- часъ узнаешь. я теб' что сд'лаа. Увезъ дочь палати изъ

тош, бошнелі қ'уотохо оға са қурра-бош, те б'у'т'унгін
внѣ, зарылъ срединъ отъ внизъ одинъ имъ внутрѣ, чтобъ всѣми
чуданці іч ч'обел.
плевали чтобъ свой лицо на.

Те аімах²¹⁾ те б'о'д'унсі са н'авна-бош ла-
Этотъ ребенка, который бросилъ, одинъ водопровода внутрѣ по-
м'анелі. Дејірманцінен²²⁾ хенах боті, аімах ч'инечеса, та-
палъ. Мельникомъ воду отрѣзалъ, д'ята вннмаесть, при-

нешеса іч куа. Дејірманцін чуб'у'фон бурреці ме аілобох
возитъ свой дому. Мельница женой начала этотъ д'тей
ефсан²³⁾. Аілух қала-қун бақи, бурқунці аілобохолан
держатъ. Д'ети большой д'блалсы, начали д'тьми съ

ач'іцсун²⁴⁾. Ме аілозон хабарқунаці: „Wан ші аілух-нан?“
играть. Этотъ д'тьми спросили: „Вы кого д'ти есьте?“

— „Јан дејірманці(н)“. Ц'қун: „Те, ефан²⁵⁾ дејірманцін
— „Мы мельника“. Сказали: „Н'ятъ, вы мельника

аілух те-нан, ефак б'о'д'а'д'унбе“. Ме ашлах те аілозон
д'ти не есьте, васъ нашла“. Этотъ д'бло что д'тьми
аб'а'д'оба'д'са, куахо т'ігері та'д'унса; та'д'унса са ч'алагі.
знають, дома нзъ б'б'гавши идуть; идуть одинъ д'съ въ.

Х'н'арен іч бехо барал г'ум'у'шах г'ірбі, та'нелі іч
Дочерью свой головы нзъ падающій серебро собравъ, даетъ свой
вічел, ц'не: „Таша ш'а'н'ар'а, са к'іці ш'ум ақа, еча!“
брату, сказала: „Возьми городъ въ, одинъ немного х'л'бъ купи, привнеси!“

Бар та'неса, ш'ум-не а'д'са, са левел-те а'д'са, малак'а-не
Снзъ идетъ, х'л'бъ покупаетъ, одинъ котель беретъ, ложка
а'д'са; һар аш а'д'і, ечері, куах б'у'інебеса. Са б'і
беретъ; всякія вещь взявъ, приносивъ, домъ наполняетъ. Одинъ день

а'івері, та'неса п'у'ран ш'ум а'д'сан; б'жне'д'са те м'іа
вставши, идетъ, опять х'л'бъ чтобъ купить; видитъ, что тамъ

е'қал арці зарм'у'х-не бу, і'ч'обо-ла'хо-ал јарах. Та'ңга
лошади на с'б'вши снмовья есть, ихъ на и оружіе. Деньги

та'д'і, ме е'қахо с'до²⁶⁾, јара'ба'хо-ал һар са
отдавши, этотъ лошади нзъ одинъ, оружія нзъ тоже каждый одинъ

ай іч-бахтін анедеса. Са бі-ал пұран шāһрā тaзaтaн
 вещь свой для беретъ. Одинъ день тоже оиятъ городу ида,
 лāинеці іч аqі еқал, чінегі шāһрā, бурреqі те
 сiмъ свой купивши лошади на, гонилъ городу, началъ этотъ
 бармордохолан еқ чігсах²⁷⁾; еқах чігахун вaрі коін бi-
 сновьями съ лошади гонять; лошади гонял, сына шапка на-
 неста. Ме гарі нана-хунчiмух²⁸⁾ мiа-қун бақса, тесаһат
 дасть. Этотъ сына теткi тамъ суй, сейчасъ
 чалқунхеса²⁹⁾ ме варах; тiгерi, тақунса татмерун-тoбoл,
 узнають этотъ сына; бiгавши, идутъ повив. бабкi около,
 ме айлах бұтұн нағыл-қун беса шетұ. Татмерен ехне:
 этотъ дiло весь рассказываютъ ему. Пов. бабкой говорить:
 „Шел, за абāза ека-з бо“. Тац, јақна-бош арцi,
 „Хоромiй, мiя знаю, что я сдiлаю“. Пошедши, дороги внутрi сидiвши,
 бiневса ме вара. Бар арi, қалiн чебақахун, татмерен
 смотритъ этотъ сину. Смиъ пришедши, оттуда прохода, пов. бабкой
 бiненеха те: „А! без вaр, зу қоца чубух³⁰⁾-зу, зах-ал
 плачетъ, что: „Ахъ! мой смиъ, я старшiй женщина есть, меня тоже
 таша еф куа!“ Бар(ен) ланехса мету(х) еқа, танешеса
 возьми вашъ дому!“ Синомъ кладеть его лошади, везеть
 ічqо куа. Хунчен іразi те-не бақса, ехне: „Екалуғ-ну
 своихъ дому. Сестроу доволенъ не есть, говорить: „Зачiмъ ти
 ечере ме чубоух?“ Чубон бурреqі бiнецсах. Барен цi-
 привезъ этотъ женщину?“ Женщиной началъ плакать. Синомъ ска-
 не: „Ека-з бо, аi хунчi! қоца чубух-не, барта, мiан-
 залъ: „Что я сдiлаю, сестра! старшiй женщина есть, пускай, чтобъ
 қандi!“ Са бі ме чубон цiне хiнāра: „Ете те-н
 остался!“ Одинъ день этотъ женщиной сказалъ дочери: „Зачiмъ не
 вi вiче бахтiн чубух ечша? ун сацса-ну“. Хiнāрен цi-
 твои брата для жена привеземъ? ти одинъ еси“. Дочерью го-
 не: „Без вiчен³¹⁾ чубух тетубурса“. — „Аған тетубурса,
 воритъ: „Мой братомъ жена не хочеть“. — „Если не хочеть,
 уца вi вiчех, тацi, еқанчери те салбiн ходiх.
 слажи твой брата, пошедши, пусть принесеть этотъ салбiн дерево.

Те ходен вахолан алтеко". Вічі евахт(те) біас(ун)
 Этотъ деревожь тобой съ будетъ говорить". Братъ когда вечероць
 арне куа, хунчен ціне: „Вічі ³²⁾, таде, (са) сѣлбін ход-
 пришелъ дому, сестрой сказала: „Братъ, иди, сѣлби дере-
 де бу; те ходѣх зець еча!“ Вічен ціне: „Без цін ³³⁾
 во есть; этотъ дерево мнѣ принеси!“ Братожь сказалъ: „Мой глазь
 лахо! таці, шетѣх ечшо!“ Тѣнеці зар шѣһарѣ, хабар-ре
 на! пошедши, его принесу!“ Пошелъ снѣзь городу, извѣстіе
 ақи са қоца ішехо сѣлбін ходін галах. Қоца ішен
 влялъ одинъ старшій мужчини отъ сѣлби дерево жѣсто. Старшій мужчиной
 ціне: „Бѣла, сѣлбін ходін јақ гѣлѣ ціс-не; гѣлѣ
 сказалъ: „Мальчикъ, сѣлби дерева дорога очень плохой есть; много
 довѣрух-не бу. Јаде бел са дов-не бу, вѣз була;
 дѣви есть. Дороги головѣ на дѣвь есть, семи головшій;
 шета қехѣ адамар те-не чіхаркеса“. Бѣрен ціне: „Ѣка
 его руки изъ человекъ не выходитъ“. Снѣномъ сказалъ: „Что
 бақайн, зу тағалзу“. Шѣһарѣхо чері, тѣнеці. Таці, ба-
 было бы, я пойду“. Города изъ вышедши, пошелъ. Пошедши, до-
 непі, бѣнегі те те вѣз була(та) ³⁴⁾ тѣрел са цац-не
 стигъ, увидѣлъ что этотъ семи головшій ногу въ одинъ колючка
 бафте, чічал те-не бу. Бапі саһатта, віче ціне
 поналъ, внимающій не есть. Достигши сейчасъ, брату сказала
 довѣн: „Аман, без тѣрехо чіча ме цацнѣх!“ Бѣрен чіне-
 довомъ: „Прошу, мой ноги изъ вниъ этотъ колючку!“ Снѣномъ вы-
 чері, довѣн ціне: „Ѣ шеллуж бѣвақса баз,
 нуль, довомъ сказала: „Что за доброта хочешь чтобы я сдѣлалъ,
 ұца!“ — „Зу сѣлбін ходѣх забуқса“, ціне бѣрен. „Ѣх“,
 сважи!“ — „Я сѣлби дерево хочу“, сказалъ снѣномъ. „Ахъ“,
 ціне довѣн, „те јақал гѣлѣ дов-не бу, шетоғѣ қехѣ
 сказалъ довомъ, „этотъ дорогѣ на много дѣвь есть, ихъ руки изъ
 ун чмхаркал ³⁵⁾ те-н“. Ошѣа довѣн са нішан-не тѣста
 ты выходящій не еси“. Потомъ довомъ одинъ значокъ даетъ
 бѣра, ехне: „Таде, ма дов бақайн, ме нішанах авѣста,
 снѣву, говоритъ: „Иди, гдѣ дѣвь былъ бы, этотъ значокъ покажи,

тѣвахт сѣлбѣн ходах-ал те анці, кош ма бѣва, дѣс
тогда сѣлбѣн дерево тоже что ты взялъ, назадъ не смотри, прямо
еде“. Бар танеці, дѣвурѣо акѣснѣді³⁶⁾ те нѣшана(х), ба-
нда“. Снѣзъ пошегъ, дѣвамъ показалъ этотъ знакъ, до-

неці сѣлбѣн хода(х). Ходах чунеці, баінеці јаѣа. Коцлугѣн
стигъ сѣлбѣн дерево. Дерево вѣрвалъ, вошегъ дорогѣ. Трудностью съ
арі, банеці іч гала, сѣлбѣн ходах танеці іч хунче.
пришедши, достигъ свой мѣсту, сѣлбѣн дерево далъ своей сестрѣ.

Са ема бѣнахо ѳшѣ, бар танеса пѣран шѣнѣрѣ. Іч
Нѣскольکو дня нѣзъ послѣ, снѣзъ идетъ опять городу. Своей
нанахунчѣмух пѣран тѣдунса татмерун-тѣвѣл. Татмер
теткѣ опять идутъ повнѣ бабкѣ около. Повнѣ бабкѣ

пурѣн бѣрреѣса ме хѣнѣрѣах аш-зомбѣсан³⁷⁾. Цѣне хѣнѣрѣа:
опять начинается этотъ дѣло учить. Сказалъ дочернѣ:

„Ете те-н вѣ вѣчѣ-бахтѣн Шахсѣнамах чубух ечша?“
„Какъ не ты твой брата для Шахсанаму жена приводишь?“

Хѣнѣрен ехне іч вѣчѣх. Вѣці пурѣн јаѣа баіці танеса.
Дочерью говорятъ свой брата. Братъ опять дорогѣ вошедши идетъ.

Те дѣвен пурѣн ѣдмнебеса ме варах, ехне: „Танѣво
Этотъ дѣвомъ опять учить этотъ сна, говорятъ: „Пойдемъ

Шахсѣнамѣ коцін-тѣвѣл, каллуѣо: „Шахсѣнам, са³⁸⁾ бѣва
Шахсанамѣ дома около, позвошегъ: „Шахсанамѣ, однѣчъ смотри
без-лахо!“ Шахсѣнам вах бѣвѣ³⁹⁾, уѣалле: „Мѣно ѣ⁴⁰⁾
меня на!“ Шахсанамѣ, тебѣ увидѣшь, скажетъ: „Этотъ что ва

шел бар-а?“ арі, вах аѣі, ташалле іч-тѣвѣл“. Бар
красивый снѣзъ?“ пришедши, тебѣ взявъ, поведетъ себя около“. Снѣзъ

танеці, Шахсѣнамѣ куа балахун, дѣвен уѣало-бѣна каллеці:
пошегъ, Шахсанамѣ дому достигая, дѣвомъ сказалъ какъ позвошегъ:

„Шахсѣнам, бѣва без-лахо!“ Шахсѣнам(ен) бѣвѣ са-
„Шахсанамѣ, смотри меня на!“ Шахсанамѣ посмотрѣвши себѣ

натта, ѣнеса барѣ-тѣвѣл, танешша шѣтух іч-тѣвѣл. ѳшѣ
часъ, приходитъ сна около, ведетъ его свой около. Потомуъ

варахол са гала гѣрѣдунбеса бѣтѣн шѣѣрѣвѣх; ѣдунса барѣ
снѣвомъ съ одно мѣсту собирають весь вещи; идутъ сна

куа. Хінар(ен) бѣнеса, те гѣлѣ шават чубух-не. Вуѣ
дому. Дочерью видитъ, что много красивый женщина есть. 7

ѣі, вуѣ шу ⁴¹⁾ лашкѣ-гун беса. Бар пуран танеса са
день, 7 ночь свадьбу дѣлають. Сынъ оцать идеть одинъ

ѣі шаһарѣ. Хінарун нана-хунчѣмух ⁴²⁾ пуран арокса гарах.
день городу. Дочери тетая оцать видать сына.

Тацѣ, ехгун татмера. Татмер танеса цачшагина ⁴³⁾-тѣ-
Помедши, говорятъ пов. бабкѣ. Пов. бабка идеть царя око-

ѣл, ехне: „Цачшах, мѣ са гала са хінар-ре бу,
ло, говоритъ: „Царь, тамъ одинъ мѣсту одинъ дочь есть,
са шават нутакецѣ хінар, таѣе, шетух еча веѣъ“.
одинъ красивый не видѣвши дочь, иди, его привези тебѣ“.

Цачшаген кошн-не јацабса, те хінармовох ечѣсне-
Царемъ войско посмлаеть, этотъ дочерей заставляеть при-

деса. Бар-ал хінармоѣдохолан енеса. Ме бар Шахзада-
вести. Сынъ тоже дочерьями съ приходить. Этотъ сынъ Шахзада

неі, іч хунчѣ цѣ Шахвалад, іч чубуѣ цѣ Шахсанам.
былъ, свой сестры имя Шахваладъ, свой жены имя Шахсанам.

Шахзада арі цачшагун дѣрвѣзінѣ банахун, бмѣсане
Шахзада пришедши, царя дворцу достигал, видить

те дѣрвѣзін-беш са бошти ⁴⁴⁾ чубух-не бу. Бапі са-
что дворца передъ одинъ зарптый женщина есть. Достигши сей-

натта, еѣахо цѣрине, ме чубѣо бѣх ⁴⁵⁾ мунечі. Ме
часъ, лошади съ прыгнулъ, этотъ женщины руку поцѣловалъ. Этотъ

сѣс тацѣ, цачшага банепі. Цачшаген аѣѣѣн-не баѣі.
шумъ помедши, царю достигъ. Царемъ разерднлса.

Цачшаген зарі-бахтін чѣмѣ-бмш кур-ре ѣачпестеі, іч-
Царемъ сына для дверь передъ яму заставилъ вырять, свой

лахо са халѣча-не саѣе(і) те бар іч-бош бафтѣ, біане.
на одинъ коверъ бросилъ, что сынъ свой въ понавши, пусть умретъ.

Ама бар(ен) ме ашлах абѣтуі ⁴⁶⁾, чѣмѣ банахун, цуцѣ,
Но сыномъ этотъ дѣло зналъ, дверь достигал, прыгнулъ,

баінецѣ куа. Барен цѣне цачшага: „Цачшаг, банѣѣо те
вошелъ дому. Сыномъ сказалъ царю: „Царь, будетъ что

адамарахо хѧ баѧане?“ Цѧчшабен цѧне: „ѧанѧ тѧ-не
 человекѧ отъ собака было бн?“ Цѧремъ сказаль: „Это не
 баѧо“. Барен цѧне: „ѧанѧ те тѧ-не баѧо, цесун-не ⁴⁷⁾,
 будетъ“. Снвомъ сказаль: „Этотъ если не будетъ, сказать—естъ,
 зу ві бар-зу“. Аш каінеці. Цѧчшаб(ен) гѧло муѧ-не
 я твой снвъ есмъ“. Дѧло огкрылось. Цѧремъ очень радостный
 баѧ; тесаѧат те барен нанах ѧуррухо чѧчеснеді ⁴⁸⁾,
 сдѧлался; сейчасъ этотъ снвомъ мать ями изъ заставилъ вннутъ,
 оцкалѧеснеді ⁴⁸⁾, лаѧеснеді ⁴⁸⁾ шел ѧарѧалѧох. ‘Ошѧ калѧѧ
 заставилъ итѧ, заставилъ надѧтъ хорошіѧ платьѧ. Потомъ повзаль
 пѧ хунѧимѧох, банеді ⁴⁹⁾ татмерѧох(я) са гала ѧаліна,
 два сестеръ, сузулъ повнѧ. бабкой съ одинъ мѧсто въ тюрьму,
 тесаѧат Шахсанамѧх-ал Шахваладѧх-ал еѧеснеді.
 сейчасъ Шахсанаму тоже Шахваладъ тоже привзаль.

Шахсанамѧх-ѧан іѧ варѧх вѧѧ ві, вѧѧ шу лѧшко-не
 Шахсанамѧ и свой снна 7 дель, 7 ноѧь свадѧбу
 бі. ‘Ошѧ еѧеснеді гѧло еѧурвух, те цѧ хунѧѧх са-
 сдѧлаль. Потомъ привзаль много лошадей, этотъ два сестру одинъ
 ал татмерах вѧчнеці еѧурѧо оцѧлахо, цѧгеснеді, шетѧѧох
 и повнѧ. бабку привзаль лошадей хвоста отъ, погналь, икъ
 беснебі.
 убилъ.

У одного бѧдняка было трое дочерей. Не было у него хлѧба,
 чтобы кормить ихъ. Онъ ушелъ и откуда-то принесъ три яблока,
 которыѧ онъ и отдалъ своимъ дочерямъ. Двѧ старшіѧ сказали:
 «Отецъ, откуда эти яблоки?»—«Изъ лѧсу».—«Отецъ поведи насъ
 тоже въ этотъ лѧсъ».—«Хорошо», сказаль отецъ, который задумаль
 погубить своихъ дочерей. Когда старшіѧ дочери шли въ мѧсъ, млад-
 шая сестра попросила ихъ взять ее съ собою. Отецъ не согласился
 на это, но когда старшіѧ отправились, то младшая пошла тоже за
 ними. Когда онѧ достигли лѧса, отецъ сказаль: «Идите въ лѧсъ,
 сорвите яблоки, а я приду потомъ», и пошелъ обратно домой. Шли
 дѧвушкѧ, шли, но не видали никакихъ яблокъ. Когда настала ноѧь,
 младшая догнала ихъ. Семь дней оставались онѧ въ лѧсу и голо-
 дали. Тогда старшіѧ сестры, условившись между собою, сказали

младшей: «Иди, будем мочиться: ту изъ насъ, моча которой будетъ пѣниться, мы съѣдимъ». Младшая сказала: «Хорошо!» Стали онѣ мочиться: моча младшей пѣнилась, старшія же сестры засыпали землей свою мочу, чтобы она не пѣнилась. «Тебя мы должны съѣсть», сказали онѣ. «Да», отвѣтила младшая: «но погодите, я пойду немного туда и сейчасъ вернусь». Она ушла въ лѣсъ. Тамъ она попала въ пещеру. Идя по этой пещерѣ, она дошла до дома. Въ этомъ домѣ стояли три лошади, передъ которыми лежали кишмишъ и сушеная курага. Дѣвушка наполнила свои карманы тѣмъ и другимъ и вернулась къ своимъ сестрамъ. Всѣ три принялись ѣсть. Каждый день младшая сестра ходила въ этотъ домъ и приносила фрукты. Эти лошади принадлежали какому-то царю. Однажды конюхъ поймалъ дѣвушку и сказалъ ей: «Я долженъ отвести тебя къ царю». — «У меня есть двѣ сестры», отвѣтила она. Она ушла и привела ихъ. Тогда всѣ пошли къ царю, которому младшая сестра рассказала все. Царь былъ пятнадцатилѣтній юноша и искалъ себѣ невѣсту. Когда онъ увидѣлъ старшую сестру, то спросилъ ее: «Что ты умѣешь дѣлать?» Старшая сказала: «Я сдѣлаю тебѣ такой коверъ, что все твое войско помѣстится на немъ». Средняя сказала: «Я въ скорлупѣ яйца сварю тебѣ пловь на все твое войско». Младшая сказала: «Я рожу двухъ дѣтей, мальчика и дѣвушку. Изъ головы мальчика будетъ сыпаться золото, изъ головы дѣвочки—серебро». Царь женился на младшей. Девять мѣсяцевъ и девять дней спустя, родились мальчикъ и дѣвочка: изъ головы мальчика сыпалось золото, изъ головы дѣвочки—серебро. Но сестры подкупили повивальную бабку, чтобы она выбросила дѣтей и замѣнила бы ихъ щенятами. Когда царь пришелъ и увидѣлъ щенятъ, то пристыдилъ свою жену и сказалъ ей: «Ты сейчасъ увидишь, что я сдѣлаю». Онъ велѣлъ вывести ее изъ дворца и врыть до пояса въ землю, чтобы всякій проходящій плевалъ ей въ лицо.

Дѣтей бросили въ водопроводъ. Мельникъ увидѣлъ ихъ, отвелъ воду и, вынувъ ихъ, понесъ къ себѣ. Его жена вскормила ихъ и воспитала. Дѣти подросли и стали уже играть съ другими; однажды они спросили ихъ: «Чьи вы дѣти?» — «Мы дѣти мельника». — «Неправда, васъ нашли». Когда дѣти узнали правду, то убѣжали изъ дому и пошли въ лѣсъ. Дѣвочка взяла серебро изъ своей головы, отдала брату и сказала: «Ступай въ городъ и купи хлѣба». Мальчикъ пошелъ и купилъ хлѣба, котель, ложки. Когда

онъ возвратился въ лѣсъ, то *обою* расположили эти вещи въ своемъ домѣ. Однажды мальчикъ опять собрался въ городъ. По дорогѣ онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ юношей верхами. Онъ у нихъ купилъ лошадь и оружіе. Въ другой разъ, когда онъ отправился въ городъ, то опять встрѣтилъ этихъ молодыхъ людей, и они стали джигитовать, причемъ онъ потерялъ свою шапку. Тетки его тоже были тамъ и сейчасъ узнали своего племянника. Онъ отправился опять къ повивальной бабкѣ и рассказала ей все. Та сказала: «хорошо, я знаю, что дѣлать». Она пошла и сѣла на дорогѣ, гдѣ долженъ былъ прѣзжать молодой человекъ. Когда послѣдній подѣхалъ къ ней, то она заплакала и сказала: «Сынъ мой, я старуха; возьми меня съ собою домой». Юноша посадилъ ее на лошадь и привезъ къ себѣ. Сестра его осталась недовольна этимъ. «Зачѣмъ ты привезъ эту женщину», сказала она. Старуха заплакала. Братъ сказалъ ей: «Что дѣлать сестрица, она стара: пусть останется у насъ». Однажды старуха спросила дѣвушку: «Почему же ты не ищешь невесты твоему брату: ты одна». Дѣвушка отвѣтила: «мой братъ не хочетъ жениться». — «Если онъ этого не хочетъ, скажи ему, чтобы онъ принесъ тебѣ дерево салбъ, которое съ тобой будетъ говорить». Когда юноша вечеромъ пришелъ домой, сестра сказала ему: «Братецъ, поиди, принеси мнѣ дерево салбъ». Юноша отправился въ городъ и спросилъ тамъ у одного старика, гдѣ находится это дерево. «Сынъ мой», сказалъ старикъ: «дорога къ этому дереву очень опасна. Тамъ множество дѣвовъ. Въ началѣ этой дороги находится семи-головый дѣвъ: никто не можетъ уйти отъ него. Юноша сказалъ: «какъ бы тамъ ни было, а я пойду». И, дѣйствительно, онъ пошелъ къ семи-головому дѣву; тамъ онъ увидѣлъ, что въ ногу этого дѣва попалъ колючка и что онъ не могъ вытащить ея. Дѣвъ спросилъ юношу вытащить эту колючку, что юноша и сдѣлалъ. «Скажи, что я могу сдѣлать для тебя», спросилъ дѣвъ. «Я хочу достать дерево салбъ», сказалъ юноша. «Ахъ! на этой дорогѣ есть много дѣвовъ, ты не увидишь отъ нихъ». Дѣвъ далъ ему значокъ и сказалъ: «Этотъ значокъ ты показывай каждому изъ дѣвовъ и, когда возьмешь дерево, не оглядывайся, иди прямо». Молодой человекъ ушелъ. Показывая свой значокъ дѣвамъ, онъ добылъ дерево и пошелъ обратно. Съ трудомъ онъ достигъ своего дома и отдалъ дерево сестрѣ. Нѣсколько дней спустя, онъ снова отправился въ городъ. Тамъ тетки сейчасъ же увидѣли его и пошли къ повивальной бабкѣ, которая опять

пристала къ дѣвушкамъ: «Почему же ты не женишь своего брата на Шахсанамъ». Сестра поговорила объ этомъ съ братомъ, который тотчасъ же отправился въ путь. Дѣвъ научилъ его, какъ поступить: «Когда ты будешь передъ домомъ Шахсанамъ, то закричи: «Шахсанамъ, посмотри-ка на меня». Когда она увидитъ тебя, то скажетъ: «Ахъ, какой красивый юноша» и поведетъ тебя къ себѣ». Юноша ушелъ, и когда подошелъ къ дому Шахсанамъ, то закричалъ, какъ научилъ его дѣвъ: «Шахсанамъ, посмотри-ка на меня». Шахсанамъ дѣйствительно посмотрѣла на него, подошла къ нему и повела его въ свой домъ, гдѣ собрала всѣ свои вещи и пошла съ юношей. Сестра послѣдняго увидѣла, что невѣста очень красива. Семь дней и семь ночей продолжалась свадьба. Опять собрался юноша въ городъ, и когда тетки увидѣли его, то, какъ и раньше, пошли къ повивальной бабкѣ и рассказали ей все. Тогда бабка пошла къ царю и сказала: «Царь, я знаю мѣсто, гдѣ есть прекрасная женщина; возьми ее себѣ». Царь послалъ свое войско и привели къ нему обѣихъ женщинъ; юноша тоже былъ съ ними. Юноша этотъ былъ Шахзаде, сестра его называлась Шахваладъ, а жена Шахсанамъ. Когда они дошли до дворца, Шахзаде замѣтилъ передъ дворцомъ зарытую женщину; онъ слѣзъ съ лошади, подошелъ къ ней и поцѣловалъ ей руку. Царь, узнавши объ этомъ, разсердился и приказалъ вырыть яму передъ дворцомъ и покрыть ее ковромъ, чтобы юноша попалъ въ нее и погибъ; но Шахзаде зналъ, въ чемъ дѣло, и когда онъ достигъ двора, то перепрыгнулъ черезъ яму. Потомъ онъ пошелъ къ царю и сказалъ ему: «Царь, возможно ли, чтобы женщина родила собаку». — «Нѣтъ», отвѣтилъ царь. — «Если это такъ, то я твой сынъ». Такимъ образомъ все разъяснилось. Царь очень обрадовался; онъ немедленно приказалъ вытащить свою жену изъ ямы, выкупать и одѣть ее. Потомъ позвалъ обѣихъ его сестеръ и посадилъ ихъ вмѣстѣ съ повивальной бабкой въ тюрьму. *Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ позвалъ Шахсанамъ и Шахваладъ и устроилъ ихъ свадьбу.* Семь дней и семь ночей длилась свадьба. Повивальную же бабку и двухъ сестеръ жены своей онъ велѣлъ привязать къ хвосту лошади, которая растерзала ихъ.

1) Са қасібуи (см. стр. 79, № 29).—2) Ейша га вм. ейнаі; і окончаніе родительн. падежа (аі, еі, оі) часто опускается, особенно въ родительномъ опредѣлительномъ.—

3) Чалăгі въ лѣсу. Я вижу въ этой формѣ сокращеніе падежа на іх (см. стр. 21, № 11).—4) Укеста (см. стр. 20, № 10).—5) Ачесбанеі отъ ачесбесун; ачесун исчезать.—6) Табатан (см. стр. 74, № 25).—7) Аіѳахсабі согласиться отъ аіѳ слово, са одинъ, бесун дѣлать.—8) Цііібсах. Согом. предпочитаетъ въ этомъ и во многихъ другихъ случаяхъ полную форму на сунах, слѣдовательно цііібесунах.—9) Барѳанан (см. стр. 78, глаг. барѳесун).—10) Барітул, Согом. қарітул отъ тул виноградъ, қарі сухой.—11) Қаісі сушеная курага (дикій абрикось).—12) Уқсах, Согом. уқсунах.—13) Айлах отъ ай (см. стр. 23, выноску **).—14) Ека ваба (см. стр. 78, глаг. абабақсун).—15) Халча=халіча, халіча.—16) Аррецо отъ арцесун (см. стр. 78, тотъ же самый глаг).—17) Бутун ві—унеқо; Согом. предпочитаетъ: ві бутун қошінен унеқо. Такъ какъ первая постановка словъ неясна, можно было бы понять: твое войско будетъ все ѣсть.—18) Хунчімух ѳаңға қун...; Согом. хунчімофон.—19) Босесқунді отъ бостун бросать; основн. неопред. накл. босес-десун (см. стр. 41, № 4. Употр. конечн. неопр. накл.).—20) Авако вм. абабақо сокрац. форма.—21) Аілах отъ ајел; лучше аілобох.—22) Дејірманці; Согом. дејірманчі.—23) Ефсан, Согом. ефсах.—24) Ачіцсун, Согом. ачіцсах.—25) Ефан—эта форма употребляется вм. wаn только въ нижней части селенія Варташенъ (Согом.). Эта нижняя часть называется діблър (отъ татар. слова діб нижняя часть).—26) Соо отъ са одинъ; соо одинъ (если стоитъ отдѣльно) происходитъ, вѣроятно, отъ сао, какъ и п'оо отъ п'а-о и т. д. (см. стр. 11, § 5, В, 1.—27) Чігсах произн. чіксах.—28) Бувв. мать-сестры.—29) Чалқунхеса лучше (Согом.): чалқохеса.—30) Қоца чубух, Согом. қарвано.—31) Без вічен чубух и т. д.; правило требуетъ: без віче (см. стр. 80, № 30). Но кажется, что языкъ вообще предпочитаетъ ставить настоящее подлежащее такихъ глаголовъ въ твор-

тельномъ падежѣ, по крайней мѣрѣ, если подлежащее—имя существительное. Мѣстоименія чаще употребляются въ дательномъ падежѣ, а инфиксы (за, ва и т. д.), за очень рѣдкими исключеніями, всегда (см. выше: чалдунхеса).—32) Вічі: обратите вниманіе на удареніе звательнаго падежа (ср. баба, хунчі).—33) Без цін лахо=непремѣнно, съ удовольствіемъ (см. стр. 28, парадигм.).—34) Булла отъ бул голова (см. стр. 12, № 4); съ суффиксомъ о: буллао, которое спрягается, какъ всѣ слова па о (см. стр. 28, № 13а).—35) Чихарвал вм. чіхарвал.—36) Акеснеді отъ акесун видѣть; акес-тесун (=акес-десун показывать).—37) Аї-зомбесан, Согом. аї-зомбесах.—38) Одинъ=разъ.—39) См. стр. 70, 2.—40) См. стр. 33, выноски *).—41) Согом. біас.—42) Согом. нана-хунчіморон.—43) Согом. цачшаун.—44) Изъ этого слова ясно видно, что причастіе прош. времени имѣетъ и значеніе причастія страдательнаго залога.—45) См. стр. 28, парадигм.—46) См. стр. 78, глаг. абабадсун.—47) =значить.—48) См. стр. 42. Прим. 1.—49) Отъ бастун=ба-десун.
